

Том 2

создание

Государственное
и общественное
служение

честь

Патриотизм

Вера и
благочестие

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ

МОСКВА
2022

защита
исторической
памяти

преемственность
в традициях

Жизнь не для победителя, а для Бога

Министерство культуры Российской Федерации

**Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва**

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ

Коллективная монография

Том 2

Москва
2022

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
Ж67

Рецензенты:

А. В. Огороков, доктор исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;
С. Ю. Житенёв, кандидат культурологии, советник директора
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Научный редактор и составитель: Д. Я. Романова

*Издается по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Живое наследие памяти : коллективная монография. Т. 2
Ж67 [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. и сост. Д. Я. Романова — М. :
Институт Наследия, 2022. — 602 с. — DOI 10.34685/НИ.2022.69.58.009. —
ISBN 978-5-86443-367-6.

В книге представлены исследовательские работы участников просветительского проекта «Живое наследие памяти», посвященного историко-культурному наследию семей и родов. Издание приурочено к объявленному Президентом России В.В. Путиным в 2022 г. Году нематериального культурного наследия.

В статьях анализируется и интерпретируется недооцененный культурный массив, связанный с ценностями, личными образами и объектами нематериального и материального культурного наследия представителей разных сословий исторической России, память о которых хранится потомками замечательных династий и нашими современниками, дорожащими историей своих предков.

Книга адресована специалистам-гуманитариям, широкому кругу читателей, интересующихся проблемами истории России и генеалогии, вопросами семейного и родового наследия, воспитания и образования.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-86443-367-6

© Коллектив авторов, 2022
© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2022

Содержание

<i>Романова Д. Я.</i>	
Введение	5
<i>Абрикосов Д. П.</i>	
Объекты культурного наследия: династия Абрикосовых	8
<i>Александрова Н. В.</i>	
Род Лопухиных	91
<i>Алявдин В. И.</i>	
Усадьба Ушакова Курской губернии	127
<i>Андреева-Пригорина Е. Н.</i>	
Бумажный айсберг. Глава I. Друзья	143
<i>Баклашова (Малютина) Э. Э.</i>	
Русское купечество. Служение России (Кинопримеры из истории русского купечества)	155
<i>Бибиков В. В., Зайцев Г. А.</i>	
Тайна рождения блаженной Матроны Московской	158
<i>Вейде-Вялова Е. Б.</i>	
Мои деды — участники Первой мировой войны 1914–1918 годов, их судьбы и их потомки	173
<i>Доможирова Е. Л.</i>	
Памяти павших будьте достойны	190
<i>Евдокимов А. Ю.</i>	
Ничто не проходит	199
<i>Ждан Д. Б.</i>	
Моя семья на службе российского просвещения	234
<i>Зыбин В. В.</i>	
Николай Тимофеевич Каштанов (1874–1950) — предприниматель, общественный деятель и благотворитель: восстановление имени и наследия	251

<i>Коноплев В. А.</i>	
Вологодская купеческая семья Кульковых в XVIII в. по материалам Государственного архива Вологодской области	272
<i>Коншин А. Д.</i>	
Предисловие к «Воспоминаниям» Татьяны Михайловны Некрасовой	297
<i>Макаров А. И.</i>	
ГРУШЕЦКИЕ (постановка вопроса о происхождении различных родов Грушецких и опыт родословной росписи могилевских Грушецких) ...	344
<i>Никитина О. А.</i>	
Кашинские купцы брата Богдашова и их род	419
<i>Овчинников А. А.</i>	
Пять поколений Овчинниковых	435
<i>Олферьев А. М.</i>	
Живое наследие памяти. История России на примере семьи Олферьевых и их близких	478
<i>Пластова Т. Ю.</i>	
Пластовы — семья художников	521
<i>Ревякин В. Н.</i>	
Купечество в г. Александрове	543
<i>Хламов С. Ю.</i>	
Симские Голицыны. Опыт исторической ретроспективы	554
<i>Чавчавадзе Э. М.</i>	
Краткий генеалогический и биографический очерк о Чавчавадзе	576
<i>Шаринов А. М.</i>	
Купеческий след в судьбе философа	587
<i>Сведения об авторах</i>	600

Введение

*Светлой памяти моего горячо любимого папы
Якова Яковлевича Матвеевко,
человека широкой души и золотого сердца*

Данная книга, являющаяся продолжением многолетней научной и просветительской работы, направленной на популяризацию образов представителей всех сословий исторической России как значимого направления культурной, семейной и молодежной политики, приурочена к объявленному в России Году нематериального культурного наследия.

В последние годы большую значимость получило изучение нематериального культурного наследия, обращение к которому является необходимым для сохранения, наследования и актуализации социально значимых ценностей в социокультурном пространстве, образовательном и воспитательном процессе, в частности при подготовке будущих специалистов — культурологов, историков и педагогов. Значимость наследия была отмечена экспертами на заседании Совета по межнациональным отношениям, а Президентом России В. В. Путиным 2022 год был объявлен Годом народного искусства и нематериального культурного наследия.

Особенно важным представляется обращение к теме сохранения и актуализации нематериального и материального культурного наследия семей и родов, соответствующей следующим задачам государственной культурной политики России в области культурного наследия народов Российской Федерации:

«Утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития.

Создание общероссийской системы сохранения нематериального культурного наследия.

Сохранение этнических культурных традиций и поддержка основанного на них народного творчества, сохранение этнокультурного разнообразия как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей этнонациональной идентичности.

Систематизация, расширение и развитие существующего опыта использования объектов культурного наследия, предметов музейного и архивного фондов, научного и информационного потенциала российских музеев и музеев-заповедников в образовательном процессе.

Повышение роли объектов культурного наследия, сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов; создание условий для развития культурно-познавательного туризма.

Поддержка и развитие инициатив граждан по участию в этнографических, краеведческих и археологических экспедициях, в работе по выявлению, изучению и сохранению объектов культурного наследия»¹.

Одним из важных посылов изучения семейной истории является объективный взгляд на мотивацию поступков наших предков и, самое главное, извлечение уроков, а также передача опыта с учетом современных реалий. Аксиологический подход к семейному наследию позволяет критически осмыслять его разные аспекты, избирательно относиться к вопросу актуализации (опираться на позитивный опыт и осуществлять поиск нравственных доминант). В связи с этим важно обратиться к традициям преемственного служения Отечеству, в том числе в сфере культуры и искусства. Проект «Живое наследие памяти» посвящен историко-культурному наследию представителей всех сословий исторической России, их семей и родов, в том числе творческих, художественных династий. Рассмотрение семейного наследия как неотъемлемой части нематериального культурного наследия, а также популяризация объектов отечественного материального и нематериального культурного наследия — значимые направления в процессе реализации государственной культурной политики.

В научном издании «Живое наследие памяти»² представлены работы участников одноименного просветительского проекта — потомков замечательных родов, генеалогов, сотрудников музеев, архивов и библиотек, историков, искусствоведов, культурологов, филологов, краеведов, преподавателей, общественных деятелей. В научный оборот вводятся документы семейных и государственных архивов, воспоминания, а также материалы, подготовленные для освещения в книге темы объектов материального культурного наследия в контексте семейной истории. На конкретных примерах читатель увидит взаимосвязь нематериального и материального наследия.

¹ «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808.

² Первый том книги опубликован в 2020 г.

Отдельно хотелось бы отметить статью безвременно ушедшего из жизни Александра Юрьевича Евдокимова — профессора, доктора технических наук, кандидата культурологии, талантливого ученого, представителя старинного дворянского рода Жуковых Черниговской губернии, моего учителя и друга, повествующую о его родственных связях. Продолжая семейную традицию, Александр Юрьевич посвятил часть своей жизни преподавательской деятельности.

Труды авторов, посвященные культурной памяти о предках, имеют высокую значимость для изучения истории нашего Отечества, их ценностного мира и нравственного выбора. Этические принципы наиболее ярко проявлялись в условиях глобальных цивилизационных конфликтов и переломных событий в их жизни. Объединяя разные поколения, эти ценности и принципы являются нематериальным культурным наследием, отображенным в созидательной деятельности. Для сохранения исторической и культурной памяти необходима актуализация духовно-нравственных достижений предков, своей жизнью доказавших преемственность служения.

Хотелось бы выразить глубокую признательность авторам, призвавшим свои статьи, всем тем, кто оказывал помощь в реализации просветительского проекта «Живое наследие памяти» своими выступлениями, материалами из семейных и музейных архивов, принимал участие в проводимых Институтом Наследия мероприятиях проекта.

Д. Я. Романова

Объекты культурного наследия: династия Абрикосовых

Без дома — человек не может не просто жить на Земле, но и создать семью, воспитать своих детей, потомков истинными патриотами своего Отечества, ибо как сказал поэт:

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века.
По воле Бога самого.
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Рассматривая с этих позиций объекты культурного наследия в контексте семейной истории Абрикосовых сегодня, мы должны понять, что именно собственный дом, «родные стены» помогают своим владельцам не просто быть самими собой, но и передать все лучшее своим потомкам, состояться в качестве духовно богатых индивидуумов, осуществить свое предназначение.

Как в народе говорят: «Дома и солома едома!» — часто можно было услышать из уст тех многих русских купцов, которые, еще будучи крестьянами, состоявшими в крепостной зависимости, много работали, достигали успеха и потому — свободы и права работать только на себя и ради своих близких и своей Родины.

И в этом качестве Агриппина Александровна Абрикосова эту простонародную фразу могла повторять не раз. Она ее усвоила еще в детстве, когда жила в собственном доме отца, Александра Борисовича Мусатова, всегда полного домочадцами — детьми от трех браков, понимая, что именно стены родного дома ничем нельзя заменить. По этой причине ее первые два десятка лет в браке с благоверным супругом Алексеем Абрикосовым, которые она прожила на съёмных квартирах,

«по чужим углам мотаясь», она запомнила лучше других лет в своей жизни. И ведь каждый год она рожала нового продолжателя рода Абрикосовых, ибо осознала свою долю «быть кирпичом в стене чужого дома», продолжать род мужа. А стены-то и дома у них нет, и непонятно когда будет!

Подобные мысли не покидали молодую мать, видящую своих шестнадцать отпрысков, делящих спальни друг с другом, когда семья жила на Лубянке. В доходном доме Залоговых снимали квартиру для большого семейства, а для работы «по кондитерской части» снимали помещения здесь же, неподалеку, в Зарядье. Жить и развивать конфектное производство в съемных помещениях становилось невозможно. А без его развития, без того, чтобы паровую машину поставить да станки современные купить, рабочих поселить, на увеличение доходов семьи было рассчитывать нечего!

И по этой причине Агриппина Александровна с радостью восприняла предложение родной сестры, Аграфены Александровны, купить на ее имя дом для многочисленного семейства Абрикосовых. Аграфена Александровна была особенно близким и родным человеком для всей семьи Абрикосовых ввиду того, что, будучи бездетной, она могла посвящать время семье Агриппины Александровны. Ее супруг, богатый купец-чаоторговец Константин Абрамович Попов обладал характером веселым и легким, жену любил и потому не видел большой трагедии в том, что она его не сделала отцом, не подарила ему продолжателей его дела. Зато племянниками Бог не обидел! Да и Аграфена была рада тому, что может стать крестной матерью многим из детей своей сестры. И потому идею жены помочь не совсем удачливому семейству своих кумовьев он воспринял спокойно, в надежде, что со временем мальчики из семьи

Рис. 1. Абрикосова Агриппина Александровна (1832–1901).

Фотография из собрания Абрикосова Д. П.

Абрикосовых смогут ему помочь в развитии чайного дела. Супруги помогли с покупкой первого дома. Когда Агриппина Александровна занялась его поиском, то нашла усадьбу поблизости от дома самих Поповых, расположенного в Лялином переулке, в конце красивейшей улицы Покровка. Усадьба находилась рядом с Храмом Успения Пресвятой Богородицы по Большому Успенскому переулку.

1. Первое приобретение династии Абрикосовых — палаты Сверчкова

Жилые палаты были старыми, не особенно большими, но продавались они совместно с длинным и немного унылым корпусом жилого флигеля, который построил рядом с палатами владелец, а теперь продавец этой усадьбы, купец Колли. Напротив флигеля Абрикосовы планировали построить отдельный корпус для размещения современного оборудования, что способствовало бы развитию и усовершенствованию кондитерского производства и укреплению своего положения в среде московского купечества. Купчую сладили быстро. Два дома и обширный участок по Малому Успенскому переулку оформили на имя супруги Потомственного Почетного гражданина, коммерции советника, Агриппину Александровну Абрикосову. Семья приступила к постройке третьего, производственного корпуса. Только переехав, Абрикосовы ощутили магию этого старинного дома. Палаты были построены в XVII в. купцом, или, как тогда говорили, «гостем», Семеном Матвеевичем Сверчковым, в самом конце далекого XVII в. Его купеческое дело, торговля с иностранцами русскими товарами — пушшиной, рудой и всем тем, чем была богата тогда Россия, позволило ему и дом этот построить, и храм Успенский возвести. Геройская поддержка купечеством Московского ополчения, которое вышло на защиту веры православной и русской жизни от поляков и литовцев, вернулась сторицей новым русским царем, венчанным на царство! Новый монарх, возведенный на престол, не забыл тех, кто спасал Отечество и поддержал его династию на служение. И именно по Покровке ездил царский поезд на летнюю дачу монарха в Измайлово, и потому по этой древней дороге селились сторонники Романовых, строили храмы и свои дома здесь. И выходили на улицу, чтобы встретить «царский поезд», выразить свою поддержку новому царю Михаилу.

Семен Сверчков поселился здесь с сыновьями — Петром, Иваном и Михаилом. Семья в торговом деле всегда была важна, и все это

Рис. 2. Дом А. А. Абрикосовой по Малому Успенскому переулку в Москве (Сверчков переулоч, дом 8).

Здесь выросли многочисленные дети А. А. и А. И. Абрикосовых.
Фотография из собрания Б. С. Стечкина

понимали. Помимо семьи, привез из Ярославля он и умелого строителя с собой, Петрушку Потапова. Именно он, Петр Потапов, и дом Семену Матвеевичу поставил на старинный сводчатый фундамент, сложенный из белого камня, и за храм Успения Богородицы принялся — было важно начать возведение дома Божьего, храма для молитв и для укрепления силы духа. Все это понимали в те поры, и тем более в таких набожных местах, каким издревле был север европейской России, откуда родом происходил и Сверчков и другие купцы, приехавшие в Москву по окончании «смутного времени».

На средства своего главного заказчика к 1699 г. возвели умелые русские строители дивный, как бы кружевной, собор! Сложенный из красного кирпича, украшенный белокаменной резьбой гребней над восьмериками приделов, с пучками угловых колонок, с обрамлениями окон и дверей, с фигурными навершиями, он издали смотрелся как легкое облако бело-красных кружев, как невесомая мечта о вышнем мире, о том месте, где «ангелы поют, на небеси»! Его шатровая колокольня казалась прямой стрелой, направленной к небу. Одна из торжественных лестниц была направлена к палатам главного

заказчика этого Дома Божия, к дому Семена Сверчкова, а вторая, южная, торжественно вела на красную линию «царской дороги» — улицы Покровка.

И потому у Семена Матвеевича не вызвала возражения идея указать, кто построил сие чудо! И появилась на храме нескромная надпись: «Лета 7214 октября 25 дня. Дела рук человеческих делал именовем Петрушка Потапов». И соседям и друзьям Сверчкова, купеческой семье Гурьевых, также участвовавшим своими капиталами в поддержке московских ополченцев и потому после победы их переехавшим в столицу из Ярославля, понравился этот дивный собор.

Вот как вспоминал о своей первой встрече с этим удивительным храмом академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв:

«...В юности я впервые приехал в Москву и нечаянно набрел на церковь Успения на Покровке. Я ничего не знал о ней раньше. Встреча с ней меня ошеломила. Предо мной вздымалось застывшее облако бело-красных кружев. Не было “архитектурных масс”. Ее легкость была такова, что вся она казалось воплощением неведомой идеи, мечтой о чем-то неслыханно прекрасном. Ее нельзя было представить по сохранившимся фотографиям и рисункам, ее надо было видеть в окружении низких обыденных зданий. Я жил под впечатлением этой встречи и позже стал заниматься древнерусской культурой именно под влиянием толчка, полученным мной тогда...».

Храм Успения Богородицы называли еще по месту его нахождения, прибавляя «в Котельниках», потому как здесь находилась слобода котельников, делавших кухонную утварь древним кустарным способом. Позже удивительный храм причислят к одному из лучших сооружений «нарышкинского барокко» и назовут «восьмым чудом света». Даже Наполеон Бонапарт во время своего «стояния» в Москве в ожидании ключей от города и встречи с Императором, пораженный красотой церкви, велел выставить своих гвардейцев для охраны этого шедевра от ограбления и бушевавшего в Москве пожара. Но, возможно, церковь спасло то, что рядом находилось древнее поселение армян, которые смогли договориться с французами, чтобы те поставили охрану вокруг именно их места нахождения, а церковь попала под эту охрану случайно.

Автор и строитель этого храма, мастер Петр Потапов, помогал строить Сверчкову и его собственные палаты, ставшие украшением всей округи. Для строительства использовал старинный белокаменный фундамент, на котором стояли деревянные палаты предыдущих владельцев этого участка. Но не таков был наш хозяин, чтобы ютиться

*Рис. 3. Храм Успения Пресвятой Богородицы на Покровке.
Иллюстрация предоставлена Д. П. Абрикосовым*

в старых и деревянных помещениях! Ему подавай палаты каменные, новые, просторные, со стенами толстыми, с окнами сводчатыми. Огромный сад был разбит между храмом и домом его благодетителя, с широким и полноводным прудом и тенистыми деревьями. От обилия влаги в этой части Москвы в подвале у Сверчковых палат бил ключ чистой воды, которая и в хозяйстве была потребна. Широкие привилегии получили купцы ярославские от Романовых на торговлю с иностранными купцами, а потому богатели более других, и храм такой богатый на виду у государя воздвигнуть могли! И Сверчковы, и Гурьевы, и многие другие свое богатство употребили в смутное время верно, покупая вооружение и пошив обмундирования для тех русских людей, кто жизнью своей на защиту веры православной и московской власти встать решил.

Недолго владели Сверчковы этими палатами. В эпоху царицы Прасковьи Федоровны, в начале XVIII в., потомки Степана Сверчкова уступают свои палаты стольнику ее Двора и казначею Кремлевского дворца Ивану Дмитриевичу Алмазову.

Хозяева палат менялись, дом продолжал служить своему назначению. В 1779 г. дом и вся усадьба отходят к государственной казне, и в его помещениях размещается Каменный Приказ. С этого момента палаты начинают исполнять важную функцию, служа контролем за исполнением «Государственного плана застройки Москвы». Для этого Каменному Приказу передаются задачи обеспечения города строительными материалами, для чего в управление Приказу попадает несколько каменных и кирпичных заводов.

Дом Сверчкова стал первой школой для подготовки чертежников и подмастерьев для архитекторов. Преподавать пришли выдающиеся архитекторы того времени, Василий Иванович Баженов и Никола Легран. Школа чертежников размещалась на втором этаже палат. Самым Каменным Приказом Москвы руководил Петр Никитич Кожин. Новый директор установил в школе строгий режим. Занятия начинались рано, в 6 часов утра. Изучали под руководством опытных наставников широкий круг предметов, в который входили география и история, латынь и французский язык. Не забывали об изучении ремесел и черчения, предметов, связанных с архитектурой и строительством. Занятия оканчивались в 9 часов вечера. Пример подобной загрузки учеников, как и жизнь на полном пансионе, был делом распространенным в те времена и не являлся чем-то особенным.

Под общежитие школы были переданы дворовый флигель усадьбы и конюшня, находившаяся слева от здания палат. На побывку домой учеников отпускали редко, смотря на их успехи в учебе и на поведение. Для отбытия на праздники домой выписывались специальные билеты. Иностранные языки ученики начали практиковать уже на занятиях в школе, так как при ней была создана библиотека с книгами на разных языках. Книги были специализированные, связанные с архитектурой. Особенно много времени по программе уделялось изучению и копированию архитектурных ордеров и рисованию. Архитектуру преподавал француз Никола (Николай Николаевич) Легран, бывший одним из разработчиков Генерального плана Москвы, строитель здания Кригскомиссариата. Особенно интересен и тот факт, что в этом училище одно время служил и отец Александра Сергеевича Пушкина Сергей Львович. Самые способные и прилежные ученики после выпуска из школы становились помощниками архитекторов и могли быть направлены на работу в Кремлевскую Экспедицию, входя в команду, которая

находилась под руководством Василия Ивановича Баженова и Матвея Фёдоровича Казакова. Подобная карьера была престижной и высоко ценилась современниками.

Когда Приказ завершил свою работу в 1782 году, в старинных каменных палатах были размещены Мануфактур — коллегии и комитеты, занимавшиеся контролем за исполнением московских городских повинностей.

Поскольку дед супруга новой хозяйки палат Агриппины Александровны Абрикосовой стал московским купцом в 1804 г., он наверняка посещал Мануфактур-коллегии для решения своих производственных вопросов, и комитеты мог посещать, перед которыми должен был отчитываться об исполнении повинностей, которые на него возлагались московскими властями. Степан Николаевич посещал палаты купца Сверчкова, в которых теперь поселились его внуки и многочисленные правнуки.

Семья Абрикосовых пережила страшный пожар 1812 года, практически уничтоживший всю деревянную застройку первопрестольной столицы империи. А для уцелевших каменных палат Сверчкова с освобождения Москвы от нашествия французов открывается новая страница их истории. По решению императора Александра I для скорейшей отстройки пострадавшей исторической столицы России была создана специальная «Комиссия для строения Москвы». Она была размещена в каменных палатах по Успенскому переулку, где и проработала с 1813 г. по 1836. В задачи Комиссии входила разработка типовых проектов для восстанавливаемой частной жилой застройки, разработка образцов и планов застройки, организация промышленного выпуска типовых элементов внутренней и внешней отделки отстраиваемых домов. Все постройки должны были возводиться в современном для той эпохи стиле ампир. Заказчик посещал Комиссию, знакомился с предлагаемым проектом застройки своего участка, выбирал проект дома и элементы его отделки в зависимости от своих финансовых возможностей. Все дома должны были строиться из камня и кирпича, дабы Москва более не боялась огня так, как это было до нашествия Наполеона.

Стены усадьбы Абрикосовых помнят таких великих русских архитекторов, как Доменико Жилярди и Осип Бове, Василий Стасов и Григорьев, и многих других их современников. А в списке заказчиков, которые посещали палаты в это время, можно было найти имена великих москвичей, представителей выдающихся дворянских и купеческих родов и фамилий.

Работа Комиссии давала свои плоды, Москва быстро отстраивалась новыми роскошными особняками и усадьбами, ставшими украшением Первопрестольной столицы.

Работавшие в Комиссии архитекторы в перерывах писали этюды с Успенского храма, поражавшего современников своей уникальной красотой.

По окончании работы Комиссии дом был продан государством купцу Андрею Яковлевичу Колли. С 1845 года семья этого московского купца проживала в усадьбе, отстроив двухэтажный левый флигель, который протянулся от палат до края усадебного участка, до его ограды, до самого начала переулка Малого Успения. Подвалы этого флигеля, в котором должны были разместиться дополнительные жилые помещения, были обширными и позволяли разместить в них многочисленные технические службы и помещения для различных научных опытов. Это было необходимо семье русского купца с итальянскими корнями, так как его сыновья проявляли разнообразные дарования в естественных науках. Так, Александр Андреевич — ученый-химик — открыл впервые строение глюкозы и провел первый синтез органического соединения дисахаридов из моносахаридов. Роберт Андреевич — ученый-физик и ученик Александра Григорьевича Столетова — работал в области электрически заряженных частиц и впервые доказал экспериментально их инертность.

Агриппина Александровна, многодетная мать, давшая жизнь второму десятку своих потомков, которых воспринимала как милость Божью и исполнение своего основного призвания на земле, была несказанно рада укреплению финансового положения своей семьи.

Ее жизнь до 1867 г. была совершенно не обеспеченной ее супругом, который работал подобно воину «на ратном поле — на фабрике, в конторе и на бирже». И от всех рубежей этой перечисленной борьбы зависело не только собственное благосостояние, но и развитие компании, себестоимость продукции и содержание работников, от работы которых зависело качество конечного продукта. Заработанного главой семьи едва хватало на съём необходимого для семьи жилья и на питание «каждый год бывало прибывающего семейства». Что могла думать о своей жизни мать шестнадцати человек детей, старшему из которых уже было 16 лет?

В 70-е годы XIX века на все возможные вопросы Агриппины Александровны Абрикосовой по поводу обеспечения ее детей и семьи был дан ответ. И ответ этот не зависел от деятельности ее мужа. Ответ этот был дан ее родной сестрой Аграфеной Алексан-

дровной Поповой и ее супругом. И потому жизнь в собственном доме и на своей земле рядом с дорогими родственниками стала важным обстоятельством дальнейшего сближения между родными людьми. Хотя дом этот она так и не полюбила. Над ним довлел его древний дух, та история, которой были пропитаны его сводчатые стены. Первоначально это был небольшой кирпичный дом на белокаменном подклете со сводами.

Подклет этот со временем совсем исчез под культурным слоем и превратился в обычный подвал, хотя и впечатлявший своим массивом и внутренней планировкой. Возможно, ранее палаты имели и надстроенный деревянный этаж, в котором жили владельцы, ценя тепло и уют именно деревянной части дома.

При Сверчкове произошло самое радикальное изменение облика этих палат, они были втрое увеличены двухэтажной кирпичной пристройкой. После этого здание в плане стало совершенно иным и выглядело как неправильный четырехугольник, у которого северный фасад оказался немного длиннее южного.

На восточном, главном фасаде в это время у палат появился широкий арочный проем без крыльца. Фасады его украсили ряды окон с пышными барочными наличниками, подчеркивающими связь с нарядным храмом Успения. Их дополняли спаренные полуколонны и разнообразно устроенные крыльца на трех фасадах здания. Эти крыльца и вносят в облик палат традиционную для русского зодчества живописность. Внешний вид, при котором Агрипина Александровна впервые увидела этот дом, появился в 1779 г., когда палаты решили превратить в обычный для того времени жилой дом. Дело в том, что во времена царствования Екатерины II уже почти никто не хотел жить в русских палатах, в домах с низкими сводами, крутыми лестницами, узкими оконными проемами и наличниками, вышедшими из моды.

Новые хозяева часть сводов разобрали, растесали старые и узкие оконные проемы и пробилы новые, сломали лишние крыльца, сбили декоративные наличники, оштукатурили фасады, лишив их кирпичной фактуры, которая осталась в стенах храма Успения. Вместо роскошных палат в Сверчковом переулке появился вполне заурядный мещанский дом.

Но его история, выраженная в толстых стенах, в низких и сводчатых потолках, в удивительной и подавляющей тишине его внутренних покоев, внушала новой хозяйке тревожные предчувствия.

Правый трехэтажный флигель усадьбы, словно огромный корабль, возвысившийся среди двухэтажных усадеб и палат, был

построен уже «под командой» Агриппины Александровны Абрикосовой после 1867 года для размещения в нем кондитерского производства супруга. Конечно, этот корпус усадьбы строил сам Алексей Иванович Абрикосов, но действовал он по доверенности от имени своей супруги. Зная все тонкости своего производства, Алексей Иванович быстро возвел массивный трехэтажный корпус с внешней отделкой в стиле ампир для того, чтобы и этот корпус не входил в конфликт с флигелем Колли и с окружающей застройкой.

(После Великой Отечественной войны под руководством известного реставратора профессора Дмитрия Петровича Сухова были проведены исследования и обмеры древних палат. В 1970-х годах под руководством реставратора Е. А. Дейсфельд палаты были восстановлены. Реставрировали декор фасадов и, не полностью, крыльца. Частично воссоздали первоначальную планировку и своды. Но помещения второго этажа дома, которые появились уже при старшем сыне Агриппины Александровны Абрикосовой — Николае Алексеевиче, остались нетронутыми и в процессе реставрации. Два главных и торжественных зала, исполненных в стиле ампир, продолжают и сегодня поражать своей монументальностью и красотой. Дубовый паркет, филенчатые массивные двустворчатые двери с бронзовыми ручками, за которыми открывается анфилада залов и жилых комнат, привлекают и сегодня своим уютом и красотой.

В 1978 году в Палаты Сверчковых въехал Российский Государственный дом народного творчества, который находится там и в наше время).

2. «Усадьба Колли» — первый собственный промышленный и производственный цех династии Абрикосовых

Нахождение этих корпусов будущей фабрики на одном участке земли с палатами Сверчкова является проявлением действовавшего в ту эпоху правила, по которому хозяин буквально жил на своем предприятии или занимал дом, находившийся рядом с ним. Земля под всеми тремя строениями также принадлежала супруге коммерции советника А. А. Абрикосовой.

С этого момента начинается новая и главная страница истории кондитерской компании Абрикосовых. Именно благодаря тому, что Агриппина Александровна на средства, которые ей дала ее сестра, смогла приобрести не только дом для жизни семьи, но и два капитальных

здания для организации первого промышленного производства кондитерских изделий, дело ее супруга стало развиваться по совершенно новому, современному для этой эпохи сценарию.

И усадьба Колли также требует большего погружения в историю этого памятника культурного наследия Москвы.

Усадьба была построена купцом Андреем Яковлевичем Колли после того, как он в 1845 г. выкупает палаты Сверчкова вместе со всем тем участком земли, на котором они находились. Купец возводит новый двухэтажный корпус этой усадьбы в центре Москвы.

Его архитектурное оформление можно назвать скромным, но выдержанным в архитектурном стиле ампир, изобилующем различными лепными виньетками и барельефами в виде колонн и прочих орнаментальных элементов.

Именно Абрикосовы отстраивают и новый трехэтажный корпус напротив двухэтажного для организации в нем первого собственного промышленного кондитерского производства. Алексей Иванович Абрикосов, продолжая руководить своим кондитерским производством и «Торговым домом А. И. Абрикосова», устанавливает первую паровую машину, применяемую для правильного технологического разогрева того фруктового сырья, которое хозяин производства покупает на оптовых рынках Москвы. Подобный плавный разогрев позволял сохранять вкусовые качества сырья, производя его плавную пропитку сахарным сиропом и подготовку для дальнейшего производства пастилы и мармелада, варенья и компотов из яблок и груш, абрикосов и персиков, доставляемых недозревшими с предгорья Кавказских гор России.

Помимо первой паровой машины, в этом первом собственном производственном помещении Алексей Иванович устанавливает и новое производственное оборудование, механизмирует производство настолько, насколько это было возможно в то время. Для размещения рабочих Алексей Иванович использует двухэтажный корпус собственной усадьбы своей супруги, расположенный напротив производственного корпуса. Расширяя и модернизируя производство конфет и различных сладостей, Алексей Иванович увеличивает ассортимент выпускаемой продукции, но характер торговли не изменяет, продолжая сбыт произведенного продукта только оптом, подтверждая и расширяя старую партнерскую компанию своих продавцов.

3. «Усадьба Головиных» — обретение душевного покоя в трагический момент жизни А. А. Абрикосовой

Дело успешно пошло на новом месте. Производство налаживалось, торговля продолжалась, семья прибавлялась, старшие сыновья, подрастая, начинали выбирать свой жизненный путь. И один из самых одаренных детей в этой огромной семье, выразивший свою гибкость и готовность стать выразителем родительских мечтаний на ниве развития коммерческих перспектив, Сергей Алексеевич Абрикосов, окончив курс в Практической Академии коммерческих наук, с готовностью уехал в Германию для продолжения своего образования. И образование это не было абстрактным. Оно должно было подготовить из Сергея выдающегося специалиста по торговле чаем. Чаеоторговцем Сергей Алексеевич призван был стать, проходя свое образование не только в Германии, но и в тогдашней крупнейшей мировой чаеоторговой столице — в Лондоне. Проходя практические работы на крупнейшей чайной бирже в мире, Сергей Алексеевич впитывал все навыки чайной торговли, учился дегустировать чай, определять его качества и соответственно его цену, а также рано вставать и строить свою жизнь так, как это было принято в те годы в Великобритании. Периодически Сергей Абрикосов возвращался на родину для того, чтобы отдохнуть и не терять свои связи с семьей, ибо семейные связи были главными среди членов династии Абрикосовых.

В один из таких приездов Сергей выглядел нездоровым и встревожил мать своим видом. Он был самым любимым сыном Агриппины Александровны, тем, в ком она «души не чаяла». Вообще Агриппина Александровна делила детей «на любимых и постылых», как она сама могла выразиться в горячий час, тогда, когда ее многочисленные дети ее разочаровывали или чрезмерно утомляли своим своеобразием. Она понимала, что в этом есть и ее вина, ее родная кровь. «Но держать в руках свою натуру — первое дело любого благонаправленного ребенка и человека!» — думала она в такие минуты.

Сергей был совсем иным. Он был ярким, наполненным внутренним содержанием и подающим надежды. Он никогда не вызывал у своей матери негативных чувств и, казалось, всегда делал именно то, что она от него могла ждать.

По своему характеру сама Агриппина Александровна была страстным и вспыльчивым, но отходчивым человеком. Но потому именно Сергей Алексеевич, не вызывавший в ее душе никакого противоречия, был ей особенно дорог!

Состояние ее сына буквально менялось на глазах, вскрывая то, что заболел он серьезно. Не помог и консилиум врачей. Именно они диагностировали у Сергея Алексеевича тяжелое заболевание, помощь при котором была невозможна.

Любимый сын, надежда семьи, вскоре слег и потерял сознание. В горячечном бреде он постоянно повторял одну и ту же фразу, приводя близких в отчаяние: «Пора, пора мне восвояси! Пора!»

И уже не приходя в сознание, на пятый день душа его покинула тело. Сергей Алексеевич скончался. Его смерть в семейном доме потрясла Агриппину Александровну. Она не нашла в себе сил для того, чтобы проводить сына в последний путь, и осталась дома тогда, когда отец и близкие отправились скорбным путем на кладбище Алексеевского монастыря. Подобным ударом стал преждевременный уход Сергея и для еще одного человека на земле, для Анжелики, ждавшей в Германии своего жениха, Сергея Алексеевича Абрикосова. История их любви была известна в семье и радовала своей чистотой. Проходя обучение в Германии, Сергей Алексеевич был направлен отцом в дом к своему бывшему московскому шефу, немецкому купцу Хофману в Дрезден. Иван Богданович Хофман со своей верной супругой Верой Романовной постарели, но были чрезвычайно рады возможности встретить сына своего московского друга, оказать ему всемерную поддержку. Их пятеро дочерей могли составить приятную компанию в общении с воспитанным молодым человеком.

Сергей не только практиковался в коммерческих знаниях, но и брал уроки игры на фортепьяно. Иван Богданович поселил Сергея Алексеевича в семью одного из педагогов, с которыми тот должен был проходить свои «университеты». По выходным московский школяр приходил в дом к Хофманам. Алексей Иванович Абрикосов не порывал своих дружеских отношений с тем, кому был обязан практическим знаниям в предпринимательстве. Он, направляя своих сыновей на обучение в Германию, просил Хофмана оказать им поддержку на чужбине. И частенько они оставались на постой у друга отца, впитывали в общении с ним полезные свойства немецкой души, которые были связаны с точностью в ведении дел, в честности по отношению к партнерам и клиентам.

И именно младшая дочь Ивана Богдановича полюбила Сергея, и они считали свои судьбы связанными. Получив известие из Москвы о кончине своего избранника, Анжелика дала обет безбрачия и осталась верна своему суженому до конца жизни.

Пережив смерть самого дорогого из детей, Агриппина Александровна Абрикосова сказала своему супругу, что не может более находиться в нелюбимом доме. Понимая состояние своей жены, Алексей Иванович приобрел в 1876 г. усадьбу Головиных, стоящую на углу Большого и Малого Успенских переулков. И в этот дом переехала вся семья Абрикосовых, Агриппина Александровна и Алексей Иванович со всеми своими детьми, еще не успевшими выйти замуж дочерьми и неженатыми сыновьями.

Усадьба была большой, с обширным главным домом и с служебными помещениями. История этого дома также была любопытной и богатой на события.

Так, длительное время собственниками этой дворянской усадьбы были представители боковой ветви прославленного рода Головиных. С начала XVIII в. владельцем дома был Василий Васильевич Головин. Вероятнее всего, Василий Васильевич получил усадьбу по наследству от своего отца, стольника Василия Петровича Головина. Сам Василий Васильевич не мог составить успешную карьеру. Начав ее в качестве камер-юнкера, сумел впасть в немилость. Переехав окончательно в Москву, он проживал в своем родовом имении только зиму, убывая на летнее время в подмосковную усадьбу Новоспасское. Бесславно почив в Бозе, он оставил все свое имущество своему сыну, а уже за ним и эта московская усадьба переходила по наследству, по мужской линии этого дворянского рода. Интересна семейная легенда о том, что когда супруг новой хозяйки этой усадьбы Алексей Алексеевич Абрикосов, получивший чин Действительного Статского Советника и Орден Св. Владимира за свою службу по развитию коммерческого образования в России, а с этим новым положением и высокой наградой — право на запись в наследуемое по мужской линии дворянство, он решил от этого права отказаться, иллюстрируя свое отношение тем, что «я и так сегодня могу жить в старинных дворянских усадьбах, которые нам продают дети некогда великих мира сего, оказавшиеся неспособными ни к какому полезному делу и потому продающими имения своих предков!»

Переехав в усадьбу Головиных, в свой собственный новый дом с историей, Агриппина Александровна передала палаты Сверчкова в пользование своему первенцу Николаю Алексеевичу Абрикосову, оставаясь их собственницей.

Она смогла по достоинству оценить все привлекательные стороны своего нового владения. Так, главный дом усадьбы состоял из двух объемов. Торжественная и самая старая часть дома, которая выходила

на Большой Успенский переулок, была украшена коринфским портиком из шести полных колонн, стоящих на цоколе из белого камня. Эта часть дома в стиле классицизм датируется началом XIX в. Его изящный портик украшен треугольным фронтоном, в котором размещался родовой герб Головиных. Как и было принято в этом архитектурном стиле, первый этаж был облицован крупной рустикой. В оформлении фасада строители использовали лепные украшения в виде медальонов с лентами, которые располагались над полукруглыми окнами, находящимися в проемах между колоннадой портика, во фризе и на боковых фасадах основного дома. Сам фриз исполнен в греческом стиле в виде меандра. Дом был достроен уже после московского пожара 1812 года. Фриз в греческом стиле мог появиться на доме Головиных — Абрикосовых в середине XIX в. И вполне возможно, при участии архитекторов из той самой Комиссии о строении Москвы, которая работала в это время в палатах Сверчкова.

Второй объем дома, выходящий на Малый Успенский переулок, был воздвигнут ранее главного дома, в конце XVIII в.

Особое удовольствие для Агриппины Александровны заключалось в торжественном выезде из своей новой усадьбы. Они с Алексеем Ивановичем имели две коляски, ездили раздельно. У Агриппины Александровны была карета на резиновом ходу с мягкими рессорами. Алексей Иванович удовлетворялся ездой в простом экипаже. Проезжая через ворота усадьбы Головиных, любясь красивейшей решеткой этих ворот, которые были выполнены в стиле ампир, она думала о том, что «теперь я сама, как царица — выезжаю на улицу из своего имени!». И пилоны этих самых ворот, также выглядевшие торжественно, будучи выполненными из белого камня и украшенными нишами с парами ионических колонн, в которых располагались торжественные вазоны, подтверждали своим видом это мнение новой хозяйки.

Здесь прошли лучшие годы жизни семьи Абрикосовых, то время, когда можно было пожинать урожай многолетней и трудной работы, выдавать замуж дочерей и принимать торжественно гостей, отмечать семейные торжества и отметить собственную золотую свадьбу! На втором этаже главного дома усадьбы жила молодежь — сыновья и дочери, еще не составившие свои партии. Эти заботы были особенно важны для Агриппины Александровны Абрикосовой. Она лично подбирала суженых своим дочерям, считая, что «девушка должна выйти замуж как можно раньше и с выгодой!». И для большинства ею сложенных партий союз молодых был удачным. Только одна дочь сломала это представление матери о ее роли. Глафира Алексеевна, уйдя от

нелюбимого мужа, заставила пересмотреть свои принципы Агриппину Александровну. И вскоре пары стали складываться в ее доме, под ее «материнским крылом».

Именно здесь Агриппина Александровна хотела окончить свои дни. «Хочу умереть там, где все мои богатства скоплены!» — сказала она своему супругу в 1901 году, когда почувствовала, что настает ее последний час. Правильно ли он понял ее? О каких именно богатствах говорила мать двадцати двух детей? О своих домах или о тех, для кого она их приобретала? Ведь селила она своих отпрысков поблизости с собой, приобретая один дом за другим «для своих».

4. «Крымское счастье»

Ивана Алексеевича Абрикосова (1853–1882). Начало кондитерской славы семьи Абрикосовых

«И в нашем кондитерском деле теперь открываются замечательные перспективы!» — так писал из Крыма третий сын Алексея и Агриппины Абрикосовых — Иван Алексеевич Абрикосов в 1877 г. Он писал из этой южной провинции своим родителям в Москву после того, как его избрали директором — распорядителем новой семейной компании Абрикосовых «Товарищество А. И. Абрикосова Сыновей», то есть сыновей Алексея Ивановича Абрикосова. В состав новой компании вошли трое старших сыновей означенного ее основателя — Николай, Алексей и Иван. И именно Ивана Алексеевича, которому только что исполнилось 18 лет, в 1872 г. избирают на пост руководителя семейной компании. А он начинает модернизацию самой идеи кондитерского производства путем поиска новой сырьевой базы для дальнейшего производства конфет. Юному директору только что созданной кондитерской компании хотелось удивить покупателей новым вкусом.

В это же время само государство Российское привлекало внимание своих сынов — купцов и промышленников — к Крымскому полуострову, приглашая их, воспользовавшись всеми привлекательными сторонами только что запущенной Лозово-Севастопольской железной дороги, «прийти на полуостров для того, чтобы, открыв все его привлекательные стороны, развивать его природное богатство». Так и получилось в случае с Иваном Алексеевичем Абрикосовым. Он поехал туда и сразу понял: нужно экспериментировать — брать в аренду помещения и начинать переработку дивных по качеству

Рис. 4. Производство на фабрике в Крыму.

Товарищество А. И. Абрикосова сыновей. Из юбилейного альбома 1888 года. РГБ. Иллюстрация предоставлена Д. П. Абрикосовым

косточковых фруктов — персиков, абрикосов и слив, и если все получится, основывать собственное сырьевое производство именно в Крыму! Довести все это богатство до Центральной России, туда, где все фабрики стоят и работают, было невозможно в сохранном виде, несмотря даже и на запущенную в 1873 г. Лозово-Севастопольскую железную дорогу. Хотя ее строительство сыграло главную роль в развитии Крымского полуострова. Она была построена на средства частного капитала в 1873–1875 годах. И ведь победили капиталы и инициатива именно русских железнодорожных магнатов! Англичане, получив первую концессию на строительство дороги в 1863 году — не справились с этой трудной задачей! И только Петр Ионович Губонин, русский, из крепостных, сумел построить эту железнодорожную артерию на Крымском полуострове. 15 сентября 1875 г. в Севастополь прибыл первый поезд. И уже с 1877 г. Иван Алексеевич начинает проводить первые опыты по консервированию косточковых фруктов в Симферополе. Даже открытие железнодорожного сообщения Крыма

с Центральной Россией не могло поправить положения с доставкой нежных персиков и слив, абрикосов до Москвы и прочих центров кондитерского производства в Империи, ибо «главнейшим двигателем садоводства, как и всякой добывающей промышленности, является возможность выгоднее сбывать его произведения на рынках. Но на культуру косточковых пород проведение железной дороги повлияло очень слабо. Оно и понятно. Для того чтобы быть пригодными к вывозу на отдаленные рынки, плоды должны обладать известной прочностью, чтобы выдержать все неудобства перевозки, хотя бы даже и по железной дороге. Но теперь дело изменилось, и в этом отношении громадное значение имели фабрики, перерабатывающие продукты садоводства и сбывающие их на столичных рынках в виде различных консервов», — так описывали современники инициативу по консервированию фруктовых пород, которую первым в Крыму проявил Иван Алексеевич Абрикосов.

Его первые эксперименты по переработке крымских фруктов были начаты в 1877 г., а к 1880 г. на территории приобретенной усадьбы господина А. В. Цапли куплен был большой участок земли напротив Петровской слободы. Купчая гласила: «дом с флигелем, двором, со всеми жилыми и нежилыми строениями и землею, состоящей во второй части Симферополя в местах с севера и запада имения Цапли, с востока деревни Петровской, с юга на южный берег Крыма». Именно здесь было открыто первое промышленное производство фруктовых консервов для дальнейшей промышленной переработки и фруктов в сахаре. Именно это производство позволило Абрикосовым занять лидирующие позиции на кондитерском рынке в России, так как покупателями готовой продукции — фруктовых консервов — становились производители конфет, работавшие на всей территории Российской Империи.

Усадьба господина Цапли размещалась по адресу: «Воронцовская улица, имение Цапли». Рядом протекала главная водная артерия Крыма — река Салгир и находился Петровский фонтан, дающий чистую питьевую воду. Обширный земельный участок и небольшой одноэтажный жилой дом позволяли и сады собственные разводить, и проживать спокойно в собственном имении.

Быстро отстраиваемые корпуса фабрики включали в себя главный двухэтажный корпус, торжественно вставший по внешней границе участка Абрикосовых. Длинный корпус стал архитектурным украшением всей местности, в которой в те годы проживало немало цыган и других жителей Симферополя, остро нуждавшихся в постоянной работе. И фабрика Абрикосовых стала таким местом применения трудовых

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Фабрично-Торговое Товарищество

А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ.

Оптовые склады:

ВЪ МОСКВѢ.

у Ильянскихъ воротъ,
Лубяско-Ильянския
торговая помѣщенія.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

Невскій проспектъ,
противъ Гостиного
двора, докъ Архангельской
церкви.

ВЪ ОДЕССѢ,

улицъ Екатерининской
и Дерибасовской, докъ
Свѣтъ.

**Въ Нижегородской
ярмаркѣ,**

Малый синочный рядъ.

Видъ Симферопольской фабрики

фруктовъ въ сахарѣ, фруктовъ глазированныхъ, фруктовыхъ компотовъ, фруктового варенья и проч.

Розничн. Магазины:

ВЪ МОСКВѢ.

1) Кузнецкій в., пас-
садъ Овощной,
2) Тверская, докъ По-
дкова,

3) у Ильянскихъ воротъ,
Лубяско-Ильянския
торговая помѣщенія, и
4) Верхне Торговой
разы, улицъ Ильянскихъ и
Красной площади.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

Невскій проспектъ,
противъ Гостиного
двора, докъ Архангельской
церкви.

ВЪ ОДЕССѢ,

улицъ Екатерининской
и Дерибасовской, докъ
Свѣтъ.

Рис. 5. Реклама Товарищества А. И. Абрикосова сыновей,
крымской фабрики. Иллюстрация предоставлена Д. П. Абрикосовым

ресурсов для местного населения. Оно высоко ценило такую возможность и потому стремилось работать хорошо, соблюдая все требования санитарного характера и дисциплины. Жители Ново-Петровской слободы, которая размещалась рядом с новой фабрикой, стали основным трудовым ресурсом новой фабрики. Постепенно благодаря работе слобода значительно разрослась и по количеству жителей, и по количеству качественных домов, стоящих по Воронцовской улице. Условия труда и его оплата были завидными, отбоя от желающих работать никогда не было. Все соблюдали требования своих работодателей, «быстро приобрели необходимые навыки, исполняя порученное им дело тщательно и аккуратно. На эти качества работы обращают здесь большое внимание в виду нежности перерабатываемых материалов. От работающих требуется, чтобы у них были чистые руки и чтобы надеты были безукоризненно чистые белые фартуки.

Здесь, кстати, считаем долгом опровергнуть уверения некоторых посетителей фабрики, будто администрация принуждает работниц к пеню во избежание поедания ими плодов. Если кто из них и запоеет, то вовсе не по принуждению, а вполне добровольно» — такие

воспоминания о работе фабрики Абрикосовых в Крыму мы можем прочитать в специальном издании господина Н. И. Полевицкого, изданного в 1902 г. в Санкт-Петербурге.

На усадьбу господина Цапلي открывался удивительный вид со стороны Петровских скал. С этой возвышенности были видны все корпуса фабрики, большой фруктовый сад, окружавший пять корпусов предприятия. Эта фабрика стала первым и крупнейшим промышленным предприятием не только в Симферополе, но и во всем Крыму. Пять каменных корпусов позволяли совмещать различные производственные процессы, изготовление различных фруктовых консервов, фруктов в глазури и даже овощных консервов. Ближе к началу XX в. на фабрике стали производить шоколад для южных губерний России. Сам факт того, что русские промышленники впервые наладили промышленный выпуск фруктового сырья для всей кондитерской промышленности России в Крыму, оказал огромное влияние на эту отрасль хозяйства, на развитие производства конфет из русского сырья высокого качества. Впоследствии фабрика эта стала не только объектом промышленного наследия Крыма и России, но и памятным местом, связанным с культурой и историей нашего государства.

Еще до революции 1917 г. на фабрику часто приезжал внук основателя династии Лев Алексеевич Абрикосов. Обучаясь агротехническим наукам во Франции, в Лионском сельскохозяйственном училище, он был готов к тому, чтобы посвятить себя работе по культивированию различных фруктовых культур в Крыму. Приезжая в Симферополь для работы, он привозил с собой и свою супругу. И здесь, в ноябре 1905 г., появился на свет будущий народный артист СССР, легендарный актер театра и кино Андрей Львович Абрикосов. Его детство прошло в Симферополе, и первый раз он вышел на театральные подмостки именно в своем родном городе.

Позже, после трагических событий Первой мировой войны и наступивших революционных событий, в главном корпусе предприятия, выходящим своим нарядным фасадом на Воронцовскую улицу, вынужденно проживали невестка и внук великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Об этой странице симферопольской истории мы можем узнать, читая архивные документы.

Первым таким памятником становится собственноручное заявление Екатерины Петровны Достоевской, которое она подала в органы местной советской власти с просьбой о назначении ей пенсии: «ввиду моей тяжелой болезни прошу не откладывать, решить в спешном порядке». И указание адресом проживания невестки Достоевского с его

внуком: Воронцовская, 22, Фабр. Бывш.Абрикосова. Кв. № 8. О продолжении этой трагической истории можно прочитать в дальнейшей бюрократической переписке. «Правлению Консервтреста. В доме, принадлежащем Консервтресту, на фабрике “Трудовой октябрь” живет семья сына писателя ДОСТОЕВСКОГО. Площадь квартиры очень незначительная, 54 аршина (38 кв. метров) на трех человек. Учитывая великое значение и заслуги умершего писателя ДОСТОЕВСКОГО Совнарком просит занимаемую квартиру и впредь оставить за семьей ДОСТОЕВСКОГО». Вот такую память о том трагическом времени хранит и сегодня здание фабрики Абрикосовых на Воронцовской улице Симферополя. Живая история, которая выражена в адресах и топонимике нашей необъятной Родины, делает ее ближе для всех нас.

5. Главная конфектная фабрика России — мануфактура сыновей Алексея Ивановича Абрикосова в Сокольниках

Обретя в Крыму главную фирменную «изюминку» для всего последующего производства фамильных кондитерских изделий, сыновья Алексея Ивановича Абрикосова — Николай, Алексей и Георгий под руководством своего наиболее способного и предприимчивого брата Ивана задумываются об организации крупного и перспективного производства розничных кондитерских изделий в Москве, о создании сети фирменных «оптово-розничных магазинов» компании, о реорганизации своего фамильного дела. В 1878 г. компания приобретает четыре гектара земли и начинает строительство первого крупного фабричного производства. На выбор места для размещения нового производства повлияли два фактора. Первым был деловой. И заключался он в том, что место это находилось недалеко от главного московского железнодорожного узла. И Курское железнодорожное направление, связанное именно с той железной дорогой, которая вела в Крым, позволило, быстро построив специальную железнодорожную ветку к будущей фабрике, обеспечить бесперебойную связь крымского сырьевого производства и московского розничного. А вторым фактором послужили «духовные» обстоятельства, которые заключались в том, что рядом с этим участком располагался древнейший монастырь в Москве — Обитель Алексия, человека Божия, в котором основатели династии и родители Николая, Ивана, Алексея и Георгия и еще восемнадцати членов семьи вознесли свои молитвы о детях, и Господь, услышав молодых супругов, послал

Рис. 6. Первое здание московской фабрики Товарищества А. И. Абрикосова сыновей. Фотография из юбилейного альбома 1888 года. РГБ. Фото предоставлено Д. П. Абрикосовым

им такое количество потомков! Ибо «без продолжателей дела не будет и самого дела!» И потому подобные связи дел сугубо материальных и высоко духовных были в семье Абрикосовых делом обычным, ибо глава многодетного семейства, по свидетельству его старшего сына, дал своим родным «не только жизнь как смертным существам, но и приобщил к бессмертной жизни духа».

Фабрика в Сокольниках строилась, и пока по всей России шла оптовая реализация продукта, производимого в Крыму, и считалась получаемая прибыль, завозилось и новое оборудование для производства широкого ассортимента кондитерских изделий. В огромном четырехэтажном каменном корпусе была размещена новая паровая машина, мощность которой достигала более 100 лошадиных сил.

В отстраиваемых каменных корпусах размещались мастерские, названия которых отражали ассортимент выпускавшейся продукции: шоколадная, пастилочная, конфетная, карамельная, бисквитная. К 1890 г. фабрика ежегодно производила пятьдесят три тысячи пуда (848 тонн) конфет и пять тысяч пудов (72 тонны) варенья.

Завозились специальные котлы и формовочные транспортеры, на которых можно было выпускать замечательные бисквиты по секретным рецептам Абрикосовых. Паты ягодные и фруктовые были фирменным продуктом семьи, как и «Маковая соломка».

Рис. 7. На фабрике Абрикосовых в Сокольниках. Фотография из юбилейного альбома 1888 года. РГБ.
Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

Новая крупная фабрика, построенная в московских Сокольниках к 1880 г., состоящая из четырех каменных корпусов, была рассчитана на производство промышленным способом большого объема и ассортимента кондитерских изделий из фруктового сырья, привозимого из Крыма. На работу принимали квалифицированных работников или обучали волонтеров занять место на новом московском предприятии. Мастера были работниками постоянными и высокооплачиваемыми, а рабочими были в основном сезонные работники, приходившие для дополнительного заработка в Москву из окрестных сел и деревень, когда дома работы были окончены и рабочие руки освобождались от сельскохозяйственных забот. С самого начала работы этого крупного предприятия заметно стало отношение молодого хозяина к своим работникам. Они сами отмечали то, что Иван Алексеевич стал для них «кормильцем и радетелем об их преуспевании» в работе и в заработках. И в этом выразился вполне ясно характер Ивана, его верное представление о том, что если рабочий чувствует себя соучастником работы,

а не простым исполнителем, то он сам станет исполнять вверенную ему работу как свою собственную, ощущая и то, что с процветанием фирмы связано и его финансовое положение. Постоянные мастера работали много, проживали на съемных квартирах, а зарабатываемых средств им доставало и на содержание семьи, и даже на образование детей. Баловали хозяева и подарками на многочисленные государственные и религиозные праздники. Не возбранялось приносить домой непотребный в производстве шоколадный лом, чтобы побаловать им детей и домочадцев. Что же касается доходов, то плата труда квалифицированных и постоянных мастеров колебалась от 900 рублей и могла доходить до 1600 золотых рублей. Деньги по тем временам это были очень большие, и Иван Алексеевич не скупился.

Рабочие постоянные получали по 300 рублей в год, а поденная оплата для сезонных работников достигала 60 копеек в день. Заработать при такой оплате можно было и 120, и 150 рублей в год, что могло стать приличным прибавком к семейному бюджету.

Сезонные работники работали поквартально, проживая в специальном здании общежития, открытого при фабрике. Здание то было деревянным и состояло из двух этажей. Отапливалось оно голландскими печами жарко. Кровати чугунные были обеспечены мягкими матрасами, у каждого изголовья стояла личная тумбочка, в которой хранились нехитрые пожитки работника. Чистоту поддерживали уборщицы, как во всех помещениях предприятия, так и в спальном корпусе. Это было общежитие. Но большего и не требовалось работникам сезонным для отдыха от труда, кроме кормежки. Питались же рабочие отлично, за счет предприятия. Были здесь и развлечения организованы, ибо «без отдыха работа становится сладкой каторгой!». Быт рабочих на фабрике Абrikосовых соблюдался по всем тогдашним правилам. Никто в обиде не был и считал своих хозяев «людьми достойными, заботливыми кормильцами».

Новая московская фабрика Абrikосовых занималась производством огромного ассортимента сладостей в основном из сырья, которое для нее изготавливал консервный завод в Крыму. И только за счет уникального качества крымских фруктов конфеты Абrikосовых стали самым популярным товаром среди российских сладкоежек! Ассортимент выпускаемой продукции на предприятиях сыновей А. И. Абrikосова был разнообразным и поражал своим качеством не только покупателей, но и конкурентов. Монпансье «из фруктовых и ягодных соков», мармелад из слив сорта мирабель, «отличающихся высоким ароматом и прочной мякотью», пастила из райских яблок.

Рис. 8. Жестяная упаковка печенья «Маковая соломка» Товарищества А. И. Абрикосова сыновей. Начало XX века. Из собрания Д. П. Абрикосова

А про глазированные фрукты, от черешен в глазури и вишен, грецких орехов и померанцев, дынь и арбузов, говорили все от мала до велика, наслаждаясь качеством этого отечественного продукта.

А московская фабрика в этой коммерческой структуре была построена для производства конфет, продаваемых в розничных магазинах абрикосовской компании. Интересным представляется тот факт, что каждые десять лет московская фабрика модернизировалась: взамен сносимых корпусов строились новые, отвечающие требованиям времени, просторные и удобные для установки нового оборудования, цеха. Корпуса строились из кирпича. Высота потолков достигала четырех метров, простор был впечатляющим. Печное отопление позволяло фабрике с комфортом для работников работать и в холодные месяцы года, в то самое время, когда конфеты и все прочие сладости «разлетались» как горячие пирожки на Новый год и Рождество, на масленицу и на Пасху Христову. Окна в трехэтажных цехах были огромными, чтобы естественное освещение использовать с максимальным эффектом. Электричество было проведено уже в первые производственные корпуса для освещения. Генератор стоял в отдельном помещении и стоил недешево, как и керосин, на котором он работал, выдавая необходимый электрический ток.

*Рис. 9. Плакат «Мармелад лиллипут»
Товарищества А. И. Абрикосова сыновей. Начало XX века.
Германия. РГБ. Фото предоставлено Д. П. Абрикосовым*

К началу XX в. при фабрике был открыт кинотеатр, устроены спальни для сезонных работников, открыта своя поликлиника, детский сад и даже ясли. Работники считали своих работодателей кормильцами, а Агриппину Александровну Абрикосову, занимавшуюся развитием всего, что касалось обустройства быта работников, своей матушкой. Она в первую очередь опекала быт женщин — работниц. Они выполняли много различной и в основном ручной и тонкой работы. Именно в их руки передавали сбор коробок для конфет, мармелада и пастилы. Оклейка банделеролями этой упаковки, в которой уже лежали произведенные сладости, также доверяли женским рукам. Потому Агриппина Александровна приняла решение об открытии ясель и детского садика при фабрике — чтобы освободить работниц от забот о потомстве для продолжения работы на предприятии.

А вот производство тортов было делом сугубо мужским, так же как и производство пастил и мармелада, шоколада и различного вида бисквитов и печений. Именно мастера-мужчины и выпекали коржи для тортов, и украшали их кремом, выжимая рисунки из специальных кондитерских рукавов. Ассортимент заказных тортов естественным образом унифицировался, господам-заказчикам предлагали на выбор определенный набор этих изделий, не исключая и производство уникальных штучных десертов — «удивлений от Абрикосова».

Что же касается такой специальности, к которой можно отнести производство бисквитов, то она заслуживает отдельного рассказа. И для его иллюстрации мы прибегнем к цитате из оригинального издания господина Полевицкого, который, посетив предприятие Абrikосовых в Москве, оставил о его работе очень «вкусные» публикации. Так, читаем и переносимся в кондитерский цех Абrikосовых на фабрике в Сокольниках: «Из других специальностей этой фабрики заслуживает еще внимания приготовление бисквитов. Последние делаются так: приготовленное по известному рецепту (который составляет промышленную тайну) крутое тесто пропускается между вальцами особой машины для раскатывания в довольно тонкую ленту шириною в 1 аршин (0,7 метра). Затем эта лента разрезается на куски, которые кладутся на железные противни и идут в особую штамповочную машину, откуда на тех же противнях помещаются на цепь непрерывно движущейся паровой печи. Цепь эта с помощью часового механизма медленно движется и везет на себе бисквиты, вынося их с другой стороны печи уже совсем готовыми, испеченными. Затем бисквиты укладываются в коробки, жестянки и пр.»

В этой цитате особо важной частью является приличная механизация производства на московском предприятии и обладание оригинальными семейными рецептами, которые составляли «промышленную тайну». К подобным бисквитам, ставшим фирменным абrikосовским лакомством, можно отнести и «Маковую соломку», которую выпускали только Абrikосовы и фасовали с 80-х годов XIX века в роскошные коробки из жести, на крышках которых изображался трафаретной печатью красивейший рисунок — алые маки на фоне золотистой соломы. Автор этого рисунка неизвестен, но коробку покупатели сохраняли для хранения в ней различных домашних безделиц, пуговиц, ниток и прочих женских мелочей.

И подобное отношение к упаковке своих изделий стало важным после того, как было создано промышленное производство кондитерских изделий из уникального сырья. Картон, жесь, стекло, дерево и даже фарфор — эти материалы использовались для изготовления различных ларцов, коробок и бонбоньерок, в которые укладывалась продукция кондитерской фабрики. К 80-м гг. XIX в. технология производства упаковок в Москве стала позволять печать красочных изображений на жести в технике шелкотрафаретной печати, и потому для бисквитов и печений, конфет и пастилы стали заказывать упаковку из жести. Главным производителем жестяной и картонной упаковки стал зять старших Абrikосовых, женившийся на их дочери Анне,

Рис. 10. Этикет «Шоколад ваниль»

Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей. Начало XX века. РГБ.

Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

происходивший из рода Шемякиных. С ростом объема производства кондитерских изделий к началу XX в. было принято решение построить собственную упаковочную фабрику и начать на ней выпуск разнообразной коробочной продукции.

Упаковка из карамели, пастилы, мармелада и даже бисквитов, не говоря уже о плитках шоколада, считалась целым искусством в семье! На различных обертках, которые выпускались целыми сериями и становились объектами коллекционирования, по примеру почтовых марок изображались и памятники архитектуры Москвы, как мы можем видеть на этикетках шоколада «Шоколад Ваниль». Памятники избирались самые популярные — от соборов Московского Кремля, Сухаревой башни до здания Сиротского дома. На этикетках других серий изображались сцены из тех опер, какие шли в репертуаре Большого театра в Москве. И в основном это были сцены из опер русских композиторов патриотического содержания с публикацией либретто на обороте фантика. На других сериях мы видим точное изображение различных бабочек, которые водились на территории Российского государства. Изображения отличались научной точностью, над ними были указаны названия конкретного насекомого, приведенные на латыни. Подобное обозначение могло стать объектом коллекционирования тех покупателей, которые увлекались энтомологией и потому собирали данные фантики в коллекции. Рисунки для упаковки делали мастера, работав-

шие в литографских мастерских и в типографиях, где этикетки заказывались большими сериями. Бывали случаи, когда этикет заказывался великим русским художникам — Добужинскому, Лансере или Репину, позже — Полену, Лансере и другим великим русским художникам.

Сыновья А. И. Абрикосова, приобретшие у своего отца и основателя компании свои доли в 1872 г., повлияли на ассортиментную политику созданного ими Товарищества, благодаря чему в ежегодно публиковавшихся «Прейскурантах для оптовых и розничных покупателей» появилось большое количество совершенно экзотической продукции: полые игрушки из шоколада с подарками внутри, которыми нужно было украшать рождественскую елку, шоколадные яйца с сюрпризом внутри, обернутые в яркие этикетки с развивающими рисунками для детей и взрослых. Частенько в эти полые подарки из шоколада вкладывалась так называемая «китайская мишура» и крохотные монографии русских писателей и поэтов с произведениями на праздничные и религиозные темы. Отдельным пунктом шли подарочные бонбоньерки, сувениры и подарки для вложения в коробки конфет, сюрпризы. С такими сюрпризами именовались коробочки ценой от 35 копеек до 6 рублей, в зависимости от того, что за сюрприз был вложен в упаковку. Особенной популярностью пользовались шоколадные таблетки с заводными машинками и куклами по цене от 35 копеек до 3 рублей. Фарфоровые игрушки с конфетами внутри могли порадовать не только ребенка, но и барышню, получавшую подобный подарок от своего кавалера. А вот большой и разнообразный выбор бонбоньерок, который производили на собственной фабрике в Москве, порадовал воображение самого взыскательного покупателя. Выпускались бонбоньерки с бронзой и с солодкой, с кожей и с картинами, цветами и шелковые, из бархата и из плюша. Кожаные вставки теснили нежными рисунками с изображением цветов, прекрасно представляя себе потенциального покупателя этой сувенирной продукции. В ней не было острых углов, все формы и сам размер предполагали интимность подобного подношения. «Все эти предметы покорнейше просим гг. покупателей требовать на известную сумму с указанием определенных цен», — торжественно писалось в прејскурантах, которые ежегодно обновлялись. А цены на такую упаковку колебались от 25 копеек до 25 рублей за штуку.

Были придуманы и специальные, небольшие по размеру, похожие на визитные карточки упаковки для плиток шоколада. Именно их приобретали посетители различных салонов для того, чтобы подписать такую коробочку и положить на поднос чучелу медведя, которое хозяева салонов специально ставили в прихожей собственного дома

для того, чтобы гости, посетившие их, могли оставить свою визитку. А подобная визитка с плиткой тонкого шоколада могла вызвать позитивные впечатления о том госте, который ее оставлял на память о своем посещении. Традиция писать стихи на плитках шоколада, различные поздравительные посвящения, печатать на фантиках рецепты, советы для хозяек, советы по воспитанию детей, развивающие игры с ними — все это отличало продукцию новой компании Абрикосовых. Замечательным начинанием можно считать обычай вкладывать в полые шоколадные яйца на Пасху миниатюрные книжки с произведениями русских писателей. Вскоре в читательский обиход вошло понятие «абрикосовская библиотека».

В 1888 г., к десятилетнему юбилею с момента начала работы предприятия Абрикосовых в Москве, был подготовлен специальный юбилейный альбом с видами фабрик и магазинов «Товарищества А. И. Абрикосова сыновей». Этот внушительного размера ручной работы альбом включал в себя массу фотографий с видами производства и магазинов, которые были построены десять лет назад. И сегодня поражает качество этого уникального издания, переплет, обтянутый синим бархатом, золотой обрез у выполненных из толстого картона листов, огромный формат и качество вклеенных на страницы фотографий, передающих все производственные детали, форму конфет и тортов, лица мастеров и рабочих, склады продукции и этикета, технические помещения фабрики и ее оборудование и организацию производства. Один из выпущенных экземпляров этого произведения типографского и фотографического искусства был передан на хранение в Румянцевскую библиотеку (он и сегодня хранится в Российской Государственной библиотеке в отделе редких книг).

6. «Кондитерский особняк» Абрикосовых инженера Шнауберга

Как мы знаем из переписки членов династии Абрикосовых и из воспоминаний, оставленных нам некоторыми из ее представительниц, многие совершали путешествия по Европе и по миру. Ездили и с деловой целью, как Иван Алексеевич посещал Францию для поиска французских кондитеров для работы в компании Абрикосовых, ездили на учебу, как Алексей и Сергей Абрикосовы — в Германию и в Великобританию. Ездили и на отдых в южные страны Европы, как сама Агриппина Александровна со своими дочерьми не раз посещала

*Рис. 11. Особняк Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей.
Москва, Малая Красносельская улица. Архитектор Б. Н. Шнауберт.
Фото предоставлено Д. П. Абрикосовым*

Южный берег Франции. В одной из подобных поездок кто-либо из молодых членов династии мог посетить и Португалию, познакомиться с историей этой страны, с ее искусством и архитектурой. И прямо там, на месте, увидеть какой-нибудь красивый особняк, выстроенный в стиле модного тогда модерна, но не стиля «а ля рюс». Южный и именно португальский модерн имел свои яркие и характерные отличительные черты. У зданий, выстроенных в этом экзотическом стиле, был перегруженный деталями верх здания, живые и оплывающие формы, перетекающие линии и объемы, много крупных и как бы несоразмерных деталей на крыше и в верхней части зданий. Подчинение всего сооружения единой идее, а не эклектическое соединение разных стилей. И именно такое «фирменное» здание было нужно семье Абрикосовых, в начале XX века приступивших к перестройке своей главной фабрики в Сокольниках. И вполне возможно, что один из представителей семьи, увидев такое здание во время своего отдыха, зарисовал его в блокнот, увидев не просто цельное сооружение, но именно то, что может стать фирменным элементом всего проекта вновь отстраиваемой фабрики. И именно этот эскиз был показан инженеру и архитектору Борису Николаевичу Шнауберту, который в это самое

Рис. 12. Внутренний вид второго этажа фабричного особняка Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей. Окна эркера второго этажа имеют характерные оконные рамы в форме пчелиных сот. Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

время занимался строительством новых корпусов фабрики. В проект был внесен новый элемент, призванный быть «коронай» всех новых промышленных корпусов. На углу Малой Красносельской и Прозжеей улиц архитектор предложил воссоздать увиденное одним из заказчиков здание, подчинив его сладкой, самой кондитерской архитектурной идее. Архитектор Шнауберт, прославившийся строительством особняка Цветкова в «псевдорусском» стиле на Пречистенской набережной, не посчитал такую идею неестественной для московских кондитеров. Он спроектировал и возвел в 1905 году здание в стиле модерн. По другой версии, у этого дома Абрикосовых существовал иной заграничный прототип — особняк госпожи Жильбер в Париже. Новый дом Абрикосовых был сконцентрирован вокруг центрального углового объема. Он занял центральное место всей композиции фабрики и был виден издали по улице Верхняя Красносельская. Его главное центральное крыльцо и три выпуклых мощных эркера на втором этаже стали доминирующим украшением не только этого небольшого здания, но и всей улицы. Если первый этаж здания

отделан скромно, то его второй ярус имел оконные переплеты с узором в виде сот в верхней части окон, что было выраженным кондитерским элементом этого «дома-торта». Изящно изогнутые лепные детали под окнами второго этажа напоминают вазочки для конфет. Дом был нарочно сделан как бы «говорящим»: его фасады демонстрируют, чем именно занимались его хозяева и на чем должна была специализироваться новая фабрика в Сокольниках. Богато декорированная решетка ограды на крыше дома также выполнена в стиле южного модерна, подчиненного единому смыслу этого здания: плавные изгибы ее элементов придают завершению дома волнообразность, подобную тем волнам воздушного крема, которыми кондитеры украшали верхние части своих тортов, часто называемых «удивлениями от Абрикосова». И этот дом стал подобным удивлением. Огромная круглая лепная «вишенка» венчала этот торт над эркером, завершая общепраздничную композицию. Полукруглые пролеты лестницы, выполненные из камня, имели сдержанное орнаментальное завершение в изразцах полов лестничных площадок, но были богато украшены чугунными решетками, в декоре которых можно было увидеть бутоны цветов и переплетения молодых ветвей и побегов. И даже солнце, воплощенное в лепнине потолка эркера второго этажа, буквально освещало всю эту удивительную композицию южного дома в северной Москве.

Рис. 13. Оконные рамы особняка «Товарищества А. И. Абрикосова сыновей» по Малой Красносельской улице в Москве. Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

7. Магазины династии Абрикосовых

Для продажи розничной продукции, произведенной из крымского сырья на фабрике в Москве, компания задалась идеей создания цельной сети фирменных кондитерских магазинов на необъятных просторах Российского государства. В Одессе и в Ростове-на-Дону, в Киеве и в Москве, в Санкт-Петербурге и на Нижегородской Ярмарке, в Иркутске и во Владивостоке. Самой дальней точкой созданной «сети» магазинов стал именно Владивосток, куда товар доставлялся по морю. И подобный охват говорит нам о том, что автор этого проекта мыслил масштабно, понимал, что теперь его фабрика производит уникального качества продукцию и ее необходимо донести до всех своих сограждан, как бы далеко они ни проживали!

В столичных городах — в Москве и в Санкт-Петербурге — магазинов было много, и все они находились на центральных улицах, в помещениях модных пассажей. Интерьеры магазинов оформлялись как музейное пространство. Хрустальные витрины с представлением всего того ассортимента, который можно было приобрести, с сезонными конфетами внутри, картины на стенах, дорогая витринная мебель, стулья, диваны и кресла, скульптуры и напольные вазы из фарфора — все эти элементы внутреннего убранства правильно настраивали покупателя на то, что конфеты — это не еда, а то удовольствие, которым можно поделиться с родными и с друзьями, побаловать себя и близких. И оно не может стоить дешево, что тоже было важно донести до сознания входивших в магазин господ и дам.

В историю рекламного дела в России вошла и инициатива Ивана Алексеевича Абрикосова, который решил опубликовать перед днем открытия всех этих фирменных магазинов объявление в газетах о том, что у Абрикосовых, открывающих завтра свои магазины по всем крупным городам Империи, в каждом магазине девушки-продавщицы наняты на работу той национальности, которая является коренной для конкретной губернии. Блондинки — на севере России, шатенки — в средней полосе, а брюнетки — все как на подбор — на юге! Покупатели заинтересовались этакой придумкой и пошли проверять это объявление в открытые магазины. И никто из них не уходил без покупок. Этот рекламный ход вошел затем в учебники по рекламе и по продвижению продукции и компании Абрикосовых.

В магазине, открытом в Одессе, в доме мадам Санц на Дерибасовской, позже была открыта и дирекция кондитерской компании Абрикосовых и чайной компании «Братья К. и С. Поповы». Этими

Рис. 14. Магазин Товарищества А. И. Абрикосова сыновей
в Верхних торговых рядах. Фото из юбилейного альбома 1888 года. РГБ.
Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

двумя компаниями руководил родственник старшего сына Алексея Ивановича Абрикосова и его давнишних коллег и партнеров Василий Кандинский.

Магазин в Ростове-на-Дону и в Киеве, размещенный в помпезном доме на Крещатике, — все торговые точки арендовались Абрикосовыми на самых центральных улицах тех городов, где они работали. Московские магазины занимали роскошные помещения в Верхних торговых рядах, в пассаже Солодовникова. Магазин на Кузнецком был похож на модный салон, а на Тверской — на театральное фойе. Но самым известным и удивительным стал магазин в Санкт-Петербурге, который размещался в доме армянской церкви на Невском проспекте.

8. Магазин Товарищества Сыновей А. И. Абрикосова. Невский проспект, дом 40 в Санкт-Петербурге

Это здание магазина на Невском проспекте, его адрес был известен всем жителям Российской Империи, так как в нем размещалась редакция легендарного журнала «Новое время» и издательство ее владельца, уникального просветителя, писателя и драматурга, господина Суворина. И эта близость имела огромное значение для развития именно этой торговой площадки в столице Империи. Интерьеры магазина были богато декорированы и деревянными резными панелями, и уникальными, ручной работы вышивками и гобеленами, привезенными из Поднебесной Империи, родины того дивного напитка, торговля которым обеспечила успех всем коммерческим проектам династии Абрикосовых. Магазин этот был открыт одновременно со всеми основными магазинами, в 1882 г., к открытию Художественно-

Рис. 15. Магазин Товарищества А. И. Абрикосова сыновей на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Фото из юбилейного альбома 1888 года. РГБ. Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

Промышленной Выставки в Москве. Именно это мероприятие стало вершиной компании Сыновей А. И. Абрикосова и ее директора Ивана Алексеевича.

Несмотря на то, что магазин входил в число фирменных, открытых по всей России, его китайские интерьеры невольно наталкивают на мысль, что основным товаром в нем был чай, производимый и поставляемый из Поднебесной Империи. Абрикосовы к моменту открытия этого потрясающего помещения в самом сердце Петербурга уже полностью приняли на себя руководство компанией «Братья К. и С. Поповы», стали одними из крупнейших чаоторговцев того времени. Но подтвердить мою версию мне помогли мои друзья, разыскавшие уникальные фотографии, хранившиеся в семье четырнадцатилетней девушки, которая служила в нашем магазине на Невском. На этих фотографиях, которые были сделаны в 1914 г., ясно видны и интерьеры магазина, и те товары, которые стоят на его полках и прилавках. Торговали прежде всего чаем! Превосходным, китайским, разных сортов и в самой различной упаковке! Конфет на тех фотографиях не видно совершенно, а вот объявление, повешенное у кассы и гласящее о том, что «покупателей просят не говорить по-немецки», видно прекрасно! Новые времена Первой мировой войны создавали свои правила поведения.

9. Выставочные павильоны на художественно-промышленных выставках 1882 и 1896 года

С 1828 г., когда Император Всероссийский Николай I предпринял первую попытку провести выставку произведений отечественной промышленности в Санкт-Петербурге, подобные смотры стали постоянными, и проводились они попеременно, в Петербурге, Москве или в Нижнем Новгороде. Первая выставка не удалась, и потому ее постарались забыть. А вот более подготовленная Художественно-промышленная выставка произведений отечественной промышленности 1833 г. в столице Империи была проведена блестяще, и на ней Абрикосовы получили свою первую награду — золотой гравированный перстень, на котором был нанесен тост Императора, обращенный к московским участникам и гласил: «За здоровье трудящихся в пользу Отечества». Его можно считать девизом того смотра и девизом работы всего русского купечества.

Но главной выставкой для обновленной компании Абрикосовых стала московская выставка 1882 г. Признав невероятный успех обновленной компании Абрикосовых, поразивший современников взлет и производства, и системы реализации нового ассортимента кондитерских изделий, производимых промышленной цепочкой, состоявшей из двух фабрик, российские кондитеры избрали Ивана Алексеевича Абрикосова на престижную должность распорядителя кондитерского отдела всей выставки, доверили ему организацию экспонирования произведений сладкой промышленности России. И это было неслучайным выбором, ведь многие кондитеры производили свои конфеты из того фруктового сырья, которое они покупали у компании Абрикосовых и которое производилось в Крыму.

Издатель Альбома, выпущенного после открытия той выставки, господин Гаппе писал:

«Всероссийская Художественно-Промышленная Выставка 1882 г., проектированная на более обширных началах, чем все бывшие у нас до сих пор выставки, представила нам плоды деятельности художественной, промышленной и мануфактурной за истекшее двенадцатилетие. Вся Россия, даже самые отдаленные местности представили образцы своих произведений на эту выставку, которую можно считать вполне удавшейся во всех ее отделах. Выставка 1882 г. дала явные доказательства, что Россия во многом смело может соперничать с заграничными продуктами, а некоторыми произведениями превышает даже заграничные. Сравнивая нынешнюю выставку с Мануфактурной выставкой 1870 г. в С.-Петербурге, можно на каждом шагу убедиться, какой огромный успех сделала Россия в течение 12-ти лет по всем отраслям искусства и промышленности. Поэтому я считал весьма важным воспроизведение в рисунках особенно замечательных из выставленных во множестве предметов с целью составить альбом как наглядное воспоминание для каждого, близко принимающего к сердцу отечественное производство и народное богатство, в особенности же для экспонентов и для тех лиц, которые, не имея возможности быть на выставке, не могли лично убедиться в положении наших искусств, наших мануфактурных, заводских и фабричных производств до 1882 г.».

Выставка стала первым местом взаимодействия всех видов искусств — архитектуры и скульптуры, живописи и садово-паркового искусства, музыки, театра, балета. Впервые сформированный художественный отдел, насчитывавший около 950 произведений, исполненных в русском стиле, — знаковое событие в художественной

и культурной жизни России. В этом разделе экспонировались произведения замечательных русских художников — Васнецова и Верещагина, Крамского и Куинджи, Поленова и Прянишникова, Антокольского и Савицкого. Именно на этой выставке впервые во весь голос заявил о себе русский стиль, став на многие годы главным направлением для России в архитектуре и в прикладном искусстве, в живописи и графике. После этой выставки во многих городах России стали открываться кустарные мастерские, а в Москве был создан кустарный музей. Все эти начинания были призваны пропагандировать национальное русское искусство, объединяющее все народы, проживающие на ее необъятной территории.

Павильон компании «Товарищество А. И. Абрикосова Сыновей» был также исполнен в стиле русского терема и стал украшением выставки. Его цена приближалась к 200 тысячам золотых рублей. Внутреннее убранство производило яркое впечатление на посетительниц. Гранитные прилавки, богатые витрины и изобилие кондитерского ассортимента поражали воображение.

За качество своей продукции компания Абрикосовых на этой выставке получила высшую награду, победив в разделе «Сельскохозяйственных произведений и съестных припасов». Это было право использования государственного Герба Российской Империи на упаковках и в рекламе ее продукции.

Вот как звучали формулировки этой награды в опубликованном списке экспонентов, удостоенных похвальных наград: «Абрикосова А. И. Сыновья» в Москве за превосходного качества глазурованные фрукты, которые фирма Абрикосова первой в России стала готовить в Крыму из местных фруктов и тем самым начала вытеснять привозные из заграницы продукты этого рода, а также за огромные, по специальности, размеры производства и за долголетнее существование фирмы».

Следующая победа компании была завоевана на выставке 1896 г., которая проходила в Нижнем Новгороде и на которой семья представляла свое кондитерское и чайное производство. И всякий раз выставочные павильоны нашей компании представляли из себя произведения высокого искусства, становились теми архитектурными объектами, которым была уготована длинная жизнь, но в руках новых владельцев. Они не пропадали после закрытия выставок и продавались желающим их приобрести. Подобным примером продолжения жизни этих архитектурных шедевров может служить павильон, спроектированный А. Каминским для выставки 1900 года, который был выкуплен

«господином Марковым и перевезен в Каретный ряд», как гласит подпись под видом этого павильона в первом выпуске «Художественного сборника работ русских архитекторов и инженеров» за 1901 год.

10. Усадьба Гурьева — дом с историей и славой своих первых владельцев

Кондитерское дело семьи развивалось и приносило определенную прибыль, а Агриппина Александровна продолжала приобретать жилую недвижимость для постоянно прибавлявшейся семьи. Одним из приобретенных ею домов стал легендарный дом купцов из Ярославля, друзей и сподвижников «гостя Сверчкова» — палаты Гурьевых, которые она приобрела в 1881 году. Эти палаты конца XVII века были построены товарищами Семена Сверчкова и героями ополчения Минина и Пожарского, ярославскими купцами Дружиной и Гурием Назарьевыми. Вместе с делом своих отца и дяди дом унаследовал сын Гурия и племянник Дружины, Михаил Гурьевич Гурьев, получивший свою фамилию по имени своего отца. И палаты потому были прозваны «палатами Гурьевых». Агриппина Александровна приобрела эти огромные палаты и для своих потомков, которым уже следовало обрести свой «угол», и для коммерческого использования.

К моменту совершения этой очередной купчей у палат, расположенных по Большому Успенскому переулку, было богатое прошлое. Хозяева московских палат вошли в историю России тем, что построили выдающийся памятник религиозного зодчества — церковь Рождества Христова на Волге, основали город Гурьев. С 1870 г. палаты, прилично перестроенные и достроенные другими владельцами, переходят в собственность известного купца и мецената, коллекционера и владельца богатейшей коллекции русской и европейской живописи Василия Кокорева. И именно у него приобретает этот дом Агриппина Александровна Абрикосова в 1881 г.

Такой молодой семьей, которая первой поселяется в роскошных апартаментах приобретенного дома, становятся супруги Леман-Абрикосовы. Глава семьи Адольф Адольфович Леман (1854–1914) был выходцем из Восточной Пруссии, инженером по специальности. Вначале Адольф поступил на службу на фабрику Абрикосовых в качестве инженера, а потом посватался к одной из дочерей своих работодателей, к Агриппине Алексеевне Абрикосовой (1864–1942). Их трое детей росли в этом родовом особняке с историей. Один из

Рис. 16. Особняк А. А. Абрикосовой по Большому Успенскому переулку в Москве. Фото предоставлено Д. П. Абрикосовым

Рис. 17. Второй корпус усадьбы Колли. Малый Успенский (Сверчков) переулок в Москве. Собственность А. А. Абрикосовой. В этом здании размещался первый фабричный цех Торгового дома А. И. Абрикосова, до 1880 года. Фотография из собрания Б. С. Стечкина

них, Георгий Адольфович Леман-Абрикосов (1887–1968), впоследствии станет видным издателем философской литературы, филологом и переводчиком. Окончив Юрьевский Университет, он увлеченно занимается издательским делом. Учрежденное им в 1912 г. «Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова» выпустило за пять лет своей работы труды русских философов. К таким изданиям относится ряд философских книг Н. А. Бердяева, В. И. Иванова, Н. С. Лосского, Э. Л. Радлова, С. Л. Франка. Этому издательству принадлежит и выпуск первой книги философского ежегодника «Мысль и слово». Помимо изданий философского направления, это издательство выпускало книги по истории, юриспруденции, экономике и статистике.

Остальные площади в этом значимом месте не стояли просто так. Маменька сдавала их внаем, не упуская своей выгоды.

11. Доходные и жилые дома Абрикосовых в окрестностях Храма Успения Пресвятой Богородицы — усадеб Татаринова и другие дома, связанные с историей династии

Все жилые и доходные дома Агриппина Александровна приобретала в окрестностях купленных ранее собственных усадеб, в приходе Храма Успения Пресвятой Богородицы, в котором ее супруг служил старостой. Очередным приобретением можно считать усадьбу Татаринова, которая размещалась напротив палат Гурьевых по Большому Успенскому переулку. Это владение состояло из двух зданий, и в них Агриппина Абрикосова решила сдавать в аренду квартиры и помещения. Одной из таких фирм стала компания ее супруга — страховое общество «Якорь».

Данная коммерческая деятельность совмещалась с тем, что и представители семьи — дочери, выходявшие замуж — селились в жилых апартаментах в этих домах. К таким своим постояльцам можно отнести семью Васильевых и другие.

Позже был приобретен небольшой двухэтажный особняк, который размещался рядом с первым корпусом фабрики и позже получил нумерацию под № 10 по Малому Успенскому переулку (Сверчков переулоч, дом 10).

Все эти дома наполнялись жизнью и могли приносить своей хозяйке немалую прибыль. Ее счет в банке исчислялся суммой, в которой было шесть нулей.

12. Материальные памятники общественной работы династии Абрикосовых. Московская Практическая Академия коммерческих наук

Пока Агрипшина Александровна Абрикосова занималась приобретением и эксплуатацией своей недвижимости в районе Покровки, ее супруг продолжал активную работу в коммерческих структурах и служил своему Отечеству в качестве благотворителя и мецената.

И с этим служением связаны интересные и памятные места, объекты культурного наследия России. К главному делу жизни А. И. Абрикосова можно отнести его работу в Попечительском Совете Московской Практической Академии коммерческих наук. Это учебное заведение было основано в 1804 г., когда дед Алексея Ивановича Степан Николаевич решил осесть в Москве. Основана эта школа была Карлом Ивановичем Арнольдом и всегда находилась в съемных помещениях (как и другие подобные школы и гимназии). Педагогами в школу приглашались самые лучшие и известные преподаватели, в том числе профессора Московского университета. Управление школой осуществлялось Советом, который функционировал на общественных началах

Рис. 18. Усадьба Дурасовых в Москве, в которой располагалась Московская Практическая Академия коммерческих наук в Москве, на Покровском бульваре. Фотография предоставлена Д. П. Абрикосовым

и в который избирались представители делового мира Москвы. Быть избранным в этот орган было престижным и налагало огромную ответственность на их членов. Алексей Иванович согласился принять участие в работе Совета, увидев в этом и доверие, и возможность проявить себя в новом качестве. И в декабре 1861 г. он избирается членом Совета Московской Практической Академии коммерческих наук. Проявив себя на самом достойном уровне, он спустя всего 15 лет — 29 сентября 1876 г. — единогласно избирается Председателем Совета. «У руля» этого старейшего коммерческого учреждения Алексей Иванович пребывает более 35 лет, осознавая важность развития системы коммерческого образования в России, поскольку именно третье сословие призвано было, по мнению купца Абрикосова, стать главной движущей силой в развитии промышленной России.

Академию Коммерческих наук знали по всей необъятной России. Многие отцы мечтали о том, чтобы отдать своих чад в это престижное учебное заведение. Дети самого председателя Совета, Алексея Ивановича Абрикосова, были в числе ее учеников. Так, второй сын его, Иван Алексеевич Абрикосов, по окончании своего образования в этой коммерческой школе в восемнадцать лет возглавляет семейную кондитерскую компанию, не продолжив своего образования в Московском Университете или в каких-либо иных учебных заведениях. Знаний, полученных в Академии, ему хватило для того, чтобы сделать свою семейную компанию лидером кондитерской отрасли страны.

Здесь также обучались дети выдающихся русских промышленников: Найденовы и Хлудовы, Лямины и Прохоровы. Помимо таких «звездных» учеников Академии, в ней могли обучаться и представители беднейших групп населения, находясь на «полном пансионе», с проживанием в общежитии и питанием, получая именные стипендии.

Еще до того момента, как Алексей Иванович стал членом Попечительского Совета Академии и возглавил его, Академией был приобретен в собственность отдельный дом для организации в нем образовательной работы. С 1839 г. этим местом стала обширная и старинная усадьба бригадира Алексея Николаевича Дурасова. Домовладение, построенное в конце XVIII — начале XIX в. между Воронцовым Полем и Покровским бульваром, включало в себя, помимо главного дома, много хозяйственных строений. Сам Алексей Николаевич начал свои успехи с того, что выгодно женился на дочери богатого купца, которому принадлежали горнодобывающие заводы в Сибири. Роскошная усадьба была построена по проекту Матвея Казакова в 1801 г. Это значительное архитектурное сооружение по своей композиции было

вытянуто вдоль Покровского бульвара. Главный дом был объединен галереями с надворными постройками.

В истории этого здания, исполненного в стиле ампир, есть и трагические страницы, которые связаны с тем, что один из владельцев, граф Матвей Дмитриев-Мамонов, принадлежа к тайным обществам, отказался присягать Императору Николаю I и после отстранения от службы был объявлен сумасшедшим и провел остаток жизни в усадьбе Васильевское, известной больше под названием «Мамонова дача».

Приобретенная для Академии Коммерческих наук усадьба Дурасова увидела учеников этого заведения только в 1847 г. Несмотря на то, что когда-то жилой дом стал использоваться для оказания образовательных услуг, он сохранялся и в этом качестве без серьезных изменений до середины 50-х гг. XIX в. Только в 1854 г. главный дом усадьбы соединяется со зданием манежа, который переоборудуется под учебные классы. В главном здании расширяются окна, поднимаются потолки в помещениях.

Уже при руководстве А. И. Абрикосовым этим учебным заведением увеличиваются площади северного флигеля усадьбы, доходя до западной границы владения.

Вкладывая все свои душевные силы в развитие Академии, принимая вступительные и выпускные экзамены, приглашая на преподавательскую работу лучших педагогов и специалистов своего времени, профессоров Московского Императорского Университета, Алексей Иванович по возрасту был вынужден покинуть свой пост в 1897 г. Но память о его вкладе в работу этого учреждения была сохранена. Так, в актовом зале Академии был экспонирован портрет А. И. Абрикосова кисти В. А. Серова, написанный великим русским портретистом по заказу Академии после того, как бессменный руководитель этого учебного заведения подал в отставку. Именно за службу в качестве Председателя Совета МПАКН А. И. Абрикосов получил высшие государственные награды и чин Действительного Статского Советника.

Старшие сыновья Алексея Ивановича Абрикосова — Николай и Алексей — издавали первый в России журнал «Вопросы психологии и философии», в котором печатались сочинения выдающихся русских мыслителей, философов и писателей, Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева и многих других. После того как популярность этого издания достигла успеха и журнал перестал нуждаться в финансовой подпитке своих издателей, А. А. Абрикосов подарил журнал его редакции, которая находилась на Вспольном переулке в собственном здании.

13. Роддом имени А. А. Абрикосовой

Агриппина Александровна открывает на Божедомке, в Воскресенском проезде, в доме Сретенского «бесплатный родильный приют и гинекологическую лечебницу с постоянными кроватями». Создание подобной клиники для нужд помощи роженицам из беднейших слоев населения в эти годы сложно переоценить и сегодня, тем более что, по замыслу создательницы, клиника была размещена в том неблагополучном районе Москвы, где ее создание требовалось прежде всего, там, где порой женщины рожали даже на улице.

Заведующим акушером на службу был принят доктор А. Н. Рахманов, супруг дочери Агриппины Александровны, Софии Алексеевны Абрикосовой.

Эта история стала прологом создания самого большого и современного на то время городского родильного дома, которому заслуженно было присвоено имя Агриппины Александровны Абрикосовой.

В конце XIX века ситуация с родовспоможением в Москве и в России была крайне непростой и тяжелой. Представительницы обеспеченных слоев населения рожали на дому и прибегали к помощи либо известных докторов, либо опытных повитух. А малообеспеченные женщины рожали в стесненных условиях без должной помощи, согласно народным традициям и поверьям. Смертность во время родов новорожденных детей и самих рожениц была крайне высока в те годы.

Был узкий круг благотворителей, которые, понимая данную ситуацию, создавали небольшое количество родильных приютов, передавая для этой цели свои дома, совершенно не приспособленные для подобной медицинской работы. В Москве существование таких приютов регулировалось их уставами, они подчинялись Управе, функционировали под присмотром своих учредителей, становившихся официальными попечителями этих учреждений. Городская Дума утверждала уставы этих учреждений и попечителей над ними. Врачебный и санитарный контроль осуществляли врачи-акушеры, приглашаемые на устанавливаемую попечительским советом зарплату.

Несмотря на это, Москва продолжала испытывать острый голод в медицинских учреждениях, подготовленных для родов, и в специалистах, способных проводить работу не только по обеспечению безопасных родов, но и по сохранению беременности.

В 1897 г. во врачебном совете Московской городской Думы обсуждался вопрос о реорганизации родовспоможения в Москве. В создании новой системы родовспоможения принимал самое актив-

Рис. 19. Роддом имени А. А. Абрикосовой в Москве.
Проект архитектора И. А. Иванова – Шица. 1906 год.
Из собрания Д. П. Абрикосова

ное участие выдающийся врач-акушер, практик и теоретик Александр Николаевич Рахманов. Женившись на Софии Алексеевне Абрикосовой, дочери Агриппины Александровны Абрикосовой, которая не понаслышке знала и о беременности, и о родах все и вся, произведя на свет двадцать два человека детей, без двоен и троен, Александр Николаевич стал активным участником всех ее проектов по развитию родовспоможения.

В 1889 г. А. А. Абрикосова решила устроить бесплатный родильный приют, и в лице своего зятя и врача-акушера она встретила страстного сторонника и помощника.

Первый параграф Устава этого заведения гласил: «Приют и лечебница содержатся на счет учредительницы, жены Коммерции Советника Агриппины Александровны Абрикосовой, и находятся в заведывании акушера Александра Николаевича Рахманова».

Данный приют был небольшой. В нем было шесть постоянных коек и в год он мог призреть около 200 женщин, нуждавшихся в медицинской помощи. Большим достижением было то, что смертность среди рожденных в нем младенцев была ниже одного процента в год. Даже в Европе того времени подобных примеров среди клиник и больниц просто не было.

Авторству доктора Рахманова принадлежит важнейшее медицинское устройство, за изобретение которого он получил признание во многих странах мира. Речь идет о «Рахмановском кресле», позволяющем облегчить процесс естественного рождения ребенка и обеспечить проведение специфических акушерских процедур с обеспечением проведения безопасных родов.

Учредительница приюта и гинекологической лечебницы Агриппина Александровна Абрикосова постоянно навещала рожениц, дарила им подарки, давала свой материнский совет. Ей было важно вникнуть во все тонкости этой инновационной работы, проконтролировать детали важного начинания.

После кончины Агриппины Александровны Абрикосовой в 1901 г. ее наследники супруг, дети и внуки, поименные персонально в данном документе, обратились в Московскую Городскую Думу и к Городскому Голове со следующим историческим заявлением:

«Имеем честь Ваше Сиятельство довести до сведения московской городской думы, что мы желаем пожертвовать капитал в размере 100 000 рублей на обустройство в Москве бесплатного родильного приюта имени А. А. Абрикосовой. Весь жертвуемый капитал предназначается на постройку зданий и оборудование приюта. Приют предназначается как для нормальных, так и патологических родов, и должен быть устроен не менее чем на 25 кроватей, причем желательно иметь отделение для послеродовых заболеваний. Приют должен именоваться “Городской бесплатный приют имени А. А. Абрикосовой” и служить для удовлетворения неимущего класса городского населения. Содержится за счет государства».

Московские власти с благодарностью приняли этот дар от наследников А. А. Абрикосовой, и вскоре началась работа по строительству нового, первого создаваемого как родильный дом, здания в Москве.

Место для строительства этого самого большого и современно-го роддома было предоставлено на Миусском поле, и на этом месте в 1903 г. началось его строительство. Проект здания был разработан известным архитектором Илларионом Александровичем Ивановым-Щицем, и в его разработке самое активное участие принимал зять покойной, доктор А. Н. Рахманов. Здание было построено в стиле Венского Сецессиона (венского варианта модерна).

Специально созданная Городской Думой комиссия, рассмотрев проект, приняла решение о необходимости добавления средств от государства с тем, чтобы построить роддом больших размеров и на

большее число постоянных коек в нем: «городу целесообразно было бы приплатить больше, но сделать учреждение больших размеров — более выгодное для содержания из расчета на койку».

Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война не позволила потратить на данные цели запланированные казной средства, и потому открытие роддома имени А. А. Абрикосовой затянулось на три года.

Но, несмотря ни на что, в 1906 г. родильный дом распахнул свои двери для приема первых рожениц. Освящение здания состоялось 25 мая 1906 г. Официальная работа по приему рожениц началась 3 июня 1906 г.

На здании рельефной кирпичной кладкой была выложена надпись, состоящая из двух частей и размещившаяся на его двух башнях: на первой, левой, в которой размещался парадный подъезд учреждения, стояла надпись «ГОРОДСКОЙ РОДИЛЬНЫЙ ДОМ», на правой — «ИМЕНИ А. А. АБРИКОСОВОЙ».

По своему устройству роддом представлял из себя невиданное доселе медицинское учреждение. По архитектуре, техническому оснащению, подготовленности персонала и его структуре роддом стал самым передовым в России и одним из лучших в Европе.

В нем была устроена 51 койка, лифт, позволяющий перевозить лежачих пациентов, все медицинские инструменты и приборы были привезены из Парижа.

Штат медицинского персонала состоял из директора и 6 врачей, 15 акушерок, одной смотрительницы и 22 сиделок. Заработная плата была установлена государством на высоком по тем временам уровне: А. Н. Рахманов — главный врач — получал оклад в 2000 рублей в год и 800 квартирных, у каждого из 6 врачей — 800 рублей в год.

К десятилетнему юбилею роддома имени А. А. Абрикосовой в московской прессе появились материалы следующего содержания:

«Постройка и открытие этого учреждения являются известной эрой в деле подачи акушерской помощи московскому населению не столько потому, что здание специально выстроенное соответствовало всем требованиям науки, но главным образом потому, что в основу ведения дела и ухода были положены новые для Москвы принципы. Как всякое новшество, они вызывали большие толки и нападки, но теперь, через 10 лет, они завоевали право гражданства и приняты более или менее во всех аналогичных учреждениях города Москвы, и родильный дом имени А. А. Абрикосовой служит образцом, с которым считаются. Насколько прочны симпатии населения Москвы к родильному дому, показывает рост поступлений, который заставил учреждение увеличить число

кроватей с 55 до 110 и довести число приемов до 6000 в год. Родильный дом имени А. А. Абрикосовой служит не только своим прямым задачам подаче акушерской помощи, но и служит, так сказать, рассадником практических акушерских знаний, так как за 10 лет в нем совершенствовались сотни врачей и акушерок. В течение последних 5 лет родильный дом служит клиникой для московских женских курсов. За 10 лет в родильный дом принято было около 44 000 рожениц, сделано операций около 7000, из них 50 кесарских сечений».

В 1994 г. после длительной борьбы потомков А. А. Абрикосовой и по обращению коллектива роддома на имя мэра Москвы Ю. М. Лужкова, подписанного главным врачом Г. В. Акимовой, историческая справедливость восторжествовала и городскому родильному дому № 6 было возвращено его историческое название: «Имени А. А. Абрикосовой».

По инициативе главного врача Галины Васильевны Акимовой в роддоме была внедрена практика грудного вскармливания новорожденного с первых мгновений его жизни, за что в 1999 году роддому, первому в Москве, присвоено звание и вручен памятный знак ВОЗ/ЮНИСЕФ «Больница, доброжелательная к ребенку».

В 2012 году роддом имени А. А. Абрикосовой был закрыт, а на внутренней территории роддома установлен памятник Агриппине Александровне Абрикосовой. В скульптурной композиции ее героиня запечатлена в тот момент, когда она посещает свой приют, общаясь с женщинами-роженицами и держа двух детей на руках. Автор памятника скульптор А. Костин сумел передать портретное сходство с Агриппиной Александровной, а меценат Э. И. Матаев смог воплотить этот замысел на собственные средства.

14. Владимир Алексеевич Абрикосов и его служение, выраженное в объектах культурного наследия России

Имя еще одного представителя династии Абрикосовых тесно связано с объектами культурного наследия Москвы и России. Речь идет о Владимире Алексеевиче Абрикосове (1858–1922) — одном из сыновей А. И. и А. А. Абрикосовых. С именем этого профессионального благотворителя, который принимал участие во многих социально значимых и благотворительных начинаниях своего времени, связаны адреса Московской Консерватории, Третьяковской галереи и Политехнического музея. Именно Владимиру Алексеевичу удалось стать

одним из директоров Императорского Русского Музыкального Общества в тот момент, когда московские члены этой организации приняли решение о строительстве нового здания консерватории в Москве. И это доверие Владимир Алексеевич полностью оправдал.

Его заслугой можно считать работу в Закупочной Комиссии Третьяковской галереи, когда он не просто принимал решение о приобретении очередного шедевра русского искусства, но мог и сам выделить личные средства для этих целей, если государственных ассигнований было недостаточно.

Строительство здания Политехнического музея в Москве было связано и с именем Владимира Алексеевича, он являлся членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Сама экспозиция была создана в 1872 г., и уже на этом этапе благое начинание вызвало интерес. Спустя три года после основания экспозиции и ее размещения в съемных помещениях была проявлена инициатива по строительству здания музея.

Работы были начаты в 1875 г. по проекту архитектора И. А. Монигетти, в 1877 г. была выстроена центральная часть здания нового музея. За этим последовало строительство южного крыла здания, которое было возведено в 1883 году по проекту архитектора Н. А. Шохина. В 1896 г. было отстроено правое крыло музея. В это время Владимир Алексеевич Абрикосов был избран одним из директоров Общества любителей естествознания, он занимался руководством строительными работами, вкладывал средства Абрикосовых в этот проект и сумел обеспечить аренду помещений первого этажа этого крыла для размещения в нем дирекции «Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей». Адрес Политехнического музея в Москве становится фирменным адресом для компании Абрикосовых.

15. Собственные дома В. А. Абрикосова: имение «Внуково»

Помимо этих общественных забот, Владимир Алексеевич Абрикосов также стремился организовать собственный быт на должном уровне, и для этих целей в начале XX века он приобретает усадьбу в Изварино Московской Губернии. Эта усадьба с большим главным домом, флигелем, домовою церковью и многочисленными хозяйственными постройками была классической русской усадьбой. В ней был собственный усадебный дом, флигель, надворные и хозяйственные

постройки, усадебный храм. Проживая в этом месте, Владимир Алексеевич, будучи активным участником многих благотворительных проектов в Москве, привлекал в Изварино своих друзей и единомышленников. Таким образом, здесь оказывались видные музыканты, так как Владимир Алексеевич служил директором-распорядителем Московского отделения Императорского Музыкального Общества в момент строительства здания Московской Консерватории. Бывали в Изварино и видные художники и знатоки искусства, так как В. А. Абрикосов руководил закупочной Комиссией Третьяковской галереи. Его участие в работах по постройке Политехнического музея дает мне право предполагать, что бывали во Внуково и участники этого важного для Москвы проекта. Таким образом, приобретенная купеческим сыном усадьба стала центром духовной и культурной жизни своего города и своего времени.

Сегодня на территории детского дома «Молодая гвардия», который располагается в усадьбе Внуково в наши дни, сохранились здание флигеля, остатки ротонды на берегу усадебного пруда и каменный диван рядом с ней. Память о нашем прошлом становится «уходящей натурой».

16. Собственные дома В. А. Абрикосова: московское имение В. А. Абрикосова на Остоженке — особняк с историей

С 1913 г. в семье Владимира Алексеевича Абрикосова появляется собственный дом, никак не соотнесенный с «родовым гнездом» семьи, располагавшимся в районе Покровки. Супруга Владимира Алексеевича, Мария Филипповна Абрикосова (урожденная Чемякина), приобретает в собственность красивый особняк, расположенный на пересечении Остоженки и Ушаковского переулка.

Этот небольшой участок земли недалеко от набережной Москвы-реки в конце XVIII века принадлежал графу П. А. Ефимову. Вся застройка его была деревянной, впоследствии уничтоженной пожаром 1812 года. Но перед этим в этой части Москвы проживала семья князя Оболенского, здесь прошли детские годы будущего декабриста Е. П. Оболенского.

Дворянская семья Безобразовых владела этой усадьбой с 1809 г. и по 1830. При них состоялось нашествие Наполеона и московский пожар, уничтоживший все деревянные строения этого имения. С этого

момента и до 1816 года участок этот был обозначен как «пустопорожня земля».

С 1830 г. на этом участке в деревянном доме проживает капитанша Н. А. Безобразова, затем купеческая жена Н. О. Скосырева, губернский секретарь А. И. Виноградов.

В середине XIX века деревянной одноэтажной усадьбой с каменными техническими строениями владеет Е. И. Кудрявцева. При ней вместо снесенного старого корпуса возведен одноэтажный деревянный главный дом на каменном фундаменте, поставленный на некотором расстоянии от линии Остоженки и обращенный на нее главным фасадом, оформленным в стиле ампир. К нему примыкал выходящий в 3-й Ушаковский переулок двухэтажный каменный жилой объем.

В начале 1870-х гг., когда домовладение принадлежало потомственной почетной гражданке М. И. Ганешиной, был деревянным и одноэтажным, стоящим на каменном жилом подвальном этаже со сводами. В 1873 г. были проведены ремонтные работы по главному дому, был также обновлен его фасад и пристроено деревянное, на каменном фундаменте крыльцо (проект архитектора М. К. Пузыревского). В 1875 г. у северной межи участка появилась еще одна каменная одноэтажная дворовая постройка — дворницкая сторожка. Именно в этой самой сторожке окончил свои дни супруг последней хозяйки особняка — благотворитель и меценат Владимир Алексеевич Абрикосов. Сюда он был выселен, находясь уже в парализованном состоянии. Встречая гостей, Владимир Алексеевич всегда улыбался, комментируя произошедшие в 1918 г. события так: «Бог дал нам все, Бог и забрал у нас все!»

С 1913 г. это домовладение находилось в собственности потомственной почетной гражданки Марии Филипповны Абрикосовой, урожденной Чемякиной.

В начале 1914 г. ею было получено разрешение на проведение ремонтных и отделочных работ по главному дому, заключавшихся в наружном ремонте и переустройстве террасы по проекту художника-архитектора С. Е. Чернышева. В 1915–1916 гг. осуществляется внутренний ремонт дома, а также перестройка каменных дворовых корпусов.

Свои последние годы супруга Владимира Алексеевича проведет во Франции. Их сын, Владимир Владимирович Абрикосов был видным деятелем московских католиков, священником, имел приход под Парижем.

17. Алексей Алексеевич Абрикосов и Анна Докудовская. Имение в Тульской губернии

Семейная история жизни с законной супругой и развод. Отход от дел и жизнь в имении...

Отношение к приобретаемой земельной и усадебной собственности можно увидеть на примерах сыновей Алексея Ивановича.

Так, один из его старших сыновей, Алексей Алексеевич Абрикосов (1856–1931), приобрел усадебное хозяйство в Тульской губернии.

О подробностях этого приобретения и жизни моего прадеда я узнал от Ксении Викторовны, жительницы села Архангельское Тульской области. В Государственном архиве Тульской области и сегодня сохраняется память о жизни Алексея Алексеевича Абрикосова, который приобрел дачу, или имение, до 1897 года, еще за три года до своего официального развода со своей супругой, Н. Н. Абрикосовой. Он приобретает в Тульском уезде, в Торховской волости землю и каменный дом с парком, села Архангельского — Стародубки. И здесь начинает вести жизнь мелкопоместного помещика, занимаясь выращиванием самых разных сельскохозяйственных культур.

Рис. 20. Фотография А. А. Абрикосова (второй слева) в имении Архангельское — Стародубки Тульской губернии, на пороге усадебного дома. Из собрания Н. Н. Птицыной

Читая оригиналы документов, узнаем из первоисточников следующее: «общее количество земли (в Архангельском у Абрикосовых) в десятинах 500. В том числе: Пахотной 120, Сенокосной 60, Лесной 240, Неудобной 20, под усадьбой и садом 50. Под посевы отдано было клевера 36, ржи 10, овса 15, картофеля 5. А пшеницу, ячмень, как и гречиху, не сеяли вовсе Абрикосовы-помещики». Не росли эти культуры на бедной земле. Бывало, брали деньги под залог урожая, кредиты получали и потому долги имели. Видимо для того, чтобы победить такие финансовые неурядицы, пытался А. А. Абрикосов заняться совершенно новой для себя деятельностью. К примеру, Алексей Алексеевич, в 1900 году предпринимает попытку заняться изысканиями и добычей железной руды, месторождения которой могут скрываться в недрах этой части Российской Империи. Где кондитерские традиции, а где добывающая промышленность? Можно было бы задаться таким вопросом в этой связи. Но факт остается фактом! Читаем еще одни документы, хранимые в фондах Тульского государственного архива и поражаемся всеохватности фантазии русского купечества в эту новую эпоху:

«В ТУЛЬСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

Потомственного Почетного Гражданина

Алексея Алексеевича Абрикосова.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Согласно личным переговорам с Городским головой имею честь предложить Тульской Городской Думе вступить со мной в переговоры о сдаче мне в арендное содержание под эксплуатацию железной руды участка городской земли, принадлежащие городу. Условия, на которых я мог бы предложить аренду следующие: 24 года, по 2 коп. за пуд, причем обязуюсь ежегодно, при оказавшейся руде, добывать ее не менее 1000000 пудов; оплата за это обязательное количество за каждые полгода вперед. На разведки, по предварительному условию, я прошу 1 год.

Подпись: А. А. Абрикосов. Г.Тула. 6 марта 1900 г.»

И государственные органы поддерживали подобные инициативы своих подданных, о чем мы можем узнать, прочитав здесь же хранящиеся документы:

«Тульское Городское Общественное Управление, желая предоставить предпринимателям право производить изыскания недр городской земли, на условиях по соглашению в случае изыскания и обнаружения достаточного количества руды калийного угля в городских участках, предоставить право эксплуатации таковых, сим предлагает войти в Городскую Управу с обозначением условий, <...> на которых

они хотели бы заключить <...> договор». Вот так, кратко, но ясно, органы местного самоуправления поддерживают инициативы по разведыванию недр своих, оказывая помощь во всем. А было ли что искать в недрах Тульской губернии? Не могу сказать, как обстояло дело с изысканиями полезных ископаемых в начале «железного» XX века, но из современной информации можно понять то, что инициатива Алексея Алексеевича могла привести его к зримому успеху, ввиду того, что земли Тульской губернии издревле были богаты и минеральными веществами и различными полезными ископаемыми, а наличие в недрах именно железных руд позволило развить здесь и ружейное дело!

Ввиду семейных неурядиц и развода с супругой — Надеждой Николаевной Абрикосовой, урожденной Хлудовой, он отошел от московских дел и поселился с новой семьей именно в усадьбе.

Несмотря на то, что он остается формально в составе совета директоров в своей кондитерской компании, наряду с братьями Николаем, Георгием и другими, числится в совете директоров и других коммерческих организаций, он окончательно отходит от московских забот и живет в Тульском уезде. Занимается и благотворительностью, помогая местному храму и деньгами, и землей под строительство церковно-приходской школы, о чем засвидетельствовано в обращении в митрополию. Алексей Алексеевич даже отдает своего единственного сына — Льва Алексеевича — в обучение в Лионскую сельскохозяйственную Школу для того, чтобы его образование помогло в развитии отцовского усадебного хозяйства. И Лев Алексеевич не только выращивает урожай, но и получает под них займы. В 1911 году он, работая в качестве агронома в отцовском имении, закладывает выращенный урожай в Государственном банке. Так, читаем документы и видим детали той жизни: «В Тульское Отделение Государственного Банка. По доверенности Алексея Алексеевича Абрикосова — Лев Алексеевич Абрикосов. «ЗАЯВЛЕНИЕ». Желая заложить в Отделении принадлежащий мне овес в количестве тысячи семисот пудов покорнейше прошу откомандировать для осмотра и измерения их чиновника по адресу: Село Архангельское <...> и выдать под них ссуду в размере 500 рублей сроком на шесть месяцев».

Чиновник прибыл, измерил амбар с овсом в зернах и по его площади убедился в верности данного описания, выдал ссуду. (ГАТО. Ф. 291. Оп. 2. Дело № 723. Дело об отмежевании крестьянского надела от владений московского потомственного почетного гражданина Алексея Алексеевича Абрикосова в даче 1-ой части с. Архангельское, Стародубки тож Тульского уезда; ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Дело 3971. Дело о пожертвовании

помещиком Алексеем Алексеевичем Абрикосовым в Архангеломихайловскую церковь села Архангельское-Стародубки Тульского уезда земли под приходскую школу; ГАТО Ф. 120. Оп. 1 Дело 1784. Дело по заявлению землевладельца Абрикосова Алексея Алексеевича о выдаче ссуды под хлеб; ГАТО Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Дело 22151. Дело по заявлению потомственного почетного гражданина Алексея Алексеевича Абрикосова, о сдаче ему в арендное содержание под эксплуатацию железной рудой участка загородной земли, принадлежащей городу).

Вместе со своими детьми он вел дела крупного усадебного хозяйства, добиваясь успехов в совершенно не свойственном для купечества виде хозяйственной деятельности.

Новая семья Алексея Алексеевича, проживавшая с ним в этом самом имении Архангельское — Стародубки Тульского уезда, постоянно прибавлялась детьми, рожденными от Анны Докудовской. Поскольку Анна и Алексей не могли заключить брак по закону, то и все их дети считались незаконнорожденными. Они носили фамилию Львовы по имени сына А. А. Абрикосова от его законной супруги. И отчество Лев Алексеевич Абрикосов давал своим сводным сестрам и брату по своему имени. Потому все потомки Алексея Алексеевича были Львовичами и по фамилии Львовы. Но этой судьбы избежала его младшая дочь. Будучи рожденной в Париже, она была зарегистрирована в качестве законного ребенка своих родителей, и звали этого ребенка Кира Алексеевна Абрикосова.

Она внесла огромную лепту в развитие русского балета за рубежом и с ней связан еще один объект культурного наследия в контексте семейной истории Абрикосовых — австралийская Опера в Сиднее.

18. Кира Алексеевна Абрикосова-Буслофф и балет в Австралии. Вилла Ф. Шаляпина «Шансон» под Парижем

Переехав во Францию, семья Алексея Алексеевича Абрикосова приобрела здесь новый дом для жизни. Дом этот был во владении великого русского певца Федора Шаляпина. Федор Иванович к этому моменту решил переехать в США и потому избавлялся от французской недвижимности.

Родилась Кира Алексеевна в Монте-Карло в 1914 г. от русских родителей, приехавших во Францию перед Первой мировой войной. Здесь мечта ее матери сбылась! Разведенный в 1900 г. со своей

законной супругой «по собственной неверности и потому обреченный на всегдашнее безбрачие», Алексей Алексеевич смог во Франции зарегистрировать свои отношения с Анной Докудовской и она наконец стала носить прославленную фамилию Абрикосова.

Их дочь Кира Буслофф (урожденная Абрикосова) провела свое детство с родителями в Монте-Карло, Ницце, Биаррице и Париже, принимая балетные классы в Париже от русских балерин в эмиграции, включая Матильду Кшесинскую и Ольгу Преображенскую, а также Александра Волинина, партнера звезды русского балета Анны Павловой. Свою профессиональную карьеру Абрикосова начала в труппе преподавателя Балета Парижской оперы Лео Стаатса, который уехал в Южную Америку в 1930 г. Она также работала в небольшой труппе, финансируемой Идой Рубинштейн и руководимой Брониславой Нижинской с 1932 г. до ее закрытия в 1934 г., после чего успешно прослушивалась в балетах полковника де Базиля «русские», гастролируя с труппой в Европе и Америке вместе со своим первым мужем, русским танцором Сергеем Бусловым.

После ее решения остаться в Австралии Буслофф танцевала как с балетной Гильдией Лорел Мартин, так и с балетом Национального театра Мельбурна, переделывая некоторые из балетов, которые она знала с тех пор, как она приступила к их исполнению. Кира Алексеевна также создала несколько своих собственных работ, в том числе в русском стиле Прашник.

Кира Абрикосова-Буслофф считается пионером австралийского балета. Ее вклад в его развитие выразился в руководстве Пертским Западно-австралийским балетом с 1952 г. Оригинальность ее постановок для этой труппы заключалась в том, чтобы суметь поставить современный балет по темам и историям, которые вдохновлены австралийскими национальными легендами, в костюмах, которые были разработаны австралийскими художниками, и на музыку, сочиненную австралийскими композиторами.

Буслофф ушла с поста директора созданной ею труппы в 1969 г., когда получила свою первую государственную поддержку, подобно тому, как ее отец в России уступил издаваемый им журнал «Вопросы психологии и философии» в собственность редакции, после того как журнал смог обеспечить себя сам и вышел на самоокупаемость. Однако Кира Алексеевна продолжила преподавать вплоть до своей смерти, наступившей в 2001 г. Ее вклад в развитие национальной танцевальной школы в Австралии был высоко оценен современниками, и она стала кавалером австралийской танцевальной премии

«За пожизненное достижение», врученной ей в 2000 г. Посему можно считать и австралийский балет «объектом культурного наследия династии Абрикосовых».

А во Франции потомки Алексея Алексеевича Абрикосова приобрели у стареющего великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина виллу в Жанври, которая называлась «Ля Шансон». Вот как вспоминают об этом современные владельцы этого «райского места», потомки Абрикосовых в сюжете для «Новостей культуры» российского телевидения:

«Обнаружены новые данные о бывшем имении Шаляпина “Ля Шансон”, что под Парижем. Упоминание об этом особняке в Жанври исследователи творчества Шаляпина нашли в письме певца своей дочери. Сегодня в этом доме живут потомки русских эмигрантов (Абрикосовых). Российский центр культуры и науки в Париже помог съемочной группе “Новостей культуры” побывать в “Ля Шансон”. Подробности в специальном материале.

Жанври, недалеко от Парижа. Улица Гран Кедрa, 5. Табличка “Ля Шансон”, а под почтовым ящиком предупреждение: “Осторожно — злая собака”. Сквозь распахнутые ворота у дверей усадьбы гостей встречают хозяйки дома — сестры Нина и Екатерина Головановы. Они еще с детства знали, что когда-то это имение принадлежало известному русскому басу Федору Ивановичу Шаляпину.

Нина Голованова, владелица имения “Ля Шансон” (Франция): “Это мой дедушка (А. А. Абрикосов) нам сказал, потому что он знал Шаляпина в России. Это был друг. Мы не знаем, как они познакомились. Тут или ...он сказал дедушке, что у него большой дом. И что он тут не хотел жить. Потом он умер, и мой дедушка приехал сюда вместе с бабушкой”.

В доме все сейчас по-другому. На этой стене некогда висел портрет Шаляпина, написанный его сыном Борисом.

Главная реликвия бывшего шаляпинского имения — кресло, единственная вещь, сохранившаяся со времен Федора Ивановича.

Семья Головановых (Абрикосовых) приехала сюда в 40-м году, сначала они арендовали дом, а потом, в 1947, жена Шаляпина Мария Валентиновна продала им имение. Правда, нынешние хозяйки дома с родственниками Шаляпина никогда не встречались.

Екатерина Голованова, владелица имения “Ля Шансон” (Франция): “С детьми нет. Мама знала его дочь, но мы нет, мы ее видели по телевизору, когда они сделали репортаж”.

Осталось несколько фотографий Шаляпина, одна из которых висит в столовой.

Екатерина Голованова, владелица имения “Ля Шансон” (Франция): “Это папа все сохранил, он ничего не бросал. Он все-все сохранил. И у нас очень много вещей, и мы не знаем, куда это все, откуда он держал и куда положить”.

Здесь некогда был приют для детей из неблагополучных семей. Потом Головановы стали давать приемы и сдавать комнаты для постояльцев. Шесть месяцев здесь жил французский актер Жерар Филипп — особая гордость сестер Головановых.

Виллу “Ля Шансон” Шаляпин приобрел в 1938 году у одного французского шансонье Шарля Винсента. Шаляпин был здесь всего несколько раз, но говорят, что называл это имение “райской местностью”.

Сейчас на этой лужайке возле дома французы отмечают свадьбы и юбилеи. Несколько комнат имения служат гостиницей. На втором этаже и сейчас живут постояльцы.

– А русские бывали здесь?

Нина Голованова, владелица имения “Ля Шансон” (Франция): “Никогда!”

На вопрос, что еще шаляпинского в доме, Головановы отвечают: “Память”».

Вот такими французскими объектами культурного наследия России обладают сегодня представители династии «кондитерских королей России».

19. Подмосковные дачи Абрикосовых. Дача Агриппины Александровны в Сокольниках

Старшие Абрикосовы после того, как семейное производство переехало в Сокольники, задумались о том, чтобы приобрести небольшой участок земли в этом районе Москвы для строительства там первого дачного дома для себя и для всей семьи.

И вновь собственником участка под № 279 Мещанской части становится Агриппина Александровна Абрикосова. Произошло это в конце XIX столетия, когда идея владения землей не только для дела, но и ради отдыха стала доступна стареющей основательнице рода Абрикосовых.

Здесь они проводили летние месяцы, сюда к родителям приезжали дети и внуки, тут фотографировали основателей династии на память их родные. И в нашем семейном архиве сохранилось немало фотографий, на которых среди цветов и на фоне красивого дома запе-

Рис. 21. На даче А.А. и А. И. Абрикосовых в Сокольниках, Большая Оленья ул., д. 15, стр. 1 . Между дедушкой и бабушкой сидит Александр Солодовников (1893–1974), будущий русский религиозный поэт.
Фото из собрания Н. Н. Птицыной

чатлены старики Абрикосовы в окружении родных и близких. Есть среди этих фотографий и изображение маленького Саши Солодовникова, который сидит между бабушкой и дедушкой на лавке у дома, и еще никто не знает его будущую судьбу крупного религиозного поэта России, автора множества лирических произведений и пьес.

Здесь же сделана одна из последних фотографий уже овдовевшего Алексея Ивановича Абрикосова, стоящего одиноко во дворе дачного дома, с тростью и курящего сигару. Только любимый дог хранит покой своего хозяина и многочисленная нарядно одетая прислуга составляет компанию «шоколадному королю» России.

После кончины родителей с 1904 года эта дача, состоящая из большого дома, рубленного из вековых сосен и большого количества украшенных резьбой надворных построек, переходит в собственность

Рис. 22. Алексей Иванович Абрикосов (1824–1904) на даче в Сокольниках. Фотография из личного архива Д.П. Абрикосова.

двух сыновей А. И. и А. А. Абрикосовых — Владимира Алексеевича и Георгия Алексеевича. У Владимира Абрикосова к этому времени созревает план о приобретении усадьбы Внуково, и потому братья решают продать дачу в Сокольниках, а деньги разделить между собой. Таким образом, дачу приобретают французские производители шелковых тканей, миллионер Виктор Клавдиевич Жиро, который был одним из владельцев «Торгового дома К. О. Жиро с сыновьями» и шелкоткацкая фабрика которых располагалась в Хамовниках в Москве. Именно он был руководителем Первого Русского Автомобильного Клуба и владел загородным имением в Тарасовке. Что интересно, именно в Тарасовке владел дачей старший сын Абрикосовых — Николай Алексеевич. Они дружили с Жиро, и, возможно, именно Николай предложил дачу в Сокольниках его семейству.

С 1914 года Жиро уступают свою дачу еще одним своякам Абрикосовых, опекавшим малолетних Олега и Виктора Сергеевичей Смирновых. Дело в том, что один из младших сыновей Абрикосовых — Александр Алексеевич был женат на Глафире Петровне Смирновой,

тетке малолетних Олега и Виктора. Эти собственники сносят все деревянные строения дачи Абрикосовых и возводят обширные каменные корпуса по проекту архитектора Д. С. Маркова, которые недавно вошли в перечень выявленных объектов культурного наследия. История этого владения продолжается сегодня.

20. Дача Абрикосовых «Дубы» в подмосковной Тарасовке на Клязьме

У поселения Клязьма на берегах одноименной реки — очень интересная, удивительная и во многом поучительная история. Она связана с эпохой правления великого Государя Николая I, с его экспериментом по отмене крепостного права, проведенным в середине XIX века и получившим совершенно неожиданные результаты.

Район Подмосковья, выбранный Государственным Советом для проведения эксперимента по отмене крепостного права, был живописным, лесистым, с привольными лугами и возможностью ведения успешного сельского хозяйства.

Близость главной торговой столицы Империи делала этот район Московской губернии весьма привлекательным и для предпринимательства, всегда сопутствующего вольному крестьянскому труду. Но работа на земле — это очень тяжелое дело, и об этом крестьяне знают лучше любого высокого руководителя. По замыслу Императора и созданной по его Указу Государственной Комиссии группа крестьян должна была, получив вольную и пройдя обучение в созданной специально под Санкт-Петербургом сельскохозяйственной школе, получить в собственность земельные наделы и имущество от государства, продемонстрировать на деле, на что способны «вольные землепашцы» в ведении свободного сельского хозяйства.

Поселившись в отстроенные дома со всей необходимой для жизни и работы на земле инфраструктурой, крестьяне-первопоселенцы решили добровольно отказаться от этого нелегкого труда и стали продавать свою землю на участки под дачи, прекрасно понимая, что дачники дадут им подзаработать, приглашая на строительство и обслуживание своих новых домов и имений.

И, таким образом, «образцовая усадьба», созданная на берегах реки Клязьма в подмосковной Тарасовке по воле самого Императора, стала превращаться в благоустроенный дачный поселок, один из самых древних в московском регионе.

Рис. 23. Н.А. и В. Н. Абрикосовы на даче «Дубы» в Тарасовке.
Конец XIX века. Фотография из собрания Б. С. Стечкина.

С этого момента началась новая история поселка Клязьма, в котором крестьяне-первопоселенцы уступили свое место московским купцам, а сами установили деловые отношения с новыми соседями, помогая им вести хозяйство и обслуживая подмосковных дачников, не бескорыстно, разумеется.

Тот участок земли с усадебным домом, который династия Абрикосовых прозвала «Дубы», был приобретен ими в 1882 году у немецкого финансиста, работавшего в России и приобретшего пустой участок у крестьян-первопоселенцев в 60-х годах XIX века.

Не оставивший своего имени в «памяти» дачного поселка, постаревший хозяин-немец решил вернуться на родину и продал Николаю Алексеевичу Абрикосову свой дом, хозяйственные постройки и большой земельный участок.

На приобретенном участке земли с домом и хозяйственными постройками были созданы все те «радости» для летней жизни, какие нам сегодня и не снились: был отстроен теннисный корт, боулинг, конюшня, тенистый парк для прогулок.

Рис. 24. Дача Н. А. Абрикосова в Тарасовке, которую называли «Дубы» в Тарасовке. Фотография из собрания Б. С. Стечкина.

Усадьба, названная «Дубы» самими хозяевами, состояла из большого бревенчатого дома в неорусском стиле с большим участком земли и надворными хозяйственными постройками. К тому моменту семья Николая Алексеевича Абрикосова и его супруги Веры Николаевны, урожденной Кандинской, увеличилась на пять человек.

К шестерым собственным детям, «Николаевичам», добавилось еще пятеро племянников Н. А. Абрикосова — дети скоропостижно скончавшегося брата Ивана Алексеевича. Супруга Ивана — Анна Дмитриевна, урожденная Арбузова, не смогла пережить предстоящую кончину своего горячо любимого мужа и добровольно покинула сей мир за неделю до неизбежной смерти Ивана Алексеевича.

Николай Алексеевич дал своему обреченному брату обязательство не оставить сирот и принял их на воспитание в свою семью. Поскольку всем его племянникам было на тот момент совсем мало лет, они впоследствии называли своих тетюшку и дядю папой и мамой и жили в семье как с собственными родителями. И каждое лето большая семья, в которой дети были на главном месте, проводила время,

отведенное для отдыха на просторах Московской губернии, вдали от городского шума и беспокойств, столичной жизни.

Предлагаемый отрывок воспоминаний о даче (имении) «Дубы» приводится по тексту книги Дмитрия Ивановича Абрикосова — племянника и воспитанника Николая Алексеевича, выросшего на этой даче в подмосковной Тарасовке:

«Бабушка еще была жива, когда наши новые родители решили поискать для своей удвоившейся семьи место, где можно было бы проводить лето вдали от города, дел, волнений и семейных сложностей. Во время поисков дядя познакомился с богатым немецким банкиром, который, заработав достаточно денег в России, возвращался домой в Германию и хотел продать свое владение, расположенное недалеко от Москвы. Полагая, что самый верный способ избавиться от трудностей — положиться на удачу, отец купил это владение, не входя в детали и даже без предварительной поездки туда. Его объявление, что дело улажено и мы будем наконец жить за городом, произвело сенсацию. Тратить деньги на покупку земли для собственного удовольствия было не в традициях семьи, и у бабушки возник повод еще раз сказать, что от учебы в университете ее сын потерял всякий здравый смысл. Но мы, дети, были совершенно счастливы. У нас в Москве не было места, где бы мы чувствовали себя совершенно свободными, и нам была незнакома настоящая загородная жизнь. Мы назвали это место «Дубами», так как великолепные дубы окружали дом, стоявший на высоком берегу реки Клязьмы.

При доме был большой парк, спускавшийся к реке и летом весь покрытый дикими цветами. Это дивное место, где мы проводили лето, стало частью нашего счастливого и беззаботного детства.

Под Москвой много красивых усадеб, окруженных парками с вековыми деревьями и овейных давними традициями. Но наше поместье было совсем другим. Его прежний хозяин, богатый немец, любил комфорт и продумал все до мельчайших деталей. У него были лошади, коровы и даже два ослика. Все там дышало свежестью и чистотой, включая нас самих и наших родителей, тоже еще совсем молодых, и мы с первых дней почувствовали себя здесь дома. Особенно хорошо помню нашу большую, с высоким потолком столовую, на стене которой висела огромная рогатая голова лося. Эта голова была свидетельницей бесчисленных обедов, во время которых мы, десять детей, болтали все одновременно, что приводило в ужас нашу английскую гувернантку, тщетно пытавшуюся объяснить нам, что в Англии, когда говорят родители, дети молчат.

Мы приехали в «Дубы» ранней весной. Там в первый раз в нашей жизни мы увидели, как стремительно после нескольких солнечных дней начинает таять снег, деревья покрываются листвой, и услышали, как звенит воздух от пения птиц. Половодье затопило поля на том берегу реки, и от этого казалось, что наш дом стоит у большого озера. Нигде, кроме России, не увидишь такого удивительного пробуждения природы после долгой зимы. Но и зима прекрасна, когда катишься на лыжах по белому, сверкающему на солнце снегу, а в лесу стоит сказочная тишина, нарушаемая только испуганными белками, скачущими с дерева на дерево. Общение с природой оставило глубокий след в нашем детстве.

Во время летних каникул мы жили в «Дубах» подолгу, с конца мая по конец августа. Размеры нашей семьи, состоявшей из родителей, десяти детей, английской и французской гувернанток и верного Василия Ивановича, сделали необходимым расширить первоначальный дом. Во время одной из прогулок отец встретил двух крестьян-плотников, их лица понравились ему, и он нанял их пристроить еще одно крыло к дому, не нарушая общего стиля постройки. Без всякой помощи архитектора эти два никому неизвестных крестьянина построили новое помещение, и в нем разместились библиотека, лаборатория отца, а также несколько комнат. Плотники зимой возвращались к своим семьям, но каждое лето приходили к нам, и отец всегда находил им какую-нибудь работу. В те времена не было и следа «классовой ненависти», и эти два крестьянина, откуда-то из глубинки России, смотрели на нашу жизнь, которая, должно быть, казалась им верхом роскоши, без зависти. Они были благодарны за возможность принять в ней участие и, я думаю, были даже привязаны к нам. От них мы много узнали о жизни простых крестьян, и в их рассказах, насколько я помню, не было жалоб.

Мама обожала цветы, и на лужайке перед домом цвело множество великолепных роз. Наш садовник, хотя и не имел специального образования, был настоящим художником и всегда хотел сделать нам сюрприз, устраивая все новые цветники. Время от времени он исчезал и, несмотря на все попытки его исцелить, ударялся в запой. После такого запоя он работал с удвоенной энергией и создавал новые чудеса садоводческого искусства.

Маленькая терраса, на которой мы обычно сидели по вечерам, была увита каким-то австралийским вьюном. Такого я никогда нигде больше не встречал. Весной вьюн покрывался удивительными цветами, которые пахли так сильно, что их аромат окутывал всю террасу. Вблизи дома был заросший деревьями овраг, в котором каждую весну пели соловьи. Часто вспоминаю, как вечерами мы сидели на террасе,

вдыхали аромат цветов, смотрели на восходящую луну и слушали соловьев, старавшихся пересвистать друг друга. Это было так прекрасно, что все молчали. Даже мы, самые маленькие дети, были очарованы и не хотели идти спать.

Позже во время таких вечеров мой старший брат Алексей часто играл на рояле пьесы Шуберта, и теперь, когда я уже старик и мне хочется погрузиться в детские ощущения, я слушаю пластинку с этой вещью, и все встает передо мной: свет луны, аромат цветов, пение соловьев и вся моя семья, очарованная дивной красотой наших «Дубов». Но вместе с этими воспоминаниями приходят мысли о новых людях, которые пришли туда и от зависти и ненависти срубили деревья, разрушили гнезда соловьев и погубили счастье и красоту».

Д. И. Абрикосов «Судьба русского дипломата».

Пало-Альто (Калифорния, США), 1945–1950 гг.

«Судьба русского дипломата», М.: «Русский путь», 2008.

О том образе жизни, о его «вкусе и стиле», который вели многочисленные члены семьи хозяина усадьбы, мы можем сегодня судить по уникальному архиву фотографий, сделанных соседом, другом семьи и будущим зятем Николая Алексеевича Абрикосова — Николаем Александровичем Шиловым.

В кругу интересов этого одаренного молодого человека была и развивающаяся в те годы фотография. Он впоследствии внес вклад в развитие фотопроцессов, став видным ученым-химиком, доктором наук.

Важно рассказать о воспитанниках Николая Алексеевича Абрикосова (1850–1935), предпринимателя, издателя, благотворителя и мецената, и Веры Николаевны Абрикосовой (1852–1925), урожденной Кандинской. Хозяйка имения происходила из семьи известных предпринимателей — чаеоторговцев Кандинских, являлась тетушкой В. В. Кандинского.

Впоследствии наиболее известными из них стали:

Анна Ивановна Абрикосова (1882–1936). Окончила Первую женскую гимназию в Москве (1899, с золотой медалью), Гайртон-колледж Кембриджского университета (Англия, 1903), где и перешла в католичество. В этом колледже Анна Ивановна познакомилась с братом принцессы Уэльской, Его Высочеством Принцем Александром Текским, двоюродным дедом Елизаветы II. В то время они были молоды, и Принц оказывал особые знаки внимания представительнице московской семьи Абрикосовых (свидетельство приятельницы Анны Ивановны Абрикосовой по колледжу Дороти Ховард).

Рис. 25. Дмитрий Иванович Абрикосов и княгиня Брасова, Наталья Сергеевна (1880–1952). Фотография сделана на территории замка Небворд в Великобритании, где Великий князь Михаил Александрович и его супруга, княгиня Брасова, проживали, находясь в изгнании. Фотография из собрания Д. П. Абрикосова

Впоследствии она перешла в католическую веру, стала терциарием Доминиканского ордена, видным деятелем Римско-католической церкви. В настоящее время Ватикан проводит беатификацию матушки Екатерины как Новомученицы католиков Восточного обряда.

Алексей Иванович Абрикосов (1875–1955), российский и советский врач-патологоанатом, профессор Московского университета, академик АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944), вице-президент АМН СССР, Герой Социалистического труда, Лауреат Сталинской премии первой степени, основоположник российской школы патологической анатомии.

Хрисанф Николаевич Абрикосов (1877–1957), друг и секретарь, последователь Льва Николаевича Толстого.

Василий Васильевич Кандинский (1866–1944), русский художник, теоретик искусства и поэт, один из лидеров авангарда первой

половины XX в.; вошел в число основоположников абстрактного искусства. Приходится племянником хозяйки дома Веры Николаевны Абрикосовой. Именно на даче тетушки «Дубы» стал профессионально заниматься живописью.

Борис Иванович Абрикосов (1877–1942), юрист, присяжный поверенный, председатель правления «Т-во А. И. Абрикосова Сыновей» и директор-распорядитель чайной компании «Братья К. и С. Поповы».

Дмитрий Иванович Абрикосов (1876–1951), дипломат. Окончил юридический факультет Московского университета (1899). В 1900 г. поступил на службу в МИД. С 1904 г. — второй секретарь посольства России в Лондоне. В 1908 г. назначен вторым секретарем посольства в Пекине, а в 1912 г. — вторым секретарем посольства в Токио. В 1914–1917 гг. работал в Дальневосточном отделе МИД. В 1917 г. — первый секретарь посольства в Токио, а затем — советник посольства в Пекине. В 1919 г. снова первый секретарь посольства в Токио, с 1921 г. — поверенный в делах России.

Обширный дом имения обладал большим количеством просторных комнат, террасами и верандами. Для большой семьи Николая Алексеевича пришлось расширять приобретенную деревянную усадьбу, и вскоре она была дополнена несколькими жилыми комнатами. Для того чтобы выдержать добавленные жилые объемы к уже существующему дому, Николай Алексеевич пригласил русских мастеров, способных провести эту работу под его «архитектурным» контролем. Когда московские друзья, оценивая произведенные работы, спрашивали Николая Алексеевича: «Как ты выбирал мастеров?», Николай Алексеевич отвечал: «По глазам. Глаза у моих были добрые!». Спальни в доме размещались на втором этаже. На первом находились столовая, гостиная и апартаменты для гостей. Дом был летним — настоящей русской дачей! Зимой он стоял с закрытыми ставнями, без отопления, и оживал только весной. Красивые резные ставни украшали каждое окно первого этажа. В окнах появлялись обитатели — дети и племянники хозяина, няни и прислуга, которые проживали тут как члены семьи. Внутреннее убранство комнат было простым и удобным. Бревенчатые стены стали украшением интерьера. Мебель, также вырезанная из натурального дерева, не контрастировала с общим стилем дачи.

На улице были разбиты огромные клумбы, благоухающие цветочными ароматами. Клумбы и цветы — это заботы хозяйки дома Веры Николаевны Абрикосовой и всей «женской половины» семьи.

Рис. 26. Варка варенья на даче Н. А. Абрикосова «Дубы» в Тарасовке.
Фотография из собрания Б. С. Стечкина.

Жизнь семьи Николая Алексеевича Абрикосова на даче «Дубы» была разнообразна, и все ее обитатели стремились вести спортивный и познавательный образ жизни в летний период, отдыхая от учебы и работы за полезными и интересными занятиями.

Играли в теннис. Это занятие увлекало всех обитателей нашей дачи на Клязьме. Площадка для «большого тенниса» была подготовлена по всем требованиям настоящего серьезного спорта. Участники соревнований готовились к ним ответственно. Натянутая сетка, ракетки — все было в их арсенале.

Ходили и на охоту в окрестностях дачи «Дубы» в лесах на берегу реки Клязьма. В конце XIX века местность вокруг дачи была лесистой, малообитаемой, и в лесах и на полях водилось много дичи — зайцы, копытные и птица. В походах принимали участие Алексей Иванович Абрикосов, его брат Борис Иванович Абрикосов, Сергей Николаевич Абрикосов, их соседи и друзья, гости, приезжавшие из Москвы.

Играли и в настоящий боулинг. Именно в боулинг, а не в городки, в которые тоже играли мои предки на даче. Площадка была специально построена и продумана, как того требует настоящий спорт! Идеально ровная поверхность «дорожки» позволяла получить максимальное удовольствие от этой модной игры. Возвратный лоток, стоящий справа от дорожки под углом, позволял возвращать шары к месту броска.

Рис. 27. Игровые сценки на даче «Дубы» в Тарасовке.
Седок – Борис Иванович Абрикосов, дедушка автора данного материала.
Фотография конца XIX века из собрания Б. С. Стечкина

В специальной корзине хранили шары для боулинга. И непременно — бочонок с квасом для свежести в жаркие дни. За этим спортивным занятием можно было видеть и хозяина дома, и самых младших детей и племянников.

В обязательной программе жизни на даче «Дубы» на живописных берегах реки Клязьма были и занятия живописью. Для этого из Москвы был приглашен профессиональный художник. Он вел свои занятия с натуры, обучая живописи всех желающих детей и племянников Николая Алексеевича. Именно благодаря этим занятиям у племянника хозяйки дома Веры Николаевны Абрикосовой, в девичестве Кандинской, — Василия Васильевича Кандинского укрепилось желание пренебречь своей юридической карьерой и стать профессиональным живописцем.

Непременно проводились и катания на лодках по реке — обязательная и любимая часть загородной жизни. Работала лодочная станция на полноводной в те годы реке Клязьма. Лодки были как обычной формы, так и в форме индейских каноэ. Проводились и соревнования по гребле, различные путешествия по окрестностям этого района Подмосковья.

*Рис. 28. Коллективная фотография семьи Н. А. Абрикосова, сделанная на даче «Дубы» в Тарасовке в 1904 году.
Фото из собрания Б. С. Стечкина*

Пока молодые люди занимались спортом или ходили на охоту, девушки посвящали себя рукоделию. Оно было любимым занятием в эту эпоху. Во всех домах девочек обучали ремеслу. И сложным вышивкам в модном стиле «ришелье», и вышивкам на пальцах, вязанию на спицах и крючком. Мастерство представительниц старшего поколения вдохновляло молодежь. И даже тогда, когда хотелось убежать на реку или поиграть в теннис на улице, нужно было заниматься. Старшее поколение семьи, многочисленные тетушки, приезжавшие в гости, занимались такими женскими делами.

Обязательными в усадьбе «Дубы» были конные прогулки. И этим видом спорта на даче занимались серьезно. Была своя конюшня, были и свои тренеры. Содержание, выездка лошадей на Клязьме — это было ответственное дело. К нему так и относились. В архиве хранится много фотографий конюшни, инструктора по выездке и членов семьи Абрикосовых на верховых прогулках.

И научные познания окружающего мира занимали обитателей дачи «Дубы». Своя подзорная труба, микроскоп — все эти оптические устройства помогали молодежи в познании окружающего мира. Так, часто можно было увидеть будущего академика медицины,

выдающегося патологоанатома Алексея Ивановича Абрикосова за работой, с микроскопом в собственной лаборатории, в которую была превращена одна из комнат просторного дома в имении «Дубы».

Здесь же ставились на практике и этнографические опыты. Лодка-каное, выдолбленная из цельного бревна. И как на подобных лодках плавали туземцы на далеких континентах по неведомым рекам? На весле часто можно было видеть Сергея Николаевича Абрикосова, плывущего по широкой в те годы и полноводной реке Клязьма.

В конец лета производился сбор урожая и обязательная варка варенья. Именно благодаря этим навыкам и следованию традиций зародился и семейный кондитерский бизнес нашей семьи в далекой Пензенской губернии в конце XVIII в. И именно он дал фруктовую фамилию нашей династии. На фото мы часто можем увидеть четвертое и пятое поколения семьи Абрикосовых за «фирменным делом». Руководила этим занятием хозяйка дома Вера Николаевна Абрикосова. Привлекали девочек и младших сыновей и племянника. Дети не только принимали участие в этом деле, но и были первыми дегустаторами производимого продукта.

Много в нашем семейном архиве, сохраненным академиком Б. С. Стечкиным, фотографий с постановочными сценками, с игровыми сюжетами. Длительность выдержки фотоаппаратуры тех лет сама подсказывала «позирование» в нереальных позах, создание «картин» из несуществующей жизни, некий домашний театр. И это тоже отличает и иллюстрирует тот дачный быт, его стиль и вкус.

Также стиль дачной жизни раскрывают коллективные, групповые портреты всех членов семьи. На них мы можем видеть не просто людей в нарядной одежде, но познакомиться с уважительным характером их взаимоотношений. На одном из подобных портретов мы видим Николая Алексеевича, сидящего, опираясь на трость. Рядом с ним — его супруга Вера Николаевна Абрикосова. Внуки — дети дочери Веры Минаковой — на переднем плане. Они здесь главные! Хрисанф в толстовском образе и Августа Николаевна держат на коленях своих племянников. А Борис Иванович на коленках держит свою дочку Марию, мою тетушку. Вера Николаевна с мужем Николаем Александровичем Шиловым стоят сзади. Удивительно теплая атмосфера сохранилась в этих родных лицах и передается нам сегодня. На берегах Клязьмы-реки!

На дачу «Дубы» в подмосковной Тарасовке к Николаю Алексеевичу постоянно приезжали в гости его многочисленные родственники и друзья. К началу XX века — уже выросшие, женатые и замужние

Рис. 29. Групповая фотография членов семьи Н. А. Абрикосова и В.Н. Абрикосовой на даче «Дубы» в Тарасовке. Фотография из собрания Б. С. Стечкина

дети. Они уже вошли во взрослую жизнь и начинали добиваться успеха в профессиональной и общественной деятельности.

В гости заходили и соседи, жившие в ближайшем окружении в родной Тарасовке. Место было дачное, одно из старейших в Московской губернии, излюбленное многими известными людьми, построившими себе дачи на берегах реки Клязьма.

Бывала здесь и Анна Алексеевна Абрикосова, в браке Шемякина. Старшая дочь А. И. Абрикосова, сестра хозяина дома в «Дубах». Ее супруг, Федор Михайлович Шемякин, владел крупной московской деревообделочной фабрикой, на которой изготовлялась тара и знаменитая красочная жестяная упаковка для изделий кондитерского производства Абрикосовых. Он был партнером нашей кондитерской фабрики.

Имели шестерых детей, самым известным из которых является живописец Михаил Федорович Шемякин.

Сюда, в Тарасовку, в гости к своему другу приезжал и выдающийся русский юрист — Анатолий Фёдорович Кони. Служил судьей, был известным государственным и общественным деятелем, литератором, судебным оратором, действительным тайным советником, членом Государственного Совета Российской Империи. Почетный академик Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности

с 1900 г., доктор уголовного права Харьковского университета, профессор Петроградского университета.

Николай Алексеевич Абрикосов вообще был человеком известным и дружил со многими известными людьми своей эпохи, такими как Кони, Победоносцев и другими. И они приезжали на Клязьму проведать своего друга и коллегу по общественной работе.

Соседями в этой дачной местности были и другие потомственные почетные граждане. Среди соседей Абрикосовых в Тарасовке было много интересных людей, известных русских предпринимателей. И не только русских. Крупнейшими шелковыми производителями в России считались промышленники с французскими корнями, династия Клавдия Осиповича Жиро. Его фабрика находилась в Москве, в Хамовнической части, и была в Первопрестольной крупнейшим шелкопрядильным предприятием. Супруга Клавдия — Мария Жиро дружила с Верой Николаевной Абрикосовой и часто приезжала из соседней с Тарасовкой Немчиновки в гости к Абрикосовым.

С начала XX века к почетным гостям, посещавшим усадьбу «Дубки», можно отнести и сына Николая Алексеевича — Хрисанфа Николаевича. Он, увлекшись учением Льва Николаевича Толстого, стал его последователем и после своего визита в Ясную Поляну стал доверенным лицом великого русского писателя и философа, его личным секретарем. Лев Николаевич при знакомстве с молодым своим адептом поинтересовался у него, не в родстве ли он со «стариком Абрикосовым», имея в виду Алексея Ивановича. «Да, я его внук», — отвечал Хрисанф Николаевич. «Ваше родство с ним является для меня лучшей рекомендацией», — ответил Лев Николаевич. Впоследствии Хрисанф вошел в семью Толстых, обвенчавшись с племянницей Льва Николаевича по линии Оболенских. К почетным гостям можно отнести и племянницу Николая Алексеевича — Маргариту Алексеевну Абрикосову. По матери она принадлежала к прославленной династии текстильных «китов» русской промышленности, к династии Хлудовых. Ее мать к этому моменту уже состояла во втором браке с видным европейским политиком, депутатом Австрийского парламента Карлом Крамаржем и проживала в Вене, имперской столице Австро-Венгрии. С 1918 г., с момента образования независимой Чехословакии в Центральной Европе, Надежда Николаевна заняла положение супруги первого Премьер-министра Правительства этого государства, а после событий 1917 года в России она стала «матерью русской эмиграции», оказывая поддержку всем русским, вынужденным покинуть свою Родину. И она также строила свои усадьбы и виллы.

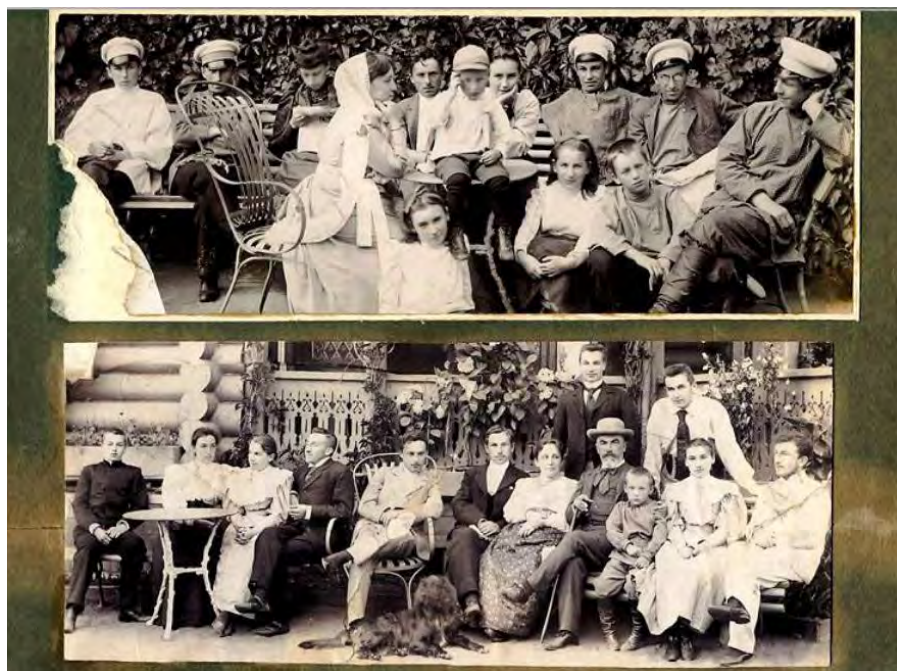

Рис. 30. Фотография страницы альбома Д. П. Абрикосова, в котором сохранились памятные фотографии представителей династии.
Из собрания Д. П. Абрикосова

21. Дмитрий Иванович Абрикосов и его квартира в Петербурге как память о русской дипломатии начала XX века

Дмитрий Иванович Абрикосов, внук А. И. Абрикосова и один из четверых сыновей Ивана Алексеевича Абрикосова, окончив юридический факультет Императорского Московского университета, решил посвятить себя дипломатической карьере. А для этой цели ему пришлось переехать из купеческой Москвы в столичный Санкт-Петербург, для чего он приобретает квартиру в Доходном Доме Бенуа на Каменно-островском. Дом этот по тем временам считался роскошным. Все в нем было по последнему слову техники своего времени. У дома была своя котельная, гаражи для автотранспорта и электростанция. Были здесь и свой водопровод, и канализация. Апартаменты Д. И. Абрикосова находились в самой дорогой части этого дома.

Ввиду своих постоянных отъездов из страны бывало, что он и сдавал внаем свою квартиру. Одним из его жильцов был молодой студент из Японии Сюнске Оно, будущий дядя супруги Джона Леннона — Йоко Оно!

22. Матушка Екатерина (Анна Ивановна Абрикосова) и ее квартира в Москве (первая женская католическая обитель в России)

Будущая подвижница Веры, терциарий католиков восточного обряда в России, настоятельница первой женской обители греко-римских католиков, мученица за веру, Матушка Екатерина, Анна Ивановна Абрикосова (1881–1935) оставила о себе яркую память в сердцах верующих как человек, не предавший своих убеждений, последовавший за Христом в годину гонений на церковь и большевистского террора. Ее квартира была расположена по адресу: Пречистенский бульвар, дом 29, квартира № 34. Этот московский адрес стал тем местом, в котором под эгидой Матушки возник центр распространения католической веры в Москве, где на регулярной основе проходили различные собрания новообращенных для интеллигенции и студенчества. На этих встречах рассматривались различные духовные вопросы и вопросы веры, в них часто принимали участие православные священники. Здесь впервые объединились в молитве и в послушании первые московские католички и было положено начало создания первой женской католической обители. Насельницы стали последовательницами своей Матушки, увлеченные ее примером веры и беззаветного служения.

Анна Ивановна родилась в семье Ивана Алексеевича Абрикосова и Анны Дмитриевны, рожденной Арбузовой. Именно отец Анны стал основным руководителем семейной фирмы Абрикосовых, заложил основы крупнейшей русской кондитерской компании.

Получив домашнее образование и окончив Первую женскую гимназию в Москве с золотой медалью, Анна продолжила «свои университеты» в 1901 г. в Гайртон Колледже Кэмбриджского Университета в Великобритании. В учебе и в адаптации к новым реалиям жизни ей активно помогала ее подруга и однокашница по колледжу Дороти Ховард. Принадлежа по происхождению к титулованной и старинной аристократической семье, она познакомила свою подругу с Его Светлостью принцем Александром Текским. Между Анной и Его Светлостью возникли сильные чувства, о чем свидетельствует в своих письмах

Рис. 31. Матушка Екатерина (Анна Ивановна Абрикосова, 1882–1935), терциарий католиков восточного Обряда. Фотография сделана в 1932 году в квартире брата Матушки, Бориса Ивановича Абрикосова на Суворовском бульваре. Рядом с ней ее племянник, Петр Борисович Абрикосов (1920–1998), отец автора данного материала

Дороти Ховард, но что тщательно скрывается генеалогами Виндзоров и современными авторами, описывающими «крестный мученический путь» Матушки Екатерины. Ввиду неравенства в происхождении отношения между влюбленными были прерваны, и Анна Ивановна, вернувшись в Москву в 1903 г., выходит замуж за своего кузена Владимира Владимировича Абрикосова. Этот брак был дружеским и он защитил Анну Ивановну от венца покинутой любимым женщины.

С 1905 г. по 1910 Анна и Владимир путешествовали по Европе, посещали Рим, Париж, Цюрих. В Париже Анна Ивановна перешла в католическую веру и начала свой религиозный путь уже под именем Екатерины.

Ее дважды принимал в Риме Папа Пий X. Понтифик благословил Матушку Екатерину на следование греко-римскому обряду, на сохранение верности православным святым и религиозному опыту восточной веры.

Владимир Владимирович был рукоположен в сан католического священника и в 1922 г. покинул Советскую Россию на «Философском пароходе», а Анна Ивановна отказалась от идеи покинуть своих последователей в России и разделила с ними трагическую судьбу мучеников за веру. Проведя многие годы в застенках ОГПУ в одиночной камере, Матушка стала примером безропотного приятия своей участи, была крепка в вере во Христа, оставила нам свои религиозные размышления о вере невероятной силы, которые в настоящее время изданы в России и переводятся на иностранные языки, изданы в США.

В 1936 г. Матушка Екатерина скончалась в Бутырской тюрьме в Москве. Память о ней живет в ее религиозном сочинении «Семь слов Христа на Кресте». Слава мученицы за веру Анны Ивановны Абрикосовой распространяется ныне по миру!

23. Монастырь Алексея человека Божия как начало всех начал и место последнего упокоения

После венчания Алексея Ивановича и Агриппины Александровны Абрикосовых, зная о том, что не во всякую семью Господь дает детей, молодые супруги последовали на Пасху на Богомолье в один из старейших московских монастырей — Монастырь Алексея человека Божия. Выбор был неслучайным. Алексей Иванович со своей супругой пришел молить Господа «о детях» в ту обитель, которая была посвящена именно его святому — Алексею человеку Божьему.

Обитель эта была самой древней в Москве, основанной в середине XIV века у стен Кремля. Но по воле Императора Николая I обитель была переведена в 1837 году в Красное село в Москве. Это красивое место на берегу большого пруда стало тем местом, где в Крестовоздвиженском соборе молодые Абрикосовы молились о детях в 1848 г.

На территории некрополя, который был открыт при монастыре в 40-х годах XIX века и на территории которого хоронили представителей известных московских династий, были упокоены представители рода Абрикосовых. И в 1860 г., с первым отошедшим в мир иной ребенком Алексея Ивановича и Агриппины Александровны Абрикосовых, сыном Александром, который скончался от детских болезней, появилась здесь и семейная усыпальница Абрикосовых. В ней нашли место последнего упокоения еще четверо детей Алексея и Агриппины, умерших во младенчестве. Здесь были похоронены сын Сергей Алексеевич Абрикосов и Иван Алексеевич, основоположник компании «Товарищество А. И. Абрикосовы Сыновей», скончавшийся в 1882 году.

Семейный склеп был после этих похорон украшен цитатой из Ветхого Завета, в которой было сказано о том, что один только Господь знает то, что отворяется в созданном Им мире по Его воле. В этой цитате, приведенной здесь не дословно, было выражено приятие любого проявления воли Господа семьей Абрикосовых, был дан пример безропотного послушания этой воле.

Захоронения Алексеевского некрополя были уничтожены безбожной властью большевиков в 1924 г. Вместе с могилами из нашего сознания пытались вырвать дорогую память о выдающихся русских людях, своим трудом превозносящих свое Отечество. И несмотря на то, что в наше время по дорогим могилам наших дедов едут автомобили Третьего транспортного кольца Москвы, мы будем помнить о нашей семье, сталкиваясь с объектами материального наследия их жизней!

Познакомившись воочию с уникальными объектами культурного наследия, связанными с династией Абрикосовых, можно получить ясное представление о том, как и чем жила огромная русская семья бывших крестьян, а впоследствии купцов, добившаяся успеха своим трудом и служившая России на самых разных поприщах.

Подобное наследие необходимо сохранять и пропагандировать ради молодежи, ради сохранения и возрождения духовного наследия нашего Отечества! И ради развенчания глупого литературного мифа о том, что русское купечество выступило в качестве «могильщика» традиций усадебной жизни, не стремилось сохранять наш общий «Вишневы сад», разрушая многовековой уклад деловой и культурной «усадебной жизни»!

Рассматриваемые мной примеры рачительного купеческого владения старинными дворянскими усадьбами и новыми особняками и виллами, как в России, так и за ее пределами, могут стать выразительной иллюстрацией мысли о том, что русское купечество не демонстрировало стремления к уничтожению русской классической усадьбы как социокультурного, хозяйственного и архитектурного явления, а как раз напротив — становилось активным продолжателем всего того, что «принимало на свои плечи», занимая новое социальное положение в обществе и приобретая усадебные дома с историей и традициями.

Купцами — вчерашними крестьянами — не просто сохранялся «стиль и вкус» в русских усадебных комплексах, но новые владельцы демонстрировали купеческий размах в продолжении заложенных ранее традиций, продолжали хозяйственную деятельность, просветительство и собирательство.

Список источников и литературы

1. Дмитрий Абрикосов. Абрикосовы — московские кондитеры, меценаты, благотворители. — М., Фонд ЕСПО, 2020.
2. Абрикосов Д. П. Русское купечество от Николая I до Николая II: эпоха великих свершений, на примере семьи Абрикосовых / Живое наследие памяти : коллективная монография / науч. ред. Д. Я. Романова, отв. ред. Ю. А. Закунов. — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 9–31.
3. Абрикосов Х. Н. Семейная хроника. Отдел рукописей РГБ.
4. Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата / Дмитрий Абрикосов ; [предисл., науч. ред. и коммент. М. Ю. Сорокиной; вступ. ст. Д. Макдоналда] ; [пер. с англ. Н. Ю. Абрикосовой, Е. Ю. Дорман]. — Москва : Русский путь, 2008. — 575 с., [8] л. ил., портр.; 22 см.
5. Полевицкий Н. И. Производство плодовых консервов на фабрике «Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей» в Крыму. — Санкт-Петербург, 1902.
6. Семейный архив Д. П. Абрикосова. Дневники и письма.
7. Собрание Б. С. Стечкина (фото).
8. Историк и переводчик из США Брендан Д. Кинг.
9. Елена Лебедева «Жизнь во Франции».
10. Москва купеческая / П. А. Бурьшкин; [предисл. Г. Ульяновой, М. Шацилло, с. 5–37]. — М. : Высш. шк., 1991. — 350, [2] с., [16] л. ил.; 21 см.
11. П. Шипов. «Шиповы».
12. Абрикосов Д. П. Главные тайны семьи Абрикосовых. — М. : Кучково поле, 2021. — 978-5-907171-52-7. — URL: <https://kpole.ru/catalog/moskovskaya-biblioteka/abrikosov-d-p-glavnye-tauny-semi-abrikosovykh/> (дата обращения: 02.12.2021).
13. Частные семейные собрания и архивы.

Род Лопухиных

Древнему роду Лопухиных в 2022 году исполняется 1000 лет (рис. 1).

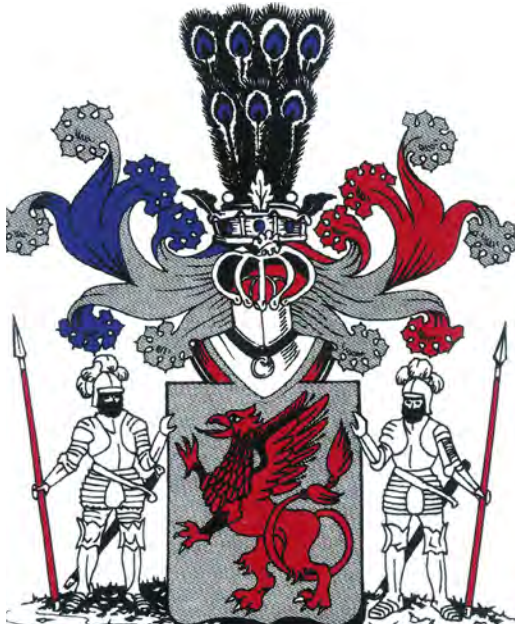

Рис. 1. Герб рода Лопухиных

Есть представители этого рода, которые известны из истории России. Евдокия Лопухина, первая жена Петра I, и Варенька Лопухина, которой посвящено много произведений знаменитого русского поэта М. Ю. Лермонтова, известны не только в России.

Я хочу рассказать о той ветви Лопухиных, потомком которой я являюсь.

Мой прапрадед Лопухин Алексей Александрович (друг Лермонтова и брат Лопухиной Варвары Александровны) родился в имении Успенское Вяземского уезда Смоленской губернии 29 сентября 1813 г.

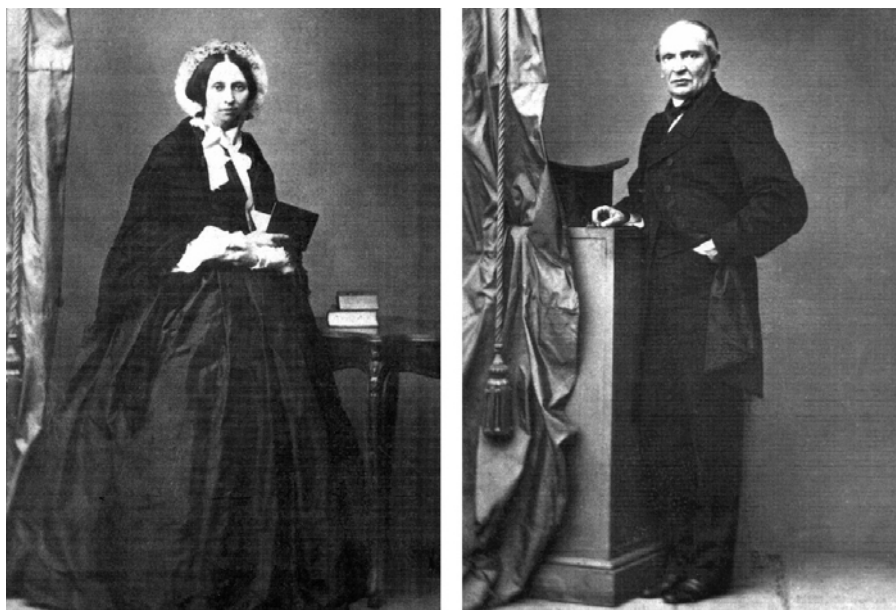

Рис. 2. Лопухины Алексей Александрович (1813–1872)
и Варвара Александровна (1820–1873), урожденная княжна Оболенская

В 1820-х годах его отец Лопухин Александр Николаевич купил дом в Москве, чтобы дети могли учиться. Алексей Александрович окончил юридический факультет Московского университета, служил камер-юнкером, дослужился до звания действительного статского советника, владел имением в Епифанском уезде Тульской губернии. Его женой была Варвара Александровна, урожденная княжна Оболенская (рис. 2).

Они оба похоронены в Донском монастыре, где сохранился памятник на их могиле. В этой семье было 8 детей: Александр, Мария, Софья (в замужестве княгиня Грубецкая), Лидия, Борис, Ольга (в замужестве Озерова), Эмилия (в замужестве графиня Капнист), Сергей.

Именно о семье Сергея Алексеевича (14.10.1853–08.02.1911) и его жены Александры Павловны, урожденной графини Барановой (27.10.1854–01.02.1934), пойдет речь (рис. 3).

Двоюродный брат Сергея Алексеевича — Давыдов Николай Васильевич в своей книге «Из прошлого» так описывает семью Лопухиных: «У Лопухиных собиралось все лучшее московское общество,

Рис. 3. Лопухины Сергей Алексеевич и Александра Павловна, урожденная графиня Баранова

лучшее в действительном значении этого слова: у них бывали и светские дамы, и молодые люди, и представители интеллигенции, литераторы, художники, музыканты. Все члены семьи были люди одаренные».

По образованию Сергей Алексеевич юрист, служил товарищем прокурора в Туле, прокурором в Киевской судебной палате, с 1906 г. — обер-прокурор Сената в Санкт-Петербурге. Сергей Алексеевич был талантливым человеком, с прекрасным чувством юмора, добрым, веселым, и пользовался любовью и уважением не только в семье, но и среди друзей и знакомых. Это мы знаем из воспоминаний людей, знавших его. Давыдов Николай Васильевич называет своего двоюродного брата человеком «совершенно выдающимся». Сергей Алексеевич принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за личный героизм был награжден орденом Св. Георгия IV степени и румынским железным крестом.

Семья Лопухиных жила в усадьбе Хилково в Тульской губернии. Эту усадьбу Сергей Алексеевич купил и посадил там прекрасный яблоневый сад.

Рис. 4. Хилково, семья Лопухиных. 1890 г.

Сергей Алексеевич и Александра Павловна были хорошо знакомы с семьей Л. Н. Толстого. Лев Николаевич обращался к Сергею Алексеевичу как к судебному деятелю, собирая материалы для своих книг. Сергей Алексеевич участвовал в репетициях пьесы Толстого «Плоды просвещения», которые проходили в Туле в доме, где жил Н. В. Давыдов. Известно также, что Лев Николаевич собирался написать роман «Мать», и прототипом для героини была Александра Павловна Лопухина. Она была очень набожная и все дети выросли верующими, что помогло им в трудные времена. В семье было 10 детей: Николай (1879–1952), Анна (1880–1972), Алексей (1882–1966), Рафаил (1883–1915), Петр (1885–1962), Мария (1886–1976), Екатерина (1888–1964), Михаил (1889–1918), Татьяна (1891–1949), Евгения (1893–1967) (рис. 4).

Все дети обучались дома. С утра во всех комнатах проходили занятия с гувернерами и гувернантками. Всех детей, помимо академических наук, обучали музыке, танцам, иностранным языкам, много внимания уделялось знаниям природы. Девочки получали навыки рукоделия, которые оченьгодились позднее. Все сыновья Лопухины окончили гимназии, Екатерина экстерном сдала экзамены за курс гимназии. Семья была дружная, веселая. Как это было принято в дворянских семьях,

Рис. 5. Третья годовщина со дня смерти Лопухина Сергея Алексеевича

вечером семья собиралась в гостиной и кто-нибудь из взрослых читал. Сергей Алексеевич был прекрасным чтецом. Эта традиция семейного чтения сохраняется в семьях потомков и сейчас.

В 1905–1906 годах взрослые сыновья, их сестры и ближайшие родственники начали издавать свой журнал под названием «Костыль юношества», в котором печатали свои стихи, переводы и шуточные рассказы. Печатали этот журнал на гектографе. К сожалению, все участники этого журнала взяли себе псевдонимы, и мы знаем только, что Екатерина (моя бабушка) была редактором.

Все сыновья Сергея Алексеевича получили университетское образование. Евгения Сергеевна окончила Высшие женские курсы, вместе с сестрой Татьяной окончила курсы сестер милосердия, и в Первую мировую войну обе сестры работали в госпитале.

Сергей Алексеевич Лопухин умер 8 февраля 1911 г. и был похоронен на кладбище Донского монастыря. На третью годовщину со дня его смерти собралась вся семья Лопухиных в последний раз в полном составе (рис. 5).

Первая мировая война принесла еще одну потерю в семью — в июле 1915 г. на германском фронте был смертельно ранен Рафаил Сергеевич (рис. 6).

Рис. 6. 1914 год. Первый батальон. Справа без фуражки в профиль прапорщик Лопухин Рафаил Сергеевич, младший офицер четвертой роты

Гроб с телом Рафаила Сергеевича привезли в Москву и похоронили рядом с могилой его отца на кладбище Донского монастыря. Это было большой горю для всей семьи, так как Рафаил Сергеевич отличался веселым и добрым нравом и его очень любили в семье. В отличие от братьев, которые получали юридическое образование, Рафаил Сергеевич стал орнитологом, окончив Свято-Владимирский Киевский университет. Он подавал большие надежды на этом поприще. К сожалению, могилы Сергея Алексеевича Лопухина и его сына Рафаила Сергеевича не сохранились, так как на месте их могил во время Великой Отечественной войны была установлена зенитка для отражения воздушных налетов на Москву.

А через два года произошла революция, которая разметала эту прекрасную большую семью. К этому времени Николай, Анна, Петр, Мария и Екатерина имели свои семьи. Уже в декабре 1917 г., когда масса дворянских семей, стараясь спастись от большевиков, устремилась на юг, старший сын Николай Сергеевич с женой Софьей Михайловной,

урожденной Осоргиной (30.05.1890–13.04.1977), тремя маленькими детьми, с матерью Александрой Павловной отправился в Сибирь. С ними ехали сестра Александры Павловны Евгения Павловна Писарева, Татьяна и Евгения, младшие сестры Николая Сергеевича, учитель и друг семьи Курдюмова Лидия Дмитриевна и семья князя Александра Владимировича Голицына. Сибирь была выбрана неслучайно. Дело в том, что во время Русско-японской войны Н. С. Лопухин и князь Г. Е. Львов были направлены от Земского союза на Дальний Восток работать по снабжению русской армии продовольствием. Им пришлось много ездить, чтобы закупать продовольствие у местного населения. Там у них появилось много знакомых и друзей, и они поняли, какие огромные богатства находятся в Сибири. В Москве Лопухин, Львов и несколько человек, родственников Лопухина, организовали «Общество по эксплуатации минеральных и сельскохозяйственных ресурсов» — ЭКРОС. В Тюмени Лопухин, Львов (приехавший туда раньше) и Голицын активно принялись за работу. Их задача была исследование и разработка минеральных богатств и сельхозугодий по реке Оби. Они ездили по разным районам и знакомились с положением дел, их интересующих. Эти поездки и стали основанием для ареста в Тюмени Николая Сергеевича Лопухина, князя Александра Владимировича Голицына и князя Львова Георгия Евгеньевича. Жизнь арестованных была в большой опасности, так как их обвиняли в контрреволюционной деятельности и подготовке вооруженных выступлений. В Москве сестра Николая Сергеевича княгиня Анна Сергеевна Голицына начала активно действовать, чтобы освободить своих родных. В Тюмень, а позднее в Екатеринбург, куда в тюрьму перевели Лопухина, Голицына и Львова, поехал адвокат, были написаны обращения в самые высокие инстанции. Благодаря усилиям родных и наступлению армии А. В. Колчака с востока им удалось освободиться из тюрьмы с подпиской о невыезде. Но они воспользовались беспокойной обстановкой в городе и отправились в Омск — центр Добровольческой армии и Сибирского правительства. В Омске на вокзале жена Николая Сергеевича Софья Михайловна встретила своего 16-летнего родственника барона Федора Александровича Медема, у которого была сломана нога. Она сразу отвезла его в больницу. После больницы Федор жил у Лопухиных. Николай Сергеевич продолжал свою работу в Земском союзе, затем стал заместителем председателя Военно-Промышленного комитета Сибирского правительства. Его сестры Евгения Сергеевна и Татьяна Сергеевна работали сестрами милосердия в госпитале, возглавляемом А. В. Голицыным в армии Колчака.

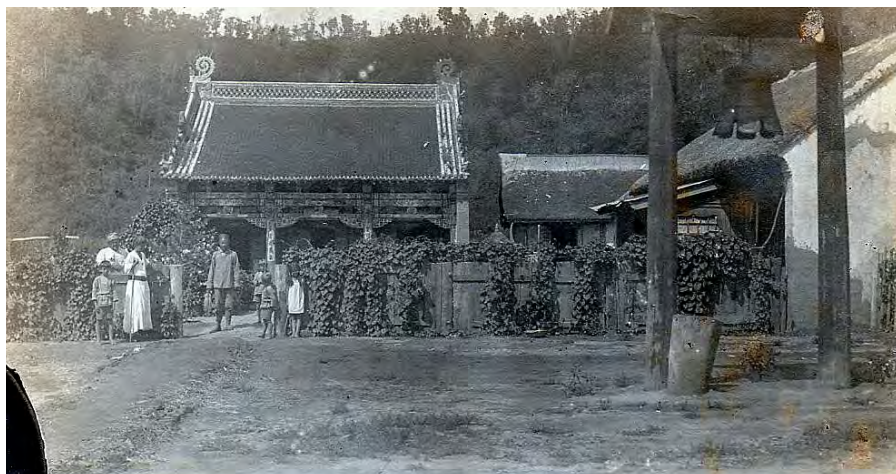

Рис. 7. Поездка Лопухиных в китайскую деревню

Но в ноябре 1919 г. ситуация изменилась, и Лопухиным, и Голицыным пришлось ехать дальше. Федор Медем поехал с ними. Много раз приходилось стоять в пути по нескольку дней. Тогда Татьяна Сергеевна и Евгения Сергеевна отправлялись в деревни на поиски продовольствия, стирали белье, Лидия Дмитриевна Курдюмова готовила еду в больших кастрюлях на печке, устроенной в середине вагона. Зимой на крыше их теплушки они везли целую тушу коровы, от которой отрубали топором куски для готовки. Спали на нарах, устроенных вдоль стен. Несколько раз приходилось договариваться с руководителями поездов — русских, французских, чешских и американских о том, чтобы теплушку Лопухиных прицепили к поезду, идущему на восток. Наконец, в 1920 году они приехали в Харбин, город, построенный русскими и остающимся русским на территории Китая (рис. 7). Несмотря на все эти трудности и опасности, никто не унывал, все старались поддерживать друг друга.

Николай Сергеевич основал общество «Сибур», когда находился в Омске, и это общество работало в Китае. Вся семья поселилась в Харбине, а Николай Сергеевич жил и работал в Хайларе, приезжая к семье на выходные. Евгения Сергеевна начала работать в бесплатной столовой для беженцев, а Татьяна Сергеевна — помощницей медицинской сестры. Федор Медем пошел работать маляром, подготовился и сдал экстерном экзамены за последний класс гимназии. По просьбе Евгении Павловны Писаревой сопровождать ее во время путешествия

Федор Медем отправился с ней во Францию. Позднее он из Франции перебрался в Германию, где жили его родственники.

Скоро Александра Павловна Лопухина, ее дочери Татьяна и Евгения, которая вышла замуж за Ивана Акимовича Кириллова, и Лидия Дмитриевна Курдюмова также смогли уехать во Францию, где поселились в Кламаре, пригороде Парижа, рядом с родственниками: Осоргинами, Трубецкими, Бутеневыми и др. (рис. 8–10).

Рис. 8. Семья Кирилловых (Евгении Сергеевны)

Рис. 9. Семья Матвеевых (Татьяны Сергеевны)

Рис. 10. Лопухина Александра Павловна с внуками —
Трубецкими, Матвеевыми и Кирилловыми

В 1926 г. Николай Сергеевич был назначен финансовым директором КВЖД, у него теперь был шофер, ложа в театре. Лето Лопухины проводили на курортах. Дети учились в гимназиях. Семья Лопухина Николая Сергеевича прожила в Китае до 1929 г., когда стало опасно оставаться русским в этой стране (рис. 11). Китайское правительство признало советскую власть в России и требовало от русских эмигрантов сделать выбор: вернуться в Россию или стать гражданами Китая. Многие русские возвращались в Россию и были подвергнуты репрессиям. Остаться в Китае, где власть захватывали японцы, тоже было опасно.

Семья Лопухиных решила добраться до Франции. Родственник Лопухиных К. А. Бутенев прислал 5000 долларов, а князь А. Оболенский организовал бесплатное путешествие на грузовом судне из Нью-Йорка. К этому времени в семье уже было шесть детей: Сергей, Елизавета, Рафаил, Михаил, Татьяна и Марина. Итак, в Париже и его пригороде Кламаре поселились со своими семьями четверо детей Александры Павловны Лопухиной, рядом с другими родственниками (рис. 12).

Рис. 11. Лопухин Николай Сергеевич с детьми в Харбине

Рис. 12. Лопухины, Трубецкие и Осорины в Клараме, 1935 г.

Сама она жила с семьей своей младшей дочери Евгении Сергеевны Кирилловой. Евгения Сергеевна зарабатывала вязанием, ее сестра Татьяна Сергеевна — уходом за больными, рукоделием. Иногда ей приходилось браться за любую неквалифицированную работу, чтобы прокормить трех детей.

Лопухин Алексей Сергеевич, второй сын Сергея Алексеевича Лопухина, получил образование юриста в Свято-Владимирском университете в Киеве. Во время Гражданской войны он работал мировым судьей в г. Нальчике на Кавказе. Там он познакомился с баронессой Феклой Богдановной Мейендорф, которая работала сестрой милосердия. После войны Алексей Сергеевич с женой и сыном Сергеем уехал в бывшее имение Лопухиных Хилково. Там Алексей Сергеевич получил Хилковский сад в аренду на 3 года и с удовольствием начал работать в нем. Как истинно верующий человек, Алексей Сергеевич не скрывал своего отношения к действиям советской власти по отношению к церкви. По просьбе церковных деятелей Тулы он согласился отвезти их письмо Патриарху, в котором тульские священники выражали свою покорность Патриарху Тихону. Когда он вернулся в Хилково, его арестовали и посадили в тульскую тюрьму.

Его старшая сестра княгиня Анна Сергеевна Голицына смогла добиться его освобождения. Но оставаться в тульском имении было нельзя. По совету Анны Сергеевны семья Алексея Сергеевича Лопухина поселилась в деревне Глинково рядом с Сергиевым Посадом, где уже жили многие родственники и знакомые: Трубецкие, Голицыны, Комаровские, Истомины, Раевские и др. Здесь А. С. Лопухин зарабатывал тем, что вязал на машинке чулки. Так как не было электричества, ручку машинки крутили вручную. Пряжу доставали дочери Анны Сергеевны Голицыной, и они же реализовывали чулки в Москве.

В мае 1928 г. было заведено дело об «Антисоветской группе черносотенных элементов в городе Сергиево Московской области». Было арестовано более 80 человек, в том числе А. С. Лопухин (рис. 13).

Все были приговорены к административной высылке, т. е. так называемый «минус». Алексей Сергеевич получил «минус 6», и семья переехала в Тверь. В семье к этому времени было 5 детей: Сергей, Александра, Николай, Елена, Анна. Там Алексей Сергеевич продолжал зарабатывать вязанием чулок на вязальной машинке. Но когда он узнал, что пряжа краденая, он отказался заниматься этим делом и устроился работать «пробёром» в Тверской горкомхоз. Каждый день, невзирая на погоду, он брал пробы воды в Волге и ее притоках. Жить было очень трудно, но семья теперь получала продовольственные

Рис. 13. Лопухин Алексей Сергеевич, 26.05.1928

карточки. Старшие дети ходили в школу. Алексей Сергеевич и Фекла Богдановна хотели дать детям православное воспитание, а в стране началась усиленная антирелигиозная пропаганда. И Лопухины решили покинуть страну. Это был очень тяжелый выбор для Алексея Сергеевича (рис. 14).

Рис. 14. Алексей Сергеевич Лопухин и Фёкла Богдановна (урожденная баронесса Мейендорф) с детьми. Слева направо: Татьяна, Александра, Михаил, Елена, Сергей, Анна, Николай. 1935 г.

Он с тяжелым сердцем приезжал в Москву прощаться с сестрами Анной и Екатериной. В 1934 г. братья Феклы Богдановны Лопухиной, жившие в Эстонии, оплатили паспорта всех членов семьи, и Алексей Сергеевич с семьей смог переехать в Эстонию в имение Мейендорфов «Кумна». В 1940 г., когда Эстония вошла в состав СССР, Лопухины переехали в Германию, сначала в небольшой городок Вернек, а в 1942 г. — в Берлин, где встретили окончание войны. Они оказались в колонии бывших русских эмигрантов. Старшие члены семьи работали, а младшие ходили в русско-немецкую школу, где младшие дети учили Закон Божий и русский язык. Вся семья посещала церковь. После войны в течение нескольких лет Лопухины жили в Мюнхене, где жил брат Алексея Сергеевича Петр Сергеевич и его семья. В доме «Милосердного Самаритянина», где теперь жила семья Алексея Сергеевича, условия жизни были тяжелые. Семья летом жила в палатке во дворе, а с осени — в той же палатке под текущей крышей на чердаке дома. Алексей Сергеевич работал сторожем при доме, а Фёкла Богдановна — в столовой, где питались все его жильцы. Старшие дети вступили в браки с такими же беженцами, как они.

В конце 40-х годов по приглашению Толстовского Фонда, основанного в Америке дочерью графа Л. Н. Толстого Александрой Львовской, семья Алексея Сергеевича Лопухина переехала в США. Вместе с другими эмигрантами организовали православный приход, позднее построили церковь Покрова Пресвятой Богородицы, в бывшем католическом монастыре основали православный Ново-Дивеевский монастырь, организовали школу для детей. Постепенно жизнь налаживалась. Дети Сергея Алексеевича и Феклы Богдановны имели большие семьи, и теперь их многочисленные потомки живут в США. Некоторые работают в других странах, в том числе в России.

Третий сын Сергея Алексеевича Петр Сергеевич Лопухин окончил Свято-Владимирский университет в Киеве, как и его брат Рафаил, но только юридический факультет. Поработав некоторое время юристом, Петр Сергеевич понял, что его не привлекает эта профессия. Его интересовали вопросы религии. В 1911 г. Петр Сергеевич женился на княжне Татьяне Владимировне Голицыной, которая очень поддерживала своего мужа в его интересах. После Октябрьской революции П. С. Лопухин принял участие в Белом движении. Но когда Белое движение потерпело поражение, его семья эмигрировала. Сначала они оказались в Болгарии, где в 1923 г. скончалась Татьяна Владимировна, оставив мужа с двумя дочерьми — Татьяной и Елизаветой. Петр Сергеевич переехал в Югославию, где принял

Рис. 15. Петр Сергеевич и Мария Константиновна Лопухины с внучатыми племянниками в Клараре

активное участие в создании Русской Зарубежной церкви: писал статьи, организовывал кружки, школы, семинары для молодежи, детей. Здесь Петр Сергеевич женился на Марии Константиновне, урожденной Львовой, которая помогла ему вырастить детей и поддерживала его во всех делах. Во время войны его семье пришлось переехать в Мюнхен, куда переехали иерархи Русской Зарубежной церкви. Но после войны оставаться в Германии было опасно, и Петр Сергеевич переехал с семьей во Францию (рис. 15).

Там он продолжал писать статьи и таким образом смог создать в эмигрантской среде движение «Православное дело», которое начало издавать свой журнал под этим названием. Петр Сергеевич был редактором этого журнала. Он написал книги «Мысли митрополита Антония» и «Беседы с епископом Гавриилом». Его считают просветителем зарубежной России, крупным общественным деятелем русской эмиграции, видным православным мыслителем.

Умер Петр Сергеевич Лопухин 2 августа 1962 г. в пригороде Парижа Клараре. Похоронен он на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа недалеко от Парижа.

Дочери Петра Сергеевича вышли замуж — Елизавета Петровна за Вадима Павловича Никитина, а Татьяна Петровна за князя Дмитрия Владимировича Голицына. Из Франции они переехали в Перу. Внук Петра Сергеевича князь Петр Дмитриевич Голицын в начале 1990-х годов приехал с семьей в Россию, чтобы его дети жили здесь и знали русский язык.

Грустно писать о Михаиле Сергеевиче Лопухине, младшем сыне Сергея Алексеевича Лопухина. Слишком рано оборвалась его жизнь. Он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В Первую мировую войну он вольноопределяющимся поступил в 1-й гусарский Сумский полк, был ранен, произведен в офицеры и за проявленную храбрость награжден боевыми орденами. После революции Михаил Сергеевич, будучи ротмистром, вступил в «Союз защиты Родины и свободы». Эта организация объединяла бывших царских офицеров для борьбы с большевиками. Он участвовал в организации спасения царской семьи, но эта попытка не увенчалась успехом. Из-за предательства двух членов «Союза» многие были арестованы и расстреляны. Один из соратников Михаила Лопухина пытался предупредить его об опасности ареста, но было уже поздно (рис. 16). Старшая

Рис. 16. Бутырская тюрьма. 1918 год. Лопухин М. С. стоит в центре

сестра Михаила Анна Сергеевна Голицына делала все возможное, чтобы освободить брата из тюрьмы. Она добилась свидания с Дзержинским, Смидовичем, которые готовы были отпустить Лопухина, если он даст честное слово не идти против советской власти. Михаил Сергеевич был монархистом, присягал Государю и не мог нарушить эту присягу. 5 сентября 1918 г. Михаил Сергеевич Лопухин был расстрелян.

5 сентября 2008 г. у Храма Всех Святых на Соколе была установлена памятная плита Михаилу Сергеевичу Лопухину и его соратнику Владимиру Николаевичу Белявскому, осужденному и расстрелянному по тому же делу (рис. 17).

Невеста Михаила Сергеевича княжна Мария Александровна Туркестанова эмигрировала в Америку и там вышла замуж за Николая Николаевича Коротнева, который был арестован раньше Михаила Сергеевича Лопухина, но ему удалось спастись. Всю свою жизнь Мария посвятила благотворительности.

Вторая дочь Сергея Алексеевича Мария Сергеевна Лопухина в 1907 г. вышла замуж за князя Владимира Петровича Трубецкого (рис. 18). Они поселились в усадьбе Трубецких «Узкое».

После революции в марте 1920 г. семья Трубецких, как и тысячи других дворянских семей, отправилась на юг. Владимир Петрович присоединился к армии генерала Врангеля, а Мария Сергеевна с пятью детьми, няней и кухаркой из Новороссийска отправились в Константинополь на английском судне «Ганновер». Некоторое время жили на острове Принкино (теперь Бююкада), где все дети заболели корью и дочь Марии Сергеевны Соня умерла. Тогда Мария Сергеевна переехала в Париж, где позднее к ней присоединился ее муж Владимир Петрович.

Рис. 17. Памятная доска Лопухину Михаилу и Белявскому Владимиру

Рис. 18. Владимир Петрович и Мария Сергеевна Трубецкие.
«Узкое», 1906 г.

Жизнь была очень сложной. Необходимо было дать детям образование, взрослым найти работу. Владимир Петрович занялся экспертизой и продажей бриллиантов, которые ему давали знакомые. Он стал членом Объединения Императорской гвардии, участвовал в создании Консерватории им. С. В. Рахманинова, был избран предводителем Союза русских дворян в Париже. В 1921 г. Мария Сергеевна с двумя знакомыми дамами М. М. Анненковой и княгиней Л. П. Оболенской организовала Дом моды «ТАО» (рис. 19).

Они сами шили одежду и были первыми моделями. Их ателье пользовалось успехом, так как русская тема тогда была популярна. В семье было 7 детей: Петр, Анна, Александра, Аграфена, Софья, Прасковья, Мария. В Париже и Кламаре жили многочисленные родственники: брат Марии Сергеевны Николай Сергеевич, ее младшие сестры Татьяна Сергеевна Матвеева и Евгения Сергеевна Кириллова с семьями, Осоргины, графы Хрептович-Бутеневы, князья Трубецкие и Оболенские и другие.

Рис. 19. Дом моды ТАО. М.М. Анненкова, М.С. Трубецкая, Л.П. Оболенская. Париж. 1920-е гг.

Когда Дом моды «ТАО» закрылся в 1928 г., Мария Сергеевна начала вышивать для фирмы La mason du Blank, а в 1930-е годы вышила гладью иконы для Сергиевского подворья в Париже.

Стараниями Хрептович-Бутеневых и Трубецких в Клараме была построена церковь во имя Святых Константина и Елены (рис. 20). Все религиозные праздники, венчания, крестины и отпевания проходили в этой церкви, которая являлась (и является) центром, объединявшим всех русских эмигрантов пригорода Парижа и их родных и друзей в Париже.

Всем детям преподавали Закон Божий. С Лопухиными из России эмигрировала преподаватель детей Лопухиных Лидия Дмитриевна Курдюмова. Она жила в Клараме в семье Евгении Сергеевны Кирилловой вместе с Александрой Павловной Лопухиной. До самых последних дней Лидия Дмитриевна обучала не только потомков Лопухиных, но и детей всех родственных и знакомых семей. Во всех семьях Лопухиных детей учили русскому языку, прививали любовь к России,

Рис. 20. Церковь Святых Константина и Елены в Клараре.
Слева направо: о. Михаил Осоргин, Мария Васильевна Лопухина
(урожденная княжна Оболенская) и о. Георгий Павлович. 2000 г.

читали книги русских классиков. На протяжении всей жизни во Франции летом детей отправляли в лагеря, где также занимались русским языком (рис. 21). Родственники снимали большие усадьбы или жили у друзей и знакомых в их имениях, чтобы многие родственные семьи могли проводить там летние отпуска вместе.

Рис. 21. Отправка детей в скаутский лагерь, Париж, 1950 г.

Мария Сергеевна познакомилась и подружилась с итальянской княжной, которая пригласила семью Трубецких в свое имение «Л'Этуаль» около городка Шато Рено. Когда началась Вторая мировая война, многие Лопухины оставили свои дома и двинулись в это имение, где пережили самое страшное время.

Сыновья Николая Сергеевича Сергей, Рафаил и Михаил должны были пойти на фронт, хотя они не были гражданами Франции. Михаил Николаевич попал в плен к немцам. Об этом скоро узнали родственники и связались с дальним родственником Лопухиных бароном Федором Александровичем Медемом, который жил в Германии и служил управляющим в поместье Бисмарка (рис. 22).

Рис. 22. Барон
Федор Александрович Медем

Федор Александрович выписал группу пленных для работ в имении, среди которых был Лопухин Михаил Сергеевич. В конце войны Лопухин Михаил смог соединиться с семьей во Франции.

В 1947 г. Мария Сергеевна с мужем Владимиром Петровичем уехали в Америку, так как во Франции слишком сильной стала социалистическая партия и Трубецкие боялись этого. Каждый год Мария Сергеевна приезжала в Париж к детям и внукам. После смерти мужа Мария Сергеевна переехала в Париж, где продолжала вышивать иконы. Последнюю икону «Троица» по Рублевской Троице, опубликованную в издании «Русское иконописное искусство», Мария Сергеевна вышила в возрасте 83 лет. Всего ею создано более 70 икон, которые находятся во многих храмах Америки и Европы.

Летом 1976 г. Мария Сергеевна упала и сломала шейку бедренной кости. 27 июня она скончалась и была похоронена на кладбище де Батиньоль в Париже, куда позднее привезли останки ее мужа князя Владимира Петровича Трубецкого.

Рис. 23. Свадебная фотография Михаила Владимировича и Анны Сергеевны Голицыных, 1900 г.

Когда закончилась война, в Кламаре играли одну свадьбу за другой. Появились новые семьи, но все родственники продолжали держаться вместе, сохраняя семейные традиции. А также старались не терять связь с теми, кто остался в России.

А в России остались две сестры Лопухины: Анна, в замужестве княгиня Голицына, и Екатерина, в замужестве Давыдова. Обе семьи решили переждать революцию. Голицыны остались в Москве, а Давыдовы уехали в свое имение Кулеватово Тамбовской губернии.

Анна Сергеевна Лопухина вышла замуж за князя Михаила Владимировича Голицына (рис. 23). У них было 7 детей: Александра, Владимир, Софья, Евгения (умерла в 2 года от менингита), Сергей, Мария, Екатерина.

До революции Анна Сергеевна развернула в имении Голицыных Бучалках Тульской губернии широкую деятельность. Ей хотелось помочь всем окружающим. Она устроила приют для новорожденных сироток-подкидышей и потерявших мать. Для крестьянок организовала артель вышивок, которые хорошо продавались за границей, для окрестных школьных работников Анна Сергеевна устраивала общеобразовательные вечера с чтением и показом волшебного фонаря.

В 1912 г. семья Голицыных переехала в Москву, чтобы старшие дети учились в гимназии. Анна Сергеевна работала в Обществе охраны материнства и младенчества. Михаил Владимирович служил в Московской городской управе.

После революции из-за наступившего в Москве голода семья Анны Сергеевны Голицыной приняла приглашение графини Веры Владимировны Бобринской, сестры Михаила Владимировича, и переехала в их имение около г. Богородицка. Вместе с ними к Бобринским переехали старшие Голицыны и их дочь Елизавета Владимировна Трубецкая с мужем и с двумя маленькими детьми. Но скоро последовало выселение из имения, были арестованы муж Анны Сергеевны Михаил Владимирович, его отец Владимир Михайлович, бывший Московский голова, Владимир Сергеевич Трубецкой, Лев Алексеевич Бобринский. К счастью, этот арест был недолгим. Но по мере приближения армии Деникина аресты повторялись, стали брать заложников. М. В. Голицын и В. С. Трубецкой были вновь арестованы и провели долгое время в тульской тюрьме в тяжелейших условиях.

Голицыны, Трубецкие и Бобринские поселились в городе Богородицке. Михаил Владимирович устроился работать в Здравотдел, Трубецкой тапёром в кинотеатр, старший сын Анны Сергеевны писал декорации для городского театра, где ставились классические пьесы. Анна Сергеевна выучилась сапожному ремеслу и шила обувь для своей семьи и для семьи Бобринских. Она шила из старого войлочного ковра и перешивала старую обувь, а В. В. Бобринская обшивала две семьи, используя все старые вещи из имения Бобринских.

В это время в Петрограде умерла кузина М. В. Голицына Надежда Михайловна Голицына. Она оставила семье Голицыных прекрасные жемчуга, на которые они смогли купить квартиру в Москве, где поселились в 1922 г. Обставили квартиру мебелью, которая хранилась у друзей и родственников. Жизнь налаживалась. Старший сын Анны Сергеевны Владимир женился на графине Елене Петровне Шереметевой и продолжал работу художника-иллюстратора детских книг и журналов, учебу в ВХУТЕМАСе.

Старшая дочь Анны Сергеевны Александра вышла замуж за Георгия Михайловича Осоргина в 1923 г., а через два года его арестовали и отправили в Соловецкий лагерь, где в 1929 г. расстреляли. Благодаря стараниям Екатерины Павловны Пешковой, возглавлявшей Политический Красный Крест в Москве, семья Осоргиных с Александрой и ее двумя детьми смогла уехать во Францию, где жили многочисленные родственники.

Дочь Анны Сергеевны Софья работала по статистике, поступила на химический факультет института, откуда в 1929 г. ее отчислили после принятия закона о лишении «бывших» избирательного права. В 1930 г. она вышла замуж за ученого-ихтиолога Виктора Александровича Мейен. В начале войны его арестовали по доносу, выслали в лагерь и вскоре расстреляли. Софья осталась одна с тремя детьми.

Младший сын Анны Сергеевны Сергей учился в гимназии с геодезическим уклоном, затем на литературных курсах. Во время войны прошел от Сталинграда до Берлина в строительном отряде, строя оборонительные сооружения, позднее восстанавливая мосты и дороги. Был награжден орденом Красной Звезды. После войны Сергей Михайлович стал писателем. Им написаны прекрасные детские книги: «Сорок изыскателей», «Сказки старого Радуля» и другие, а также две книги-мемуары: «Записки уцелевшего» и «Записки беспогонника». Голицын С. М. был женат на Клавдии Михайловне Бавыкиной, в семье родилось двое сыновей.

Младшие дочери Анны Сергеевны Мария и Екатерина занимались в частных группах. Мария два года училась на литературных курсах, окончила заочное отделение Геологоразведочного института. После аспирантуры защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Мария вышла замуж за ученого В. С. Веселовского. В их семье родилось 4 детей. Из всех детей Анны Сергеевны только Мария смогла получить высшее образование.

В 1929 г. после выхода указа о лишении прав «бывших» людей старшего сына Анны Сергеевны Владимира уволили с работы, литературные курсы закрыли, младшую дочь Екатерину не приняли в 8-й класс школы, а семью выселили из Москвы. Семья Голицыных после нескольких переездов оказалась в Дмитрове. Дочь Мария и сын Сергей устроились на строительство канала Москва–Волга.

Несмотря на тяжелое время, Анна Сергеевна устраивала рождественскую елку для своих внуков (рис. 24).

В 1941 г. в Дмитрове по доносу был арестован старший сын Анны Сергеевны Владимир. В 1943 г. он умер в лагере в городе Свияжск недалеко от Казани.

Младшая дочь Анны Сергеевны Екатерина после школы-семилетки училась на различных курсах — подготовки в вуз, чертежных, техников-аналитиков. Она работала в музеях и в Оформительском комбинате. В 1932 г. Екатерина вышла замуж за Перцова В. Н., сотрудника мужа своей сестры Марии. В семье родились три сына. Осенью

Рис. 24. Ёлка у Голицыных в Дмитрове, 1936 г.

1941 г. Валерий Николаевич пропал без вести на фронте. Екатерина не смогла получить высшего образования, но она стала прекрасным шрифтовиком и этим зарабатывала на жизнь своей семьи.

В 1942 г. скончался муж Анны Сергеевны Михаил Владимирович Голицын, с которым она прожила трудные, но счастливые 43 года.

В послевоенные годы постепенно налаживалась жизнь в стране. Внуки Анны Сергеевны получили высшее образование, многие достигли высот на своем поприще. Среди них есть ученые: кандидаты и доктора наук, академики. Несколько внуков Анны Сергеевны стали видными художниками: Голицын Илларион Владимирович, Перцов Владимир Валерьевич, правнук Голицын Сергей Михайлович.

Сестра Анны Сергеевны Давыдова Екатерина Сергеевна после революции осталась с дочерью Еленой (моя мать) и сыном Степаном в родовом поместье Давыдовых в Кулеватове Тамбовской губернии (рис. 25).

Отношения с крестьянами у Давыдовых были всегда хорошие, и такими остались после революции. Чтобы предотвратить ненужные сложности, Екатерина Сергеевна составила список всего имущества, которым владели Давыдовы, и передала его крестьянскому комитету. Был устроен аукцион, все распродали и разделили. Семье Давыдовых

Рис. 25. Свадебная фотография Александра Васильевича и Екатерины Сергеевны Давыдовых, 1906 г.

оставили участок земли под пашню, для сенокоса, некоторый инвентарь и часть скотины и птицы по едокам. В семье Давыдовых в 1918 и 1920 гг. родились еще две дочери — Дарья и Аграфена. Мужу Екатерины Сергеевны дали в аренду мельницу и фруктовый сад, что очень помогало в материальном отношении. В 1918 и 1920 гг. Александра Васильевича арестовывали и сажали в Моршанскую тюрьму. Оба раза крестьяне на сходе принимали решение ходатайствовать об освобождении своего бывшего барина.

Екатерина Сергеевна вела хозяйство, занималась детьми, много читала им. Ей помогала бывшая кухарка Давыдовых, которая осталась одна с двумя детьми. Екатерина Сергеевна подготовила ее дочь Нюшу к школе, учила ее игре на фортепиано и французскому языку. Впоследствии Нюша стала учителем и директором в одной из моршанских школ. К Екатерине Сергеевне обращались крестьянки с больными детьми за помощью, и она имела необходимые знания и запас лекарств. Старшие дети Елена и Степан ходили в школу за пять километров в соседнее село.

В 1925 г. Давыдовым пришлось покинуть свой дом, так как вышел указ, запрещающий бывшим помещикам жить в своих усадьбах. Они купили избу и поселились в ней, посадили садовые деревья, устроили огород. Александр Васильевич, юрист по образованию, устроился на работу в Тамбовский базарный комитет. Зимой Екатерина Сергеевна с детьми жила в Тамбове, а летом в Кулеватове.

Старшие дети учились в школе в Тамбове, затем Елена училась в московской школе и жила в доме своей тети Анны Сергеевны Голицыной. После окончания школы Елена устроилась на работу в Тамбове и подготовилась к поступлению в институт. Она прекрасно сдала экзамены в МВТУ, но через месяц была отчислена из-за дворянского происхождения. Елена устроилась на работу в геологическую партию и постоянно ездила в экспедиции. Только в 1936 г. она смогла поступить в Горный институт и окончить его в звании инженера.

В 1929 г. Александр Васильевич Давыдов был арестован и посажен в тамбовскую тюрьму (третий арест). Крестьяне, его друзья, привезли на подводе овощи с огорода Давыдовых, добавили крупы, масло и другие необходимые продукты для семьи Александра Васильевича. Сына Степана отчислили из школы, не дав ему возможность ее закончить. Он стал сыном «врага народа». Впоследствии он так и не смог получить высшее образование, хотя стал видным специалистом по буровзрывным работам при строительстве гидроэлектростанций.

Екатерина Сергеевна с двумя младшими дочерьми поехала в Москву, чтобы устроиться жить поближе к своей сестре. Семья поселилась в Хлебникове, по Савеловской железной дороге. Александр Васильевич отбывал свой срок «за антиреволюционную агитацию» в северных лагерях. Однажды Екатерина Сергеевна получила письмо, в котором сообщалось, что Александр Васильевич тяжело болен. Екатерина Сергеевна с двумя дочерьми Дарьей (13 лет) и Аграфеной (11 лет) поехала в Котлас, где ее муж находился в пересыльной тюрьме. Было лето, и она с дочерьми собирала ягоды и грибы в лесах, продавала их и покупала необходимые лекарства и продукты для своего мужа. Старшие дети работали и помогали матери и сестрам.

В 1933 г. у Александра Васильевича кончался срок заключения, но вместо того, чтобы освободить его, было принято решение отправить его в другой лагерь. Екатерина Сергеевна написала заявление руководителю ОГПУ Г. Г. Ягоде о том, что ее муж отсидел положенный срок и находится в заключении лишние полтора месяца. Александра Васильевича освободили. После выхода на свободу его пригласил на работу в Литературный музей директор музея В. Д. Бонч-Бруевич.

Рис. 26. Анна Сергеевна Голицына с внуками и Екатерина Сергеевна Давыдова с дочерью. Дмитров, 1930-е гг.

В 1936 г. семья Давыдовых переехала в Дмитров Московской области, где жила семья Анны Сергеевны (рис. 26).

Дарья и Аграфена поступили в сельскохозяйственную академию. Когда началась война, Екатерина Сергеевна, Александр Васильевич и их младшая дочь Аграфена с грудной дочкой эвакуировались на Южный Урал к старшей дочери Елене. Елена и ее муж Владимир Николаевич Марьянов были горными инженерами и работали на никелевом руднике в Орске. Екатерина Сергеевна и Аграфена шили ватники и рукавицы для фронта. Несмотря на трудное время, Екатерина Сергеевна и ее дочери старались устраивать для детей праздники. На Новый год сами делали игрушки из бумаги, цепи для украшения елки. Эта семейная традиция Лопухиных делать игрушки своими руками долго сохранялась в семьях потомков и после войны.

В конце войны Екатерина Сергеевна, Александр Васильевич, их дочь Аграфена и ее маленькая дочка вернулись в Москву. Директор Литературного музея добился для Александра Васильевича как ближайшего родственника М. Ю. Лермонтова персональной пенсии и комнаты в полуподвальном помещении недалеко от Казанского вокзала (рис. 27).

Рис. 27. Александр Васильевич и Екатерина Сергеевна Давыдовы в своей комнате, 1947 г.

В 1946 г. семья старшей дочери Екатерины Сергеевны Елены вернулась из эвакуации. Жили очень трудно, не было жилья. В семье Марьяновых было три дочери: Татьяна, Евгения и Наталья. Татьяна жила с дедушкой и бабушкой в подвале. Младшие девочки жили в санатории, куда их смогла устроить мать. В 1947 г. семья Марьяновых с родителями Елены поселилась в маленьком коттедже в г. Люберцы около Москвы, где Владимир Николаевич работал в Научно-исследовательском горном институте. В 1949 г. он получил двухкомнатную квартиру в новом доме, построенном пленными немцами. Екатерина Сергеевна и Александр Васильевич переехали в эту квартиру с семьей дочери.

После войны средняя дочь Екатерины Сергеевны Дарья, которая всю войну проработала агрономом, смогла закончить сельскохозяйственную академию. У нее с мужем Дмитрием Николаевичем Афанасьевым родились два сына и одна дочь. Дети часто болели, поэтому подолгу жили с бабушкой и дедушкой в семье своей тети Елены. Екатерина Сергеевна и Александр Васильевич старались помогать своим детям, внукам, другим родственникам. Для всех своих внуков они были эталоном отношения к людям: удивительный такт, доброта, внимательность, забота и очень широкий круг знаний. Екатерина Сергеевна в свое время сдала экзамены за курс гимназии. Когда в школе учились ее внуки, она помогала в решении трудных задач. Она шила, вязала, чинила электроприборы — утюг, электроплитку. Семья Сергея

Алексеевича Лопухина дружила с известным педиатром Филатовым, и его дочери получили некоторые знания в области лечения детей. Екатерина Сергеевна быстро определяла заболевание и знала, как лечить. Когда она ставила диагноз своим заболевшим внукам, опытный педиатр в Люберцах подтверждала их правильность.

Семьи Анны Сергеевны и Екатерины Сергеевны были тесно связаны. Их любовь, забота о своих родных, взаимопомощь помогли им выжить, несмотря на все испытания. Все семейные события — свадьбы, похороны, крестины (когда было возможно), юбилеи и другие праздники собирали всех членов этих семей. Поэтому дети Екатерины Сергеевны и Анны Сергеевны, их внуки были с детства очень дружны. На Рождество Анна Сергеевна собирала у себя всех внуков и внучатных племянников, на масленицу Екатерина Сергеевна собирала у себя это младшее поколение.

После войны в Академическом поселке в Луцино Звенигородского района Московской области летом жили Анна Сергеевна с младшими дочерьми Марией и Екатериной и их семьями. В деревне Луцино в течение нескольких лет снимала дачу старшая дочь Екатерины Сергеевны Елена, где с тремя дочерьми проводила отпуск рядом с семьей Голицыных. Вместе ходили в лес за ягодами, грибами, купались в Москве-реке, устраивали праздники с танцами и пением. Самым интересным и по сей день является маскарад, в котором принимали и принимают участие все жители Академического поселка «от мала до велика» (рис. 28).

Все были в самодельных костюмах, проводился конкурс на лучший костюм, для детей устраивалось угощение, проводились концерт и игры. Дети, внуки и правнуки Анны Сергеевны всегда были и сейчас остаются наиболее активными участниками этих маскарадов.

В 1950-х годах на Клязьме, где Елена снимала дачу для родителей и дочерей, ее сестры Дарья и Аграфена ставили спектакли с детьми (рис. 29).

К счастью, Анна Сергеевна и Екатерина Сергеевна смогли сохранить связь с родными, которые покинули Россию. Они переписывались с матерью Александрой Павловной Лопухиной, сестрами Татьяной и Евгенией. Анна Сергеевна переписывалась с дочерью Линой Трубецкой, своей тетей Евгенией Павловной Писаревой, бывшей учительницей Лидией Дмитриевной Курдюмовой. Несколько лет переписка проходила через бывшую няню Голицыных, так как «бывшим» людям было опасно иметь связь с границей. Позднее связь стала регулярной, дети Анны Сергеевны могли посещать своих родных во

Рис. 28. Маскарад в Академическом посёлке у деревни Луцино, 1957 г.

Рис. 29. Спектакль «Спящая красавица». Клязьма, 1956 г.

Франции, их сестра Лина смогла приехать в Россию. В 1960–1970-е гг. летом в Луцино к Голицыным приезжали племянники из Франции. Так связь потомков Лопухиных укреплялась.

В 2000 г. впервые в Москве собрались представители потомков Анны Сергеевны, Екатерины Сергеевны, Алексея Сергеевича, Петра Сергеевича Лопухиных, и эти сборы продолжаются (рис. 30). В 2001 г. в США собрались вместе потомки Алексея Сергеевича и Феклы Богдановны Лопухиных, которые теперь живут в разных частях страны (рис. 31, 32).

Рис. 30. Троюродные братья и сёстры — внуки Анны Сергеевны Голицыной, Алексея Сергеевича Лопухина и Екатерины Сергеевны Давыдовой в 2000 г.

В 2010 г. группа из 12 человек — внуки Анны Сергеевны Голицыной и Екатерины Сергеевны Давыдовой отправились в туристическую поездку в Париж, где встретились с многочисленными троюродными сестрами и братьями и другими потомками Николая Сергеевича Лопухина, Марии Сергеевны Трубецкой, Татьяны Сергеевны Матвеевой (рис. 33).

*Рис. 31. Съезд Лопухиных. Потомки Алексея Сергеевича и Фёклы Богдановны Лопухиных.
Слева направо: Галина, Николай, Елена (Слободская),
Татьяна (Родзянко). Михаил (Осоргин), Анна (Осоргина),
Елизавета, Михаил. «Отрада», N.Y. USA, июль, 2001 г.*

Рис. 32. Общая фотография потомков Алексея Сергеевича Лопухина

Рис. 33. Мария Васильевна и Михаил Николаевич Лопухины с дочерью Софьей Ребиндер (внучка Николая Сергеевича Лопухина), Александр Георгиевич Шетлер и Григорий Дмитриевич Афанасьев – внуки Екатерины Сергеевны Давыдовой

Все говорили по-русски, общались как очень близкие люди. Нас принимали в разных домах наши родные, привезли в Кламар, где жил наш троюродный брат, о. Михаил Осоргин, и другие родственники. В церкви святых Константина и Елены прошла служба, затем мы поехали на кладбище, на котором похоронены Александра Павловна Лопухина, ее сестры, старший сын и младшая дочь, другие родственники: Трубецкие, Осоргины, Хрептович-Бутеневы (рис. 34).

В наше время несколько родственников из Франции и США работают в России, некоторые получили российское гражданство. Уже праправнуки Сергея Алексеевича и Александры Павловны Лопухиных стали близкими людьми, некоторые породнились еще раз. Так, правнук Алексея Сергеевича вступил в брак с правнучкой Анны Сергеевны. Благодаря Интернету все потомки Алексея Сергеевича и Александры Павловны могут постоянно поддерживать связь, обмениваться информацией, фотографиями, другими материалами. За 20 лет такого общения мы смогли собрать материалы для книги о нашем роде. Это воспоминания, дневники, письма членов семьи Лопухиных и их

Рис. 34. Внуки Анны Сергеевны Голицыной и Екатерины Сергеевны Давыдовой. Кларамар, 2010 г.

близких родственников, а также фотографии, которые показывают жизнь этой семьи в разные периоды и в разных странах. Встречи всех потомков Лопухиных стали постоянными в России, Франции, США, Великобритании.

Самое главное, что смогли передать нам в наследство Сергей Алексеевич, Александра Павловна и их дети, это понимание ценности семейных отношений. Именно благодаря этому пониманию смогли выжить и не потерять связь с родными членами этой семьи в тяжелейших условиях, в которых оказались после революции 1917 года.

Список источников и литературы

1. Неопубликованные материалы семейного архива.
2. *Голицын М. В.* Мои воспоминания. (1837–1917) / Князь Михаил Владимирович Голицын. — М.: Русский Мир: Жизнь и мысль, 2007. — (Семейные хроники: Голицыны). — С. 253, 254.

3. *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. — М.: Вагриус, 2006. — С. 107, 108.
4. *Краевский Б. П.* Лопухины в истории Отечества. — М.: Изд-во Центрполиграф, 2001. — С. 598, 606.
5. *Давыдов С. А.* Записки старого взрывника. — М.: Издательство ГПИБ, 1998. — С. 15.
6. *Смирнова Т. В.* «Бывшие» в Сергиевом Посаде / Т. В. Смирнова ; Гос. Публ. Ист. Б-ка России. — М., 2018. — С. 10, 11.
7. *Наумов А. В.* Графы Медемы. Хвалынская ветвь. — М.: Социально-политическая мысль, 2011. — С. 150.
8. *Давыдов А. В.* Записи того немногого, что осталось у меня в памяти о нашей жизни в Кулеватове после октября 1917 года / А. В. Давыдов; Гос. Публ. Ист. Б-ка России. — М., 2013. — С. 95, 96.
9. *Давыдов Н. В.* Из прошлого. — М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ. — 1914. — С. 77.

Усадьба Ушакова Курской губернии

Моя статья — это попытка реконструкции почти исчезнувшей усадьбы на основе семейной памяти, памяти нескольких поколений одного рода. К сожалению, к различным методам реконструкции уничтоженных и гибнущих усадеб приходится прибегать все чаще, а количество живых носителей памяти или хранителей неопубликованных воспоминаний становится все меньше.

Речь пойдет об усадьбе дворян Ушаковых в деревне Ушакова Фатежского уезда Курской губернии. Административная принадлежность сохранилась и ныне.

В основе — неопубликованные воспоминания моего деда Константина Андреевича Ушакова, устные рассказы моей матери Марины Константиновны Алявдиной, урожденной Ушаковой, и собственные архивные и натурные исследования.

Род Ушаковых происходит от известного по летописям Касожского князя Редеди, убитого в 1022 г. великим князем Мстиславом Удалым, сыном Владимира Великого. От брака дочери Мстислава и сына Редеди произошло много древних русских родов — Лопухины, Глебовы, Сорокоумовы, Лупандины и др. В память о происхождении от Рюрика в гербе Ушаковых появилась княжеская корона на горностаевом фоне вместе с родовым символом — дубом. На курских землях Ушаковы появились в XVI–XVII вв. Согласно купчим, земли, прилегающие непосредственно к деревне Ушакова, покупались в 1708–1748 гг. Степаном Ушаковым. Основал усадьбу, скорее всего, его внук Михаил Иванович, в 1757 г. он упоминается служившим в ландмилиционном полку прапорщиком. Затем Михаил Иванович становится капитаном, переходит на гражданскую службу, а в 60–70-х гг. выходит в отставку коллежским советником. Видимо, тогда он и занялся устройством поместья.

Впервые сама усадьба упоминается в самом начале XIX в. в прошении сына Михаила, майора Ивана Михайловича, как «родовая усадьба отца». В это время там уже был барский дом, сведения о котором не сохранились. Очевидно, что тогда это была типичная среднепоместная южнорусская усадьба с небольшим деревянным домом, со скромным парком и большими фруктовыми садами.

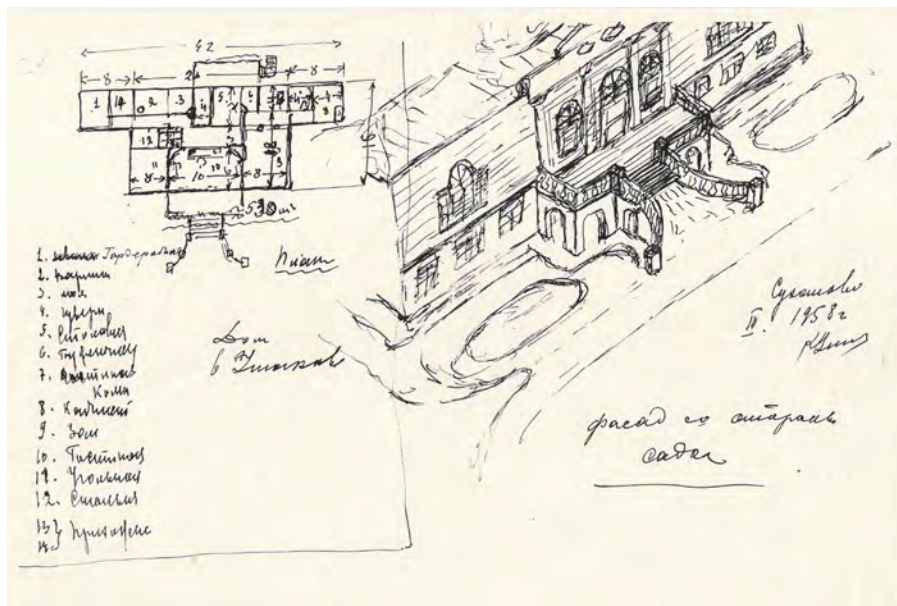
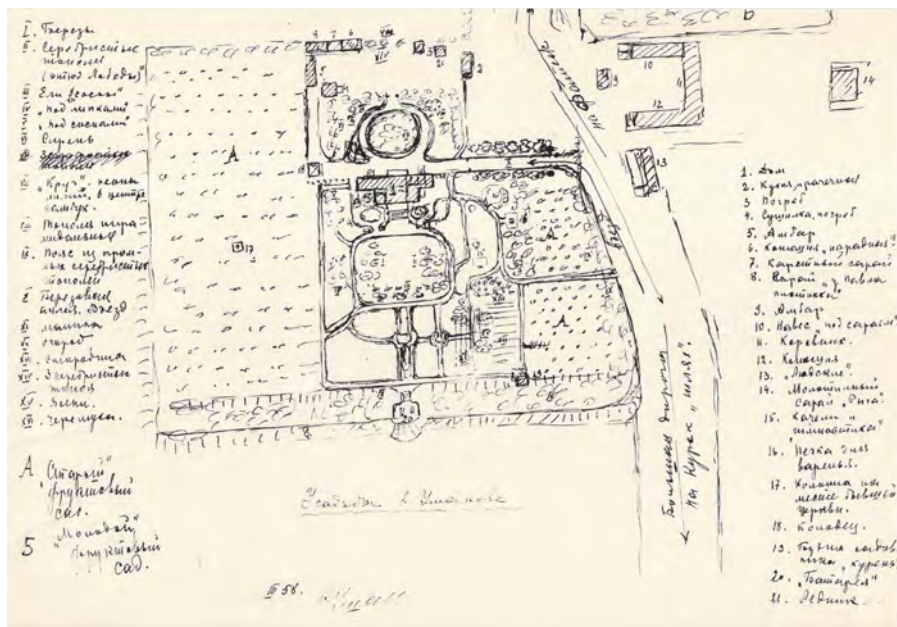

Рис. 1-2. План усадьбы Ушакова. Из семейного архива

В этой усадьбе родился и жил достаточно яркий представитель нашего рода, уже упоминавшийся выше, Иван Михайлович Ушаков — герой войны 1812 г., генерал-майор, командир Черниговского полка, потерявший ногу ниже колена при Бородине и окончивший войну вместе со своим полком в Париже. За время своей службы он успел принять участие в нескольких войнах: в войне с Наполеоном в 1806–1807 гг., был адъютантом у М. И. Кутузова и у генерала-фельдмаршала А. Прозоровского в Русско-турецкой в 1809–1810 гг. Все дети Ивана Михайловича, а их было восемь, родились в Ушакове, куда после многочисленных походов, сражений, а иногда и ранений неизменно возвращался генерал. Но большие расходы, связанные с должностью командира полка, неустроенность хозяйственных дел в отсутствие главы семейства, необходимость выделять часть поместья в приданое за дочерьми, все это привело к неотвратимой необходимости продать родовое гнездо, что и произошло в 30-х годах. В эти годы, скорее всего, разрушается или разбирается старый дом.

Следующий период существования усадьбы связан с младшим сыном генерала — Константином, который родился в Ушакове в памятном 1812 г. Константин ставит своей целью возвращение родовой усадьбы в семью, ведет большую переписку по этому вопросу и, продав с согласия жены отданную ей в приданое деревню в Полтавской губернии, выкупает Ушаково.

В конце 40-х годов он строит дом и основные усадебные постройки. Дом был деревянный, с двумя кирпичными пристройками и кирпичным цокольным этажом, который выходил в сад. В доме было двенадцать комнат в первом этаже и четыре в цокольном. «Со стороны двора в доме было два одинаковых подъезда и между ними открытая терраса». Усадьба располагалась на высоком склоне глубокого и протяженного лога, по которому до сих пор протекает ручей и устроена

Рис. 3. Генерал-майор Иван Михайлович Ушаков, герой Бородина, Курский губернский предводитель дворянства. Литография, 1838 г. ГИМ

*Рис. 4. Константин Иванович
и Варвара Андреевна Ушаковы.
40-е годы XIX в.*

Из семейного архива

запруда. На плотине стояла мельница, просуществовавшая до 50-х годов. Ниже парка, вдоль лога, вытянулась деревня.

Последним владельцем усадьбы стал мой прадед — отставной поручик Андрей Константинович Ушаков. По воспоминаниям, он был мягким и отзывчивым человеком, но не очень хозяйственным. Оказывал помощь крестьянам, когда у них случались серьезные проблемы. Но дела шли хуже и хуже, и в 1915 году усадьбу продали богатому местному жителю. В 1916 г. прадед умирает, и его вдова Вера Михайловна, урожденная Прибыткова, уезжает в Москву к сыну, недавно окончившему Высшее Техническое училище.

А в 1918 г., похоже, в отместку «своему» богатею, усадьбу разграбили и разобрали дом, «растасили», как сказали местные жители. В течение нескольких десятилетий никто из Ушаковых в усадьбе не бывал.

В 1952 г. мой дед Константин Андреевич Ушаков вместе с сыном заехал в Ушаково. Встречать его вышла вся деревня, многие из стариков его хорошо помнили еще ребенком. Дедушка нашел свою очень старенькую кормилицу, которую через несколько месяцев поселил у себя в московской квартире. Она прожила там пару лет и умерла.

Восстановились отношения и с другими жителями Ушакова. Они приезжали в гости, привозили деревенские гостинцы. А когда происходило «развенчание культа личности», произошла забавная история. Однажды приехала в Москву делегация колхозников и обратилась к Константину Андреевичу с просьбой переименовать их колхоз имени Кагановича в колхоз имени Ушакова, мотивируя это тем, что он знаменитый человек, профессор, лауреат государственных премий. Дед с большим трудом отговорил их от этой инициативы.

Рис. 5. Семья Ушаковых на балконе со стороны парадного двора.
Нач. XX в. Из семейного архива

Рис. 6. Главный дом со стороны парадного двора.
Нач. XX в. Из семейного архива

Рис. 7. Главный дом со стороны парадного двора.
Нач. XX в. Из семейного архива

Рис. 8. Главный дом со стороны парка.
Нач. XX в. Из семейного архива

Рис. 9. Варвара Андреевна Ушакова, сестра автора записок в «угольной» комнате. Нач. XX в. Из семейного архива

Рис. 10. Гостиная. Нач. XX в. Из семейного архива

Рис. 11. А. К. и В. М. Ушаковы перед поездкой в Курск.
У левого подъезда. Нач. XX в. Из семейного архива

Первый раз я приехал в Ушаково в 1987 г. Сохранилось несколько сделанных мной фотографий. Остатки парка, несколько старых деревьев, новый фруктовый сад на месте старого. Там, где был главный дом, лишь плотные заросли кустов и сорняков на еле заметных остатках фундамента. По просьбе местного учителя я присылал некоторые материалы по истории нашего рода, об усадьбе и о генерале И. М. Ушакове.

Периодически я заезжаю в Ушаково, но сейчас там уже нет школы, и становится все меньше жителей.

В 1958 г. Константин Андреевич Ушаков написал небольшие воспоминания об усадьбе, которые впервые публикуются ниже.

Воспоминания К. А. Ушакова

Дом в Ушакове был построен в конце 40-х годов прошлого века моим дедом Константином Ивановичем вскоре после того, как он выкупил это свое родовое имение у некоего, по-видимому, известного тогда и богатого человека Мальцева. К последнему Ушаково перешло еще при моем прадеде в связи с какими-то его долговыми обязательствами.

Рис. 12. А. К. и В. М. Ушаковы на крыльце со стороны парка.
Нач. XX в. Из семейного архива

В переписке, к сожалению теперь утраченной, Константина Ивановича с его женой Варварой Андреевной покупке Ушакова уделялось очень большое место.

Для осуществления этого очень сильного их обоих желания бабушка продала доставшееся ей в приданое имение Туровку в Полтавской губернии.

В числе дворовых людей, переселенных из Туровки в Ушаково, была и Василиса Дубогрызова, ставшая няней моего отца, а затем моей сестры Вари и, наконец, моей. Няня умерла в возрасте семидесяти с лишним лет в первые годы нашего века.

В Ушакове я родился и до 12 лет выезжал из него только в Курск погостить у бабушки Марии Дмитриевны Прибытковой, маминной матери.

В усадьбу въезжали по березовой аллее, соединявшей большую дорогу, шлях с парадным двором. Расположенный перед домом этот двор представлял собой большой прямоугольник. С трех его сторон как стены стояли заросли сирени. Посредине, как и во многих дворянских усадьбах, был огромный круг, покрытый травой с кустом самбука, окруженного розами в центре и с пересекающимися клумбочками пионов и желтых лилий по окружности. Как у нас выражались, «кругом круга» шла широкая дорога, по которой свободно проезжал экипаж, запряженный четверкой лошадей.

Рис. 13. Вид из усадьбы на запруду и «старый шлях» из Курска. 1950-е годы. Из семейного архива

Пространство между дорогой и сиренью было покрыто травой, в углах стояли группы старых пирамидальных тополей.

Дом был деревянный, с двумя кирпичными пристройками и таким же цокольным этажом со стороны, выходившей в сад. В доме было двенадцать комнат в первом этаже и четыре в цокольном.

Со стороны двора в доме было два одинаковых подъезда и между ними открытая терраса.

Поднявшись по небольшой наружной лестнице левого подъезда, входили через тамбур в переднюю, из нее через небольшой светлый коридор переходили в зал с пятью окнами в боковой стене и одним большим «венецианским» в торцевой.

Две колонны «под мрамор» отделяли небольшую часть зала. В ней при жизни деда во время балов устраивали буфет.

Украшением зала был сверкающий как зеркало паркет из больших (0,7×0,7 м) дубовых пластин.

На торцевой стене зала по обе стороны окна висели зеркала в ореховых рамах с такими же подзеркальниками. Хорошо помню, что в вазах, стоявших на подзеркальниках в начале лета, всегда были огромные букеты ландышей, любимых цветов моей мамы.

Рис. 14. Деревня Ушакова. 1950-е годы. Из семейного архива

Вдоль стен стояли стулья, обитые красным штофом. На всех окнах и перед ними на подставках были цветы.

Левый угол зала у поперечной стены был заполнен большими фикусами и филодендронами, стоявшими в кадках на полу и ростом почти до потолка.

У правой стены стоял черный рояль. В простенках между окнами висели лампы на кронштейнах с белыми шарообразными абажурами. Над ламповыми стеклами были укреплены вертушки с крыльшками из слюды, долженствовавшие предотвращать копчение ламп. Вращаясь, эти вертушки слабо и ритмично потрескивали.

К залу примыкала гостиная с двумя окнами и расположенной между ними дверью, выходившими на балкон.

У окон и двери были полукруглые фрамуги, разделенные переплетом на секторы, застекленные цветными стеклами. Полоски из таких же стекол шли по периметру оконных и дверной рам. Углы между задней и боковыми стеклами гостиной были округлены большими радиусами.

На двери и окнах, а также на проемах, соединявших с залом, и следующей за ней угловой, или, как ее называли, «угольной», висели портьеры на полуциркульных карнизах, отвечавших форме фрамуг и верхней части проемов. Портьеры были золотистые.

Рис. 15. Андрей Константинович с семьей, вероятно 1892 г.
Из семейного архива

заканчивались резными, из того же дерева, непонятно вытянутыми лицами. К дивану подходили по стилю четыре кресла и стол, стоявший между ними. Доска стола в форме скрипичной деки была покрыта бархатной скатертью. Посреди стояла фарфоровая лампа с абажуром из мятой бумаги.

В детстве особое мое внимание привлекала прозрачная, застекленная с трех сторон горка, стоявшая у второй боковой стены гостиной. Она была полна самыми различными вещами: под стеклянным колпаком красовался стеклянный павлин с хвостом из шелковистых стеклянных нитей; тут были сани и кибитка, вылепленные из воска моим отцом. Наверху стояла то ли дедовская, то ли прадедовская подзорная труба на блестящей бронзовой подставке; стакан с двойными стенками, между которыми помещался целый пейзаж с деревянным домиком, деревьями и лужайкой, сделанными из мха.

В простенках между окнами и дверью были зеркала в рамках и с подзеркальниками из красного дерева.

В углу слева от входа из зала стояла этажерка со статуэтками из бисквитного и обычного фарфора. Очень хороша была группа крестьянских детей, катающих по наклонной доске крашенные пасхальные яйца.

Направо от входа находился диванчик со спинкой в виде двух медальонов, между которыми помещалась полочка. Перед диванчиком на медвежьей шкуре стоял «одноногий» столик светлого дерева с инкрустацией. Рядом с диванчиком — такой же, но карельской березы.

У задней стены по ее середине располагался большой диван с мягкой спинкой, обрамленной широкой полоской из красного дерева с резьбой. Подлокотники

Когда я подросток, то обнаружил, что в горке, кроме перечисленных диковин, хранится еще много красивых вещей: старинный фарфор, чудный хрустальный резной бокал с позолотой, золоченные кубки с чеканным бордюром, великолепный майоликовый кувшин с оловянной крышкой, помеченный 1708-м годом, и еще вещи, о которых не сохранилась память.

Из гостиной проходили в последнюю из парадных комнат — угольную. Весь правый угол ее занят угловым диваном, каждая сторона которого была не короче трех с половиной метров, перед ним очень большой стол цельного красного дерева, окруженный тяжелыми креслами с высокими спинками. Диван и кресла обиты ситцем в широкую черную и серую полоску. По черным разбросаны яркие цветы.

Над диваном писанные маслом портреты: прадеда Ивана Михайловича, его жены, урожденной княжны Прозоровской, деда и бабушки.

Между диваном и дверью, ведущей в спальню моих родителей, — ломберный, красного дерева стол, над ним полочка с безделушками, окруженная многочисленными семейными фотографиями.

За дверью — простенький книжный шкаф моей сестры. Из него я брал книжки Жюль Верна, Вальтера Скотта и других обожаемых авторов и зачитывался ими, усевшись в уютное глубокое кресло.

В углу комнаты, как мне вспоминается, стоял еще один стол, необыкновенно высокий, со шкафом ростом, на центральной колонке и с треножником внизу. Его назначение так и осталось для меня непонятным.

Вдоль следующей стены, с окном, выходившим в сад к «соснам», помещался старый, по-видимому, прямострунный рояль, над ним висело зеркало в ореховой раме с резьбой из гипса. По сторонам его были очень красивые бра из золоченой бронзы, нечто вроде Louis XV.

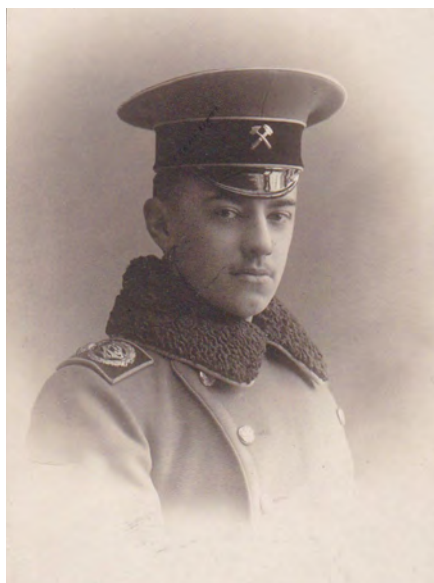

Рис. 16. Константин Андреевич Ушаков, выпускник Императорского московского технического училища. Из семейного архива

Рис. 17. Константин Андреевич Ушаков (1892–1967), профессор, доктор технических наук, лауреат Государственных премий. В кабинете в ЦАГИ. 1950-е годы. Из семейного архива

Тут же стояло кресло с полулежащей спинкой, составляющей одно целое с сиденьем. Затем, уже по другой фасадной стене, шел мамин письменный стол современной тем годам работы, венецианское окно, такое же как в зале, со стоявшими перед ним цветами, швейная машина и мамин книжный шкаф.

Шкаф этот стоял далеко от окна, в полумраке над ним виднелись две картины в рамках из широченного золоченого багета. Что на них было изображено, как следует не помню, кажется, какие-то пейзажи.

Таковы были парадные комнаты, остальные были обставлены самой обычной мебелью, так называемой «сластеновской» — в Курске был мебельный магазин Сластенова, поставлявший такую продукцию.

Сады в Ушакове

Их было два: новый, расположенный на противоположной дому стороне большой дороге, и старый, примыкавший непосредственно к дому.

Его можно было разделить на две части: декоративную и главную. Весь сад в целом был окружен небольшим рвом. По восточной границе перед рвом был вал шириной около 10 метров и высотой около двух. Подлинным украшением сада были огромные серебристые тополя, окаймлявшие его восточную и северную стороны.

Тощина стволов этих тополей была не менее полутора метров. Они стояли друг к другу так близко, что отличить отдельные деревья было нельзя — это была сплошная сероватая стена.

Только у земли между огромными их стволами кое-где проглядывался горизонт, виднелась спускавшаяся к реке дорога из Курска, старый Екатерининский «шлях».

На спуске шлях превратился в узкую дорогу, извивавшуюся между промытыми дождями оврагами «белой» горы. Обычно по ней никто не ездил — существовал «объезд», который, отойдя от шляха, еще до начала спуска, сперва шел по полю, а затем по косогору, вдоль речки.

Самые крупные тополя росли на валу перед рвом. На небольшой площадке на этом валу, к которой вела лесенка, стояли друг против друга две скамейки. Площадка эта именовалась «батареей».

Рассказывали, что в старину при параде здесь стояла пушка, из которой салютовали по торжественным дням.

С батареи я часто смотрел на дорогу из Курска в ожидании, что далеко-далеко за «белой горой» появится точка — экипаж, в котором родители возвращаются из поездки в город.

С балкона, выходявшего в сад, открывался вид на большую поляну, ограниченную спереди зарослями шиповника и сирени, за которыми возвышались три огромные ели, а с боков двумя группами деревьев. Слева это были серебристые тополя, почти такие же высокие, как и те, что окружали сад, а справа — березки, также довольно крупные. Через дорожку за этими березками росла группа лип, обойдя которую, попадали под «сосны». Собственно говоря, это были не сосны, а ели, но такое уж им дали название. У нас, детей, которые никогда не видали сосен, это не вызывало никаких сомнений. Под этими соснами летом всегда проходили мои занятия с учительницами, жившими у нас каждое лето. Были среди них всякие, и хорошие, и «противные».

Одной из представительниц последнего вида была та, которая, рассердившись, называла меня «вельзевулом», а сделанные мною ошибки в диктанте заставляла исправлять, переписывая каждое слово по сто раз.

По дорожкам, огибавшим центральную поляну, можно было попасть на ту, которая шла вдоль вала, а с нее и на «батарею».

Рис. 18. Ушаковы за варкой варенья. Андрей Константинович, Вера Михайловна, Константин и Варвара (справа налево). Нач. XX в. Из семейного архива

Все группы деревьев, о которых шла речь выше, являлись как бы ключевыми точками сада. Были и еще такие места, например: «Гимнастика» — два высоких столба с перекладиной, к которой были подвешены качели, трапеция, кольца, канат с узлами.

Важным центром хозяйственной деятельности в саду была в конце лета печь для варки варенья. Мы любили при этом присутствовать, в особенности если варилась клубника, малина или вишня, в этом случае пенки были особенно вкусными, и мы отдавали им должное.

На этих словах воспоминания заканчиваются. Наряду с фотографиями и небольшим количеством предметов из усадьбы эти воспоминания стали для нас одной из самых ценных семейных реликвий. Любовь и привязанность моего деда к этим местам передалась в некоторой степени и последующим поколениям. И я, и мои родители неоднократно приезжали туда, но живая связь с усадьбой, которая была свойственна моим предкам, увы, уже не сохранилась.

Но я считаю своим долгом сохранение памяти об утраченных поместьях и деятельность по возрождению еще сохранившихся русских усадеб.

Бумажный айсберг. Глава I. Друзья

Вниманию читателей предлагается первая глава книги «Бумажный айсберг или жизнь художника в документах» о семье коренных москвичей Губарёвых-Бобровых. Эта семья — пример культурной династии, хранившей и развивавшей русское духовное наследие. Ее представители были одарены разными талантами: среди них были художники, поэты, литературоведы, математики, переводчики, экономисты. Все члены этого содружества, очень разные по духовному облику и темпераменту, находились в тесной связи на протяжении многих десятилетий и оказывали друг другу творческую и человеческую поддержку.

Основную часть материалов составляет художественное наследие трех художников. Старший из них — Андрей Алексеевич Губарёв (1885–1965). Его творчество, охватывающее первую половину XX века, теснейшим образом связано с традициями русской реалистической школы живописи. Второе поколение — сын Алексей Андреевич Губарёв (1931–1982) и его супруга Василиса Ивановна Завитневич-Губарёва (1930–1970), представляют искусство 1960–80-х гг. XX в. Их работы отмечены разнообразием стилистических поисков и энергичных экспериментов с художественной формой, протекавших на фоне официальной доктрины социалистического реализма и нередко причудливо с ней переплетавшихся.

Кроме художественных произведений, уцелели дневники, письма, стихи, самодельные книги, документы, фотографии. Бережным хранителем коллекции живописи, графики и семейного архива стала Анастасия Андреевна Тесалина-Губарёва. Ее терпением, трудами и заботами сохранились материалы, которые раскрывают не только художественный, но и целый культурный пласт нашей истории, охватывающий большую часть XX века.

Часть 1. Друзья

«Сын часовых дел мастера, работавшего по найму. По метрике — сын крестьянина Тульской губернии. Родился в 1885 г. Отец умер в 1897 г. Мать осталась без средств. На иждивении матери оста-

Рис. 1. Андрей Губарёв.
Повар в имении А.С. Хомякова
Богучарово. Фото 1880-е г.
Архив семьи

лось 5 человек детей, из которых старшему Василию исполнилось 14 лет. Оставшись без средств, мать шила рубашки, воротнички по 5 коп. за штуку и башлыки на интендантство ... я, окончив начальную школу в 1898 г., поступил в 4-классное училище, но проучившись 2 года, перешел в общеобразовательный отдел Московской школы Живописи Ваяния и Зодчества, который окончил и был переведен в головной класс, из которого выбыл в 1909 году...» [5].

Так начинается автобиография московского художника и педагога Андрея Алексеевича Губарёва (1885–1965), написанная им не для потомков, а для какого-то учреждения в кровавом 1937 г. В семье сохранился черновик с правками и густыми зачер-

киваниями. Биографические истоки вполне типичные для московского разночинца и студента демократического Училища Живописи, Ваяния и Зодчества.

По метрикам, члены семьи Губарёвых в начале XX в. все еще числись крестьянами села Обидимо Хрущевской волости Тульского уезда. Но крестьяне они были изначально не пахотные, а дворовые. Дед художника Андрей Губарёв — крепостной, был поваром в имении Богучарово у Алексея Степановича Хомякова (рис. 1). А его жена Ирина — кормилицей барских детей (рис. 2), таким образом, дети Губарёвых были молочными братьями и сестрами детей А. С. и Е. М. Хомяковых. И хозяин, и повар были люди неординарные. И почти как в «Мертвых душах», повар выучился у француза не только поварскому искусству, но и французскому языку. По семейным воспоминаниям, барин посылал талантливого крепостного в Париж изучать тонкости кондитерского дела.

Дети крепостного повара — сын Алексей и дочь Ирина, став вольными, перебрались в Москву, но связь с тульской богучаровской

родней не теряли: летом навещали бабушку и были в курсе новостей. «В Богучарово недавно были две свадьбы. Мария Кокорева вышла замуж за Степана Ильина, да еще он женил своего какого-то другого сына...»[5] — из письма Елены Губарёвой брату Андрею в Киев (1914 г.). Среди студенческих работ Андрея Губарёва сохранился зимний пейзаж с богучаровским усадебным домом, написанный смело и поэтично (рис. 3).

Отец художника — часовщик Алексей Андреевич Губарёв, судя по сохранившейся фотографии (рис. 4), был скорее «не работником по найму», а хозяином небольшого дела, что опасно было писать в советской анкете. Уверенный красивый человек в хорошем костюме-тройке мало

Рис. 2. Ирина? Губарёва.
Кормилица детей А. С.
и Е. М. Хомяковых, с внуком Васей.
Фото 1887–1888 г. Архив семьи

Рис. 3. Усадьба Богучарово зимой. Ок. 1910 г. Х., м., 37 × 50. ГТГ

Рис. 4. Алексей Андреевич Губарёв (18??–1898) часовых дел мастер.
Второй слева. Фото 1890-е г. Архив семьи

похож на мастерового. Облик выдает небольшого энергичного предпринимателя времен промышленного подъема. Но в 1937 г. фотографии, к счастью, не прикладывались к анкетам.

С ранней кончиной отца благосостояние семьи резко пошатнулось. Мать Глафира Ивановна (рис. 5) зарабатывала шитьем, жили очень бедно, но все дети получили образование. Опорой семьи стал старший сын Василий (1884–1942, рис. 6). Окончив четырехклассное городское училище, где обучали азам бухгалтерского дела, он поступил в контору Московского отделения Фряновской шерстопрядильной мануфактуры братьев Г. В. и М. В. Залоговых на Воронцовской улице. Семья обосновалась неподалеку за Таганской заставой. В 1911–1915 гг. Василий Алексеевич получил образование на юридическом факультете Московского университета. Всю жизнь проработал экономистом в текстильной промышленности. Серьезная профессия не мешала любви к музыке и поэзии. Представление о характере и теплоте семейных отношений дают маленькие рукописные книжечки, которые он делал для своих детей Нины и Ильи (рис. 7), и полная юмора стихотворная переписка с братом Андреем. Василия Алексеевича называли в семье «суровый святой». Кончина его была жертвенная. Он умер от истощения зимой 1942 г., стремясь спасти от голода жену, детей и племянников.

Рис. 5. Глафира Ивановна Губарёва (18??–1926) Фото 1890-е г.
Архив семьи

Рис. 6. Василий Алексеевич Губарёв с невестой Еленой Сергеевной Тельновой. Фото 1915 г.
Архив семьи

Рис. 7. «Веселый журнал про Ниночку». 1919 г. Архив семьи

Рис. 8. Андрей Губарёв – выпускник Петровско-Мясницкого училища. Фото 1898 г. Архив семьи

Мясницком начальном училище науки и чистописание в придачу» преподавал Митрофан Платонович Кульков. Память и имя его сохранил самый известный из его учеников – писатель Леонид Леонов, который окончил Петровско-Мясницкое училище несколькими годами позже и с благодарностью вспоминал учителя: «прежде чем бросить семя в почву <...> прогрел его в ладони умным человеческим дыханием. Его уроки никогда не укладывались в программу, но эти взволнованные отступления бывали самой лакомой пищей для его птенцов» [3, с. 76]. Митрофан Платонович был не только «сеятель народного знания», но и вполне профессиональный художник. До наших дней дошли его нехитрые и теплые подмосковные пейзажи. Возможно, внимательный педагог заметил и помог направить способности юного Андрея Губарёва в профессиональное русло (рис. 9, 10).

Однако еще два года Андрей Губарёв проведет в Рогожском четырехклассном училище, настраиваясь, как и старший брат Василий,

Следующего по старшинству – Андрея к точным наукам и коммерции не тянуло (рис. 8). Он был очень музыкален, прекрасно пел и с удовольствием рисовал. Но между юношей и будущей профессией стояло большое препятствие. Переболев в детстве полиомиелитом, он лишился левой руки, она усохла и не действовала. В будущей непростой жизни одной рукой ему придется не только рисовать. Его дочь Анастасия Андреевна с гордостью вспоминает: «Наш папа хоть и с одной рукой, а умел делать все: мог починить часы, сложить печку, поставить забор, напилить дров, ну само собой, чертил и рисовал». Справку об инвалидности Андрей Алексеевич получит на семидесятом году жизни.

На выбор жизненного пути, вероятно, повлиял один из первых учителей. В Петровско-

Рис. 9. Учителя и ученики Петровско-Мясницкого училища. 1890-е гг. Архив семьи

Рис. 10. Свидетельство Андрея Губарёва об окончании Петровско-Мясницкого училища. 1898 г. Архив семьи

Рис. 11. Андрей Губарёв — студент МУЖВЗ. Автопортрет. 1909 г. Б., кар., 27 × 17,5. Архив семьи

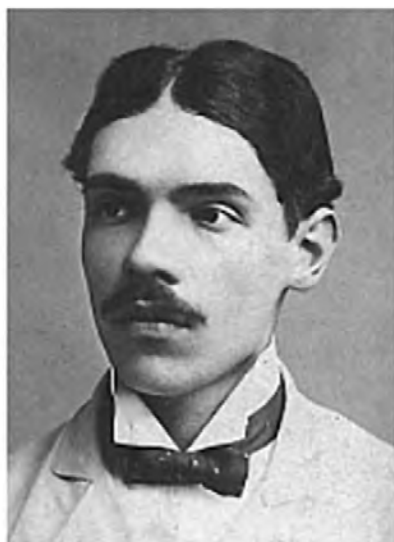

Рис. 12. Сергей Бобров. Фото 1909. Источник: <https://www.liveinternet.ru/users/6318384/post473789044/> (дата обращения 23.03.2021)

получить «серьезную профессию». И все же творческие стремления возьмут верх над практичностью. В 1904 г., выдержав вступительные испытания, юноша будет зачислен на общеобразовательное отделение Московского Училища Живописи, Ваяния и Зодчества.

«Легкий румянец по чистому пушку юношеского лица выбивается из-под прядей падающих на лицо волос. Его чистые синие глаза смотрят открыто и ясно. Это ведь мой первый друг, первый товарищ. До него я плохо понимал слово “дружба”» [1, с. 351–352]. Такой портрет Андрея Губарёва оставил в автобиографической повести «Мальчик» Сергей Павлович Бобров, в будущем поэт, переводчик, стиховед, один из основателей издательства «Центрифуга». Дружба юношей была удивительна и неожиданна. В ней сошлись совершенные противоположности социального происхождения, культурного багажа, воспитания и темперамента. Спокойный и застенчивый «совсем простой» разночинец Андрей Губарёв — «человек с оторванным крылом» — он очень стеснялся своего недуга (рис. 11). И рядом — взрывчатый, эксцентричный, самоуверенный Сергей Бобров — выходец из состоятельной буржуазно-купеческой культурной среды (рис. 12). С. Бобров

Рис. 13. Андрей Губарёв и Сергей Бобров среди студентов и педагогов МУЖВЗ. Фото 1910 г. Архив семьи

запечатлел и нравственный облик друга: «Удивительно, как скоро все привыкли к нему у нас дома... И все его любят — и мать, и сестры. Он со всеми ласков, его горячность, когда дело касается униженных и обиженных, отдает таким чистым гневом и такой одухотворенной страстью, таким скромным достоинством, что даже отец иногда на него взглянет, снисходительно усмехаясь в усы» [1, с. 352]. Сергей Бобров и Андрей Губарёв занимались рядом в классе С. А. Коровина (1858–1908), С. В. Иванова (1865–1910), позже у С. В. Малютина (1859–1937). Но кумирами были педагоги старшего натурального класса В. А. Серов, К. А. Коровин, Л. О. Пастернак. Еженедельные визиты друзей в Третьяковскую галерею и споры об искусстве были частью жизни и образования. Об искусстве в эти годы спорили везде, а в стенах училища особенно (рис. 13).

Сохранившиеся в архиве художника Андрея Губарёва документы из МУЖВЗ подписаны директором, князем Алексеем Евгеньевичем Львовым (1850–1937, рис. 14). С именем этого человека связана новая страница в жизни московского художественного образования. Князь А. Е. Львов, юрист и опытный администратор, возглавил училище в 1896 г. «Вообще он беспрестанно заботился обо всем, что могло быть

Рис. 14. Свидетельство МУЖВЗ «для беспрепятственного рисования...»
1909 г. Выдано Андрею Губарёву. Архив семьи

полезным училищу, и старался привлечь к преподаванию в нем лучшие художественные силы страны. Все его планы шли от полноты желаний создать первоклассное училище. После преобразования Петербургской Академии художеств некоторые преподаватели Московского училища живописи перешли в обновленную Академию. На их место князем Львовым приглашены были наиболее талантливые художники — достаточно назвать Серова, Паоло Трубецкого, К. Коровина. Стараюсь припомнить всех художников, приглашенных вместе со мною в состав преподавателей, и если память не изменяет мне, это были, кроме названных: Архипов, Бакшеев, А. Васнецов, Волнухин, С. Иванов, С. Коровин, Н. Касаткин, Н. Клодт, А. Корин, С. Малютин» [4, с. 56]. Преподавательский состав и атмосфера Московского училища сильно изменились. «Талантливейшие силы», приведенные А. Е. Львовым, тяготели к разным эстетическим программам, но тем большие воз-

Рис. 15. Удостоверение об учебе Андрея Губарёва в МУЖВЗ 1911 г.
Архив семьи

возможности открывались перед учениками. Состав учащихся тоже был ярким: С. В. Герасимов, Р. Р. Фальк, В. В. Рождественский, А. М. Герасимов, А. В. Куприн, А. В. Шевченко, чуть старше — Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов, И. И. Машков, С. С. Судейкин, А. В. Фонвизин, Д. Д. Бурлюк, М. С. Сарьян.

Но время словно ускорялось. Студентам 1900–1910-х годов обновленное училище представлялось уже рутинным и отсталым. А интерес к новым художественным веяниям распространялся все шире. «Мы рисовали только с натуры, никакой отсебятины не допускалось» [1, с. 359]. Молодежь, недовольная тем, что академическая программа сковывала творческое самовыражение, настойчиво боролась за «свободную манеру» и «упрощенную технику» письма, за право участвовать в годичных итоговых выставках без жюри. В ответ Совет принял решение не допускать к экзаменам «несоответствующие

работы», а решительный В. А. Серов предлагал запретить студентам посещать галерею С. И. Щукина на Знаменке, откуда, по ироничному выражению К. П. Петрова-Водкина, «шла зараза». Разного рода конфликты привели в январе 1910 г. к отчислению более 60 студентов, правда, с правом возвратиться «при соблюдении всех правил и постановлений училища». Происшествие не осталось сугубо внутренним делом училища и широко обсуждалось в печати [2].

В сохранившихся документах нет прямых указаний на то, что С. Бобров и А. Губарёв были вовлечены в эти бурные события. И все же оба друга покидают училище в 1911 г. Возможно, из солидарности с отчисленными товарищами, а может быть, потому что Храм искусства, потрясаемый скандалами и административными прещениями, теряет в глазах юношей ту высоту, которую должен являть. Дальше их пути разойдутся. С. Бобров в 1912 г. примет участие в выставке объединения «Ослиный хвост» и единственной совместной выставке «Союза молодежи» и «Ослиного хвоста» в Москве. Выступит с докладом «Основы новой русской живописи» в Петербурге на Всероссийском съезде художников» в январе 1912 г. и вскоре переключится на литературную деятельность. Андрей Губарёв продолжит образование в Киевском Художественном Училище и на всю жизнь сохранит приверженность к традициям русской реалистической школы живописи. Убеждение, что «способность видеть и чувствовать красоту — это дар судьбы», он пронесет до конца дней. Судьба вновь сведет друзей через двадцать лет и свяжет родственными узами.

Список источников и литературы

1. *Бобров С. П.* Мальчик. — М.: Художественная литература, 1976.
2. Подробно об этом: Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): в 3 т. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1.
3. *Леонов Л. М.* Взятие Великошумска. — М.: Книга, 1985.
4. *Пастернак Л. О.* Записки разных лет. — М.: Советский художник, 1975.
5. Архив семьи Губарёвых.

Русское купечество. Служение России (кинопримеры из истории русского купечества)

Меня зовут Элина Баклашова (Малютина), в этой статье я хочу рассказать о своем проекте. Я создаю фильмы о русском купечестве, о лучших представителях купеческого сословия, чьими талантами и трудом созидалась честь и слава России.

Почему я выбрала эту тему, чем она интересна и важна в наше время? Мне кажется, что данная тема имеет огромное нравственное и воспитательное значение. История русского купечества дает прекрасный пример созидательного труда на благо Отечества, великой меценатской и благотворительной деятельности и множества благих дел, которые были наполнены любовью к России.

Мои фильмы рассказывают о необычайно красивых людях и их красивых делах золотого века предпринимательства России. Именно благодаря их предпринимательской деятельности стало возможно русское экономическое чудо конца XIX — начала XX века, когда Россия вышла в пятерку ведущих мировых держав по темпам экономического развития и большинству социально-экономических показателей. В фильмах мы погружаемся в атмосферу жизни мудрых и сильных духом людей и обращаемся к их благотворительной и меценатской деятельности.

Главное для меня — не перегрузить зрителя датами и именами, а дать ему возможность, оценивая себя на примерах прошлого, осмыслить и построить и свою жизнь.

Мои фильмы не просто о купцах, о том, как они жили и что делали, а о добродетелях. Для меня важен именно нравственный аспект, который несет в себе изучение жизни и мировоззрения русского купечества.

Фильмы рассказывают о таких человеческих качествах, как честность, трудолюбие, порядочность, забота о семье. Важно, что об этих добродетелях рассказывается не на основе отвлеченных понятий, а на примерах нашей истории, наших соотечественников, на примере жизни русских купцов.

В фильмах рассказывается о том, какие принципы воспитания были в купеческих семьях. Речь идет о трудолюбии купечества, о том, как это трудолюбие прививалось детям и как неприемлема была праздность. Яркий пример — честное купеческое слово, как оно держалось русскими купцами, не подкрепленное бумагами и печатями, а лишь крепким рукопожатием.

Важный аспект, о котором нельзя не упомянуть, говоря о русском купечестве, — это отношение к богатству и деньгам. Интересно, что в дореволюционную эпоху для богатого предпринимателя, не утратившего связь с церковью, было естественно ощущать свою особую ответственность перед обществом.

Павел Бурыйшкин, например, писал: «На свою деятельность русские купцы смотрели не столько как на источник наживы, а как на выполнение своего рода миссии, возложенной Богом или судьбой. Про богатство московское купечество говорило, что Бог его дал в пользование на время и потребует по нему отчета».

Основатель Трехгорной мануфактуры Василий Прохоров говорил в завещании своим сыновьям: «Богатство тогда хорошо, когда оно служит ближним. Живите не для богатства, а для Бога, всех, а кольми паче — брат брата любите».

Павел Михайлович Третьяков писал: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях».

Еще в 1856 году историк Михаил Погодин так писал о российских меценатах: «Если бы счесть все их пожертвования за нынешнее столетие, то они составили бы цифру, которой должна бы поклониться Европа».

Русские купцы, предприниматели на деле следовали этим принципам и зарабатывали большие деньги не ради личной наживы, а для того, чтобы развивать промышленность, а также вкладывать деньги в благотворительность: строить больницы и школы, богадельни, дома для бедных, вдов, сирот, инвалидов, основывать театры и училища, музеи и больницы, открывать технические курсы и т. д. Их вклад в развитие просвещения и культуры — убедительный пример как для современников, так и для потомков.

Интересно, что русские купцы порой даже соревновались друг с другом не в том, кто больше заработает, а в том, кто больше передаст средств на благотворительную деятельность!

О том хорошо, что купцы делали для страны и для народа, обычно мы знаем на примерах небольшого числа наиболее известных

купеческих династий (например, мы знаем Третьяковых, Бахрушиных, Мамонтовых, Морозовых и др.), но таких людей было очень-очень много, и имена многих были незаслуженно забыты.

И до сих пор в нашем обществе существует много неизжитых негативных стереотипов о купцах, которые насаждались в течение многих лет советского периода, как о мироедах, «кровопийцах», эксплуататорах и т. д., и умалчивается о тех духовно-нравственных ценностях, которыми жило купечество. Далеко не так широко известно об их огромной благотворительной деятельности на благо России.

А она была действительно огромна! Федор Шаляпин, например, писал, что, «объездив почти весь мир и побывав в домах богатейших европейцев и американцев, такого размаха благотворительности, как у нас, я не видел нигде. Я думаю, что и представить себе этот размах европейцы вряд ли смогут».

Во всем этом я вижу актуальность данной темы сейчас. Мои фильмы даже не столько о купцах, сколько о смысле жизни. Они о том, что важно жить не для себя, а жить, служа Богу и людям. Они о том, как прекрасно делать добро, и это дает смысл и огромную радость в жизни.

Я считаю, что эта тема может послужить важным нравственным ориентиром для современных людей, предпринимателей и молодежи.

Наши традиции, наша история — это то, откуда мы можем черпать прекрасные примеры для нравственного возрастания. А история купечества дает для этого благодатный материал!

Мои фильмы о купечестве являются лауреатами многих международных и российских кинофестивалей, в частности кинофестиваля «Человек и Вера» (Тверь, организатор фестиваля — ВГТРК), «Встреча» (Обнинск), «Радонеж» (Москва), «Отцы и дети» (Орел), «Православие и СМИ» (Тобольск) и др. Они отмечены грамотой от Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению.

*Посмотреть фильмы о купечестве можно на сайте:
www.dobroe-kino.ru*

Фильмография:

«Русское купечество. Служение России» (3 серии)

Цикл фильмов о купеческих династиях Замоскворечья: «Замоскворецкое купечество. Свет из сердца»

Тайна рождения блаженной Матроны Московской

Эта история началась в ноябре 2005 года, когда группа любителей-генеалогов возвращалась с устроенной ими же первой генеалогической выставки в Нижнем Новгороде. Окрыленные удачей энтузиасты решили создать общественную организацию для популяризации генеалогии, так и появился СОЮЗ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОДОСЛОВНЫХ ТРАДИЦИЙ (СВРТ). За прошедшие пятнадцать лет СВРТ провел уже четырнадцать Всероссийских генеалогических выставок, более десятка выставок «Обратись к истокам», и, возможно, тот ноябрьский день предопределил всю последующую деятельность нашей организации, так как случилось знаменательное событие.

Итак, морозным солнечным днем машина, в которой ехали довольные успехом генеалогии, в том числе и я — Бибиков Валерий

Владимирович, была остановлена сотрудником ГАИ возле Покровского монастыря в Москве. И пока водитель разбирался с гаишником, я впервые услышал имя Святой Матроны Московской от одной из наших коллег. Оказалось, что в монастыре, возле которого мы остановились, находятся мощи блаженной старицы. Рассказ о деяниях Матроны сильно поразил меня и возникло желание узнать подробности жизни Святой. В тот же день Интернет «выдал на-гора» огромный объем информации о Матроне, которую до этого я почему-то не встречал (рис. 1).

Рис. 1. Матрона Московская

Рис. 2. Издания о Матроне Московской

Зато теперь у меня словно пелена упала с глаз, образ Матроны я стал встречать везде, купил и несколько изданий «Житие блаженной старицы Матроны». Внимательно изучив книжечки, я заинтересовался историей рождения Матроны, а учитывая, что она была практически нашим современником, покинув этот мир в 1952 г., решил, что ее еще помнили на малой родине. Но, увы, все оказалось не так просто.

В опубликованной литературе указывалось, что родилась Матрона Дмитриевна Никонова либо в 1881¹, либо в 1885 г.² в Тульской губернии в селе Себино. Название села мне показалось знакомым и, просмотрев свои материалы по родословию дворян Бибиковых, я убедился в своей догадке. Ранее часть села принадлежала тульской ветви этого большого знаменитого рода, а точнее Ивану Васильевичу Бибикову (1826–1875)³. Этот факт заставил меня задуматься о неслучайности некоторых совпадений — кто-то упорно старался привлечь мое внимание к судьбе старицы Московской, а разночтение в датах рождения только увеличивало интерес. Захотелось всерьез заняться родословием Матроны Московской (рис. 2).

Первое, с чего я начал — это посетил Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и порадовался, что сохранились ранние ревизские сказки (аналог переписи населения) по этому селу, которое было поделено между помещиками Бибиковыми, Яньковыми и Новосильцевыми, а еще ранее принадлежало Муромцевым. Все помещики состояли в родственных отношениях друг с другом⁴. Изучив ревизии⁵, было вполне возможным найти упоминание о предках

Матроны в начале XVIII в. Но чтобы составить непрерывную цепочку родственников, надо было идти не из глубины веков (так как фамилий у себинских крестьян на тот период еще не было), а от Матроны, то есть начинать надо было с изучения документов Государственного архива Тульской области (ГАТО), так как именно там хранятся более поздние ревизии и метрические книги, в которых священники вели регистрацию церковных обрядов. Главным специалистом по Тульскому архиву в нашей организации по праву считается Геннадий Арнольдович Зайцев, да и живет он в Туле. Геннадия очень заинтересовал мой рассказ, тем более что и он тоже ранее ничего не слышал про Святую. Решили с ним провести совместные поиски в архивах, чтобы составить родословие Матроны ко второй генеалогической выставке, которая должна была состояться летом 2006 года в Брянске (рис. 3).

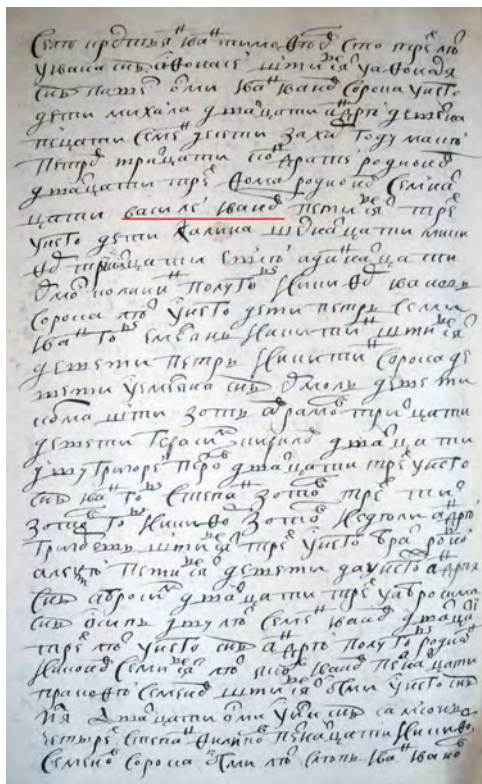

Рис. 3. Крайний найденный предок Матроны – Василий Иванов.
РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 117, 1710 г.

Для начала поисков нам пришлось отталкиваться от тех данных, которые были указаны в Житии. Скудость, а зачастую и ошибочность информации, представленная в Житии Матроны: «Родители ее — Дмитрий и Наталия, крестьяне...»⁶ (не указаны даже отчества родителей), направили нас первоначально по ложному пути. В результате работы в архивах было составлено древо предков вплоть до 1700 г., но что-то настораживало нас в нем. Почти сразу мы поняли, среди предков Матроны нет ни одного человека с именем Никон, а ведь фамилия ее отца НИКОНОВ однозначно указывала на одного из предков. Столкнулись мы и с такой уникальной ситуацией: в Себино в XIX в. жили две семейные пары, схожие по возрасту и составу семьи — «состоящий в военной службе солдат Дмитрий Федоров и законная его жена Наталья Павлова»⁷, а также «крестьянин собственник Дмитрий Иванов и законная жена его Наталья Никитина»⁸. При этом и в той, и в другой семье был сын Иван, фамилии отсутствовали, а из Жития было известно, что у Матроны был брат с таким именем. Пришлось начинать все сначала.

Вновь найденные документы все расставили по своим местам. Так, в ревизии за 1858 г. удалось найти запись: «...у Ивана Никонова сын Дмитрий, 10 лет». Возраст Дмитрия, а также отчество его отца — Никонов, указывало направление дальнейшего поиска, что и позволило в итоге составить родословное древо семьи. Спустя год после начала нашего исследования, в ноябре 2006 г., на третьей Всероссийской генеалогической выставке в Курске впервые было продемонстрировано Древо Матроны Московской. Родословная в тот момент насчитывала 117 персон и начиналась с родоначальника — крестьянина села Себино Ивана с датой рождения до 1649 г. Именно в эти годы был заложен Покровский женский монастырь, где ныне находятся мощи Святой (рис. 4).

В процессе исследования нам пришлось столкнуться с рядом других трудностей, связанных с фактом рождения и противоречиями в описаниях первых лет жизни старицы. В первую очередь мы столкнулись с отсутствием точной даты рождения. В разных изданиях Жития указывались разные годы (1881, 1885 и даже 1890), а день и месяц рождения не фигурировали вовсе, хотя приводились детали появления на свет Матроны и очевидцами было подробно описано ее крещение⁹.

При работе над родословием в архивах были просмотрены не только ревизские сказки, но и сельхозпереписи за разные годы, протоколы собраний односельчан, а также метрические книги по всему приходу села Себино за 1880–1890-е гг. К сожалению, ни в одной из

Рис. 4. Плакат с Древом Матроны Московской на Всероссийской генеалогической выставке. Курск, 2006 г.

метрик не было обнаружено записи о рождении Матроны Дмитриевны Никоновой, хотя за десять лет было выявлено восемнадцать рождений девочек с таким именем. После нахождения дат рождения всех братьев и сестер Святой и анализа просмотренных документов стало ясно, что девочка с именем Матрона в семье крестьян Никоновых могла появиться только в 1883 г. На эту дату косвенно указывала и запись в сельскохозяйственной переписи по Тульской губернии за 1911 г.¹⁰ (рис. 5).

В этом документе зафиксирована семья крестьянина Дмитрия Иванова Никонова с указанием возраста членов семьи, среди которых значится «дочь 28 лет, девица» с пометкой «К», что означает — калека. Но именно в метрической книге за 1883 г. в разделе «о родившихся» сохранилась только первая страничка за январь месяц¹¹. Куда делись остальные страницы, остается только догадываться. Кстати, спустя несколько лет сотрудниками ГАТО в сельскохозяйственной переписи

ИМЕНА И ФАМИЛИИ										ПРИБЫТИЕ										СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ										ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ																			
ИМЕНА И ФАМИЛИИ										ПРИБЫТИЕ										СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ										ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ																			
Семья Семья Имя Семья Фамилия Семья Х. обитает в деревне Семья Х. обитает в Семья Имя Семья Фамилия Семья Класс Семья Имя Семья Фамилия Семья Класс Семья Имя Семья Фамилия Семья Класс Семья										1. 65 лет 1881 г. 2. 28 лет 1911 г. 3. 25 лет 1914 г. 4. 3 лет 5. 3 лет										1. 1881 г. 2. 1911 г. 3. 1914 г. 4. 1918 г. 5. 1921 г.										1. 1881 г. 2. 1911 г. 3. 1914 г. 4. 1918 г. 5. 1921 г.										1. 1881 г. 2. 1911 г. 3. 1914 г. 4. 1918 г. 5. 1921 г.									

Рис. 5. Карточка сельскохозяйственной переписи с. Себино.
ГАТО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1966, 1911 г.

за 1900 г.¹² в карточке на двор Никонова Дмитрия Ивановича была обнаружена запись: «дочь 17 лет» с пометкой «слепая», что полностью подтверждало наш вывод о том, что годом рождения Матроны следует считать 1883.

Откуда же взялись годы рождения Святой (1881, 1885), указанные в разных изданиях Жития? Вот как отвечает на этот вопрос иеромонах Иов: «Когда мы в 1997 году приступили к подготовке материалов к прославлению старицы Матроны Дмитриевны Никоновой, уже существовали о ней публикации. В жизнеописании было сказано, что она родилась в 1881 г. Для проверки этой даты был послан запрос в Тульский областной архив, где хранятся метрические книги Храма Успения Пресвятой Богородицы ее родной деревни Себино Епифанского уезда Тульской губернии. В ответ на запрос было сообщено, что в метрических книгах за 1881 г. села Себино записи о Матроне Дмитриевне Никоновой не имеется. <...> Алексей Константинович Светозарский (ныне профессор Московской Духовной Академии) посоветовал посмотреть кладбищенские книги. Я сказал об этом Антонине Борисовне Малаховой (ныне монахиня Матрона), которая ухаживала за могилой блаженной старицы. Мы пошли в контору Даниловского

кладбища. Нам очень быстро принесли книгу за 1952 г. Начали просматривать записи за май. Вскоре открыли страницу, относящуюся к 4 мая (святая старица умерла 2 мая). Помню, как замерло сердце, когда я увидел поблекшую от времени запись, сделанную фиолетовыми чернилами: «Никонова Матрона Дмитриевна, 66 лет». Поэтому можно уверенно предположить, что праведная Матрона родилась в конце октября или в начале ноября (по старому стилю) 1885 г. Эта дата была указана в Житии, составленном для Синодальной комиссии по канонизации святых. Публикации об этом не было, поэтому неверная дата (1881) до сих пор воспроизводится»¹³.

Вот такая история... Спустя девять лет в метрической книге за 1885 г. нами будет найдена запись о рождении 17 августа брата Матроны — Ивана¹⁴. Поэтому не могла Матрона родиться «в конце октября или в начале ноября 1885 года». Были мы и на Даниловском кладбище, где сотрудник показал запись о погребении Матроны в кладбищенской книге, но возраст там записан не совсем четко, вместо цифры 66 можно прочитать и 68 (рис. 6).

Не соответствовали документам и другие эпизоды жизни Святой, описанные в Житии. Например, Матрона родилась не в многодетной семье, как было написано¹⁵, а в семье, где к моменту ее появления был всего один ребенок — девочка десяти лет, то есть полноценная помощница по дому; предыдущие дети четы Никоновых умерли в младенчестве. Не нашло подтверждения и утверждение, что Матрона была последним ребенком, после нее в семье родились еще два мальчика. Не была семья и бедной: Никоновы проживали в избе из дуба, была у них и печь¹⁶. Удивляли такие слова из книги: «Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют князя Голицына в соседнее село Бучалки...»¹⁷, мало того, что такие мысли матери кажутся нам весьма странными, ведь там же написано: «Родители ее были людьми благочестивыми...», так еще и приют был открыт только в 1900 г.¹⁸ Эти и другие несоответствия из книг заставили нас более внимательно проанализировать все сведения, касающиеся года рождения Матроны.

Впервые год рождения старицы — 1881 — был указан в биографии, написанной Зинаидой Владимировной Ждановой¹⁹, в доме которой старица прожила почти восемь лет. Как мы теперь знаем, в метрической книге за этот год рождения Матроны не найдено (просмотрены записи, касающиеся всех населенных пунктов прихода). Более того, ближайший по времени рождения брат Матроны — Андрей — родился 12 августа 1882 г.²⁰, а девочка с именем Матрона (по святцам) должна была бы родиться в октябре-ноябре 1881 г. — таким образом, между

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1885

Дата рожд. и крещения		Место и дом		Имя рожденнаго.	Знаки, пол, отчество и фамилия родителей, и прочие замечания.
года числа	месяца	улицы номера	дому		
1885	11	12		Ивановъ	Младшей супруги, жена Дмитрия Семеоновича Иванова, Андрея Андреевича и Валентина от отца Дмитрия Семеновича, на православномъ вероисповѣданіи. Свѣдущіи: Николай Александровичъ Николаевичъ Николаевичъ
1885	17	18		Иванъ	Жена Анна, православная, бывшая Дмитрія Иванова, старшина въ Колоніи Александровской, сына наго въ рожд. и крещеніи. Свѣдущіи: Николай Александровичъ Николаевичъ Николаевичъ
1885	11	24	25	Иванъ	Жена Катерина, бывшая Семеоновича Иванова, сына Иванова от отца Дмитрия Семеновича, на православномъ вероисповѣданіи. Свѣдущіи: Николай Александровичъ Николаевичъ Николаевичъ
1885	12	25	26	Иванъ	Жена Анна, православная, бывшая Дмитрія Иванова, сына Иванова от отца Дмитрия Семеновича, на православномъ вероисповѣданіи. Свѣдущіи: Николай Александровичъ Николаевичъ Николаевичъ
1885	13	26	27	Иванъ	Жена Анна, православная, бывшая Дмитрія Иванова, сына Иванова от отца Дмитрия Семеновича, на православномъ вероисповѣданіи. Свѣдущіи: Николай Александровичъ Николаевичъ Николаевичъ

Рис. 6. Запись в метрической книге о рождении Ивана в семье Никоновых.
ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.

этими двумя датами рождения всего девять месяцев. Вызывает также недоумение, что биограф (Жданова) не спросила о дне рождения у самой Матроны. Или спрашивала, но Матрона и сама не знала, но тогда откуда подробности крещения, описанные в книге?

Как известно, девочка от рождения была незрячей, у нее не было глазных яблок. Это редкое заболевание (один случай на 20 тыс. младенцев) называется анофтальмия. Аномалия обусловлена одним рецессивным геном, локализованным в аутосоме. Проще говоря, чтобы ребенок получил такое генетическое заболевание, каждый из родителей должен нести в себе этот ген, но это возможно, только если в роду были близкородственные браки. При работе над родословной были

Рис. 7. Матрона Московская и Лидия Янькова

найлены не только прямые предки семьи Никоновых, но и их боковые ветви. Можем утверждать, близкородственных браков в этом роду не было, в то время как в других крестьянских, да и в дворянских семьях случаи бракосочетания с четвероюродными, троюродными и даже двоюродными родственниками встречались, но только не в этом роду.

Не могли мы игнорировать еще одно утверждение из Жития: «Дочь местного помещика, благочестивая и добрая девица Лидия Янькова, брала Матрону с собой в паломничества...»²¹. Создается впечатление, что речь идет о взрослой девушке, которая брала с собой в путешествие маленькую незрячую девочку и опекала ее. Но дело в том, что Лидия Александровна Янькова родилась 25 июня 1885 года, то есть она была как минимум на два года моложе Матроны²² (рис. 7).

Также в Житии сказано, что на момент встречи Иоанна Кронштадтского с Матроной ей было 14 лет, соответственно, Лидии было только 12 лет — могли ли девочки (одна из которых ограничена в передвижении) путешествовать в этом возрасте без сопровождения взрослых? Может быть, кто-то из помещиков села взял на себя труд заботиться о девочке-калеке, но почему? Как уже было написано выше, помещики Бибиковы и Яньковы были в родстве, причем в очень близком. Так, в роду Бибиковых-Яньковых близкородственных браков

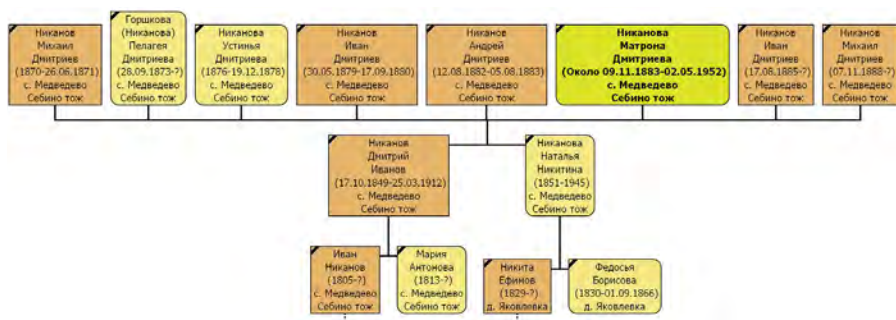

Рис. 8. Фрагмент Древа Матроны Московской

было не менее пяти. Попутно заметим, что двоюродной сестрой Лидии Яньковой была Надежда Андреевна Бибикова (в девичестве Янькова, 1877–1951), дочь основательницы Шамординского женского монастыря — схимонахини Софии (Софья Михайловна Янькова, в девичестве Болотова, 1845–1888), которая, в свою очередь, являлась дочерью урожденной Бибиковой Александры Дмитриевны. Бабушка же самой Лидии Яньковой была в девичестве тоже Бибикова, а ее прадед был женат на своей троюродной сестре. И это еще не весь клубок родственных связей — вот где велика вероятность проявления аутосомного гена.

Если принять как вероятную нашу версию, что Матрона появилась в семье Никоновых в ноябре 1883 года, то следует обратить внимание на тот факт, что за три месяца до этого у Дмитрия и Натальи Никоновых умер годовалый сын Андрей²³. И таким образом, из пятерых ранее рожденных детей в живых у них осталась только одна десятилетняя дочь, что не являлось типичным для многодетных крестьянских семей (рис. 8).

Профессиональные генеалоги знают, что в те времена рождение детей не планировали — «как Бог даст». С научной точки зрения рождение детей было обусловлено физиологическими особенностями конкретной пары. В некоторых семьях дети рождались с очевидной периодичностью, а в некоторых с разными промежутками, хотя и в этом тоже особенность конкретной пары. Так вот, если обратить внимание на годы рождения детей у Дмитрия и Натальи: Михаил — 1870, Пелагея — 1873²⁴, Устинья — 1876, Иван — 1879²⁵, Андрей — 1882²⁶, МАТРОНА — 1883, Иван — 1885²⁷, Михаил — 1888²⁸, то увидим, что из периодичности рождений в три года выпадает только факт рождения Матроны в этой семье. Хотя, конечно, в каждой системе бывает сбой...

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА
 1858 года с апреля 10 дня Мушкетерской Енисейской
 ордена Графа Св. Екатерины Мушкетерской роты

Скзк.и.		Мужеский полъ.	По последней ревизии состо- ло и посл- овой прибавл.		Изъ того человъ вы- сказъ.	Иных на лицо.
№ в реви- зи.	№ в реви- зи.		Лѣта.	Кого имен- но.		
		<i>Крестыанне</i>				
		Дмитрий Мушкетер Св. Екатерины	26			33
		Матроне Св. Екатерины	16½			23½
9	9	1. Михаил Евграфович Николаев	66			73
		2. Михаил Евграфович Николаев	41			51
		3. Анна Николаевна	41			41
		4. Михаил Васильевич Егоров	7			9
		• Од приемышей				
		5. Анна Евграфовна Николаевна	11			
		Мушкетерская приемыша				
		Мушкетерская приемыша				
		Матроне Св. Екатерины				1.
		6. Анна Евграфовна Николаевна				
		7. Андрей Николаев	16			23
		8. Михаил Евграфович Николаев				
		9. Андрей Николаев	16			23
		10. Михаил Св. Екатерины				
Итого мужескаго пола на лицо						9

Рис. 9. Ревизская сказка с росписью семьи Никоновых, с указанием приемышей. ГАТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 4, 1858 г.

Стоит указать еще на один интересный факт. В ревизской сказке за 1858 год в большой семье Никоновых числятся не только близкие родственники и девятилетний отец Матроны — Дмитрий, но еще и три приемыша²⁹, то есть Никоновы охотно принимали чужих детей — больше подобной семьи в деревне Себино не было (рис. 9).

Здесь перечислены далеко не все «неточности и противоречия», выявленные нами в процессе работы с документами, материалов хватит для небольшой книги.

Подводя итоги, можно уверенно заявить, что в семье Никоновых девочка с именем Матрона могла родиться только в 1883 г. (хотя и с указанными выше оговорками). Если же рассматривать годы,

указанные в Житии (1881 или 1885 г.), то следует однозначно признать, что девочка родилась в другой семье, хотя такое же предположение может относиться и к 1883 г. тоже. Отсутствующие (может и неслучайно) страницы метрической книги за 1883 г. могли содержать не только дату рождения Святой, но и факт принятия в семью Никоновых чужого ребенка. Такая версия имеет право на существование. Если же она ошибочна, то это значит, что Древо Матроны Московской, которое мы демонстрируем на всех генеалогических выставках, верное.

Немного о грустном... Благодаря работе в архивах мы знали точные даты рождения всех многочисленных племянников и племянниц Матроны, некоторых она даже крестила. И в процессе своих поисков мы неоднократно сожалели, что не осталось никого из них в живых, ведь они могли бы ответить на многие наши вопросы. Но оказалось, что мы заблуждались... В 2015 г. по телевидению показали сериал «Чудотворица» — фильм о Матроне, в котором были эпизоды, связанные с нашими поисками, а мы выступали в качестве экспертов. Спустя пару месяцев на нас вышла Виктория Викторовна Дунина — правнучатая племянница Матроны, которая видела нас в фильме и о которой мы не подозревали. Как было сказано выше, нам были известны точные даты рождения всех племянниц и племянников Матроны, так как были найдены записи об их рождении в метрических книгах. Но дело в том, что вскоре после Октябрьской революции записи в «церковных» книгах, по понятным причинам, больше не велись, и последняя информация, касающаяся Никоновых, была найдена в метрической книге за 1918 г. На встречу Виктория Викторовна пришла вместе с отцом Виктором Алексеевичем. Они поведали, что у брата Матроны — Ивана — в 1921 г. родилась дочь Анна, мама Виктора Алексеевича. А так как рождение Анны не попало в метрические книги, мы ничего и не знали о родственниках по этой линии. Чувство глубокого разочарования испытали мы, когда узнали, что Анна Ивановна прожила большую жизнь и умерла в возрасте 94 лет в 2015 г. за несколько месяцев до показа фильма. Она хорошо знала свою тетю и даже запечатлена на фотографии возле гроба Матроны. Мы свое исследование начали в 2005 г., и если бы фильм был снят хотя бы на год раньше, вероятно, у нас была бы возможность задать вопросы ближайшей родственнице Матроны (рис. 10).

Говоря о Святой, нельзя не коснуться темы чудес. В процессе работы над родословием, конечно же, мы с ними сталкивались, но чудеса всегда происходят, когда ты серьезно занимаешься генеалогией, наши предки хотят, чтобы их нашли, и помогают в поисках. Это любой профессионал подтвердит, но об этом в другой раз.

Рис. 10. Похороны Матроны, четвертая слева – Никонова Анна Ивановна.
Москва, 1952 г.

Рис. 11. Геннадий Зайцев, Виктория Дунина, Валерий Бибииков.
Себино, 2019 г.

На сегодняшний день Древо Матроны Московской, Древо рода Никоновых, состоит из 171 персоны. Тайна рождения Святой пока до конца не разгадана, но работа продолжается, и, возможно, нам удастся приблизиться к разгадке — Матрона поможет (рис. 11).

И последнее: каждый из нас своими чертами характера во многом обязан своим родителям, воспитанию, которое мы от них получили, а вот наша судьба предопределена многовековой историей всего рода, поэтому так важно знать, в каком роду вы родились и в какой семье воспитывались. Проведенные нами исследования не преследовали цели подвергнуть сомнению Житие Матроны Московской, многократно повторенное в различных изданиях. Мы хотели составить родословную ЧЕЛОВЕКА, причисленного к лику святых, чтобы понять истоки святой праведности Матроны. Найденные документы и наши выводы позволяют предположить, что рождение и жизнь блаженной Матроны Московской, вероятно, были намного трагичнее, чем их литературное описание.

Список источников и литературы

- ¹ Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. — М.: Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря, 1999. — С. 67.
- ² Житие святой блаженной старицы Матроны Московской и ее чудотворения. XX—XXI вв. / Составитель Александр Худошин. — Киев: Свято-Троицкий Ионинский монастырь, 2010. — С. 6.
- ³ *Ровенский Г. В., Бибииков Н. Г.* Родословная Бибииковых. — Фрязино, 1996.
- ⁴ Там же.
- ⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 117, 1710 г.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 958, 1719 г.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 974, 1764 г.
- ⁶ Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. — М.: Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря, 1999. — С. 3.
- ⁷ ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1820, 1880 г.
- ⁸ ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.
- ⁹ Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. — М.: Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря, 1999. — С. 4.
- ¹⁰ Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. 4. Оп. 3. Д. 1966, 1911 г.

- 11 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1844, 1883 г.
- 12 ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 270, 1900 г.
- 13 Иеромонах Иов (Гумеров). Тысяча вопросов священнику. — М.: Издание Московского Сретенского ставропигиального мужского монастыря, 2009. — С. 346.
- 14 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.
- 15 Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. — М.: Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря, 1999. — С. 3.
- 16 ГАТО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1966, 1911 г.
- 17 Житие и акафист святой праведной блаженной Матроны Московской. — М.: Издание Покровского ставропигиального женского монастыря, 2004. — С. 5.
- 18 *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. — М.: Орбита, Моск. филиал, 1990. — С. 6.
- 19 *Жданова З. В.* Сказание о житии блаженной старицы Матроны. — Переславль-Залесский: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1997. — С. 3.
- 20 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1838, 1882 г.
- 21 Житие и акафист святой праведной блаженной Матроны Московской. — М.: Издание Покровского ставропигиального женского монастыря, 2004—С. 9.
- 22 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.
- 23 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1844, 1883 г.
- 24 ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 638, 1873 г.
- 25 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1815, 1879 г.
- 26 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1838, 1882 г.
- 27 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1857, 1885 г.
- 28 ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1880, 1888 г.
- 29 ГАТО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 4, 1858 г.

**Мои деды —
участники Первой мировой войны 1914–1918 годов,
их судьбы и их потомки**

В Первой мировой войне принимали участие три моих деда: два — двоюродные братья моей бабушки Веры Васильевны фон-дер-Вейде, урожденной Рачинской, Леонтий (13.07.1887–25.03.1928) и Виктор (15.06.1889–26.11.1970) Ивановичи Мозолевские, и родной дед, Борис Михайлович фон-дер-Вейде (28.07.1890–15.12.1949) — отец моей мамы Ирины Борисовны. Из всех троих я была знакома и близко общалась только с Виктором Ивановичем Мозолевским, судьба которого сложилась более благополучно, чем остальных. Все они были офицерами царской армии. Но Виктор Иванович остался после революции в России, служил некоторое время в Красной Армии и дожил до 81 года, а брат его Леонтий Иванович и мой дед Борис Михайлович с 1920 г. оказались в эмиграции, так как воевали в Гражданскую войну на стороне «белых» и прожили трудную, полную лишений жизнь: Леонтий не дожил до 41 года, а Борис прожил 59 лет.

Два брата **Леонтий и Виктор Мозолевские** родились во Влоцлавске Варшавской губернии, где служил военным врачом их отец Иван Викторович Мозолевский (1862–1940), впоследствии действительный статский советник, главный врач военного госпиталя при КВЖД, проживший более тридцати лет в Харбине, где и умер. Учились братья в классической гимназии, затем поступили в Киевский университет Св. Владимира на юридический факультет, а окончили Московский университет и получили дипломы юристов, Леонтий 2 июня 1914 г., а Виктор в 1913 г.

1 июля 1914 г. оба зачислены в 4-й Гренадерский Несвижский генерала-фельдмаршала князя Баркляя-де-Толли полк, Леонтий в 8-ю, а Виктор в 10-ю роты. В тот же год переведены во вновь формируемый 53-й запасной пехотный батальон. Затем пути их расходятся.

Леонтий Иванович Мозолевский был зачислен 1 сентября 1914 г. во 2-е Киевское военное училище. 13 ноября произведен в войсковые унтер-офицеры и в младшие портупей-юнкера. По окончании 4-месячного ускоренного курса по первому разряду Высочайшим

Рис. 1. Леонтий Иванович — студент.
1914. Архив В. И. Михеева

Рис. 2. В. И. Мозолевский. Москва,
1927. Архив В. И. Михеева

приказом 1 января 1915 г. произведен в прапорщики общей армии. 5 января убыл из училища, 11 января прибыл в 85-й пехотный запасной батальон и зачислен в списки 4-й роты младшим офицером. Был женат на дочери статского советника девице Вере Григорьевне¹. Что в дальнейшем произошло с женой, неизвестно. Скорее всего, их разлучила война и революция, а были ли дети — тоже нет никаких сведений.

Затем, очевидно, он попадает на Юго-Западный фронт. В марте 1915 г. он находился в Киевском госпитале по болезни. Сохранилось письмо, которое он написал родителям из госпиталя. Здесь он сообщает свой новый адрес: «Действующая армия, 8-я армия, 8 корпус, 14 дивизия, 55 пехотный Подольский полк», далее: «...курю *папиросы* “имперал” и *снедаюсь* *вшами*, ибо до сих пор не омылся от окопной скверны, хотя и протестовал к сему». Еще хочу привести несколько небезытересных строк. Дает совет своему брату Виктору Ивановичу, который тоже находился на фронте: «...*пусть предпочитает он фронт прусский, ибо Карпаты — страна кошмаров и ужасов, достойных пера Фриче*»². Из истории Первой мировой войны известно, что 55-й пехотный Подольский полк вел упорные бои в мае в Галиции

¹ РГВИА. Ф. 409, послужной список 131–637. 1915 г.

² Письмо из семейного архива Мозолевских. Фриче Владимир Максимович (1870–1929) — литературовед, социолог, искусствовед.

Рис. 3. Из архива В. И. Михеева

и Польше, преимущественно у г. Перемышля, который был взят русскими в марте 1915 г., но в мае того же года снова оказался у неприятеля. Как следует из карточки эмигранта Мозолевского Леонтия, во время штурма Перемышля 19 мая 1915 г. при взрыве блиндажа он получил тяжелую контузию и 20 мая был взят в плен. Освободился в сентябре 1917 г. и был зачислен в 55-й пехотный Подольский полк, но находился в Киевском 14-м госпитале как инвалид, вернувшийся из плена. После 25 октября 1917 г. служил помощником библиотекаря в Киевской городской публичной библиотеке, контролером в экспедиции заготовки государственных бумаг, созданной правительством Центральной Рады Украины (в это же время здесь гравировально-художественный отдел возглавлял его младший брат Иван Иванович), делопроизводителем Главного Военно-Санитарного Управления Украины. Был рядовым офицерской сотни Киевской офицерской добровольческой дружины, созданной 24 октября 1918 г. генерал-майором Л. Н. Кирпичевым,³ ставшей основой Сводного

³ Кирпичев Лев Нилович (1876–1928?), генерал-майор, георгиевский кавалер, герой Первой мировой войны. Из дворян Псковской губернии, сын инженера-генерала Нила Львовича Кирпичева.

Корпуса Национальной гвардии Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского.⁴ После взятия Киева петлюровцами 14 декабря 1918 г. часть дружинников была взята в плен и зверски убита, небольшая группа офицеров выбралась из Киева и присоединилась к силам Белого движения.⁵ Среди выбравшихся оказался и Леонтий Иванович.

В январе 1919 г. он вместе с матерью Александрой Арсеньевной Мозолевской выехал из Киева и через Тарнополь, Перемышль, Либаву, Варшаву прибыл в г. Сегедин в Сербию 24 ноября 1920 г. В Сербской миссии в Варшаве он получил сербскую визу № 984 от 10 ноября 1920 г. и паспорт от Российской миссии в Польше от 4 ноября 1920 г. Сначала жили в Субботице, Русский этап. Здесь, в распределителе русских беженцев, он проходит медицинскую комиссию, которая констатирует: одержим катаром дыхательных путей и неврастенией и потому отнесен к третьей категории 2-го разряда на основании ст. 15 л. б. Врем. Росп. Бол. (приказ Главнокомандующего ВСЮР 1920 г. № 3492), свидетельство № 65 за подписью Представителя Российского военного агента и Председателя временной медицинской комиссии. Позже он был признан инвалидом второй категории по сп. Барона Штемпеля и с 6 февраля 1922 г. получал инвалидное пособие в 100 динар.

Вместе с матерью он оказался в русском лагере в г. Великий Бечкерек (ныне Зренянин), где работал преподавателем в Торговой Академии с 24 июня 1921 г. Был принят по контракту, потому что у него не было гражданства в этой стране. Читал такие предметы: наука о торговле, корреспонденция, торговое вексельное и коммерческое право, национальная экономика и таможенное дело.⁶ Жалованье составляло 600 динар в месяц. Очевидно, он часто болел. В эмигрантских документах я нашла справку из больницы, где говорится, что он пролежал в больнице 20 дней в феврале 1923 г. и что до полного выздоровления ему понадобится еще 2–3 недели. Средств своих у него не было и не было никого, кто бы мог помочь (в 1922 г. он похоронил мать). Ему пришлось обратиться в Державную комиссию с просьбой выдать

⁴ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), генерал-лейтенант Русской императорской армии. После революции 1917 г. — украинский военный и политический деятель, гетман Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.

⁵ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. Гл. 3, с. 195–197.

⁶ Получила от А. Б. Арсеньева, который обнаружил эти сведения в Отчете училища за 1923/24 учебный год.

пособие на уплату больницы, продолжение лечения и усиленное питание. С 7 июля по 18 августа 1927 г. он находился в госпитале в Панчево (в 15 км от Белграда). В связи с тяжелым материальным положением было выдано пособие 200 динар.

Умер 25 марта 1928 г. На его погребение 26 марта было выдано 450 динар Михаилу Васильевичу Бискупскому.⁷ Значит, родственников у него не было, потому что когда умерла его мать, то деньги на погребение дали ему. Отпевали его в Русской церкви Св. Троицы в Белграде. Похоронен там же на Новом кладбище (Ново Гробле) участок 84, м. 398.⁸

В мае 2016 г. я получила от Ирины Анантасьевич из Белграда фотографию разбитой плиты на месте могилы Леонтия Ивановича.

Здесь похоронены сны и молитвы,
Слезы и доблесть,
«Прощай!» и «Ура!»,
Штабс-капитаны и гардемарины,
Хваты полковники и юнкера.⁹

Был женат на дочери статского советника девице Вере Григорьевне Бумобош. Детей не было.

Виктор Иванович Мозолевский был отправлен 3 ноября 1914 г. во 2-ю Московскую школу для подготовки офицеров в военное время. 26 января 1915 г. произведен в унтер-офицеры, 2 февраля — в прапорщики армейской пехоты и назначен в 195-й запасной пехотный батальон. В течение февраля-июня был младшим офицером 5, 11, 3 рот, а 8 июля 1915 г. командирован в Варшаву для сопровождения партии новобранцев. С 1 августа командирован в Управление Юрьевецкого уездного воинского начальника за принятием партии новобранцев. С 10 сентября командирован в Жмеринку для сопровождения эшелона

⁷ Бискупский Михаил Васильевич (1875–1938), дворянин Харьковской губернии, полковник, адъютант ЕИВ генерал-инспектора всей артиллерии Великого князя Сергея Михайловича. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска. С мая в эмиграции в Югославии (Волков С. В. Офицеры Российской гвардии. М., 2002).

⁸ ГА РФ. Ф. 6792, картотека «М», л. 3988; Незабываемые могилы. Русское Зарубежье, т. 4; Сведение о захоронении получено от А. Б. Арсеньева из Нови Сада (Сербия) в 2013 г.

⁹ Стихотворение поэтессы Лидии Алексеевны Девель, отец которой похоронен на этом кладбище: «Это о всех о нас. О эмигрантах. О тех, кто выбрал судьбу быть похороненным в чужой земле».

ратников, переведенных в 507-ю пешую дружину. 11 октября командирован в Ораниенбаум в офицерскую стрелковую школу для изучения винтовки Винчестера. 18 декабря назначен в Минск в распоряжение генерала Веревкина согласно предписанию начальника 4-й пехотной запасной бригады. Находился там до января 1916 г. 5 января зачислен в 270-й пехотный Гатчинский полк и назначен младшим офицером в 13-ю роту. 21 января 1916 г. заболел и был отправлен на лечение в 1-й лазарет 68-й пехотной дивизии до 27 апреля.

8 мая 1916 г. назначен делопроизводителем полкового суда, 25 мая зачислен в 207-й пехотный Новобаязетский полк в 7-ю роту. 29 июня — заведующим командой для сбора оружия, 2 сентября — начальник команды прожектористов. В сентябре 1916 г. участвовал в военных действиях у оз. Вишневого и деревень Островляны и Боровня Свенцинского уезда Виленской губернии. С 16 октября 1916 г. по 1 марта 1917 г. участвовал в боях в Лесистых Карпатах на различных высотах. Совершил подвиг, о котором сообщалось во фронтовой газете. 10 ноября 1916 г. получил чин подпоручика, а 30 ноября за отличие в деле против неприятеля награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. С 17 февраля по 11 марта 1917 г. временно исполнял обязанности начальника бомбометной и минометной команд. Приказом по армии и флоту от 9 марта 1917 г. произведен в чин поручика со старшинством с 27 декабря 1916 г.

18 марта 1917 г. принял присягу на верность службе Временному правительству. 22 мая 1917 г. был командирован в г. Роман (Румыния) на армейский съезд 9-й армии. 15 июня назначен временно исполняющим должность полкового адъютанта, а 8 июля принял эту должность. 6 сентября 1917 г. командирован в Петроград в исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов делегатом от дивизионного Совета 68-й пехотной дивизии¹⁰.

Уже с 1912 г. начинается его литературная деятельность. В своей автобиографии он пишет, что стихи начал писать в 10 лет, в 1908 г. было напечатано одно из стихотворений в газете «Тифлисский листок». Первые рассказы написаны в период 1909–1912 гг. Он называет их мои *juvenilia*, «я люблю их покровительственно, в них много юношеской небрежности, жеманства, самолюбования, но нет того, что я требую сейчас от своих и чужих произведений». И далее: «писатель (поэт) должен, иначе он, вероятно, не писатель (поэт), — или “глаголом

¹⁰ РГВИА. Ф. 2067, оп. 2, д. 989; Там же. Ф. 409, п/сп. 31–257, 193–253, 31–256.

жечь сердца людей”, или сам гореть, сгорать». В 1913 г. в издательстве «Альциона» вышла его первая книга «Фантастические рассказы», иллюстрированная его младшим братом художником-графиком Иваном Ивановичем Мозолевским.

В 20-х годах много пишет рассказов, повестей и печатается в различных литературных журналах. В 1922–24 участвовал в деятельности московского литературного кружка «Зеленая лампа». В 1924–1930 гг. — член Всероссийского Союза писателей (подробно о его литературной жизни в книге «Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь», т. 4, М. 1999, с. 118–119). Одновременно работал по своей основной юридической специальности. С 1930-х гг. практически отошел от литературы, но все еще оставался переводчиком новелл Г. де Мопассана, печатавшихся в советских издательствах с 1946 г. Рукописи неопубликованных произведений и мемуары хранятся в РГАЛИ (Ф. 2151, № 13, № 19).

В 1920-х годах служил в рядах РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия) в течение восьми лет. С 1938 по 1949 г. занимал должность старшего консультанта Московского городского отделения ГАПУ (Госаптекоуправления). 16 сентября 1949 г. вышел на пенсию по возрасту. В течение 1945–1949 г. неоднократно получал денежные премии. 31 декабря 1945 г. был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (удостоверение № 0327623). В 1969 г. временно работал младшим научным сотрудником во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.¹¹

Жил в Москве по адресу: Плющиха, 35, кв. 3.

Умер 26 ноября 1970 г. в Москве, похоронен на Армянском кладбище рядом с женой.

ЖЕНА (1912) — Маргарита Иосифовна **Мелик-Беглярова** родилась 27 мая 1889 г. в Тифлисе. Дочь статского советника, директора Тифлисской частной мужской математической гимназии Иосифа Александровича Мелик-Беглярова¹² (род. ок. 1849 г.) и Нины Ивановны Амираговой армяно-григорианского вероисповедания.

Умерла 9 января 1954 г. Похоронена на Армянском кладбище в Москве.

¹¹ Трудовая книжка В. И. Мозолевского.

¹² Мелик-Бегляровы из старинного армянского рода, внесены в 3-ю часть ДРК Тифлисской губернии.

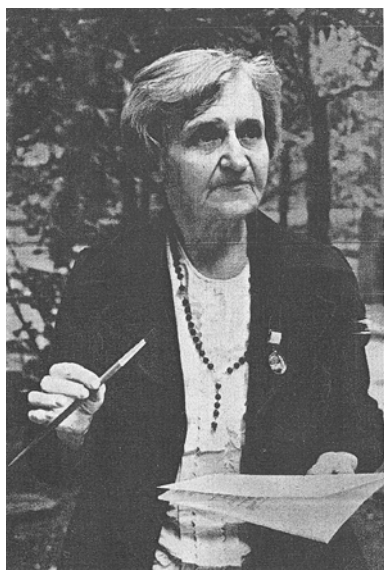

Рис. 4. Н. В. Мозолевская.
Архив В. И. Михеева

Дочь Нина Викторовна Мозолевская (1913–1990) — член Союза художников СССР (1945), член секции художников театра и кино Московской организации Союза художников, Заслуженный работник культуры РСФСР. В ее творчестве разные жанры: эскизы к театральным постановкам, натюрморты, ею создан цикл работ о памятниках русской архитектуры, в последние годы создала серии, которые включают интерьеры рабочих кабинетов и жилых комнат деятелей русской культуры и выдающихся общественных деятелей. Участвовала во многих выставках, в 1965 г. состоялась ее персональная выставка. Умерла 5 января 1990 г. Похоронена на Армянском кладбище рядом с родителями.

Рис. 5. В. И. Михеев

Внук Виктор Иванович Михеев родился 13 мая 1942 г. в эвакуации, в Пермской области. В 1966 г. окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). С 1968 г. работал в Российском Университете дружбы народов (РУДН) и до выхода на пенсию в 2012 г. прошел путь от ассистента до профессора кафедры высшей математики. Доктор педагогических наук (1991), член-корреспондент Международной Академии наук педагогического образования (1997). Опубликовал около 200 научных и учебно-методических работ, включая

и учебные пособия по высшей математике и методике преподавания математики в вузах.

Умер 8 ноября 2017 г. Похоронен на Армянском кладбище в Москве рядом с матерью, дедом и бабушкой Мозолевскими.

Борис Михайлович фон-дер-Вейде родился 10 августа (н. ст.) 1890 г. в своем имении села Рамушево Старорусского уезда Новгородской губернии в семье потомственного дворянина, действительного статского советника Михаила Михайловича фон-дер-Вейде и Наталии Ивановны Максютенко. Все занесены во 2-ю часть Новгородской дворянской книги с 1861 г. Борис Михайлович — праправнук инженера генерал-майора Герхарда фон-дер-Вейде, прибывшего в Россию из Голландии по приглашению Екатерины II в 1786 г.

Учился в Морском кадетском корпусе СПб (1904–1908), как и его отец, дед, прадед и прапрадед (по материнской линии). В связи с назначением отца начальником Рижского торгового порта он учится в Рижском коммерческом училище (1908–1911), в Рижском политехническом институте (1911–1914). С 1914 г. в армии вольноопределяющийся. В этом же году — выпускник Павловского военного училища. В 1915–1916 гг. — прапорщик армейской пехоты 4-й артиллерийской бригады, адъютант 3-го Заамурского артиллерийского дивизиона. Высочайшим приказом 11 декабря 1916 г. прапорщик, числящийся по армейской пехоте, произведен в подпоручики со старшинством с 1 октября 1915 г.¹³

25 апреля 1917 г. Борис Михайлович (далее Б. М.) прибыл в Гатчинскую Военную Авиационную школу (ВАШ) из 3-й Заамурской дивизии. Был зачислен в переменный состав (т. е. слушателем) Приказом № 151 от 26 апреля 1917 г.¹⁴ В приказах по ВАШ с 1 июля по

*Рис. 6. Б. М. фон-дер-Вейде.
Гатчина. 1917 г.
Архив Е. Б. Вейде-Вяловой*

¹³ РГВИА. Ф. 298, оп. 1, д. 119, л. 380 об.

¹⁴ РГВИА, там же.

Рис. 7. Б. М. фон-дер-Вейде с дочерью Ириной. 1917 г. Архив Е. Б.Вейде-Вяловой

1 декабря 1917 г. Б. М. числится среди офицеров, обучающихся полетам.¹⁵ В ВАШ он пробыл до 6 февраля 1918 г., но не окончил ее и не получил звания «военный летчик». После Октябрьской революции (переворота) 1917 г. и прихода к власти большевиков 1 апреля 1918 г. школа получила название «Социалистическая авиашкола рабоче-крестьянского Красного Воздушного Флота». Поэтому два последних набора в Военную Авиационную школу (15-й и 16-й) не закончили ее. С апреля по октябрь 1918 г. Б. М. находится в авиации гетманской армии. В это время в Киеве скопилось много офицеров из СПб, и когда П. П. Скоропадский был

избран гетманом Украины, многие пошли служить в гетманскую армию. С 10 ноября 1918 г. по 16 января 1919 г. находился в Херсонском авиадивизионе в Вооруженных силах Юга России. Затем попадает в Добровольческую армию.¹⁶

20 июня 1919 г. был зачислен в 10-й авиаотряд летчиком-наблюдателем (стрелок), который был сформирован в Екатеринодаре (ныне Краснодар) «для обслуживания Уральского войска» Приказом Инспектора Авиации Вооруженных сил на Юге России № 140 генерал-майора И. И. Кравцевича. Из Петровска (ныне Махачкала) авиаотряд был отправлен через Каспийское море в Гурьев (с 1 октября 1919 г. Атырау). Отсюда в июле прибыли под Уральск, который был осажден казачьей Уральской армией генерала В. С. Толстова. Базировались в районе Сахарное и Калмыково. В отряде было пять самолетов: два «Фарман-30», два «Фарман-20» и «Ньюпор-17». Авиаотряд вел разведывательные полеты между Сахарным, Лбищенском и Уральском, нанося бомбовые удары по войскам Красной армии. К ноябрю 1919 г. отряд дислоцировался в Антоновском и Бударинском.

¹⁵ Там же, д. 120, л. 161 об., 219 об., 274 об., 324 об.

¹⁶ Волков С. В. Участники Белого движения в России.

Рис. 8. Вера Васильевна и Борис Михайлович фон-дер-Вейде.
Петроград, 1917. Архив Е. Б. Вейде-Вяловой

Налеты совершали на Уральск. Полеты были опасными, так как летали на устарелом и тихоходном «Фармане-30». В это время Б. М. сделал 9 боевых полетов продолжительностью 30 часов¹⁷. Положение войска становилось тяжелым: отсутствовала какая-либо промышленная база для производства и ремонта авиационной техники, не было приборов, вооружения, запасных частей. Топлива и масла также практически не было. Не хватало продовольствия, зимнего обмундирования и не было ни одного врача. 14 ноября Уральская армия стала отходить к Гурьеву, откуда они должны были быть вывезены на Кавказ «за получением нового имущества и укомплектования его» (из Приказа № 153 по Управлению Начальника инженеров Уральской отдельной армии). К декабрю 1919 г. отряд был небоеспособен из-за «изношенности аппаратов и потери наиболее ценных машин». А в это время 5 января 1920 г. Гурьев был занят советской кавалерией. И отступавшей Уральской армии пришлось совершить тяжелый переход длиной 1100 км по безлюдной пустыне и плато Устюрт при морозах до 25 градусов и сильных ветрах пешком и на верблюдах, по выражению В. С. Толстова, «от красных лап в неизвестную даль». Из 15 тысяч человек, среди которых было около 3,5 тысяч военных,

¹⁷ *Пешков В., Хайрулин М.* Авиационные формирования Уральской армии 1918–1919 годов // Краеведческий сборник «Горыныч», ч. 1. Уральск: Оптима, 2007. С. 62–96.

остальные — гражданские беженцы, до форта Александровского на полуострове Мангышлак¹⁸ смогли пройти только около 5 тысяч (по другим данным, не более 3 тысяч), причем до 75 % дошедших были обморожены или ранены. На протяжении их похода они постоянно подвергались нападениям «красных». Остальные погибли в пути от мороза, тифа, голода и обстрелов. По свидетельству одного из участников похода: «цепь трупов на верстах тридцати тянулась непрерывно». Только к 15 февраля 1920 г. остатки Уральской армии смогли укрыться в форту Александровском. Сохранились воспоминания очевидца о прибытии казаков: *«большинство доставленных уральцев были в ужасном состоянии, обмороженные поголовно, многие уже полутрупы с омертвевшими или уже отвалившимися конечностями. Картина, которую мне пришлось видеть при выгрузке этих несчастных, не поддается никакому описанию»*. В форту находились корабли белой флотилии, которые должны были перебросить остатки армии В. С. Толстова на Кавказ. На корабли «Милютин» и «Опыт» были погружены бумаги войсковой канцелярии, войсковая казна, вооружение и личный состав кавалерийских полков. Возможно, сюда же были погружены раненые и больные. Во время погрузки подошла «красная» эскадра Ф. Раскольникова (эсминец «Карл Либкнехт» и истребитель «Зоркий»). 4 апреля 1920 г. произошел неравный морской бой, в результате которого «Милютин» и «Опыт» вынуждены были уйти в Баку. Отсюда Б. М. попадает в Крым.

В Крыму он служил в авиации Русской армии генерала Н. П. Врангеля в составе 1-го авиационного отряда имени М. В. Алексеева с 24 апреля по 31 октября (ст. ст.) 1920 г. Командиром этого отряда с 29 июня был Александр Александрович Кованько (1889–1926), опытный пилот, конструктор аэропланов. Воевала авиация Белой армии на самолетах ДН-9 (дневной бомбардировщик), в хвостовой части которого было место летчика-наблюдателя, т. е. место, где сидел мой дед. Он вел разведку и обстрел противника, в то время как пилот управлял самолетом.

В Российском Государственном военном архиве сохранились документы, рассказывающие о полетах наблюдателя подпоручика Фон-дер-Вейде. Это были разведывательные полеты из Чаплинки в районы Бориславля, Меловое, Балтазаровки. Не раз самолеты обстреливались. Так, 13 июля пришлось совершить вынужденную посадку в районе Каховки под непрерывным огнем противника. 20 июля при

¹⁸ В советское время это форт Шевченко, а с 1991 г. — Актау.

перелете Джанкой — Катерлез, длившемся 1 час 55 минут, при посадке машина разбилась¹⁹.

В ноябре 1920 г. он эвакуировался из Севастополя вместе с авиационными чинами Русской армии в Константинополь, затем Галлиполи. 2 декабря 1920 г. прибыл в г. Дубровник в Югославии (в те времена Королевство Сербии, Хорватии и Словении — СХС) на корабле «Сегед», на котором были в основном авиаторы. Был определен в колонию Ярек. Знал сербский и немецкий языки. В анкете эмигранта указывал, что студентом он практиковался по портовым сооружениям, знал моторы. Однако по специальности найти работы он не смог и имел лишь случайные заработки (занимался мелкой торговлей). Зарабатывал по 200–300 динар в месяц²⁰. Очевидно, по здоровью он не мог заниматься физическим трудом. Сказывались последствия тяжелого перехода в феврале 1920 г. в форт Александровский и падения самолета в Крыму. В 1924–1926 гг. он писал письма своей малолетней дочери Ирине (моей маме) из г. Суботицы в г. Глухов на Украине, где она жила у дедушки и бабушки — родителей матери. Несколько из них сохранилось у меня. В последней открытке он написал, что меняет место жительства. Больше писем не было.

Позже через сестру Б. М. Милицу Михайловну Эггер, эмигрировавшую в 1944 г. в США, стало известно, что Б. М. тяжело болел и умер в декабре 1949 г. Но точную дату и причину смерти я узнала только в 2013 г. от жительницы Загреба Татьяны Витальевны Рыбкиной-Пушкадии, которая много лет занимается русской эмиграцией. Она прислала мне выписку о смерти Б. М. из книги записей умерших Сербской православной церкви Загребско-Люблянской епархии храма Преображения Господня в Загребе за 1949 г. Там сказано, что он — чиновник, умер 15 декабря 1949 г., причина смерти — астма. Жена — Етелка Эрдеди. Адрес — улица Максимирске ледине № 11. Был похоронен на кладбище Мирогой.

ЖЕНА: Вера Васильевна фон-дер-Вейде, урожденная **Рачинская**, родилась 23 января (н. ст.) 1897 г. в г. Коропе Кролевецкого уезда Черниговской губернии в семье священника Рачинского Василия Демьяновича (1870–1913) и Елены Викторовны Мозолевской (1872–1942), во втором браке Костовской. При крещении восприемником был ее

¹⁹ РГ ВА. Ф. 39527, оп. 1, д. 5 (от М. Хайрулина).

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6792 (Управление делами эмиграции в Сербии. Белград. 1920–1940), картотека «В», л. 925–925 об., 926–926 об.

дядя (родной брат матери и отец Виктора и Леонтия Мозолевских) Иван Викторович Мозолевский.

Училась в Черниговском епархиальном училище, затем на Киевских Высших женских курсах (историко-филологическое отделение). В 1916 г. вышла замуж за Б. М. фон-дер-Вейде, в конце 1916 г. родилась дочь Ирина. В 1918 г. Борис Михайлович был в армии, в СПб был голод и смута, поэтому она с дочерью уехала к родителям в Екатеринбург. Здесь в 1919 г. Б. М. навестил ее, и это была их последняя встреча. Больше они не виделись никогда. В послереволюционной неразберихе Вера Васильевна предусмотрительно отбросила «фон-дер» и до конца жизни была просто Вейде. До 1926 г. она ездила по стране с родителями, которые пытались уехать с отступавшей колчаковской армией на восток, но это им не удалось. Работала машинисткой в разных советских учреждениях.

В 1926 г. она приехала в Москву, где жил ее двоюродный брат Виктор Иванович Мозолевский. Работала машинисткой в газете «Комсомольская правда». В 1928 г. выходит замуж за Михаила Ивановича Чарова (1889 г. р.), зам. редактора «Комсомолки», но в 1936 г. его арестовывают как «контрреволюционера-троцкиста» и отсылают в концлагерь в Воркуту. Ее тут же увольняют и она становится безработной. Первое время она посылала ему посылки, деньги, письма. Но в 1937 г. ее высылают из Москвы как жену «врага народа» в Карагандинский лагерь в Казахстан. Ей посчастливилось не попасть в лагерь, так как по дороге на станции Акмолинск ее снял с поезда директор сельсовета одного из близлежащих колхозов, которому нужна была машинистка (бабушка не расставалась со своей портативной машинкой, с которой и увидел ее этот директор). Как-то ему удалось договориться с начальником поезда. Так бабушка пробывала в ссылке до 1946 г. (и я с ней, куда мама привезла меня в 1941 г.). В 1946 г. мама забрала нас, и бабушка стала работать в бухгалтерии специализированного военизированного поезда Водрем 21, где работала мама с 1945 г. Это один из тех поездов, которые были сформированы во время войны для ремонта водопровода, канализации, связи и других жизненно важных объектов в освобожденных от немцев городах. Так и ездили с этим поездом по городам и весям до 1962 г., пока не осели в г. Абакане (Хакасия), где бабушка умерла в 1974 г. 15 декабря (в тот же день, что и мой дед Б. М. фон-дер-Вейде, с разницей в 25 лет).

По моему запросу в прокуратуру г. Москвы в 2005 г. я получила из Главного Управления внутренних дел г. Москвы справку о том, что Вера Васильевна Вейде реабилитирована в 1991 г. Кроме того,

мне прислали ее «Дело № 545 на жену осужденного Чарова М. И. — Вейде В. В.». Я не только ознакомилась с ним, но и скопировала некоторые страницы. Мне разрешили это сделать, наверное потому, что дело нерасстрельное.

Дочь Ирина Борисовна Вейде, урожденная фон-дер-Вейде, родилась 11 января (н. ст.) 1917 г. в Петрограде²¹. Была крещена в церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Восприемниками были ее дед по отцу действительный статский советник Михаил Михайлович фон-дер-Вейде и бабушка по матери Елена Викторовна Костовская, урожденная Мозолевская.

Образование среднее. С 1935 г. работала в отделе писем газеты «Пионерская правда», мечтала о журналистике. Но с арестом отчима М. И. Чарова ее, как и мать, уволили, и она не могла устроиться на работу. Окончила курсы шоферов и стала работать в гараже Союза писателей.

С 1943 г. она начальник полевой почты 44444 на Юго-Западном фронте, затем 3-м Украинском. Когда в июне 1945 г. 3-й Украинский фронт был расформирован, она оказалась в УВВР-5 (Управление военно-восстановительных работ при этом фронте), у которого в подчинении был специализированный поезд Водрем 21. Еще в 1942 г. в системе НКПС (Народного комиссариата путей сообщения) было создано Главное Управление военно-восстановительных работ (ГУВВР). На фронтах организовали УВВР, которые создавали воензированные поезда для восстановления разрушенного хозяйства освобожденных городов: Водремы — для восстановления водоснабжения и канализации, Связьремы — для восстановления электроснабжения

Рис. 9. И. Б. Вейде. г. Абакан, 1973 г.
Архив Е. Б. Вейде-Вяловой

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 127, д. 3546, л. 3 об., 4 (Петроградская духовная консистория, запись в метрической книге № 4 церкви Св. Екатерины на Васильевском острове за 1917 г.).

и связи и т. п. Вот в этом Водреме 21 Ирина Борисовна работала с 1945 г. начальником отдела кадров до выхода на пенсию в 1973 г.

У нее медаль «За победу над Германией» (1945), медали «XX лет Победы» (1965) и «XXX лет Победы» (1975), орден Отечественной войны 2 ст. к 40-летию победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. от 11 марта 1985 г. (№ 1852483). Кроме того, была награждена медалями «За доблестный труд к 100-летию В. И. Ленина» и «Ветеран труда».

Умерла 21 июля 1986 г. в г. Абакане (Хакасия).

Эйлер Николай Владимирович. Это очень далекий родственник, четвероюродный брат моего деда Бориса Михайловича фон-дер-Вейде. Но... «хочется всех поименно назвать». У него нет потомков, поэтому вряд ли кто-нибудь о нем вспомнит. Было бы несправедливо не рассказать о нем хотя бы то небольшое, что мне удалось узнать.

Он внук Николая Леонтьевича Эйлера (1816–1898), русского военного инженера, генерала и его первой жены Александры Яковлевны, урожденной фон-дер-Вейде (1819 — ок. 1860), потомок знаменитого математика Леонарда Эйлера (1707–1783).²²

Родился 3 мая 1883 г. в семье статского советника Владимира Николаевича Эйлера (1846–1910) и его жены Анны Викторовны Курганской (1864 – после 1922). Окончил Морской кадетский корпус. В 1914 г. служил мичманом вахтенным офицером, был плутонговым командиром²³ на крейсере «Евстафий». Во время Первой мировой войны этот крейсер был флагманом Черноморского флота.

Возвращаясь в Севастополь, Черноморский флот неожиданно встретил 5 ноября 1914 г. немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» у мыса Сарыч недалеко от Ялты. «Евстафий» открыл огонь и первым же залпом накрыл «Гебен». Через минуту начал стрельбу и «Гебен». Дистанция была 40 кбт, но «Евстафий» не сообщил об этом управляющему огнем на «Иоанн Златоуст», который плохо видел неприятеля и дал кораблям по радио дистанцию в 60 кбт. В результате бой «Гебена» с Черноморским флотом фактически свелся к поединку его

²² *Амбургер Э. Н., Геккер И. Р., Михайлов Г. К.* Родословная роспись потомков Леонарда Эйлера // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука: сб. ст. М., 1988. С. 383–467.

²³ Плутонговым командир — это командир батареи на корабле. Плутонг — совокупность орудий одинакового калибра. Сейчас этот термин заменен термином «батарея».

с «Евстафием», так как остальные корабли стреляли с неверной установкой прицела. Через 15 минут «Гебен» закрылся туманом и дымом, и стрельба прекратилась. Бой длился 14 минут, линейный корабль «Евстафий» получил четыре попадания, в результате которых было убито пять офицеров и 29 человек команды²⁴. Среди убитых офицеров был и Николай Владимирович Эйлер.

8 ноября в Севастополе состоялись похороны погибших. Останки Эйлера Н. В. были отправлены в Петроград. Командиром «Евстафия» с 1911 г. по 1915 г. был капитан 1-го ранга Валерий Иванович Галанин (1865–1915), впоследствии контрадмирал. Когда он скончался в 1915 г., был похоронен на Михайловском кладбище Севастополя (Северная сторона) рядом со своими матросами.

В середине 1980-х годов исполком Севастопольского горсовета передал территорию кладбища под застройку жилыми домами. Сохранившиеся надгробия контрадмирала В. И. Галанина и еще троих человек были перенесены на Братское кладбище в Севастополь. Могилы погибших матросов уничтожены.

Н. В. Эйлер был холост. Ему был 31 год.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 408, оп. 1, д. 2453, л. 4–5. Описание боя у м. Сарыч. РГА ВМФ, ф. 609, оп. 1, д. 491, л. 57–58, 292–293.

Памяти павших будьте достойны

В Москве у Никитских ворот, недалеко от Храма Вознесения Господня, в котором венчался А. С. Пушкин, в Ножовом переулке д. 2 установлен памятник ученикам и учителям 110-й московской школы, погибшим в Великой Отечественной войне. Авторы памятника в разные годы окончили эту школу — скульптор Д. Ю. Митлянский, архитекторы Е. А. Розенблюм и П. И. Скокан [1].

Скульптор изобразил пятерых худеньких подростков в солдатских шинелях с винтовками за плечами. Они имеют портретное сходство с погибшими одноклассниками Д. Ю. Митлянского.

На постаменте памятника надпись «Будьте памяти павших достойны» (1941–1945). У подножия памятника мемориальная доска с именами погибших. Среди этих имен и два родных для меня имени:

Григорий Дмитриевич Доможиров (1920–1943), мой родной дядя, и **Юрий Алексеевич Мясников (1918–1943?)**, мой троюродный дядя.

110-я школа имеет длинную интересную историю. Она была хорошо известна еще в довоенной Москве.

Первоосновой школы стала частная московская мужская гимназия Флёрова, открывшаяся в 1910 году и отличавшаяся высоким уровнем преподавания. Находилась она близ Никитских ворот в Мерзляковском переулке дом № 11 (рис. 1).

В 1918 году гимназия стала государственной опытно-показательной школой с химическим уклоном. Позднее к школе присоединилась бывшая женская гимназия Брюхоненко со своим зданием в соседнем Столовом переулке.

Рис. 1. Мерзляковский пер., д. 11

История памятника тоже не проста. Памятник был открыт 22 июня 1971 г. в день тридцатилетия начала Великой Отечественной войны (рис. 2).

Первоначально памятник стоял в глубине двора школы в Столовом переулке (рис. 3).

Рис. 2. 22 июня 1971 г. Открытие памятника.

В центре — Игорь Алексеевич Мясников, первая справа — Татьяна Алексеевна Мясникова. Из архива О. И. Мясниковой

Рис. 3. Первоначальный вариант памятника в школьном дворе

Видимо, памятник кому-то очень мешал, и в ночь на 9 мая 1992 г. он был варварски разворочен. Через год авторы реконструировали памятник. Фигуры были несколько уменьшены в размерах, а памятник закреплен достаточно высоко на стене школы. Он очень хорошо виден со всех сторон, да и недоступен для варваров (рис. 4). Изменена надпись на памятнике, теперь это строка из поэмы «Реквием» Р. Рождественского «Памяти павших будьте достойны».

*Рис. 4. Памятник «Памяти павших будьте достойны».
Ножовый пер., д. 2. Из архива Е. Л. Доможировой*

Семья Доможировых жила недалеко от 110-й школы, на улице Воровского, д. 8/1 (в 1993 г. улице вернули дореволюционное название Поварская). Дом был известен не только старинной аптекой, располагавшейся в угловой ротонде, но и тем, что 22 июля 1941 г. при налете немецкой авиации на Москву в дом попала бомба. Аптека почти не пострадала и работала до ее сноса при прокладке Калининского проспекта [2].

Семья Мясниковых жила в одном из первых кооперативных домов Москвы в Мерзляковском переулке, д. 7. Юрий Мясников и его брат-двойняшка Игорь были младшими детьми в семье. Интересно, что их мама, Татьяна Ивановна Мясникова (ур. Ерёмина, 1892–1977), отдала мальчиков в параллельные классы, «чтобы научились общаться с другими детьми, а не только между собой».

В класс, в котором учился Гриша Доможиров, попал и Игорь Мясников. В школе в случайном разговоре выяснилось, что родители Игоря Мясникова родом из Серпухова. Григорий Доможиров рассказал это своей маме, моей бабушке. Моя бабушка, Елена Николаевна Доможирова (ур. Бескодарова, 1893–1976), тоже родилась в Серпухове. Она не знала, что в Москве ее двоюродный брат Алексей Алексеевич Мясников (1883–1970) с семьей живет в Москве совсем недалеко. Серпухов и он, и она покинули давно. Моя бабушка в 1916 г. вышла замуж, уехала из Серпухова в Москву и все семейные связи нарушились, а события 1917 года не способствовали их восстановлению.

В 1909 г. Алексей Алексеевич Мясников, студент Императорского Московского университета, за принадлежность к РСДРП был выслан вместе с молодой женой на 3 года в Вологду. Однако он подал прошение на Высочайшее имя с просьбой заменить ссылку в Вологду на лечение в Швейцарии. Была представлена справка о состоянии здоровья, и прошение было удовлетворено. Семья Мясниковых отбыла в Швейцарию, где Алексей Алексеевич продолжил получение высшего образования, но уже в Женевском университете. Вернулась семья в Россию в 1912 г. уже с двумя дочками [3].

Так и учились, и дружили, и влюблялись, судя по надписям на фотографиях в семейном альбоме, до окончания школы Григорий Доможиров и Игорь Мясников, ставший впоследствии моим крестным отцом.

Оба мальчика с увлечением занимались химией, и не только потому, что химия в школе была профилирующим предметом, но и потому, что отец Игоря был химиком по образованию и работал на химическом предприятии. Занятия по химии проходили в здании церкви Федора Студита в бывшем поместье Суворовых у Никитских ворот. На клиресе этой церкви пел сам Александр Васильевич Суворов.

В 110-й школе учился также еще один мой родственник, брат Игоря Юрий. Он учился в параллельном классе, химией не увлекался, а по воспоминаниям родных, очень любил танцы.

На фотографии (рис. 5) выпускной класс 10 А, 1937 г. В центре Иван Кузьмич Новиков, директор школы с 1925 г. по 1952 г. При нем 110-я школа была одной из передовых.

Рис. 5. 1937 г. Выпускной 10 класс «А». В центре — директор школы Иван Кузьмич Новиков. Первый слева в верхнем ряду — Игорь Мясников, от самого верхнего ученика через одного вниз — Григорий Доможиров. Из архива Е. Л. Доможировой

Рис. 6. Март 1938 г.
Мясников Игорь Алексеевич
и Доможиров Григорий Дмитриевич.
Из архива Е. Л. Доможировой

После окончания школы пути мальчиков разошлись, а дружба сохранилась (рис. 6).

Итак, три выпускника школы № 110, три судьбы.

Григорий Дмитриевич Доможиров (1920–1943) с 1 октября 1938 г. стал студентом Московского заочного института металлообрабатывающей промышленности. Объяснить пропуск одного года я, к сожалению, не могу. Возможно, на это повлиял арест его отца, моего деда, Дмитрия Григорьевича Доможирова (1877–1937), в августе 1937 г. При аресте деда, бывшего подполковника Российской императорской армии, был разворочен письменный стол, изъято много

Рис. 7. Октябрь 1939 г. Доможирова Елена Николаевна с детьми: Григорием Дмитриевичем и Галли Дмитриевной.
Из архива Е. Л. Доможировой

документов и фотографий. Мне всегда говорили, что дядя Гриша учился на химическом факультете МГУ. Однако внимательно изучая остатки архива семьи, я узнала, что студентом химфака он стал только с сентября 1939 г., а 23 октября того же года выбыл в связи с призывом в РККА.

В октябре 1939 г. в фотостудии была сделана последняя семейная фотография (рис. 7).

Службу в РККА Григорий Доможиров начал в 594-м Тяжелом пушечном артиллерийском полку, став, как и отец, артиллеристом. В феврале 1940 г. в г. Шуя к нему ездил Игорь Мясников. Они сфотографировались на память, это, как оказалось потом, было их последнее свидание. Моя мама (Галли Дмитриевна Доможирова, 1917–1989) получила эту фотографию с трогательной надписью «На память Галочке от Игоря 5.2.1940» (рис. 8).

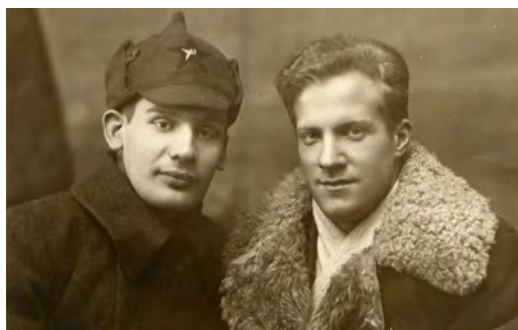

Рис. 8. Доможиров Григорий Дмитриевич и Мясников Игорь Алексеевич. Шуя. Февраль 1940 г.

В справке от 27 февраля 1943 г. указано, что гвардии сержант Доможиров Г. Д. служит в 85-м Гвардейском гаубичном артиллерийском полку Резерва Главного Командования в качестве командира взвода управления. Полк был сформирован 16 августа 1942 г. и принимал участие в Сталинградской битве, Миусской операции. Именно там, 20 августа 1943 г., в боях на р. Миус он и погиб. Похоронен в четырех км юго-западнее Елизаветинска Куйбышевского р-на Ростовской обл.

Удостоен следующих наград:

– «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» помощник начальника взвода управления гв. ст. сержант Доможиров Григорий Дмитриевич награжден медалью «За отвагу», приказ командира воинской части 34465 № 9 от 21 июля 1943 г.;

– «За участие в героической обороне Сталинграда» гвардии старший сержант Доможиров Григорий Дмитриевич награжден медалью № 33067 «За оборону Сталинграда» приказом от 22 декабря 1942 г.

Медаль «За Сталинград» была вручена родным посмертно 26 февраля 1944 г. (рис. 9).

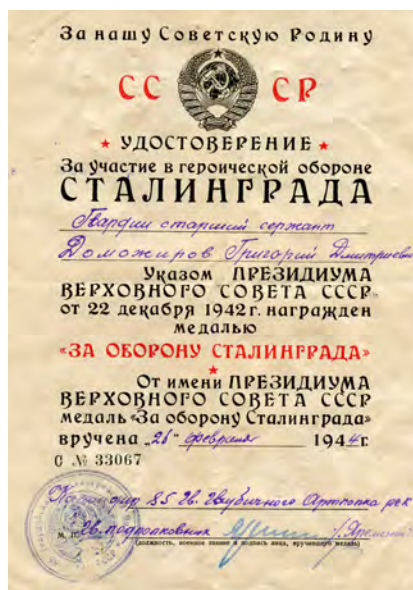

Рис. 9. Удостоверение о награждении Г. Д. Доможирова медалью «За оборону Сталинграда». Из архива Е. Л. Доможировой

Юрий Алексеевич Мясников (1918–1943?) химией не увлекался. В 1937 г. поступил учиться в Московский Авиационный институт, который окончил с отличием в августе 1942 г. по специальности инженера-экономиста по организации, планированию и снабжению авиационной промышленности. Получал он диплом в Алма-Ате, куда осенью 1941 г. институт был эвакуирован. Последнее сохранившееся письмо он написал сестре Татьяне 29.06.1942 г., в котором упоминает, что работает над дипломом и надеется вернуться в Москву в сентябре. После возвращения в Москву был призван в армию. Подразделение находилось в Бронницах. Там его навестили родители и сестра Татьяна.

Рис. 10. Юрий Алексеевич Мясников.
Из архива Е. Л. Доможировой

Больше никаких других документов о Юрии в семье Мясниковых не сохранилось, как и документов о высылке в Вологду, а затем в Швейцарию его отца. О Юрии Алексеевиче известно только, что погиб он зимой 1942–43 года, но на все запросы ответ был только один: место захоронения неизвестно (рис. 10).

Игорь Алексеевич Мясников (1918–2005) в 1937 г. сразу после окончания школы поступил на химический факультет МГУ. В 1941 г. окончил полный курс по специальности «физическая химия» и «решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 29 августа 1941 г. ему присвоена квалификация научного работника в области химических наук, преподавателя вуза, втуза и звание учителя средней школы». Он даже успел поступить на заочное отделение механико-математического отделения МГУ, но учиться уже не довелось. Был призван в ряды РККА в октябре 1941 г. Воевал в составе войск химической защиты и под Москвой и в составе Второго Белорусского фронта. Окончил войну в апреле 1946 г. в звании инженер-лейтенанта. Войну прошел без ранений, так как, по его словам, химиков в атаки бросали редко.

Удостоен следующих наград:

– медаль «За боевые заслуги», дата подвига 15.01.1945–03.05.1945, приказ подразделения №: 215/н от 16.05.1945;

– медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 09.05.1945;

– медаль «За освобождение Варшавы», 09.06.1945;

– 1985 г. Орден Отечественной войны II степени № 72.

После демобилизации поступил на работу в Физико-химический институт им. Карпова, где проработал всю жизнь, защитил в 1950 г. кандидатскую диссертацию, а в 1966 г. — докторскую. Умер в Москве 20 сентября 2005 г. [3].

В настоящее время школа № 110 после многочисленных реорганизаций стала школой № 2123, имеет испанский «уклон» и носит имя Мигеля Эрнандеса, испанского поэта-антифашиста, погибшего в 1942 г. во франкистской тюрьме.

У Дмитрия Сухарева есть стихотворение «У Никитских ворот»:

Напротив той церкви,
Где Пушкин венчался,
Мы снова застыли в строю.
Едим, как в то утро,
Глазами начальство,
Не смотрим на школу свою.
Отсюда, из сада,
Мы с песней, как надо,
Всем классом пошли под венец.
С невестой костлявой
На глине кровавой
Венчал нас навечно свинец.

Список источников и литературы

1. *Сутормин В.* По обе стороны Арбата или три дома Маргариты. М.: Издательство Центрполиграф, 2015. С. 290.
2. Архив и воспоминания семьи Доможировых.
3. Архив и воспоминания семьи Мясниковых.

Ничто не проходит

«Дела давно минувших дней»... А ничто и не минуло, все здесь, рядом с нами, и у Бога все живы! Сколько впечатлений, картин и картинок прошлой жизни пронеслось мимо — и не успел, и поленился все сразу записать... как же жаль... и имею ли вообще право писать что-либо...

Моя мама — Надежда Владимировна Евдокимова (1921–2005, историк-архивист), по отцу относится к роду **Жуковых** (дворянский род Черниговской губернии, третья ветвь, часть II родословной книги — военное дворянство, приобретенное чином военной службы); по матери — к роду **Кодзь** (Родословная книга Дворянского Депутатского Собрания Виленской губернии) [1, 5, 6, 10].

Дедушка — Владимир Яковлевич Жуков (1876–1950). Бабушка — Елена Станиславовна (1888–1961), урожденная Кодзь, по первому браку княгиня Максутова.

Рассказать сразу обо всех и обо всем довольно трудно за обилием информации — как чисто документальной, так и согласно семейным преданиям. Но все же...

В Российской империи известно множество дворянских родов по фамилии Жуковы. Среди них два рода Жуковых относятся к малороссийскому дворянству: потомки войскового товарища¹ Романа Жукова (XVIII век, герб Жуковский) и полтавского полковника Фёдора Жученко († 1709, герб Прус III) [12].

В начале XVII века в Малороссии был известен полковник Иван Жук, а впоследствии и его сыновья — Тимофей и Федор Жученки. Федор Иванович Жученко «еще перед войной Хмельницкого бывал с отцом своим полковником Иваном Жуком в хвалебных военных против татар оказиях» [7, 9]. В период с 1659 по 1691 годы (с перерывами) Федор Жученко являлся полтавским полковником²; грамотой царей

¹ Войсковые товарищи — привилегированная часть казачества в Гетманщине во второй половине XVII и в XVIII в., которая по социальному статусу приближалась к полковой старшине и оказывала значительное влияние на военные и государственные дела.

² Полтавский полк — военно-административная единица Войска Запорожского со столицей в Полтаве; основан в 1648 г., ликвидирован в 1775 г.

Рис. 1. Происхождение рода Жуковых

Иоанна и Петра, данной в 1690 г., был пожалован за его службы селом Жуки в Полтавском уезде (рис. 1).

Оставив службу, Жученко продолжал сохранять большое значение в рядах полтавского казачества, поколебленное только к концу гетманства Мазепы интригами Герцика³ и его зятя Орлика⁴.

Дочь Федора Жученки Любовь была замужем за генеральным судьей и генеральным писарем Василием Леонтьевичем Кочубеем (их дочь Матрена (Мотря) — известная крестница гетмана Мазепы). Другая дочь, Прасковья, была замужем за полковником полтавским Иваном Искрой [4–6, 9]. В июне 1708 г. Жученку пришлось перенести большое несчастье: оба его зятя, Кочубей и Искра, были казнены Мазепой. В декабре 1708 г. гетман И. И. Скоропадский подтвердил ему его маентности⁵ — село Жуки и слободу Никольскую, а в следующем году Жученко умер, оставив имения своим внукам.

Названные имена связаны с трагическими событиями Северной войны и изменой гетмана Мазепы: «Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня», — писал А. С. Пушкин о своей поэме «Полтава».

³ Павел Семёнович Гёрцик (? — 1700) — полтавский полковник Войска Запорожского в 1675–1677, 1683–1687, 1691–1695 гг., сподвижник гетмана Мазепы.

⁴ Филипп Степанович Орлик (1672–1742) — политический деятель Войска Запорожского, дипломат, ближайший соратник гетмана Мазепы

⁵ Маэнтность (устаревшее) — поместье, имение.

Любовь Федоровна Кочубей была, вероятно, женщиной с сильным характером и, по мнению ряда историков, именно она склоняла мужа к доносу на Мазепу. Пушкин изменил имя Матрёна на более благозвучное в XIX веке — Мария; однако на рубеже XVII–XVIII веков имя Матрёна было весьма популярно у малороссийских аристократов, происходя от латинского *matrona*⁶ — госпожа, и лишь впоследствии став простонародным. Переписка Мазепы с Матрёной частично сохранилась. Согласно семейному преданию, Матрёна сама сбежала из родительского дома к Мазепе, который, однако, сразу же возвратил

Рис. 2. Герб Жуковых

ее назад (вопреки иным расхожим мнениям, попавшим, с легкой руки Пушкина, и в историческую литературу, и в Интернет). Дальнейшая судьба Матрёны неизвестна, хотя в некоторых дореволюционных, а также новейших источниках ее называют снохой или даже женой генерального судьи В.Н. Чуйкевича или игуменьей Нежинского монастыря, очевидно, путая ее с сестрой Екатериной [2, 4].

«Храбрый полковник» (формулировка царской грамоты) Петр Жученко отличился в Полтавском сражении 1709 г., за что пожалован Петром I земельными угодьями. Царская грамота хранится в Полтавском историко-краеведческом музее, родовой ее экземпляр, видимо, утерян в первые годы советской власти.

Род Жуковых внесен во Вторую часть родословной книги Черниговского дворянства во второй половине XVIII в. «Герб Жуковых содержит в себе в красном поле часть луны, кое есть желтая, изображена вверх рогами, посредине оной меч, около рукоятя две звезды; в веру сего герба распущенный павлиний хвост, в коем также меч со звездами» [2] (рис. 2). В общем Гербовнике Российской Империи находится три герба разных фамилий Жуковых, но вышеописанный отсутствует, поскольку Гербовник не был завершен.

⁶ Матрёна (Матрона) — русское женское имя латинского происхождения, в переводе означающее «почтенная дама», «госпожа», «мать семьи», «матушка».

Рис. 3. Яков Федорович Жуков, 1910-е гг.

Рис. 4. Степан Данилович Нос

Первый в роду, носивший фамилию Жуковых (фамилия русифицирована по указу Екатерины II) — поручик Нежинского полка⁷, Григорий Карпович Жуков (1751–1828), служил с 1763 по 1794 гг., участвовал в русско-турецких войнах: в 1769 г. — в сражении у г. Бендеры, в 1773 г. — в Крыму. Последующие представители рода служили как по военной, так и по статской линиям.

Глава рода Жуковых на рубеже XIX–XX вв. — Яков Федорович Жуков (1830–1921, рис. 3), женат был на Евдокии Даниловне, урожденной Нос (1843–1909); не являясь националистом, он везде указывал фамилию свояков как Носовы; ее родной брат — Степан Данилович Нос⁸, известный малороссийский врач и фольклорист (рис. 4) [11].

⁷ Нежинский полк — административная и военная единица Запорожского войска (Гетманщины) России, со столицей полка в городе Нежин (с 1648).

⁸ Степан Данилович Нос (1829–1900) — украинский фольклорист, этнограф, врач, политический деятель националистического толка; подвергался административным репрессиям, около года просидел в Петропавловской крепости, был выслан на север, в город Белозерск, где пробыл до июля 1872 г., когда получил разрешение вернуться домой.

Рис. 5. Усадьба Жуковых в Конотопе

В большом семействе Жуковых было всего два сына и много дочерей. Усадьба (рис. 5) в Конотопе находилась напротив усадьбы генерала Драгомирова⁹ (дружили семьями).

В XX столетии в Русской Императорской Армии служили два представителя рода — братья Степан и Владимир Яковлевичи Жуковы (рис. 6, 7). Степан Яковлевич как старший сын для своих родителей олицетворял надежду на блестящую военную карьеру, однако был вынужден уйти из армии вследствие своей женитьбы по большой любви на красавице Елизавете Гавриловне, дочке священника, что сильно травмировало родителей. Евдокия Даниловна, вероятно, будучи женщиной сильного характера, хотела лишить Степана и его потомство наследства и даже проклясть их. Постоянно живя в провинции, она, однако, являлась женщиной глубокого ума и широкого кругозора и часто говорила младшему сыну примерно следующее: «Страшно, как же будут жить мои внуки и правнуки? Ведь вокруг ужас что делается!». Сын же в тот момент не особо воспринимал слова матери и только

⁹ Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) — крупнейший военный теоретик Российской империи второй половины XIX в., генерал-адъютант, генерал от инфантерии, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (с 1898).

Рис. 6. Слева направо: В. Я. Жуков, Я. Ф. Жуков, С. Я. Жуков

Рис. 7. Слева направо — С. Я. Жуков, Я. Ф. Жуков, В. Я. Жуков

Рис. 8. Полтавский кадетский корпус, В. Я. Жуков
в среднем ряду крайний слева

впоследствии осознал верность ее наблюдений. Слова прабабушки Евдокии Даниловны часто вспоминаются и мне теперь...

Владимир Яковлевич Жуков успешно закончил Полтавский кадетский корпус (1888–1894, рис. 8), юнкерское Константиновское артиллерийское училище (Петербург, 1896 г., портупей-юнкер, выпущен подпоручиком с назначением в Севастополь в 13-ю артиллерийскую бригаду). Выбор именно артиллерийского училища основывался на ходившей среди военных того времени поговорке: «дурак идет в кавалерию, щеголь — в пехоту, умница — в артиллерию». Академию Генерального Штаба (1903–1906 гг.) Владимир Яковлевич закончил по первому разряду с причислением к Генеральному Штабу (рис. 9). Служа в Генеральном Штабе, одновременно преподавал в военно-учебных заведениях.

Владимир Яковлевич весь смысл жизни видел в военной службе и по приезде в отпуск к родителям всегда весьма неохотно соглашался сопровождать отца осматривать мельницу, сельскохозяйственные угодья, сады и прочие объекты, считая это неинтересным и ненужным для себя, а получив свою долю земельного наследства, продал все старшей сестре Зиновии Яковлевне, жене крупного малороссийского помещика Галайбы.

Рис. 9. Выпуск Академии Генштаба 1906 года, В. Я. Жуков во втором ряду сверху, четвертый справа

Следует отметить уровень военного образования в Российской империи — в кадетском корпусе и в юнкерском училище обучали практически всему жизненно необходимому. Так, дедушка в любой ситуации мог из подручного материала смастерить любой предмет мебели — от стула до шкафа, поскольку этому его учили с детства. С другой стороны — кадеты часто недоедали, а молочные продукты вообще видели довольно редко, в то время как у руководителей кадетского корпуса появлялись новые доходные дома. Нелюбовь кадетов к начальству выразилась, в частности, в эпиграмме на начальника корпуса, автор которой был из корпуса исключен.

Были «шалости» и похуже — на обязательной исповеди у священника один из мальчиков заявил, что грехов не имеет: остроумный батюшка велел принести и зажечь свечи — у нас тут святой объявился! Хуже было, когда кадеты на пороге церкви мелом писали «число антихриста», и священник, не желая при входе его переступить, всегда посылал за тряпкой, чтобы стерли.

Степан Яковлевич также окончил Полтавский корпус. Родителям было однажды сообщено на их усмотрение — совершившего очередное хулиганство кадета исключить или пороть. Ответ предугадать было несложно.

Рис. 10. В. Я. Жуков с солдатами

Уже во время военной службы, находясь в отпуске у родителей в Конотопе, произошел характерный случай: дедушка зашел в один из местных магазинов, где за кассой сидела девушка поразительной красоты, не посмотреть на которую молодой человек, естественно, не мог. Хозяин лавки, увидев внимание офицера, сразу же перешел к делу: «Женитесь, господин офицер, это моя дочь! Приданое — ровно миллион!». Чтобы не загубить карьеру, дедушка впоследствии даже по той улице не ходил...

Дедушка ушел из жизни за три года до моего появления на свет. Но я всегда слушал его рассказы в мамином изложении, и они оставили глубокий след в моей душе.

На рис. 10–12 — В. Я. Жуков с солдатами и офицерами-сослуживцами.

В 1907 г. Владимир Яковлевич женился на Александре Викторовне Плец, дочери генерала, управляющего царским имением в Ливадии при Александре III. Генерал В. Плец погиб, провалившись между царским пароходом и пристанью — матросы, вероятно, плохо закрепили сходни (?). Считали, что первым пойдет император (!), но пошел генерал... через несколько дней после этого умерший. Александр III дал указание: «имением управлять жене его», что и было исполнено.

Рис. 11. С сослуживцами,
В. Я. Жуков во втором ряду снизу, пятый слева

Рис. 12. В. Я. Жуков с сослуживцами

В. Я. Жуков в начале XX века служил в Крыму и, естественно, посещал высшее общество, где и познакомился с дочерьми покойного генерала — Александрой и младшей Евгенией. С последней он подружился, но она была еще несовершеннолетней и о женитьбе пока речи не было. Случилось непредвиденное — во время прогулки по горной дороге в экипаже лошади внезапно понесли, и Владимира Яковлевича выбросило из экипажа на дорогу, остальные не пострадали; Александра Викторовна целый месяц не отходила от его постели, ухаживая, после чего ей было сделано предложение. До сих пор у меня в библиотеке есть карманное Евангелие с карандашной пометкой «Е. Плещ», видимо подаренное или случайно оставшееся у бабушки. Отдельные места в нем подчеркнуты карандашом — выделены ее мысли, наверное... такая история...

После поражения и эвакуации войск генерала П. Н. Врангеля из Крыма Александра Викторовна вместе с матерью, братом Константином и сестрой Евгенией уехала во Францию. Связь с ними прервалась.

С 01.05.1913 В. Я. Жуков служил в Главном управлении Генштаба (ГУГШ, рис. 13, 14) занимая должности помощника Начальника Отделения и помощника Обер-Квартимейстера Отдела Генерал-Квартирмейстера. Работал по общим вопросам обороны государства,

Рис. 13. В. Я. Жуков в кабинете ГУГШ, Великая Война

Рис. 14. В. Я. Жуков в парадной форме полковника ГУГШ

принимал непосредственное участие в разработке «Положения о полевом управлении войск в военное время» (издание 1914 г.) и затем в течение всей Великой войны давал от ГУГШ указания и разъяснения о применении его в действующей армии.

Характеризуя тогдашнее высшее общество, дедушка всегда подчеркивал: «наряду с порядочными людьми, сколько же было всякой дряни и сволочи». Вспоминали интересное фото, на котором Александра Викторовна кормит печеньем лебедей на пруду в Ливадийском парке, а блюдо с печеньем перед ней держит император. Фото это, вызывавшее, разумеется, нехорошие сплетни в высшем обществе, было в годы революции спрятано на чердаке одного из домов в Рославле (где жила сестра дедушки Ольга

Яковлевна, жена иерея Сергия Неклепаева) и, естественно, так там и осталось навсегда. Мама со своей двоюродной сестрой Серафимой Сергеевной Емельяновой (урожденной Неклепаевой) в 1960–1970-е годы все собирались туда съездить (дом, по слухам, был еще цел), да так и не собрались...

Говоря о **Г. Е. Распутине**, дедушка отмечал: полно всяческой клеветы, исходившей исключительно от высшей аристократии, ревновавшей «простого мужика» к царю. Аристократия же эта, начиная с великих князей, царю и изменила, в отличие от мужиков. Сплетни распространялись на каждом шагу. Небольшой диалог на Невском:

— Владимир Яковлевич, вы слышали вчера, что Распутин сотворил в таком-то ресторане?

— Распутина уже две недели как нет в Петрограде, я это точно знаю — ему билет домой заказывали через Генштаб.

— Ах, вот как...

Владимир Яковлевич отмечал сильную усталость и военных, и общества к концу Великой войны — «хоть скорее бы конец». Конец этот не заставил себя ждать...

Вспоминая общение с императором, дедушка говорил о великолепном перстне с черным бриллиантом у него на руке. Во время торжественного выпуска офицеров, окончивших Академию Генерального Штаба в 1906 г., император стоял перед строем как-раз напротив В. Я. Жукова, и солнечные блики от бриллианта слепили глаза, а отодвинуться было невозможно. Мама потом иногда с горькой иронией замечала: «Интересно, где теперь черный бриллиант?». Я «утешал» ее: «Материя не исчезает».

Степан Яковлевич Жуков впоследствии служил воспитателем в кадетском корпусе и лишь с началом Великой войны в 1914 г. пошел в армию, хотя имел возможность служить и в тылу как отец большого семейства; от содействия в этом младшего брата, Владимира Яковлевича, к тому времени служившего в Главном управлении Генерального Штаба РИА, он демонстративно отказался. Скончался Степан Яковлевич в 1916 г. в военном госпитале, видимо в результате онкологического заболевания. Согласно семейному преданию, заболевание было вызвано тяжелыми фронтовыми условиями, к тому же он спал всегда на земле вместе с солдатами; однако даже смертельно больной, он устроил в госпитале любительский спектакль с участием раненых и сестер милосердия. Его дети — юнкера Александр и Георгий Жуковы, во время Гражданской войны сражались в Добровольческой Армии А. И. Деникина. Александр, попав в плен, был замучен большевиками, Георгий скончался в Феодосии от тифа. Их младший брат Борис вместе с Харьковским кадетским корпусом эмигрировал в Сербию, где в 1924 г. в Белграде окончил Крымский кадетский корпус. С родными состоял в переписке в 1920-х годах, затем связь с ним прервалась. Как стало известно, еще в 1984 г. он присутствовал на традиционной встрече бывших кадетов в Париже, но на очередную встречу в 1991 г. уже не приехал. Другой брат, старший — Евгений Степанович Жуков, студент Харьковского медицинского института, в 1918 г. был призван в РККА, в период Великой Отечественной войны вступил в ВКП(б), скончался в 1967 г.

Кроме уже названных родов, род Жуковых также состоит в близком родстве или свойстве с дворянскими родами: Ванновскими (военный министр при Александре III, а затем министр просвещения при Николае II П. С. Ванновский), Ершовыми — П. П. Ершов, автор «Конька-Горбунка», Галайба, Морозовыми, Боголюбовыми, Берг.

Согласно семейному преданию, в 1915 г. главой рода Яковом Федоровичем Жуковым в Герольдию Правительствующего Сената были поданы прошение и соответствующие документы о пожаловании

Рис. 15. Герб Кодзь

(рис. 15). Франц Кодзь погиб на медвежьей охоте во второй половине XIX в.; его сыновья — Венедикт, Станислав и Константин. С. Ф. Кодзь (рис. 16), блестящий кавалер, великолепно танцевавший, женился на Раисе Антоновне Боголюбовой (рис. 17), дочери крупного чиновника почтового ведомства и его жены Елизаветы Павловны Боголюбовой, вероятно, урожденной Ершовой, младшей сестры Петра Павловича Ершова¹¹. Документальных свидетельств последнего не сохранилось, но косвенные факты прямо на это указывают. Елизавета Павловна родилась в Тобольске, ее родители были дружны с семьей отца Дмитрия Ивановича Менделеева (как и Ершovy), внешнее сходство (рис. 18, 19¹²); Д. И. Менделеев в бытность свою в Москве всегда снимал на лето дачу

¹⁰ Польск. *Moznowladstwo*, от *mozny* — могущественный, введенное в польскую историографию И. Лелевелем определение политического господства крупных феодалов (можновладцев); в современной науке термин употребляется как собирательное обозначение крупных польских феодалов (магнатов).

¹¹ Петр Павлович Ершов (1815–1869) — русский поэт, прозаик, драматург, автор сказки в стихах «Конек-горбунок», ставшей классикой русской литературы.

¹² Прижизненный портрет Петра Павловича Ершова работы художника Николая Маджи (конец 1850-х), считающийся самым достоверным изображением автора «Конька-горбунка».

роду, как насчитывающему более двухсот лет и постоянно служившему Престолу, графского титула. Историки-архивисты считают, однако, такой случай беспрецедентным.

Яков Федорович скончался в годы Гражданской войны после «визита» в его усадьбу вооруженных «товарищей» в кожаных куртках, которым он в ответ на слова «Ты, дед, здесь один много места занимаешь», бросил в лицо: «Мерзавцы, вон из моего дома!».

Род **Кодзь** принадлежит к можновладству¹⁰ Речи Посполитой. Характер фамилии в значительной степени указывает на более литовское, чем польское происхождение

Рис. 16. Станислав Францевич Кодзь

Рис. 17. Раиса Антоновна Кодзь
(урожденная Боголюбова)

Рис. 18. Елизавета Павловна
Боголюбова

Рис. 19. Петр Павлович Ершов

именно у Боголюбовых в Лосиноостровске¹³ (сохранился письменный стол, за которым он работал).

У Боголюбовых было три дочери: Раиса, Антонина и Евгения. Красавица Раиса Антоновна блистала в свете; суровая мать не хотела ее выдавать за поляка, да к тому же еще и католика, но узнав про огромные поместья в Литве и вагоноремонтные заводы в Польше, согласилась. Остальные дочери были выданы, к ее огорчению, за «податное сословие» — не дворян: потомственный почетный гражданин Николай Виноградов (Антонина) и Эдуард Эразмович Тъери (Евгения, мать художника Е. Э. Тъери¹⁴). Елизавета Павловна была сильной личностью с весьма характерными чертами русской помещицы и умерла как раз вовремя — в 1916 г.

Раиса Антоновна умерла в 1888 г. через две недели после рождения младшей дочери — Елены Станиславовны. Станислав Францевич, не выдержав конкуренции, разорился, потеряв заводы и, женившись второй раз (чтобы дети имели мать), был вынужден работать машинистом на железной дороге — принадлежа к «рабочей аристократии», он водил товарные поезда (там больше платили) всегда в белых перчатках. В результате аварии на Николаевской железной дороге (нынешняя Октябрьская), где под откос сорвались два вагона, был отдан под суд, но оправдан. Все это сильно подорвало его здоровье. Дети остались сиротами с мачехой — прекрасной женщиной, полькой Франциской Ивановной (рис. 20). Усадьба Станислава Францевича Кодзь в Клину находилась рядом с домом П. И. Чайковского. Бабушка по отрывочным воспоминаниям детства рассказывала, как все говорили о шуме ветра в плюще на террасе дома Чайковского, который помогал ему

¹³ Поселок Лосиноостровский возник в 1898 г., когда удельное ведомство, которому принадлежала земля по обеим сторонам Ярославской железной дороги, разбило ее на участки и организовало их продажу; близость к Москве и лесистая местность привлекли много жителей; поселок быстро застроился дачами, многие из которых были приспособлены под зимнее жилье (бабушка вспоминала об огромном количестве грибов).

¹⁴ Евгений Эдуардович Тъери (1909–1935) — начиная с 1927 г. принимал участие в выставках молодых художников в Москве; жизнь талантливого мастера трагически оборвалась в 26 лет — за две недели до открытия своей первой персональной выставки Евгений во время тренировки на катке до крови натер ногу, что привело к заражению крови и смерти. На протяжении 70 с лишним лет имя живописца было незаслуженно забыто и вычеркнуто из истории русского искусства; с 2009 г. его работы находятся в Галерее Леонида Шишкина.

Рис. 20. Франциска Ивановна с падчерицами Антониной (слева) и Еленой

Рис. 21. «Бабуня»,
вдова Франца Кодзь

писать музыку. Детей-сирот взяла на воспитание бабушка — Елизавета Павловна Боголюбова, фактически отобрав у мачехи, пользуясь связями в высшем обществе (на детей-сирот полагалась государственная пенсия до их совершеннолетия).

Венедикт Францевич, овдовев, не женился второй раз, чтобы оставить наследство сиротам (имения Малиновщизна (под Вильно) и второе под Друскéниками (лит. Дрúскининкай)). Жена погибшего Франца — «Бабуня» (рис. 21), чтобы быть поближе к внукам-сиротам, переехала в Москву и жила в богадельне князей Куракиных на Новобасманной, где уже при советской власти жила и наша семья — мир тесен.

Елена Станиславовна закончила Елисаветинскую гимназию в Москве, где до замужества оставалась служить в качестве классной дамы и преподавательницы (рис. 22). До 1917 г., кроме службы, только веселье, только балы и смена туалетов. По словам бабушки, жизни ее было только 28 лет, остальное — выживание. Резкое изменение внешности (как и у дедушки) видно по дореволюционным и советским фото (рис. 23–27). Дедушка вспоминал потом: офицеры Генштаба обычно обедали в петербургском ресторане «Астория».

Рис. 22. Елисаветинская женская гимназия.
Е. С. Кодзь – в белом, сидит в центре

Рис. 23. Елена Станиславовна Кодзь

Рис. 24. Е. С. Кодзь с Евгением
Тъери, 1910

Рис. 25. В. Я. Жуков, Н. В. Жукова, Е. С. Жукова, 18.08.1922

Рис. 26. Семья Жуковых на даче в Ильинском, Казанской ж/д, август 1934

Рис. 27. В. Я. Жуков до и после 1917 г.

Однажды в зал вошел полковник князь Владимир Петрович Максудов¹⁵ с женой, молодой и очень красивой дамой, — так произошла первая встреча моих бабушки и дедушки. Фото документа — приказ по ГУГШ, весьма яркое совпадение, рядом стоят имена первого и второго мужей моей бабушки, соответственно князя В. П. Максудова и В. Я. Жукова (рис. 28–30).

Князь Максудов (1870–18.07.1917, рис. 31, 32) в начале XX в. служил в российском военном атташате в Париже, затем — в Генштабе помощником столоначальника ГУГШ (1905), исполняющим дела журналиста ГУГШ (1910), затем в отделе генерал-квартирмейстера. Одновременно с военной деятельностью Владимир Петрович известен как историк-востоковед, автор многотомной «Истории Древнего Востока»¹⁶, состоял сотрудником «Военной энциклопедии» И. Д. Сытина¹⁷, в газете «Русский инвалид»¹⁸ опубликовал ряд статей об упорядочении положения современной военной агентуры под общим заголовком «За кулисами военного дела» (1906–1911).

Кроме того, князь являлся видным членом теософского общества (вещь, увы, весьма распространенная тогда среди аристократии), его интереснейшие доклады по этой тематике всегда вызывали неизменный интерес и восторг (особенно у дам). Как теософ, князь заранее правильно определил свою собственную смерть в 1917 г. и гибель государства, однако в последнем случае ошибся на целое столетие. Полагая почетной гибель на фронте, он в период Великой войны определился на Кавказский фронт (когда его друг адмирал А. В. Колчак стал командующим Черноморским флотом). Вдове погибшего на фронте полагалась большая пенсия, и он хотел обеспечить жену, которая бесстрашно отправилась на фронт вместе с ним. В действующую армию плыли по Черному морю на миноносце. Колчак некоторое время лично сопровождал их (сохранились две походные военные кровати, на одной из которых ночевал вице-адмирал). Бабушка благоговела перед Колчаком с самого первого их знакомства, по ее словам — не могла при нем и слова произнести, такой он был умный и отважный!

¹⁵ Максудовы — княжеский род татарского происхождения, происходящий от касимовского князя Максута (ск. 1554), названного в родословной легенде уланом (тюрк. «храбрый воин»).

¹⁶ *Максудов В. П.* История Древнего Востока. СПб., 1905.

¹⁷ Иван Дмитриевич Сынтин (1851–1934) — русский предприниматель, книгоиздатель и просветитель, основатель первого издательства литературы массовыми тиражами.

¹⁸ «Русский инвалид» — издававшаяся в Петербурге официальная газета Военного министерства (1862–1917).

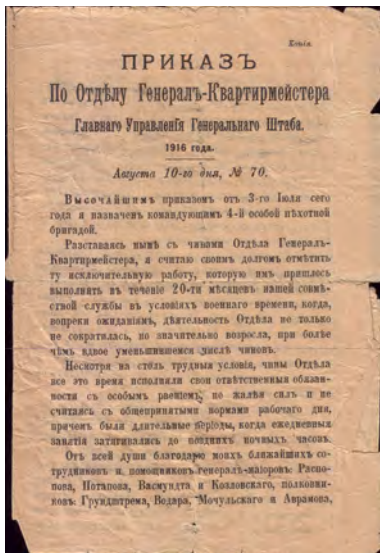

Рис. 28

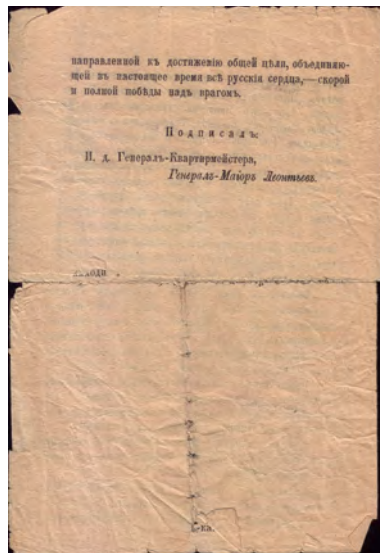

Рис. 30

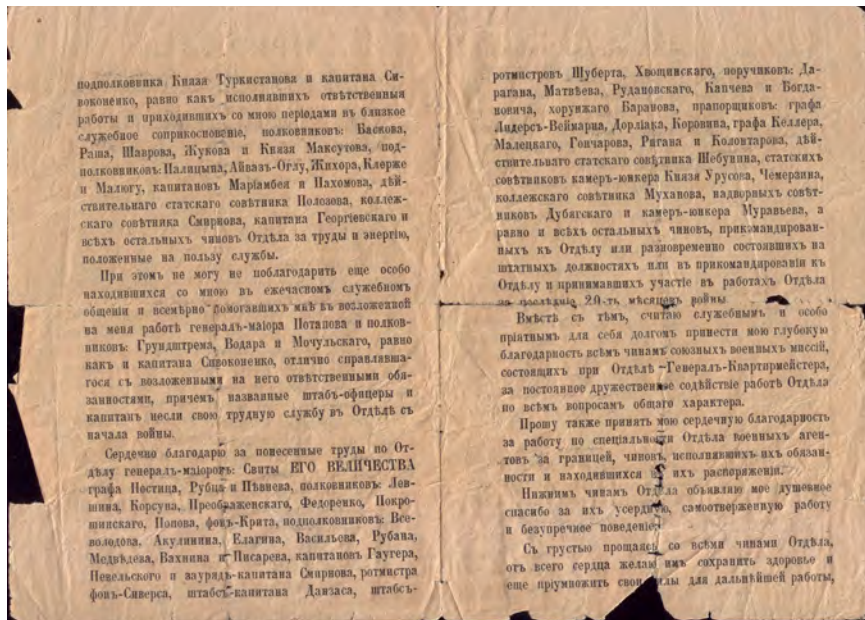

Рис. 29

Рис. 28–30. Приказ по ГУГШ

Рис. 31. Князь Владимир Петрович Максутов, княгиня Елена Станиславовна Максутова

Рис. 32. Князь Владимир Петрович Максутов перед отбытием на фронт, 1916

Запомнилась ночь на корабле, которую Елена Станиславовна по молодости спокойно проспала в каюте, но утром за завтраком увидела, что у капитана поседело ровно полголовы: «На одном котле еле-еле доползли, немецкая субмарина всю ночь атаковала, насилиу отбились».

На Кавказском фронте В. П. Максутов служил в 492-м Барнаульском пехотном полку командиром 2-го пехотного батальона (местечко Эллеу — Трапезунд).

Уже на суше княгине был дан ординарец для мелких услуг, высокий красивый парень Константин. Наивный матрос решил поделиться с барыней о событиях на флоте. Произошел разговор примерно следующего свойства:

— Виноват-с, Ваше сиятельство, тут у нас, у матросов, сходка была, приезжий какой-то говорил, что мы, дескать, не должны господам служить. Вот я все и думаю... как это?

— Ну, голубчик, что я тебе могу сказать, ты это должен по начальству доложить, что у вас там происходит, так лучше будет.

— Виноват-с, виноват-с ...

Неловко повернувшись, от смущения опрокинул вазу с этажерки. Несколько дней Константин ходил хмурый и задумчивый — мучили умы людям. Когда через некоторое время княгиня спросила у него:

— Ну как там дела с вашей сходкой? — матрос отвечал растерянно:
— Да я забыл уже...

Неудивительно, что после февраля 1917 г. армия так быстро разложилась.

Узнав в 1920 г. о гибели Колчака, бабушка много плакала и до конца не верила, что его расстреляли: «Он мог только застрелиться».

Князь Максutow умер 18.07.1917 на Кавказском фронте в местечке Эллеу от кишечного заболевания. Гроб с его телом бабушка доставила в Москву (похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище 31.07.1917); после октябрьских событий 1917 г. она отказалась уехать из России, мотивируя тем, что здесь могила ее мужа.

Род князей Максutowых известен с XVI в. Согласно семейному преданию, Екатерина II в наставлениях пензенскому губернатору рекомендовала: «князя Максюту бойся и выказывай ему всяческое уважение». Имение наиболее известной ветви рода находилось в Пензенской губернии, недалеко от Тархан — имения бабушки М. Ю. Лермонтова Е. А. Арсеньевой. Маленькие князья Максutowы Николай и Петр были товарищами детства поэта. Впервые эти имена появляются в биографии М. Ю. Лермонтова, написанной П. А. Висковатовым и опубликованной в 1891 г.: «Желая создать для Мишеля вполне подходящую обстановку, было решено обучать его вместе со сверстниками, с коими он делил бы тоже и часы досуга. Кроме Акима Шан-Гирея, в Тарханах года два воспитывались и двоюродные его братья со стороны отца: Николай и Михаил Пожогоины-Отрашкевичи, два брата Юрьевы, временно князья Николай и Петр Максutowы и другие. Одно время в Тарханах жило десять мальчиков. Елизавета Алексеевна не щадила средств для воспитания внука. Оно обходилось ей до десяти тысяч рублей ассигнациями»¹⁹. Князь Владимир Петрович очень трепетно относился к поэзии Лермонтова и даже весьма остроумно цитировал его произведения в своих исторических трудах по Древнему Востоку.

Елена Станиславовна была очень дружна с двоюродным братом мужа — князем Дмитрием Дмитриевичем Максutowым (1870–1952, светское прозвище Уся, рис. 33), сыном последнего правителя «Русской Америки» Д. П. Максutowа. Дмитрий Дмитриевич — профессиональный моряк, «очень отважный», плававший по всему миру, по

¹⁹ Тарханы. Государственный Лермонтовский музей-заповедник [Электронный ресурс]. URL: http://tarhany.ru/lermontov/chembarskoe_okruzhenie_m_ju_lermontova/knjazja_maksutovi (дата обращения: 11.01.2021).

Рис. 33. Князь Дмитрий Дмитриевич Максutow и княгиня Елена Станиславовна Максutowа, Батуми, 27.04.1917, 7 часов вечера

словам бабушки. После 1917 г. он жил в США, где в качестве капитана плавал на коммерческих судах; в 1920-х гг. неоднократно писал в Москву к общим знакомым, пытаюсь разыскать бабушку: «Жива ли она, или большевики и ее убили?». В силу понятных причин, по просьбе бабушки ему был послан ответ, что ее уже нет в живых. В США жили сын и внук Д. Д. Максutowа; последний — священник Дмитрий Александров [8].

Вспоминая самое первое время в Москве после событий 1917 г., бабушка говорила — в качестве «пережитков проклятого прошлого» из окон одного дома по Садово-Черногрязской улице выбрасывали ванны и унитазы (бабушка жила неподалеку, в Уланском переулке); спустя некоторое время «товарищи» разобрались, что упомянутые вещи пригождаются в быту. Поскольку

транспорт на короткое время стал бесплатным, на работу приходилось ходить пешком — на трамваях ехали все те же «товарищи» (бабушка работала машинисткой).

В последующей биографии В. Я. Жукова фото документов (рис. 34–40) говорят сами за себя. 01.04.1918 ГУГШ было эвакуировано из Петрограда в Москву. По реорганизации ГУГШ во Всероссийский Главный Штаб дедушка продолжал службу в последнем, принимая участие в переработке «Положения о полевом управлении войск в военное время» «в связи с новым государственным устройством».

В 1918 г. арестован в Москве, приговорен к расстрелу. 01.10.1918 как «военспец» отправлен на Восточный фронт на должность начальника Разведывательного Отдела штаба 3-й армии. Положение было ужасным — допрашивать своих же, попавших в плен. Приходя на службу, дедушка видел коллег по разведке, таких же «военспецов», застрелившихся на рабочем месте — нервы не выдерживали.

Рис. 34. В. Я. Жуков, удостоверение об эвакуации из Петрограда, 1918 г.

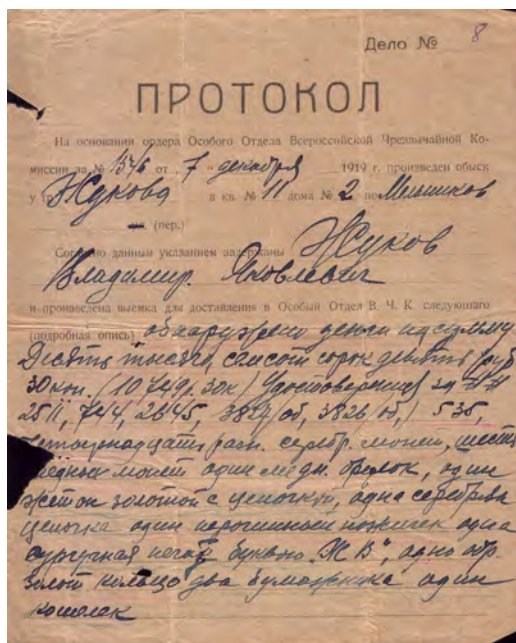

Рис. 35. В. Я. Жуков, протокол обыска от 07.12.1919

Рис. 36. В. Я. Жуков, освобождение из-под ареста, 11.03. 1920

Рис. 37. В. Я. Жуков, освобождение из-под ареста, 13.04.1920

СПРАВКА

Об службе помощника Начальника 1-го Отдела Управления военно-учебных заведений ГУРЦИК и У.К.В.В. Владимир Жуковича.

С 1-го мая 1918 года по 1-е апреля 1919 г. я состоял на службе в Гимназии Императора НИИТАБА, занима должность Помощника Начальника Отдела школ, Начальника Отдела школ и Инспектора Обер-инспектора Отдела Генерал-Кавалерийского. Работал по общим вопросам обороны государства.

Принимая непосредственное участие в разработке "Положения о порядке управления школ в военные время, изд. 1914 г. и в законных актах войны 1914-1918 годов. Велел от Г.Ир.Ген.Школы участвовать в рев. комиссии по применению его в действующей армии 1-го апреля 1918 г. Г.Ир.Ген.Школы было эвакуировано из Ленинграда в Москву и по рев. назначению Г.У.Г.И. из Новороссийск Г.Ир.Ген.Школы продолжал службу в настоящее время, принимал участие в разработке законопроекта "Положения" в соответствии с указом государственными учреждениями.

1-го октября 1918 года получил назначение в действующую армию на фронтный фронт, где был назначен на должность Начальником Учебного Отдела Штаба 111-й армии.

1-го мая 1919 г. эвакуированный по болезни в броню, начал службу безработным по военно-учебному ведомству, занимая должность помощника Начальника Учебного Отдела в Московском ЦУБЗ"ч, Инспектора ЦУБЗ"ч, Начальника Вспомогательной школы инвалидов, Начальника Учебного Отдела ЦУБЗ"ч и вице-инспектору комиссии.

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА 1 ОТДЕЛА УЧЕБ"Ч

В. Я. Жуков

1/4 * декабря 1926 года.
Г. Москва.

Рис. 38. Справка о службе В. Я. Жукова, 1926

Москва

ХАРАКТЕРИСТИКА

на ст. преподавателя ВУЧУОК Капитан Московского Ордена Ленина С.А. Андрияш чл. Ц.К.Т.Ш.Р.С.С.

полковник ВУЧУОК, Владимир Жукович

г. ВУЧУОК, как участник дукского партизанского движения с первых дней Октябрьской революции в Российской Федерации, принимая на себя в первую очередь участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

г. ВУЧУОК на протяжении своей военной службы в Московском Ордена Ленина С.А. Андрияш чл. Ц.К.Т.Ш.Р.С.С. принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

По времени Октябрьской революции 1917 г. г. ВУЧУОК начал свою деятельность в Московском Ордена Ленина С.А. Андрияш чл. Ц.К.Т.Ш.Р.С.С. принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

Несколько лет в Москве в Московском Ордена Ленина С.А. Андрияш чл. Ц.К.Т.Ш.Р.С.С. принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

С марта месяца 1944 г. г. ВУЧУОК работает ст. преподавателем ВУЧУОК в Московском Ордена Ленина С.А. Андрияш чл. Ц.К.Т.Ш.Р.С.С. принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

После окончания в общей сложности имеет образование, Первую Ленинскую Ордена и Социалистического Труда, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

В настоящее время работает в должности преподавателя в ВУЧУОК, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

В настоящее время работает в должности преподавателя в ВУЧУОК, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

В настоящее время работает в должности преподавателя в ВУЧУОК, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени, принимая участие в развитии культуры и просвещения в условиях военного времени.

РАЙОННЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ УЧЕБНИК /

10 мая 1945 г.
С. Подпись: [подпись]
С. Подпись: [подпись]
Печать: Моск. Ордена Ленина С.А. Андрияш чл. Ц.К.Т.Ш.Р.С.С. /

Рис. 39. Характеристика В. Я. Жукова, 1945

АВТОБИОГРАФИЯ.

Научного работника ЖУКОВА В.Я.

Родился я в 1876 г. в трудовой семье в г.Коптево Черниговской губ. Отец — служащий, мать — домохозяйка.

Десять лет я поступил по конкурсному экзамену в Полтавский кадетский корпус. Учился в корпусе хорошо и получил право поступить в артиллерийское училище; последнее я окончил в 1895 г. поручиком — инженером и был произведен в подпоручики с назначением на шт., в Советскую, в Новое артиллерийское бригаду.

В 1903 г. по конкурсному экзамену я поступил в Академию Генерального штаба, которую окончил на 1-му разряде с присвоением в Генеральному штабу в 1906 г.

Служа в Генеральном штабе, я одновременно преподавал в Военно-Учебном Заведении.

Во время революции я служил в Главном Управлении Генерального штаба в Петрограде, 1-го апреля 1918 года ГПУ Советской власти было эвакуировано в Москву.

Весною я был командирован на восточный фронт гражданской войны в штаб 3-й армии. Я был назначен Нач-ком Разведывательного Штаба.

На фронте в связи с протомжением военной службы мое здоровье сильно пошатнулось и вследствие быстро прогрессирующей болезни сердца, осложненной перенесенным сыпным тифом, я был эвакуирован в Москву.

По возвращении с фронта я получил назначение по полному моему желанию командиром на Высские военные курсы.

Служу на должности Инспектора Главного Управления Военно-учебных заведений, Нач-ком Учебного Отдела ВУЗ г.Москвы, Нач-ком Высшей школы Инженеров и Нач-ком Центральн. курсов для старшего состава РККА, я совмещал административные должности с преподавательской деятельностью по военным дисциплинам.

В течение пяти лет с 1920—31 года я служил для особых поручений в Научно-Уставном Отделе Штаба РККА.

С 1927 года я преподавал, согласно приказу по военному ведомству, как основатель Военного Академии, в высших трехклассных учебных заведениях: в Институте Инж. Вост. Штаба, Институте Восточной войны, в Москов. Инж. Институте Инжен. Научн., в Институте Народного Хозяйства им. Плеханова и в это же время в с/х Академии им. Тимирязева.

/В. ЖУКОВ/.

« Сентябрь 1946г.

Рис. 40. Автобиография В. Я. Жукова, 1946

Не уходили мысли о переходе линии фронта, туда, к своим. Только крепкая искренняя вера помогла тогда выжить при неизбежном расстройстве здоровья: 01.07.1919 эвакуирован с фронта по болезни (быстро прогрессирующая болезнь сердца, осложненная перенесенным сыпным тифом), назначен инспектором Главного Управления ВУЗ республики и по совместительству последовательно: начальником Высших курсов усовершенствования старшего комсостава, артиллерийских курсов, Высшей военной школы маскировки и Научно-учебного отдела ВУЗ Московского военного округа.

В 1920 г. — повторный арест и снова освобождение 11.03.1920 «за отсутствием состава преступления».

Впоследствии в течение 15 лет занимал ответственные должности высшего комсостава, связанные с педагогической работой. В 1926–1931 гг. служил в Научно-Уставном Отделе Штаба РККА, работая также в Военно-Исторической Комиссии.

С 1927 г. В. Я. Жуков преподавал на военных кафедрах различных вузов Москвы; с 1938 по 1941 г. также состоял научным

консультантом в Центральном Военно-Историческом архиве (ЦВИА), находящимся в сети учреждений НКВД. Научные труды В. Я. Жукова связаны с его служебной деятельностью: «Операция 4-й русской армии в Галиции в 1914 г.», «Мобилизация и стратегическое сосредоточение и развертывание русской армии в мировую войну 1914–1918 гг.», «Установление позиционного фронта в 1915 г.», «Действие сторон в Прибалтике в 1914–1918 гг.». Указанные труды были исполнены по заданию Генерального штаба Красной армии для ЦВИА.

Кроме того, к научным трудам В. Я. Жукова относится (литературный псевдоним ВЯЖ):

- составление схем по организации полевого управления русских войск в войну 1914–1918 гг.;
- составление научных справок, служивших основанием для работы картотеки ЦВИА;
- составление справок по материалам ЦВИА, касающихся различных вопросов, относящихся к организации, воспитанию и обучению старой русской армии.

В. Я. Жуков принимал участие в работах Большой Советской Энциклопедии, рецензировал труды крупных военных авторов. За научные труды в области военной науки В. Я. Жукову присвоено ученое звание доцента (ВКВШ при СНК СССР, 13.03.1943); последнее звание в РККА — комдив (генерал-лейтенант, рис. 41–46).

Отрывочные воспоминания из советской эпохи, слышанные мною уже от мамы: вопрос комиссара к бабушке — «Вы, кажется, крестились в церкви...», и ответ — «А что же еще я там должен был делать?» (на похоронах П. В. Черкасова²⁰). Владимир Яковлевич на такие и подобные вопросы иногда отвечал весьма резко, хотя потом и раскаивался за свою категоричность: после предложения вступить

*Рис. 41. В. Я. Жуков,
комбриг РККА*

²⁰ Петр Владимирович Черкасов (1872–1929) — русский и советский военный деятель, Генерального штаба генерал-лейтенант (1917); герой Великой войны.

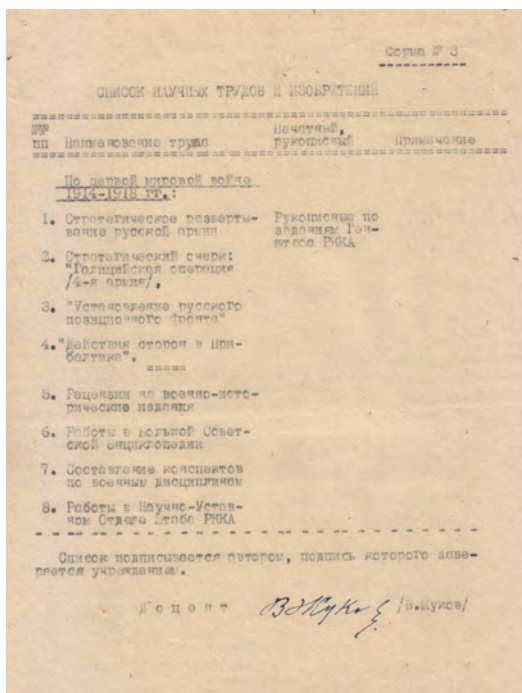

Рис. 42. Список научных трудов В. Я. Жукова

в ВКП(б) — «Меня одели хулиганом, а теперь хотят, чтобы я стал бандитом» (о форме одежды фото говорят сами за себя). «Напрасно с Китаем заигрываем, это еще аукнется нам!».

Хороший знакомый семьи — командарм Павел Павлович Сытин²¹ (дети Владимира Яковлевича — Надя и Володя любя называли его «Палка Палка») упрекал дедушку за негативное отношение к советской власти: «Это Вы — Генштаб, а я — армейщина, проще надо смотреть на вещи!». Во время своего выступления на одном из советских торжеств, вспоминая Гражданскую войну, Сытин с пафосом говорил: «Я прибыл в Москву с фронта и был на приеме у вождя! Я ученик Ленина!» (в период Гражданской войны П. П. Сытин командовал красным Южным фронтом), на что дедушка заметил с тревогой: «Если это услышат, то Павлу Павловичу конец, у нас же только один ученик Ленина!».

²¹ Павел Павлович Сытин (1870–1938) — русский и советский военачальник, генерал-майор Русской императорской армии, командарм 2-го ранга РККА.

Рис. 43. Военная кафедра Московской сельскохозяйственной академии (МСХА), В. Я. Жуков сидит, третий слева

Рис. 44. Газета «Тимирязевец» от 26.10.1946

Рис. 45. МСХА, занятия 18.02.1946, сидят в шубах, отопления нет

Рис. 46. Полевые занятия со студентами МСХА по топографии, 1946

Так, увы, и произошло — сначала статья в газете, что такие военспецы, как П. П. Сытин, являлись в Гражданскую войну не только не нужными, но даже и вредными, затем — арест...

Аресты в годы репрессий — мама вспоминала, как родители практически каждую ночь не спали до четырех часов утра (позже обычно уже не приезжали), чемоданчик с самым необходимым (смена белья, полотенце, зубная щетка, мыло) всегда был наготове, чтобы не задерживать «сотрудников».

Маму в возрасте 6 лет привели в музыкальную школу, чтобы услышать: «Детей дворян не учим!».

Получив квартиру в 1925 г. в особняке князей Куракиных (Ново-Басманная, 6) в бывшем кабинете княгини (потолки 6 м, площадь комнаты 39 м²), где при Троцком был охотничий клуб НКПС²², и увидев огромную батальную картину на стене и огромную же хрустальную люстру, дедушка позвал управдома и приказал убрать; на возражение, что, дескать, нам это девать некуда, ответил — это не мое имущество, убирайте куда хотите.

1930-е годы. «Помню, у нас в гостях как-то раз весь вечер сидела дама под густой вуалью, пили чай, потом папа поехал на извозчике ее провожать, а мама, сильно побледнев, сказала:

— Не знаю, вернется ли ваш отец, ведь за всеми следят! Вот до какого положения дошли великие княжны!»

Кто была эта дама, маме осталось неизвестным, родители ей не говорили, а когда она сама высказала предположения, бабушка сильно рассердилась и сказала, что она все путает и больше говорить об этом нельзя.

К очередному юбилею непохороненного «вождя» на военной кафедре готовили стенд, увидев который, Н. К. Крупская сказала: «Он же совсем не такой был, как вы здесь на плакатах показываете». На что дедушка отвечал: «Я человек военный, как приказали оформить, так мы и сделали».

С самого начала Великой Отечественной войны в квартире на Ново-Басманной висела карта, где дедушка флажками отмечал все изменения на фронте, уже летом 1941 г. с уверенностью говоря о неизбежном крахе Германии: «растянул линию фронта на такое огромное расстояние и еще надеется на что-то»; он и раньше был весьма невысокого мнения о военных талантах Гитлера, а когда тот, по его словам, «полез в Африку», все стало окончательно ясно.

²² Народный Комиссариат путей сообщения.

Рис. 47. Военно-исторический архив, 1947 г.,
Н. В. Жукова вторая справа

Моя мама — Надежда Владимировна, с детства увлекаясь историей, окончила Московский историко-архивный институт и в конце 1940-х гг. работала в Центральном Военно-историческом архиве в Подольске (рис. 47).

Один из племянников бабушки в первые дни войны пришел скрывать от призыва на фронт в нашу семью, полагая, что там достаточно надежно (проверить семью комдива РККА не станут). Стыдясь, однако, своего поведения, он пытался мотивировать это политическими убеждениями: «Дядя Володя, я не хочу защищать большевиков!». На что дедушка отвечал ему: «Миша, большевики сегодня у власти, завтра их не будет, а Россия останется! Только ее и надо защищать!». После этого Михаил сам пошел в военкомат.

Этот эпизод весьма полно характеризует отношение русского дворянства к службе России — вне всякой зависимости от конкретной политической власти в стране, памятуя слова Писания: «...нет власти не от Бога» (Рим 13:1). Этим и следует руководствоваться в жизни не только дворянам и их потомкам, но и всем нам. Каждое сословие в империи, каждый социальный слой в республике, если люди в жизни ориентируются на православные ценности, смысл жизни должны видеть именно в служении Отчизне, каждый на своем месте и в меру своих способностей.

Незадолго до смерти дедушка видел сон — беседу с императором; Николай II, похлопав его по колену, сказал примерно следующее: «Что, полковник, при мне было тяжело, а без меня еще хуже». Скончался Владимир Яковлевич на второй день Пасхи 1950 г. — факт говорит сам за себя.

По словам одного моего уже покойного друга, крупного ученого, эколога, «все это сошлось теперь на Вас...». Да что толку... Да простят меня предки за непутевую жизнь и неумелое писание...

Все фото и документы — из семейного архива.

Список литературы

1. *Бобринской А.* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. — СПб., 1890. — Часть II.
2. Гербы малороссийских дворянских фамилий. — Чернигов, 1892.
3. *Костомаров Н. И.* Мазепа. — М.: Республика, 1992. — С. 208.
4. *Крайнов В. С.* Матрена Васильевна Кочубей: мифы и реальность. — Саранск, 2004.
5. *Лазаревский А.* Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. — 1875. — № 8. — С. 406.
6. *Лазаревский А.* Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII–XVIII вв. // Русский архив. — 1876. — Т. 3. — С. 438–455.
7. *Милорадович Г. А.* Родословная книга Черниговского дворянства. — СПб., 1901. — Т. I. — С. 179.
8. *Петров В.* Русские в истории Америки. — М.: Наука, 1991. — С. 109.
9. *Половцов А. А.* Жученко Федор Иванович. Русский биографический словарь в 25 т. — СПб., 1896–1918.
10. *Савелов Л. М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Российского дворянства. — Изд. 2-е. — Острогжск, 1898.
11. *Нос С. Д.* Электронный ресурс. — URL: https://info-farm.ru/alphabeta_index/n/nos-stepan-danilovich.html (дата обращения: 15.02.2016).
12. Жуковские (польское дворянство) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 28.11.2020).

Моя семья на службе российского просвещения

В нашей семье уважение к труду было всегда. Среди членов семьи были представители разных профессий. Но более всех было представителей из среды духовенства и учительской среды. Что касается духовенства, то истории людей, представителей этого сословия в основном закончились с падением Российской Империи. Напротив, служба на ниве просвещения продолжалась и становилась более заметной. Справедливости ради стоит отметить и тот факт, что представители духовенства в нашей семье также занимались педагогической деятельностью и поэтому самым тесным образом были связаны с системой просвещения.

Одна из прямых восходящих линий моей семьи уходит своими корнями на территорию Подляшья (сейчас Республика Польша). Здесь, где удивительным образом оказывались бок о бок разные веры (православие, католичество, униатство), разные культуры и народности, представители нашей семьи несли дух православия и православной культуры. Такой семьей была семья Савицких. Это семья моей прабабушки. Наши Савицкие происходят из шляхты, неутвержденной Российской Герольдией, попавшей под известный процесс «разбор шляхты». Мой прапрапрадед Игнатий Иосифович Савицкий (1810–1870) был принужден к избранию рода жизни из-за ошибочной и ненадлежащей приписки в состояние граждан (рис. 1). В результате длительных отношений Казенной Палаты с М.В.Д. и Литовской Духовной Консисторией наш предок был принят в православие и зачислен в духовное сословие [1]. Дальнейшая история семьи Савицких была следствием особенностей организации этой достаточно замкнутой корпорации. Девочки в семье традиционно отдавались учиться в Епархиальные женские училища, после которых, как правило, становились учительницами начальных классов, а мальчики получали образование по схеме «духовное училище => духовная семинария => духовная академия». Заключение браков также происходило в среде духовенства или учительской среде.

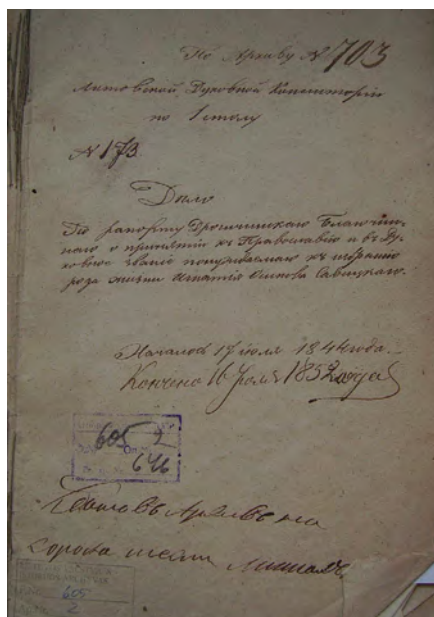

Рис. 1. Дело по рапорту Дрогичинского Благочиния о принятии к Православию и в Духовное звание понуждаемого к избранию рода жизни Игнатия Осипова Савицкого (1844–1852) // LVIA. F. 605. A. 2. В. 646

Попытаемся пройти по наиболее ярким представителям описываемого семейства.

Родной брат моей прапрабабушки – Карпинский Константин Трофимович (1848–1919). Константин Карпинский (рис. 2) родился в семье православных крестьян Трофима Карповича (1803–1869) и Изабеллы Петручуков-Карпинских, оказавшихся переведенными в податное состояние из шляхты. Семья проживала в одном из сел Бельского уезда. Тем не менее молодой человек окончил гимназию в Белостоке с золотой медалью, что, согласно нормам законодательства того времени, позволило ему быть исключенным из податного состояния и попробовать свои силы, поступив на математическое отделение Императорского Московского университета [2]. В 1871 г., успешно сдав испытания на звание кандидата математики, согласно действующему тогда Уставу Императорских российских университетов от 1863 г. (§ 142–144), в случае вступления в гражданскую службу утверждался в X классе, соответствующего чину коллежского секретаря, и мог пользоваться правами потомственного почетного гражданства. В период

Рис. 2. Карпинский Константин Трофимович (из архива семьи Поповых – г. Нижний Новгород)

Но уже через год, с августа 1881 г., Константин Трофимович возвращается в Вильну и назначается инспектором Виленской гимназии (мужской), в которой служил (временно исполнял обязанности директора гимназии) до отъезда в Могилев в июле 1888 г. Проживал Константин Трофимович с семьей в доме, принадлежащем Виленской гимназии на Дворцовой улице. В Могилеве Карпинский возглавлял Александровское реальное училище до 1897 г. Также состоял в Совете «Общества вспомоществования бедным воспитанницам Могилевской женской гимназии». В этот период службы Константин Трофимович получил классный чин действительного статского советника, который уже давал право испрашивать потомственное дворянство. С июля 1897 г. Константин Трофимович является инспектором Университета Св. Владимира в Киеве. С 14.09.1901 г. до 12.11.1902 г. Карпинский находился в отставке. Выйдя с отставки, был назначен директором Кременчугского Александровского реального училища [3]. В этой должности Константин Трофимович пробыл до 1905 г. С апреля 1905 г. по июль 1913 г. Карпинский руководил Киево-Печорской

с июля 1871 г. по сентябрь 1880 г. Константин Трофимович преподает математику и является классным наставником в учебных заведениях Вильны, а именно: 2-я Виленская реальная гимназия (Виленское реальное училище), Виленская гимназия (мужская) (1-я Виленская гимназия), Виленское высшее 6-классное женское училище с пансионом, Виленское Мариинское высшее женское училище. За девять неполных лет Константин Трофимович Карпинский поднялся с X на VI классный чин. Напомним, что уже с IX классного чина, соответствующего титулярному советнику, лицо могло испрашивать личное дворянство. В сентябре 1880 г. Карпинский переводится в Варшавскую 5-ю мужскую гимназию, где назначается преподавателем русского и церковнославянского языков и инспектором.

Рис. 3. Награды К.Т. Карпинского

(Пятой) гимназией. Эта гимназия была последним местом службы Константина Трофимовича. За свой многолетний труд на педагогическом поприще Константин Трофимович был награжден множеством наград (рис. 3). Двое его детей также занимались преподавательской деятельностью в учебных заведениях дореволюционного Киева.

Родной брат моей прабабушки — Савицкий Павел Олимпиевич (1882–1956). Павел Савицкий (рис. 4) родился в семье сельского диакона Олимпия Игнатьевича Савицкого (1850–1914) (рис. 5), отец которого, так же как и в предыдущем повествовании, оказался под шляхетским «разбором» и был переведен в духовное сословие. Матерью Павла была Елизавета Трофимовна Карпинская (1852–1941) (рис. 6), о семье которой было написано выше. Павел Савицкий проделал

Рис. 4. Протоиерей Павел Савицкий с дочерью Ниной (г. Вильна, 1915 г.) (из архива семьи Голубевых – г. Санкт-Петербург)

Рис. 5. Савицкий Олимпий Игнатьевич
(из архива семьи Савицких – г. Дзержинск)

Рис. 6. Савицкая Елизавета
Трофимовна (ур. Карпинская)
(из архива семьи Ковалевых –
г. Минск, Республика Беларусь)

типичные шаги на пути получения духовного образования: окончил в 1899 году Жировицкое духовное училище, затем в 1905 г. полный курс Литовской духовной семинарии по первому разряду, после чего в 1911 г. окончил полный курс Казанской духовной академии со степенью кандидата богословия [4]. Первые шаги в служении Богу молодой о. Павел начал со службы епархиальным миссионером в Белостокской Епархии. Именно с этого момента Павел Олимпиевич начал заниматься преподавательской деятельностью: обличительное богословие, история, обличение старообрядчества и сектантства. В дальнейшем, куда бы ни занесла судьба о. Павла Савицкого, он непременно занимался преподавательской работой: это

и Литовская духовная семинария, и частная женская гимназия в Вильне, русская гимназия в Моравии (самая большая эмигрантская гимназия в Европе) (рис. 7) и в Праге, школа в Штутгарте. Помимо сугубо богослужебных дисциплин, о. Павел преподавал живопись. Работы Павла Олимпиевича Савицкого сегодня можно встретить в европейских музеях и частных коллекциях. Везде о. Павел нес русскую духовность и русскую культуру.

Рис. 7. Протоиерей Павел Савицкий с учениками в гимназии (г. Моравска Тршебова, Чехословакия, 1930-е гг.) (из коллекции Анастасии Копршиновой)

Мой прадед — Никифор Иванович Ждан (1867–1941). Никифор Ждан родился в семье крестьянина Ивана Николаевича Ждана (1817–1868). Семья была смешанной, в том смысле, что глава семейства Иван (Ян-Карп) был переведен из униатов в православие, а мать Марцелина Бернардовна Красовская была из семьи католиков. Отец Никифора умер, когда Никифору не исполнилось и одного года. Мальчик получил начальное образование в родном Вилейском уезде Виленской губернии, затем перебрался в Бельский уезд Гродненской губернии, где окончил церковно-учительскую школу в Тростянице (Тростяницкая семинария). В период с 1885 по 1901 г. Никифор Иванович учительствовал в одноклассовой церковно-приходской школе в селе Парцево. Затем перешел в Тростяницкую образцовую школу (Тростяницкая Кирилло-Мефодиевская церковно-учительская школа при

Рис. 8. Семья Жданов
(г. Бобруйск, ок. 1917 г.)
(из архива семьи Жданов – г. Ковров)

учительской семинарии). Здесь Никифор Иванович познакомился с учительницей Надеждой Олимпиевной Савицкой (рис. 8), ставшей скоро его супругой. Оба супруга неоднократно отмечались епархиальным руководством *«за особенную ревность к исполнению учительского долга, при основательном педагогическом опыте»* [5]. В 1906 г. Никифору Ивановичу Ждану *«за труды по народному образованию»* была всемилошвейше пожалована серебряная медаль *«За усердие»* (рис. 9) [6]. Никифор Иванович учительствовал в Бельском уезде до ноября 1906 года, пока не случился в школе пожар. Школу вместе с учителями перевели в урочище Красносток (Сокольский уезд), где на базе существовавшей второклассной школы была открыта новая церковно-учительская школа. В Красностоке Никифор

Рис. 9. Медаль «За усердие»

Рис. 10. Никифор Ждан с воспитанниками Виленской колонии
(г.Ново-Вилейск, 1907–1915)
(из архива семьи Голубевых – г. Санкт-Петербург)

Иванович проработал до 1908 г., когда ему предложили с семьей переехать ближе к Вильне, в район безуездного города-станции Ново-Вилейск — Вилюцяны. Здесь Никифор Иванович служил учителем-воспитателем в Виленской земледельческой ремесленной колонии для несовершеннолетних. Нам известно, что преподавал литературу и труды, в том числе обучал переплетному делу (рис. 10). Работая в Виленской колонии, Никифор Иванович в 1912 г. был пожалован званием почетного личного гражданина по Министерству юстиции [7]. Во время наступления немцев на Вильну в сентябре 1915 г. Никифор Иванович занимался эвакуацией воспитанников колонии, перевозил их в Петроградскую трудовую колонию. Позже продолжил работать в организации по оказанию помощи беженцам «Северопомощь» в небольшом белорусском населенном пункте под названием Поречье. В 1919 г. семья из эвакуации переехала на жительство в белорусский городок Бобруйск. Здесь, в Бобруйске, после окончания советско-польской войны Никифор Иванович Ждан продолжил учительствовать. До самого выхода на пенсию преподавал в одной из городских школ. Спустя годы, живя в Ленинграде и оказавшись в 1941 г. в тяжелейшем положении во время блокады, Никифор Иванович, помня свой учительский долг, делился пайком с детьми. 19 декабря 1941 г.

*Рис. 11. Ждан Виталий Николаевич
(фото из открытых источников)*

Никифор Иванович Ждан умер в блокадном Ленинграде от голода. Его имя навечно внесено в 10-й том Книги Памяти «Блокада» (в Книге Памяти указан ошибочно с фамилией «ЖДАП»).

Старший сын моего прадеда — Ждан Виталий Никифорович (Николаевич) (1911–1993). Виталий Ждан (рис. 11) родился в семье личного почетного гражданина, учителя-воспитателя Никифора Ивановича Ждана и учительницы Надежды Олимпиаевны Савицкой (1880–1973). После окончания в 1929 г. семилетней трудовой школы в Бобруйске Виталий Ждан в 1930 г. поступил в Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ) на отделение истории материальной культуры факультета искусствоведения, который окончил в 1933 г. [8]. В 1937 г. Виталий окончил аспирантуру киносектора Государственной академии искусствознания, где работал некоторое время в качестве старшего научного сотрудника. С 1939 г. являлся главным редактором одного из отделов Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (Комитет по делам кинематографии и Главного политуправления Красной Армии). Во время Великой Отечественной войны являлся главным редактором Главного управления по производству научных и учебно-технических фильмов. За выполнение ответственной и сложной работы по редактированию и выпуску военно-морских учебных фильмов руководством ВМФ был

представлен к награде орденом «Красная Звезда» [9]. Часть фильмов, выпущенных В. Н. Жданом, была передана ВМФ США как образцовые. В 1951–1956 гг. состоял главным редактором журнала «Искусство кино». В 1954–1957 гг. занимал пост вице-президента Международной ассоциации научного кино (МАНК). В 1957–1960 гг. был советником по вопросам культуры Посольства СССР во Франции (при С. А. Виноградове). В архиве внешней политики до сих пор хранятся документы за подписью Советника Посольства СССР во Франции В. Ждана. Некоторые из них касаются передачи материалов из архива Ивана Алексеевича Бунина, полученных Посольством от жены Бунина — Веры Николаевны Буниной-Муромцевой [10]. С 1948 г. преподает во ВГИКе, заведует кафедрой истории и теории кино, выступает автором работ, посвященных теории и истории советского киноискусства. С 1971 г. является доктором искусствоведения, а с 1972 г. — профессором и вице-президентом Международной ассоциации школ кино и телевидения (CILECT). В. Н. Ждан состоял в Союзе писателей СССР, был заслуженным деятелем искусств РСФСР (1969), лауреатом премии Союза кинематографистов по киноведению и кинокритике. С 1973 по 1986 гг. возглавлял ВГИК. Виталий Николаевич Ждан был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знаком Почета» и несколькими иностранными медалями. Виталий Ждан публиковался по вопросам киноискусства с 1940-х гг., печатался в научных сборниках, в журнале «Искусство кино». Являлся автором многочисленных работ по теории, истории, эстетике киноискусства, многие из которых переведены на европейские языки. В период 1950–1970-х гг. В. Н. Ждан был одним из главных идеологов официального отечественного киноведения [11]. До сих пор В. Н. Ждана вспоминает большое множество людей, среди которых выдающийся кинорежиссер Артавазд Пелешян, известные киноактеры Александр Панкратов-Черный и Рената Литвинова, известный мультипликатор и кинематографист Иосиф Яковлевич Боярский. Вспоминает о Ждане Эльдар Рязанов в своей книге «Неподведенные итоги». Упоминание о Виталии Николаевиче идет в главе «Никто не хотел выдвигать», посвященной номинированию на премию в мае 1977 г. художественных картин, среди которых значились «Выбор цели» (реж. И. Таланкин), «Белый пароход» (реж. Б. Шамшиев), «Афоня» (реж. Г. Данелия), «Бегство мистера Мак-Кинли» (реж. М. Швейцер) и «Ирония судьбы» (реж. Э. Рязанов). В поисках материала была обнаружена следующая запись: Сегодня в лекториях // Московская правда. — 1964. — 12 мая. «Кино в годы Великой Отечественной войны» — лекцию на эту тему чита-

Рис. 12. Наумов Александр Павлович
(из архива семьи Жданов –
г. Ковров)

ет кандидат искусствоведения В. Н. Ждан в 18 часов 30 минут в Большом зале Центрального лектория». Виталия Николаевича не стало 14 сентября 1993 года. Похоронили его в Москве на Хованском кладбище [12].

Другая восходящая линия моей семьи территориально относится к Владимирской губернии (сейчас Владимирская область). Здесь также пойдет речь о членах семьи, принадлежащей к духовному сословию. Для большинства представителей духовенства вопросы просвещения были неотъемлемой частью их рода жизни. Прежде всего, это было связано с образовательными функциями, которые они исполняли, состоя на духовном поприще. В основном это были церковно-приходские школы и епархиальные женские училища.

Мой прадед — Наумов Александр Павлович (1892–1956). Александр Наумов (рис. 12) родился в семье сельского псаломщика, потомственного почетного гражданина Павла Ивановича Наумова (1862–1915) и Марии Арсеньевны Лебедевой (1871–1907). Отец Александра был в свою очередь сыном сельского священника, ведущего род от священников Александровского и Суздальского уездов с конца XVI столетия [13]. Александр в возрасте пятнадцати лет остался без матери. Отец женился повторно. Детей от первого брака взял на воспитание родной брат матери, ковровский земский врач-хирург, титулярный советник Лебедев Василий Арсениевич (1873–1933). После окончания высшего начального училища в Коврове по результатам домашней подготовки Александр Павлович сдал экзамены на звание учителя. До Первой мировой войны учительствовал в селах Ковровского уезда (Клементьево, Троицко-Никольское), преподавал в начальных классах в Феодоровской двухклассной церковно-приходской школе г. Коврова. Следует отметить тот факт, что родные

дяди Александра, Михаил Иванович и Петр Иванович Наумовы, а также одна из сестер, Екатерина, тоже учительствовали в Суздальском и Ковровском уездах. После возвращения с фронта Первой мировой войны Александр Павлович вернулся к педагогической работе в селе (село Русино Ковровского района), окончил ковровские педагогические курсы. В 1930-е годы Александр Павлович окончил физико-математический факультет Ярославского педагогического института. До начала Великой Отечественной войны работал в школах города Коврова, был завучем средней школы № 3. В период Великой Отечественной войны Александр Павлович Наумов возглавлял среднюю школу № 7.

Моя бабушка — Ждан (ур. Наумова) Мария Александровна (1914–2001). Мария Наумова (рис. 13) родилась в семье ковровского учителя Александра Павловича Наумова и медицинского работника Натальи Андреевны Герасимовой (1884–1969). Учитывая, что отец, тетя и многие родственники служили на учительском поприще, выбор будущей профессии был очевиден. После окончания ковровской средней школы Мария Наумова в 1932 году поступила в Ивановский государственный педагогический институт на физико-математический факультет. После окончания института была удостоена звания учителя средней школы (рис. 14). Всю свою трудовую жизнь посвятила преподаванию физики и астрономии в школах города Коврова (рис. 15). За успехи в обучении учащихся неоднократно награждалась почетной грамотой, а за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (рис. 16). Ее имя внесено в почетный городской список учителей, отдававших себя великой цели просвещения и образования.

Младшее поколение также не осталось в стороне от педагогической деятельности. Дочь Марии Александровны, Татьяна Серге-

Рис. 13. Ждан Мария Александровна (ур. Наумова) (из архива семьи Жданов – г. Ковров)

Рис. 14. Аттестат Наумовой М.А. на звание учителя средней школы (из архива семьи Жданов – г. Ковров)

Рис. 15. Мария Наумова ведет занятия по астрономии (1938 г.) (из архива семьи Жданов – г. Ковров)

Рис. 16. Удостоверение к медали Ждан М.А. «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
(из архива семьи Жданов – г. Ковров)

евна Ждан (1940 г. р.) (рис. 17) в советские годы была членом Всесоюзного общества «Знание», прошла обучение в народном университете лекторского мастерства (рис. 18), после чего много лет читала лекции в городе. Некоторое время работала музыкальным руководителем в городских дошкольных учреждениях. Внуки Марии Александровны, Елена Александровна Ждан (1967 г. р.) (рис. 19) и Дмитрий Борисович Ждан (1980 г. р.) (рис. 20), являются кандидатами наук и много лет занимаются педагогической деятельностью в высших учебных заведениях Владимирской области (рис. 21).

Рис. 17. Татьяна Ждан
(конец 1970-х)

Рис. 18. Диплом Татьяны Ждан
об окончании народного университета лекторского мастерства
(из архива семьи Жданов – г. Ковров)

Рис. 19. Елена Ждан
(в замужестве Базалей)

Рис. 20. Дмитрий Ждан

Рис. 21. Почетная грамота Дмитрия Ждана
«За многолетнюю добросовестную работу»
(из архива семьи Жданов – г. Ковров)

Многие другие близкие и дальние родственники нашей семьи также посвятили себя педагогике и науке и продолжают служить на педагогическом поприще. Среди них были и есть воспитатели в детских садах, учителя в школах, училищах, преподаватели в вузах. Многие родственники имели и имеют ученые степени кандидатов и докторов наук. Наша семья с уважением и гордостью относится к своему прошлому!

Список источников и литературы

1. Дело по рапорту Дрогичинского Благодичиния о принятии к Православию и в Духовное звание понуждаемого к избранию рода жизни Игнатия Осипова Савицкого (1844–1852) // LVIA. F. 605. A. 2. B. 646.
2. Об утверждении Карпинского К. в степени кандидата математических наук. Аттестат // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 40. Д. 618.

3. Департамент народного просвещения. Дело об утверждении, назначении, определении, перемещении и увольнении некоторых лиц от должностей и от службы. Аттестат К. Т. Карпинского // РГИА. Ф. 733. Оп. 123. Д. 12.
4. Дело Литовской Духовной Консистории № 153 от 1911 года о назначении Гродненского Епархиального миссионера-проповедника Павла Савицкого священником Виленского Кафедрального Собора // LVIA. F. 605. A. 9. V. 1404.
5. Гродненские епархиальные ведомости. — Гродна: 1901–1915. Г. 3 1903, № 19. — 1903. С. 206.
6. Гродненские епархиальные ведомости. — Гродна: 1901–1915. Г. 7 1907, № 11. — 1907. С. 103.
7. Тюремный вестник: Изд. Глав. тюремного упр. Г. 20 1912, № 12 (дек.): Г. 20 1912, № 12 (дек.). — 1912. — С. 2001–2002; Сенатские ведомости [Текст]. — Г. 105. 1913. — № 8 (январь): Г. 105 1913, № 8 (январь). — 1913. — С. 74.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 579.
9. ЦАМО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 296. №7646719.
10. *Роцин М.* Иван Бунин [Текст]. — М.: Молодая гвардия, 2001. — С. 235–236; АВП РФ. Ф. 197. Оп. 39. Пор. 58. П. 155. Л. 15, 16; АВП РФ. Ф. 136. Оп. 42. Пор. 39. П. 76. Л. 3.
11. *Федоров А. В.* Медиаобразование в России: краткая история развития [Текст] / А. В. Федоров, И. В. Чельшева. — Таганрог: Познание, 2002. — С. 167.
12. Некролог // Газета Коммерсантъ. — 1993. — 18 сен. — № 179.
13. *Дмитриев Г. С.* История Казанского прихода села Шеметово [Текст] / Г. С. Дмитриев. — 3 вып. (доп.). — Сергиев Посад, 2018. — 67 с.

**Николай Тимофеевич Каштанов
(1874–1950) —
предприниматель, общественный деятель
и благотворитель:
восстановление имени и наследия**

*Посвящается 100-летию Русского исхода
и деятелям русской эмиграции*

Трагедии отечественной истории XX века отразились на семье, к которой я имею честь принадлежать. Нас разорвало и развеяло от рвов Бутовского полигона в Москве до могил с русскими крестами кладбища Батиньоль в Париже. На одной из них написано: Николай Тимофеевич Каштанов (1874–1950). Сегодня это имя знает лишь узкий круг специалистов, изучающих социально-экономическую историю России рубежа XIX–XX вв. Все могло быть иначе, но после рокового 1917 г. один из крупных московских предпринимателей Н. Т. Каштанов оказался в эмиграции во Франции, а на родине его ждало забвение.

Жизнь предпринимателя динамична, насыщена, порой драматична, особенно если выпало жить во времена перемен. Н. Т. Каштанов застал и Россию исконную, патриархальную, и Россию, устремленную вдогонку за прогрессом, и Россию, взбаламученную войной и революцией, и Россию в изгнании. Все это он пережил, ко многому оказался причастен, ему было что вспомнить на склоне лет.

Сегодня Н. Т. Каштанов возвращается к нам своими воспоминаниями, позволяющими всмотреться в эту неординарную личность и в эпоху, частью которой она являлась. В начале 2021 г. Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия), Центром краеведения, москвоведения и крымоведения выпущена книга «В России и в эмиграции: Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля» [1]. Издание включает мемуары Н. Т. Каштанова, написанные им в 1942 г.

в оккупированном немцами Париже¹. Что побудило его к этому: недавнее горе — смерть жены, с которой прожил 37 лет, предчувствие собственной кончины или думы о России, вновь стоявшей над бездной, Бог весть... Так или иначе, на свет появилось сочинение с длинным деловым названием: «О Суконном фабриканте Николае Тимофеевиче Каштанове и его торгово-промышленной, финансовой и общественной деятельности, как в России, так и за границей, в эмиграции».

Николай Тимофеевич ощущал себя прежде всего «Суконным фабрикантом». Именно так — с большой буквы. Это не профессиональный статус — это стержень личности, ось судьбы. И это глубоко осознанная миссия жизнестроительства. Суконный фабрикант — это и долг, ответственность перед Богом и Россией. Таково было миропонимание лучшей части русского купечества — той, которая во многом обеспечила стремительный подъем страны на рубеже XIX–XX вв.

В своих мемуарах Н. Т. Каштанов отображает жизнь целого поколения русских предпринимателей, ставших свидетелями и участниками революционных потрясений, приведших к уничтожению государственного строя Российской империи, к кардинальному изменению всех сторон жизни. Личность и судьба Николая Тимофеевича Каштанова во многом характерны. Он и подобные ему люди того поколения были полны стремления заново обустроить Россию и ощущали в себе силы для этого.

Николай Каштанов чувствовал и ценил свою глубинную укорененность в русской почве, предках-крестьянах, некогда старообрядцах, из старинного села Хатунь недалеко от Серпухова. Дед Николая Тимофеевича, Иван Васильевич, в начале XIX в. владел вместе с братом Яковом небольшим суконным заведением, унаследованным от отца. Вскоре Иван Васильевич переселяется в с. Подмоклое (ныне Подмоклово) на Оке напротив Серпухова и начинает производить сукно здесь. Даже ставит на фабрике паровую машину. Свое дело он передал следующему поколению Каштановых. Один из сыновей, Леонтий, отправляется в Москву вести торговую часть семейного предприятия. Его дела идут успешно, он закрепляется в московском купечестве. Особняк и лавка Л. И. Каштанова до сих пор сохранились на Малой Ордынке (ныне д. 35) — поблизости от церкви Екатерины Мученицы, старостой которой он долгое время являлся.

¹ Рукопись воспоминаний хранится в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Старший сын Ивана Васильевича, Тимофей, остается вместе с братом Василием на фабрике в Подмоклом. В России после отмены в 1861 г. крепостного права резко ускоряется хозяйственное развитие. Дело Каштановых идет в ногу со временем, постепенно расширяется. Увеличивается и семья. Именно здесь, в Подмоклом, 5 марта 1874 г. у Тимофея Ивановича Каштанова рождается сын, которого нарекают Николаем. Крестили младенца в подмокловской церкви Рождества Богородицы, в которой старостой был его отец. Этот сооруженный в петровскую эпоху храм-ротонда и сегодня является одним из самых известных архитектурных памятников Серпуховской земли.

Со старинным подмосковным Серпуховым, ведущим свою историю с XIV в., прочно связана судьба предпринимателей Каштановых. Город-страж Московского княжества на тревожном порубежье с Диким полем, Серпухов с течением веков стал городом-купцом, центром торговли и промышленности общероссийского значения. История Серпухова, начинавшаяся столь значимыми для русской государственности и духовности именами князя Владимира Андреевича Храброго и преподобного Сергия Радонежского, продолжилась в иные времена именами известных фабрикантов, торговцев, благодетелей Сериковых, Солодовниковых, Коншиных, Мараевых и др. Во второй половине XIX в. к ним прибавились и Каштановы. В 1876 г. они приобретают в Серпухове за Нарой на Нижней Казенной (ныне Пролетарской) улице полусторевшую суконную фабрику Лыжина и начинают постепенно расширять ее территорию, строить новые 4–5-этажные корпуса, устанавливать современное оборудование, увеличивать выпуск продукции. В 1886 г. учреждается «Торговый дом братьев Тимофея, Леонтия и Василия-старшего Каштановых». Фирма считалась солидной, уважаемой. Ее глава Тимофей Иванович Каштанов стал гласным Серпуховской думы, много делал для города, удостоился звания потомственного почетного гражданина. Его сын, Николай Тимофеевич, считал Серпухов своей родиной.

Повествование о детстве Н. Т. Каштанова переносит нас в мир купеческой семьи — во многом патриархальный, но в чем-то уже затронутый новыми веяниями. Авторитет отца здесь непрерываем, в доме царит дисциплина, трудовая мораль. Любящая мать смягчает строгость воспитания, прививает детям религиозное чувство, учит молитвам, возит по святым местам. В доме есть не только преданная няня Васильевна, но и образованная гувернантка, бывшая институтка. Отец любит играть на итальянской гармонии и на рояле.

*Рис. 1. Николай Тимофеевич
Каштанов. 1910-е гг.(?)
Из книги: Русский торгово-
промышленный мир / ред.-изд.
А. М. Шампаньер.
[Б. м.], [191-]. С. 271.*

В семье Тимофея Каштанова ценилось образование. Один из братьев, Иван Тимофеевич, окончил 1-ю Московскую гимназию (у Пречистенских ворот в Большом Знаменском переулке), а затем и Московский университет. Николай же вместе с братом Василием учились в одном из лучших средних учебных заведений Москвы — Реальном училище при реформатской церкви, директором которой был И. И. Фидлер (училище располагалось тогда в зданиях на Мясницкой и в Сверчковом переулке в районе Покровки). Сестры окончили Елизаветинский институт, тоже в Первопрестольной, на Гороховом поле (в районе современной улицы Казакова). Юные провинциалы рано приобщились к столичной жизни. Свободное время они проводили у дяди Леонтия

Ивановича в его доме на Малой Ордынке. Завзятый театрал, он водил их на детские утренники. Каникулы обычно проводили в отцовском доме в Серпухове или в имении Мосолово недалеко от города Алексина Тульской губернии.

С детства Николай любил бывать на фабрике, его интересовали машины и механизмы. Образование он продолжил в Московском императорском техническом училище (ныне Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана). Но в купеческих семьях, даже просвещенных, судьбы детей решали родители. Николай не проучился и нескольких месяцев, как отец вызвал его в Серпухов, намереваясь после отбытия сыном воинской повинности передать ему фабрику в управление, а самому уйти на покой. Недавний студент недолго служил вольноопределяющимся в Сумском драгунском (некогда славном гусарском) полку, вышел из него унтер-офицером. Уже позднее, после воинских сборов, сдал экзамен на первый офицерский чин прапорщика (рис. 1).

Николай Каштанов принял фабрику, когда ему было от роду 21 год, то есть в 1895 г., тогда на ней работало 250 человек, выпуск готового сукна составлял 2600–2700 кусков, а шерстяной пряжи — 300–400 пудов в год. За десять лет, с 1895 по 1905 г., число рабочих увеличилось до 1 тыс., производство же — до 25 000 с лишком кусков сукна и 1500 пудов шерсти. Недорогие каштановские сукна: крестьянское одежное, картузное, серое ученическое, отмеченные «Павлином» — гербом Серпухова, пользовались устойчивым спросом у русского потребителя. На фабрике производилось и мундирное армейское сукно из мериносной шерсти. Продукция фабрики не раз отмечалась наградами Всероссийских выставок. Каштановское цветное дамское сукно «драдедам» постепенно завоевало популярность и хорошо продавалось в Москве на Кузнецком мосту, выдерживая конкуренцию с лучшими иностранными образцами. Помимо сукна, производился еще драп.

Все это было результатом модернизации производства, предпринятой Николаем Тимофеевичем. Ему приходилось следить за техническими новинками, ездить за границу, перенимать зарубежный опыт, закупать новое оборудование. Новшества приходили и в дом Николая Каштанова. Первым в Серпухове он завел себе автомобиль (кстати, и первый в Серпухове двухколесный велосипед принадлежал ему же — был подарен отцом при получении аттестата зрелости).

Серпуховский торговый дом «Каштановы братья» упомянут в 1910 г. в официальном справочнике «Список фабрик и заводов России 1910 г.» [14, с. 67]. Контора торгового дома располагалась в Москве на Варварке в доме Купеческого общества. В 1915 г. Торговый дом Каштановых был преобразован в «Товарищество на паях Суконной мануфактуры братьев Каштановых в г. Серпухове» с основным капиталом в 2 млн руб. Годовой оборот фабрики составлял 21–23 млн руб., а выпуск сукна — 35 тыс. кусков. Успеху предприятия способствовала и социальная политика хозяев, осознававшаяся ими еще и как христианская миссия, богоугодное дело. При фабрике были построены церковь, школа, больница с приемным и родильным отделениями. Жилье рабочим в капитальных казармах предоставлялось бесплатно: семейным — в отдельных комнатах, холостым — в просторных палатах. Еще более важным было то, что фабрикантам удалось наладить с рабочими доверительные отношения, заслужить их уважение. У Каштановых не бастовали даже в 1905 г., когда весь фабричный Серпухов встал. Каштановские рабочие дали отпор своим соседям, рабочим Коншиных, когда те попытались остановить их предприятие.

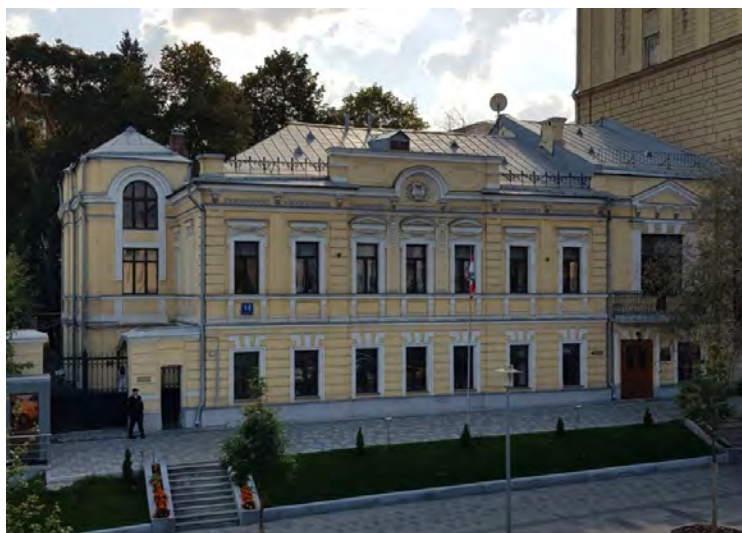
Людей цельных и даровитых сами обстоятельства продвигают на более широкую стезю, к масштабным свершениям. В начале 1900-х гг. Николаю Каштанову пришлось покинуть родной Серпухов, чтобы заменить в Москве в семейном деле старого и больного дядю Леонтия Ивановича. На серпуховской фабрике Николай передал дела брату Ивану, оставившему в связи с этим судейскую карьеру (первоначально к управлению фабрикой отец, Тимофей Иванович, готовил третьего своего сына Василия, который специально обучался профессии в Германии, но Василий внезапно скончался от скоротечной чахотки в молодом возрасте).

Из провинциальной жизни Н. Т. Каштанов попадает в новую — столичную. Укоренению в ней, безусловно, способствовала его женитьба в 1904 г. на юной Екатерине Федоровне Кудрявцевой. Ее отец, Федор Тимофеевич, был купцом 1-й гильдии, владельцем кондитерской фабрики в Зарядье, торговцем бакалеей, уважаемым в Москве человеком. Новые родственные связи вводили Н. Т. Каштанова в среду именитого московского купечества.

Молодая чета начинает обустроить семейный очаг на столичный лад. В 1907 г. *«В Москве Н. Т. покупает мамонтовский особняк на Садовой-Самотечной № 14, куда и переезжает со своей молодой женой <...>. Дом в стиле ампир стоял на очень красивом и высоком месте. Перед ним на улицу выходил палисадник, посередине которого был фонтан, окруженный столетними елями. Когда спрашивали, особенно у москвича, адрес дома Н. Т. на Садовой-Самотечной, то это лицо отвечало, что оно хорошо знает каштановский особняк на Садовой, это там, где перед домом растут большие красивые ели. При доме был сад и службы, конюшня, гараж, квартиры дворника, шофёра и кучера. Внутри дома были поставлены очень красивые печи и каминны из изразцов Абрамцевских мастерских, сделанных по рисункам художника Врубеля»* [1, с. 80].

Особняк, построенный в 1881 г. по проекту М. Г. Пиотровича, в 1898 г. был перестроен архитектором В. А. Коссовым для М. Ф. Кривошеина — партнера С. И. Мамонтова в железнодорожных делах. С тех пор одну из 30 комнат особняка украшал замечательный изразцовый камин «Микула Селянинович и Вольга», созданный мастером-керамистом П. К. Ваулиным в мамонтовских мастерских «Абрамцево» по рисункам М. А. Врубеля на сюжет древнерусских былин (рис. 2, 3).

Это выдающееся произведение художественной керамики, изготовленное по уникальной технологии и сложенное из 150 изразцов. Сохранилось несколько экземпляров каминя. Один из них украшал столовую особняка еще при владельце М. А. Кривошеине. После

*Рис. 2. Особняк Н. Т. Каштанова на Садовой-Самотечной (д. 14).
Фото автора. 2019 г.*

*Рис. 3. Камин «Микула Селянинович и Вольга»
из особняка Н. Т. Каштанова, созданный по рисункам М. А. Врубеля.
1899. Государственная Третьяковская галерея.
(Сайт «Яварда». URL: https://yavarda.ru/pic_19121.html)*

передачи в 1959 г. здания Посольству Ливана камин поступил в почти разрушенном состоянии в Государственную Третьяковскую галерею (ГТГ). Длительная реставрация в 1986–1994 гг. в Государственных реставрационных мастерских имени Грабаря вернула произведению былой облик. Ныне камин экспонируется в зале М. А. Врубеля ГТГ.

Как и подобало преуспевающей московской купеческой семье, Каштановы завели шикарный выезд с породистыми рысаками, а позднее и мощный «Фиат», ездили на гулянья в Петровский парк, на Воробьевы горы в ресторан Крынкина. Летом бывали в Крыму, за границей. В своем гостеприимном московском особняке Н. Т. Каштанов принимал первых лиц делового мира, государственных мужей, в том числе соратника П. А. Столыпина, будущего главы правительства Врангеля А. В. Кривошеина и последнего министра внутренних дел царской России А. Д. Протопопова. Бывали здесь артисты, художники, профессора, адвокаты и др. Как и многие представители именитого московского купечества, Н. Т. Каштанов коллекционировал произведения искусства и предметы старины. В его собрании, в частности, были рукописи XIV–XVI вв., картины передвижников, предметы из бронзы, старинное оружие. Он был хорошо знаком с известными коллекционерами и тоже суконными фабрикантами Щукиными и Бахрушиными, организовал Московское общество любителей русской старины, открыл антикварный магазин на Тверской напротив генерал-губернаторского дома.

«В начале 1914 года Н. Т. вместе с князем А. Б. Ватбольским, любителем и коллекционером старинного русского искусства, образовали Московское общество любителей русской старины, где на общем собрании членов Н. Т. выбирается товарищем председателя. У Н. Т. в Москве была небольшая, но хорошая коллекция картин русских художников-передвижников, бронзы, старинного русского оружия, которую он собирал постепенно, покупая у антикваров, частных лиц и на Сухаревском рынке.»

Племянник умершего именитого серпуховского купца Астапова как-то предложил Н. Т. купить меха Астапова. <...> Н. Т. купил у него тогда изразцовую печь эпохи Петра I-го с очень интересным рисунком, напоминающим изображение Петра I во весь рост, фамильный астаповский псалтырь XVII века, писанный рукой, и еще кое-какую мелочь.

<...> На Сухаревке в одно из воскресений Н. Т. нашел и купил из астаповских вещей: 1) фарфоровую чашку Императорского завода с миниатюрой Александра I-го с надписью внизу “В день Ангела с датой” и 2) копию памятника Петру I-му эпохи Екатерины II высокохудожественной работы из слоновой кости.

Каждое воскресенье члены Общества любителей русской старины от 3 до 6 часов вечера собирались в зале одной частной гимназии, где устраивался чай, за которым иногда члены Общества читали свои доклады по искусству, затем происходил обмен мнений, показывались новые вещи, приобретенные членами Общества.

Кроме этих собраний Общества два раза в месяц, член О-ва А. И. Кузнецов (член Правления Переяславской м[ануфактур]ры) устраивал в своем особняке доклады и лекции по искусству, после которых за чашкой чая происходило их обсуждение. Обыкновенно на эти собрания он приглашал художественных критиков, художников, артистов, коллекционеров и любителей искусства. Н. Т. и Екатерина Федоровна очень часто посещали эти интересные собрания.

Один раз как-то члены Общества собрались в особняке Н. Т., чтобы осмотреть там печи и каминны, сделанные из обливных изразцов в Абрамцево по рисункам художника Врубеля, изразцы астаповской печи Петра I-го, коллекции медных складней, картин и др. предметов искусства» [1, с. 95–96].

Семья Николая Тимофеевича постепенно увеличивалась: у него рождаются дочери Екатерина (1907 г.) и Ольга (1909 г.), затем сын Николай (1911 г.). В 1913 г. Н. Т. Каштанов приобрел большую старинную усадьбу Пущино на Оке (тогда в границах Каширского уезда Тульской губернии) в окрестностях Серпухова. Еще в XVII в. она принадлежала Д. Пущину, затем ее владельцами были Арцыбашевы, при которых во второй половине XVIII в. усадьбу заново отстроили в классическом стиле, при следующем владельце — чаеоторговце С. В. Перлове — ее реконструировали в духе неоклассицизма. Усадебный ансамбль составляли большой двухэтажный дом с антресолями, два флигеля, террасный парк с прудами, лестницами, гротами, Успенский храм XVIII в. (рис. 4–6).

«Большой каменный барский дом в стиле “русского ампира” стоял окруженный парком на высоком берегу реки Оки. <...> Имение это когда-то принадлежало Московскому градоначальнику 1812 года Афросимову. В доме оказалось много предметов искусства, относящихся к 1812 году. Так, например, большая цветная гравюра первого оттиска, портрет “Орлёнка”, бронзовый бюст эпохи Александра I и икона св. Александра Невского, писанная на камне фресковыми красками. <...> Кроме этого, в доме нашлась интересная картина Рокотова: портрет в натуральную величину во весь рост “Императрицы Екатерины Великой”, картина Бруни “Спаситель, благословляющий хлеб” и другие картины и предметы искусства той же эпохи» [1, с. 81–82].

*Рис. 4, 5. Усадьба Пуцино на Оке, принадлежавшая Н. Т. Каштанову.
Фото автора. 2020 г.*

В Пуцино Каштановы обычно проводили летние месяцы. *«Сообщение с Пуциным было такое. По Курской железной дороге до станции “Ока”, которая отстояла от Москвы в 100 верстах. Из Серпухова и со станции “Ока” 15 верст по лугам на тройке или на паровой лодке по Оке. Лодка эта вмещала 15 человек, имела каюту. Механиком и капитаном на ней был управляющий имением татарин Матвей. Иногда Е. Ф. с детьми выезжали на лодке встречать Н. Т. на станцию “Ока”.*

Тогда на лодке ставили самовар и, сидя за чаем, незаметно доезжали до имения. Зимой со станции “Ока” и из Серпухова ездили в санях, запряженным цугом, по замерзшей Оке» [1, с. 82].

Бывали Каштановы в Пушкино и на рождественских и пасхальных праздниках. *«На Святках вся семья ездила в Пушкино, где устраивалась вторая елка, на которую приглашались крестьянские дети. Катались на лыжах и на салазках с ледяных гор» [1, с. 165].*

В Москве успешный предприниматель Н. Т. Каштанов достаточно быстро становится заметной фигурой в своем кругу. Его избирают гласным Московской городской думы (труды Николая Тимофеевича на общественном поприще начались еще

в Серпухове, где он был гласным Серпуховской городской думы и Серпуховского земства). Эту должность он исполнял в течение восьми лет. Каштанов входил в комитет умеренно-правой группы и ратовал за уменьшение городских сборов с владельцев недвижимости и за экономиию средств при осуществлении муниципальных проектов. В общеполитических же вопросах особой активности не проявлял.

Стихией Николая Тимофеевича была не политика, а предпринимательская деятельность. В Москве она приобрела новый масштаб и новое качество. Каштанов вступает в тесное деловое сотрудничество с крупнейшим промышленником и финансистом Николаем Александровичем Второвым, которого называли «Русским Морганом» и который дал начало множеству предприятий и целых отраслей экономики. «Второвская» группа олицетворяла сравнительно новый для России процесс быстрого возрастания банковского и акционерного капитала и его концентрации. Одним из шагов на этом пути стало приобретение новыми акционерами старинной, с хорошей репутацией суконной фабрики «Товарищества Йокиш» в Михалкове (ныне в черте Москвы — Северный административный округ) и ее модернизация.

Рис. 6. Автор статьи В. В. Зыбин в Пушкино на фоне усадьбы, принадлежавшей Н. Т. Каштанову. 2020 г. (Семейный архив)

Председателем и директором-распорядителем предприятия был избран Н. Т. Каштанов. Таковую же должность Николай Тимофеевич занял и в организованном в 1913 г. совместно с Н. А. Второвым и Н. И. Дербеневым на основе «Торгового дома Тиль и К°» Московском акционерном обществе «Поставщик». Это большое многопрофильное предприятие в Кожевниках (Замоскворечье) занималось главным образом поставками обмундирования для русской армии и флота. Во время Первой мировой оно приобрело стратегическое значение, стало крупнейшим в Москве, с числом рабочих 8,6 тыс. человек. На «Поставщике» тогда изготовляли не только обычное обмундирование и снаряжение для вооруженных сил, но и новую форму по эскизам художников В. Васнецова и К. Коровина, в которой русские витязи должны были победоносно войти в Берлин и Вену: суконные шлемы «богатырки», шинели и гимнастерки с «разговорами»-застежками как у стрельцов, кожанки и фуражки.

С началом Первой мировой войны в России разгорелась борьба с «германским засильем». На ее волне группа Второва в начале 1915 г. приобретает по сходной цене солидный банк «Юнкер и К°» (величественное здание которого и по сей день возвышается на Кузнецком мосту) и преобразует его в «Московский промышленный банк». Н. Т. Каштанов становится председателем его Правления. Новая финансовая организация с капиталом 40–60 млн руб. стала базой ряда масштабных проектов в акционерных обществах «Русскокра-ска», «Коксобензол», «Сибирский холодильник». Некоторые начинания «Московского промышленного банка» получили развитие уже в советское время. Так, общество «Кузнецкий уголь», организованное Второвым при участии Каштанова, стояло у истоков индустриальной мощи Кузбасса. Николай Тимофеевич внес свою лепту, материальную и вполне весомую, и в начало российского кинематографа как один из учредителей и член Совета акционерного общества «Ханжонков и К°» в Москве.

К 1917 г. широко развернувшаяся предпринимательская деятельность Н. Т. Каштанова имела большие перспективы. Николай Тимофеевич состоял членом Московского Биржевого комитета — авторитетнейшего органа русского делового мира, был инициатором создания и председателем Совета «Всероссийского общества суконных фабрикантов», не раз представлял отрасль на правительственных совещаниях, в годы Первой мировой войны активно участвовал в работе военно-промышленных комитетов, выступил с почином создания Дома инвалидов для увечных воинов на средства суконщиков.

Каштанову исполнилось лишь 45 лет, он был полон сил и планов, когда его мир рухнул. После прихода к власти большевиков его предприятия, московский дом и усадьба в Пущино были национализированы. Николай Тимофеевич пытался спасти семью, найти место в новой и враждебной реальности. Бывшего фабриканта рабочие выдвинули в советские хозяйственные органы, его коллеги-предприниматели, тоже «бывшие», делегируют его в Высший Совет Народного Хозяйства. Но время на дворе лихое. При регистрации офицеров бывшего прапорщика Н. Т. Каштанова арестовывают в Лефортовских казармах, он едва избегает расстрела. За него вступаются знавшие его рабочие. В мае 1918 г. при загадочных обстоятельствах погибает Н. А. Второв. Оставаться в красной Москве становится смертельно опасным. С большим трудом, ежечасно рискуя погибнуть, Николай Тимофеевич вырывается на юг России, еще не занятый большевиками. Семья пока остается в Москве под покровительством голландского посольства, разместившегося в каштановском особняке на Самотеке. В конце концов, и Екатерине Федоровне с детьми удается добраться до Крыма.

На юге России в это время собирается цвет русского делового мира. Промышленники, финансисты, коммерсанты в надежде на скорую победу над большевиками продолжают строить широкие планы на будущее, а в настоящем пытаются помогать антибольшевистским силам. Н. Т. Каштанов вносит новые детали в картину Русской смуты с точки зрения хозяйственно-экономической: Киев, Харьков, Одесса, Крым, Новороссийск — Николай Тимофеевич старался как-то наладить созидательную предпринимательскую деятельность. В конце марта 1919 г., приехав по делам в Одессу, он вынужден спешно эвакуироваться морем в связи с наступлением красных на Одессу.

«Н. Т. удалось получить место на старом пароходе “Кронштадт”, который последние годы служил подвижной мастерской. На пароходе, как только он очутился в открытом море, возникла забастовка матросов, большинство которых оказалось большевиками и которые оторвали пластырь на одном изъяне парохода, отчего он накренился на один бок, так что приходилось все время откачивать воду. Большевики с оружием в руках заняли заранее ими приготовленные и спущенные лодки, а некоторые из них бросились в воду и поплыли к лодкам.

На пароходе было более двух с половиной тысяч пассажиров, среди которых юнкера Одесского военного училища, которые открыли по большевикам стрельбу и всех их перебили. Пароход тем временем носился несколько дней по морю и, наконец, стал тонуть, подавая

сигналы о спасении. Все мужчины парохода были мобилизованы и исполняли работы матросов. Так, Н. Т. находился все время в машинном отделении, исполняя службу смазчика. К счастью, тонувший пароход спас английский миноносец, подойдя вплотную к борту парохода, и тем самым не позволил ему перевернуться. Вскоре подоспел и другой пароход Русского добровольного флота “В. К. Алексей Михайлович”, который принял большую часть пассажиров, в числе коих и Н. Т., взяв курс на Севастополь. Но когда пароход этот прибыл в Севастопольскую бухту, то оказалось, что Севастополь, ввиду наступления на него большевиков также эвакуируется» [1, с. 131].

Николаю Тимофеевичу приходится сразу же, соединившись с приехавшей из Фороса семьей, пароходом эвакуироваться в Новороссийск, откуда он перебирается в Екатеринодар (Краснодар). Далее Каштанов переезжает в Ростов-на-Дону. В течение года, затеявая все новые и новые проекты, он пытается заняться и нефтедобычей на Кавказе, и прекратить вывоз шерсти с юга России за границу (сохранив ее для будущего восстановления отечественной промышленности), и организовать поставки хлеба и продуктов в армию и т. д. В Екатеринодаре его избирают членом Совета Управления торговли и промышленности при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), он состоит членом Совета Главного комитета содействия ВСЮР. Николай Тимофеевич участвует в различных совещаниях по приглашению главнокомандующего генерала А. И. Деникина.

В связи с военными неудачами Белого движения весной 1920 г. (в течение марта были оставлены Ростов-на-Дону, Новороссийск) ВСЮР вынуждены были эвакуироваться в Крым. Проходившая в панике в последних числах марта эвакуация из Новороссийска (называемая нередко «Новороссийской катастрофой») стала последней страницей биографии Н. Т. Каштанова в России. Вместе с другими беженцами он с семьей отплывает на пароходе «Ганновер» в Константинополь. Каштановы живут на Принцевых островах (близ Константинополя) в Мраморном море. Николай Тимофеевич деятельно помогает беженцам — своим братьям по изгнанию.

«В 1920 году, когда Н. Т. находился в Константинополе, он организовал Советские Русских торгово-промышленных деятелей и устраивал еженедельно совещания под своим председательством. Наконец, он открыл Русско-Турецкую торговую палату, которая выпускала раз в неделю газету “Бюллетень Константинопольской биржи”. Редактором этой газеты был им приглашен б[ывший] министр Временного Правительства г. Гутник.

Двадцать с лишком представителей русских общественных, военных и торгово-промышленных организаций в Константинополе единогласно избирают Н. Т. судьей-заместителем Судебной комиссии при Русском консульстве в Константинополе, на эту почетную должность было выбрано от всей эмиграции еще два лица.

На острове Принкипо, около Константинополя, где жил Н. Т. со своей семьей, он избирается теми же организациями в числе 6 человек в Комиссию по распределению продуктов, выдаваемых англичанами. Кроме этого, эта Комиссия занималась вопросами: квартирным, медицинской помощью, удовлетворением духовной потребности и т. п. На островах проживало свыше 15 000 человек русских беженцев.

На большие праздники на острове Принкипо Комиссия устраивала в одной из греческих церквей русские православные службы. Часто из Константинополя приезжал служить архиепископ Анастасий, который всегда останавливался у Н. Т.»

[1, с. 138–139].

Но в России еще остается Белый Крым. По приглашению генерала П. Н. Врангеля Н. Т. Каштанов дважды приезжает в Севастополь на совещания по экономическим вопросам [3, с. 358]. Однако в ноябре 1920 г. советская власть приходит и в Крым. Для Каштанова и сотен тысяч его соотечественников с этого времени путь на родину был закрыт — для него, как и для многих, эмиграция продлилась до конца жизни.

Участь изгнанника — утеря имущества, острая ностальгия — не заставила Николая Тимофеевича впасть в отчаяние. И в Париже, где он обосновался с семьей, он остался деятельным, предприимчивым и вновь стал вполне успешным, как, впрочем, и многие русские эмигранты (рис. 7).

Для Н. Т. Каштанова и таких как он эмиграция была не

Рис. 7. Фотография и автограф Н. Т. Каштанова, помещенные перед машинописным текстом воспоминаний. 1942. (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США))

постылой чужбиной и не новой родиной, а скорее местом, где на основе исторического опыта, традиций и новаций должен был возникнуть проект будущего России. Николай Тимофеевич активно участвует в деятельности заграничных организаций русского предпринимательства, единогласно избирается в руководство Российского финансового и торгово-промышленного союза («Торгпрома»), возрождает Всероссийское общество суконных фабрикантов, пытается добиться возврата русских активов, замороженных в иностранных банках. В 1926 г. русские эмигранты во Франции делегируют Н. Т. Каштанова в оргкомитет Русского зарубежного съезда.

Еще более заметен его след в культурной и духовной жизни эмиграции. Он был одним из 12 членов-учредителей и первым товарищем

Рис. 8. Устав общества «Икона» в Париже. Париж, 1929.

Оформление И. Я. Билибина.
Французский вариант.

Из книги: Вздорнов Г. И. Общество «Икона» в Париже : в 2-х т. / Г. И. Вздорнов, Э. Е. Залеская, О. В. Лелекова. М.; Париж, 2002. Т. 1. С. 89.

председателя знаменитого общества «Икона», созданного В. П. Рябушинским в 1927 г. Общество стало хранителем и пропагандистом за рубежом русских духовных и культурных традиций. Этому способствовал и открытый Н. Т. Каштановым в Париже на ул. Ренн антикварный магазин «Москва» (рис. 8).

«При Обществе была организована артель иконописцев. Цель Общества — поддерживать традиции древнего иконописания за рубежом среди русских и знакомить с старинной русской иконой иностранцев» [1, с. 155].

В двухтомнике «Общество «Икона» в Париже» помещена следующая характеристика Н. Т. Каштанова:

«Первый товарищ председателя Общества «Икона» и один из его основателей <...>.

Именитый московский купец и крупный суконный фабрикант. По словам Владимира Павловича Рябушинского, он «унаследовал от

своих отцов деловитость, твердость, настойчивость в делах и глубокую веру в Бога и любовь к церкви”.

Был членом московского Биржевого комитета, выборным московского купечества, членом Совета Всероссийского объединения торгово-промышленных и финансовых деятелей в Петрограде, членом московского Коммерческого суда (на эту почетную должность выбирали обыкновенно людей независимых, безукоризненно честных, справедливых и всеми уважаемых)» [2, с. 227].

Николай Тимофеевич принимал активное участие в церковной жизни русского зарубежья, в частности, в создании в Париже Свято-Сергиевского подворья.

Сергиевское подворье в Париже основано в 1925 г. по начинанию митрополита Евлогия (Георгиевского), который тогда возглавлял Русскую церковь в Западной Европе. Будучи выпускником Московской духовной академии, Евлогий мечтал о том, чтобы создать в эмиграции богословскую школу под покровительством преподобного Сергия. Подворье задумывалось им как подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, а Свято-Сергиевский институт как аналог Московской духовной академии.

«Когда возник вопрос о создании Сергиевского подворья и Духовной семинарии в Париже, Н. Т. был одним из самых деятельных сборщиков средств на эти учреждения. На его подписном листе было первое пожертвование в 5 000 франков от графа В. Н. Коковцева. Когда окончательно возникло Сергиевское подворье, то Н. Т. был избран в Приходском совете товарищем председателя. Он и его жена Екатерина Федоровна много содействовали внутреннему украшению храма подворья» [1, с. 155] (рис. 9, 10).

Н. Т. Каштанов — один из жертвователей на нужды собора Александра Невского в Париже, где в особом «Каштановском уголке» сохранялись подаренные им иконы и утварь. *«За эти пожертвования Митрополитом Евлогием было преподано Н. Т. Божье благословение в июле 1936 года и благодарность Приходского совета» [1, с. 155].*

Николай Тимофеевич вспоминает о своем общении с видными церковными деятелями русского зарубежья: митрополитами Евлогием (Георгиевским), Анастасием (Грибановским), Вениамином (Федченковым).

В эмиграции выросли дети Каштановых. Дочери активно участвовали в Русском студенческом христианском движении (РСХД). Екатерина Николаевна вышла замуж за Николая Ивановича Яремченко, в прошлом младшего унтер-офицера Марковского полка,

Рис. 9. Комитет по сооружению Свято-Сергиевского подворья в Париже.

Сидят слева направо: Л. Н. Липеровский, архим. Иоанн, митрополит Евлогий (Георгиевский), кн. Б. А. Васильчиков, П. А. Вахрушев, кн. Г. Н. Трубецкой, Г. Г. Кульман. Стоят слева направо: Т. А. Аметистов, И. В. Никаноров, Н. Т. Каштанов, М. М. Осоргин, Н. И. Шидловский, А. К. Бутенев, Е. П. Ковалевский. Ок. 1925 г.

Из книги: Свято-Сергиевское подворье в Париже. СПб.; Париж, 1999. С. 150.

Рис. 10. Свято-Сергиевское подворье в Париже. Открытка 1920-х – 1930-х гг.

Из книги: Свято-Сергиевское подворье в Париже. СПб.; Париж, 1999. С. 151.

галлиполийца, а в эмиграции антиквара, общественного деятеля. Она была помощницей ему и отцу по антикварному магазину «Москва». Ольга Николаевна стала женой Ивана Николаевича Житкова, участника Первой мировой и Гражданской войн, Белого движения, Георгиевского кавалера, талантливого инженера и экономиста. Они жили в США, занимались научной и преподавательской деятельностью в Колумбийском университете. Сын Николая Тимофеевича, Николай Николаевич, служил во французском флоте, во время Второй мировой войны был мобилизован в армию, участвовал в боях с гитлеровцами, получил контузию.

1 сентября 1941 г. Н. Т. Каштанова постигло несчастье — скончалась Екатерина Федоровна, с которой он прожил в любви и согласии 37 лет. Ее похоронили на парижском кладбище Батиньоль. Там же, рядом с женой, девять лет спустя упокоился и Николай Тимофеевич: дата его смерти 7 апреля 1950 г. (рис. 11).

Рис. 11. Надгробие и крест на могиле Н. Т. Каштанова на кладбище Батиньоль в Париже. Фото автора. 2019 г.

Русский фабрикант больше так и не увидел родину, которую горячо любил. Хочется надеяться, что опубликованные воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова внесут дополнительные детали в наше знание эпохи и будут способствовать восполнению пробелов в исторической памяти России, ярче высветят личность и судьбу их автора, который писал о себе и своем деле: *«Цель всей такой упорной работы и затраченной энергии Н. Т. была у него одна, чтобы дать доброкачественный и дешевый товар потребителю российского рынка, который не только не должен был бы “покупать мундира заморского” по задаче, данной еще Петром Великим суконной зарождавшейся промышленности, но и не покупал бы вовсе заграничных изделий»* [1, с. 157].

Приношу искреннюю благодарность главному библиотекарю Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, кандидату педагогических наук Н. А. Егоровой за помощь в архивных поисках и подготовке материала.

Список литературы

1. В России и в эмиграции: Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля / Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Институт Наследия); под общ. ред. В. Ф. Козлова; науч. ред., коммент. А. Г. Смирнова; сост., вступ. ст. В. В. Зыбин; вступ. ст., коммент. Б. В. Арсенев. — Москва: Краеведение, 2020. — 240 с.: ил.
2. Вздорнов Г. И. Общество «Икона» в Париже : в 2 т. / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залеская, О. В. Лелекова. — Москва ; Париж : Прогресс–Традиция, 2002. — Т. 1. — 600 с.
3. Врангель П. Н. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. — Москва: ТЕРРА-TERRA, 1992. — Ч. 2: [Южный фронт]: (ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г.). — 467, [4] с.
4. Исцеленнов Н. И. Общество «Икона» в Париже // Зарубежная Россия: доп. вып. / П. Е. Ковалевский. — Paris: Librairie des cinq Continents, 1973. — С. 82–85.
5. Каштанов Николай Тимофеевич // Незабываемые могилы: Российское зарубежье : некрологи 1917–1997: в 6 т. / Росс. гос. б-ка; сост. В. Чуваков; под ред. Е. Макаревич. — Москва: Пашков дом, 2004. — Т. 3. — С. 244.
6. Каштанов Николай Тимофеевич // Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биограф. слов.: в трех т. = L'Emigration russe en France: 1919–2000:

- dictionnaire biographique: en trois vol. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — Москва: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. — Т. 1: А–К. — С. 673.
7. Обзор шерстяной промышленности и шерстяного рынка за 1917–1922 годы за границей и в России / Всероссийское общество суконных фабрикантов. — Париж, 1924. — 207 с.
 8. Общество суконных фабрикантов (Москва). Устав Общества суконных фабрикантов: [утв. 30 июля 1910 г.]. — Москва, 1910. — 19 с.
 9. Петров Ю. А. Династия Рябушинских: книга-альбом / под ред. Е. Филиппова; оформ. А. Зубченко; сост. Ю. Петров. — Москва: Русская книга, 1997. — 198 с. — (России известные имена).
 10. Преподобный Сергей в Париже: История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского института / отв. ред. протопресвитер Б. Бобринский. — Санкт-Петербург: Росток, 2010. — 709 с.
 11. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / сост., биогр. очерк и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга; худож. оформ. Г. Златогорова. — Москва: Мосты культуры, 2010. — 452 с.
 12. Свято-Сергиевское подворье в Париже: к 75-летию со дня основания / подгот. изд. К. К. Давыдова, С. Н. Ершова, А. П. Козырева [и др.]. — Санкт-Петербург: Алетейя; Париж: Изд. Прихода преп. Сергия, 1999. — 256 с.: ил.
 13. Скорбный листок: [Н. Т. Каштанов. Некролог] // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1950. — 21 мая. — № 19304. — С. 4.
 14. Список фабрик и заводов России 1910 г.: по официальным данным фабричного, податного и горного надзора / составлено редакцией «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов»; Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. — [2-е изд.]. — Москва; Санкт-Петербург; Варшава: Торговый дом Л. и Э. Метцль и К°, [1910]. — [2], СССР, 1034 с.

**Вологодская купеческая семья Кульковых в XVIII в.
По материалам Государственного архива
Вологодской области**

История начального этапа освоения севера Тихого океана в целом и Алеутских островов и полуострова Аляска в XVIII в. неразрывно связана с Вологодской областью и вологжанами. Из более чем 100 промысловых экспедиций более 20 было организовано тотемскими и вологодскими купцами. Пиком их активности стали 1750–1780-е годы. Заслуги вологжан были замечены императрицей Екатериной II: город Тотьма получил герб с изображением черно-бурой лисицы, которая водится на о. Уналашке, Умнак и Уникак, а 12 купцов-компанейщиков были награждены золотыми медалями и освобождены от городских служб. Среди них было четверо вологодских купцов: братья Иван и Федор Буренины и Федор и Василий Кульковы.

Основной проблемой в изучении истории как купечества, участвовавшего в освоении Аляски и Алеутских островов, так и самого процесса колонизации является утрата очень большого массива источников. Из-за пожаров утрачены архивы Иркутска, Охотска, Камчатки, Тотьмы, частично и Вологды. Утрачена часть колониального архива, освещающего деятельность первых русских поселений на Аляске в период с 1783–1818 гг., сохранились лишь фрагменты комплекса документов за данный период. В связи с этим утрачены документы не только по истории освоения заморских территорий, но и просто о торговой деятельности купечества Русского Севера и Сибири. Однако, несмотря на это, исследователи пытаются по крупицам воссоздать картину деятельности россиян по продвижению и освоению заморских территорий.

В настоящее время имеется обзор материалов ГАВО по торговой деятельности тотемского купечества в конце XVIII — начале XIX вв. [1] Кроме того, имеются статьи о вкладе жителей Великого Устюга в освоение Тихого океана и развитие сибирской торговли [2–5]. Началась публикация писем купеческой семьи Булдаковых [6]. Г. Н. Козина провела исследование о вологодских купцах — владельцах фабрик и заводов [7]. Краевед И. Б. Воронин ведет исследования

по истории вологодской архитектуры и купеческих домов [8]. Однако промысловая деятельность вологодского купечества привлекала исследователей в гораздо меньшей степени.

Целью данной статьи является попытка составить биографию купеческой семьи Кульковых, одной из тех, кто среди вологодских купцов принял наиболее активное участие в пушном промысле на Тихом океане.

В Государственном архиве Вологодской области в фондах Вологодского городского и губернского магистрата, Вологодской городской думы, Вологодской палаты гражданского суда обнаружены некоторые источники по истории торговой деятельности вологодского купечества, в основном за период 1780–1790-х гг.

В частности, это книги записи доверительных писем за 1783, 1787–1789, 1792 гг., которые позволяют узнать о торговой деятельности вологодских купцов на территории Российской империи, проследить направления их торговой активности. Также это протоколы заседаний Вологодского городского магистрата, освещающие ход различных долговых претензий, продажи имущества с публичных торгов. В фонде Вологодского губернского магистрата имеются выписки из торговых договоров за 1790 г., а также записи о протестованных векселях за 1792 г., несколько судебных дел, касающихся семьи вологодского купца Федора Афанасьевича Кулькова. Они позволяют раскрыть некоторые аспекты его биографии. В фонде Вологодской городской Думы имеется обывательская книга г. Вологды за 1792 год. Ее данные позволяют установить количество купцов различных гильдий, проживавших в то время в Вологде, информацию об их деятельности и недвижимости, которой они владели. В фонде Вологодской палаты гражданского суда имеются книги записи договоров на продажу недвижимости.

Неожиданную значимость показали материалы фондов Вологодской духовной консистории и объединенного фонда церквей Вологодской епархии. В первую очередь исповедные росписи Сретенского и Мироносицкого приходов г. Вологды за 1730–1800 гг. Они позволяют проследить родственные связи, а также время смены места жительства членов семей вологодских купцов. Метрические книги позволили установить точные даты рождений, смертей и бракосочетаний.

Кроме того, сохранившиеся приходо-расходные книги Вологодского Спасо-Прилуцкого, Горнего Успенского женского монастырей, Мироносицкой церкви г. Вологды, Софийского собора позволили установить время и объем денежных пожертвований на нужды церкви, что, на наш взгляд, составляет небольшие, но важные штрихи

к портретам вологодских купцов. Не удалось обнаружить духовные завещания семьи Кульковых.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют частично восстановить биографию вологодского купеческого рода, оставившего заметный след в промысловом освоении Алеутских островов (рис. 1–4).

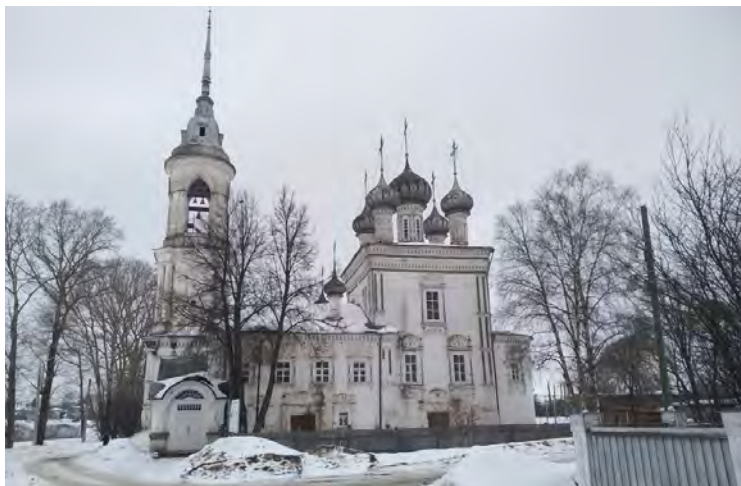

Рис. 1. Сретенская церковь г. Вологды. Фото: В. А. Коноплев, 2021

*Рис. 2. Церковь Иоанна Златоуста (Мироносицкая).
Фото: В. А. Коноплев, 2021*

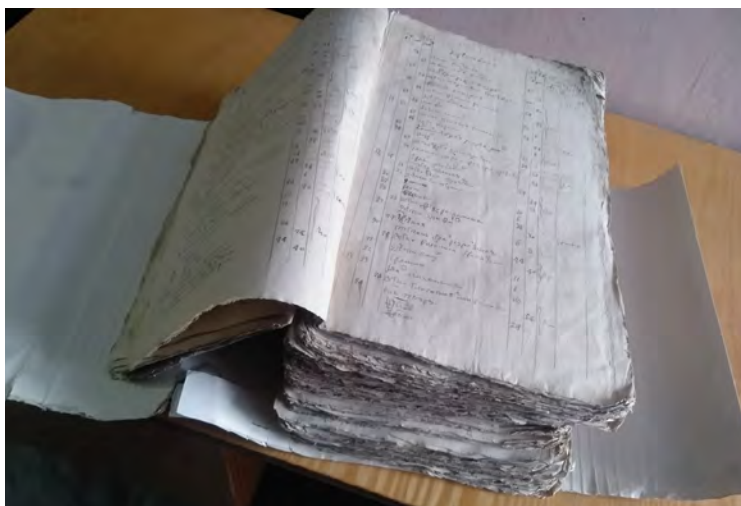

Рис. 3. Исповедная роспись XVIII в. Фото: В. А. Коноплев, 2021

48	Урбана	Третьяковская	22	ли
49	Анна	Третьяковская	23	ли
50	Стефан	Третьяковская	24	ли
51	Иван	Третьяковская	25	ли
52	Анна	Третьяковская	26	ли
53	Иван	Третьяковская	27	ли
54	Анна	Третьяковская	28	ли
55	Иван	Третьяковская	29	ли
56	Анна	Третьяковская	30	ли
57	Иван	Третьяковская	31	ли
58	Анна	Третьяковская	32	ли
59	Иван	Третьяковская	33	ли
60	Анна	Третьяковская	34	ли
61	Иван	Третьяковская	35	ли
62	Анна	Третьяковская	36	ли
63	Иван	Третьяковская	37	ли
64	Анна	Третьяковская	38	ли
65	Иван	Третьяковская	39	ли
66	Анна	Третьяковская	40	ли
67	Иван	Третьяковская	41	ли
68	Анна	Третьяковская	42	ли
69	Иван	Третьяковская	43	ли
70	Анна	Третьяковская	44	ли
71	Иван	Третьяковская	45	ли
72	Анна	Третьяковская	46	ли
73	Иван	Третьяковская	47	ли
74	Анна	Третьяковская	48	ли
75	Иван	Третьяковская	49	ли
76	Анна	Третьяковская	50	ли
77	Иван	Третьяковская	51	ли
78	Анна	Третьяковская	52	ли
79	Иван	Третьяковская	53	ли
80	Анна	Третьяковская	54	ли
81	Иван	Третьяковская	55	ли
82	Анна	Третьяковская	56	ли
83	Иван	Третьяковская	57	ли
84	Анна	Третьяковская	58	ли
85	Иван	Третьяковская	59	ли
86	Анна	Третьяковская	60	ли
87	Иван	Третьяковская	61	ли
88	Анна	Третьяковская	62	ли
89	Иван	Третьяковская	63	ли
90	Анна	Третьяковская	64	ли
91	Иван	Третьяковская	65	ли
92	Анна	Третьяковская	66	ли
93	Иван	Третьяковская	67	ли
94	Анна	Третьяковская	68	ли
95	Иван	Третьяковская	69	ли
96	Анна	Третьяковская	70	ли
97	Иван	Третьяковская	71	ли
98	Анна	Третьяковская	72	ли
99	Иван	Третьяковская	73	ли
100	Анна	Третьяковская	74	ли

Рис. 4. Состав семей Кульковых и Бурениных.
Из исповедной росписи Сретенской церкви г. Вологды за 1745 г.
Семья Бурениных (вверху) и Кульковых (внизу).
(ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 139. Л. 378об.)
Фото: В. А. Коноплев, 2021

Пушные богатства Командорских и Алеутских островов были открыты участниками Второй Камчатской экспедиции, зимовавшими на о. Беринга. Первая промысловая экспедиция состоялась уже в 1743 г. Среди участников самых первых экспедиций были устюжане и тотмичи. Так постепенно слухи о пушных богатствах докатились и до Вологодчины. Среди жителей г. Вологды на 1756 год в сибирских городах находилось 9 человек [9, Л. 96 об.–97]. К середине 1750-х гг. из-за истребления калана на Командорских островах промышленники были вынуждены двинуться на восток. Сначала к ближним, а затем и средним Алеутским островам. Снаряжение экспедиции было крайне дорогостоящим делом. В первую очередь из-за сложностей транспортировки припасов через Сибирь в Охотск или на Камчатку. И это несмотря на то, что первоначально плавания совершались на небольших шитиках. Экипаж судна составлял 30–40 человек. Вследствие этого организаторами выступали несколько человек, которые составляли кампанию. Эта кампания создавалась на одну экспедицию. Результаты промысла делились на всех участников в соответствии с имеющимися у них паями.

В Вологде участниками таких кампаний стали купцы Кульковы. Они были не единственными жителями г. Вологды, которые участвовали в пушном промысле, скорее всего даже на том раннем этапе, от которого почти не осталось никаких источников. Но они были наиболее заметными среди них.

Семья Кульковых начинает упоминаться в исповедных ведомостях Сретенской церкви г. Вологды с 1720-х гг.

В исповедной ведомости за 1723 г. значатся¹: «живет в Сретенской улице вдова Евдокея Семенова дочь Лукьяновская жена Кулкова, дети ее Екатерина девица, Василей исповедывались и причащались 1723 году 1 или 4 Великого поста, другой сын Афанасей исповедывался 1723, а причащался 1721 году, жена его Евдокея исповедывалась и причащалась 1723 году 1 или 4 Великого поста» [10, л. 709].

Согласно исповедным ведомостям той же церкви за 1737 и 1745 г., в семье вологодского посадского человека Афанасея Лукина Кулкова (ок. 1690 г. р.) и его жены Евдокеи Григорьевой (ок. 1703 г. р.) были дети: Семен (ок. 1720 г. р.), Федор (ок. 1733 г. р.), Василей (ок. 1736 г. р.), Алексей (ок. 1740 г. р.), Андрей, подкидыш, крещен 29 ноября 1763 г. (дата рождения не установлена, восприемники при

¹ В фонде Вологодской городской ратуши, хранящемся в РГАДА, имеется несколько дел, касающихся приобретения семьями Кульковых недвижимости. (РГАДА. Ф. 717. Оп. 1. Д. 149, 425, 628)

крещении не указаны) [10, л. 709; 11, л. 405; 12, л. 24 об.; 13, л. 79; 14, л. 271; 15, л. 378 об.].

Афанасей Лукин Кулков умер 1 октября 1771 г. в возрасте 80 лет. Евдокия Григорьева Кулкова умерла 22 мая 1776 г. в возрасте 81 года (причины смерти не указаны).

Род занятий семьи Кульковых в 1720–1750-х гг., к сожалению, неизвестен по причине отсутствия источников. Когда именно Кульковы заинтересовались пушным промыслом, также неизвестно. Однако благодаря исповедной ведомости Сретенской церкви за 1759 г. можно узнать о том, что Семен, Федор и Василий Кульковы «за отлучением в сибирских городех» не исповедовались с 8 января 1759 г. [16, л. 753 об.]. Следовательно, мы можем предположить, что к поездке в Сибирь они готовились в течение 1758 г.

На тихоокеанских берегах братья Кульковы приняли участие в экспедиции на боте «Захарий и Елизавета». Данная экспедиция вышла к Алеутским островам из Нижнекамчатского острога в 1759 г. Следовательно, с учетом времени, которое требовалось для того, чтобы достичь Дальнего Востока, можно предположить, что решение заняться пушным промыслом было принято еще в середине 1750-х гг. В компании бота «Св. Иулиан», также отправившегося в это время к Алеутским островам, приняли участие 11 купцов из городов Тулы, Яренска, Тобольска, Лальска, Москвы и Тотьмы, среди них вологодские Василий Кулков и Иван Буренин; «Захария и Елизаветы» Федор и Семен Кульковы [17, с. 64; 18, с. 113].

«Св. Иулиан» под командованием яренского посадского Степана Гавриловича Глотова покинул Камчатку 2 сентября 1758 г.

Судно вернулось на Камчатку 31 августа 1762 г. Груз — несколько черных лисиц, 1000 чернобурых, 1000 сиводушек, 400 огневок [17, с. 35].

«Захарий и Елизавета» отправился на промысел в 1759 г. Перезимовав на о. Беринга, промышленники двинулись на юго-восток и прибыли на ближние Алеутские острова. За три года было добыто 1750 каланов и 530 голубых песцов. Вернулись в Охотск в начале августа 1762 г. [18, с. 113–120; 19, с. 41]. В 1764 г. Екатерина II награждает Василия Кулькова, Ивана Буренина, как и всех участников компании судна «Св. Иулиан», золотыми медалями и освобождает от городских служб, впоследствии награды получили Федор Кулков и Федор Буренин [17, с. 85].

С точки зрения промысла данные экспедиции были удачны, и на волне успеха братья Кульковы вновь снаряжают судно «Захарий и Елизавета» уже как главные компанейщики.

В 1762 г. судно выходит к Алеутским островам. В 1764 г. братья Кульковы возвращаются из Сибири. Однако в 1763 г. у Лисьих островов четыре промысловых экспедиции стали жертвами восстания алеутов. Судно «Захарий и Елизавета» было уничтожено.

Тем временем в Вологде 16 июня 1764 г. Василий Кульков женится на дочери вологодского купца Алексея Андреевича Шапкина Наталье, а Федор Кульков 11 июля того же года — на дочери купца Гавриила Ивановича Белозерова Ирине.

Какова была доля промысла каждого из братьев? Как шли их дела после путешествия? Косвенным признаком могут стать вновь исповедные росписи города Вологды за 1760-е гг. В 1768 г. Василий Кульков переселяется на территорию Мироносицкого прихода совсем рядом со Сретенским [20, л. 181 об.; 21, л. 165 об.]. Впоследствии в 1780-х гг. он строит каменный двухэтажный дом, известный ныне как дом адмирала Барша (рис. 5).

Материалы вологодских городского и губернского магистратов представлены в архиве с 1780-х гг., поэтому период с 1764–1779 гг. также остаются практически белым пятном.

Федор Афанасьевич Кульков в 1765 г. еще не получил сведений о гибели судна «Захарий и Елизавета» и 1 февраля 1765 г. обратился в Сенат с просьбой дать разрешение на организацию промысловой экспедиции совместно с братом Алексеем Кульковым, шурином Федором Белозеровым и вологодскими купцами. Для этой цели он просил освободить их от городских служб: «сверх находящегося ныне за Камчаткой в море в морском вояже означенных промыслов собственного его судна, желает еще к прославлению Российской империи и приобретению высочайших Е.И.В. интересов построить ... другое морское судно и на оном иттить для обыскания незнаемых морских островов и народов и промыслу морских зверей» [22, л. 13]. То есть Федор хотел не только организовать экспедицию, но и вторично отправиться на Алеутские острова для совершения географических открытий. Сенат дал свое согласие и указ 2 марта 1765 г. (рис. 6).

В 1764 г. Федор Кульков отправляет в Охотск своего приказчика Дмитрия Мизгирева «с напитком (ромом), такелажем и с другими ради судовой оснастки припасами, с кредитными (деньгами или письмом), которые представлены в магистрат в 1765 г.» [22, л. 40 об.]. Впоследствии, после гибели судна на Алеутских островах Федор потерпел убытки на 8777 р. 25 к. У него появились проблемы с выдачей паспорта в Сибирь. В связи с этим он в обход провинциального и главного магистрата, примерно в конце 1760-х гг., подает жалобу непосредственно

Рис. 5. Дом адмирала Барша. Фото: В. А. Коноплев, 2021

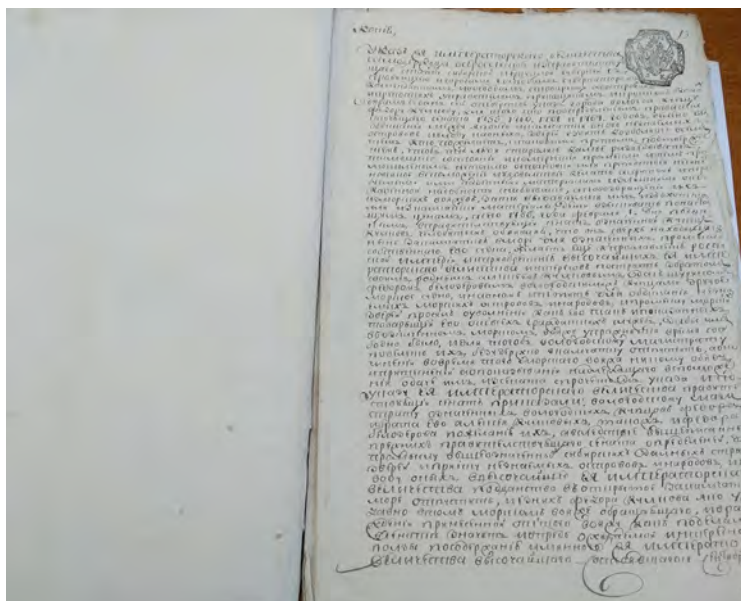

Рис. 6. Лист с копией указа Сената о разрешении Ф. А. Кулькову организовать промысловую экспедицию, 2 марта 1765 г. (ГАВО. Ф. 833. Оп.1. Д. 376. Л. 13.) Фото: В. А. Коноплев, 2019

в Сенат. Он посчитал причиной своих убытков препятствия, чинимые городовым магистратом и лично Яковом Бурениным, бывшим в то время его президентом, «который де с самого начала был сведущее прочих о разорительных его Кулкова приключениях» [там же]. Из-за отсутствия паспорта он не мог лично контролировать своего приказчика Мизгирева и получить сведения о его такелаже. В жалобе он писал о своем сильном желании организовать экспедицию, чтобы поправить свое материальное положение, «а понеже де ныне он Кулков будучи подвержен от вышеписанных несчастливых приключений несносному упадку, по причине которого недоволен, что лишился собственного его капитала, но и кредиторам обязан заплатить более 3000 р.», соответственно просит дать паспорт на 2 года, чтобы «свободнее мог произвести в действо некоторое предприятие» [22, л. 5]. В 1770 г. Сенат постановил оштрафовать Ф. Кулкова на 10 р., учитывая его награждение за труды на Алеутских островах (вместо телесного наказания). Причиной стало обращение через голову территориальных магистратов, а также подача прошения от имени других людей без их официального согласия. В городском магистрате Алексей Кулков и Федор Белозеров открестились от планов Федора Кулкова по организации промысловой экспедиции.

Годом ранее, 10 января 1769 г., императрица Екатерина II пожаловала из своего гардероба «пару платья суконную...с позументом золотым, да для жены две пары, одна парчевая фиолетовая серебром и другая белая травчатая атласная» [22, л. 14]. Данный факт был впоследствии занесен в обывательскую книгу г. Вологды 1792 г.

В течение 1770-х гг. Ф. А. Кулков сумел восстановить свое финансовое положение. На приданое жены им был построен каменный дом на месте старого дома отца [23, л. 228 об.–229].

В 1781 г. 17 декабря Ф. А. Кулков дает верящее письмо вологодскому мещанину Ивану Петровичу Арменинову везти свои товары в Кяхту на китайскую границу, на 3 года, с жалованьем 200 рублей в год. Он требовал от приказчика письменно уведомлять его обо всех производимых им операциях, а также о том, что пользуется спросом у китайцев, а также «с сомнительными людьми не общаться, вести себя пристойно, не пьянствовать, изящных роскошей не чинить и наблюдать себя честным человеком» [24, л. 1 об.]. 28 января 1784 г. нанимает на 3 года братьев кузнечного цеха Андрея и Козьму Ивановичей Волковых торговать в своих лавках в г. Вологде и дает им полномочия самостоятельно закупать товары необходимые для торговли, запрещает брать в долг [25, л. 8]. В 1787 г. жена Ирина Гавриловна

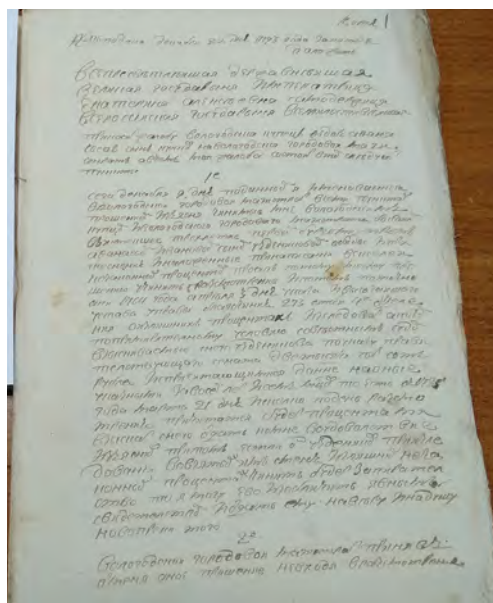

Рис. 7. Лист с копии жалобы Ф. А. Кулькова на вологодского купца А. И. Узденикова 1794 г. (ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 613. Л. 1) Фото: В. А. Коноплев, 2019

Кулькова доверяет своему мужу получение ее доли в наследстве умершего 21 ноября 1786 г. брата Федора Гавриловича Белозерова. 20 января 1787 г. Ф. А. Кульков велит своему сыну Роману принять в Соли Камской (Соликамске) у купца Ивана Петровича Якимова свои товары (напитки в 7 оксовтах), продать на Ирбицкой ярмарке и там же купить в долг разных товаров на 5000 р. и дать соответствующие вексели. Эти товары привезти в Вологду. 12 мая того же года дает сыну Роману письмо на 1 год. Роман Кульков должен был отвезти из Вологды в Санкт-Петербург «белку сибирскую опскую и черную якутскую 70 000 белок» и продать либо обменять на различные товары. Там же купить в долг на 5000 р. различных товаров и привезти в Вологду. Другому приказчику Якову Федоровичу Львову 14 июня того же года на 1 год доверяет 500 р. с целью закупки в различных районах Российской империи холста. В долг брать запрещает [26, л. 8 об.–9, 10 об.–11, 38 об., 53]. В 1788 г. 23 июня отправляет сына Романа по городам Российской империи для закупки и продажи товаров. Велит купить в долг товаров на 3000 р. и дать соответствующие векселя и привезти в Вологду [27, л. 55 об.].

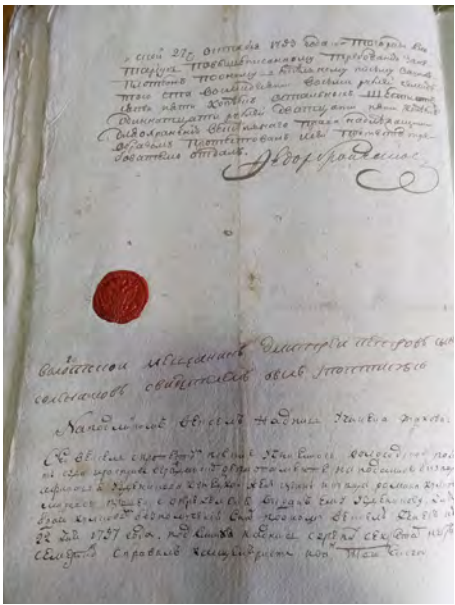
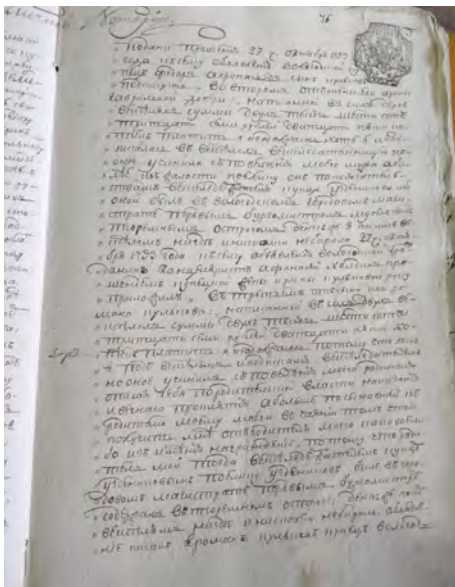

Рис. 8, 9. Выписка из показаний семьи Федора Кулькова об отказе оплачивать вексель, данный купцу Узденикову, 1794 г. (ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 1343. Л. 76, 76об.) Фото: В. А. Коноплев, 2019

В фонде Вологодского губернского магистрата сохранились выписки из договоров, заключенных в 1790 г., среди них в ведомости за август имеется запись: «сын вологодского купца отправил из Санкт Петербурга в Амстердам чрез выборгского купца, отца его товаров 62 789 белок обских» на сумму 5650 р. [28, л. 17 об.]. Торговля в долг, которую практиковал Федор Афанасьевич Кульков, была достаточно рискованной, и этот риск ударил по семье Кульковых. В 1785 г. началась многолетняя тяжба Федора Кулькова с вологодским купцом Афанасием Ивановичем Уздениковым, нашедшая отражение в материалах Вологодского городского, губернского магистратов, а также Вологодской палаты гражданского суда. В своих жалобах Федор Кульков излагал дело следующим образом. В начале 1785 г. Вологодский совестный суд рассматривал спор Кулькова и Узденикова в том, что последний не отдал Кулькову некоторую сумму денег, возможно довольно крупную. Так как из-за равенства голосов в суде и несогласии посредников дело не было утверждено, соответственно суд предложил сторонам выработать примирительные условия. Ф. Кульков, чтобы не ввязываться в судебную тяжбу, которая могла бы длиться годами, решил с Уздениковым примириться, «уничтожить щеты и расчеты». Он выдал ему имеющиеся у него 3 векселя на 900 р., а также по данному Ф. Кульковым иностранному купцу Ивану Шнейдеру в 11 869 р., где поручителем выступал Уздеников, освободил его от поручительства. В свою очередь А. Уздеников должен был отдать Кулькову 2500 р. наличными и вексель, данный ему Кульковым 1 января 1784 г. на 3400 р. 26 февраля 1785 г. данное условие было представлено в суд и 21 марта утверждено [29, л. 4 об.]. Однако, как пишет Ф. Кульков, «он (Уздеников), пользуясь моею простотою или по происку его, было в то примирительное условие введено будто б 2500 р. обязался заплатить не по тем счетам, которые были представлены в суд, и не по вине своей», а для того, чтобы оказать финансовую помощь по уплате кредита купцу Шнейдеру. Вследствие этого Уздеников, несмотря на неоднократные требования Кулькова, платить 2500 р. отказался. В ноябре 1786 г. Кульков подает жалобу в Сенат, который, сочтя ее справедливой, в 1787 г. потребовал от Вологодского наместнического правления взыскать деньги [30, л. 3–3 об.]. Наместническое правление передало указ Сената в управу благочиния, куда купец Уздеников не явился, «а затем скрылся из своего дома в Санкт Петербург и там к обиде Кулькова, оболгав его иностранных кредиторов, сказав им, будто бы он, Кульков, пришел по кредиту не в состояние и упадок, и тем самым вымыслом по

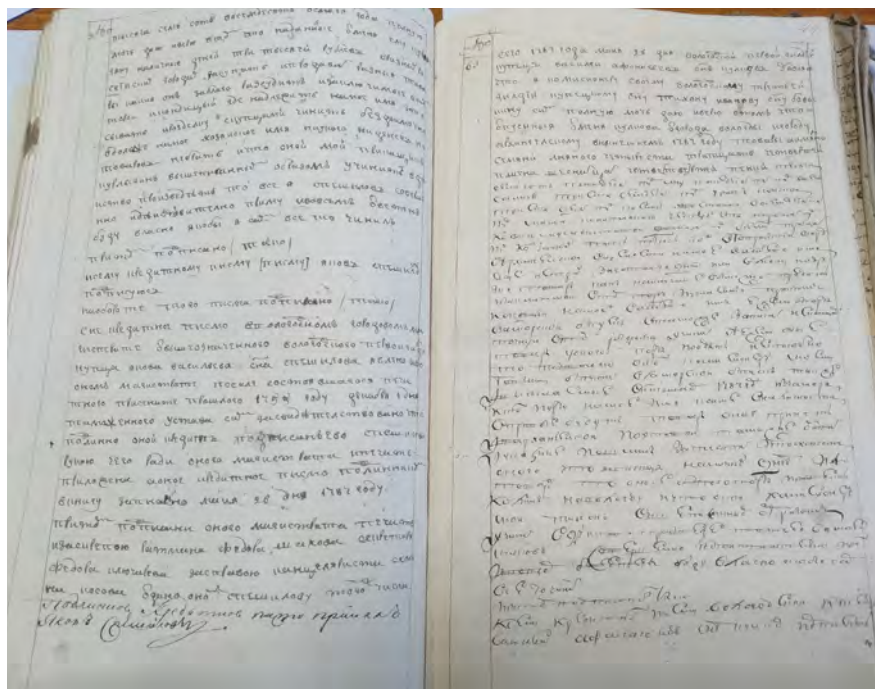

Рис. 12. Страница из книги записи верящих писем 1787 г.
В. А. Кульков просит отправить свои товары в г. Архангельск.
(ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 9. Л. 44) Фото: В. А. Коноплев, 2019

видимости купил данные им Кульковым три векселя на 6045 р., дабы тем удобнее мог его Кулькова безвременно притеснить, чтоб чрез оное отбыть справедливого его Кулькова 2500 р. иска» [29, л. 4 об.]. А. Уздеников вернулся в Вологду 5 апреля 1788 г. и, не поставив Ф. Кулькова в известность, предъявил их к взысканию в Вологодское наместническое правление. Кульков признал векселя, однако попросил, чтобы те 2500 р., которые Уздеников должен был ему, были признаны в зачет. Его оппонент «не устыдился своей совести» и показал, что не считает себя должным выплачивать данную сумму. Однако, судя по всему, под давлением чиновников правления вынужден был согласиться с требованием Ф. Кулькова. Однако категорически отказался дать какую-либо отсрочку по выплате долга [Л. 7–16].

На следующий день, 6 апреля, Уздеников, оказывая на Кулькова психологическое давление, угрозами ареста движимого и недвижимого имущества и продажи его с публичных торгов, забыв «страх Божий и ...

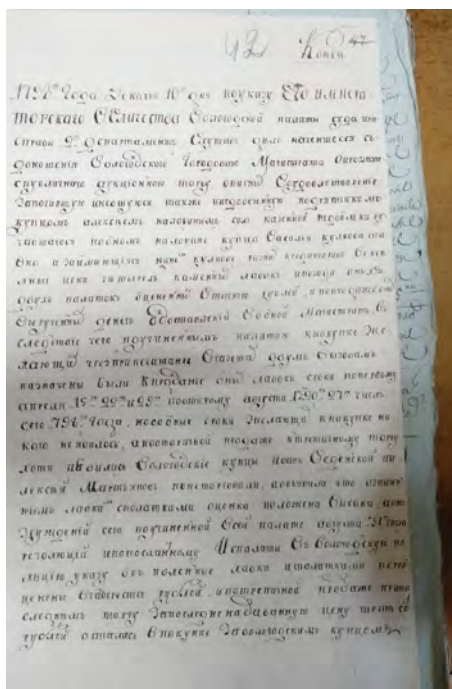

Рис. 13. Из дела фонда Вологодской палаты суда и расправы о продаже с торгов 4-х каменных лавок вологодского купца Василия Кулькова, 1798 г. (ГАВО. Ф. 844. Оп. 1. Д. 848. Л. 42.)
Фото: В. А. Коноплев, 2019

законы», наложил на сумму 3545 р. незаконные проценты, соответствовавшие 2500 р., и взял с Кулькова 5 векселей: 1) 1045 р. на 8 месяцев; 2) 1500 р. на 16 месяцев; 3) 1000 р. на 24 месяца; 4) 1500 р. на 32 месяца и на 1000 р. сроком на 36 месяцев. Данные векселя Уздеников раздал третьим лицам, по словам Кулькова, чтобы избежать преследования в случае жалоб в магистрат, и один в 1000 р. сроком на 3 года оставил у себя [30, л. 3 об. – 4 об.].

В 1790 г. Афанасий Уздеников был избран первым бургомистром Вологодского городского магистрата и, как пишет Кульков, «то недовольно, чтоб по должности своей показал ко мне по христианству человеколюбие, но вопреки в самую противность ... стал судьей по своему делу» [30, л. 4 об.]. Он собрал векселя обратно (один взял у купца Михаила Хомутинникова, по которому было выплачено 200 р.), а также настроил против Ф. Кулькова второго бургомистра Бориса Леонтьевича

Корелкина. Корелкин убедил брата Федора Василия Кулькова дать ему вексель на Федора и внес его ко взысканию. Уздеников вызвал Федора Кулькова в магистрат и потребовал выплатить деньги по векселю, но когда Ф. Кульков напомнил ему про 2500 р., Уздеников впал в ярость и приказал отослать Кулькова под стражу, «где содержан был без выпуску с прочими подозрительными и осужденными к торговой казни людьми долгое время» [30, л. 5]. К 1790 г. здоровье Федора Кулькова пошатнулось. В деле по вексельному иску к Петру Рыбникову, среди кредиторов которого был и Федор Кульков, имеется его прошение о назначении бывшего канцеляриста Афанасия Ивановича Халдина своим представителем. Так как 4 сентября 1790 г. получив из суда бумаги, из-за слабого зрения не смог их самостоятельно прочитать [31, л. 1]. Далее шантажом Уздеников заставил Федора Кулькова вместе с женой и сыном Романом дать два векселя: на свое имя в 800 р. и на имя иностранного купца Артемея Глена — 1000 р. Борису Корелкину перевод на имя своего брата Василия Кулькова на три года, «если не распишется, то будет отослан под стражу в тюремный острог или в приказ общественного призрения в работный дом». Чтобы защититься от произвола, «от духоты не умереть в тюремном остроге», 18 октября 1790 г. семья Кульковых зарегистрировала в маклерской книге два векселя [30, л. 5–5 об.] Согласно записям городского магистрата арест с имени Ф. Кулькова был снят 16 декабря 1790 г. [32, л. 1].

Чтобы избежать разорения, Кульковы решили пойти на хитрость. В Вологодской палате гражданского суда 19 декабря 1790 г. Федор Кульков дал своему сыну купцу 3-й гильдии Роману Федоровичу разделительную запись «при сем отделе благословлено оного сына моего образом Всемилостивого Спаса», все долги Федор Афанасьевич оплачивал сам, без участия сына. А все доходы Романа становились исключительно его собственностью [33, л. 89 об. – 90].

В Вологодский городской магистрат Кульковы дали 23 сентября 1791 г. прошение, согласно которому каменный дом, оцененный в 1789 г. в 4398 р. 50 к., передается в полное распоряжение Федора Кулькова, а товар, отправленный за границу, в виде обской белки и бобровой струи на сумму 3950 р. 21 к. становится собственностью Ирины Гавриловны Кульковой, которая также принимает на себя обязательства по уплате векселей купцу Узденикову [32, л. 97–97 об.].

В конце 1793 г. Борис Корелкин протестовал вексель Василия Кулькова, 27 октября 1793 г. Кульковы объявили нотариусу, что данные векселя взяты вымогательством (без получения денег). Корелкин,

а вслед за ним и Уздеников, испугавшись огласки и ответственности, потребовали вместо этого векселя крепостную на дом Ф. Кулькова. Данная крепостная была сделана 10 ноября 1793 г., в ней указано, что Ф. А. Кульков закладывает за 3000 р. полученных от Бориса Леонтьевича Корелкина² [34, л. 62 об.–63].

Платежи по данным векселям имелись: 18 августа 1791 г. — 183 р. 25 к., 12 августа 1793 г. — 5 р.

В своей жалобе в губернский магистрат Федор Кульков пишет, что «доведен происками купца Узденикова до крайнего разорения» [29, л. 29 об.]. Примерно в это же время один из векселей попадает к купцу Прокопию Шанкову, который хотел инициировать по нему вексельное дело. Когда Уздеников узнал о жалобе Кульковых в губернский магистрат, забрал обратно у него данный вексель (611 р.), а также просил через посторонних людей примирения (священника Сретенской церкви и вологодского купца Михаила Ивановича Хомутильников) [35, л. 62 об.]. В декабре 1793 г. было составлено черновое условие, смысл которого заключался в том, что Кульковы никаких денег Узденикову не должны, а взамен не дают ход своему прошению в губернский магистрат. Однако эти условия не были подписаны и зафиксированы свидетелями. Уздеников от них отказался, и вексель вновь оказался у Шанкова.

Соответственно Федор Кульков 2 марта 1794 г. подал прошение в губернский магистрат на Узденикова, а в залог предоставил «аметистовые камни, закладную и векселя на 1642 р. 50 к.». 9 марта он заменил залог на вексель на вологодского купца Бориса Леонтьевича Корелкина на 869 р. [29, л. 30, 30 об.; 34, л. 39 об.–40].

Вологодский мещанин Федор Афанасьевич Кульков умер 30 мая 1794 г. в возрасте 59 лет «чахоткою»³. Вексельные дела губернский магистрат не удовлетворил, и уже Роман Федорович и Ирина Гавриловна Кульковы подали в 1796 г. апелляцию в Вологодскую палату гражданского суда. 29 января 1797 г. палата гражданского суда отправила запрос в городской магистрат, когда, по какому делу и какое время Федор Кульков провел в тюремном остроге. Однако все, что удалось выяснить, это лишь то, что 18 октября 1790 г. он был

² Опубликовано И. Б. Ворониным. См. Этюды по Вологодведению // история дома ул. Набережной 6 Армии, 81.

³ Сословная принадлежность дана согласно ревизской сказке о купцах и мещанах г. Вологды за 1795 г. (Ф. 496. Оп. 1. Д. 4369. Л. 279. Ф. 496. Оп. 8. Д. 50. Л. 61).

выпущен из городского магистрата под расписку и поручительство [34, л. 60–60 об.]. В итоге дело закончилось в 1797 г. примирением сторон.

У Федора Афанасьевича и Ирины Гавриловны Кульковых родились дети: Роман, родился 18 июля 1768 г.; Марья, родилась 18 января 1773 г. Марья умерла в возрасте 5 месяцев и была похоронена 18 июня 1773 г. во Фрязинове (дата и причина смерти не указана); Семен, родился 24 января 1776 г. [11, л. 468 об., 666; 36, л. 75, 76; 13, л. 79]. Дети Роман и Семен продолжали проживать в родительском доме. Впоследствии Семен записался в московское купечество.

Василий Афанасьевич Кульков, возможно, избежал финансовых неурядиц в конце 1760-х гг. В 1779–1780-х гг. он поставляет листовое железо Спасо-Прилуцкому монастырю для ремонта кровель — с 1779–1787 гг. на сумму 1262 р. 85 к. — 594 пуда, кроме того, монастырь в его лавках покупает в марте 1779 г. шелк «на ризы и стихари», в сентябре 1780 г. — краску для кровли на 10 р. 47 к., 11 июля 1786 г. — золотой материи на дьяконский стихарь на 87 р. 50 к., 5 июля — киноварь на 3 р. 97 к. [37, л. 57 об., 60 об., 63; 38, л. 7; 39, л. 6; 40, л. 8, 9; 41, л. 6, 7]. В 1782 г. с приказчиком Федором Ивановым Бурениным доставляет товары из Великого Устюга [24, л. 16 об.]. В 1784 г. 5 ноября доверяет комиссионеру Михаилу Васильевичу Москотинникову принять в Архангельске после умершего комиссионера Матфея Осиповича Ханжина товары, векселя, письменные документы, в случае необходимости оплатить пошлины на таможене, произвести финансовые расчеты и привезти товары в Вологду. Совместно с купцом Василием Шапкиным 23 декабря доверили приказчику Гаврилу Прокопьевичу Котовикову везти в сибирские города и на Камчатку российских, европейских и китайских товаров на 7500 р., а также «заводить на Камчатке в разных судах для промыслу зверей пай и из вояжу получать». У приказчиков Александра Васильевича Шапошникова и Федора Ивановича Волкова принять дела, а их отправить для расчета в Вологду [25, л. 44, 48 об.–49]. В 1787 г. 29 апреля поручает вологодскому купцу 3-й гильдии Василию Алексеевичу Шалыгину на 1 год закупать в разных городах Российской империи товары и их продавать, 26 мая поручает комиссионеру вологодскому купцу 3-й гильдии Тихону Петровичу Бовыкину доставить в Архангельск и продать либо обменять: льняных семян 430 четвертей, пшеница 16 четвертей, пеньки 1750 пудов, льна 55 пудов, сальных свеч 370 пудов, конской гривы 310 пудов, конских хвостов 80 пудов, конопляного масла 430 пудов, заячьей кожи 5000 шт.,

«кости мамантовой» 20 пудов. Если продать будет невозможно либо невыгодно, то отправить за границу, а также получить в случае прибытия из-за границы товары на имя В. Кулькова [26, л. 35, 44].

В 1788 г. 9 февраля просит вологодского купца 1-й гильдии Матфея Федоровича Колесова взять ссуду в банке на его имя. 1 марта отправляет приказчиков вологодских мещан Андрея Михайловича Свинобоева и Марка Ивановича Манойлова в Иркутск на 2 года. Там они должны были принять его товары, деньги и векселя у приказчика Григория Калашникова. С ними отправиться в Якутск, там получить товары, оставленные Яковом Калашниковым. Оттуда ехать в Охотск, там принять товары у Якова Калашникова. Затем через Тигил перебраться в Камчатку, там у капитана Василия Шмалева получить контракты, векселя и деньги, оставленные приказчиком Гаврилом Котовиковым. В случае прибытия из экспедиции судов получить у офицера морских бобров (из паев и долгов) и, наконец, ехать в Нижнекамчатский острог, там продавать товары, получать деньги по векселям и контрактам. В долг товаров не продавать и не покупать, денег не брать [27, л. 16, 20 об.–21].

В 1789 г. 20 июля В. А. Кульков занимает у купца Афанасия Узденикова 10000 р. на год в залог каменного дома. Дом переходит к Узденикову 19 марта 1792 г. и был продан 15 ноября 1794 г. Ивану Яковлевичу Баршу за 7000 р.⁴ [42, л. 49 об.–50 об.; 43, л. 51 об.–52].

В 1792 г. на имущество накладывают арест по делу о гибели в Архангельске казенной соли на сумму 5027 р. 16,5 к. Василий Кульков и купец Михаил Попов-Введенский были поручителями у купца Алексея Нелобина, чей несовершеннолетний сын доставлял данную соль. Купцы в свою защиту сказали, что виноваты в гибели соли приемщики, которые около месяца не могли ее принять, «на воде стояла», были поручителями при отце Нелобине для перевозки соли в Великий Устюг, а не Архангельск. Кульков заявил, что он был поручителем в 1788 г. сроком на 1 год, а также ответственные в Вологодской казенной палате, которые сделали доверенность несовершеннолетнему сыну Алексея Нелобина, против их воли и воли его отца. Василий Кульков заявил, что имеет вексельные иски на сумму 15 358 р. 60 к., имеет 13 каменных лавок в «шапошной и овощной линиях», у приказчика Гаврила Котовикова товары, а у Марка Манойлова деньги 4000 р. За долг губернскому секретарю Баженову в 1008 р. 65 к. на 3 каменные

⁴ См.: *Ворошин И. Б.* Этюды по Вологодведению// Дом по ул. Набережная 6 армии, 101.

лавки в овощном ряду наложен арест [45, л. 102, 102 об., 103 об., 104, 105]. На протяжении 1789–1791 гг. Василий Кульков активно занимал деньги, но не мог оплатить долги. Об этом свидетельствуют фрагменты из журнала протестованных векселей за май и октябрь 1792 г. Вексели протестовали «за неплатеж» 1 мая вологодский купец Федор Соснин 69 р. 16 к., от 18 декабря 1790 г., 3 мая протоиерей Георгий с братией (Софийский собор) 200 р. от 1 апреля 1791 г. на год. Однако он и одалживал, вексели, протестованные купцом Иваном Поповым Введенским, переданные Василием от 12 мая 1789 г. на 3 года мещанину Александру Плюгину 100 р., прапорщику Александру Бизюкину от 6 сентября 1791 г. 300 р., Матфею Шапошникову, данный в Иркутске 4 марта 1785 г. 68 р. [46, Л. 44, 44об., 105]. Кроме того, Афанасий Уздеников 17 апреля 1792 г. вексель на 400 р., купеческая жена Марья Попова-Введенская 3900 р., Тихон Бовыкин на 4850 р., Иван Меньшой Деньгин на 5200 р. [47, Л. 5об.]. Трое последних хотели избежать продажи недвижимого имения Василия Кулькова и предложили условие, чтобы он ежегодно в счет долга вносил 100 р. Кроме того, Афанасий Уздеников 17 апреля 1792 г. вексель на 400 р., купеческая жена Марья Попова-Введенская 3900 р., Тихон Бовыкин на 4850 р., Иван Меньшой Деньгин на 5200 р. [47, л. 5 об.]. Трое последних хотели избежать продажи недвижимого имения Василия Кулькова и предложили условие, чтобы он ежегодно в счет долга вносил 100 р. Однако суд счел данное решение незаконным, так как эти векселя достались им от купца 1-й гильдии Михаила Попова-Введенского. Он кредитовал Василия Кулькова на сумму 13 950 р., соответственно он мог выдвигать подобные условия. В связи с этим три лавки в овощном ряду в марте 1796 г. были проданы титулярному советнику Алексею Баженову за 1600 р. Еще четыре лавки в шапочном ряду были проданы с третьей попытки в декабре 1798 г. за 600 р. купцу Петру Мартьянову [48, л. 42]. Василий Афанасьевич Кульков умер 1 января 1798 г. в возрасте 63 лет, причина смерти не указана [49, л. 113 об.]

Что же можно сказать о личностях братьев Кульковых? Актовый материал, к сожалению, дает крайне мало информации. Источников личного происхождения не осталось. Имеется лишь известие Федора Кулькова о плавании к Алеутским островам, записанное с его слов [50]. В основном он рассказал о промысле каланов на ближних островах, дал этнографические сведения о проживавших там алеутах. Уникальность его в том, что Федор Кульков рассказал и об особенностях плавания к Алеутским островам, чего как раз не было в официальных сказках,

которые давали промышленники в Большерецкой канцелярии. Эти сведения целиком соотносятся с теми выводами, которые в начале XIX в. сделали морские офицеры, посещавшие русские поселения на Аляске. Промышленники пускались в плавание без всяких навыков навигации и их плавание целиком зависело от погодных условий. При благоприятном ветре до ближних островов шли 8–10 суток, при неблагоприятном — месяц и более. «Захарий и Елизавета» шел месяц, учитывая, что команда полностью состояла из новичков [50, с. 101]. Федор Кульков, как и прочие купцы, судя по всему, был крайне прагматичным, у него не было склонности записывать свои путешествия. Все данные записывались с его слов. Составитель «известия» отмечал, что Федор абсолютно не разбирался в минералах и рудах, то есть образование у купцов, даже по тем меркам, было самое общее, однако он приобрел знания по географии Алеутских островов [50, с. 105]. Сам Федор писал о твердости духа, которая помогала преодолевать опасности экспедиции, благодаря которой императрица одарила его из своего гардероба [22, л. 14 об.]. Не только коммерческая предприимчивость, но и, безусловно, авантюризм можно назвать отличительной чертой братьев, которые лично отправились на Тихий океан, а затем и в рискованные экспедиции (помимо Федора, личное участие в плаваниях, по-видимому, принял и Василий Кульков). Скорее всего, Федор Кульков был основным организатором и вдохновителем кампании 1762 г., которая погибла на Алеутских островах. Он желал не только организовывать экспедиции, но и принимать в них личное участие, не только вести промысел, но и идти на поиск новых неизвестных земель. Стиль ведения торговли, много векселей, которые он давал, также говорят именно о склонности к риску.

Федор Кульков в ведении дел полагался на своего старшего сына Романа. Жена Ирина Гавриловна во всем подчинялась мужу. Пример традиционной патриархальной семьи. Человеком он был прямым и, судя по конфликту с Афанасием Уздениковым, не склонным к хитрости и интригам. Он всегда был готов идти на примирение, предпочитая мир конфликту.

Несмотря на все невзгоды, к 1794 г. семья Федора Кулькова хотя и обеднела, но, судя по наличию «аметистовых камней», не впала в нищету.

О Василии сведений личного характера крайне немного, можно сказать, что он был исправным прихожанином своей церкви. Василий жертвовал довольно значительные суммы монастырям, в основном Горицкому женскому — 28 марта 1770 г. 10 рублей «от вписания

в синодик одного имени» [51, л. 13 об.], 21 апреля 1776 г. через священника Василия Иоаннова 10 р., в 1776 г. 20 р., 1 мая 1786 г. на церковное строение 50 р.; в Спасо-прилуцкий монастырь 40 р. (дата и цель неизвестна), в Мироносицкую церковь «по усердию» 5 р. [52, л. 2, 10 об., 11 об.; 40, л. 11; 53, л. 4]. Жена Василия Кулькова 9 января 1798 г. внесла 5 рублей по В. А. Кулькову на сорокоустие, а 25 января 1798 г. внесла в Мироносицкую церковь на церковные требы по своему мужу «вина осьмуха, свеч фунт» [54, л. 64; 53, л. 10 об.].

О Федоре Кулькове, несмотря на то, что не удалось найти сведения о пожертвованиях вологодским монастырям, также можно сказать, что он был набожным человеком. При отделении он благословляет сына Романа образом Спаса. Судя по всему, он завещал пожертвования церквям на свои похороны. Так, например, в Софийский собор его жена Ирина Гавриловна на протяжении нескольких лет с 1794 г. на «сорокоустие и на проскомидии поминать Ф. Кулькова 3 года», в 1796 и 1797 гг., 1802, 1803 гг. вносила 3 р. в год [53, л. 39, 52, 61 об., 95, 102]. До смерти Федора Кулькова его семья внесла в октябре 1791 г. 3 р. в Спасо-Прилуцкий монастырь (в год), в Софийский собор 29 октября 1791 г. 1 р. 50 к. «на поминовение», 21 ноября 1793 г. 5 р. на поминовение Ф. Белозерова «котором да будет вечная память» 297 р. 3. к. [55, л. 12; 54, л. 10, 20 об., 34].

Таким образом, несмотря на полное отсутствие источников личного происхождения, оказалось вполне возможно частично восстановить биографии купеческих семей XVIII в. К сожалению, говорить о детальной реконструкции торговой и благотворительной деятельности вологодских купцов XVIII в. не приходится. Прежде всего, потому что утеряны книги записей верящих писем, торговых договоров, маклерские книги. Однако, даже опираясь на тот фрагментарный материал, хранящийся в ГАВО, можно определенно сделать выводы о том, что вологодские купцы продолжали активно участвовать в пушном промысле, торговле в Сибири и на Дальнем Востоке до начала 1790-х гг. Тем не менее данные материалы рождают вопросы, на которые в ближайшее время вряд ли можно получить адекватный ответ.

В частности, какова общая доля пушного промысла в торговой деятельности как вологодских, так и прочих купцов? Как повлияло участие в пушном промысле на отдельные купеческие семьи? В отношении семьи Кульковых нет точных данных об успешности вложений в промысловые экспедиции. Мы не можем оценить, как участие в пушном промысле влияло на благосостояние Федора и Василия

Кульковых на протяжении 1770–1780-х гг. В условиях практически полного отсутствия источников личного происхождения очень информативным оказалось привлечение церковных документов: духовных (исповедных) росписей, приходо-расходных книг вологодских церквей и монастырей. Эти данные показали, насколько купцы ответственно относились к церковным обрядам (посещению исповеди и причастия), какие суммы и насколько регулярно тратили на пожертвования церквям и монастырям. К сожалению, не были обнаружены тексты духовных завещаний семей Кульковых. Духовные завещания могли бы дать представление о движимом и недвижимом имуществе семей, оставшемся у них к концу XVIII – началу XIX вв., а также, возможно, о таких личностных моментах, как отношение к смерти, религии, окружающим, каким-либо своим поступкам. Но, к сожалению, судя по всему, в Вологодской палате гражданского суда Кульковы свои завещания не регистрировали.

В целом же источники по истории семьи Кульковых значительно расширяют наши представления об участии российского купечества в морском пушном промысле и сибирской торговле.

Список источников и литературы

1. Наумова О. А. Тотемское купечество в XVIII–XIX веках, его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор Государственного архива Вологодской области) // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1. – Вологда: Русь, 1995. – С. 306–314.
2. Чебыкина Г. Н. Устюжане в Русской Америке // Русская Америка, 1799–1867. Материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799–1999». – М., 1999. – С. 127–135.
3. То же // Великий Устюг. Вып. 5. – Вологда: ВГПУ, 2009. – С. 171–178.
4. Чебыкина Г. Н. Купец Василий Шилов // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 4. – Вологда: Русь, 2007. – С. 88–95.
5. Красавцева С. А. Устюжане в Сибири, на Дальнем Востоке и в Русской Америке. Конец XVIII – начало XIX века (обзор документов Великоустюгского центрального архива) // Великий Устюг. Вып. 5. – Вологда: ВГПУ, 2009. – С. 41–48.
6. Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования / под ред. Ф. Я. Коновалова. – Вологда: Древности Севера, 2018. – 412 с.

7. Козина Г. Н. Вологодские купцы-фабриканты и заводчики (XVIII — начало XIX вв.) // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. — Вологда: Русь, 1997. — С. 85–148.
8. Воронин И. Б. Этюды по вологодведению. — URL: http://drevnostisevera.ru/?page_id=4059
9. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2315.
10. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 93.
11. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 2.
12. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 14.
13. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 24.
14. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 111.
15. ГАВО Ф. 496. Оп. 19. Д. 139.
16. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 171.
17. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. — М.: Наука, 1989. — 399 с.
18. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / отв. ред. А. И. Андреев. — М., 1948. — 384 с.
19. Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. — СПб., 1823. — 169 с.
20. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 193.
21. ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 196.
22. ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 376.
23. ГАВО. Ф. 476. Оп. 2. Д. 17.
24. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1.
25. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3.
26. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 9.
27. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 12.
28. ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 360.
29. ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 621.
30. ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 613.
31. ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 382.
32. ГАВО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 83.
33. ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 775.
34. ГАВО. Ф. 178. Оп. 9. Д. 101.
35. ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 1343.
36. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 18.
37. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 222.
38. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 289.
39. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 268.

40. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 260.
41. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 296.
42. ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 701.
43. ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 1068.
44. ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 860.
45. ГАВО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 88.
46. ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 438.
47. ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Д. 1332.
48. ГАВО. Ф. 844. Оп. 1. Д. 848.
49. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 54.
50. Известия Федора Афанасьевича Кулькова. 1764 г. // Страны и народы Востока. — 1979. — Вып. 20. — С. 97–105.
51. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 5.
52. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 8.
53. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 28. Д. 47.
54. ГАВО. Ф. 528. Оп. 1. Д. 16.
55. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 320.

Предисловие к «Воспоминаниям» Татьяны Михайловны Некрасовой

Предлагаю опубликовать в книге «Живое наследие памяти» «Воспоминания» моей троюродной сестры Татьяны Михайловны Некрасовой (Шепелёвой, 1904–2008), которые она писала в 1993 г. Она их посвятила своей внучке Софье Георгиевне Георгиевой и ее детям: Татьяне и Николаю. Умерла она 104-х лет жизни в полной памяти и сознании, с Богом в сердце. Она просто высохла, обессилела и последние полгода не вставала с постели. Дочери, дежурившие у постели по очереди, читали ей Библию. Ее воспоминания охватывают практически весь XX век: они, с одной стороны, освещают ее личную жизнь и жизнь ее семьи, с другой стороны — отражают взгляды на переломные моменты всего XX века, что само по себе является интересным. Они субъективны, где-то неточности могут быть, все же ей было уже 90, когда она их писала (рис. 1).

Я и Татьяна Михайловна являемся правнуками потомственного дворянина, крупнейшего промышленника России Н. Н. Коншина (1833–1918), известного общественного деятеля, благотворителя, мецената. Только она застала его живым, а я — нет. У нас с ней разница в возрасте более 40 лет. Прадед наш почти 50 лет непрерывно возглавлял семейное текстильное дело, зародившееся еще в XVII веке. Он в 1877 г. на основе своей частной собственности учредил и возглавил паевое «Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове», которое на рубеже XX в. под его руководством прочно вошло

Рис. 1. Татьяна Шепелёва. 1920 г.

в тройку крупнейших текстильных предприятий России. Начиналось семейное дело в конце XV в. с простого посадского мастерового города Серпухов, кузнеца по кличке Конша, а стало в начале XX в. крупнейшим в России текстильным концерном. Согласно семейной легенде, в давние времена один из Коншиных совершил путешествие с товаром в Индию и Китай, привез оттуда множество разных товаров и шелковых тканей, разбогател. Позже этот капитал послужил основанием для постройки текстильной фабрики.

Сестра любила вспоминать нашего прадеда, его большую бороду и пронизательный взгляд. Особенно часто она вспоминала, как собирались все его взрослые дети и внуки со своими детьми в Калашном переулке на какой-нибудь большой праздник — на Пасху или на Рождество, или еще по какому случаю. К дому подъезжали пролетки и торжественно входили в дом наряженные гости, которых громко объявлял управляющий Аверьянов, крупный, огромного роста, с усами и с лысой головой. Некоторые приезжали в своих каретах, тогда распахивались ворота и они въезжали во двор и входили через боковую дверь. Сестра моя удивлялась, как прадед помнил каждого малыша по имени и никого не путал. Она рассказывала, что он по очереди приглашал малышей к себе в кабинет и каждому преподносил какой-нибудь подарок. Он никого из детей не пропускал. Когда все собрались и был готов стол, управляющий приглашал к столу, где у каждого было свое место. За общий стол детей не сажали. Детям накрывался отдельный стол в углу зала. Трапезу после молитвы начинал Николай Николаевич старший. Также она и заканчивалась молитвой. Без разрешения Н. Н. никто не имел право выйти из-за стола во время трапезы. В семье перед Рождеством всегда ставилась елка. Эта традиция — наряжать елку на Рождество и торжественно отмечать этот праздник — так и сохранилась до наших дней.

После октябрьского переворота было категорически запрещено отмечать Рождество, Новый год и ставить елку. Когда в СССР в 1936 г. детям вернули радостный праздник Нового года с нарядной елкой, Александр Сергеевич Некрасов (1903–1993), муж Татьяны Михайловны, привез из леса огромную елку под самый потолок. На Рождество были приглашены друзья и их дети. Среди них был Мики Морозов — внук известной меценатки Маргариты Кирилловны (1873–1958) и фабриканта Михаила Абрамовича Морозова (1870–1903).

Наши родственные связи тесно переплелись со многими известными родами купеческого и дворянского сословий, что обусловило широкий и разнообразный круг общения и сказывалось на формирова-

нии личностей последующих поколений. В частности, в своих воспоминаниях Т. М. упоминает Вонлярлярских и Гурко и их имение «Рай», где она родилась и где ее крестили в Казанской церкви. Последней владелицей имения «Рай» была Марья Михайловна Гурко-Ромейко (Гедда) (1870–1919), жена Александра Александровича Гурко-Ромейко — внука известного писателя Василия Александровича Вонлярлярского, которого называли «русским Дюма», поэта, композитора, скульптора, близкого друга М. Ю. Лермонтова (1814–1841). А. А. Гурко — юрист, крупный земский деятель, благотворитель, был близким другом присяжного поверенного Михаила Николаевича Шепелёва, отца Т. М. Но он умер 22 июня 1902 г. (в Интернете можно встретить данные, что он умер в 1904 г.). Ситуация бы прояснилась, если бы Оляся (старшая дочь Т. М.) не скрывала дневник своей бабушки К. Н. Коншиной (в замужестве Шепелёвой, Полуэктовой), который до сих пор еще, к сожалению, не обнаружен, хотя Оляся уже умерла несколько лет тому назад. Этот дневник мог бы пролить свет на многое.

Фамилия Гурко в нашем сознании ассоциируется прежде всего со славой выдающегося государственного деятеля, русского фельдмаршала, героя Балканской войны, освободителя Болгарии от османского ига Иосифа Владимировича Гурко-Ромейко и с его сыновьями Владимиром Иосифовичем (1862–1927) и Василием Иосифовичем (1864–1937). Старший — незаурядная личность, крупный государственный деятель, сподвижник Столыпина. Младший — герой Первой мировой войны, легендарный генерал, крупный военный теоретик.

Семьи Ромейко-Гурко и Вонлярлярские тесно сплетены с представителями фамилии Рачинские взаимными пересечениями. Фамилию «Рачинский» Т. М. называет в воспоминаниях. В них она имела в виду известного литератора, переводчика, бессменного председателя религиозно-философского Общества имени Вл. Соловьёва Григория Алексеевича Рачинского (1859–1939) — двоюродного брата знаменитого педагога, создателя русской национальной сельской школы С. А. Рачинского (1833–1902). Общество объединяло много выдающихся личностей — деятелей Серебряного века (А. Белый, В. Иванов, М. Кузьмин, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, С. Н. Булгаков и др.). Собрания Общества, как правило, проходили в домах Маргариты Кирилловны Морозовой (1873–1958) или в аудиториях некоторых учебных заведений. Она не только сама с интересом участвовала в заседаниях, но и субсидировала их. Маргарита Кирилловна — двоюродная сестра жены Григория Алексеевича — Татьяны Анатольевны, урожденной Мамонтовой, дочери издателя Анатолия Ивановича Мамонтова (1839–1905),

жена фабриканта Михаила Абрамовича Морозова (1870–1903), коллекционера западноевропейской и русской живописи и скульптуры, литератора, общественного деятеля. Она — меценат, благотворитель, организатор у себя дома литературно-музыкальных и философских салонов.

Рачинские, от Александра Антоновича (1799–1865) — крестника Павла I и до Григория Алексеевича своим окружением как бы соединили ярких представителей Золотого века расцвета культуры России с лучшими представителями Серебряного века неразрывной нитью, которая протянулась через все тернии и в XX век, вплоть до опустившегося «железного занавеса». Об этом, пожалуй, стоит подробнее рассказать отдельно.

Представленные ниже воспоминания Т. М. Некрасовой — нить живой памяти, соединившей события и замечательных людей своего окружения от начала и до конца непростого XX века. Она — счастливая свидетельница семи поколений, растянувшихся от своего прадеда Н. Н. Коншина и до своих правнуков.

К большому сожалению, Т. М., посвящая воспоминания еще маленьким правнукам, пропустила или скупо осветила целый ряд эпизодов своей жизни. Ничего она не рассказала о своей волевой и деятельной матери Капитолине Николаевне Шепелёвой (Полуэктовой по второму мужу). Об ужасах обысков и арестов, охвативших их семью с 1918 г. Начало было положено тогда с поиска оружия и ареста Евгения Григорьевича Полуэктова — ее отчима, московского нотариуса, правда, ненадолго, чему поспособствовал его помощник — большевик Дьяков. Ей было 15 лет, когда арестовали 16-летнего брата Гришу, и снова обыск в Чистом переулке. Спустя несколько недель арестовали их старшего брата Андрея. С этим страхом, нагнетаемым последующими событиями, прошла большая часть ее жизни. О своей свадьбе в 1925 г. с Александром Сергеевичем Некрасовым, закончившим институт, свадебном путешествии по Волге, о появлении первенца в 1926 г. — Оляси, которую родила дома с помощью акушерки, впрочем, и остальных — Машу в 1928 и Асю в 1931 г. она родила также дома. Аресты, обыски, допросы в НКВД, ОГПУ и МГБ, жизнь в период НЭПа, ВОВ и после нее освещены вкратце. А в тот период было много ярких событий, которые пережила ее семья, проявившая силу духа русского человека, силу дворян, попав в жуткую круговерть слома цивилизации, слома человека на переломе эпох, когда по России покатилося «красное колесо».

Введение ленинского нэпа (новой экономической политики) после разрушительного военного коммунизма, опрокинувшего страну

в голод и эпидемии, было лучиком надежды на спасение, глотком свежего воздуха. Вновь была разрешена частная собственность, предпринимательская инициатива, свободная торговля. Конечно, не были возвращены бывшим владельцам предприятия, дома, земля, но тем не менее появилась свобода. Бедный студент Некрасов, уже ухаживающий за Татьяной Шепелёвой, в это время проявил незаурядные организаторские способности и талант предпринимателя — создал «МАКИЗ» — Московское академическое издательство. Издательство печатало учебную литературу, которая в то время была в дефиците, и русскую классику. Книги распространяли в основном среди студентов с рук. К этому делу он привлек подростка Володю Полуэктова (1910–1988) — сводного брата своей невесты Татьяны. После окончания института «МАКИЗ» распался. Проявив предпринимательское чутьё, Александр Сергеевич предложил своей двоюродной сестре Вере Семёновне Унковской (1880-е – ок. 1950), организовавшей швейную художественную мастерскую, шить ватные штаны и телогрейки для комсомольцев ударных строек. Пошивочное ателье они назвали «Новая одежда». Продукция пользовалась спросом. Созданные рабочие места спасали многих от безработицы и от голода. В ателье принимали в первую очередь людей категории «лишенцы», не имеющих права работать на государственных предприятиях, лишенных продовольственных карточек, лишенных избирательных прав. Ателье обеспечивало работой и надомниц. Жизнь стала налаживаться, магазины были наполнены товарами, продуктами. Но не замедлили наступить 1928 и 1929 г. Нэпу и всякой свободе предпринимательства и торговли был положен конец. Начались аресты всех «нэпманов» и конфискация их имущества. Не избежала этой участи и ателье «Новая жизнь». Сначала в газете появился злой фельетон «Дворянское гнездо». Затем показательный суд, которому придали политическую окраску. В результате В. С. Унковская была отправлена в ссылку в Туркестан на 5 лет, а муж Татьяны Михайловны оказался в Бутырке сроком на три года. Можно сказать, что Александру Сергеевичу сопутствовала там Божия помощь (об этом ниже в «Воспоминаниях»).

Татьяна Михайловна в своих «Воспоминаниях» без подробностей, вскользь, лишь рассказала о своей работе в Литературном музее Л. Н. Толстого, что на Пречистенке. Она умолчала про спасение для потомков поэзии погубленного властью талантливого поэта Н. Гумилёва — мужа Анны Ахматовой. Она совместно с И. К. Антоновой, дочерью известного авиаконструктора, тайком собирала его разрозненные произведения, составляла комментарии к ним. Они вдвоем подгото-

вили и выпустили Самиздатовский сборник его стихов. Оставлены за кадром воспоминания о своем окружении и друзьях. А ведь были среди них такие яркие личности, как искусствовед, музейщик от Бога Борис Валентинович Шапошников, религиозный философ Сергей Фудель и его семья, Толстые — Сергей Львович и его сын Сергей, Татьяна Львовна и ее дочь Татьяна Михайловна, будущий академик Игорь Шафаревич, Прохоровы, Оболенские, Татьяна и Надежда Васильевны Розановы (дочери философа В. В. Розанова) и другие. Борис Пастернак дружил с Татьяной Михайловной, часто приходил советоваться с ней при написании «Доктора Живаго», в ее доме состоялась первая читка глав романа. Пианист Рихтер, О. А. Мочалова, О. И. Попова, Оболенские, Третьяковы... Это далеко не полный перечень людей, которых притягивала, как магнит, к себе моя троюродная сестра на протяжении всей своей жизни.

Кстати, Сергей Сергеевич Толстой (1897–1974) жил рядом с Некрасовыми в соседнем Большом Лёвшинском переулке д. 15/28 в небольшом ампирном особнячке вместе с женой Верой Хрисанфовной Абрикосовой (1906–1957) и со своим отцом Сергеем Львовичем (1863–1947) и его второй женой графиней М. Н. Зубовой (1867–1939). Он дружил с Некрасовыми, бескорыстно помогал им в трудные голодные времена — попросту делился с ними продуктами, продуктовыми карточками, подкармливал порой. Он был внуком как Льва Николаевича Толстого (1828–1910), так и Константина Александровича Рачинского (1838–1909) — первого директора Московского сельскохозяйственного института, превратившегося ныне в огромный сельскохозяйственный университет в Петровском парке, и племянником его брата — великого педагога, профессора ботаники С. А. Рачинского, создавшего национальную русскую сельскую школу.

Как определяет мировая генеалогическая сеть GENI, эти братья Рачинские приходятся мне «четвероюродными братьями дважды удаленными», нас соединяют также и Боратынские. Их мать Варвара Абрамовна — сестра знаменитого поэта Е. А. Боратынского, их прабабушка Ефросинья Васильевна Рачинская (1739–1833) — дочь сестры моего 4-кратного прадеда Дениса Ивановича — Екатерины Ивановны Рачинской (1716) и Василия Павловича Боратынского (1714).

«В записках уцелевшего» С. М. Голицын рассказал о преследовании НКВД его матери, организовавшей в 1920-х гг. во время нэпа артель «Расшитая подушка», и о том, как квалифицированная защита на судах несколько раз сумела спасти ее от тюрьмы и как Верховный суд закрыл это дело окончательно. В качестве отрицательного

результата он ниже приводит пример: «Не всегда богиня Фемида оказывалась столь благосклонной к обвиняемым. Тогда же были отданы под суд организаторы другой артели — инженер Некрасов и его теща Капитолина Николаевна Полуэктова, урожденная Коншина, из семьи известных серпуховских текстильных фабрикантов. Старушки из той артели тоже приносили большую пользу нашей стране, они шили телогрейки и брюки-инкубаторы, которые для экспорта не годились, но зато шли на великие стройки одевать энтузиастов — комсомольцев и комсомолок. У руководителей той артели таких замечательных адвокатов не было, и они получили по три года, да еще с конфискацией имущества. Впрочем, в суматохе строительства социализма и арестов конфисковать имущество позабыли, а через год Капитолина Николаевна и ее зять были досрочно освобождены и благополучно вернулись в Москву. К уголовным преступникам тогда относились иначе, нежели к политическим».

Оляся в своей книге «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» писала: «В комнату мальчиков Коншиных вселилась семья коммуниста-латыша по фамилии Лацис», он был сотрудником Коминтерна [1]. Пресс страха свалился на всех жильцов и на детей! Конечно, тогда никто из них конкретно о нем ничего не знал, но внутренне все ощущали его сущность и принадлежность к органам. «...Появлялся в доме обычно поздно. Мрачный, с большим портфелем, он проходил по коридору, ни с кем не здороваясь...» [1]. Все разговаривали, даже в своей комнате, шепотом, не дай Бог, что какое лишнее слово услышит сосед за стенкой или стоя под дверью! Такое мучение длилось почти 5 лет. Пока соседа не арестовали в 1937 г. за «укрывательство врагов советской власти» и расстреляли. Вскоре была арестована его жена, а дочь отправлена в интернат в Сибирь. Естественно, что обвинение против него сфабриковано и лживо, но он — «старый большевик», работник Коминтерна, и его участь была предрешена. Сталин тщательно очищал страну от сотрудников III Коминтерна и «старых большевиков», ориентированных еще Лениным и Троцким на мировую революцию и построение во всех странах социализма.

После ареста Лациса и его жены прежнее спокойствие в квартире Некрасовых тем не менее не восстановилось. Из мезонина дома в освободившуюся комнату вселились Евстигнеевы: муж — работник ОГПУ, жена — общительная домохозяйка, осведомительница органов. В комнату Николая Савича (1900–3.11.1937) и Нины Николаевны Коншиной (1882–1939), арестованной чуть позже, в 1933 г., как жена «врага народа», поселилась семья «политкаторжан» Дементьевых.

Старшие сын и их дочь были в скором времени арестованы, а за ними вслед, в 1938 г., — и старики — большевики-ленинцы последовали «туда, куда Макар телят не гонял». Двух их младших дочек отправили в интернат в Сибири. В общем, эта круговерть с подселением чуждых по духу людей и напряжение страха продолжались до переселения в новую квартиру в 1968 г. на Киевской.

Перед самой войной в 1939–1940-х гг. положение с продуктами и ассортиментом товаров в Москве и в прочих крупных городах значительно улучшилось. Из окон зазвучала музыка, песни, тогда любили все танцевать, и по большей части фокстрот, танго, реже вальс.

Татьяна Михайловна в «Воспоминаниях» не похвасталась своими дочерьми и внуками, ставшими известными учеными, докторами наук, академиками, искусствоведами, врачами. Это ее гордость и счастье. Это ее и Александра Сергеевича достижение. Но полагаю, если все сложится, я смогу в дальнейшем восполнить эти пробелы. А пока познакомьтесь с теплыми воспоминаниями Татьяны Михайловны.

Т. М. Некрасова

ВОСПОМИНАНИЯ

*Посвящаю эти воспоминания моей
дорогой, любимой внучке Сонечке
и ее детям: Танюше и Николке.
Воспоминания написаны по ее
настоянию.*

Приближается конец XX века. Родившись в самом начале его, прожив добрую часть этого века, кажется, что он пронесся с молниеносной быстротой. Этот век принес трагедию России, ее разлом, уничтожение лика, ее мощи. Уничтожение России, занимавшей шестую часть мира, (страна получила новую форму жизни), не могло не отразиться и на лике всего мира. XX век принес новую эру. Православное старчество молилось тогда: «Господи, спаси страждущую державу Российскую».

Атмосфера дореволюционных лет отроческой душой и душой моей ранней юности чувствовалась как что-то нависшее перед чем-то очень тревожным, страшным, что тяготило и тревожило душу. Это

было тяжелое затишье перед грозой. Казалось, что какая-то безотчетная тоска разливалась по стране, по городу, по домам, по комнатам. Она обволакивала все вокруг, создавала какую-то туманную, безликую серость, которая безотчетно томила душу.

Мы жили в Москве, хотя родилась я под Смоленском, в имении друзей моих родителей, которое называлось «Рай». Имение это в свое время принадлежало Вонлярлярским, друзьям Лермонтова, а потом перешло по родственному наследию дворянской семье Гурко (Гурко–Ромейко).

Родилась я 13 августа рано утром. По рассказам нашей старушки-няни Марии Ивановны, в часы моего рождения птичка постучала в окно и раздался удар колокола в церкви в честь Казанской иконы Божией Матери. Церковь стояла около усадьбы на краю деревни. Крестили меня сестра моего отца Елизавета Михайловна и его друг Николай Николаевич Цеккерт.

Мой отец Михаил Николаевич Шепелёв происходил из старого дворянского рода, был присяжным поверенным. Отец его, Николай Александрович Шепелёв (1842 – после 1905) – генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания в 1863 году и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сын Александра Ивановича Шепелёва (1797–1872), который был генералом от инфантерии, участником Восточной войны; во время штурма французами Севастополя пуля попала ему в грудь в область сердца. Он был спасен большим серебряным крестом, находившимся у него на груди. Нижняя часть креста была оторвана пулей. Этот крест впоследствии был передан моему отцу, а затем моему старшему брату Андрею. В настоящее время по стечению обстоятельств он находится не в нашей семье, которой он принадлежит.

Мать моего отца умерла, когда ему было около 4-х лет, и мне о ней ничего неизвестно. После смерти своего отца, будучи еще мальчиком, отец мой был отдан в училище Правоведения в Петербурге, которое он и окончил, получив юридическое образование. Он погиб в результате несчастного случая на охоте, когда мне был только один год. Это произошло в Серпухове, когда мы гостили у бабушки Варвары Петровны Коншиной. Уезжая на охоту, отец поднял и поцеловал меня. Он называл меня Рыжиком, так как у меня были золотисто-рыжие волосы (Дневник К. Н. Полуэктовой-Шепелёвой). Похоронили отца по просьбе моей матери в Коншинском склепе, находившемся в Серпухове в Высоцком монастыре, основанном преподобным Афанасием, учеником преподобного Сергия. Склеп был увенчан чудесным храмом,

в котором стоял иконостас из белого мрамора. Он был построен архитектором Р. И. Клейном. Братья мои, Андрей и Гриша, присутствовали на похоронах отца. Гриша говорил: «Моего папочку положили в ямку, у меня больше нет папочки». А маме говорил: «Мама, ты по папочке плачешь, тебе папочку жалко, не плачь. Я папочку приведу, я его у священников спрошу» (Дневник К. Н. Полуэктовой-Шепелёвой). В день смерти отца нас всегда возили в монастырь в склеп, на его могилу. В мою косу вплетали черный траурный бант. Как-то во время нашей прогулки небо было голубое-розовое. Вглядываясь в него, я удивила свою маму словами: «Мама, какое небо розовое, и там ангелы живут розовые и папа там» (Дневник К. Н. Полуэктовой-Шепелёвой). Мне было около 3-х лет.

В первые годы революции склеп вместе с храмом, находящимся над ним, был разорен. Могилы вскрыты, погребенные выброшены в неизвестное место. Говорят, что закопаны недалеко от склепа и на этом месте устроена детская площадка.

Мать моя — урожденная Коншина, Капитолина Николаевна (1876–1968). Коншины еще в XVII веке в городе Серпухове имели редкое текстильное дело, которое постепенно расширялось. При Петре I они производили полотно для корабельных парусов. Коншины получили дворянство. Позднее дело Коншиных разрослось в широко известную хлопчатобумажную мануфактуру. Коншины стали хозяевами города Серпухова.

Спустя несколько лет после смерти моего отца моя мать вышла замуж за Евгения Григорьевича Полуэктова, тоже правоведа, очень благородного принципиального человека, который вошел в революцию и пребывал в ней, не уступая своим принципам до последних дней своей жизни, будучи монархистом. Начиная с 1918 года и по 1937 год его много раз арестовывали и высылали. В 1937 году, находясь в ссылке в Вологде, он был вновь арестован вместе со всеми ссыльными и в Вологде расстрелян.

Отец его был морским генералом (адмиралом), а впоследствии состоял при дворе Великого князя Константина Николаевича, жившим в Петербурге в Мраморном дворце, где и проходило детство моего отчима. Мой отчим, будучи еще в младших классах, ленился учиться и, как впоследствии рассказывали его сестры, он, спускаясь по лестнице Мраморного дворца, усаживался на ступеньках. Пройдя несколько ступенек, он снова на них усаживался. В таких случаях выбегали его старшие сестры и сгоняли его с лестницы, чтобы отправить в училище.

Великие князья, как их звали, «Константиновичи», были в обществе уважаемы и любимы. Сын Великого князя Константина Николаевича, Константин Константинович, был известным поэтом под именем К. Р. Умер он до революции. Молодые Великие князья, дети К. Р., были сброшены в 1918 году в шахту вместе с Великой княгиней Елизаветой Федоровной, сестрой Императрицы, и через некоторое время живыми завалены землей.

В Москве мы всегда жили в переулках между Пречистенкой (ныне Кропоткинской) и Арбатом, и всегда в небольших особнячках, столь характерных для Москвы тех времен. Эти особнячки мы сменили лишь два раза. Очень недолго мы жили около Кудринской площади.

В последнем занимаемом нами особнячке в Чистом переулке (до 1922 года Обухов переулок) наша семья прожила не только с 1911 до 1917 года, но и некоторая ее часть прожила до 1968 года. После революции наш особняк превратился в коммунальную густонаселенную квартиру, из которой нас постепенно вытесняли, то уплотняя (как это тогда называлось), то арестовывая. В результате этого я со своей маленькой семьей и преданной мне до самой своей смерти и умершей на моих руках старушкой няней остались совсем одни, окруженные людьми враждебного духа. Няня присутствовала при моем рождении и нянчила не только нас, моих братьев и сестру, а и моих детей. Она знала еще и мою мать девочкой. Наш красивый и со вкусом отделанный особняк с окружавшим его прелестным двориком-садом с каждым годом все больше уничтожался, обезображивался. В свое время он утопал весной в цветущей сирени и каштановых цветущих деревьях.

В наших старинных «особняковых» переулках в начале XX века стали появляться многоэтажные дома с гладкими кирпичными стенами, отделанными голубым и белым глазированным кирпичом, иногда со скульптурными украшениями и фигурами. Это называлось стилем «модерн», считалось безвкусным и упадническим, вытеснявшим особняковую старину Москвы, уничтожающим лик города, как бы знаменующим надвигающийся упадок и развал России. Унылый дух разливался по переулкам.

Нас воспитывали строго. Весь день проходил по расписанию. У нас были гувернантки-немки и француженки. Француженки были плохими воспитательницами. Они почти всегда были неуравновешенными и не имели строгого порядка, поэтому в качестве воспитательницы и для обучения немецкому языку взяли немку, а француженки были для практики французского языка. Когда у нас появилась немецкая фрейлин, меня и мою маленькую сестренку всецело передали в ее

руки. Из большой уютной комнаты, где мы жили все вместе с нашей любимой няней и братьями, нас перевели в соседнюю комнату, где мы должны были жить и спать с тогда еще чужой и незнакомой фрейлин. В первую ночь я тихо про себя плакала в кровати, думая, какие счастливые братья, которые продолжают жить и спать в соседней комнате с нашей нянечкой за стеной, у которой я лежу.

Утром фрейлин нас будила в 7.30. Мы должны были немедленно вскакивать с постели, когда произносилось: *Kinder, steht auf!* (Дети, встаньте!). Всякое промедление было недопустимо и даже не приходило в голову. Быстро одевались, завтракали и в 9 часов шли гулять. Мои два старших брата шли парой впереди, за ними шла фрейлин в паре с моей маленькой сестричкой, а между этими парами шла я, как говорили тогда, «пятое колесо в колеснице». В таком порядке мы быстро спускались к Пречистенскому бульвару (теперь Гоголевскому), по которому мы проходили маршем три раза из одного конца в другой, всегда встречали одних и тех же людей, которые тоже совершали свою утреннюю прогулку. Возвращались по длинному переулку также быстро. У многих домов в переулках стояли извозчики, которые знали своих обычных или возможных клиентов. Как правило, извозчики знали, в каком доме кто живет в обслуживаемых ими переулках.

После прогулки начинались наши занятия. Ко мне приходила учительница Ольга Павловна, а к братьям — учителя, которые готовили нас для поступления в гимназию. Закон Божий преподавала мне моя мама. Она не умела преподавать его духовно. Она прочитывала мне напечатанное в книге и требовала моего пересказа. Особенно трудно было мне пересказывать притчи: я их плохо понимала и плохо пересказывала и этим очень раздражала и сердила свою маму. В гимназию я поступила сразу во второй класс. Моя гимназия находилась в здании, которое сохранилось до сих пор. Оно стоит напротив церкви Ильи Обыденного в переулочке Остоженки.

Эта гимназия называлась «Гимназия Констан» (Konstan) по имени основавшей ее обрусевшей француженки, которая и возглавляла ее. В мое время ее уже не было. Директрисой гимназии была Наталия Ивановна Воронцова-Вельяминова. Обыкновенно родители учеников, живших в районах Пречистенки, Остоженки и Арбатских переулков, отдавали своих сыновей в Поливановскую гимназию, а дочерей — в Арсеньевскую. Моей матери казалось, что Арсеньевская гимназия недостаточно строгая, распущенная, поэтому я была отдана в гимназию Констан, в то время как мои братья учились в Поливановской гимназии, чем было нарушено правило: сестра Поливановцев

поступила не в Арсеньевскую гимназию, а в другую. Полагалось, чтобы классные дамы в этой гимназии были француженками. Они совсем не знали русского языка. Перед тем как войти в класс, мы шли в залы, где перед учением читали молитвы «Царю Небесный» и «Достойно есть». Религия до 1917 г. была главным образом формальной, не было духовного восприятия.

Воскресные дни были свободны от занятий, и мы были предоставлены сами себе. Занятия длились часов до 5 с перерывами на завтрак и на дневное чаепитие около 15.30. К чаю давали всегда одну и ту же еду: мед, сухари, баранки, все очень однообразно. Благодаря этому я всю эту еду невзлюбила и не люблю до настоящего времени. В 18.30 ужинали, после чего проводили время с родителями в течение полутора часов в большом кабинете-гостиной, обставленной старинной мебелью красного дерева, частично сохранившейся до настоящего времени. Эти часы, проводимые с родителями, были для нас большой радостью. Братья с мамой разбирали марки, наклеивали их в альбом, а мы с сестрой придумывали свои игры: возились и скатывались с любимого черного кресла.

Строгое воспитание помогло нам впоследствии перенести все лишения, которые принесла революция. Наша немецкая гувернантка фрейлин Эмма, которую я всегда вспоминаю с благодарностью, часто посылала наверх, на второй этаж, в темные комнаты исполнить ее поручение и говорила: «Ты в Бога веришь — ты ничего не должна бояться». Как впоследствии в тяжелые дни жизни эта тренировка мне помогла!

Вечером, когда мы ложились спать, мы не должны были разговаривать под страхом наказания. Должна была быть полная тишина. Как-то раз, не имея права разговаривать, моя маленькая сестренка из своей кровати прошептала: «Таня, я умираю». Я, в свою очередь не имея права вставать и разговаривать, стала давать ей тоже шепотом советы, как не надо волноваться и умирать.

Как нас наказывали, я даже не помню. Это бывало, очевидно, очень редко: мы не смели ослушаться. Братья не были всецело отданы воспитанию фрейлин. Они учились больше, чем я, больше соприкасались со своими учителями и француженкой-гувернанткой и меньше подвергались строгостям фрейлин. Была еще одна особенность в таких семьях, как наша: полагалось, чтобы с самого раннего возраста прислуга называла нас, детей, по имени-отчеству.

Раз в неделю мы ходили на уроки танцев для детей, которые проходили у друзей наших родителей, Оболенских, недалеко от нас живущих. Это было в чудесном особняке в Сивцев Вражском переулке.

Со стороны улицы этот особняк казался небольшим, так как большей своей частью он уходил во двор и сад. Интерьер дома был уникален, трудно его описать. Главный зал выходил непосредственно к двери, ведущей на террасу и в сад. Стены зала и его колонны были из темного резного дерева. Второй зал был весь белый с голубоватой отделкой. Парадные комнаты нижнего этажа, как полагалось в старинных особняках, заканчивались антресолями, жилыми комнатами, в которые вели несколько небольших ступенек. Комнаты были уютными, в отличие от парадных комнат с низкими потолками. В зале мы учились танцевать. В других комнатах играли в игры. Я считалась хорошим танцором и обыкновенно шла в первой паре с сыном хозяина дома, Андреем. Как-то я пришла на урок танцев с головной болью. Поправляя мне прическу, фрейлейн говорила: «Ты не должна показывать вида, что у тебя болит голова, и говорить об этом».

Чудесный уникальный особняк Оболенских в первые же годы революции был уничтожен, а на его месте было построено грандиозное здание Кремлевской больницы. Вся семья Оболенских эмигрировала.

Сравнительно однообразно и строго жили мы в своем небольшом особнячке в тихом и уютном Арбатском переулке, по которому наша старенькая няня по субботам вечером и по воскресеньям утром ходила в церковь. Душа моя так просилась пойти вместе с ней, но это не входило в расписание нашей жизни. Нас водили в церковь, когда это полагалось, как, например, на Страстной неделе. Мы ходили все первые 4 дня, исповедовались, причащались. Все, что полагалось, выполняли. Все, конечно, были верующими, в каждой комнате были иконы. Жизнь была скромная, но светская.

В то время у нас была прачка Ксюша, которая была очень религиозной. Она была духовной дочерью известного уже тогда владыки Арсения из Чудова монастыря. Она пригласила его к себе и приняла в нижнем полуподвальном помещении, где располагалась прислуга. Как только мать наша об этом узнала, владыко был приглашен к нам наверх. Много лет спустя, начиная с 1919 г., владыко стал моим духовным отцом и был им до дня своего ареста в 1937 г. и расстрела.

И вдруг в эти однообразные дни нашей жизни врывается сообщение: «Появилась комета, большая комета с длинным хвостом». Комету эту можно разглядеть через закопченное стеклышко. Все немедленно вооружились такими стеклышками и пытались что-нибудь разглядеть, в том числе и мы, дети. Ходили толки, что эта комета зловещая, что это знамение, предвещающее бедствие. Так как

уже царила атмосфера тревоги в стране, это появление кометы вносило еще большее чувство тревоги, хотя и безотчетное.

Следующим событием было оповещение о смерти Толстого. Толстой был не только великим писателем, но и борцом против церкви, обрядов, «Христос-пророк, но не Сын Божий». Он разрушал многовековые устои, создавал смутную атмосферу. Учение его распространялось, хотя он сам перед смертью хотел вернуться к Христу.

Одновременно с Толстым была другая значительная личность — отец Иоанн Кронштадтский, противоположная по духу Толстому. Отец Иоанн умер на год раньше Толстого, в 1909 г. На него были покушения со стороны революционеров, атеистов, как на личность для них нежелательную, мешавшую революционной пропаганде, пользовавшуюся большим влиянием. Это была большая сила, вокруг которой собирались тысячные толпы. Отец Иоанн совершал силой своей веры чудеса. После того как он однажды совершил одно из своих поразительных чудес, свидетель этого, потрясенный до глубины души, воскликнул: «Кто же ты, творящий такие чудеса?» Отец Иоанн удивленно посмотрел на вопрошавшего и смиренно ответил: «Кто я? Я — темный и грешный человек, прилагающий все усилия к тому, чтобы послужить Богу в добре и истине».

Одно из последних покушений было незадолго до его кончины, в 1909 г. Он был приглашен людьми, будто нуждающимися в его духовной и целительной помощи. Войдя в дом, он долго не возвращался из комнаты, в которую его пригласили будто бы к больному. Это вызвало подозрение у сопровождавших его людей. Дверь оказалась запертой. Спасли о. Иоанна, взломав дверь в последнюю минуту. По просьбе о. Иоанна дело не было предано гласности, но покушение это отразилось на здоровье о. Иоанна.

Отец Иоанн был светильником в смутный период жизни России, когда религия у многих приобретала формальный характер, когда было простое выполнение всего, что полагалось, и одновременно распространялся атеизм. Но в то же время были люди духовной жизни. Было и такое убежище, как Оптиная Пустынь. Последним старцем Оптиной пустыни был о. Нектарий, пользовавшийся большим духовным авторитетом. Впоследствии после закрытия монастыря коммунистами он был изгнан, жил скрываясь у приютивших его людей, где и закончил свою жизнь.

Несмотря на то, что были в то время такие светильники, как о. Иоанн Кронштадтский и Оптиные старцы, смута ума и души разползалась по всей России. Революционная пропаганда усиливалась

и проникала в самые отдаленные уголки страны, в армию, стараясь ее разложить.

Быть либералом было престижно, не быть либералом значило быть отсталым. Во время одного концерта, на котором присутствовала моя мать, передавалась по рядам из рук в руки денежная кружка сбора на революцию. К кружке был прикреплен портрет, изображающий повешенного и окровавленного царя Николая II. Моя мать вернулась домой потрясенной.

Быть преданным своему правительству считалось отсталостью. В мужских гимназиях делились на разные политические партии, которые боролись между собой, например, монархисты с социалистами. Про партию большевиков мы тогда еще ничего не знали. Это было время систематической клеветы революционеров всех толков. Это было время разгулявшихся бесов. Невольно вспоминается Достоевский.

Наступала весна. Кончалось учение в конце мая. Каждую весну на все лето мы уезжали в Калужскую губернию. В 40 км от Калуги было Полуэктовское имение Тарасьево, имение моего отчима Евгения Григорьевича Полуэктова и его братьев и сестер, а в трех км от него находилось Ястребово — имение Тимашевой-Беринг, одной из сестер моего отчима, которая была замужем за Владимиром Алексеевичем Тимашевым-Берингом, потомком знаменитого мореплавателя Беринга, который умер от разрыва сердца на концерте произведений Чайковского, которые он очень любил. Было много поэтических рассказов о том, как, соседствуя в своих усадьбах Тарасьево и Ястребово, красавица тетя Саша и красавец Владимир Алексеевич Тимашев-Беринг полюбили друг друга.

Они оба были очень красивы, но на пути их любви долгое время стояло труднопреодолимое препятствие: ранняя женитьба Владимира Алексеевича на женщине, впоследствии ставшей ненормальной. В течение 7–10 лет ему не давали развода и он не мог жениться на Александре Григорьевне. После стольких лет ожидания развода бракосочетание их, наконец, осуществилось. Они были очень счастливы. У них родился сын, которого называли Алексеем. Он был так же красив, как и его родители, и все его кузины были к нему неравнодушны. Когда его отец умер, ему было только 12 лет. После смерти своего мужа Александра Григорьевна должна была сама зарабатывать. С этой целью она открыла, вернее, основала женскую гимназию, которую сама возглавила. Гимназия эта находилась у Красных ворот в Трехсвятительском тупике, в очень большом особняке, окруженном большим

садом. Александра Григорьевна, которую мы звали тетя Саша, была необыкновенно обаятельна, все ее очень любили и уважали, а учившиеся в гимназии обожали ее. Смерть сына, который добровольно ушел на войну в 1914 г., была для нее большим горем, и она приняла постриг в монастырь с именем сына — Алексия.

Сын ее был убит в 1916 г. на улице шалой пулей, когда полк его стоял на Кавказе в Армавире. Из Армавира он был перевезен в Москву, отпет, но не похоронен. Он был забальзамирован и гроб его был поставлен в склепе родственников на Ваганьковском кладбище рядом с могильным участком Полуэктовых. Ожидали окончания войны, чтобы перевезти его тело в Ястребово и похоронить его рядом с могилой отца, около Ястребской церкви. Но это не смогли осуществить: началась революция. Грабители забрались в склеп, вскрыли гроб Алехи и выкинули его тело. Родственники похоронили его рядом на участке Полуэктовых. Десятилетия спустя в этой же могиле была похоронена его двоюродная сестра Ирина Евгеньевна Полуэктова, моя сестра.

Когда началась революция, тетя Саша закрыла свою гимназию и, приняв сан игуменьи, была направлена своим духовным начальством в Орел, в Орловский женский монастырь, который и возглавила. Через некоторое время она была арестована и выслана. В ссылке приняла схиму с именем своего любимого брата, Евгения. Последнюю ссылку отбывала в Вологде, где были уже сосланные туда ее брат Евгений Григорьевич, и его жена, моя мать. В 1939–1940 годах, несколько лет спустя после расстрела ее брата, она была вновь арестована в числе духовных лиц Вологды. Был организован показательный процесс. Моя мать и сестра, которые тогда тоже находились в Вологде, могли только смотреть с улицы в окно зала суда. Потом один юрист, который присутствовал на суде, сказал, что тетя Саша очень хорошо держалась и говорила. Умерла она в тюрьме еще до вынесения приговора.

Когда тетя Саша жила в Орле, она приезжала иногда к нам в Москву. С ней вместе обычно приезжала и матушка Вера, монахиня Шамординского монастыря, который был уже закрыт, после чего матушка Вера стала жить с тетей Сашей будучи с ней духовно близкой. В этот период я и мой муж были женихом и невестой, что длилось около двух лет. Мы обычно сидели в гостинином уголке нашей столовой комнаты и все разговаривали друг с другом. Матушка Вера, которая была с большим чувством юмора, и тетя Саша прозвали нас «чирикалками». Это прозвище долго сохранялось за нами.

Мы проводили лето почти каждый год именно в Ястребове, так как в Тарасьево съезжалось очень много родственников и было тесно и неудобно. Кроме того, владелица Ястребово, тетя Саша и ее сын Алеша были любимцами не только моего отчима, но и всех нас.

В наступившую весну этого года мы едем в Ястребово. Поезд на Калугу отправляется в 12 часов ночи. Против обычного мы не ложимся спать, ожидая отъезда на вокзал. Для нас это большое событие — отъезд в ночное время. Мы не ложимся спать до ночи и ночью едем в поезде. В ожидании отъезда мы бегаем по нашему московскому двору-саду, утопающему в цветущих сиреневых кустах и каштановых деревьях, окутанных таинственной для нас ночной мглой. Наступает время отъезда. Мы едем на Брянский вокзал, переименованный позднее в Киевский. В то время это было еще скромное небольшое деревянное здание, выросшее к 15–16-м годам в роскошный вокзал, сохранившийся во всех деталях до нашего времени, потерявший лишь русского двуглавого орла на своем шпиле.

В Калугу мы приезжаем рано утром. Калуга — старинный красивый город, стоящий на берегу Оки, в котором многие калужские помещики имели свои дома. Это накладывало на город своеобразный дворянский отпечаток.

Калужская губерния славилась разбросанными по ней старинными дворянскими усадьбами, в большинстве случаев благоустроенными, как, например, усадьба Росва, принадлежащая Урусовым, Железцево — Даниловым, Охлебинино — Коншиным, и другие, находившиеся в 12–16 верстах от Калуги. В первые же годы революции все было уничтожено, расхищено.

Наше Ястребово находилось в 40 верстах от Калуги. Добраться до него в те времена можно было лишь на перекладных тройках. Другого транспорта, кроме конного, в те годы не было. Нанимались две или три такие тройки, в зависимости от количества ехавших и багажа. Назывались они «перекладными», так как через определенные расстояния были остановки, на которых лошади менялись, т. е. перезакладывались. На нашем пути были две такие остановки.

Выезжая из Калуги, мы сразу же спускаемся к Оке на перекинутый через нее разводной широкий деревянный мост. После небольшого гористого подъема мы выезжаем на широкую дорогу. Слева и справа тянутся леса, которыми славилась в свое время Калужская губерния. Изредка эти леса перемежывались чудесными полянками с полевыми цветами, среди которых белели своими цветущими головками полевые анемоны. Наши тройки останавливались по нашей просьбе,

и мы вылезали из пролетов, запутываясь в своих длинных, непривычных для нас дорожных пыльниках, чтобы нарвать цветов.

Через некоторое время дорога прерывается спуском к реке Жиздре, притоку Оки, через которую переезжают на пароме. Спуск к реке проходит через зеленый высокий берег, повернутый к реке ярко-желтой стороной. Дорога к парому прорезается через кручу берега, и слева и справа стоит песчаная стена. Яркость зелени перемежается с яркостью песка. Мы въезжаем на паром. Тройки наши стоят как вкопанные, наслаждаясь возможностью передохнуть. Выезжая с парома, мы продолжаем свой путь по Калужской земле и доезжаем постепенно до следующей реки, называемой Протва, переезд через которую совершается опять на пароме. В берегах этой реки можно было находить следы жизни древнего народа, жившего в этих местах: каменные накопечники для стрел и другие каменные предметы в виде ножей и посуды. Мы, конечно, тоже копались в берегах этой реки и радовались, когда находили каменную стрелу или крепкое проволочное кольцо.

Наконец, мы подъезжаем к уездному городу Перемышлю, где нас встречают уже свои лошади, холеные, запряженные в хорошие пролетки, которые везут нас уже до самого Ястребова. Появляется, наконец, белокаменная ограда усадьбы, и мы лихо подъезжаем к подъезду большого двухэтажного дома темно-бордового цвета с ярко-белыми наличниками на окнах. Дом конца XVI — начала XIX веков, вобравший в себя жизни 4–5 поколений.

Мы входим в большой высокий вестибюль. Справа — большая парадная лестница, ведущая наверх, а прямо перед нами дверь, которая ведет в парадные комнаты. Первая парадная комната очень большая, разделенная колоннами на две половины. В одной половине — столовая, в другой — гостиная с выходом на очень большую террасу длиной во весь фасад дома со стороны сада и парка. Гостиная уставлена уютной старинной мебелью, на стенах висят старинные, очевидно, ценные картины. Все это было когда-то кем-то устроено, чьи-то руки это любовно создавали, а я любовно храню это в своей памяти.

В столовой стоял очень большой полуовальный стол, большой рояль, в простенках — маленькие старинные шкафчики и кресла. У большой стены напротив окна стоял большой диван. У выхода на террасу был поставлен маленький диванчик, на котором все очень любили сидеть.

Из столовой был вход в библиотеку. Это была сравнительно небольшая квадратная комната, стены которой были плотно заставлены доверху специальными библиотечными шкафами цвета карельской

березы, с плотно установленными в них книгами в красивых кожаных золотистых переплетах. У каждого шкафа были откидные узкие столики. Посередине комнаты стоял большой стол. Рядом с библиотекой был кабинет хозяина, в котором все стояло, очевидно, так, как было при нем. Широкое окно кабинета выходило прямо во двор, на котором находились хозяйственные постройки, конюшни, сараи с экипажами. Была видна вся жизнь двора, за которой в окно мог наблюдать сам хозяин.

В одном из сараев стояли старинные экипажи, так называемые дормезы, в которых путешествовали на большие расстояния в течение нескольких недель. Эти дормезы были так удобно устроены, что в них можно было удобно жить неделями. Летом эти дормезы выкатывались из сарая для просушки и вызывали в нас желание в них залезть.

Кроме парадной лестницы, в доме было еще несколько лестниц. Одна из них была очень таинственная: маленькая, узенькая, спускавшаяся из середины дома, совершенно темная, в маленькую полутемную полуподвальную комнату, в которой валялись таинственные предметы (рапиры, забрала, маски, щит). Дом был наполнен духом живших в нем предыдущих поколений. Он был согрет прожитыми в нем жизнями. Вокруг дома, как полагалось в усадьбах, был большой липовый парк и фруктовый сад.

С крестьянами были дружественные отношения. Иногда в праздничные дни они приходили на усадьбу в праздничных сарафанах, вышитых рубашках, пели свои народные местные песни, дарили вышитые ими полотенца. Хозяева в свою очередь делали им подарки, а когда приходили к ним за медицинской помощью, лечили больных.

Умерших хозяев усадьбы полагалось хоронить около церкви, которая стояла рядом с усадьбой. Так были похоронены Владимир Алексеевич Тимашев-Беринг (около Ястребово) и Григорий Семенович Полуэктов (около Тарасьево).

Ястребово по завещанию Александры Григорьевны после ее смерти должно было перейти во владение моему брату.

В первые годы революции обе усадьбы, Ястребово и Тарасьево, были уничтожены, сожжены. Некоторые интерьеры комнат Ястребова сохранились у нас в картинах, написанных художником, жившим в Ястребове однажды летом.

Ранней осенью, до возвращения в Москву, мы переезжали на дачу к нашей бабушке в так называемый «Бор». Так и говорилось — на дачу в Бор. Дача находилась под самым Серпуховым. На ней мы проводили тихие осенние дни, согретые любовью бабушки Варвары

Петровны Коншиной. Вечера, перед тем как мы ложились спать, мы проводили с бабушкой. Она нам читала интересные книги на французском языке, очень распространенные в те годы, из так называемой французской *Bibliothèque rose* («розовой библиотеки»).

На круглом столе стояла большая хрустальная ваза с фруктами, которые мы радостно поглощали. Когда мы ложились спать, до нас доносилась чудесная бабушкина игра на рояле, чудесная успокаивающая классическая музыка. Одновременно с нами иногда приезжали погостить к бабушке на несколько дней из соседней усадьбы «Кислино» наши четыре двоюродных брата Коншиных. С приходом наших двоюродных братьев у нас начинались азартные игры: «казаки-разбойники», футбол, который только начинал входить в моду.

Когда бабушка умерла, ее хоронил весь Серпухов. Бабушка была Коншина, а Коншиных в Серпухове очень любили и чтили.

В Серпухове же жили наша тетя Оля, сестра моей матери, которая нас очень любила и баловала.

Последнее лето в Ястребове мы проводили в год объявления войны 1914 г., когда неожиданно в наше усадебное уединение донеслась весть о начале войны между Германией и Австрией. Молодежь приняла это сообщение с подъемом, бравурно, на рояле играли Преображенский марш. Началась мобилизация среди окружавших нас крестьян. По широкой дороге, так называемому «большаку», обсаженному с двух сторон вековыми березами еще при Екатерине II, потянулись группы мобилизованных крестьян, сопровождаемых плачущими женами. Началась и мобилизация лошадей.

Осенью, к началу нашего ученья, мы возвратились в Москву. Вся деятельность мысли, переживания всего населения России были связаны с войной. В домах и квартирах вывешивались географические карты, по которым отмечались булавками места боевых действий: наступления и отступления. Как мы огорчались, отмечая отступления! Из соответствующих казенных учреждений на специально организованные для этого частные склады присылалось неразобранное солдатское белье, которое должно было раскладываться по комплектам. Каждому солдату на фронт отправлялся такой комплект. Один из таких складов находился в Кремле, в Николаевском дворце, возглавляемый Великой княгиней Елизаветой Федоровной, основательницей Марфо-Мариинской обители. На этом складе работали дамы общества, в том числе и наша мать Капитолина Николаевна Полуэктова.

Мы часто заходили к ней на склад, помогая сортировать белье. Какою только помощью не старались оказать фронту! Женщины,

умеющие вязать, вязали всякие теплые вещи, которые отправляли солдатам на фронт. Посылали кисеты с табаком и разные другие гостинцы. Открывались лазареты в свободных помещениях и в частных домах. В санитары и сестры милосердия шли люди из разных слоев общества, желающие помочь раненым. Доктора и весь персонал в лазаретах работали безвозмездно. Была такой сестрой милосердия сама Императрица Александра Федоровна, дежурившая по ночам в лазарете Марфо-Мариинской обители, не называвшая своего имени. Свое дежурство она несла как все сестры. За каждым солдатом был сердечный уход, была забота, каждый солдат был личностью.

Во время войны общество было захвачено духом патриотизма, забылось в нем, переживая события, происходившие на фронте. Но через некоторое время снова появился дух «революционизма». Разливающаяся по нашей стране мгла все больше сгущалась. Агитация с новой силой накинута на нашу многострадальную Россию. Распускали всевозможные слухи. Появились не только агитаторы в обществе, но и в армии. Распускались слухи, связанные с именем Распутина, сибирского мужика, появившегося в жизни царской семьи в связи с болезнью наследника, истекавшего кровью от малейшего удара. Только Распутин мог остановить кровотечение, медицина была бессильна.

Министр военной промышленности Гучков распространил в печати поддельное письмо Государыни Александры Федоровны к Распутину с ложными комментариями с целью скомпрометировать Государыню. Государь только наложил штраф на газеты, напечатавшие это письмо, но печати оказалось выгоднее заплатить штраф, чем прекратить печатать письмо, так как газеты благодаря этому бурно раскупались. Наконец, было совершено убийство самого Распутина, который с момента появления его при дворе был лакомой темой для агитации против царской семьи. Несмотря на то, что наше отступление на фронте прекратилось и началось наступление под командой самого Государя и мы уже стояли у победного конца войны, революционная агитация продолжилась с удвоенной силой.

В спустившейся над нашей страной серой мгле уже таилось красное чудовище, поглотившее потом всю Россию. Трагично и горестно воспринималось все, что творилось вокруг теми, кто понимал и предвидел гибель России.

В последние годы перед революцией мы жили в маленьком имении Ромоданове, унаследованном моей матерью от своего деда Николая Николаевича Коншина. Ромоданово находилось на высоком берегу Оки напротив Калуги. Большой дом в Ромоданове сгорел от

попавшей в него во время грозы молнии в 1906 году. Остался только небольшой домик, в котором мы жили, когда приезжали летом, и служебные постройки в виде конюшни, сараев, кухни, находившейся вне дома. Усадьба состояла из очень большого фруктового сада и чудесного большого парка, находившихся на высоком берегу Оки, спускавшегося к небольшому заливному лугу. В парке была устроена площадка со скамьями, откуда открывался чудный вид на заходящее в Оку солнце и на широко раскинувшуюся на противоположном берегу Калугу. Каждый вечер из Калуги доносился мощный хор мужских голосов, стоящих в Калуге военных частей, певших «Боже, царя храни!».

Через некоторое время, после 17-го года, эти голоса замолкли. Началось напряженное ожидание чего-то лучшего — будто кто-то придет и спасет Россию.

В Ромоданове мы уже перестали бывать, и судьба его нам неизвестна. Началась революция, начались годы катастроф страны и катастроф жизней. Государь отрекся 2 марта 1917 года (заговорщики объявили, что Государь отрекся 2 марта 1917 г., на самом деле юридически законного отречения не было. Было свержение царя. — АДК). 2 марта в Москве, в Коломенском, явилась икона Державной Божией Матери, как бы принявшей на себя державу России.

Красное чудовище оделось в красные тряпки флагов и лозунгов. По улицам шли демонстрации с революционными песнями. Все были в чаду безумного возбуждения. Когда мы пришли к одним нашим знакомым, принадлежавшим к цветку тогдашнего общества, двери их квартиры были раскрыты и ее обитатели с красными бантиками на груди возбужденно выбегали, чтобы присоединиться к проходившей поблизости демонстрации.

В первый день революции меня не пустили в гимназию, боясь беспорядков на улицах. На второй день я уже пришла в гимназию. Несмотря на то, что в моей гимназии учащиеся принадлежали к состоятельному привилегированному классу, все ученицы были с красными бантиками на груди, и только я и моя подруга Кира Аллендорф были без них. Наше поведение рассматривалось как неподобающее. В этот день у нас был урок Закона Божьего. Войдя в класс и сев на учительское место, преподававший нам батюшка обратился к нам, ученицам, спросив, как мы относимся к совершившемуся перевороту. Тогда одна ученица, возбужденно радовавшаяся революции, повернувшись в мою сторону и указав на меня несколько издевательски, сказала: «У нас здесь Шепелёва против». Батюшка не спросил меня, почему я против. Еще одна ученица встала и сказала, что она не против, но просто жалко царя и его семью.

Отец моей подруги, А. А. Аллендорф, возглавлял железнодорожное движение. Он получил приказ от Временного правительства не пропускать через Москву поезд возвращающегося с фронта царя в Петроград в Царское Село. Он не выполнил этого приказа, после чего ждал ареста, но арестован не был благодаря творившимся смутам, беспорядкам.

После захвата власти большевиками церковь вскоре была отделена от государственного управления. После долгих молений, торжественных заседаний на Поместном Соборе был избран в патриархи архиепископ Тихон, который имел большие заслуги в своей духовной деятельности и сам был духовной личностью. В наше время его причислили к лику святых.

Большевики захватили Москву после небольшой стрельбы на улицах, от которой мы прятались в подвал нашего особняка. Большевики сделали свою резиденцию в Кремле, куда вход был строго запрещен. Немедленно были сняты с Кремлевских Никольских, Спасских и Бородинских ворот их надвратные образа. В первые же Октябрьские торжества пустые места, где висели образа, были завешены красными полотнами. На Красной площади стояла неорганизованная толпа, глазеющая на закрытый, теперь недоступный Кремль. Неожиданно на Никольских воротах не то раздвинулись, не то разорвались Красные полотна, и из-под них на старой надвратной стене, на том месте, где раньше висела икона, появился образ Святителя Николая во весь рост с мечом в руке. Это произвело необычайное впечатление на стоявшую толпу. С этой иконы стали снимать копии. Такая икона была и у нас, теперь она находится у Барминых (наследников Капитолины Николаевны Полуэктовой ее дочери Ирины Евгеньевны. — АДК).

Захватив власть, большевики начали разрушать кремлевские святыни. В первую очередь Чудов монастырь и Вознесенский монастырь (место погребения всех русских цариц до царствования Петра I). Могилы были вскрыты и все останки выброшены. Царицу Ирину Годунову нашли в гробу, перевернувшуюся на бок, что вызвало предположение, что она была похоронена, находясь в летаргическом сне.

Настало лихолетье. Полилась по всей Руси кровь. Наступил голод. Пошли по всей России разрушения, уничтожение всего святого. Был приказ снимать с церквей колокола, замолк многовековой звон, замолкла Россия. Был приказ отнимать церковные ценности, снимать с икон ризы. В деревнях иконы из церквей выбрасывались в овраги или куда попало, сжигались, делали из них ступеньки для лестниц. Церкви закрывались.

Население должно было сдавать имевшееся оружие. Если оружие не было сдано и это обнаруживали, то владельца арестовывали и расстреливали.

В это время начался всеобщий религиозный духовный подъем. Все потянулись в церковь. Нашим приходом была церковь Успения на Могильцах, в Мертвом переулке. Мой отчим, Евгений Григорьевич Полуэктов, был выбран старостой церкви. Молодежь обслуживала церковь, читала на клиросе, убирала храм, молодые люди прислуживали в алтаре. Возглавлял церковь о. Георгий Чинов, очень умный образованный священник, создавший вокруг церкви духовную жизнь. Такая деятельность в церкви в то время была не только в нашем приходе, но и в других церквях. Все прихожане знали друг друга, общались между собой и с прихожанами других церквей. Был большой духовный подъем.

Начался голод и холод в домах, так как отсутствовало топливо. Улицы, а иногда и дома вечерами не освещались. Была полная тьма. Ходили слухи, что по улицам бродят «прыгунчики» на длинных ногах, которые пугают и грабят. По вечерам боялись выходить из дома. Снег на улицах не убирала, дворники в этот период были освобождены от уборки снега. Это заставляли делать самих обитателей города.

Начались массовые аресты, расстрелы. Была арестована и расстреляна вся молодежь, игравшая в теннис на площадках Девичьего поля. Ночное время утратило свой безмятежный покой. Каждую ночь ждали топота тяжелых сапог под окнами, стук в дверь. В одну такую ночь был арестован мой брат Григорий, которому было 16 лет, и его товарищи — Юрий Половинкин и многие другие, которые потом были расстреляны. Через две недели снова раздался топот сапог и стук в дверь. Брат Андрей вскочил и, крича родителям «Гриша пришёл», побежал открывать дверь. Но это оказался не брат Гриша, пришли арестовывать его, Андрея (ему тогда было 18 лет). Через некоторое время мы узнали, что Гриша был расстрелян 4 декабря 1919 г. в день праздника «Введение во храм». Следовательно, когда арестовывали Андрея и ему показалось, что Гриша возвращается домой и зовет его у входной двери, Гриша уже был расстрелян. Андрей был тоже приговорен к смертной казни и сидел в камере смертников, откуда каждую ночь выводили на расстрел.

Как-то удалось узнать (тогда все было еще просто), что тела расстрелянных свозили на Калитниковское кладбище в Москве и что могильщики этого кладбища знают, под каким бугром какая партия расстрелянных погребена. В то время уже образовалось три больших

бугра. Эти могильщики за плату откапывали погребенных в присутствии родственников, которые должны были опознать своего расстрелянного. Найденное тело погребали на том же кладбище с другой стороны. Таких могилочек образовалось очень много. Моя мать, отчим и тетушка, договорившись заранее на кладбище, поехали туда, чтобы откопать тело брата и захоронить его в отдельную могилу. Они взяли с собой все необходимое в таких случаях, но их постигла неудача. Оказалось, что по ошибке раскопали соседний бугор. Надо было повторить все через несколько дней. Но это оказалось уже невозможным, так как деятельность могильщиков разоблачили.

Бугры с захоронениями расстрелянных и отдельные могилы простояли еще год, а потом все было уничтожено так, что теперь невозможно даже установить это место. Но недавно официально в одной из наших газет было сообщено, что все тридцатые годы Калитниковское кладбище было местом, куда свозили в большом количестве тела расстрелянных, которые сбрасывали около кладбища в большой овраг. Каждую привезенную партию засыпали песком.

Гриша так же, как и его отец, погиб необычной смертью. Гриша был мягкосердечным, отзывчивым, добрым. Когда умер его отец, ему не было еще трех лет, но он уже плакал по нему и старался утешить маму. Мама писала о нем: «Не могу налюбоваться на моего Гришутку — все-то он делает без капризов, такой у него ровный, добрый, веселый характер». Таким он оставался до последних дней своей жизни.

Брат Андрей, как уже было сказано, тоже был приговорен к расстрелу. Нам тогда сказали, что надо в таких случаях молиться Иоанну Воину. Мы стали искать образ Иоанна Воина в нашей приходской церкви, в которой мой отчим был старостой. Осмотрели все иконы, но так и не нашли нужной нам. Вскоре после этого мой отчим, как староста, открывал рано утром церковь для утреннего богослужения и к своему удивлению увидел, что перед одной из окон в малозаметном месте горит свеча, что вызвало большое удивление: если забыли с вечера потушить свечу, как же она за ночь не догорела. Когда он подошел к иконе, он увидел, что никакой горящей свечи нет, а икона, перед которой, казалось, горела свеча, была иконой Иоанна Воина.

В это время неожиданно мы узнали, что бывший репетитор моих братьев Александр Михайлович Дьяконов после Октябрьской революции занял большой пост. Моя мать обратилась к нему за помощью, и он спас моего брата Андрея от расстрела. Через некоторое время брат был переведен в один из лагерей для заключенных, который находился тогда в Москве в бывшем Ивановском монастыре. Нам дали свидание

с ним. Он был бледным, изнуренным, с трагическим выражением глаз. На нем была шинель белого офицера, приговоренного к расстрелу, которую он скинул брату, когда его выводили на расстрел. Брат шепотом спросил меня, знает ли мать о расстреле брата Гриши.

Андрей продолжал находиться в заключении еще около года. Этот арест наложил отпечаток на всю его жизнь. Когда он вышел на свободу, он узнал, что многие его товарищи, как и его брат, были расстреляны. Когда закрывали нашу церковь, мы попросили отдать нам икону Иоанна Воина, приобретшую для нас такое большое значение. Эта икона хранится у нас в семье и в настоящее время.

Через некоторое время после освобождения, в 1923 г., брат Андрей женился на Марии Борисовне Геринг, отец которой до 1917 года состоял при дворе князя Константина Константиновича в качестве управляющего его имениями. Вскоре после брака у Андрея родился сын Николай. По прошествии 7–8 лет Андрей разошелся с Марией Борисовной, Мусей, как мы ее звали. Вторым браком он был женат на Наталии Сергеевне Мезенцевой, правнучке Пушкина. От этого брака был сын Михаил, который умер в возрасте 3-х лет от токсического дифтерита, проболев 5 дней. Мишеньку, а потом и Андрея, умершего от туберкулеза в 1941 г., похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря на участке Пушкиных. Сын Андрея, Николай, после смерти отца был мобилизован и отправлен на фронт. Прощаясь с нами, он был очень взволнован. Казалось, что он прощается навсегда. Расставаясь, он попросил фотографию Андрея, которую он увез с собой в кармане на груди. Приехав на фронт под Смоленск, в котором проходили первые годы детства его отца, он в первом же бою был убит. Имя его есть на памятнике убитых под Смоленском.

В войну 1812 г. тоже были бои под Смоленском, в которых сражался предок Шепелёвых, в честь которого одна из деревень была названа Шепелёвкой. Портрет этого Шепелёва находится в Военной галерее портретов 1812 г. в Эрмитаже. Фотографию Андрея, находившуюся на груди убитого Николая, выпачканную в земле, прислали нам вместе с другими мелкими вещами, вынутыми из карманов его одежды.

Чтобы разрядить тяжелую обстановку, вызванную арестами братьев, гибелью Гриши и повторившимся арестом моего отчима, по желанию моей матери я вместе со своей младшей сестрой Ириной и братом Володей поехала к нашей тетушке Нине Николаевне Колосовой, которая в то время жила вместе со своей семьей в Серпухове. Тяжело тогда было на душе. Мы жили в большой тревоге. В это время епископом в Серпухове был владыка Арсений. Тот самый владыка, который до

революции был настоятелем в Чудовом монастыре в Кремле. Владыко был известен высокой духовностью. Он тогда жил и служил в женском монастыре около Серпухова. Мы решились пойти к нему в монастырь. Попасть к нему на прием было трудно. Мы встали около храма в ожидании, когда он будет выходить из храма или проходить в свою келью, чтобы подойти к нему. И это случилось. Он вышел в своем строгом черном одеянии, весь одухотворенный, с пронизывающим светящимся глубоким взглядом. Взглядом, который глядел в самую глубину души. Мы подошли к нему, рассказали о наших бедах и попросили его молиться об облегчении наших обстоятельств. Посмотрев на нас своим удивительным взглядом, он велел пройти к нему в келью. Все внимательно выслушав, он пригласил нас на следующий день на исповедь и причастие в его домашнюю церковь, которая была в его келье. С этого дня я стала его духовной дочерью.

Как его духовная дочь через несколько лет я была принята схиигуменией матушкой Знаменского монастыря под Москвой Фамарь в ее духовные дочери. В Серафимо-Знаменский монастырь с разрешения матушки меня повезла Софья Ивановна Данилова, двоюродная сестра моего мужа, которая уже бывала в этом монастыре. Увидев меня, матушка несколько шутливо-недоверчиво сказала: «Посмотрим, какая духовная дочь у Владыки Арсения». Я понравилась матушке и впоследствии она меня очень полюбила. В это время владыко как раз жил у матушки в монастыре. Они были очень духовно близки. Владыко всецело передал меня матушке. Монастырь был небольшой, очень строгий. Одно из послушаний в монастыре — послушание «молчание». Все встречающиеся сестры низко кланялись в полном молчании, которое могло длиться сутками.

Матушка была очень близка с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, создавшей и возглавлявшей Марфо-Мариинскую обитель на Ордынке. Владыко и матушка, начиная с 1926 г., как теперь это стали называть, ушли в «катакомбы», т. е. отделились от официальной церкви, которая всецело подчинилась атеистическому правительству, которое не только закрывало церкви, а стремилось их разрушить и изнутри. Быть «катакомбным» был большой подвиг.

Мое духовное общение принесло много сил и света в нашу тяжелую жизнь. Перед нашим венчанием с Александром Сергеевичем мы ездили на благословение к владыке, где была и матушка. Служили в домашней «катакомбной» церкви литургию. На престоле стояла икона Божьей Матери, которая красиво светилась, и я любовалась ею, не подозревая, что этой иконой нас благословят на брачную жизнь.

Провожали нас молитвенно, сердечно, одарив большим количеством цветов. Мы были в постоянном общении с матушкой. Появившихся у нас детей мы привозили к ней, сколько это было возможным. Сколько утешения и бодрости мы черпали в свиданиях с ней. В 1931 г. она была арестована и выслана в тяжелую для нее ссылку, но каким-то чудом в 1933–1934 гг. она вернулась и поселилась на станции Пионерская Белорусско-Балтийской ж. д. В 1936 г. она умерла от туберкулеза, подхваченного в ссылке. Она похоронена, согласно ее завещанию, на Немецком кладбище, около могилы о. Алексия Мечева. Владыко Арсений успел похоронить матушку. В 1937 г. он был арестован и исчез без вести, как многие арестованные в эти годы.

Поездка наша в Серпухов одарила меня духовной жизнью. Через некоторое время после смерти матушки и ареста владыки милостию Божьей нам снова было дано духовное общение и молитвы «катакомбных» духовных лиц. Один из них о. Сергей — священник, поселившийся у нас в Хотьково и отслуживший около 2500 литургий. Другой — был замечательным старцем, иеромонахом, жившим в Троице-Сергиевом Посаде, называвшемся тогда Загорском. Он умер в 1942 г., а отец Сергей, скрываясь, в этом же году должен был срочно уехать от нас в связи с надвигавшимися арестами. С этого года мы потеряли духовную опору, духовное общение, столь необходимые в те годы.

Отец Сергей появился у нас в связи со строительством нашей дачи в Хотьково. Нашу дачу мы начали строить в 1936 г. Это было вызвано необходимостью вывозить летом из Москвы наших троих детей на свежий воздух. Каждую весну начинался мучительный поиск дачи, где можно было провести лето. Мучительный потому, что трудно было снять дачу под Москвой, имея трех детей. Хозяева дач считали для себя неудобным сдавать помещение такой большой семье. Неизвестно, какие еще попадутся дети. Только два раза за 9 лет нам удалось снять дачу под Москвой. В остальных случаях мы уезжали в деревню, где у нас были какие-нибудь знакомые. Это и заставило нас строить свой собственный загородный дом. Тем более что Александр Сергеевич в это время работал на обширном строительстве, начальство которого обещало ему помочь. Оставалось найти место, и мы нашли его в Хотьково, в местах преподобного Сергия и его родителей, по земле, по которой ступал когда-то сам преподобный и его последователи-сподвижники.

Когда мы приехали на это место, оно представляло собой длинную зеленую лужайку, на которой не было застроек, тянущуюся от станции железной дороги до небольшого овражка, по краям которого

росли деревья, а внизу протекала река. Это место у овражка мы и выбрали. Александр Сергеевич хотел, чтобы дом хотя бы какой-то своей частью напоминал усадебный дом в его имении Хорошовка. Именно в это время строительства появился у нас о. Сергей, назвавшийся тогда Сергеем Петровичем, которого направила к нам соседка-старушка. Он сказал, что он — бухгалтер, но в настоящее время у него нет работы, и он может наблюдать за строительством дома, что нам было необходимо. Когда дом был построен, он поселился у нас в качестве сторожа. Вскоре мы узнали, что он — отец Сергей. Он стал «катакомбным» священником. Вынужденно уехав от нас, он ушел в глубину катакомб: жил в подвале, выходил во двор или сад лишь ночью. Через некоторое время стал монахом Николаем, а впоследствии принял схиму. Похоронен он под домом, в котором проживал.

Несколько отклонившись от последовательного рассказа, я возвращаюсь к 20-м годам нашей жизни.

Жизнь продолжала тянуться со всевозможными трудностями. Питались кое-как, придумывали всевозможную еду, как, например, лепешки из картофельных очистков. Многие в то время ездили в далекие деревни, чтобы достать муку или крупу в обмен на какие-нибудь вещи. В деревнях тогда еще не все было отнято.

В такую поездку отправился и мой отчим, дедушка Женья, как его звали внуки. Что-то обменяв, он через неделю вернулся взволнованный домой к вечеру в субботний день, когда дома никого не было, и прошел прямо в церковь к подвоскресной всенощной. Как всегда, в нашей церкви было много молящихся. Мы все тоже были в церкви. Мы заметили, что он был в каком-то необыкновенном подъеме духа. Он прошел прямо в алтарь и рассказал служившему всенощную о. Георгию о случившемся чуде во время его поездки.

Когда он возвращался поездом в числе других пассажиров в Москву, произошла авария. Часть вагонов оторвалась от состава и гналась под откос за паровозом с другой частью вагонов. Должно было произойти столкновение. С замирающим сердцем пассажиры ожидали катастрофы. Вдруг неожиданно несущиеся под откос вагоны остановились. Недоумевающие пассажиры увидели вблизи железнодорожного полотна храм, вокруг которого под колокольный звон двигался крестный ход. Пассажиры немедленно вышли из вагонов и присоединились к крестному ходу. Оказалось, что этот храм был построен в честь Спаса Преображения и что в этот день был праздник Преображения Христова. Это было чудо. О. Георгий, выслушав этот рассказ моего отчима, тут же в проповеди рассказал об этом всем молящимся в церкви.

Продолжаются трудные дни, продолжается борьба за сохранение жизни, продолжают слезки, доносы, аресты. Казалось, что такой большевистский режим не может долго длиться, что это временно, что это скоро должно кончиться. Все жили с этим сознанием. Все разваливалось, но, несмотря на это, держалось, создавая невыносимые условия жизни. НЭП — новая экономическая политика несколько облегчила жизнь: появились продукты, появилась возможность покупать одежду, мануфактуру, необходимые предметы, но это длилось недолго.

В эти первые коммунистические годы главным образом преследовались различными способами интеллигенция и духовенство. Путем не только арестов и ссылок, но лишением заработка, прописки, продовольственных карточек, различными придирками. Категории людей, лишенных всяких прав, администрация присваивала наименование «лишенцы».

Несмотря на все трудности, мы собирались в различных местах, главным образом у Толстых, у сына Л. Н. Толстого — Сергея Львовича, которого как сына Л. Н. Толстого не подвергали в то время преследованиям. Такие вечера устраивали и в других местах. По субботам у Толстых устраивались музыкальные вечера, на которые собирался обыкновенно остаток сохранившейся еще тогда интеллигенции. Обыкновенно бывала на этих вечерах и сестра Сергея Львовича, Татьяна Львовна Толстая со своей дочерью, Татьяной Михайловной, позднее уехавшие в Италию, где Татьяна Михайловна вышла замуж за знатного и богатого итальянца, отец которого в то время занимал большой государственный пост. С Сергеем Львовичем и его женой Марией Николаевной, урожденной графиней Зубовой, жил тогда его сын Сергей Сергеевич Толстой, пасынок Марии Николаевны, который после безбожного настроения стал не только глубоко верующим человеком, но и диаконом соседней с нами церкви Покрова Богородицы.

Это было большим огорчением для Сергея Львовича, который был не то «толстовцем», не то просто атеистом. Всеми силами старались он и его жена отвлечь Сергея Сергеевича от принятого им диаконаства. Они старались вовлекать его в круг молодежи, чтобы он познакомился и увлекся какой-нибудь девушкой, женился бы и таким образом лишился сана диакона, так как диакон имеет право жениться лишь до принятия сана. Несмотря на то, что Сергей Сергеевич был очень увлекающимся человеком, он говорил, что вопрос безбрачия не имеет для него значения, что он хочет быть целибатом. Окружающее его духовенство вложило в это мысль искупления внуком греха деда Льва Николаевича Толстого.

На этих музыкальных вечерах бывала и я. Родные Сергея Сергеевича, заметив, что я нравлюсь Сергею Сергеевичу, решили о возможности брака между нами. Татьяна Львовна настолько была уверена в этом, что, как мне говорили, хотела даже поздравить. Сама же я с большим уважением, как религиозный человек, относилась к сану диакона, поэтому у меня и мысли о браке не могло быть, не говоря уже о том, что Сергей Сергеевич мне не нравился, хотя я ценила его духовные качества. Он был хорошим человеком.

Собиралась также в разных домах интеллигенция философски настроенная, во главе с Рачинским (Григорий Алексеевич — председатель московского религиозно-философского общества имени Вл. Соловьёва) и другими еще оставшимися в СССР философами. Молодежь играла в шарады, в которых проявлялось много остроумия. В Доме ученых на Пречистенке, в бывшем особняке Коншиных, и в находившейся рядом с ним так называемой «Исторической комиссии» еще сохранялся цвет оставшейся интеллигенции. В эти учреждения приходили для общения друг с другом, для отдыха, танцевали под небольшой оркестр. Устраивали даже небольшие балы с кадрилию, мазуркой и вальсами.

Несмотря на то, что непрерывный страх висел над головой, все танцевали в каком-то чаду, в самозабвении. Танцевали люди всех возрастов, даже с трудом передвигающиеся. Танцевали в ожидании перемен в скором времени, так как казалось, что такая жизнь не может долго длиться, но перемены не наступали. Годы катастроф, годы уничтожения России, годы уничтожения человеческих жизней все больше охватывали всю страну.

Сначала уничтожали интеллигенцию, духовенство, верующих, потом стали уничтожать крестьянство, дошло до рабочих, потом уничтожали всякое население по доносам, по подозрениям. Сталин хотел создать страну, как тогда объявляли, из молодежи, родившейся в его время, им, его политикой, молодежи, которая воспитывалась в знании только того, что ей было дозволено знать, т. е. в незнании. Над Западом висел «железный занавес». Было предосудительным иметь родственников за границей. В высшие учебные заведения интеллигенция не принималась.

Наша семья в течение всего советского времени подвергалась преследованиям, ссылкам. Жили под непрерывным страхом, наблюдением, начиная с дворника нашего дома, соседей, домкома. Не хочется обо всем этом писать. Я только расскажу о последней ссылке наших родителей и о трех чудесных случаях, связанных с арестами моего мужа Александра Сергеевича.

В 1922 году мои родители сняли дачу по Белорусской железной дороге, в Переделкине, около бывшего имения Самариных. Самариным в это время еще разрешали жить на своей усадьбе в своем доме, оставив им несколько комнат в нижнем этаже. С ними жили их друзья, семья Осоргиных, Истомины. Мы сняли одну половину дома, а другую половину дома, узнав, что она пустует, сняли Толстые для Сергея Сергеевича, чтобы его присоединить к нам. Сергей Сергеевич приезжал по выходным дням. Однажды он сказал: «Я привезу своего друга, которому надо отдохнуть на свежем воздухе после напряженных занятий». Этим другом оказался Александр Сергеевич Некрасов, впоследствии мой муж, которого раньше я мельком видела, когда заходила к своей приятельнице Соне Даниловой, его двоюродной сестре.

К Сергею Сергеевичу приезжала еще молодежь семьи Урусовых. Объединились семьи, жившие у Самариных и жившие около нас, т. е. Сергей Сергеевич со своими гостями. Началось веселье, шарады. Я приобрела больших друзей на всю жизнь — семью Осоргиных. Александр Сергеевич, Сергей Сергеевич и я ходили вместе гулять, много беседовали, сидя на своих террасах, которые были рядом, благодаря чему мы могли видеть друг друга, каждый стоя у себя, и разговаривать. Александр Сергеевич принимал большое участие в шарадах — играл с увлечением.

Эта наша встреча положила начало для последующего знакомства, для дальнейших частых встреч.

В 1925 г. я вышла замуж за Александра Сергеевича Некрасова, по матери Унковского, племянника наших друзей Даниловых. Моя мать с отчимом в этом году были высланы сроком на три года в Тверь.

До этого, т. е. до 1925 г., мы «жениховались» в течение двух лет в ожидании, когда Александр Сергеевич окончит Институт путей сообщения, окончив который, он должен был получить звание инженера. В связи с тем, что все жили в то время в уплотненных тесных жилищных условиях, мы обыкновенно вынуждены были встречаться на улице в наших Арбатских и Пречистенских переулках, доходили до сквера Девичьего поля, садились там на скамейки, обсуждали, любим ли мы достаточно друг друга или не любим. В 1926 г. в конце бурно цветущей весны, когда наш сад утопал в цветущей сирени и каштанах, родилась наша старшая дочь Ольга. Родилась она дома, в домашних уютных условиях, окруженная любовью, при участии акушерки Елизаветы Романовны. В таких же условиях родились наши еще две дочери. Только, в отличие от Ольги, Машенька родилась не цветущей весной, а поздней осенью 1928 года. Уголок с иконами, на которые

я молитвенно смотрела при ее появлении на свет Божий, был украшен лишь еловыми ветками.

Настенька родилась в 1931 г. ранней весной, когда еще не было полного цветения. На столике около моей постели стояла чудная нежная роза. В противоположность своим двум сестрам, родившимся поздним вечером, она родилась ранним утром. В то время, т. е. в 20–30-е годы, родить трех детей было как бы неприличным. Полагалось иметь одного ребенка. Родившего больше одного ребенка осуждали. Это было немодно.

В 1927 году в нашем доме арестовали мужа сестры моей матери Нины — Александра Николаевича Колосова, после Бутырки его сослали в Кинешму, а вскоре туда же сослали и его жену. В 1937 году его повторно арестовали в Кинешме, погиб в 1940 году в тюрьме, а Нина Колосова умерла в Кинешме в 1939 году.

Мать моих двоюродных братьев — Екатерина Петровна, урожденная Рубан (1877–1942), была арестована в марте 1932 года в Серпухове вместе с Н. Т. Каштановым, И. П. Рябовым, бывшими фабрикантами, и О. М. Мараевой. Родители наши были арестованы в 1932 году 11 декабря в одну ночь вместе с моими двоюродными братьями и племянником Романом и Колей Саввичем, мужем Ольги Коншиной, жившими с нами в одной квартире, итого арестовали 8 человек в нашей квартире. Когда пришли арестовать и делать обыск, у братьев Коншиных было много гостей, главным образом музыкальная молодежь. Среди них были пианист К. Н. Игумнов — педагог консерватории, Лев Оборин, Дмитрий Кабалевский, Борис Костевич, девушки. Никого не выпускали. Все просидели всю ночь, пока не кончился обыск, по окончании которого вывели всех, и арестованных и их гостей, в коридор и запечатали комнаты. В нашу комнату по просьбе родителей выбросили целый ряд вещей, которые будут родителям со временем необходимы. Наша маленькая дочь Оля, проснувшись от шума и увидев кучу набросанных вещей, была напугана и в полном детском недоумении понимала, что случилось что-то страшное.

В комнату, где жили четверо моих двоюродных братьев, вскоре вселился сотрудник Коминтерна, коммунист-латыш Лацис со своей семьей: женой и дочерью.

Родители после Бутырской тюрьмы и допросов были высланы в 1933 году в Вологду, где было много ссыльных из Ленинграда и Москвы. Это был ссыльный пункт, откуда высылали дальше на Север в различные места по усмотрению начальства. Каждый ссыльный должен был являться к начальству для отметки один или два раза

в неделю. Родителям посчастливилось остаться в Вологде. Они сняли комнату в двухэтажном старинном доме коренных жителей Вологды, очень милых интеллигентных людей. Дом стоял напротив Вологодского Кремля. Окно их комнаты выходило прямо на кремлевские стены, взгляд на которые невольно уводил в древнюю Вологду.

Позднее к ним приехала и тетя Саша, о чем я уже писала выше. Она поселилась в небольшом деревянном домике недалеко от них, почти рядом с ними. Они жили общей уютной жизнью. Ссылные, жившие в Вологде, общались между собой. Среди них были интересные люди, но жили они всегда под страхом, что их вышлют еще дальше. Среди них выделялся Сергей Осипович Фудель, который, будучи не намного старше меня, успел встретиться и общаться с Флоренским, Булгаковым, известными в свое время, Новоселовым, Дурьиным. В самом Кремле, называвшемся уже в то время музеем, проживал со своей семьей и заведовал им некто Нефедов (имя и отчество не помню), знавший и любивший кремлевский храм, все его ценности, каждую икону большой старины, каждую древность самого Кремля. Он боролся за сохранность Кремля, не допуская его растаскивать, к чему в то время устремлялись городские власти. Он жертвовал в этой борьбе благополучием своим и благополучием своей семьи, так как за эту борьбу его преследовали, угрожая арестом под всевозможными придуманными обвинениями. Так продолжалось до 1937 г., когда он, наконец, все-таки был арестован и выслан, после чего пропал без вести.

Я навещала наших «вологодских» раз-два в год. Первое время я ездила одна и ненадолго, так как не могла оставить детей, которых у меня было уже трое. Позднее ездила с детьми и уже на более длительное время. Приезжать я всегда должна была одетая со вкусом, в красивом, но строгом платье. Это доставляло удовольствие. Держаться я тоже должна была подтянуто, манеры должны были быть строгими и сдержанными. Поклонники, если таковые появлялись, должны были чувствовать мою неприступность. Все эти требования исходили главным образом от моего отчима. Он никогда не говорил мне прямо, какой я должна быть, но без слов давал почувствовать. Он меня любил и как-то гордился мною. Он был человек благородного духа, не отступавший от своих принципов, человек большого вкуса в глубоком понимании этого слова.

Позднее к ним приехала жить моя сестра Ирина вместе со своим маленьким годовалым сыном Алешей.

Сначала я привозила свою самую маленькую дочку Настеньку, которой тогда не было трех лет. Она еще не знала бабушку и дедушку.

У нее были большие серо-голубые глаза, каждый золотистый ее волосик завивался и поднимался кверху. Она, ревнуя меня к бабушке и дедушке, забиралась ко мне на колени, обвивала своими ручками и все твердила: «Это моя мамочка, моя мамочка». Позже я приезжала уже со всеми своими детьми. Это было большой радостью для бабушки и дедушки. Дедушка очень с ними дружил и учил их хорошим манерам. Когда они садились за обеденный стол, положив локти на него, дедушка любовно ударял по локтям горячей суповой ложкой. Локти моментально исчезали. Мы очень любили заходить к тете Саше в ее маленький уютный домик. Идти надо было к ней не более 7 минут. Дорога была с одной стороны вдоль кремлевской стены, а с другой была зеленая лужайка, ничем не застроенная. Мы входили в ее домик, в ее светящуюся пропитанную молитвой комнатку, в которой она сама светящаяся стояла во весь свой большой рост. Она обладала обаянием, которое притягивало к ней окружающих. От нее все выходило с просветленной успокоенной душой.

В 1936 г. мы прожили у них в Вологде почти все лето. Это было последнее свидание с ними в Вологде. Прощаясь, каждый чувствовал неизвестно почему, что это, возможно, последнее свидание. Особенно был грустен дедушка, который как бы расставался навсегда. И действительно, это было последнее свидание с ним, а также и тетей Сашей.

В конце 1937 г. все высланные в Вологду были арестованы. Через две недели после своего ареста они исчезли. Втихомолку тогда говорили, что расстреляны. Это оказалось правдой. Был расстрелян и наш дедушка Женья, который никогда не скрывал своих убеждений и еще во время первого своего ареста в 1919 г. говорил на Лубянке: «Я монархист». Моя мать каким-то чудом не была арестована. Во время войны, в 1943 г., нам удалось перевезти ее вместе с моей сестрой и ее сыном из Вологды в Хотьково под видом эвакуированных из Хотькова. Такая была в военное время неразбериха. Во время общей реабилитации при Хрущёве моя мать была реабилитирована.

А теперь о чудесных случаях, связанных с арестами моего мужа. Первый раз Александр Сергеевич был арестован в 1928 г. В 20-е годы, когда всем жилось тяжело, когда жизнь очень многих была разломленной и неустроенной, когда очень многие искали способ заработать, Александр Сергеевич вместе со своей двоюродной сестрой Верой Семеновной Унковской основали пошивочную артель, которая шила спецодежду для промышленных предприятий (телогрейки для ЗК). Эта артель называлась «Новая одежда». В нее поступали главным образом безработные того времени, «лишенцы» и вообще нуждающие-

ся, которых было в то время много. Это было выходом из нужды, из безработицы. Под вывеской «дворянское гнездо» артель прикрыли, а Александра Сергеевича и Веру Семеновну, как ее возглавлявших, судили. После суда Александр Сергеевич не вернулся домой: его арестовали. Спустя неделю после этого у меня в его отсутствие родилась дочь Машенька. Мой муж был приговорен к высылке на 3 года на север, в концлагерь. Непосредственно из зала суда он был отправлен в тюремное заключение.

Сидя в своей тюремной камере в Бутырке, он затосковал от одной мысли, куда только он будет выслан и на какие работы он попадет. В такой тоске он вышел из камеры в тюремный коридор (это была тюрьма не такого строгого режима). Он бродил по пустым тюремным коридорам, когда неожиданно появился тюремный служащий, как потом оказалось, зам. начальника тюрьмы. Он спросил Александра Сергеевича почему он тут ходит. Муж откровенно сказал, что тоскует от мысли, в какую ссылку он попадет и на какую работу. Встретившийся служащий спросил, какая у него специальность. Узнав, что он инженер-строитель и транспортник, он сказал, что именно такого инженера на опытное строительство по новым строительным материалам ищет НКВД в трудкоммуну в Болшево под Москвой.

Через некоторое время очень скоро Александра Сергеевича вызвали из тюрьмы в эту трудкоммуну. Александр Сергеевич жил там как освободившийся и зарабатывал деньги с небольшими вычетами. Мы сняли на лето комнату недалеко от Болшева, где поселилась мать Александра Сергеевича и я с двумя дочерьми. По выходным дням Александру Сергеевичу разрешали приходить домой ночевать. Работу Александра Сергеевича по новым строительным материалам очень оценили, и когда кончился срок его заключения, он продолжал работать в этом учреждении, что спасло нас от арестов в 30-е годы.

Второй раз Александра Сергеевича арестовали в 1942 г. Это была осень, и мы продолжали жить на нашей хотьковской усадьбе. Неожиданно на нашем участке появились двое мужчин, которые арестовали и увезли Александра Сергеевича, не делая обыска. Мать Александра Сергеевича держалась мужественно, а наша няня, которая недомога-ла всю неделю, тяжело переживала арест Александра Сергеевича и, лежа в постели, поддерживаемая мною, все повторяла: «Мы все с моей Татьяной Михайловной остаемся вместе, а всех вокруг нас берут да берут и уводят». После этого она с трудом прожила еще несколько дней. Когда пришли с обыском, она уже лежала в гробу. Пришедшие проводить обыск хотели обыскать и гроб, но нам удалось не допустить

этого. Похоронили мы ее на хотьковском кладбище в чудный осенний солнечный день. Помогали погребать дружественные соседи.

После ареста Александра Сергеевича мне надо было срочно поступить на работу. Мне удалось устроиться в качестве машинистки в музей Л. Н. Толстого, где я работала раньше до эвакуации музейных ценностей, в качестве научного сотрудника. Должность машинистки была единственной вакансией.

Начались трудные мрачные унылые дни. Впереди — неизвестность. Вызывали меня в МГБ на допросы. Всегда волновались, вернусь ли я домой. Через некоторое время после пребывания на Лубянке Александр Сергеевич в числе других арестованных был переведен в военную часть для отправки на фронт на передовые позиции.

Как-то утром раздался звонок по телефону. Мужской голос сообщил, что он нашел записку после проходившей военной части. В записке была просьба сообщить жене по указанному телефону об отправке на фронт с Октябрьского вокзала. Вместо того чтобы идти на работу, я понеслась на вокзал. Там мне удалось найти военную часть, среди которой был Александр Сергеевич. Мы могли еще раз увидеться и проститься, проститься, быть может, на всю жизнь, так как он отправлялся на передовые позиции, которые были уже совсем недалеко от Москвы.

Опять потянулись тревожные унылые дни. За мой неприход на работу, когда я ездила на вокзал, у меня были неприятности, так как это было время, когда по приказу, изданному Сталиным, всякое опоздание на работу строго каралось вплоть до увольнения. Мое опоздание после всяких «устрашений» было устранено.

Однажды, вернувшись домой, я сильно затосковала и прилегла на диван. Неожиданно открылась дверь, и на пороге появился Александр Сергеевич в солдатской шинели и шапке. Так застыв на пороге, он простоял несколько минут. Это было чудо! Оказывается, произошло следующее. Привезенную из Москвы часть, в которой был Александр Сергеевич, объединили со стоявшими на фронте военными частями. Через несколько дней они должны были вступить в бой. Именно в это время Сталин издал приказ об использовании специалистов по строительству и транспорту на местах [наибольшей нужды в] их специальности. Александр Сергеевич хотел воспользоваться этим приказом и заявить, что он используется не по специальности. Для этого надо было попасть к начальнику, а это оказалось невозможным. В это время всех солдат повели в баню. Получилось так, что в баню пришло и все начальство. Александр Сергеевич, как был раздетым и мокрым, подскочил к начальнику и рассказал, что

он — строитель-транспортник и просит использовать его согласно приказу Сталина по специальности.

Начальство отнеслось с должным вниманием к его просьбе. Началось оформление направления его в Министерство путей сообщения. Самым трудным оказалось получить подпись начальника, так как неизвестно было его место пребывания. Удалось получить его подпись в самую последнюю минуту перед его отъездом на поля готовящегося сражения, когда он вышел, поужинав, из избы. Возвращался Александр Сергеевич в Москву пешком, при тяжелых военных обстоятельствах, через всевозможные проверки.

После того как Александр Сергеевич ушел с фронта, все войско, к которому он был причислен, вышло в сражение, и почти все было уничтожено, в том числе и начальник, подписавший документы.

Вернувшись в Москву, Александр Сергеевич устроился на работу. Продолжались военные годы в опустевшей Москве. Падали бомбы фугасные и зажигательные. Зажигательные бомбы, падающие на дворы и крыши домов, жители сами бросались тушить. Бросали бомбы и в нашем Хотькове на железнодорожный мост, который был недалеко от нас.

В 1945 г. кончилась война. За два дня до ее окончания был убит на фронте снайпером наш молодой друг семьи, мой подопечный, духовный сын Алеша. Осталась его жена с двумя детьми.

Во время войны Сталин смягчил свое отношение к церкви, видя в ней силу, на которую он в случае чего сможет опираться. Троице-Сергиевой Лавре были возвращены мощи преподобного Сергия. Храмы Лавры были вновь открыты, в какой-то степени разрешались и монастыри и монашество.

В 1946 году вновь поднялась волна арестов. Хватали всех побывавших в плену, всех в чем-либо подозреваемых, а также и остаток «недобитой» интеллигенции и духовенства.

В 1946 году 15 мая был арестован Александр Сергеевич и целый круг наших знакомых, связанных с одним духовным лицом, одно время проживавшим в Хотькове. Наша дочь Машенька в это время болела сердцем и была прикована к постели. В связи с болезнью она жила с нами в одной комнате. Вечером Александр Сергеевич ушел по своим делам и не возвращался домой. В час ночи его еще не было дома. Мы напряженно прислушивались ко всем звукам, понимая, что случилась какая-то беда. Около двух часов раздался топот тяжелых сапог. Мы поняли, что Александр Сергеевич арестован на улице и что пришли к нам с обыском и, может быть, арестуют и меня. Начался грандиозный обыск, который длился двое суток.

Посреди комнаты на полу росла куча отобранных книг, писем, бумаг, непонятно по каким признакам отбиравшимся. Попадались книги с ценными автографами, такими как Владимира Соловьёва и В. В. Розанова. Отобрали обручальные кольца и золотые крестильные кресты как ценность, ибо других ценностей у нас не было. Это на тот случай, если приговор Александру Сергеевичу будет с конфискацией имущества. Также описан был и наш хотьковский дом. Таким образом, было запрещено сдавать свободные комнаты в доме, как мы делали это раньше для восполнения расходов по строительству нашей хотьковской усадьбы.

Были еще спрятаны у меня в секретере ценности, принадлежавшие Пушкиным, данные мне на хранение. Как же я волновалась, когда обыскивали этот секретер. Но, слава Богу, «тайник» этого секретера не был обнаружен.

С моей работы много раз звонили по телефону, чтобы выяснить причину моего отсутствия. Делавшие обыск хватали трубку и, ничего не отвечая, бросали ее. Наконец послали курьера выяснить, в чем дело. Курьер, приоткрыв дверь, сразу понял, в чем дело, и бросился уходить. За ним побежали, но он успел скрыться. Наконец, мою старшую дочь Ольгу увезли на Лубянку на допрос, который она доблестно выдержала, после чего ее увезли в Хотьково. Она уговорила, чтобы ее перед отъездом в Хотьково привезли ко мне, чтобы предупредить об ее отъезде. В Хотьково в это время тоже шел «зверский» обыск, а жили там тогда больная старенькая мать Александра Сергеевича, моя пожилая мать, инвалид, двоюродная сестра Александра Сергеевича и двое детей: моя дочь Настенька 12-ти лет и племянник Алеша 9-ти лет. Кроме них была еще моя сестра Ирина, единственный взрослый здоровый человек. Во время обыска пришел к нам проведать старушек наш сосед Павел Николаевич. Только он успел постучаться в дверь, как его забрали и отвели наверх, запретив выходить. Через некоторое время его жена, удивленная его долгим отсутствием, пришла за ним и, стоя перед домом, взывала «Паня, Паня». Павел Николаевич, увидев ее в окно, замахал рукой, делая знаки, чтобы она быстрее уходила. Она поняла и бросилась уходить. Через некоторое время пришел уполномоченный по сбору денег на сторожку стада коров (у нас тогда была корова). Он нес небольшой мешок с собранными деньгами. Немедленно его тоже забрали и заточили на верхнем этаже. Он сначала испугался, думая, что это грабители. Потом пришла соседка, которая несла приготовленное ею угощение бабушкам и детям. Она как-то сразу поняла, что происходит, и исчезла. Дети, Настенька и Алеша, во время обыска и допросов

вели себя очень умно и достойно. Когда из Москвы агентом МГБ была привезена утром моя дочь Ольга, обыск уже кончился. Каратели и их жертвы от усталости спали, сидя за круглым столом, положив рядом свои головы на стол.

Когда обыск в московской квартире по истечении двух суток закончился к утру, у нас отобрали одну комнату, из которой перенесли всю мебель и вещи в другую оставшуюся комнату. Отобранную комнату опечатали, а затем поселили в ней сотрудников МГБ. Производившие обыск задержались в коридоре. Я стояла в комнате среди груды вынесенных вещей, опираясь на стол. Мне казалось, что передо мной разверзлась пропасть и я стою на краю ее. В это время приоткрылась дверь, в которую просунулась голова главного из производивших обыск, сказавшего мне: «До свидания». Это прозвучало насмешкой и угрозой.

Начались трудные дни. В это время я продолжала работать в музее Толстого в качестве научного сотрудника. Меня часто вызывали в МГБ на допросы. Делали очные ставки с арестованными тогда знакомыми и Александром Сергеевичем.

Около указанного мне входа в дом МГБ на Лубянке меня встретил соответствующий служащий МГБ, который провел меня на один из высоких этажей в кабинет к следователю. Следователь допрашивал об Александре Сергеевиче, о Сергии, обо всей нашей семье, о знакомых и уже арестованных знакомых. Следователь ходил взад и вперед по кабинету, говорил угрожающим тоном, проходя мимо меня, делал вид, будто хочет меня ударить. После этого допроса перевели меня в кабинет к «ласковому» следователю, который пил чай и предлагал мне тоже выпить и съесть бутерброды. Он при мне звонил к себе домой, сообщая, когда вернется, расспрашивал про домашние дела. Я попросила разрешения и мне позвонить домой. Он разрешил. После этого мне делали очные ставки. Сначала с Сергеем Осиповичем Фуделем (31.12.1900, Москва – 7.03.1977, Покров, Владимирская область, – православный богослов, философ, духовный писатель, литературовед). Первое, что сказал Сергей Осипович, было, как он рад меня видеть. Потом он сказал, что тут все знают, всё знают, знают из какой чашки кто пил.

Наконец, следователь показывает мне фотографию, на которой снят о. Сергей в штатском костюме, сидящий у камина у нас на даче, а рядом с ним моя двоюродная сестра Сонечка Полуэктова. Указав на Соню, следователь спросил: «Это вы?». Для того чтобы не запутать в дело Сонечку, я сказала, что это я. Казалось, что это был нужный материал для следователя и что он меня замучит допросами об

о. Сергии, который тогда еще назывался Сергеем Петровичем, но он неожиданно для меня перешел на другие темы.

После этого была очная ставка с Марией Александровной Закатовой, которая, увидав меня, тоже сказала, как она рада меня видеть. Потом она стала говорить с улыбкой на лице, как здесь хорошо. За ее спиной я заметила человека, который пристально смотрел на нее. Я поняла, что она была под гипнозом.

После этого меня провели в небольшой кабинет, где сидело и стояло человек 8 следователей и куда ввели мощную фигуру Александра Сергеевича, на руках которого слева и справа повисли маленькие фигурки ведущих его служащих МГБ. Выражение лица у А. С. было застывшее, каменное. Когда его ввели, все находившиеся в кабинете следователи начали громко перекликаться разными обвинениями в наш адрес, не дав нам даже сказать слова друг другу. После такого шума и крика А. С. увели, а меня повели по длиннейшему плохо освещенному коридору темно-зеленого цвета. Когда кто-нибудь встречался в этом коридоре, поднималась, как казалось, какая-то возня. Впоследствии я узнала от бывших под арестом, что встречающихся арестованных засовывали в специально сделанные для этой цели шкафчики в стене.

Держали меня сутки, отпускали домой в 3–4 часа ночи. Дочери мои ожидали меня в крайнем волнении, думая, что я уже не вернусь, что меня арестовали. Приходили сотрудники МГБ в дирекцию музея, требовали мое дело. Меня вызвали в дирекцию, и сотрудник МГБ, с которым меня оставляли наедине, сидя перед папкой с моим делом, меня допрашивал, задавая разные вопросы, вплоть до того, что почему мои дочери не выходят замуж. Приходили также к нам домой, оглядывали комнаты.

Наша Кропоткинская улица (ныне опять Пречистенка) и входящие в нее переулки кишели дежурившими сыщиками МГБ. Они следили и наблюдали за всеми живущими в этой части улицы. Частично это было вызвано и тем, что здесь по соседству в усадьбе Обуховых-Офросимовых находилось немецкое посольство (ныне там располагается патриархия).

Как-то моя старшая дочь пришла ко мне в музей вся в слезах, так как ей показалось, что меня арестовали на улице по пути из дома на работу в музей.

После ареста Александра Сергеевича мы жили очень скромно. Перед арестом Александр Сергеевич, кроме своей основной службы, закончил вместе со своими друзьями целый ряд сдельных работ,

за которые он должен был получить большую сумму денег. Ни один из делавших с ним эту работу не отдал нам причитающуюся Александру Сергеевичу сумму денег. Мы жили на мою зарплату, стипендию старшей дочери, небольшие заработки ручным трудом второй дочери Машеньки. Младшая дочь Настенька несколько позже поступила на работу в Ленинскую библиотеку. Дополнительно к зарплате всем сотрудникам музея выдавали яснополянские продукты: мед, овощи и др. Это нас очень поддерживало, так как с продуктами в эти годы было тяжело, все было по продовольственным карточкам. Хлеб тоже был по карточкам. По так называемым «иждивенческим» загородным хлебным карточкам у нас в Хотькове давали только 200 граммов. Иждивенцев в Хотькове у нас было 3–4 человека. Кроме хлеба, по хотьковским карточкам ничего не давали. Выручали меня мои сослуживцы.

Жили мы все это время под страхом новых арестов, новых разрушений нашей жизни, новых бед. Каждый вечер, когда я бывала в Хотькове, а в мое отсутствие кто-нибудь другой, вечером перед сном, обходил наш дом с большим крестом в руках, в который были вделаны частицы святых мощей.

Через некоторое время наша старшая дочь Ольга вышла замуж. Муж ее хорошо зарабатывал как преподаватель, поддерживал нас, и нам стало легче материально жить.

Александр Сергеевич просидел на Лубянке около 8 месяцев. Сидел он в очень тяжелых мучительных условиях: в неотопливаемых зимой одиночных камерах, окна в которых были выбиты, не давали подолгу спать и даже прилечь и т. д. Водили от следователей с допросов по длинным еле освещаемым коридорам. Меня с допроса от следователя тоже вели по такому коридору, и если в это время вели навстречу кого-нибудь, то прежде чем я могла разглядеть, кого ведут, впихивали его в стену, в которой для этой цели были сделаны своего рода шкафы, как я потом узнала от Александра Сергеевича.

Александр Сергеевич, как я уже упоминала, был арестован весной в легкой одежде, а высылался он зимой. Я просила разрешения передать ему зимнюю одежду. Мне не разрешили, а ему выдали какую-то старую летнюю шинель. Везли их в тяжелых условиях. В купе на 4 человек помещали 15, почти все были уголовники, за исключением 2–3 человек. Эти уголовники бесчинствовали, нападали, старались отнять вещи. Приходилось с ними бороться.

В поезде заключенных кормили одной соленой рыбой и при этом не давали пить. Привезли в Свердловск в сильный мороз. С поезда погнали в тюрьму пешком. Александр Сергеевич шел в своей летней

шинели и летней обуви и замерзал. Заметив это, один из заключенных, добрая душа, снял с себя вторые ватные брюки и отдал их Александру Сергеевичу. Имя этого человека было Иван Кружкин.

Тюрьма оказалась неотапливаемой и набитой заключенными. Невозможно было найти места даже на полу. Неожиданно с нар на втором этаже знаками позвали Александра Сергеевича. Это были три молодых татарина. Они уложили его между собой, таким образом согревая друг друга.

Александру Сергеевичу пришлось побывать в нескольких тяжелых лагерях: в Темниках, в Долинке, после этого некоторое время в лагере под Москвой на строительстве. Потом в тяжелом лагере в Карабосе. В лагерях в то время сидело много вернувшихся после войны эмигрантов, поверивших призыву «Родина вас ждёт», много «власовцев», людей, вернувшихся из немецкого плена или бывших на оккупированных территориях, множество граждан, разных по профессии, сидевших по 58-й статье.

Атмосфера была угнетающая, рассчитанная на удручение, унижение. Один из вернувшихся эмигрантов не выдержал таких условий и бросился на колючую проволоку, протянутую вокруг лагерной ограды, для того чтобы его расстреляли как беглеца. Но, несмотря на все это, здесь звучали слова, когда-то сказанные русским философом Леонтьевым: «Жизнь и здесь напоминает о себе. И здесь просыпаются забытые думы и снова чувствуешь себя живой частью того великого и до сих пор неразгаданного целого, которое зовется Россия».

Молодежь, жившая в местности этого лагеря, имела с ним связь. Они бросали через лагерные ограждения записки, в которых давали сведения о том, что делается в стране, подбадривали: не падайте духом, держитесь, не теряйте надежды, будет война — мы вас освободим.

Окончив лагерный срок, 6 лет, Александр Сергеевич был переведен на поселение в Северный Казахстан, Кокчетавскую область, районным техником по сельскому строительству. Жили в землянках. Над Александром Сергеевичем висела угроза отправки в глубинку в колхоз. В это время из Борового, чудесного по своей красоте горного поселения, где был техникум по строительным специальностям, пришел запрос на преподавателя инженера-строителя. Александр Сергеевич был послан на эту должность. Это было опять как чудо. Он попал в хорошие условия. Получил отдельную комнату, полагающуюся преподавателям заработную плату. Жил как свободный, если не считать того, что раз в неделю надо было отмечаться в НКВД.

В это время из Москвы стали выселять семьи арестованных, высланных в лагерь. Вызвали и меня в соответствующее учреждение. Вели допрос, которым доказывали, что мой муж и все мое родство репрессированные и, следовательно, нежелательные. Вернувшись домой, я поняла, что всю мою семью и меня через какой-то срок вызовут, чтобы сообщить приказ о выезде из Москвы в течение нескольких часов.

Дочерям своим я ничего не сказала о том, что меня вызывали по поводу возможной высылки из Москвы. Тревоги эти я носила в себе. Было очень напряженно, можно сказать, не жила все это время. Так прошло недели две. Неожиданно пронеслась весть: «Сталин умер». С плеч упали тяжелые цепи. Многие делали траурные лица, некоторые прослезились даже. Сама я следила за выражением своего лица, как бы оно не выражало радости освобождения от гнета, от страха, под которым мы все жили эти годы.

Началось более легкое время. Александр Сергеевич был переведен в Алма-Ату и потом освобожден. Позднее, когда была общая реабилитация, реабилитированные получили право вернуться в Москву.

Но Россия продолжала разрушаться. Экономически она была разрушена уничтожением единоличного хозяйства, передачей основного сельского хозяйства колхозам и совхозам и многими другими разрушительными законами. Но при всем этом все же была радость всеобщей реабилитации. Страх перестал охватывать всю страну, хотя аресты еще и продолжались, но не в таком количестве, и «дамоклов меч» уже не висел над головой каждого. Но тем не менее страна наша, названная СССР, продолжала понемногу истощаться. Истожились все предреволюционные запасы, все природные богатства России. Все коммунистические доктрины не оправдались, зашли в тупик. Все от них устали, перестали в них верить. Надо было дать новое направление политике. Был снят «железный занавес», отделяющий нас от Запада, даны свобода слова и гласность, разрешена религия. Слова «Россия» и «русские» были снова узаконены. Началось даже восстановление России.

Понять все совершившееся с Россией, «понять план Божий о мире и сделаться участником его осуществления — вот в чем смысл нашего существования, вот к чему мы призваны». Эти слова Н. В. Станкевича, мыслителя начала XIX века, должны мы помнить, веруя и участвуя в воскресении России. (Н. В. Станкевич (1813–1840) — русский писатель, поэт, публицист, мыслитель, создатель литературного общества «Кружок Станкевича».)

Рис. 2. На склоне лет. Татьяна Михайловна и Александр Сергеевич Некрасовы. 1990 г.

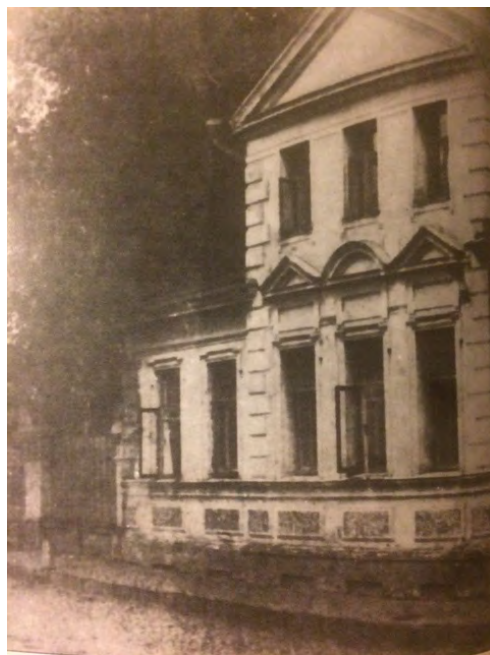

Рис. 3. Дом №3 в Чистом (Обуховом) переулке, 1960-е годы

Я кончаю свои воспоминания, когда Александру Сергеевичу и мне около 90 лет. Чудом, милостью Божьей, вопреки всем обстоятельствам нас разлучавшим, мы неразлучны, мы кончаем свою жизнь вместе. Это мало кому дано в наше смутное время. Это чудо!

Список литературы

1. *Некрасова О. А.* Свет во тьме светит, и тьма не объяла его. — М.: ФОРУМ, 2011. — 232 с.
2. *Полуэкттов В. Е.* Взгляд в прошлое: Воспоминания / предисл. Л. Назаровой. — М.: Возвращение, 2011. — 128 с.

ГРУШЕЦКИЕ
(постановка вопроса
о происхождении различных родов Грушецких
и опыт родословной росписи
могилевских Грушецких)

Хорошо известно, что в России вплоть до XVIII в. жены великих князей, царей в общественной и политической жизни в силу традиционного ее уклада были фигурами очень незначительными. И даже среди них одной из самых малоизвестных русских цариц является Агафья Семеновна Грушецкая (1662–63 – 14.07¹.1681), первая жена царя Федора Алексеевича Романова (правил в 1676–82 гг.). Неприметность ее в истории вполне понятна: и сам царь Федор по объективным причинам не стал выдающимся правителем, и жене его нести царское достоинство было отпущено всего лишь год без четырех дней. Выйдя замуж за царя 18 июля 1680 г., Агафья 11 июля 1681 г. родила наследника престола, царевича Илью, и через три дня, 14 июля, скончалась. Было ей всего 18 лет. Царевич Илья, единственный ребенок царя Федора, умер через неделю после рождения (см. рис. 1).

И тем не менее, несмотря на краткость царствования, Агафья Семеновна оставила о себе память: по мнению историков, она оказала определенное влияние на введение при Русском дворе моды на польское платье и западный бытовой этикет. Считается, что это было обусловлено польскими корнями рода Грушецких, к которому принадлежала царица.

По опубликованным польским генеалогическим источникам — гербовникам XVIII–XIX вв. и архивным делам Департамента герольдии Сената Российской империи, пополнявшимся вплоть до начала XX в. (ныне это отдельный фонд Российского государственного

¹ Даты событий, относящихся к территории России (Российской империи), до февраля 1918 г. приводятся по «старому» стилю (по Юлианскому календарю), с февраля 1918 г. — по «новому» стилю (по Григорианскому календарю, который в Западной Европе начал вводиться с 1582 г.); в необходимых случаях даются пояснения.

12.
Рпф, июля 14, во дни(?) в 14-м часу
Преставися благоверная великая княгиня
кацхитица Агафия Семионова
Того лета преставися елторокыи
црпичь Илия Феодоровичь
июля 19
4
17го апреля в 13-й день, в 13 часа дни,
на память святаго священномученика Симеона
сродника Господня, благоверный великий
государь царь и великий князь Феодор Алексеевич
всех великия и малыя и белыя России
самодержецъ, Преставися, ащебже
онъ великий царь надъ московскими
государство. 5. августа. 1790. мѣсяца, и 19. числа;

Рис. 1. «189-го (1681), июля в 14, во дни(?), в 14-м часу преставися благоверная царица и великая княгиня Агафия Семионовна. Того ж лета преставися благородный царевич Илия Феодорович июля в... день. 190 (1682) году апреля в 27 день, в 13 часа дни на память святого священномученика Симеона сродника Господня, благоверный великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержецъ, преставися...». Записи в синодике (2-я пол. XVII–XIX в.) кафедрального Благовещенского собора г. Казани (Национальный музей Республики Татарстан. КП–119755. Л. 12 об.). Такие записи для вечного поминовения за богослужениями царских особ делались в кафедральных соборах, в больших монастырях

исторического архива), видно, что существовало достаточно большое количество дворянских родов Грушецких. Так, среди дел Департамента герольдии имеется дело рода Грушецких, представительницей которого была царица Агафья. Есть там и дело рода Грушецких, представители которого являются прямыми предками по одной из женских линий автора настоящей статьи. Вполне естественно, что вопросы происхождения и возможного сочленения между собой известных в истории различных родов Грушецких вызвали у меня интерес, побудивший провести определенное историко-генеалогическое исследование².

Итак, представленные в польских гербовниках и делах российской Герольдии роды Грушецких для их различения я условно назвал по современному названию территорий, на которых располагались основные имения представителей этих родов, или по губерниям Российской империи, в которых представители этих родов делали свои дворянские выводы (документально доказывали свое дворянство), — соответственно, польским, волынскими (несколько родов), подольскими (несколько родов), киевским, российским (к нему принадлежала царица Агафья), жмудским, речицким, витебским, могилевским (к нему принадлежали мои предки), могилевским вторым. При этом самым древним из них является польский род: его представители известны с XV в. Документированные начала других родов (по известным мне документам) относятся не ранее как к концу XVI в., а в основном — к XVII в.

Логично предположить, что между этими родами или большинством из них имеются родственные связи, т. е. что они происходят от одного корня, образуя ветви единого рода Грушецких. Однако по указанным источникам такие связи с требуемой в генеалогии однозначностью не выявляются, имеются лишь косвенные указания на них. Специфика польских гербовников и подобных им сборников не позволяет проследить непрерывные цепочки поколений родов более чем в несколько колен: в гербовниках собраны сведения о разных представителях того или иного рода из различных исторических перво-

² Более подробно, нежели в настоящей публикации, эти вопросы разбираются в готовящейся мною книге под рабочим названием «Могилевский род Грушецких». Неоценимую помощь в сборе материалов о Грушецких оказали мои родственники по Грушецким: научный сотрудник Музея истории Могилева историк Н. О. Процакова, а также О. Л. Грушецкий, А. Е. Козлова, С. П. Прокопчук, Н. С. Филатова. Всем им я приношу глубокую благодарность.

источников политического, экономического, фискального, военного характера, при этом цель составления родословных росписей не преследовалась. Не стояла цель генеалогических исследований как таковых и перед российским Департаментом герольдии, работа которого имела скорее юридический характер: собранные представителями различных родов материалы должны были доказать право этих представителей быть причисленными к российскому дворянскому сословию и иметь соответствующие привилегии; цель поисков первопредков и сочленения родов даже одной фамилии не ставилась. По гербовникам и делам Герольдии родословные росписи в 3–8 колен выстраиваются частично для польского рода (на XVI–XVIII вв.), для волынских (на XVII–XIX вв.), подольских (на XVII–XIX вв.), киевского (на XVIII–XIX вв.), ковенского (жмудского) (на XVII–XIX вв.), речицкого (на XVII–XIX вв.), витебского (на XVII–XVIII вв.), могилевского второго (на XVII–XVIII вв.) родов, в большее число колен, до 12, — для российского (на кон. XVI — XX в.) и могилевского (на XVII–XXI вв.) родов. Так что если предполагать, что все эти роды происходят от одного корня, являя собой ветви единого рода Грушецких, то для установления сочленения их между собой для каждого из родов необходимы построения более глубоких древ. Для этого нужно значительно расширить круг источников: привлечь данные Коронной и Литовской метрик³, найти соответствующие документы в архивах тех территорий, на которых проживали различные роды Грушецких, — в польских, белорусских, литовских, украинских архивах.

Между тем даже в доступных настоящему исследованию источниках (гербовниках и выводных дворянских делах) проводится мысль, что все Грушецкие генетически связаны между собой и происходят из Хелмской (рус. — Холмской) земли — исторической области, названной по древнему городу Хелм (Холм), расположенной на юго-востоке современной Польши, в составе Люблинского воеводства. Современный литовско-польский исследователь Я. Тиханович, констатируя тот факт, что многие «Грушецкие поселились на дальних восточных и юго-восточных окраинах — в Подолье, на Волыни, в Смоленском и Витебском воеводствах»⁴, очевидно, также подразумевал, что общей родиной

³ Коронная и Литовская метрики — собрание документов XV–XVIII вв., составляющих государственные архивы Польши и Великого княжества Литовского.

⁴ *Ciechanowicz J.* Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. Rzeszów, 2001. Т. III. S. 97.

всех Грушецких должна была быть местность к западу от перечисленных «дальних окраин», т. е. территория современной Польши.

Таким образом, жившие в Хелмской земле шляхтичи Грушецкие, условно обозначенные мной польским родом Грушецких (польск. ед. ч. — Gruszecki, мн. ч. — Gruszecy), образуют самый древний род из всех известных родов Грушецких. Реконструировать его историю по гербовникам и другим опубликованным источникам можно лишь частично. Так, в гербовнике Б. Папроцкого («Гербы польского рыцарства»), изданном в Кракове в 1584 г., среди родов герба Любич сообщается о Грушецких как о старинном роде в Хелмской земле⁵. В гербовнике К. Несецкого, составленном в 1-й половине XVIII в., в разделе о Грушецких герба Любич говорится о том, что король (без упоминания имени) за военные («кровавые») заслуги даровал на вечные времена рыцарю Мацею (польск. — Maciej, русифицированное — Матвей) поместье Грушче (Gruszcze), Малые и Великие, от названия которого пошла его фамилия, и сделал его коронным хоружим⁶. Далее, рассуждая о возможных потомках Матвея, Несецкий упоминает короля Ягайло как того, кто даровал Матвею поместье⁷, т. е. здесь происходит привязка этого события по времени: известно, что Владислав II Ягайло (Ягелло) был польским королем в 1386–1434 гг. Поскольку в гербовнике говорится о военных заслугах Матвея, то можно предположить, что он участвовал в войне, которую король Ягайло вел с Тевтонским (Немецким) орденом в 1409–11 гг. Эта кампания вошла в историю под названием Великая война. Ее главным событием стала Грюнвальдская битва, имевшая место 15 июля 1410 г. Командуя объединенным польско-литовско-русским войском, Ягайло одержал в этой битве победу, положившую предел немецкой экспансии на восток. Война завершилась к февралю 1411 г.

Вместе с тем в гербовниках С. Урусского и А. Бонецкого, составившихся во 2-й половине XIX — начале XX в., явно более полных

⁵ *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1858. Zeszyt 7, 8, 9, 10 i 11. S. 438.

⁶ *Niesiecki K.* Herbarz polski. Lipsk, 1839. Т. IV. S. 301; ср.: *Stupnicki H.* Herbarz polski. Lwów, 1855. Т. I. S. 202. Хоружий (хорунжий): 1) знаменосец государственной или поветовой хоругви — боевого знамени; 2) офицер, командир хоругви — структурной единицы польской армии (полка); 3) почетное звание (уже в XV в.). В данном случае речь идет, вероятно, о знаменосце государственной хоругви.

⁷ *Niesiecki K.* Herbarz polski. Lipsk, 1839. Т. IV. S. 301.

и более научно достоверных, нежели гербовник Несецкого, упоминаний о Матвее, о его награждении поместьем нет вовсе. У Бонецкого первым представителем рода Грушецких (*Gruszcycy* или *Grusieccy*; второй вариант фамилии — Грусецкие) герба Любич из Грушки (*Gruszka* — именно такое написание названия поместья) указан некий Петр в 1453 г.⁸ Несецкий, в свою очередь, признавал путаницу в источниках относительно ближайших потомков Матвея⁹. У классика польской историографии, историка XV в. Я. Длугоша имеются сведения о том, что в Грюнвальдской битве знаменосцем (хоружим) хоругви (военной структурной единицы) Краковской земли (знамя этой хоругви одновременно являлось знаменем самого польского короля) был рыцарь Марцин (*Marcin*) из Вроцимовиц из герба Полукозы¹⁰. Возможно, в результате совмещения сведений из гербовника Несецкого и из хроники Длугоша (по причине схожести имен — Мацей (Матвей) и Марцин (Мартин)) на интернет-сайтах появилась информация о том, что коронный хоружий Матвей ок. 1411 г. получил от короля Владислава Ягайло вместе с другими именными деревню Грушка (именно такое написание названия)¹¹. Отсюда сделан прямой вывод, что эту награду Матвей получил за участие в Великой войне (Грюнвальдской битве).

О возможной путанице может свидетельствовать и то, что во всех гербовниках Грушецкие, связанные с именем Грушче (Грушка), отнесены к гербу Любич, а у Длугоша рыцарь Марцин отнесен к другому гербу — Полукоза. Герб Любич, известный с конца XII в., является одним из наиболее распространенных польских шляхетских гербов, им пользовались свыше 100 различных родов (с разными фамилиями) (Рис. 2–4).

Косвенным подтверждением сведений Несецкого о происхождении фамилии Грушецких от наименования их имения Грушче (Грушка) может выступать свидетельство Длугоша о том, что в Польше именно во времена Владислава Ягайло возник обычай образования шляхетских фамилий от названия селений прибавлением окончаний

⁸ *Boniecki A.* Herbarz polski. Warszawa, 1904. Т. VII. S. 142.

⁹ *Niesiecki K.* Herbarz polski. Lipsk, 1839. Т. IV. S. 301.

¹⁰ *Длугош Я.* Грюнвальдская битва. М.; Л., 1962. С. 88, 104.

¹¹ *Maciej Gruszecki* // Wikipedia. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Maciej_Gruszecki#cite_note-Słownik-4 (дата обращения: 16.09.2021); *Gruszecki* // Polski Słownik Biograficzny-Genealogiczny. URL: http://web.archive.org/web/20160313150611if_/http://polishgenealogy.blogspot.com/2009/10/gruszecki.html (дата обращения: 16.09.2021).

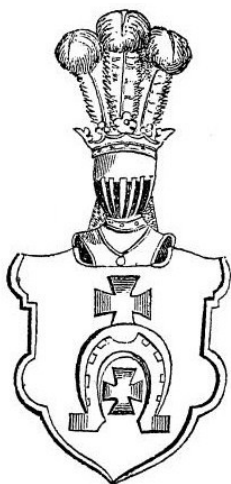

Рис. 2. Рисунок герба Любич из Гербовника Б. Папроцкого (*Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1858. Zeszyt 7, 8, 9, 10 i 11. S. 431*)

LUBICZ

HERB.

Рис. 3. Рисунок герба Любич из Гербовника К. Несецкого (*Niesiecki K. Herbarz polski. Lipsk, 1839. T. IV. S. 142*)

Рис. 4. Рисунок герба Любич из Гербовника А. Бонецкого (*Boniecki A. Herbarz polski. Warszawa, 1904. T. VII. S. 142*)

Herb Lubicz.

-ски или -цки, этот обычай повсеместно распространился в XV в., прежде всего среди средней шляхты¹².

В гербовниках Бонецкого и Урусского относительно местоположения Грушки как родового имени Грушецких уточняется, что оно находилось в Красноставском повете¹³. Город Красныстав (такое название в польской транскрипции) действительно расположен в исторической Хелмской земле. (Значительную часть жизни в Красныставе провел геральдист К. Несецкий, там же он и похоронен.) На современных картах приблизительно в 25 км к югу, юго-западу от Красныстава, у реки Летовня отыскиваются деревни Большие Грушки и Малые Грушки. В округе имеются также населенные пункты — Вильчопола, Верцишув, Быхавка и другие, с которыми, согласно документам, Грушецкие так или иначе были связаны. Кроме того, Грушецкие значились чиновниками люблинскими, хелмскими, красноставскими. Так что деревни Большую и Малую Грушки под Красныставом (по современному административно-территориальному делению деревни относятся к гмине Нелиш Замойского повета Люблинского воеводства Польши) следует отождествить с родовым гнездом Грушецких.

Эта местность в рассматриваемый период, а именно в XV–XVIII вв., входила в состав Польши. В 1569 г. на сейме, проходившем именно в городе Люблине, путем объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского было создано федеративное государство — Речь Посполита, и польские земли (а также вся относящаяся к ним административная атрибуция), в отличие от Великого княжества Литовского, стали называться Коронной Польшей. Коронной — для того, чтобы подчеркнуть прямое правление в них польского короля. При этом, по Люблинской унии, к Коронной Польше были присоединены значительные территории Великого княжества Литовского: Подляшье (историческая область к северу от Хелмщины, на современном польско-белорусском пограничье), Вошьнь, Подолье и Среднее Поднепровье (исторические области на западе и в центре современной Украины). В результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в.

¹² Цит. по: Скаковский П. Ф. Польская топонимика и шляхетские фамилии // Поляки в России: XVII–XX вв. Материалы международной научной конференции. Краснодар, 2003. С. 102.

¹³ *Boniecki A.* Herbarz polski. Warszawa, 1904. Т. VII. S. 142; *Uruski S.* Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1908. Т. V. S. 26. Повет — единица административно-территориального устройства Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и позднейшей Польши; несколько поветов образуют воеводство.

земли с владениями Грушецких вошли в состав империи Габсбургов (Австро-Венгрии). По итогам Венского конгресса 1814–15 гг., закрепившего изменение границ европейских государств в результате победы союзников над наполеоновской Францией, земли с владениями Грушецких в составе Красноставского повета (уезда) Люблинской губернии Царства Польского вошли в Российскую империю, каковая административно-территориальная принадлежность деревни Грушка и зафиксирована в составлявшихся во 2-й половине XIX в. гербовниках Уруского и Бонецкого.

Согласно гербовнику Несецкого, Грушецкие являются потомками Матвея и двух его братьев; различные представители рода без соединения в родословные росписи или схемы приводятся в этом гербовнике вплоть до XVIII в., т. е. до современников самого составителя сборника¹⁴. Более обширные сведения в отношении Грушецких, происходивших из Грушки, приводит Бонецкий, отмечая, что уже в конце XVI в. род был очень разветвлен¹⁵. Дополнительный анализ сведений из гербовников Бонецкого, Уруского, частично из других источников¹⁶, позволяет составить более или менее правдоподобную родословную роспись Грушецких, названных мною польским родом, с 1-й половины XVI в. и до середины XVIII в. Роспись включает 42 человека в 7 коленах.

С одной стороны, эта роспись представляет собой самую древнюю роспись всех известных родов Грушецких и в этом смысле может служить «отправной точкой» для дальнейших исследований по развитию древа. С другой стороны, по росписи прослеживается тенденция переселения представителей рода за пределы их родового гнезда — имения Грушки и Хелмской земли в целом: это видно по тому, что с XVII в. представители рода занимали немаловажные должности в Подолье, на Воляни, в Галиции, в городах Чернигове, Речице (под городом Гомель, современная Белоруссия), в Подляшье. Можно предположить, что представители уже сильно разветвившегося, как отмечал Бонецкий, к концу XVI в. рода постепенно оставляли родовое

¹⁴ *Niesiecki* K. Herbarz polski. Lipsk, 1839. T. IV. S. 301–302.

¹⁵ *Boniecki* A. Herbarz polski. Warszawa, 1904. T. VII. S. 142.

¹⁶ *Ibid.* S. 142–143; *Uruski* S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1908. T. V. S. 26–27; *Niesiecki* K. Herbarz polski. Lipsk, 1839. T. IV. S. 301; *Świecki* T. Historyczne pamiątki znakomitych rodzin i osób dawnej Polski. Warszawa, 1858. T. I. S. 83; *Stupnicki* H. Herbarz polski. Lwów, 1855. T. I. S. 202.

гнездо на Хелмщине и приобретали новые имения в землях на востоке. При этом нужно иметь в виду, что приобретение земель в Великом княжестве Литовском для жителей Коронной Польши было ограничено: согласно статуту Княжества, жителям Польши приобрести имения в Литве можно было только за военные или государственные заслуги.

Подтверждением тенденции как выдвинутой мной гипотезы постепенного расселения Грушецких на восток от Грушек, вероятно, могут служить дела архива российского Департамента герольдии о дворянских выводах Грушецких в XIX в. в Российской империи. Так, в Герольдии имеются дела по порядку 3 родам Грушецких, совершившим свой дворянский вывод в Волынской губернии¹⁷, 2 родам, совершившим вывод в Подольской губернии¹⁸, 1 роду, совершившему вывод в Киевской губернии¹⁹. Это означает, что в XIX в. не менее чем 6 родов Грушецких проживали как раз в тех местностях, которые со временем появляются в истории «польских» Грушецких. К тому же начала всех этих «украинских» родов относятся к XVII в., так что и с точки зрения хронологии они могли бы сочлениваться с «польским» родом и между собой. Но, как уже отмечалось, по документам Герольдии это не прослеживается. Тем не менее в документах присутствует большое количество данных, прямо или косвенно возводящих «украинские» роды к выходцам из Хелмской земли. Так, часть родооснователей «украинских» Грушецких указана как непосредственные владельцы имений Большие и Малые Грушки, часть значится хелмскими шляхтичами, чиновниками, занимавшими должности в Хелмской земле, имеются совпадения названий областей или населенных пунктов, связанных с представителями этих родов и «польских» Грушецких.

Выразителем тенденции постепенного отъезда Грушецких из Хелмской земли вполне мог являться и основатель рода Грушецких, условно называемого российским, к которому принадлежала царица Агафья Семеновна, Карп Евстафьевич (Евстахивич, Остафьевич) Грушецкий. Это прапрадед царицы. О нем в гербовнике Урусского сообщается, что, будучи польским шляхтичем, он выехал из Польши на русскую службу в конце XVI в.²⁰, при царе Федоре Ивановиче (правил в 1584–98 гг.). В конце XVII в. представители этого рода утверждали,

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5118, 5120, 5121.

¹⁸ Там же. Д. 5124, 5125.

¹⁹ Там же. Д. 5122, 5123.

²⁰ *Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1908. T. V. S. 28.*

что их польские предки использовали герб Любич. Однако ни в документах Департамента герольдии, ни в просмотренных мною документах Российского государственного архива древних актов, касающихся этих Грушецких, непосредственных свидетельств родственной связи Карпа Евстафьевича с «польскими» Грушецкими не обнаруживается. Лишь в одной из родословных росписей в делах Герольдии, датированной, вероятно, концом XVIII в., сказано, что «Карп Остафьевич происходил из Великие и Малые Грушицы, от предков его, обитавших в земли Хелмской, выехал из Польши в Россию»²¹. В другом месте в делах Герольдии обо всех Грушецких говорится, что «Грушецкие от Великия и Малыя Грушицы обретаются, и селение свое имеют в земли Хелмской»²². Скорее всего, эти записи были сделаны потомками Карпа Евстафьевича в XVIII в. голословно, без документированных доказательств. Тем не менее понятно, что авторам этих записей были известны «польский» род Грушецких, его происхождение и возможность связать с ним потомков Карпа Евстафьевича.

В любом случае Карп Евстафьевич является первым известным Грушецким, переехавшим в Россию. Его выход на русскую службу, вероятно, был обусловлен поисками новых имений. Известно, что его сыну, Илье Карповичу, в начале XVII в. были пожалованы поместья в Кашинском уезде²³.

Карп Евстафьевич стал родоначальником большого древа российских дворян Грушецких. Роспись этого рода хорошо известна по делам архива Департамента герольдии, по многим позднейшим публикациям, в том числе по Общему гербовнику дворянских родов Российской империи²⁴, поэтому в своем исследовании на этом роде я не останавливаюсь. Потомки этих Грушецких (потомки двоюродных братьев царицы Агафьи) живут и ныне.

24 июля 2011 г., в день (по новому стилю на XVII в.) 330-й годовщины со дня кончины царицы Агафьи, я, моя семиюродная сестра по Грушецким Наталья Сергеевна Филатова (см. рис. 50) и непосредственные родственники царицы, потомки ее двоюродного брата — братья Александр Борисович и Михаил Борисович Медынцевы, в московском Сретенском монастыре, вкладчиками которого являлись царь

²¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5130. Л. 10 об.

²² Там же. Л. 5 об.

²³ Там же. Л. 10 об.

²⁴ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Санкт-Петербург, [1798]. Ч. 2. С. 85.

Федор и царица Агафья, молились за литургией об упокоении душ царя Федора, царицы Агафьи и царевича Ильи. После литургии была также отслужена панихида по ним.

В гербовнике Урусского среди Грушецких герба Любич, «осевших в Литве», значится ветвь²⁵, имена представителей которой идентичны именам представителей рода Грушедзких (Грушедских), совершивших свой дворянский вывод в Ковенской губернии Российской империи²⁶. По всему видно, что у Урусского и в соответствующем деле российской Герольдии речь идет об одном и том же роде при имевшей место разной транскрипции фамилии с польского языка на русский. Исследователь Я. Тиханович в свою очередь отмечал, что «одна из ветвей Грушецких издавна была известна в Жмуди»²⁷ (Жмудь или Жемайтия — историческая область на северо-западе современной Литвы, частично охватывавшаяся Ковенской губернией); сообщая далее о дворянском выводе рода Грушецких в виленском и ковенском дворянских собраниях, Тиханович явно имел в виду дело в Герольдии «ковенских» Грушецких, поскольку отмечал то же количество колен рода и количество его представителей, что и в деле. Время жизни основателя этого рода относится к 1-й половине — середине XVII в., т. е. к периоду предполагаемого отъезда разных представителей Грушецких из Грушек. Вероятно, переселение с Хелмщины имел в виду и Урусский, когда писал о Грушецких, «осевших в Литве».

В архиве Герольдии существуют документы дворян Грушецких герба Любич XVII–XIX вв., представители которых в начале XVIII в. поселились в Речицком (Ржечицком) повете²⁸ — местности, почти без сомнения отождествляемой с местностью вокруг города Речицы в современной Гомельской области Белоруссии. Речица, как помним, фигурировала и в росписи «польских» Грушецких. В документах «речицкого» рода в отношении всех Грушецких имеется примечательная фраза о том, что «род Грушецких — из древних [родов], начал процветать в Коронной Польше», в которой представители его «были удостоены разными чинами»²⁹. О родоначальнике «речицкого» рода Мартине Грушецком сказано: «Из сей фамилии Мартин Грушецкий,

²⁵ *Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1908. T. V. S. 28.*

²⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5117.

²⁷ *Ciechanowicz J. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. Rzeszów, 2001. T. III. S. 96.*

²⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 17 об. — 18 об., 326.

²⁹ Там же. Л. 17 об.

происходящий от предков своих, украшенных дворянскими преимуществами, правами свободы и заслугами в Отечестве, обитавших там же, в Коронной Польше, в Подляском, Покуцком и Хелмском округах, владея там же по вотчинному праву земским имением, произвел на свет трех сыновей...»³⁰. Сам Мартин, владея вотчиной в Коронной Польше, к Речицкому повету отношения не имел: сначала один из его сыновей зафиксирован проживавшим в Брацлавском повете (вероятно, речь идет о городе Брацлаве в Подолье), потом один из внуков от этого сына переселился в Речицкий повет. Так что в данном случае переселение Грушецких из Коронной Польши на восток прослеживается документально. В документах подчеркивается также, что род Мартина «печатается гербом Любич»³¹. Упоминание Хелмской земли и принадлежность к гербу Любич теоретически возводят род Мартина к «польским» Грушецким.

Известны Грушецкие, выходцы из Великопольши, на исторической Витебщине, получившие там имения в XVII в., но они использовали герб не Любич, а Белина³². Я. Тиханович указывает, что на Витебщину Грушецкие переселялись из Подолья³³. Так или иначе, но и в этом случае прослеживается тенденция переезда на восток.

В архиве Герольдии имеется небольшое дело Грушецких, живших, вероятно, в XVII–XVIII вв. на Могилевщине³⁴, как и мои предки. Документов дворянского вывода этого рода, роспись которого составляет всего 3 колена, в деле фактически нет, сочленения его с другими Грушецкими не просматривается. Если род своих предков Грушецких я условно называю могилевским, то этот род — могилевским вторым.

Что касается родового гнезда «польских» Грушецких — имения Грушки, то его Грушецкие по частям распродавали, так что к XVIII в. большая часть имения принадлежала уже не им. Но, по всей видимости, еще в XIX в. Грушецкие проживали в самих Грушках и в ее окрестностях. Как было отмечено выше, эти земли вошли в Российскую империю в составе Царства Польского по итогам Венского конгресса 1814–15 гг., поэтому в XIX в. проживавшая там шляхта также была

³⁰ Там же. Л. 17 об. — 18.

³¹ Там же. Л. 23.

³² Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 327; *Boniecki A.* Herbarz polski. Warszawa, 1904. Т. VII. S. 145.

³³ *Ciechanowicz J.* Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. Rzeszów, 2001. Т. III. S. 97.

³⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5129.

включена в процесс причисления к российскому дворянству. В архиве Герольдии имеется небольшое дело Грушецких, производивших свой дворянский вывод в XIX в. именно в Люблинской губернии Царства Польского³⁵.

В октябре 2011 г., условно в год 600-летия пожалования Грушек рыцарю Матвею, я побывал на Грюнвальдском поле (Рис. 5, 6), в городах Люблин, Хелм, Замосць, а также в Кракове у могилы короля Владислава Ягайло. В королевском замке Люблина сохраняется часовня Святой Троицы, которая по заказу Владислава Ягайло после победы в Великой войне, к 1418 г., была расписана потрясающей красоты фресками в византийском стиле (Рис. 7, 8). В этом же замке была подписана Люблинская уния 1569 г. о создании Речи Посполитой. Отыскал я тогда и сами деревни — Большую и Малую Грушки как родовое гнездо предполагаемых моих предков (Рис. 13–14). В Большой Грушке общался с местными жителями. Никаких Грушецких современные грушчане не помнят, но помнят последних, по их словам, помещиков, живших в Большой Грушке до 1920 г., — Турчинских. Удивительным образом и эта дата, и фамилия помещиков, сообщенные мне в частном разговоре местными жителями, нашли точное подтверждение в недавней научно-популярной публикации об усадьбе Большая Грушка на страницах польского Интернета³⁶. Ко времени моего посещения Большой Грушки от бывшей там усадьбы сохранились одна или две хозяйственные постройки и старые деревья, еще обозначающие бывшую некогда парковую аллею (Рис. 16–19). В Большой Грушке имеется католическая церковь (Рис. 20).

В готовящейся книге о Грушецких будут представлены родословные росписи всех родов Грушецких, кроме «российского» рода, история которого известна и помимо того. Но наиболее подробно мои исследования касались, конечно же, рода моих предков — Грушецких, чьи имения располагались преимущественно на Могилевщине, в пределах современной Могилевской области Белоруссии. Этот род я условно называю могилевским.

Родословные росписи Грушецких могут служить своеобразными «путеводителями» для тех, кто ищет своих родственников среди Грушецких или среди тех, кто связаны с Грушецкими браками.

³⁵ Там же. Д. 5119.

³⁶ Gruszka Duża // Historyczne kompozycje ogrodowe I parkowe wschodniej Polski. URL: <http://www.ogrodowy.minigo.pl/index.php/page/gruszka-du-a> (дата обращения: 16.09.2021).

Рис. 5. Мемориал на поле Грюнвальдской битвы, 1960 г., Варминьско-Мазурское воеводство, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 6. Автор статьи у мемориала на поле Грюнвальдской битвы, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша, октябрь 2011 г. Фотография из архива автора статьи

Рис. 7. Король Владислав Ягайло, поддерживаемый святителем Николаем Чудотворцем, в молении перед Христом и Богородицею, фреска, 1418 г., часовня Святой Троицы в королевском замке в Люблине, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 8. Король Владислав Ягайло, коронуемый ангелом, фреска, 1418 г., часовня Святой Троицы в королевском замке в Люблине, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 9. Церковь Взятия на Небо Девы Марии (церковь Богоматери Победительницы), 1412 г., построенная королем Владиславом Ягайло по обету за победу в битве при Грюнвальде (действующий католический храм), Люблин, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 10. Памятник Грюнвальдской битве, 1910 г., Краков, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 11. Памятник Грюнвальдской битве, фрагмент – конная статуя короля Владислава Ягайло, 1910 г., Краков, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 12. Базилика Рождества Пресвятой Девы Марии, 1735–56 гг. (действующий католический храм), Хелм, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 13. «Грушка Малая» – дорожный указатель при въезде в деревню Малая Грушка, Польша.
Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 14. «Грушка Большая» – дорожный указатель при въезде в деревню Большая Грушка, Польша.
Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 15. Жительница деревни Большая Грушка, Польша.
Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 16. Хозяйственная постройка,
сохранившаяся от усадьбы в Большой Грушке, Польша.
Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 17. Хозяйственная постройка (вид с торца), сохранившаяся от усадьбы в Большой Грушке, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 18. Сельский пейзаж, Большая Грушка, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 19. Контуры липовой аллеи бывшей усадьбы в Большой Грушке, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Рис. 20. Католическая церковь в Большой Грушке, Польша. Фотография автора статьи, октябрь 2011 г.

Поколенная роспись «могилевских» Грушецких, в которую включена 271 персоналия в 12 коленах, реконструирована, прежде всего, на основе их дворянского выводного дела³⁷ и на основе метрических записей. При этом далеко не всех Грушецких, сведения о которых имеются в метрических книгах конца XVIII — начала XX в. и в других документах, удалось идентифицировать, т. е. опознать как членов этого рода. Нельзя не иметь в виду и то обстоятельство, что в некоторых документах может существовать путаница в написании фамилии: «Грушецкий» и «Грушевский». В настоящую родословную роспись включены только те представители рода, которые идентифицируются без сомнения; в особых случаях даются пояснения.

Родоначальниками «могилевских» Грушецких являются три брата — Себастьян (Севастьян), Казимир (Косма, Кузма, Кузьма) и Константин-Антон³⁸, жившие в середине XVII в. на восточной окраине Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, недалеко от границ с Россией. В документах 2-й половины XVIII в., хранящихся в российской Герольдии, сообщается, что род братьев Грушецких «от неизвестных времен пользовался дворянскими преимуществами и владением недвижимых имений в разных воеводствах и поветах...»³⁹, «кто первый из предков сего рода, за что, когда, от которого именно короля был возведен в достоинство дворянское, покрыто сие мраком древности, токмо... явствует, что три родные братья предместники сего рода Севастьян, Кузьма и Константин Грушецкие печатавались гербом собственного роду их служащим Любеч называемым...»⁴⁰. Род братьев Грушецких обозначен как дворянский род герба Любич и в Оршанском⁴¹ гербовнике⁴² — сборнике родословных 119 шляхетских фамилий Оршанского повета, составленном в 1773–76 гг. Таким образом, ко 2-й половине XVIII в. род братьев уже считался древним. Имения братьев находились в Мстиславском и Смоленском воеводствах и в Оршанском повете Витебского воеводства (город Могилев в те времена входил в состав Мстиславского воеводства, которое на

³⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128.

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 3–3 об.

⁴¹ Оршанский — по названию города Орша, современного районного центра Витебской области Белоруссии.

⁴² Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1900. Вып. 28. Ч. 2. С. 44.

поветы не разделялось). Эти земли в 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой вошли в состав Российской империи, тогда же была образована Могилевская губерния с центром в Могилеве.

I колено.

1. Себастьян (Севастьян) (вероятно, 1-я пол. XVII в. — после 1667).

2. Казимир (Косма, Кузма, Кузьма) (1-я пол. XVII в. — вероятно, 2-я пол. XVII в.) — мой пращур в 12-м колене. Старший современник русской царицы Агафьи Семеновны. Проживал в Мстиславском воеводстве и владел там «по предшественниках своих наследственным имением Комаровичами»⁴³. Эти слова являются единственным упоминанием о неизвестных ныне предках Казимира, о том, что имение досталось ему от них в наследство. 13 декабря 1660 г. Казимир доказывал свое владение частью имения Комаровичи квитанцией об уплате подымной подати⁴⁴. Это самая ранняя документально зафиксированная дата в истории «могилевских» Грушецких, а имение Комаровичи — самое древнее их владение. В 1850 г., уже в реалиях Российской империи, когда Комаровичи Грушецким давно не принадлежали, в дело о доказательстве дворянского происхождения Грушецких была подшита справка о том, что «имение Комаровичи от незапамятных времен существовало и ныне существует в Чериковском⁴⁵ уезде Могилевской губернии»⁴⁶. Эти указания дали возможность идентифицировать этот населенный пункт: вплоть до начала XXI в. Комаровичи отыскивались на картах в 11 км по прямой к северо-востоку от Черикова и в 16 км к юго-западу от города Кричева (Рис. 21, 21а); в 2002 г. деревня была ликвидирована в связи с загрязнением территории вследствие аварии на Чернобыльской АЭС. Предположение о поселении Грушецких в Комаровичах, например в 1-й половине XVII в., вполне согласуется с вышеизложенной версией о поиске проживавшими в Коронной Польше представителями Грушецких новых поместий на востоке, вплоть до выезда на русскую службу.

Я побывал на месте Комаровичей с православным священником, дьяконом из Черикова и сотрудницей Чериковского краеведческого

⁴³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 86 об. — 87.

⁴⁴ Там же. Л. 3 об., 85, 86—86 об.

⁴⁵ Чериков — город, районный центр в современной Могилевской области Белоруссии.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 174.

Рис. 21. «Д[еревня] Камаровичи» (вверху слева) на карте Кривического графства, приложенной к рукописной книге Андрея Мейера «Описание Кривичского Графства или бывшего Староства», 1786 г. Подлинник. (Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. № 4488. Лист-вкладка.)

Рис. 21а. «Д[еревня] Камаровичи» (в настоящем издании выделена красным подчеркиванием). Фрагмент карты Кривического графства, 1786 г.

музея Галиной Владимировной Кравцовой в день 350-летнего юбилея первого документированного упоминания о Казимире Грушецком — 13 декабря 2010 г. От деревни не осталось ничего, никаких следов построек (Рис. 22, 23). Не найдя в заснеженной местности деревенского кладбища (которое, по рассказам жителей Черикова, все-таки существует), мы отслужили панихиду о 10 поколениях моих предков, помянув и православных, и католиков, у сохранившегося обелиска павшим в Великую Отечественную войну жителям Комаровичей (Рис. 24). Под открытым небом в безлюдном лесу в абсолютной тишине священник чинно, зычно читал написанные мной имена предков, делая это, как мне показалось, с особым молитвенным чувством, как бы выкликая и одновременно утверждая каждое имя. Разносившееся после называния каждого имени долгое эхо как будто было нам ответом.

Рис. 22. Памятный камень и знак о запрете посещения территории на месте бывшей деревни Комаровичи, Чериковский район Могилевской области, Белоруссия. Фотография А. Дыбовского, май 2007 г.

В гербовнике Бонецкого Казимир вместе с братом Себастьяном на 1660 г. обозначен проживавшим в Смоленском воеводстве⁴⁷. Впоследствии Казимир участвовал в военных действиях (на стороне Речи Посполитой) в период русско-польской войны 1654–67 гг., за что получил поместье в Оршанском повете⁴⁸. Этим поместьем, возможно, была деревня Ольшаники, которая и ныне отыскивается на картах в 5 км восточнее города Круглое Могилевской области.

⁴⁷ *Boniecki A. Herbarz polski. Warszawa, 1904. Т. VII. S. 145.*

⁴⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 85–85 об.

Рис. 23. Мемориальная табличка на камне в память о деревне Комаровичи, Чериковский район Могилевской области, Белоруссия. Фотография А. Дыбовского, май 2007 г.

Рис. 24. Обелиск павшим в Великую Отечественную войну жителям Комаровичей, Чериковский район Могилевской области, Белоруссия. Фотография А. Дыбовского, май 2007 г.

Для меня сведения о наделении Казимира Грушецкого, моего предка в 12-м колене по материнской линии, именем за военные заслуги в ходе русско-польской войны 1654–67 гг. особо интересны в связи с тем, что в 1673 г. за «участие в походе и храбрость», т. е., по всей видимости, за участие в той же самой войне, именем был наделен и мой предок в 10-м колене по отцовской линии — Дмитрий Гаврилович Жегалов. Только тот воевал по другую сторону фронта. И получил от русского царя Алексея Михайловича в вотчинное владение имение в Вяземском уезде⁴⁹. То есть два моих прадеда воевали друг против друга.

Представляется весьма странным, что в Литовской метрике в реестре Мстиславского воеводства 1667 г.⁵⁰ фамилия Грушецких не упоминается ни в каком фонетическом виде. В то же время известен юридический документ 1687 г.⁵¹ — запись в гродской книге Мстиславского воеводства определенных процессуальных действий по поводу некоего дела между мстиславскими татарами, в котором упоминаются Грушецкие из Комарович. Известно, что татары в Великом княжестве Литовском проживали с конца XIV в. Но Грушецкие в этом документе вроде как тоже называются татарами. Документ интересен своей древностью, однако интерпретировать его весьма сложно. Прежде всего непонятно, о каких Комаровичах в нем идет речь, поскольку в Мстиславском воеводстве наряду с Комаровичами под Чериковом существовали и другие Комаровичи. Представленные в этом документе имена Грушецких не идентифицируются ни с какими представителями никаких известных мне родов Грушецких.

3. Константин-Антон (вероятно, 1-я пол. XVII в. — до 1733), «речицкий гродский регент⁵²», очевидно, владел недалеко от города Речицы имением Железники⁵³.

Жена (не позднее как с 1691 г.) Теофилия, ур. Могучая (вероятно, сер. XVII в. — после 1696).

В отношении потомков братьев Грушецких, судя по метрическим записям, можно констатировать, что часть из них была крещена

⁴⁹ Там же. Оп. 21. Д. 1735. Л. 45 об.

⁵⁰ *Metryka Litewska. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego: Województwo mścisławskie 1667 г. / oprac. A. Rachuba. Warszawa, 2008.*

⁵¹ НИАБ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 1. Л. 307–307 об.

⁵² Регент — помощник старосты (королевского наместника) в городском магистрате — выборного административного и судебного органа самоуправления в городах с магдебургским правом.

⁵³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 216 об.

в римско-католических храмах, часть — в греко-католических (униатских). Причем дети римо-католиков могли быть крещены в униатских храмах, и наоборот. Есть случаи совершения церковных таинств над представителями рода и в православных храмах. Возможно, выбор храма в каждом конкретном случае был обусловлен той или иной причиной практического свойства, а различия в принадлежности к римско-католической или греко-католической традициям уходили на второй план. Например, при принадлежности жениха и невесты разным приходам (в разных селах) венчание принято было совершать в приходе невесты, чтобы соседи и весь приход знали, что девушка не исчезла, а законно выдана замуж, и за кого именно. Выбор храма для крещения младенца (крещение нередко совершалось непосредственно в день рождения, на следующий день или в течение нескольких дней после рождения) мог быть обусловлен тем, что если в населенном пункте, где родился младенец, храм отсутствовал, то по обстоятельствам времени года и связанной с этим проходимость дорог просто выбирался храм ближайшего села. Но все же следует утверждать, что большинство Грушецких были католиками.

II колено.

4.2. Леонтий (Леон) (вероятно, 1660–70-е гг. — ?).

5.2. Александр (вероятно, 1660–70-е гг. — до 1737).

6.2. Максим (Максимилиан) (вероятно, 1670-е гг. — ?).

7.3. Александр (2-я пол. XVII в. — ок. 1733), по наследству от отца владел имением Железники. В духовном завещании, написанном 5 августа 1733 г., просил похоронить его «греко-униатским священником»⁵⁴.

Жена Прасковья, ур. Верещака (сер. XVII в. — ?).

III колено.

8.4. Федор (Теодор) (вероятно, рубеж XVII–XVIII вв. — вероятно, после 28.01.1774), значится среди представителей рода Грушецких, участвовавших 28 января 1774 г. в первом после вхождения в российское подданство рассмотрении дела об их дворянстве, так называемом выводе, имевшем место в Оршанском земском суде⁵⁵.

⁵⁴ Там же. Л. 216.

⁵⁵ Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1900. Вып. 28. Ч. 2. С. 44.

Необходимо сказать, что все Грушецкие, проживавшие на Могилевщине, по переписям 1795, 1811 и 1816 гг. состояли «писаными в числе дворян»⁵⁶, позднее старшими членами рода периодически подавались новые прошения о причислении к роду ранее не причисленных и новородившихся его представителей.

9.4. Степан (Стефан) (вероятно, рубеж XVII–XVIII вв. — вероятно, до 28.01.1774).

10.5. Иван (Ян) (вероятно, кон. XVII в. — возможно, после 1728).

Жена, возможно, Теофилия (Теофилия), ур. Зубович (вероятно, рубеж XVII–XVIII вв. — возможно, после 1728).

11.5. Андрей (Анджей) (вероятно, кон. XVII в. — ?). В документах, возможно, имеет место путаница относительно его детей и детей его сына — Карпа (26.11). В настоящей росписи приводится наиболее правдоподобная версия.

12.5. Николай (Миколай) (вероятно, кон. XVII в. — ок. 1737) — мой пращур в 10-м колене. Был владельцем части имения Комаровичи. 25 июля 1737 г., очевидно, перед смертью, будучи тяжело болен, написал в Комаровичах духовное завещание (на польском языке)⁵⁷, которое является не только ценным историческим документом, но и живым свидетельством о самом завещателе, о его христианском отношении к смерти. На основании текста завещания можно сделать выводы о том, что Грушецкие пользовались польским языком, что в 1-й половине XVIII в. они сознавали себя дворянами герба Любич, что завещатель был католиком. Историческим достоинством завещания является также поименное упоминание в нем современных завещанию должностных лиц города Мстиславля: мстиславского архитектора, члена каптурового суда, городского регента.

Будучи 13 декабря 2010 г. на месте, где располагалось село Комаровичи, после отслуженной там со священником панихиды я вслух зачитал русский перевод завещания, смысл которого очень подходил к нашему молитвенному настрою.

13.5. Фома (Томаш) (вероятно, рубеж XVII–XVIII вв. — ?).

14.5. Федор (Теодор) (вероятно, нач. XVIII в. — ?).

15.5. Никифор (вероятно, нач. XVIII в. — ?).

16.5. С определенной долей вероятности **Марианна, в замужестве Згоржельская** (вероятно, нач. XVIII в. — после 1740).

⁵⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 173.

⁵⁷ Там же. Л. 145–146 (польская копия), 147–148 об. (перевод на русский язык).

17.6. Самуил (вероятно, рубеж XVII–XVIII вв. — вероятно, после 28.01.1774).

18.7. Михаил (вероятно, рубеж XVII–XVIII вв. — после 1733), унаследовал имение Железники.

IV колено.

19.8. Адам (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

20.8. Иосиф (Осип) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

21.8. Петр (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

22.8. Михаил (Михал) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

23.9. Кузма (Казимир) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

24.9. Иосиф (Осип) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

25.9. Григорий (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

26.11. Карп (Каспер) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

27.12. Андрей (Анджей) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, до 15.04.1765), владел частью имения Комаровичи и имением Ольшаники⁵⁸.

28.13. Федор 1-й (1-я пол. XVIII в. — ?).

29.13. Федор 2-й (1-я пол. XVIII в. — ?).

30.17. Савелий (Ксаверий) (1-я пол. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

31.18. Василий (вероятно, до 1733 — вероятно, после 1782), наследник имения Железники.

Жена Регина, ур. Дробышевская (1-я пол. XVIII в. — возможно, после 1797).

V колено.

32.21. Григорий Петрович (к представителям рода, которые явно жили уже в реалиях Российской империи, применимы, по русской традиции, отчества) (2-я пол. XVIII в. — ?).

33.22. Викентий Михайлович (2-я пол. XVIII в. — не ранее 1825), в 1-й четверти XIX в. служил в чине подпоручика в 24-м Егерском полку⁵⁹.

⁵⁸ Там же. Л. 151.

⁵⁹ Там же. Л. 123 об.

34.22. Мартин Михайлович (2-я пол. XVIII в. — ?).

35.22. Франц Михайлович (2-я пол. XVIII в. — после 1813).

Жена Анастасия, ур. Далецкая (2-я пол. XVIII в. — после 1813).

36.22. Иван Михайлович (2-я пол. XVIII в. — не ранее 1825), в 1-й четверти XIX в. служил в чине капитана в полку герцога Вюртембергского⁶⁰.

37.25. Антон Григорьевич (2-я пол. XVIII в. — ?).

38.26. Федор 1-й Карпович (Касперович) (сер. XVIII в. — возможно, после 1794).

39.26. Федор 2-й Карпович (Касперович)(?) (сер. XVIII в. — ?).

Наличие двух сыновей с именем Федор и двух сыновей с именем Иван (см. 40.26 и 41.26) у одного отца несколько сомнительно, хотя вообще практика называния двух сыновей в одной семье одним именем существовала: например, документально зафиксированные сыновья Андрея (Анджея) (27.12) — Мартин 1-й (42.27) и Мартин 2-й (44.27).

40.26. Иван 1-й Карпович (Касперович) (сер. XVIII в. — вероятно, после 28.01.1774).

41.26. Иван 2-й Карпович (Касперович)(?) (сер. XVIII в. — ?) (см. пояснение к 39.26).

42.27. Мартин 1-й Андреевич (сер. XVIII в. — после 1793). 15 апреля 1765 г. был составлен ввод во владение Мартина 1-го и двух его братьев — Ивана (Яна) (43.27) и Мартина 2-го (44.27) заставным именем Ольшаники в Оршанском повете и частью имения Комаровичи в Мстиславском воеводстве, доставшимися им в наследство «по блаженной памяти отце их Андрее Николаевом Грушецком»⁶¹. Это поколение оказалось последним владевшим старинной родовой вотчиной — частью имения Комаровичи. Спустя пять с половиной лет после введения во владение братья продали ее за 25 тысяч злотых известному впоследствии российскому военному и государственному деятелю Г. А. Потемкину, о чем в дворянском деле Грушецких сохранился соответствующий документ — продажная крепость, написанная в Комаровичах и датированная 30 декабря 1770 г.⁶² «Описание Кричевского графства» 1786 г. с приложенной к нему картой (см. рис. 21) — это описание владений именно Г. А. Потемкина, пожалованных ему императрицей Екатериной II после первого раздела Речи Посполитой. Возможно, Комаровичи были первым приобретением Потемкина в этой

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 151.

⁶² Там же. Л. 158–159 об.

местности. Сведения о долгах Андрея Грушецкого (27.12) и вынужденная продажа его сыновьями старинного имения, очевидно, свидетельствуют о том, что Грушецкие были небогаты.

Жена Евфросиния (сер. XVIII в. — после 1793).

43.27. Иван (Ян) Андреевич (вероятно, 1740-е гг. — после 1804) — мой предок в 8-м колене. В 1764 г. «в согласность давних правил» «при всей форме благопристойно» находился «в Уездном знамени» с закладного своего имения Ольшаники⁶³, т. е., вероятно, отбывал военную службу. В 1765 г. «с закладного имения Ольшаники» «являлся на военный смотр в числе прочих дворян Оршанского повета»⁶⁴. Эти два упоминания об Ольшаниках являются первыми по времени документированными свидетельствами об этом имении. Выше было высказано предположение, что Ольшаники еще в середине XVII в. мог получить за службу родоначальник Грушецких Казимир (2).

В 1765 г. братья Мартин 1-й (42.27), Иван и Мартин 2-й (44.27) были введены во владение имениями Ольшаники и Комаровичи, а в 1770 г. продали Комаровичи (подробнее об этом см. в 42.27).

Возможно, на рубеже XVIII–XIX вв. семья Ивана Андреевича проживала в деревне Мехово. На современных картах Могилевской области деревня Мехово отыскивается в 6 км восточнее города Круглое и буквально по соседству, в 1–2 км на северо-восток, от Ольшаников.

Жена Мария (Марианна?), ур. Янковская (2-я пол. XVIII в. — после 1804).

44.27. Мартин 2-й Андреевич (сер. XVIII в. — после 1784). В 1765 г. братья Мартин 1-й (42.27), Иван (Ян) (43.27) и Мартин 2-й были введены во владение имениями Ольшаники и Комаровичи, а в 1770 г. продали Комаровичи (подробнее об этом см. в 42.27).

Жена Фрузина (сер. XVIII в. — после 1784).

45.30. Федор (Теодор) Савельевич (Ксаверьевич) (между 1764 и 1776 — 11.06.1850).

Жена Анна, ур. Щербо (ок. 1782 — после 1832).

46.31. Иван Васильевич (ок. 1757 — после 1832), владел старинной родовой вотчиной Железники⁶⁵, которую продал 31 декабря 1770 г.⁶⁶ (на следующий день после продажи его пятиюродными братьями имения Комаровичи).

Жена Магдалена (2-я пол. XVIII в. — до 1832).

⁶³ Там же. Л. 154.

⁶⁴ Там же. Л. 191 об.

⁶⁵ Там же. Л. 219–220.

⁶⁶ Там же. Л. 222–223 об., 247 об.

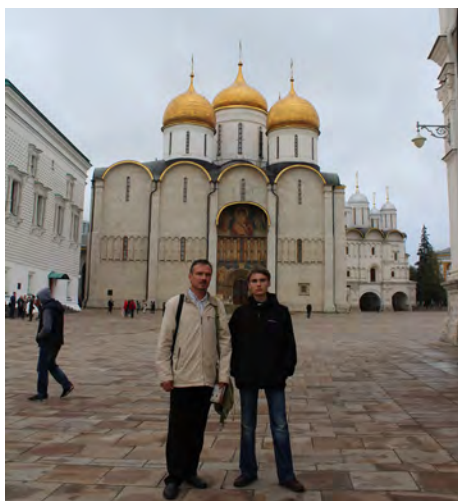

Рис. 25. Автор статьи (слева) и Ян Витовт Юрьевич Процаков – восьмьюродные братья, потомки в 8-м колене, соответственно, Ивана (Яна) Андреевича (43.27) и Мартина 1-го Андреевича (42.27) Грушецких, – после посещения могилы царевича Ильи, сына царицы Агафьи Семеновны Грушецкой, в Архангельском соборе Московского Кремля, Соборная площадь Кремля, Москва, сентябрь 2014 г.
Фотография Т. А. Аносовой

VI колено.

47.32. Данила (Даниил) Григорьевич (кон. XVIII в. — после 1826), на 1826 г. значился подпрапорщиком, служившим в Воронежском пехотном полку⁶⁷.

48.35. Иероним (Героним, Герасим)-Франц Францевич (29.09.1813 — после 1832), крещен 30.09.1813 в католическом заднепровском приходе города Могилева⁶⁸. Это первое по времени свидетельство, связанное с пребыванием представителей рода Грушецких непосредственно в губернском городе Могилеве (Рис. 26).

49.42. Степан (Стефан) Мартинович (1793 — до 1851), на 1832 г. проживал с семьей в деревне Запрудни Могилевского уезда на арендной земле помещика Сипайлы⁶⁹.

Жена Мария (Марцианна, Марианна) Александровна, ур. Плохоцкая (между 1794 и 1805 — после 1864).

⁶⁷ Там же. Л. 123 об.

⁶⁸ Там же. Л. 93, 96 об. – 97.

⁶⁹ Там же. Л. 94 об. – 95.

Рис. 26. Вид города Могилева, кон. XVIII – нач. XIX в. (вдалеке правее кафедральный католический собор Успения Пресвятой Девы Марии и Святого Станислава, слева фарный костел Святого Казимира), художник Н. А. Львов. Копия. Музей истории Могилева

50.43. Казимир Иванович (1794–?)

51.43. Прасковья (Праскева, Пракседа) Ивановна, в замужестве Кржижевская (ок. 1797–99 — между 1844 и 1851), — моя прапрапрабабушка, на которой для меня прямая линия моих предков Грушецких завершается. Родилась в селении Мехово⁷⁰, на 1816 г. проживала в деревне Ахимковичи.

Муж Матвей (Матеуш) Семенович Кржижевский (вероятно, 1792 — вероятно, между 1842 и 1844). Брак был заключен 15 октября 1816 г. в православном храме в селе Комсеничи⁷¹. Населенные пункты Ольшаники, Мехово, Ахимковичи, Комсеничи расположены в одной местности, в нескольких километрах друг от друга.

52.43. Адам Иванович (16.11.1800 — после 1844), находился на военной службе.

53.43. Григорий Иванович (1804 — очевидно, после 1857), родился в деревне Мехово⁷², проживал с семьей в деревне Ольшаники на закладной земле⁷³, приобрел земли в селении Хрепелёво Могилевского уезда Могилевской губернии⁷⁴.

⁷⁰ Там же. Оп. 23. Д. 8948. Л. 30.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Оп. 19. Д. 5128. Л. 164.

⁷³ Там же. Л. 171–172.

⁷⁴ Там же. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 626. Л. 8 об.; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 10. Д. 103. Л. 11 об.

Жена (примерно с 1826–27 гг.) Констанция Амвросиевна, ур. Лысковская (ок. 1809–10 — 28.05.1880).

54.44. Степан (Стефан) Мартинович (до 1784 — не ранее 1836).

Жена Бригида (Бригита, Бригитта) Матвеевна, ур. Янчевская (в одном из документов ее девичья фамилия обозначена как Евневич) (между 1794 и 1801 — после 1853).

55.44. Киприан Мартинович (вероятно, 1784 — 26.10.1871).

Жена Теофилия Леоновна, ур. Доморацкая (ок. 1791 — 15.07.1868).

56.45. Бернад-Константин Федорович (вероятно, 1810 — 27.07.1867).

Жена Агнесса (Агнешка), ур. Богуш (ок. 1823 — 01.04.1877).

57.45. Антонина Федоровна (ок. 1813 — после 1832).

58.45. Яков Федорович (вероятно, 1814 — 13.09.1869).

Жена Теофилия (ок. 1820 — после 1869).

59.45. Соломея Федоровна (ок. 1822 — после 1832).

60.45. Розалия Федоровна, возможно, в замужестве **Говорковская** (ок. 1826 — возможно, после 1857).

61.46. Фелициан Иванович (вероятно, кон. XVIII в. — ?).

62.46. Кузма (Кузьма, Казимир) Иванович (вероятно, 1801 — 15.03.1840).

Жена Гражилда (Грасильда, Кассильда, Клеотильда), ур. Рошевская (ок. 1805 — после 1867).

VII колено.

63.49. Иван (Ян) Степанович (ок. 1825 — 20.04.1890). Известно, что Могилевская губерния оказалась в зоне Польского восстания 1863–64 гг. Вероятно, Иван Степанович имел к этим событиям какое-то отношение или подозревался в связях с повстанцами. Его брат Николай (68.49) принимал непосредственное участие в действиях одного из повстанческих отрядов. По всей видимости, именно Иван Степанович вместе с братом в мае–июне 1863 г. фигурировал в списках политических преступников, но был освобожден из-под следствия⁷⁵ (подробнее об этом см. в 68.49).

На 1888 г. проживал с семьей «в околице Чирчине Оршанского уезда Могилевской губернии», в деревне Скураты Могилевского уезда имел 19 десятин и 1210 квадратных саженой земли⁷⁶.

⁷⁵ НИАБ. Ф. 3366. Оп. 1. Д. 3. Л. 115 об.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 400 об.

Скончался в фольварке Озёры⁷⁷. На современных картах деревня Озёры отыскивается в 8–9 км восточнее деревень Мехово и Ольшаники.

Первая жена (с 1860 г.) Анна Иосифовна, ур. Янчевская (рубеж 1830–40-х гг. — до 1870). Вторая жена (после 1870 г.) Гилария (Гилярия) Петровна, ур. Мочульская (ок. 1841 — после 1890).

64.49. Ирина Степановна (ок. 1827–29 — после 1851).

65.49. Люция Степановна (ок. 1831–32 — после 1851).

66.49. Агнешка (Агнесса) Степановна (ок. 1835 — после 1851).

67.49. Анна Степановна (ок. 1837 — после 1864).

68.49. Николай Степанович (10.06.1839 — возможно, после 1929), «не получил образования»⁷⁸, «занимался хлебопашеством»⁷⁹, был небогат⁸⁰. В период Польского восстания 1863–64 гг. проходил по делу о 29 политических преступниках Черноруцкого отряда⁸¹. Этот отряд вооруженных повстанцев, к которому присоединился Николай, в конце апреля 1863 г. выступил в поход по населенным пунктам Могилевского уезда⁸², продвигаясь несколько севернее мест компактного проживания Грушецких. Повстанцы зачитывали местным жителям манифест мнимого польского короля о даровании всем сословиям Польши и Литвы свободы и земли и призывали к оружию против российского правительства⁸³. Однако местные крестьяне и мелкая шляхта в массе своей не поддержали эти воззвания⁸⁴. Отряд был разбит правительственными войсками. Николай Грушецкий при задержании оказал сопротивление⁸⁵.

Во время следствия содержался в Могилеве, его имя присутствует в «списке всех политических арестантов, состоящих под следствием

⁷⁷ НИАБ. Ф. 1781. Оп. 48. Д. 39. Л. 292.

⁷⁸ Там же. Ф. 3256. Оп. 2. Д. 6. Л. 84 об.

⁷⁹ Там же. Л. 82.

⁸⁰ Там же. Л. 84 об.

⁸¹ Там же. Л. 4–5, 78; *Прачакова Н. А.* Паўстанне 1863 года на Магілёўшчыне ў лёсах // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Магілёў, 2013. С. 296–301.

⁸² НИАБ. Ф. 3256. Оп. 2. Д. 6. Л. 79.

⁸³ Там же. Л. 78 об.

⁸⁴ Неделя беспорядков в Могилевской губернии в 1863 г. // Русский вестник. 1864 г. С. 353.

⁸⁵ НИАБ. Ф. 3256. Оп. 2. Д. 54. Л. 214.

в Могилевской следственной комиссии от 12 мая 1863 г.»⁸⁶. Вероятно, Николай и его старший брат Иван (63.49) как «дворянин Грушецкий 1-й» и «дворянин Грушецкий 2-й» присутствуют в «списке всех политических преступников, доставленных из разных мест, содержащихся под арестом в казармах Могилевского батальона внутренней стражи на 15 мая 1863 г.»⁸⁷, как «Грушецкий Николай» и «Грушецкий Иван» — в «списке всех политических преступников, содержащихся под арестом на 14 июня 1863 г.», в котором напротив этих имен стоит пометка «освобождены»⁸⁸. Между тем известно, что Николай, в отличие от брата Ивана, был осужден. На следствии Николай «упорно отрицал» свое участие в восстании⁸⁹. 30 апреля 1864 г. был вынесен приговор: «Николая Грушецкого... видимо, принадлежащего к сословию шляхты» «лишить всех особенных, и лично, и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ, как оказавшего упорство в сознании сослать на жительство в Томскую губернию»⁹⁰, имущество конфисковать в казну⁹¹. Вероятно, прожив 3 года в Томской губернии, в 1867–71 гг. Николай Степанович находился на поселении в Вятской губернии⁹². На родину он должен был вернуться после выхода в мае 1871 г. амнистии.

В отношении его последующей судьбы существует версия, что по крайней мере с 1910-х гг. он жил в семье своего племянника Каетана (Константина) Ивановича (104.63) в застенке Отнянка (Атнянка) Могилевского уезда (см. рис. 34).

69.49. Дометий (Дементий, Доминик) Степанович (26.06.1842 — после 1870).

70.53. Розалия Григорьевна, в замужестве Плохоцкая (ок. 1827–28 — после 1880).

Муж, вероятно, Николай Плохоцкий (1-я пол. XIX в. — после 1860-х гг.).

⁸⁶ Там же. Ф. 3257. Оп. 1. Д. 1. Л. 169.

⁸⁷ Там же. Л. 30 об.

⁸⁸ Там же. Ф. 3366. Оп. 1. Д. 3. Л. 115 об.

⁸⁹ Там же. Ф. 3256. Оп. 2. Д. 6. Л. 82.

⁹⁰ Там же. Л. 84 об.

⁹¹ Там же. Л. 86.

⁹² Библиографический справочник участников восстания 1863–1864 гг., находившихся под надзором полиции в Вятской губернии. URL: <http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-Vyatka.html#04> (дата обращения: 16.09.2021); Список лицам, освобожденным... // Люди Великого княжества: история и генеалогия Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского. URL: <http://www.petergen.com/lwk/history/wyspow1871.shtml> (дата обращения: 16.09.2021).

71.53. Мартин Григорьевич (11.11.1829 — 29.05.1908), в 1848 г. окончил Могилевскую губернскую мужскую гимназию⁹³, служил в Могилевском губернском правлении⁹⁴, в других губернских учреждениях, в Могилевском и в Мстиславском городских магистратах⁹⁵. Имел родовое имение при селе Хрепелёво⁹⁶.

В 1868 г. он покинул родовое гнездо на Могилевщине и обосновался сначала в Липецке, а затем в Пензе, где служил нотариусом⁹⁷. Был одним из тех, кто хлопотал об учреждении в Пензе самостоятельного католического прихода⁹⁸. В 1907 г. вышел в отставку в чине титулярного советника⁹⁹ с ученой степенью кандидата права. В Пензе сослуживцем Мартина Григорьевича был нотариус Борис Карлович Гуль (1867–1913), сын которого Роман Борисович Гуль (1896–1986) впоследствии стал известным писателем-эмигрантом, общественным деятелем, апологетом Белого движения.

Первая жена (с 1857 г.) Иоанна Павловна, ур. Чешко (ок. 1837 — 29.11.1871). Вторая жена (не позднее как с 1873 г.) Изомена-Владислава Адамовна, ур. Скобейко (ок. 1844–48 — 21.09.1899).

72.53. Альберт Григорьевич (16.12.1831–01.09.1897), окончил Могилевское уездное училище, с 1850 г. служил в могилевских

Рис. 27. Мартин Григорьевич Грушецкий, 1890-е гг., Пенза. Фотография из архива С. П. Прокопчука

⁹³ *Созонов М.* Исторические записки о Могилевской мужской гимназии. Могилев, 1909. С. 157.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 626. Л. 8 об.

⁹⁵ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 103. Л. 12 об. — 13.

⁹⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 6750. Л. 9 об.

⁹⁷ ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 103. Л. 17 об. — 18.

⁹⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6289.

⁹⁹ Там же. Ф. 42. Оп. 10. Д. 103. Л. 18.

Рис. 28. Кафедральный католический собор Успения Пресвятой Девы Марии и Святого Станислава, 1738–52 гг., Могилев, Белоруссия. Фотография из архива музея истории Могилева, 1910 г. Прихожанами этого храма были многие из Грушецких

Рис. 29. Кафедральный католический собор Успения Пресвятой Девы Марии и Святого Станислава, 1738–52 гг., Могилев, Белоруссия. Фотография из архива музея истории Могилева, 2010-е гг.

Рис. 30. Изображение герба Любич, фреска, 1760–70-е гг., католический собор Успения Пресвятой Девы Марии и Святого Станислава (изображение с правой стороны под хорами), Могилев, Белоруссия. Артель мастеров под руководством художника Антония Гловацкого. Фотография Н. О. Процаковой, 2014 г. Росписи в храме создавались, когда он был собором кармелитского монастыря. Вероятно, это изображение герба жертвователей, ктиторов собора

губернских учреждениях¹⁰⁰. Переехав в Петербург, с 1857 г. и до выхода в отставку приблизительно в 1894 г. служил в Министерстве императорского двора и уделов¹⁰¹. Имел высокий чин статского советника¹⁰².

Жена Ирина Васильевна (сер. XIX в. — 14.11.1906).

73.53. Клотильда (Клеотильда, Клеопатра(?)) Григорьевна, в замужестве Савицкая (ок. 1835–37 — 18.03.1912).

Муж (с 1859 г.) Иван Францевич Савицкий (вероятно, до 1835 — до 1912).

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 625. Л. 72 об.; НИАБ. Ф. 2189. Оп. 1. Д. 56. Л. 13–20, Там же. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 664. Л. 54 об. — 55.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 625. Л. 75 об.

¹⁰² Петербургский некрополь / сост. великий князь Николай Михайлович. Санкт-Петербург, 1912. Т. 1. С. 695.

Рис. 31. Игорь Казимирович Савицкий, правнук Клотильды Григорьевны (73.53) и Ивана Францевича Савицких, потомок эмигрантов, проживает в Австралии, почетный общественный деятель на ниве австралийско-российских связей, 2000-е гг.
Фотография из архива И. К. Савицкого

74.53. Агнесса (Агнешка) Григорьевна, в замужестве Харкевич (ок. 1838 — после 1892).

Муж Адам Харкевич (ок. 1823 — 15.10.1892).

75.53. Регина Григорьевна (ок. 1843 — после 1844).

76.53. Иван Григорьевич (1844 — после 1844).

77.54. Федор Степанович (вероятно, 1821 — после 1832).

78.54. Игнатий Степанович (08.08.1825 — после 1832).

79.54. Геронима (Гонората?) Степановна (ок. 1828–30 — после 1853).

80.54. Андрей Степанович (16.10.1831 — после 1851).

81.54. Терезия (Тереза) Степановна (ок. 1832–34 — после 1851).

82.54. Доминика Степановна (ок. 1836 — после 1851).

83.55. Иван Киприанович (сентябрь 1818 — 21.11.1868).

Жена Розалия Михайловна, ур. Душкевич (ок. 1821–24 — после 1870).

84.55. Яков Киприанович (ок. 1821 — после 1832).

85.55. Исидор (Сидор) Киприанович (вероятно, 1824 — после 1910).

Жена Агафья (Агата), ур. Громыко (ок. 1824 — после 1870).

86.55. Доминик (Дементий) Киприанович (17.08.1829 — после 1889).

Жена Марьяна (Мария) Антоновна, ур. Ридзевская (Рыдзевская) (ок. 1834–37 — 24.10.1882).

87.55. Казимира Киприановна, в замужестве Слуцкая (ок. 1832 — 28.10.1892).

Муж Самуил Слуцкий (между 1822 и 1828 — 12.03.1878).

88.56. Павел Константинович (ок. 1843 — после 1890).

Жена Александра, ур. Сцибло (Стибло) (вероятно, 1840–50-е гг. — после 1890), сестра Михалины, ур. Сцибло (Стибло), жены брата Павла Константиновича — Петра Константиновича (91.56).

89.56. Юлия (Юлианна) Константиновна (ок. 1845–47 — 04.03.1866).

90.56. Магдалена (Малгората) Константиновна (ок. 1846–50 — 12.05.1870).

91.56. Петр Константинович (ок. 1853 — вероятно, после 1913).

Жена Михалина, ур. Сцибло (Стибло) (вероятно, 1850–60-е гг. — после 1894), сестра Александры, ур. Сцибло (Стибло), жены брата Петра Константиновича — Павла Константиновича (88.56).

92.58. Игнатий Яковлевич (ок. 1849 — после 1864).

93.58. Анастасия Яковлевна (ок. 1855 — возможно, после 1874).

94.62. Антон (Антоний) Казимирович (15.03.1826–11.10.1906), служил в Могилевском губернском правлении¹⁰³, титулярный советник¹⁰⁴.

Жена (с 1868 г.) Юстина Семеновна, ур. Билевич (1830–40-е гг. — 23.01.1909).

95.62. Валериан Казимирович (14.12.1829 — возможно, после 1874), с 1849 г. служил и проживал в Могилеве¹⁰⁵, с 1861 г. имел чин титулярного советника¹⁰⁶. По всей видимости, его следует отождествить с участником Польского восстания 1863–64 гг. Валерианом Грушецким, проходившем по делу о «Горецкой шайке»¹⁰⁷ — повстанцах, организовавших в апреле 1863 г. фактический захват города Горки (Горы-Горки) Могилевской губернии. «Чиновник Валериан Грушецкий» присутствует в «списке всех политических арестантов, состоящих

¹⁰³ Памятная книжка Могилевской губ. на 1861 г. Могилев, 1861. Отдел III. С. 7.

¹⁰⁴ То же на 1863 г. Могилев, 1862. Отдел III. С. 73.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 237.

¹⁰⁶ Памятная книжка Могилевской губ. на 1861 г. Могилев, 1861. Отдел III. С. 25.

¹⁰⁷ НИАБ. Ф. 3257. Оп. 1. Д. 52. Л. 5.

под следствием в Могилевской следственной комиссии от 12 мая 1863 г.»¹⁰⁸. Валериан Грушецкий также значится среди 18 человек в «списке всех политических преступников, содержащихся в могилевском тюремном замке на 15 мая 1863 г.»¹⁰⁹. Был осужден на поселение «в менее отдаленные места Сибири»¹¹⁰. Несомненно, что именно Валериан Казимирович Грушецкий присутствует в списках политических ссыльных 1865 г., высланных в Канский округ Енисейской губернии (записан 36-летним, католиком, холостым)¹¹¹. В 1873 г. по причине смягчения приговоров переехал из Енисейской губернии на поселение в Вятскую губернию, где жил до мая 1874 г.¹¹² Сведений о его возвращении на Могилевщину нет.

96.62. Игнатий Казимирович (1832 — после 1853).

97.62. Каролина Казимировна (1832 — вероятно, до 1853).

98.62. Михалина Казимировна (1820–30-е гг. — после 1853).

99.62. Анастасия Казимировна (1820–30-е гг. — после 1853).

VIII колено.

100.63. Сабина Ивановна (01.07.1861 — вероятно, до 1870)
(от 1-го брака отца).

101.63. Фелициан Иванович (04.08.1862 — вероятно, до 1890)
(от 1-го брака отца).

102.63. Франц (Франтишек) Иванович (ок. 1865 — ок. 1946)
(от 1-го брака отца). По воспоминаниям родственников, был очень сильным и здоровым человеком: ходил охотиться на медведя. Имел хороший певческий голос (Рис. 32).

Жена (с 1896 г.) Мария Казимировна, ур. Плохоцкая (ок. 1875 — начало 1912), сестра Юзефы Казимировны, ур. Плохоцкой, жены брата Франца Ивановича — Каегана (Константина) Ивановича (104. 63).

103.63. Петр Иванович (10.01.1871 — возможно, после 1896)
(от 2-го брака отца).

¹⁰⁸ Там же. Д. 1. Л. 170.

¹⁰⁹ Там же. Л. 32.

¹¹⁰ Списки политических преступников, лишенных по суду прав состояния, имущество коих подлежит конфискации в казну, 1864 г. URL: <http://kdkv.narod.ru/1864/Ss-Spis-prestupnikov.html#04> (дата обращения: 16.09.2021).

¹¹¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 15. Л. 110, 111, 127, 132 об. — 133.

¹¹² Библиографический справочник участников восстания 1863–1864 гг., находившихся под надзором полиции в Вятской губернии. URL: <http://kdkv.narod.ru/1864/Ssilka-Vyatka.html#04> (дата обращения: 16.09.2021).

Рис. 32. Франц (Франтишек) Иванович Грушецкий (102.63) (сидит) с сыновьями Иваном (Яном) (164.102) (слева) и Фомой (Томашем, Эдуардом) (167.102), 1920-е гг. Фотография из архива Н. О. Процаковой

104.63. Каетан (Константин) Иванович (14.09.1873–19.03.1938) (от 2-го брака отца). Крещен с именем Каетан, в позднейших официальных документах проходит как Константин, поэтому отчества его детей — Константиновичи (Рис. 33). Проживал с семьей в собственном доме в окрестности Отнянка Могилевского уезда. Как было сказано выше, в это время в его семье жил некий престарелый родственник, помогавший по хозяйству, о котором можно думать, что это вернувшийся из ссылки осужденный за участие в восстании 1863–64 гг. дядя Каетана Николай Степанович (68.49) (Рис. 34). В 1930 г. семья Каетана Ивановича была «раскулачена» и выселена в Пермский край. Отобранный семейный дом из Отнянки был перенесен в соседнюю деревню Вендорож, где использовался под амбулаторию и сохранился донныне (Рис. 35). Приблизительно в 1933 г. бежавшая из ссылки и вернувшаяся на Могилевщину дочь Каетана Ивановича Адольфина (172.104) добилась возвращения на родину своих престарелых родителей, которые поселились в деревне Гаи под Могилевом, в семье старшей дочери Каетана Ивановича Юлии (168.104), избежавшей ссылки.

Рис. 33. Каетан (Константин) Иванович Грушецкий (104.63), его жена Юзефа Казимировна, их дети: крайний слева Витольд (Виталий(?), Виктор) (171.104), сидит внизу в центре Станислав (169.104), справа Иосиф (Юзеф) (170.104), во втором ряду слева Адольфина (172.104), справа Юлия (168.104), в центре Петрунела Казимировна Геляшевич, ур. Плохоцкая, сестра Юзефы Казимировны, 1915 г., Могилев.
Фотография из архива Н. О. Процаковой

Жена (с 1902 г.) Юзефа Казимировна, ур. Плохоцкая (19.03.1879–28.02.1950), сестра Марии Казимировны, ур. Плохоцкой, жены брата Каетана Ивановича – Франца (Франтишка) Ивановича (102.63).

105.63. Иосиф (Юзеф) Иванович (10.07.1875 – возможно, до 1888) (от 2-го брака отца).

106.63. Григорий Иванович (11.03.1877 – вероятно, 13.10.1937) (от 2-го брака отца). В советские годы был репрессирован. По всей видимости, именно он значится на сайте жертв политического террора в СССР (хотя дата и место его рождения указаны неточно): поляк, неграмотный, земледelec, единоличник, на момент ареста 19 сентября 1937 г. проживал в деревне Оглобля (Мирополь, современная Славянка) Круглянского района Могилевской области; обвинен в антисоветской и контрреволюционной деятельности против мероприятий советской власти, 28 сентября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 13 октября 1937 г.; реабилитирован в 1989 г.¹¹³

¹¹³ Грушецкий Григорий Иванович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797512> (дата обращения: 16.09.2021).

Рис. 34. Каетан (Константин) Иванович Грушецкий (104.63) (сидит в центре) с дочерью Яниной (Еленой) (173.104) на руках, его жена Юзефа Казимировна (сидит справа), рядом с Каетаном Ивановичем сидит, возможно, его дядя Николай Степанович (68.49), другие дети Каетана Ивановича и Юзефы Казимировны: слева сидит Иосиф (Юзеф) (170.104), за ним стоит Юлия (168.104), внизу в центре сидит Витольд (Виталий(?), Виктор) (171.104), правее сзади стоят Станислав (169.104) и Адольфина (172.104) – рядом с собственным домом, 1921 г., деревня Отнянка близ Могилева. Фотография из архива Н. О. Процаковой

Жена (с 1906 г.) Розалия Феликсовна, ур. Худолей (Ходолей) (ок. 1884 — после 1909), приходилась мужу четвероюродной племянницей.

107.63. Юзефа Ивановна, в замужестве [Ивановская] (вероятно, 1870-х гг. — после 1913) (от 2-го брака отца).

Муж (с 1896 г.) Антон Ивановский (2-я пол. XIX в. — после 1913).

108.63. Игнатий Иванович (06.10.1880 — после 1915) (от 2-го брака отца). Участник Первой мировой войны: служил в 404-й Могилевской дружине государственного ополчения, имел звание ефрейтора¹¹⁴. Был женат.

¹¹⁴ Грушецкий Игнатий Иванович // Памяти героев Великой войны (1914–1918). URL: [https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital845601/?bac_kurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DГрушецкий%26birth_place_gubernia%](https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital845601/?bac_kurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DГрушецкий%26birth_place_gubernia%26)

Рис. 35. Правнучка Каетана (Константина) Ивановича Грушецкого (104.63) (внучка его дочери Адольфины (172.104)) Наталья Олеговна Процакова со своим сыном Яном Витовтом Юрьевичем Процаковым (восьмиюродный брат автора статьи) возле дома прадеда, деревня Вендорож, Могилевская область, Белоруссия, 2011 г. Фотография из архива Н. О. Процаковой

109.71. Мария Мартиновна, в замужестве Зановская (10.12.1858 — после 1900) (от 1-го брака отца).

Муж (с 1883 г.) Мечислав Казимирович Зановский (ок. 1857 — после 1886).

110.71. Григорий (Гжегож) Мартинович (27.01.1860–01.11.1925) (от 1-го брака отца). В анкете за 1919 г. его национальность значится польской, родным языком — польский¹¹⁵. Судя по должностям, которые занимал впоследствии, он получил высшее юридическое образование: имел звание кандидата права, служил в Пензе присяжным поверенным¹¹⁶. Занимался в Пензе общественной деятельностью.

3Дмогилёвская%26groups%3Dawd%3Aprtr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneny%3Apotery_voennoplen%3Afrclist%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1%26middle_name%3Диосифович (дата обращения: 16.09.2021).

¹¹⁵ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 127. Л. 319.

¹¹⁶ Адрес-календарь служащих в Пензенской губ. на 1895 г. Пенза, 1895. С. 20.

Жена (с 1887 г.) Евгения Матвеевна, ур. Оношко (Аношко) (04.07.1865–10.12.1934). Ее сестра Мария Матвеевна (22.09.1863 — после 1903) была второй женой Игната (Игнатия) Терентьевича Буйницкого (10.08.1861–09.09.1917), театрального деятеля, основоположника белорусского национального театра.

В 1904 г. Евгения Матвеевна вместе с инженером путей сообщения, деятелем Пензенской земской управы В. Ю. Росселем стала совладелицей в Пензе типолитографии¹¹⁷, одной из самых больших в городе. В это самое время Россель помог самарским большевикам приобрести оборудование для подпольной типографии созданного в Самаре осенью 1903 г. Восточного бюро ЦК РСДРП, предоставлял свою квартиру для нелегальных литературных грузов¹¹⁸. Возможно, и Евгения Матвеевна была причастна к революционной деятельности, поскольку в 1905 г. ее имя значилось в списке департамента полиции лиц, входивших в состав пензенского комитета партии социалистов-революционеров (эсеров), но к дознанию она не привлекалась¹¹⁹. 1 апреля 1913 г. от Евгении Матвеевны типолитография (причем ее директором был младший брат мужа Евгении Матвеевны Валериан Мартинович (112.71)) перешла к ее сестре — Елизавете Матвеевне, жене Валериана Мартиновича¹²⁰. По всей видимости, это была семейная сделка.

Григорий Мартинович, вероятно, в 1910-х гг. значился председателем благотворительного общества и куратором школы, очевидно, при католическом приходе Пензы, Евгения Матвеевна значилась руководительницей этой школы. Об этом известно из надписи (на польском языке) на обороте фотографии, на которой супруги Грушецкие присутствуют в окружении учителей и учеников школы (Рис. 36, 37). Евгения Матвеевна была также библиотекарем при пензенском костеле (Рис. 38).

После революции Григорий Мартинович с женой уехали в Польшу, в Силезию. Григорий Мартинович завещал пензенскому костелу свою библиотеку, которая в конечном счете попала в пензенскую Общественную библиотеку имени М. Ю. Лермонтова¹²¹.

¹¹⁷ ГАПО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

¹¹⁸ *Рутберг Г. Н.* Восточное бюро ЦК РСДРП. Куйбышев, 1965. С. 21.

¹¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 233а. Д. 80. Ч. 8. Л. 23 об.

¹²⁰ ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 93. Л. 65.

¹²¹ Эти сведения, а также сведения о потомках Валериана Мартиновича

Рис. 36. Григорий Мартинович и Евгения Матвеевна Грушецкие (сидят в центре) среди учеников и учителей школы, очевидно, при пензенском католическом приходе, 1910-е(?) гг., Пенза (ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 6. Д. 1094)

Пенза
 Prezes Tzw. Dobroczynnosci i Kurator Szkoly
 Gregor Gruszecki
 Kierowniczka szkoly Eugenia Gruszecka
 Nauczycielki i dzieci ze szkoly
 S. Porczyńska
 K. Zarembo.

Рис. 37. «Пенза. Председатель благотворительного общества и куратор школы Грегор Грушецкий, руководительница школы Евгения Грушецкая. Учительницы и дети школы С. Починская, К. Зарембо». Надпись на обороте фотографии. (ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 6. Д. 1094)

Рис. 38. Католический храм в честь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, 1906 г., Пенза. Фотография 1910-х гг., предоставлена сайтом «Фотостарина» (<http://fotostarina.ru/penza/?a=prgor&p=penza&page=3>)

111.71. Розалия-Екатерина Мартиновна (18.04.1862 — до 1880) (от 1-го брака отца).

112.71. Валериан-Валенс(Валеж) Мартинович (21.05.1864–02.06.1924) (от 1-го брака отца). По состоянию на 1886 г. обучался в Санкт-Петербургском университете¹²². На 1913–14 гг. имел высокий чин статского советника и заведовал в Пензе типолитографией¹²³, перешедшей к его семье, как отмечалось выше, от сестры его жены — Евгении Матвеевны Грушецкой (см. в 110.71). Вероятно, после 1919 г. с семьей эмигрировали в Польшу.

Жена (с 1897 г.) Елизавета (Эльжбета) Матвеевна, ур. Оношко (1875–29.06.1923), сестра Евгении Матвеевны и Марии Матвеевны (см. в 110.71).

(112.71) предоставлены шведскими родственниками семьи Оношко.

¹²² ГАПО. Ф. 42. Оп. 10. Д. 103. Л. 84.

¹²³ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 93. Л. 65, 66.

113.71. Петр-Мартин Мартинович (02.11.1866 — до 1881) (от 1-го брака отца).

114.71. Иван Мартинович (20.12.1867–22.11.1917) (от 1-го брака отца). Получил образование в Петербурге: в 1885–89 гг. учился в реальном училище Гуревича, затем — в Лесном институте, но полного курса не окончил; служил нотариусом в Пензе¹²⁴. Владел имением при селе Посопная Пелетьма Мокшанского уезда Пензенской губернии¹²⁵. В этом имении в ноябре 1917 г. он вместе с женой был жестоко убит толпой крестьян¹²⁶. Описание убийства присутствует в мемуарах Р. Гуля (см. также в 71.53) «Я унес Россию»¹²⁷. Из пострадавших при советской власти моих родственников Иван Мартинович — первый по хронологии.

Жена Ольга Аполлоновна, ур. Соболева (2-я пол. XIX в. — 22.11.1917).

115.71. С большой долей вероятности **Агрипина (Агрипшина) Мартиновна** (ок. 1869 — после 1881) (от 1-го брака отца).

116.71. Констанция-Феодора Мартиновна (01.04.1870 — до 1880) (от 1-го брака отца).

117.71. Станислав-Антоний(Антон) Мартинович (ок. 1871 — до 1880) (от 1-го брака отца).

118.71. Иоанна Мартиновна (21.12.1873 — до 1881) (от 2-го брака отца).

119.71. Леокадия-Мария Мартиновна (09.12.1876 — ок. 1930) (от 2-го брака отца) (Рис. 39). Воспитывалась в Пензенской женской гимназии, окончила 2 курса медицинского факультета Женевского университета, в 1900 г. «по обвинению в государственном преступлении» за ней в Пензе на 2 года был установлен гласный надзор полиции¹²⁸. Известно, что Женева того времени являлась центром российской социал-демократии. Леокадия Мартиновна, судя по обстоятельствам ее жизни, была женщиной эмансипированной, свободной. Намереваясь продолжить медицинское образование, она в 1902 г., в день завершения полицейского надзора за ней, подала прошение о выдаче ей свидетельства об отсутствии препятствий к ее

¹²⁴ Там же. Ф. 42. Оп. 10. Д. 124. Л. 1 об., 9–11.

¹²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10264.

¹²⁶ Там же. Ф. П-6028. Оп. 4. Д. 12. Л. 102 (машинописная копия из газеты «Пензенская речь», 28 ноября 1917 г. № 80).

¹²⁷ Гуль Р. Я унес Россию. Москва, 2001. Т. 1. С. 43.

¹²⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7188. Л. 24–24 об.

поступлению в «1-ю Харьковскую зубоврачебную школу Заговалова и Кривопускова»¹²⁹. Очевидно, идея обучения в Харькове была реализована, так как менее чем через год именно в Харькове у нее родилась дочь. При этом в браке Леокадия Мартиновна не состояла. Отцом ее внебрачной дочери Чеславы-Софии Николаевны, в замужестве Преде (см. рис. 48), согласно семейному преданию, был некий морской офицер Высоцкий, погибший во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

120.71. Казимира-Пелагея Мартиновна, в замужестве Василевская (28.02.1878 — после 1908) (от 2-го брака отца).

Муж (с 1897 г.) Франц(Франциск)-Клеменс Францевич Василевский (ок. 1869 — после 1901).

121.71. Мартин Мартинович (13.10.1879–21.07.1888) (от 2-го брака отца). Утонул при купании в реке Пенза.

122.71. Станислав Мартинович (15.11.1881 — после 1909) (от 2-го брака отца). Учился в Пензе в Селиверстовском рисовальном училище¹³⁰, очевидно, в 1900-е гг. учился также в Петербурге в Академии художеств, стал художником, выставлял свои работы на выставках в Париже (Рис. 41).

Неофициальная жена Екатерина Брюквина (2-я пол. XIX в. — после 1909). Двум дочерям от нее Станислав Мартинович дал свою фамилию, заботился о них.

123.71. Агнешка(Агнесса)-София Мартиновна (01.01.1883–?) (от 2-го брака отца).

124.71. Петр Мартинович (26.11.1884–?) (от 2-го брака отца).

125.72. Александр Альбертович (14.03.1872 — после 1902) — незаконнорожденный сын жены Альберта Григорьевича (72.53); по всей видимости, был усыновлен Альбертом Григорьевичем и по его прошению в 1875 г. причислен к роду Грушецких¹³¹.

126.72. София Альбертовна (29.12.1874 — после 1903).

127.72. Григорий Альбертович (28.08.1876 — после 1903).

128.72. Мария Альбертовна (30.03.1879–?).

129.83. Карл Иванович (04.11.1847 — после 1886).

Жена (с 1876 г.) Малгожата (Маргарита) Антоновна, ур. Доморацкая (Домарацкая) (сер. XIX в. — после 1886).

130.83. Терезия (Тереза) Ивановна (ок. 1853–55 — после 1870).

¹²⁹ Там же. Л. 243.

¹³⁰ Там же. Ф. 42. Оп. 10. Д. 103. Л. 16.

¹³¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 5128. Л. 390.

Рис. 39. Леокадия-Мария Мартиновна Грушецкая (119.71), конец XIX в.(?), Пенза. Фотография из архива С. П. Прокопчука

Рис. 40. Сергей Павлович Прокопчук, внук Чеславы-Софии Николаевны Преде, правнук Леокадии-Марии Мартиновны Грушецкой (119.71), 2000-е гг. Фотография из архива С. П. Прокопчука

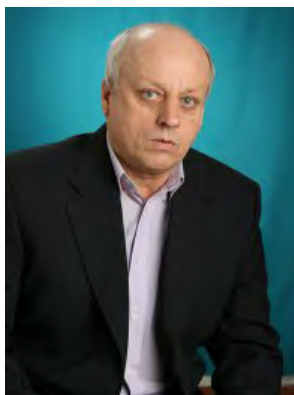

Рис. 41. Станислав Мартинович Грушецкий (122.71), начало XX в. Фотография из архива С. П. Прокопчука

131.83. Иозефина (Юзефа) Ивановна, в замужестве Лысковская (ок. 1856–59 — после 1886).

Муж (с 1877 г.) Василий Лысковский (сер. XIX в. — после 1886).

132.83. Николай (Миколай) Иванович (01.04(или05).1860 — после 1907).

Жена (с 1885 г.) Мальвина Антоновна, ур. Радовская (Родовская) (2-я пол. XIX в. — после 1907).

133.83. Антон (Антоний) Иванович (06.06.1863 — после 1914).

Жена Юзефа, ур. Зенькович (2-я пол. XIX в. — после 1914).

134.85. Франциска (Франтишка) Исидоровна, в замужестве Худолей (ок. 1854–55 — вероятно, после 1896).

Муж Ефим (Яхим, Яким, Иахим, Иоахим) Иосифович Худолей (Ходолей) (ок. 1839 — вероятно, после 1896), брат Феликса Иосифовича Худолея, мужа сестры Франциски Исидоровны — Анны Исидоровны (135.85).

135.85. Анна Исидоровна, в замужестве Худолей (ок. 1856 — вероятно, после 1893).

Муж (с 1875 г.) Феликс Иосифович Худолей (Ходолей) (ок. 1841 — вероятно, после 1893), брат Ефима Иосифовича Худолея, мужа сестры Анны Исидоровны — Франциски Исидоровны (134.85).

136.85. Викентий Исидорович (25.08.1858 — вероятно, после 1895).

Женой его, вероятно, была Евдокия, ур. Плохоцкая (вероятно, 1860-е гг. — вероятно, после 1895).

137.85. Антонина Исидоровна, в замужестве Радовская (Родовская) (11.06.1861 — после 1887).

Муж (с 1882 г.) Иосиф Антонович Радовский (Родовский) (сер. XIX в. — после 1887). Можно предположить, что это брат Мальвины Антоновны, ур. Радовской, жены двоюродного брата Антонины Исидоровны — Николая (Миколая) Ивановича (132.83).

138.85. Фома (Томаш) Исидорович (10.11.1863 — после 1909).

Жена (с 1891 г.) Каролина Ивановна, ур. Можейко (Мажейко) (ок. 1873 — после 1907).

139.85. Агния (Агнесса, Агнешка) Исидоровна (19.04.1866 — после 1870).

140.85. Иозефа (Юзефа) Исидоровна (05.09.1869–?).

141.86. Андрей Доминикович (17.12.1858 — после 1908).

Жена (с 1887 г.) Виктория Иосифовна, ур. Харкевич (ок. 1865 — вероятно, после 1913).

142.86. Иосиф Доминикович (06.10.1860 — после 1895).

Жена (с 1885 г.) Паулина Николаевна, ур. Плохоцкая (ок. 1864 — после 1915), четвероюродная сестра своего мужа (см. рис. 52).

143.86. Августин Доминикович (28.08.1862 — после 1865).

144.86. Павел Доминикович (ок. 1864 — после 1865).

145.86. Карл Доминикович (23.10.1868 — после 1897).

Жена (с 1894 г.) Варвара (Барбара) Викентьевна, ур. Стражевич (Стражевская) (ок. 1875 — после 1897).

146.86. Иван (Ян) Доминикович (31.08.1871 — после 1913).

Жена Агафья, ур. Гречихина (2-я пол. XIX в. — после 1913).

147.86. Антон (Антоний) Доминикович (28.07.1873 — вероятно, до 1882).

148.86. Александр Доминикович (07.06.1875 — вероятно, до 1882).

149.86. Альфонс Доминикович (ок. 1876 — 25.09.1877).

150.88. Агнесса (Агнешка) Павловна, в замужестве Корзун (17.01.1874 — после 1918).

Первый муж (с 1904 г.) Никон Иосифович Залеский (ок. 1870 — ?). Второй муж Леон Корзун (2-я пол. XIX в. — ?).

151.88. Гавриил Павлович (24.03.1876–1930(?)). 25 февраля 1930 г. был арестован, значился крестьянином, имевшим единоличное хозяйство, обвинялся в антисоветской агитации, 3 марта 1930 г. приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован в 1989 г.¹³² После его расстрела трое его детей (жены уже не было в живых) были высланы в Свердловскую область на лесозаготовки.

Жена (с 1911 г.) Марианна Иосифовна, ур. Томашевич (ок. 1888–1922).

152.88. Иосиф Павлович (25.09.1878–10.08.1879).

153.88. Мария Павловна (03.04.1885–?).

154.88. Александр Павлович (30.12.1887 — после 1926).

155.88. Юлия Павловна (15.05.1890 — после 1950).

156.91. Виктор Петрович (26.07.1881–28.09.1937). Первый раз был репрессирован в декабре 1929 г.: из Белоруссии выслан на 3 года в город Котлас. Его жену с тремя малолетними детьми, вероятно, в январе–феврале 1930 г., выслали в Пермский край. Вернулся на родину, семья оставалась в ссылке. Повторно был арестован в городе Шклове 6 августа 1937 г., обвинен в антисоветской агитации, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян в Могилеве;

¹³² Грушецкий Гавриил Павлович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797511> (дата обращения: 16.09.2021).

Рис. 42. Виктор Петрович
Грушецкий, ок. 1924 г.
Фотография из архива
А. Е. Козловой

Рис. 43. Екатерина Викентьевна
Грушецкая, ур. Плохоцкая, ок. 1924 г.
Фотография из архива
А. Е. Козловой

реабилитирован в 1989 г.¹³³ Семья получила освобождение из ссылки только в 1947 г.

Жена Екатерина Викентьевна, ур. Плохоцкая (ок. 1887–1962)

157.91. Мария Петровна, в замужестве [Соколовская]
(26.05.1883 — после 1911).

Муж (с 1911 г.) Станислав Михайлович Соколовский (ок. 1882 — после 1911).

158.91. Станислав Петрович (09.01.1885 — после 1930), служил рядовым в царской армии. В феврале 1930 г. был арестован, значился крестьянином, обвинен в антисоветской агитации, 3 марта 1930 г. приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей; реабилитирован в 1989 г.¹³⁴

Жена Анна Казимировна (ок. 1895–?).

¹³³ Грушецкий Виктор Петрович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797510> (дата обращения: 16.09.2021); Памяць. Шклоўскі раён. Мінск, 1998. С. 141.

¹³⁴ Грушецкий Станислав Петрович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797514> (дата обращения: 16.09.2021).

159.91. Иван Петрович (06.10.1888–?).

160.91. Антонина Петровна, в замужестве Онихимовская (Анихимовская) (01.03.1892 – после 1958).

Муж Мартин (Мартын) Петрович Онихимовский (Анихимовский) (ок. 1883–1972).

Рис. 44. Антонина Петровна Онихимовская (Анихимовская), ур. Грушецкая, ок. 1958 г. Фотография из архива А. Е. Козловой

161.91. Эдуард Петрович (1894–20.12.1937). В 1917 г. (во время Первой мировой войны) в Иркутске окончил школу прапорщиков, служил прапорщиком в пехоте, в 1918–22 гг. служил в Красной Армии в пехоте в качестве командира роты¹³⁵.

В феврале 1930 г. арестован, значился крестьянином, имевшим единоличное хозяйство, обвинен в антисоветской агитации, 3 марта 1930 г. приговорен к высылке в Северный край¹³⁶. Находясь на поселении на Северном Урале, 14 апреля 1931 г. вновь был арестован,

¹³⁵ Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. Управление по Витебской области. Архивная справка 10/409нс от 01.04.2013 по архивному прекращенному уголовному делу 1930 г. в отношении Грушецкого Э. П. Л. 1.

¹³⁶ Там же; Грушецкий Эдуард Петрович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797516> (дата обращения: 16.09.2021).

20 июля 1931 г. осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей¹³⁷. Пребывая в лагере под Магаданом, несколько раз, по рассказам его родственников, пытался бежать, в 1933 г. арестован в третий раз, 17 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, 20 декабря 1937 г. расстрелян; реабилитирован в 1989 г.¹³⁸

Жена (с 1925 г.) Валерия Станиславовна, ур. Чеславская (ок. 1904 — после 1970).

IX колено.

162.102. Юзефа Францевна, в замужестве Хорощо (1897–1989) (Рис. 45).

Муж Владимир Хорощо (кон. XIX в. — ?).

163.102. Виктория Францевна (1898–18.11.1914).

164.102. Иван (Ян) Францевич (1900 — вероятно, 1930-е гг.) (см. рис. 32).

Жена Тереза (вероятно, нач. XX в. — не ранее 1930-х гг.).

165.102. Анна Францевна, в замужестве Щербо (03.04.1902–03.02.1956) (Рис. 45).

Муж Альберт Иосифович Щербо (ок. 1892–?).

166.102. Казимир Францевич (13.08.1908–?).

167.102. Фома (Томаш, Эдуард) Францевич (28.03.1911–08.10.1981). В советских документах его имя Фома (Томаш) было заменено на Эдуард (см. рис. 32).

Первая жена Петрунела, ур. Шимановская (нач. XX в. — 1942–44). Вторая жена Мария (1-я пол. XX в. — ?).

168.104. Юлия Константиновна, в замужестве Около-Кулак (1903–1962). Проживала с мужем в деревне Гаи под Могилевом, из-за чего избежала ссылки в 1930 г. своей родительской семьи в Пермский край; примерно в 1933 г. приняла в свой дом вернувшихся из ссылки престарелых родителей (см. рис. 33, 34).

Муж Антон (Антоний) Около-Кулак (рубеж XIX–XX вв. — 1938(?)), репрессирован.

169.104. Станислав Константинович (1906 — ок. 1950). В 1930 г. с родительской семьей был сослан в Пермский край; 13 февраля 1938 г.

¹³⁷ Грушецкий Эдуард Петрович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2070545> (дата обращения: 16.09.2021).

¹³⁸ Грушецкий Эдуард Петрович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/1451081> (дата обращения: 16.09.2021).

Рис. 45. Юзефа Францевна (162.102)
(справа) и ее младшая сестра
Анна Францевна (165.102)
Грушецкие, ок. 1916 г.
Фотография из архива
Н. О. Прочаковой

Рис. 46. Иосиф (Юзеф)
Константинович
(162.102) (справа),
его брат Витольд
(Виталий(?), Виктор)
Константинович (171.104)
и сестра Янина (Елена)
Константиновна (173.104)
Грушецкие, 1950-е гг.
Фотография из архива
Н. О. Прочаковой

там арестован, за отсутствием состава преступления дело прекращено¹³⁹. Погиб в шахте (см. рис. 33, 34).

170.104. Иосиф (Юзеф) Константинович (21.03.1908 — кон. 1960-х гг.). В 1930 г. с родительской семьей был сослан в Пермский край (см. рис. 33, 34, 46).

171.104. Витольд (Виталий(?), Виктор) Константинович (вероятно, 15.03.1910 — кон. 1960-х гг.). В 1930 г. с родительской семьей был сослан в Пермский край, остался там, там же родились его дети. (см. рис. 33, 34, 46).

172.104. Адольфина Константиновна, в замужестве Мельникова (23.08.1914–07.12.1983). В 1930 г. с родительской семьей была сослана в Пермский край. Приблизительно в 1931 г. (17-летней девушкой) бежала из ссылки, пешком по железнодорожным путям добралась до Могилева, где ее приютил железнодорожник, ставший впоследствии ее мужем. Около 1933 г. вместе со старшей сестрой Юлией Константиновной (168.104) добилась возвращения из ссылки родителей (см. рис. 33, 34).

Муж Павел Антонович Мельников (1905–1976).

173.104. Янина (Елена) Константиновна (30.12.1920–1996). Избежала ссылки с родительской семьей в Пермский край, поскольку ее прятали у себя родственники. Участница Великой Отечественной войны, лейтенант медицинской службы, награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями¹⁴⁰ (см. рис. 34, 46, 47).

¹³⁹ Грушецкий Станислав Константинович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/1782714> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁴⁰ Грушецкая Елена Константиновна 1920 г. р. // Подвиг народа (1941–1945). URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92600307/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%93%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F%26first_name%3D%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0%26middle_name%3D%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Dba71e5072b45c5320eefd3f6ab97646dv1%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmfm%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_

*Рис. 47. Янина (Елена)
Константиновна Грушецкая,
1940-е гг.
Фотография из архива
Н. О. Процаковой*

Муж Александр Приходько (1-я пол. XX в. — ?).

174.106. Екатерина Григорьевна (14.02.1907—?).

175.106. Иван Григорьевич (06.03.1908—?). По сведениям родственников, после революции 1917 г. эмигрировал в США.

176.106. Антонина Григорьевна (25.01.1909—?), родилась в деревне Ольшаники. Это последнее документированное свидетельство о связях Грушецких с их старинным именем Ольшаники.

177.112. Регина-Мария Валериановна, в замужестве Фреунд-Красицкая (16.07.1898 — после 1924). Вероятно, с родительской семьей после 1918 г. эмигрировала в Польшу.

Муж (с 1920) Николай Фреунд-Красицкий (01.06.1888 — после 1924).

178.112. Станислав-Ян Валерианович (19.05.1900—1940). Вероятно, с родительской семьей после 1918 г. эмигрировал в Польшу. В 1919 г. поступил на службу в Войско Польское, служил в полку уланов. На стороне Польши был участником советско-польской войны 1920 г. После ранения в 1921 г. служил в пехоте. В 1937 г. вышел в отставку в чине капитана. После присоединения в 1939 г. к СССР западных областей Украины и Белоруссии Станислав-Ян оказался на территории СССР и был арестован. В составе группы польских офицеров в 1940 г. расстрелян под Харьковом. Его имя выбито на памятных досках в главном соборе польской армии в Варшаве.

gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=smperson_guk1065167095 (дата обращения: 16.09.2021).

Первая жена Анатолия-Иоланта, ур. Буйницкая (09.08.1903–22.02.1929), младшая дочь И. Т. Буйницкого (см. в 110.71 и в 112.71), приходившаяся своему мужу двоюродной сестрой. Вторая жена Ванда-Мария (18.04.1912 — после 1939)¹⁴¹.

179.112. Владислав Валерианович (26.10.1901 — после 1929). Вероятно, с родительской семьей после 1918 г. эмигрировал в Польшу.

Жена (с 1929 г.) Янина-Антонина, ур. Бернацкая (05.07.1904 — после 1929).

180.112. Евгений-Генрих Валерианович (01.01.1904 — после 1935). Вероятно, с родительской семьей после 1918 г. эмигрировал в Польшу.

Жена (с 1930 г.) Ирена, ур. Фебровская (вероятно, нач. XX в. — после 1935).

181.112. Марьян Валерианович (1905–14.02.1908).

182.112. Мария-Людвика Валериановна, в замужестве Шелига (02.02.1909 — после 1940). Вероятно, с родительской семьей после 1918 г. эмигрировала в Польшу.

Муж (с 1940 г.) Феликс Шелига (вероятно, нач. XX в. — после 1940).

183.114. Мария Ивановна, в замужестве Здроевская (Здраевская) (ок. 1894 — после 1920-х гг.).

Муж (с 1914 г.) Бронислав(Болеслав)-Юлиуш Петрович Здроевский (Здраевский) (ок. 1882 — после 1920-х гг.).

184.122. Ольга Станиславовна, в замужестве Гребенюк (21.12.1907–20.05.1988) (Рис. 48, 49).

Муж (с 1924 г.) Дмитрий Михайлович Гребенюк (вероятно, нач. XX в. — возможно, 1943).

185.122. Мария Станиславовна, в замужестве Болтунова (23.04.1909–1996 или 1997) (Рис. 48, 51).

Муж Максим Болтунов (вероятно, нач. XX в. — ?).

186.129. Александр Карлович (20.07.1877–?).

187.129. Петр Карлович (ок. 1880–1884).

188.129. Анелия Карловна (ок. 1881–?).

189.129. Иосиф Карлович (вероятно, 24.01.1885–?).

¹⁴¹ Fotografia: Gruszecki Stanisław // Muzeum Katyńskie. URL: http://www.muzeumkatynskie.pl/pl/49988/11387/fotografia_gruszecki_stanislaw_mk_1088_ic.html (дата обращения: 16.09.2021), кроме того, сведения о нем и обо всех потомках Валериана Мартиновича (112.71) предоставлены, как говорилось выше, шведскими родственниками семьи Оношко. Вероятно, все даты, в том числе и до 1918 г., даются ими по новому стилю.

Рис. 48. Ольга Станиславовна Гребенюк, ур. Грушецкая (184.122) (справа), Мария Станиславовна Болтунова, ур. Грушецкая (185.122) (в центре), Чеслава-София Николаевна Преде, ур. Грушецкая (см. в 119.71) (слева), 1930-е(?) гг. Фотография из архива С. П. Прокопчука

Рис. 49. Ольга Станиславовна Гребенюк, ур. Грушецкая (184.122), 1960-е(?) гг. Фотография из архива Н. С. Филатовой

Рис. 50. Наталья Сергеевна Филатова, правнучка Ольги Станиславовны (184.122) и Дмитрия Михайловича Гребенюков, семиюродная сестра автора статьи, 2010-е гг. Фотография из архива Н. С. Филатовой

190.129. Иван (Ян) Карлович
(ок. 1886–1888).

191.132. Бронислав Николаевич
(вероятно, 07.01.1886–?).

192.132. Юзефа Николаевна
(19.03.1888–?).

193.132. Феликс Николаевич
(20.03.1891–02.09.1891).

194.132. Роман Николаевич
(1892–?).

195.132. Павел Николаевич
(1895–?).

196.132. Петр Николаевич
(?–1898).

197.132. Людвика Николаевна
(?–1899).

198.132. Казимир Николаевич
(вероятно, 11.11.1902–?).

199.132. Владислав Николаевич
(24.10.1904 — 1-я пол. 1940-х гг.).

Пропал без вести во время Великой Отечественной войны.

Жена Евгения Федоровна, ур. Адамова (1911 — не ранее 1-й пол. 1940-х гг.).

200.132. Мария Николаевна (вероятно, 28.08.1907–?).

201.133. Розалия Антоновна (ок. 1898–?).

202.133. Агнесса (Агнешка) Антоновна (1904–?).

203.133. Мария Антоновна (ок. 1906–?).

204.133. Викентий Антонович (05.04.1911–?).

205.133. Станислава Антоновна (01.05.1914 — ?).

206.136. С большой долей вероятности **Анна Викентьевна,**
в замужестве Плохоцкая (ок. 1888 — после 1910).

Муж (с 1910 г.) Иван Иосифович Плохоцкий (ок. 1884 — после 1910).

207.136. С большой долей вероятности **Анастасия Викентьевна,**
в замужестве Доморацкая (ок. 1893 — после 1913).

Муж (с 1913 г.) Иосиф Федорович Доморацкий (ок. 1889 — после 1913).

208.136. С большой долей вероятности **Михаил Викентьевич**
(ок. 1895 — после 1923).

Жена (с 1923 г.) Антонина Яковлевна, ур. Янчевская (ок. 1901 — после 1923).

Рис. 51. Мария Станиславовна
Болгунова, ур. Грушецкая
(185.122), 1940-е(?) гг.
Фотография из архива
Н. С. Филатовой

209.138. Антон (Антоний) Фомич (28.07.1892–14.03.1938(?)), участник Первой мировой войны (рядовой, неграмотный)¹⁴². Вероятно, именно Антон Фомич присутствует в списках жертв политического террора в СССР: на момент ареста 7 февраля 1938 г. значился неграмотным, колхозником, обвинен в антисоветской агитации, 16 февраля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества, расстрелян в Минске 14 марта 1938 г.; реабилитирован в 1988 г.¹⁴³

Жена Элеонора, ур. Около-Кулак (вероятно, кон. XIX в. — после 1915).

210.138. Михалина Фоминична (09.09.1894–?).

211.138. Николай Фомич (30.11.1897–?).

212.138. Бронислав Фомич (21.01.1907–1949). Участник Великой Отечественной войны, награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁴⁴.

213.141. Иван Андреевич (24.12.1889–?).

214.141. Иосиф Андреевич (23.02.1891–06.02.1893).

215.141. Агнесса (Агнешка) Андреевна (ок. 1893–?).

¹⁴² Грушецкий Антон Фомич // Памяти героев Великой войны (1914–1918). URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital847181/ (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁴³ Грушецкий Антон Фомич // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797509> (дата обращения: 16.09.2021).

¹⁴⁴ Грушецкий Бронислав Фомич // Подвиг народа (1941–1945). URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero81008009/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%93%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9%26first_name%3D%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%26middle_name%3D%D0%A4%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Dba71e5072b45c5320eefd3f6ab97646dv1%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26groupperson%3D1&search_view_id=memorialchelovek_vpp1998743635 (дата обращения: 16.09.2021).

216.141. Альберт Андреевич (21.10.1894–1972).

217.141. Мария Андреевна (07.07.1897–1898).

218.141. Антонина Андреевна (04.06.1899–?).

219.141. Антон (Антоний) Андреевич (01.06.1904 – ?).

220.141. Станислава Андреевна (1908 – ?).

221.142. Феликс Иосифович (20.10.1885–16.07.1938(?)). Вероятно, именно Феликс Иосифович присутствует в списках жертв политического террора в СССР: на момент ареста 10 марта 1938 г. значился имевшим неполное начальное образование, колхозником колхоза им. Сталина, обвинен в шпионаже, 25 мая 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 16 июля 1938 г.; реабилитирован в 1961 г.¹⁴⁵

Жена (примерно с 1908 г.) Елизавета Ивановна, ур. Федкович (ок. 1888 – после 1912) (Рис. 52).

222.142. Валериан Иосифович (ок. 1886–25.08.1890).

223.142. Валерия Иосифовна (19.01.1887–?).

224.142. Иван (Ян, Ясь) Иосифович (03.10.1888 – после 1903).

225.142. Николай Иосифович (21.02.1890–31.05.1890).

226.142. Клотильда (Клеопатра) Иосифовна, в замужестве Оношко (03.04.1891 – нач. 1930-х гг.). В 1929 г. с мужем и пятью детьми была выслана из Белоруссии в поселок Юхта на Дальнем Востоке. Там работали на приисках. В начале 1930-х гг. Клотильда Иосифовна и ее муж умерли, их троих младших детей (самому младшему не исполнилось и года) забрали в детский дом; все дети выжили.

Муж Владислав Павлович Оношко (1874 – нач. 1930-х гг.) (Рис. 52).

227.142. Нимфа Иосифовна (ок. 1893–1893).

228.142. Луция (Люция) Иосифовна, в замужестве Федкович (05.08.1895 – приблизительно после 1940-х гг.). После расстрела мужа с клеймом жены «врага народа» осталась с шестью малолетними детьми (Рис. 52).

Муж Викентий Иванович(?) Федкович (вероятно, 1893 – вероятно, 08.10.1938), по свидетельству родственников, являлся председателем колхоза, был арестован, его обвинили в том, что он был женат на дворянке и якобы писал письма руководителю Польши Ю. Пилсудскому. По всей видимости, именно муж Луции Иосифовны присутствует в списках жертв политического террора в СССР: на момент

¹⁴⁵ Грушецкий Феликс Иосифович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797515> (дата обращения: 16.09.2021).

Рис. 52. Феликс Иосифович Грушецкий (221.142), сидит слева, за ним стоит его жена – Елизавета Ивановна, ур. Федкович, рядом с Феликсом Иосифовичем сидит его мать – Паулина Николаевна Грушецкая, ур. Плохоцкая (см. в 142.86), за ней стоит ее младшая дочь – Луция (Люция) Иосифовна (228.142), рядом с ней стоит ее старшая сестра – Клотильда (Клеопатра) Иосифовна, в замужестве Оношко (226.142), перед ней сидит ее муж – Владислав Павлович Оношко, 1-я пол. 1910-х гг. Фотография из архива Г. Джебелей

ареста 19 марта 1938 г. значился председателем колхоза им. Сталина Хрипелёвского сельсовета, обвинялся в шпионаже, 20 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания, 8 октября 1938 г. расстрелян в Минске; реабилитирован в 1960 г.¹⁴⁶ Место рождения, проживания, место работы В. И. Федковича такие же, как у Феликса Иосифовича Грушецкого (221.142), близки даты их арестов, идентичны обвинения и приговоры. По всей видимости, Феликс Иосифович был женат на родной сестре В. И. Федковича.

229.145. Владислав Карлович (20.02.1897–?).

230.146. Станислава Ивановна (07.01.1913–?).

231.151. Евгений Гаврилович (ок. 1912 – не ранее 1930-х гг.).

После расстрела в 1930 г. отца вместе с братом Эдуардом (232.151)

¹⁴⁶ Федкович Викентий Иванович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2850654> (дата обращения: 16.09.2021).

и сестрой Вандой (234.151) выслан в деревню Васьково Свердловской области на лесозаготовки.

232.151. Эдуард Гаврилович (1913 — не ранее 1930-х гг.). После расстрела в 1930 г. отца вместе с братом Евгением (231.151) и сестрой Вандой (234.151) выслан в деревню Васьково Свердловской области на лесозаготовки.

233.151. Ирэн (Ирина) Гавриловна, в замужестве Воронович (1916 — ок. 2000). После расстрела в 1930 г. отца по счастливой случайности в отличие от братьев и сестры избежала ссылки в Свердловскую область: во время высылки ее не оказалось дома, она гостила у родственников в Витебске.

234.151. Ванда Гавриловна, в замужестве Галимович (01.11.1918–14.04.2011). После расстрела в 1930 г. отца вместе с братьями Евгением (231.151) и Эдуардом (232.151) была выслана в деревню Васьково Свердловской области на лесозаготовки. Через какое-то время братьям удалось вернуть ее в Белоруссию к родственникам.

Муж Алексей Семенович Галимович (нач. XX в. — 1974).

235.156. Бронислава Викторовна (04.07.1916–?).

236.156. Станислава Викторовна (03.03.1918 — вероятно, до мая 1919).

237.156. Станислава Викторовна, в замужестве Костина (10.05.1919–22.05.1997). В 1930 г., после ссылки отца, с матерью и братьями Эдуардом (238.156) и Евгением (239.156) была выслана в Пермский край. Освобождение получила в 1947 г. (Рис. 53).

Муж Егор Романович Костин (1919–1984).

238.156. Эдуард Викторович (08.09.1920–2002). В 1930 г., после ссылки отца, с матерью, сестрой Станиславой (237.156) и братом Евгением (239.156) был выслан в Пермский край. Освобожден в 1947 г.

Жена Виктория Дмитриевна, ур. Комарова (1922–2020).

239.156. Евгений Викторович (ок. 1926 — до 1936). В 1930 г., после ссылки отца, с матерью, сестрой Станиславой (237.156) и братом Эдуардом (238.156) был выслан в Пермский край, где умер.

X колено.

240.164. Бронислав (Болеслав, Болислав) Иванович (1923–1980-е гг.), участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Грушецкий Болислав Иванович // Подвиг народа (1941–1945). URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero76483043/?backurl=%2>

Рис. 53. Станислава Викторовна Костина, ур. Грушецкая (237.156), ок. 1946 г. Фотография из архива А. Е. Козловой

Рис. 54. Анеля Егоровна Козлова, ур. Костина, дочь Станиславы Викторовны (237.156) и Егора Романовича Костиных, 2019 г. Фотография из архива А. Е. Козловой

241.164. Анна Ивановна (1920–30-е гг. — ?).

242.164. Елена (Гэлена, Галина) Ивановна (1920–30-е гг. — ?).

243.164. Мария Ивановна (1920–30-е гг. — ?).

244.167. Адольф Эдуардович (род. 20.08.1931) (от 1-го брака отца).

Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%93%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9%26first_name%3D%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%26middle_name%3D%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D%26static_has%3Dba71e5072b45c5320eefd3f6ab97646dv1%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniye%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppe_rsons%3D1&search_view_id=podvigchelovek_nagrazhdenie23552010 (дата обращения: 16.09.2021).

- 245.167. Аделия Эдуардовна (после 1931 — до 1941) (от 1-го брака отца).
- 246.167. Нелли Эдуардовна (род. 30.10.1948) (от 2-го брака отца).
- 247.167. Бронислав Эдуардович (род. 08.08.1951) (от 2-го брака отца).
- 248.167. Регина Эдуардовна (род. 11.08.1957) (от 2-го брака отца).
- 249.167. Евгений Эдуардович (род. 09.06.1961) (от 2-го брака отца).
- 250.170. Алла Иосифовна (род. 1951).
- 251.171. Эльза Витольдовна (Викторовна), в замужестве Волкова (род. 1940).
- 252.171. Евгения Витольдовна (Викторовна) (род. 1942) (Рис. 55).
- 253.171. Екатерина Витольдовна (Викторовна) (род. 1944).
- 254.171. Антонина Витольдовна (Викторовна) (род. 1946).
- 255.171. Галина Витольдовна (Викторовна) (род. 1948).
- 256.178. Станислав-Анджей (10.11.1939–1999).
- 257.180. София (род. 25.11.1935).

Рис. 55. Евгения Витольдовна (Викторовна) Грушецкая (252.171) (верхний ряд, вторая слева) среди детей спецпоселенцев, 1949 г., поселок Ивака Пермского края. Фотография из архива Н. О. Процаковой

- 258.199. **Эдуард Владиславович** (род. 1-я пол. XX в.).
259.199. **Людмила Владиславовна** (род. 1-я пол. XX в.).
260.199. **Елена Владиславовна, в замужестве Дикаревич**
(род. 1-я пол. XX в.).
261.209. **Владислав Антонович** (25.11.1915–?).
262.221. **Адольф Феликсович** (01.01.1910–?).
263.221. **Паулина Феликсовна** (12.04.1911–?).
264.221. **Иван Феликсович** (23.07.1912–?).
265.238. **Мальвина Эдуардовна, в замужестве Файзулина** (род.
1948).
266.238. **Любовь Эдуардовна, в замужестве Разживина** (род.
1952).

XI колено.

- 267.240. **Евгений Брониславович** (род. 1940-е гг.).
268.256. **Игорь** (род. 2-я пол. XX в.).

XII колено.

- 269.267. **Юрий Евгеньевич** (род. до 1987).
270.267. **Дмитрий Евгеньевич** (род. 1987).
271.267. **Владимир Евгеньевич** (род. 1989).

Как отмечалось выше, далеко не всех встречающихся в различных документах Грушецких, биографические сведения о которых или хронология в отношении которых очень сближают их с «могилевским» родом, за неимением более точных сведений удастся идентифицировать в качестве членов «могилевского» рода или какого-либо другого рода Грушецких.

Так, например, известен некий шляхтич Григорий Грушецкий, который летом 1654 г. должен был выставить 600 человек для обороны Смоленска от русских войск¹⁴⁸. Этот же или другой Григорий Грушецкий из «имения Гирино в Малаховском стане» непосредственно участвовал в обороне Смоленска 1654 г.¹⁴⁹, находясь на участке городской

¹⁴⁸ Biblioteka Zakładu im. Ossolińskich we Wrocławiu. Rkps 16321/III. S. 43 (цит. по: *Рахуба А.* Мабілізацыйны высілак ВКЛ пад час вайны 1654–1667 г. // Беларускі гістарычны агляд. 2008. Т. 15. Сш. 1–2 (28–29). С. 149–174).

¹⁴⁹ Список обывателей Воеводства Смоленского, находившихся со своими отрядами при Смоленском Воеводе Филипе Казимире Обуховиче, во время осады Смоленска Царем Алексеем Михайловичем в 1654 г. // Собрание

стены «от Пятницких ворот до Водяных ворот над Днепром с круглой башней Семеновской»¹⁵⁰ (стало быть, в районе современной набережной Днепра). При этом в реестре Смоленского воеводства за 1650 г. значится Марина Грушецкая из рода Гараинов, владевшая имением Гирино в Малаховском стане¹⁵¹. Явно, что Григорий и Марина Грушецкие — между собой родственники, но включить их в роспись какого-либо из родов Грушецких на основе моих источников не представляется возможным. Молоховский (нормативное написание по-русски) стан Смоленского уезда располагался к юго-западу от Смоленска, по направлению к Могилеву.

Некие Грушецкие встречаются среди депутатов сеймиков Оршанского повета в период перед присоединением этих земель к Российской империи: Теодор — в 1756¹⁵² и 1764¹⁵³ гг., Иосиф — в 1764 г.¹⁵⁴, Симон — в 1766 г.¹⁵⁵ По хронологическим параметрам Теодора можно отождествить с двумя персоналиями из «могилевских» Грушецких — с Федором (Теодором) (8.4) и с Федором (Теодором) (14.5), Иосифа — также с двумя: с Иосифом (Осипом) (20.8) и с Иосифом (Осипом) (24.9), Симон ни с кем из росписи не отождествляется.

Не удается включить в роспись «могилевского» рода достаточно большое количество Грушецких, встречающихся в метрических книгах и исповедных ведомостях приходов тех местностей, в которых преимущественно жили «могилевские» Грушецкие. Например, Викентия Грушецкого (ок. 1833 — после 1854), проживавшего на 1854 г. с женой Агафьей (Агатой), ур. Мерзиевич, и сыном Августином (10.09.1854—?) в деревне Пугляи Оршанского уезда Могилевской губернии¹⁵⁶; Антона, сына неких Ивана Грушецкого и Марцеллы, ур. Цыбульской, крещенного 28 марта 1859 г. в Могилеве в бернардинском костеле¹⁵⁷;

государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года) / под ред. М. Круповича. Вильно, 1858. Ч. 1. С. 93.

¹⁵⁰ Там же. С. 92.

¹⁵¹ *Metryka litewska. Rejstry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo smoleńskie 1650 r.* / red. Rachuba A., oprac. Dumin S., Rachuba A. Warszawa, 2009. S. 107.

¹⁵² НИАБ. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 34. Л. 716 (цит. по: *Анищенко Е.* Шляхта Оршанского повета: список XVIII ст. Минск, 2015. С. 51).

¹⁵³ Там же. Д. 39. Л. 768 (цит. по: Там же).

¹⁵⁴ Там же. (цит. по: Там же).

¹⁵⁵ Там же. Д. 41. Л. 1184 (цит. по: Там же).

¹⁵⁶ Там же. Ф. 1781. Оп. 26. Д. 991. Л. 28.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 242. Л. 18 об.

Владислава Грушецкого из старосельского прихода, женатого на Анне Крассовской (в 1886 г. была крещена их дочь Мариана)¹⁵⁸, и других.

Пока невозможно идентифицировать как представителей «могилевского» рода некоторые персоналии из списков жертв политического террора в СССР, например, Альберта Ивановича Грушецкого (1909–05.01.1938) из деревни Церковище Шкловского района Могилевской области, машиниста паровозного депо, арестованного 23 августа 1937 г., обвиненного в антисоветской деятельности, расстрелянного, реабилитированного в 1959 г.¹⁵⁹, и других.

Предпринятое исследование о Грушецких, конечно, далеко от совершенства, но надеюсь, что поставленные в нем вопросы о возможном сочленении различных родов Грушецких в единое древо, разработанные родословные росписи помогут родственникам по Грушецким искать своих предков. Очевидно также, что представленные материалы задают направление дальнейших исследований.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 1781. Оп. 48. Д. 36а. Л. 88.

¹⁵⁹ Грушецкий Альберт Иванович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2797508> (дата обращения: 16.09.2021).

Кашинские купцы братья Большаковы и их род

Фамилия братьев Большаковых наверняка известна филокартистам и коллекционерам, собирающим старинные открытки с видами города Кашина Тверской губернии. На данных открытках, зачастую напечатанных по фотографиям «кашинского светописца» В. А. Колотильщикова на рубеже XIX–XX веков, значится: «Изд. Бр. Большаковых», «Издание Братъевъ Большаковыхъ» (рис. 1, 2).

Рис. 1–2. Город Кашин. Вид от городского сада с северо-западной стороны. Открытка. Издание братьев Большаковых по фото В. А. Колотильщикова. 1900-е годы. Из коллекции А. Н. Семенова

Однако до недавнего времени о наших героях не было практически никакой информации, лишь скудные сведения, собранные тверским краеведом и коллекционером А. Н. Семеновым: «Большаковы, А. Н., Г. Н., Н. Н. братья. Кашин. Фотографы-любители, купцы, издатели открыток с видами Кашина и его окрестностей. Издавали открытки по фотоснимкам кашинских фотографов: В. А. Колотильщикова, Н. А. Лаврикова, М. В. Паншина. Открытки печатали в фототипии Шерер, Набгольц и К^о, в Москве и у Гранберга в Стокгольме. В Швеции в 1914 году напечатали по собственным фотоснимкам 23 открытки, номерные. Всего за 1901–1916 гг. издали более 100 открыток»¹.

Отдельных исследований (монографий, статей), посвященных братьям Большаковым, нет. Информация о них встречается на страницах дневника кашинца Н. П. Черенина, который дружил с одним из братьев, Георгием Никифоровичем, и в комментариях к опубликованному дневнику². Несмотря на то, что автор является праправнучкой другого брата, Ивана Никифоровича, никаких документов в семье не было, лишь рассказы бабушки Дины Евгеньевны Царёвой и ее двоюродной сестры Татьяны Николаевны Солуяновой — внучек И. Н. Большакова, да и они рассказывали очень мало: привыкли скрывать информацию о предках купеческого сословия. Поэтому цель нашего исследования — уточнение, пополнение и введение в научный оборот новых сведений о братьях Большаковых, интересующих как краеведов и жителей Кашина, так и историков фотографии.

Как видим, у А. Н. Семенова названы три человека, которых мы идентифицировали по рассказам родственников: Алексей Никифорович, Георгий Никифорович и Никифор Никифорович. Был также наш прапрадед Иван Никифорович. Нам было известно, что их отец Никифор Егорович Большаков был купцом второй гильдии, а мать Сусанна Лукинична, в девичестве Елина, сестрой известных кашинских общественных деятелей рубежа XIX–XX веков Ивана, Митрофана и Аполлона Елиных, тоже занимавшихся торговлей галантерейными товарами в гостином дворе Кашина, как и семья Большаковых.

В ходе анализа метрических книг Преображенской церкви города Кашина за 1849–1918 годы³, а также метрических книг и исповедных

¹ Семенов А. Н. Именной список фотографов Твери и Тверской губернии (1858–1929). Тверь, 2011. С. 9; Семенов А. Н. Фотографы Твери и Тверской губернии (1858–1929). М., 2011. С. 11.

² Черенин Н. П. Дневник лишенца. Кашин в 1930–1931 гг. М., 2011.

³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2165-2169.

ведомостей села Вязовец Кашинского уезда за первую половину XIX века удалось установить, что отец братьев Большаковых Никифор Егорович происходил из села Вязовец Кашинского уезда. Он родился там 29 июня 1821 года⁴ и был младшим (шестым) ребенком в семье Егора Петровича (1775–?) и Акилины Даниловны (1773–?). Старший брат Филипп (1801–?) был женат на Ирине Семеновне (1800–?), дальнейшая его судьба и судьбы сестер Евфимьи (1803–?), Варвары (1808–?), Александры (1813–?), Агафьи (1815–?) нам пока неизвестны.

Никифор Егорович переехал из Вязовца в Кашин с первой супругой Матроной Ивановной, с которой у них было как минимум девять детей. Шесть из них: Иван (1850?–1855), Елена (1852–1854), Александра (1854–1856), Елисавета (1855–1855), Мария (1857–1859), Иван (1858–1858) — умерли в возрасте от двух недель до пяти лет отроду, одна дочь Екатерина — в возрасте 21 года в 1865 году от чахотки. Еще о двоих дочерях Ольге и Анне, кроме как о факте их рождения в 1859 и 1861 годах, информации больше нет⁵.

Матрона Иванова скончалась в 1862 году от простуды⁶, и в 1863 году Никифор Егорович женился на Сусанне Лукиничне Елиной (1842–1915)⁷, происходившей из старинного кашинского рода Елиных, известного как минимум с XVII века⁸. Она родила 15 детей, но большинство из них (8 человек) умерли в младенчестве или в детстве от различных болезней⁹: Никифор (1858–1859), Николай (1875–1876), Николай (1876–1878), Мария (1878–1880), Николай (1881–1881), Евпраксия (1883–1883), Макарий (1884–1885), Михаил (1886–1895) скончался в возрасте 8 лет от воспаления мозга.

⁴ Дореволюционные даты приводятся по старому стилю.

⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2165. Л. 38 об. – 39, 54 об. – 55, 60 об. – 61, 68 об. – 69, 73 об. – 74, 74 об. – 75, 82 об. – 83, 88 об. – 89, 95 об. – 96, 98 об. – 99, 102 об. – 103, 107 об. – 108, 120 об. – 121, 156 об. – 157.

⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2165. Л. 136 об. – 137.

⁷ Там же. Л. 142 об. – 143.

⁸ Алфавитный перечень фамилий жителей посада г. Кашина 1646 года (всего 195 фамилий). В кн.: Казанский А.М. Сородичи воеводы древнего города Кашина: История и родословие Носовых-Казанских XVI–XX вв. М., 2003. С. 273–274.

⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2165. Л. 173 об. – 174; ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2166. Л. 57 об. – 58, 98 об. – 99, 112 об. – 113, 159 об. – 160, 178 об. – 180, 242 об. – 243, 260 об. – 260а, 280 об. – 281, 316 об. – 317, 339 об. – 340; ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2167. Л. 8 об. – 9, 72 об. – 73, 83 об. – 84; ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2168. Л. 132 об. – 133.

Рис. 3. Семья Большаковых. Стоят: братья Большаковы. Сидят (слева направо): Сусанна Лукинична, Александра, Никифор Егорович, Михаил, Аполлинурия. 1890(?) г. Из семейного архива

До зрелого возраста дожили пять братьев: Сергей (1864–?), Иван (1865–1943), Никифор (1869–?), Георгий (1871–1952), Алексей (1873–?) – и две сестры: Аполлинурия (1866–?) и Александра (1880–1945)¹⁰ (рис. 3).

Что интересно, в метрических книгах Преображенской церкви города Кашина за 1849–1918 годы Н. Е. Большаков сначала упоминается как вольный хлебопашец (первое упоминание – 1852 г., причем как Никифор Егоров без фамилии, фамилия Большаков появляется

¹⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2165. Л. 148 об. – 149, 153 об. – 154, 160 об. – 161, 182 об. – 183, 200 об. – 201; ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2166. Л. 1 об. – 2, 222 об. – 223.

только начиная с 1856 г.). Затем Никифор Егорович упоминается как крестьянин села Вязовца Кашинского уезда (1854–1859), затем как кашинский мещанин (1861–1862), а с 1863 по 1876 годы — впервые в связи с бракосочетанием с дочерью кашинского мещанина Луки Алексеевича Елина девицей Сусанной — как кашинский второй гильдии купец. 1878–1895 годы — снова как мещанин. Однако в разделе «Об умерших» под 28 ноября 1895 г. сказано: «города Кашина купец Никифор Егоров Большаков»¹¹. Дети Н. Е. Большакова в метрических книгах будут называться то мещанами, то купеческими сыновьями и дочерьми, а супруга Сусанна Лукинична — мещанской вдовой, мещанкой, купеческой вдовой. Дальнейшего исследования заслуживает вопрос, переходили ли Большаковы из одного сословия в другое в связи с изменением размера капитала.

Сусанна Лукинична и ее сыновья по документам конца XIX — начала XX века числятся как мелкие торговцы¹². В списке лиц, лишенных избирательных прав в перевыборные кампании 1925–1928 годы по состоянию на 1 сентября 1933 года, Алексей, Иван и Никифор тоже названы торговцами, а их сестры и жены — иждивенцами торговцев¹³.

Чем торговали братья Большаковы? 1 сентября 2017 г. на выставке старинных учебников и тетрадей в Кашинском краеведческом музее мы обнаружили тетрадку с рекламой: «Модно-галантерейный магазин С. Л. Большаковой с сыновьями в Кашине. Учебные и канцелярские принадлежности» (рис. 4).

В дневнике Н. П. Черенина от 19 января 1930 г. сказано, что «Ал. Н. Большаков прекратил торговлю около двух лет назад. Оставшиеся громоздкие товары (игрушки, елочные украшения и др.) он держал в деревне Песьяковке у одного знакомого крестьянина. На днях случайно эти товары были обнаружены, конфискованы и переданы в книжный и игрушечный магазин К.С.П.О». А в записи от 12 сентября 1930 г. говорится, что в книжном магазине в гостином дворе торгуют «более принадлежностями электризации и радиографии, да игрушками, конфискованными у А. Н. Большакова»¹⁴.

¹¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2168. Л. 142 об. — 143.

¹² См. например: Книга записи гильдейских документов, выданных мещанам, на 1893 год // ГАТО. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 1009. Л. 3 об.

¹³ Список лиц, лишенных избирательных прав в перевыборные кампании 1925–1928 годы по гор. Кашину по состоянию на 1 сентября 1933 года // Черенин Н. П. Указ. соч. С. 204.

¹⁴ Черенин Н. П. Указ. соч. С. 17, 77.

Рис. 4. Фрагмент обложки школьной тетради с рекламой магазина Большаковых. Из научного архива Кашинского краеведческого музея

В списке домовладельцев по городу Кашину, подготовленному к первой Всероссийской переписи населения 1897 г., есть упоминание, что вне кварталов, на торговой площади, есть лавка Большаковой Сусанны (правда, в отчестве ошибка — Ильничны), а где расположена — Полежайка¹⁵. В дневнике Н. П. Черенина от 30 июня 1930 г. сказано: ломают два корпуса деревянных лавок между старыми каменными лавками и каменным корпусом, где торговали братья Большаковы¹⁶. На этом месте в 1946 г. был построен завод электроаппаратуры (рис. 5).

Кстати, в том же списке домовладельцев значится, что наследники Никифора Егорова Большакова владеют домом на Болотской улице в квартале № 1. Они жили там и в советское время, адрес был ул. Профсоюзов, д. 10, но на сегодняшний день данный дом не сохранился.

Надо сказать, что Большаковы активно занимались благотворительностью. Например, Сусанна Лукинична, как и ее братья Аполлон, Иван и сестра Александра Елины, была действительным членом общества «Доброхотная копейка», а ее сын Иван Никифорович — «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях Министерства народного просвещения в г. Кашине». По рассказам внучек И. Н. Большакова, их предки были уважаемыми в Кашине людьми.

¹⁵ ГАТО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 324. Л. 14 об.

¹⁶ Черенин Н. П. Указ. соч. С. 66.

Рис. 5. Город Кашин. Думская улица и Торговые ряды. Открытка. Издание братьев Большаковых по фото В. А. Колотильщикова. 1900-е годы. Из коллекции А. Н. Семенова

В дневнике Н. П. Черенина есть следующая запись от 31 декабря 1931 г.: «В конце первой декады декабря в городе начались вызовы отдельных граждан по повесткам ГПУ. После допроса они задерживались и помещались в арестантской комнате при ГПУ (ул. Карла Маркса, дом быв. Глазуновых)¹⁷. Там было очень тесно, спали на столах и на полу. Большая часть заключенных принадлежала к бывшим торговцам». В числе находящихся там лиц упомянуты Большаковы А. Н., И. Н. и Н. Н. Забирали людей с целью конфисковать у них какие-либо ценности: золото, валюту, драгоценности и т. п. Кто сдавал, скоро освобождали, в противном случае держали несколько дней»¹⁸.

Насколько мы понимаем, более серьезных жестоких репрессий братьям Большаковым удалось избежать.

Расскажем поподробнее о каждом из братьев.

Про старшего, **Сергея Никифоровича**, обнаружено пока лишь три упоминания. Первое — в метрической книге о рождении 18 сентября 1864 г., второе — в документах Кашинского уездного училища, что он обучался там с 1877 по 1881 годы, и третье — в «Посемейном списке Кашинской городской управы 1896 г.», подготовленном к про-

¹⁷ В настоящее время в этом здании по адресу: ул. Карла Маркса, д. 17/15 находится местное отделение полиции.

¹⁸ Черенин Н. П. Указ. соч. С. 158.

ведению Всероссийской переписи населения, что он был принят на действительную службу в 1885 г.¹⁹ Ни бабушка, ни ее двоюродная сестра никогда не говорили, что у их дедушки был старший брат.

Про второго брата, **Ивана Никифоровича**, который родился в один день с Сергеем, но на год позже, 18 сентября 1865 г., мы скажем ниже.

Никифор Никифорович, который тоже родился в сентябре месяце 12-го числа 1869 г., редко упоминается отдельно (например, в дневнике Н. П. Черенина как обложенный непомерным сельхозналогом владелец огорода на территории г. Кашина²⁰), в основном через запятую вместе с братьями, а в метрических книгах — зачастую как крестный племянников и поручитель жениха на свадьбе брата Алексея.

Алексей Никифорович в 1908 г. женился на крестьянке Александре Васильевне Туляковой из деревни Курьяново Клинского уезда Московской губернии²¹. Согласно списку лишенцев, в 1920–1930-х годах они проживали по адресу: ул. Кропоткина, д. 21. Были ли женаты Сергей и Никифор, информации нет.

Георгий Никифорович женат не был. Дядя Гога, как его называли в семье, по мнению родственников, был неординарной личностью. Он совершил паломничество в Иерусалим, собиравшись принять постриг в Кашинском Николаевском Клобуковом мужском монастыре, но этому помешала революция. Он был действительным членом Кашинского Воскресенского Общества хоругвеносцев при Воскресенском кафедральном соборе г. Кашина (судя по опубликованным отчетам данного общества, как минимум в 1911–1915 годах)²². Но и в советское время он торговал иконками, крестиками и духовной литературой.

На Сергоровском кладбище Кашина, где похоронены братья Большаковы и их родственники, на одной из могил вместо памятника стоял необычный макет Ильинско-Преображенской церкви Кашина, сделанный из дерева, раскрашенный розовой и серебряной краской, высотой не более 1,5 метра. В народе ее прозвали «церковкой». По семейному преданию, она была сделана Георгием Никифоровичем. Как нам уда-

¹⁹ ГАТО. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 255. Л. 310 об.

²⁰ Черенин Н. П. Указ. соч. С. 135–136.

²¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2169. Л. 97 об. – 98.

²² См. например: Отчет денежным суммам Кашинского Воскресенского Общества Хоругвеносцев при Воскресенском соборе в г. Кашине, Тверской губернии. За 1913 год. Кашин, 1914 // Научный архив Кашинского краеведческого музея. ККМ № 6921(3). 279.

лось впоследствии установить, макет «церковки», который когда-то был возле кладбищенской Сергиевской церкви, стоял на могиле отца братьев Большаковых Никифора Егоровича. В коллекции А. Н. Семенова обнаружилась фотография с надписью на адресной стороне, сделанной чернилами от руки: «вид Кладбища и Могилы / С Церковью Моего родителя / Георги Большаков» (рис. 6, 7).

Рис. 6. Сергиевская церковь на Серговском кладбище г. Кашина. Открытка. 1900-е годы. Из коллекции А. Н. Семенова

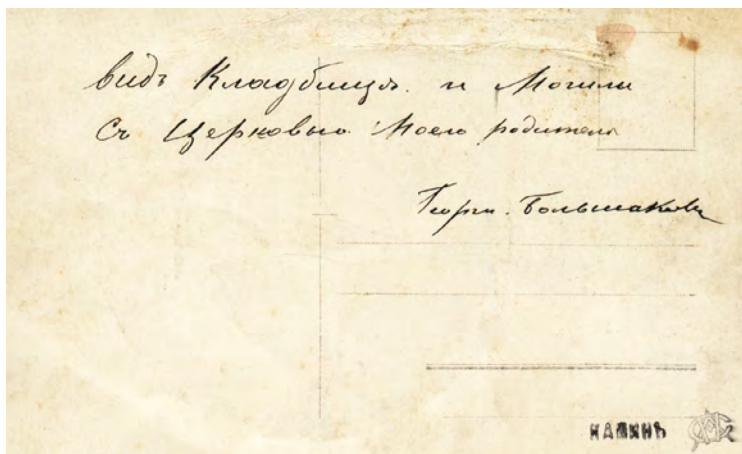

Рис. 7. Сергиевская церковь на Серговском кладбище г. Кашина. Открытка: адресная сторона. 1900-е годы. Из коллекции А. Н. Семенова

Церковка, простоявшая порядка 100 лет, в 2005 году была разобрана потомками за ветхостью. Но в настоящее время макет воссоздается обучающимися объединения «Улица мастеров» кашинского Дома детского творчества под руководством педагога Н. Н. Третьякова и скоро будет установлен на прежнем месте.

В фондах Кашинского краеведческого музея хранится тетрадь, на обложке которой написано: «Г. Н. Большаков. Итоги торжеств восстановления церковного почитания св. мощей св. благоверной княгини Анны Кашинской 1909 г. июня 12 дня» со стихотворением, посвященным этому событию (рис. 8). Оно было исследовано и введено в научный оборот фольклорной экспедицией филологического факультета Тверского государственного университета под

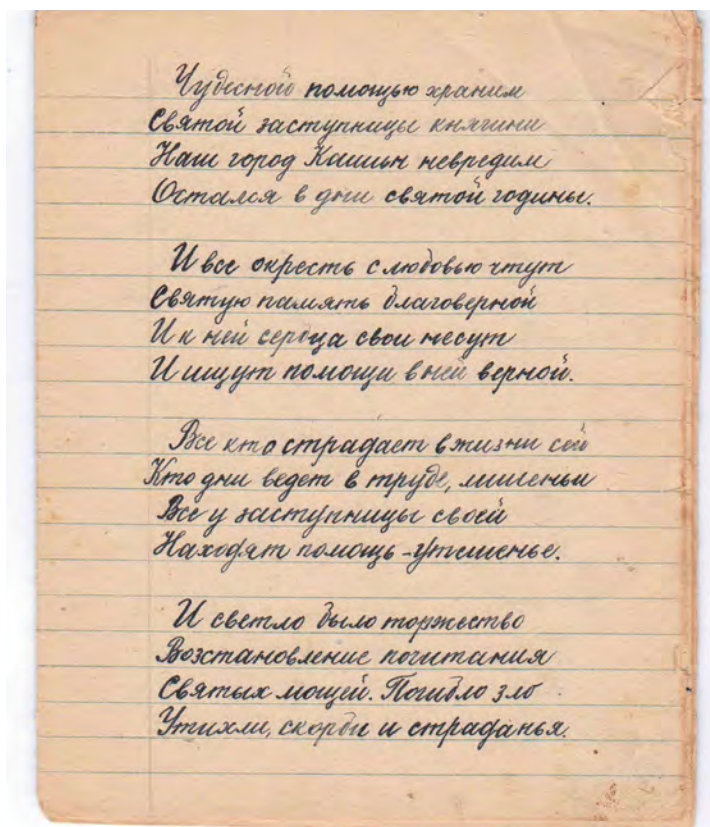

Рис. 8. Страница из тетради со стихотворением Г. Н. Большакова.
ТГОМ-КАШФ. КОФ 7061.

руководством А. А. Петрова²³, но впервые опубликовано нами в газете «Кашинский вестник»²⁴.

Георгий Никифорович был глубоко верующим человеком, возможно, именно поэтому его стихи, хоть и несколько нескладные, проникнуты такой любовью к простым людям. По старинным фотографиям и отчетам в прессе 1909 г. можно представить, как проходили эти торжества²⁵. Но стихотворение дяди Гоги мы бы назвали «Другой взгляд на привычные вещи». В первой части описывается праздничная атмосфера и то, с какой любовью к небесной покровительнице — святой благоверной великой княгине Анне Кашинской — стекались в город многочисленные паломники из разных регионов. А во второй части... Вот цитаты из него:

Приспел день светлый торжества.
И Кашин радовался свято,
Но скорбью грустною душа
Моя в те дни была объята.
О богомольцах малых сих
Скорбел я сердцем и душою:
Не позаботились о них
Те, кому дадено судьбою.
Устроив все для торжества,
Забыли члены Комитета,
Что прежде всех быть беднота
Должна привечена-согрета.
Она промокла до костей,
Иззябла вся дорогой в Кашин,
Но здесь прием таких гостей
Был неприветлив, зол и страшен.
Не только бедных накормить —
Им на ночь не было и крова.
О! Никогда мне не забыть
Зла, издевательства такого.

²³ *Петров А. А.* Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Кашинский район // Усадебный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов / ред. О. С. Карандашова; сост. А. Ю. Сорочан. Тверь, 2013. С. 8–35.

²⁴ Кашинский вестник. 2012. 29 июня.

²⁵ См. например: Паломничество Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Тверскую губернию на прославление св. блгв. княгини Анны Кашинской в 1909 году. Нижний Новгород, 2011.

О, отцы города, давно
Бездеятельность ваша славна,
Но прежде было то смешно —
Теперь уж вовсе не забавно.
Из вас избрали Комитет,
На вас надежды возложили,
Но чем вы удивили свет,
На что труды все положили?
Ручей пожертвований тек
Для дела доброго обильно,
И каждый приучен быть мог,
А вы старались лишь для сильных.
Не проще ль было кинуть клич
Чтоб в жертву дали помещенья,
Для сильных, а потом достичь
И цели бедных утешенья...
...И мудрено ль, что бедняки,
Дрожа от холода без спора,
Больные, дети, старики
Ночь проводили у Собора.
На камнях, сгрудившись толпой,
Друг друга грея, прижимаясь,
Как манны, с верою простой,
Рассвета, солнца дожидаясь.
Да, трогательный праздник был,
Душа неволью умилялась,
Но бедных Комитет забыл,
И сердце болью содрогалось.
Быть может, ждете вы наград
За труд свой, члены Комитета?
Но все повсюду говорят:
Нельзя давать наград за это!

Подобные свидетельства о тех событиях нам неизвестны, и трудно судить, только ли это мнение дяди Гоги или такие прецеденты имели место быть. Его внучатые племянницы запомнили его как очень доброго человека.

Сестры *Аполлинария* и *Александра* замуж не вышли, жили на иждивении братьев. Аполлинарию в семье называли Полюн, Александру — Санёк. Про Александру бабушкина двоюродная сестра Т. Н. Солуянова рассказывала, что она любила печь торты.

Младший сын Никифора Егоровича и Сусанны Лукиничны **Михаил** скончался 22 марта 1895 г. А 28 ноября того же 1895 г. умирает «города Кашина купец» Никифор Егорович Большаков, «от старости», как тогда писали, в возрасте 73 лет. Сусанна Лукинична скончалась 5 апреля 1915 г., также в возрасте 73 лет, и была похоронена, в отличие от всех родственников Большаковых и Елиных, почему-то на кладбище Дмитровского мужского монастыря. Теперь там спортивная площадка Кашинского колледжа (бывшего зооветтехникума). В настоящее время нет возможности идентифицировать некоторые могилы Большаковых и Елиных на Серговском кладбище, так как вместо табличек с именами и годами жизни на крестах были только номера, а архивы МУП «Коммунальное хозяйство», отвечающего за содержание кладбища, сгорели.

Иван Никифорович Большаков в 1903 г. женился на «Кашинского уезда Койской волости села Коя крестьянке» Анастасии Васильевне Лавриковой²⁶. Она родилась в селе Кой (сегодня оно относится к Сонковскому району Тверской области) 28 октября 1885 г. в семье Василия Андреевича и Анны Николаевны Лавриковых и приходится племянницей Николаю Андреевичу Лаврикову (1860–1941), которого называли «кашинским американцем» за то, что он привнес в Кашин многие технические новинки, в том числе телеграф, а также был официальным представителем 10 различных фирм²⁷. Николай Андреевич Лавриков, села Коя крестьянин, как он числился по всем документам, был поручителем на свадьбе со стороны невесты.

Видимо, через некоторое время после свадьбы они переезжают с Болотской улицы в особняк на улице Карла Маркса, выходящий на Пушкинскую набережную, по их фамилии известный сегодня как дом Большаковых (в настоящее время это многоквартирный дом) (рис. 9).

Пока по документам не удалось установить, когда именно это произошло и на каких условиях Иван Никифорович приобрел этот дом. Единственное пока найденное сведение об этом доме, занимающем место на «приречной линии к 72-му кварталу, № 1», следующее:

²⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Д. 2169. Л. 10 об. – 11.

²⁷ По поставкам и производству, например, «всемирно-знаменитых» американских газолито-калильных ламп и фонарей, велосипедов, пишущих и швейных машин, весов, дрожжей, сепараторов и посуды, тепловых двигателей, принадлежностей для мельниц, майоликовых и изразцовых печей, музыкальных инструментов, граммофонов и пластинок и несгораемых шкафов.

*Рис. 9. Дом Большаковых на ул. Карла Маркса, д. 14/13. 2019 г.
Фото О. А. Никитиной*

«В 1882 г. было выдано владельцу дома мещанину Сергею Михайловичу Жданову разрешение «поставить деревянный палисад» перед домом»²⁸. Может, Иван Никифорович купил его у этого Жданова.

Постройка дома датируется началом XIX в., в конце XIX в. со стороны двора был возведен мезонин с фигурным фронтоном, на северном фасаде устроен балкон (ныне утрачен), по улице Карла Маркса поставлены ворота, а фасады дополнены эклектичной декорацией. На старинных фотографиях рубежа XIX–XX вв. на здании можно увидеть вывески и входы в магазины, располагавшиеся на первом этаже (рис. 10).

Там ли И. Н. Большаков вел торговлю, нам пока достоверно неизвестно. Анастасия Васильевна помогала мужу за кассой. А еще каждому покупателю дарили пакетик с конфетами и пряниками — сегодня мы бы сказали, что это такой маркетинговый ход для привлечения покупателей. После революции их выселили из этого дома, и они вернулись в родной дом на ул. Профсоюзной.

Интересная деталь: у Алексея Никифоровича Большакова был сын Юрий (1910 г. р.), который жил в Прибалтике, и в 1990-е годы он стал нам звонить, нельзя ли вернуть фамильный дом, так как в Прибалтике это стало реальностью. Но, увы, пришлось его разочаровать и самим разочароваться.

У Ивана Никифоровича и Анастасии Васильевны Большаковых было пятеро сыновей: Иван (1904–?), прадед автора Евгений

²⁸ ГАТО. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 114. Л. 5об. – 6.

Рис. 10. Кашин. Московская улица. Фрагмент открытки.
1900-е годы. Из коллекции А. Н. Семенова

(1905–?), Николай (1907–1995), Александр (1909–1941), Владимир (1920–1939). Е. И. Большаков окончил Военно-медицинскую академию, стал врачом, прошел Великую Отечественную войну, которая отняла у него жену Марию Сергеевну и дочерей Ольгу и Евгению. В 1944 г. во время бомбежки Смоленска, где тогда жила его семья, чудом осталась в живых дочь Дина Евгеньевна (1930–2005), которая после этих событий переехала к бабушке в Кашин. Иван Никифорович Большаков скончался в 1943 г. в возрасте 77 лет, его супруга Анастасия Васильевна — в 1964 г. в возрасте 78 лет. Внучки запомнили их как добрых, верующих и скромных людей. По стопам прадеда и его братьев спустя два поколения пошел дядя автора Владимир Сергеевич Царев (1969 г. р.) — младший сын Дины Евгеньевны и почетного гражданина города Кашина, директора завода электроаппаратуры, депутата городского Совета народных депутатов Сергея Александровича Царева (1926–2011).

Итак, по метрическим книгам Ильинско-Преображенской церкви нам удалось установить, что известные по открыткам с видами Кашина братья Большаковы по отцовской линии являются потомками крестьян из села Вязовец Кашинского уезда Тверской губернии, по материнской — старинного кашинского рода Елиных, т. е., можно сказать, являются коренными кашинцами. Они также породнились с Лавриковыми, в частности с Н. А. Лавриковым. Братья Большаковы родились в купеческой семье, но со временем перешли в мещанское сословие. Занимались «мелочной», галантерейной торговлей. И хотя фотография и издание открыток было для них скорее хобби, они внесли свой вклад в развитие фотодела в городе Кашине Тверской области.

Пять поколений Овчинниковых

Не всем удается узнать свои корни. А это очень интересно, особенно если твои предки были удивительными людьми. Я тоже не могу похвастаться своими пращурами, жившими много веков тому назад. Но заглянуть в девятнадцатое столетие мне удалось, а это, как мне кажется, не так уж мало. В детстве и юности, которые прошли в эпоху страны Советов, я знал только дедушку и бабушку со стороны матери — я жил с ними в одной квартире. А о том, кто были родители моего отца я ничего не слышал, да честно сказать, этим и не интересовался. А кроме того, в те далекие годы не принято было рассказывать детям об их далеких предшественниках, так как это было порой совсем не безопасно. Отец рассказал мне, кто были его дед и прадед, только в середине восьмидесятых годов прошлого века, когда люди перестали бояться своего непролетарского происхождения. Тогда же он показал мне замечательную рукописную книгу, написанную воспитателем его отца — «Книгу о папе» [1], которую я буду неоднократно цитировать в своих сочинениях, и сводил меня на Таганку, где на Нижней Радищевской улице находился дом, в котором жила семья Овчинниковых. Много лет спустя судьба свела меня с замечательными людьми — сотрудником Всероссийского музея прикладного искусства Михаилом Олеговичем Юдиным и Генеральным директором Национального коллекционного центра художественных изделий Галиной Васильевной Ананьиной. Первый подарил мне оттиск своей статьи, рассказывающей об истории фирмы П. Овчинникова [2], из которого я узнал много подробностей о жизни своего прапрадеда. А вторая чрезвычайно энергичная женщина к 180-летию со дня рождения П. А. Овчинникова нашла спонсоров и средства для реставрации его памятника и прилегающей территории на Калитниковском кладбище. М. О. Юдин в 2016 г. защитил диссертацию о фирме П. Овчинникова [3], и в том же году вышла в свет прекрасно иллюстрированная книга Г. Г. Смородиновой об изделиях этой фирмы в собрании Исторического музея [4]. Теперь я хорошо знаю, кто были люди, чья фамилия перешла ко мне по наследству, и очень ими горжусь. Постараюсь еще раз¹ рассказать о них.

¹ В первый раз я написал о некоторых из них в 2013 г. в своей книге «Ушли, чтобы остаться» [5].

Мой прапрадед Павел Акимович Овчинников

Павел Акимович Овчинников был очень известным в свое время человеком, основателем ювелирной фирмы, носившей его имя. Фирма П. Овчинникова имела статус «Поставщика двора Его Императорского Величества», а сам Павел Акимович, владелец фирмы, был удостоен звания «Потомственный Почетный Гражданин Москвы». Фабрика П. Овчинникова была основана в 1853 г. и по сведениям 1873 г. на ней работало около 175 рабочих и от 70 до 90 учеников. Фирма П. Овчинникова занимала ведущее место в России по производству серебряных и особенно покрытых эмалью изделий и получила широкую известность после промышленной выставки в Москве в 1865 г., где владелец фирмы был награжден золотой медалью.

Павел Акимович Овчинников родился в 1830 г. в селе Отрадном Московской губернии в семье крепостных крестьян князя П. М. Волконского. Он обратил на себя внимание князя способностью к рисованию и был отправлен для обучения в Москву. Здесь Павел Овчинников вместе со своим братом Алексеем поступил в мастерскую золотых и серебряных изделий и стал совершенствоваться по «серебряному и богоепному делу». В мастерской он проработал шесть лет в качестве подмастерья, а несколькими годами позже он открыл собственную небольшую фабрику-мастерскую в доме Лежневых в Яузской части Москвы и вскоре смог освободиться от крепостной зависимости. В 1853 г. оборот фабрики Овчинникова достиг 250 тысяч рублей, что позволило ему стать купцом 3-й гильдии. В 1865 г., по сведениям «Указателя Московской выставки мануфактурных произведений» [6], оборот его фабрики доходил уже до 300 000 рублей. Эта выставка была первой, в которой Овчинников принял официальное участие. По ее итогам фирма получила малую золотую медаль и звание «поставщика Двора Наследника Цесаревича Александра Александровича». Кроме того, по настоянию движимого благородным чувством признательности хозяина фабрики были награждены сотрудники фирмы, способствующие ее успеху. Серебряные медали для ношения на груди получили скульптор фирмы Александр Жуковский и эмальер Егор Диллендорф. Этот поступок молодого хозяина фабрики принес ему дополнительную известность и уважение коллег. Даже спустя 31 год после этого события в «Указателе выставки в Нижнем Новгороде» 1896 г. [7] был упомянут этот факт из биографии Павла Акимовича как о «не совсем обычном в классе наших фабрикантов».

Столь же необычными оставались и взаимоотношения Павла Акимовича Овчинникова со своими рабочими и в последующие годы.

Эти отношения он старался строить на взаимовыгодных условиях. Из многочисленных хвалебных отзывов в газетах и из написанной самим Овчинниковым книги [8] мы знакомимся со следующими правилами, установленными на его фабрике: мастер, проработавший «честно и непорочно» 10 лет, записывался на мраморную доску, открыто вывешенную на фабрике, после чего следовала прибавка к зарплате в 10 % от оклада. Проработавший безусловно 15 лет получал прибавку в 15 %, а после 20 лет беспорочной работы оклад увеличивался на 20 % и т. д. Это вознаграждение выдавалось пожизненно, даже если мастер увольнялся с фабрики, но при условии, что при этом он не переходил к другому хозяину. Такое правило было выгодно рабочим, но фабрикант учитывал при этом и свои интересы: если пользующийся такой надбавкой сотрудник пропускал хотя бы один рабочий день без уважительной причины, то он лишался ее в размере месячного исчисления. Кроме того, эти правила позволяли решать сложную проблему текучести кадров, стоящую перед многими фабрикантами серебряных дел. Известен эпизод, когда он сам оплатил двум своим новым мастерам их долги бывшим хозяевам. Факт перехода к П. А. Овчинникову мастеров с других фабрик отнюдь неслучаен. На своем предприятии он стремился создать максимально комфортные условия для их работы. П. А. Овчинников с гордостью отмечает в своей книге, что устройство фабричных помещений «...вполне соответствует потребностям рабочих... чистотой, достаточностью количества света и воздуха, освежаемого постоянно посредством вентиляции». Подобные условия в золото-серебряной промышленности в XIX в. были исключением. Недаром одним из главных требований во время забастовок на ювелирных предприятиях в 1912 г. было создание соответствующих условий труда, о чем П. А. Овчинников писал за 30 лет до этого.

Не менее важными, чем комфортные физические условия, были условия моральные, та поистине уникальная для своего времени атмосфера, которая царила на фабрике П. Овчинникова. Характерен эпизод, о котором вспомнил духовник Павла Акимовича, настоятель церкви Воскресения в Гончарах В. Т. Терновский. В годы Русско-турецкой войны, когда золото-серебряная промышленность России переживала трудные времена, на предприятиях пошли массовые увольнения. При этом из мастеров, работавших с П. А. Овчинниковым, не пострадал никто. Собрав всех сотрудников фабрики, хозяин объявил: «Будьте спокойны, дети: с вами я наживал мое состояние, с вами же буду и проживать его». «Об этих словах, — подчеркивал священник, — никогда не забудут слышавшие их! Эти великодушные

слова записаны на небесах и исходатайствуют почившему от Господа венец оправдания».

Но не только на небесах воздалось Павлу Акимовичу за его поступок. Это время, несмотря на неблагоприятные условия, стало периодом расцвета фирмы П. А. Овчинникова. Его фабрика изготавливала разнообразные по технике и декору произведения — они отличались изысканной обработкой серебра, а также были декорированы разноцветными эмальями. П. А. Овчинников одним из первых начал выпускать изделия в подражание древнерусскому стилю, к которому во второй половине XIX в. обращаются многие русские художники. Именно Павлу Акимовичу принадлежит заслуга возрождения в России прозрачной, так называемой «оконной» эмали, ставшей необычайно модной не только в высшем свете, но и среди зажиточных слоев населения. Награды за участие в российских и международных выставках, знаки внимания со стороны российской императорской фамилии и дворов европейских монархов сочетались с многотысячными заказами. Все это позволило фирме не только выжить в тяжелые военные годы, но и стать одним из самых коммерчески успешных предприятий в своей отрасли. Несмотря на более высокие, чем у конкурентов, цены, продукция П. А. Овчинникова пользовалась неизменным спросом.

По мере роста производства Павел Акимович уделял большое внимание высокому художественному уровню продукции. С этой целью он привлекал для изготовления моделей высокопрофессиональных художников, таких как И. Монигетти, А. Жуковский, Е. Лансере, И. Борников, В. Васнецов, Г. Гартман, Л. Даль, А. Захаров, С. Комаров, М. Микешин, А. Обер, А. Опекушин, Н. Султанов, Д. Чичагов, которые в разные годы сотрудничали с фирмой П. А. Овчинникова. Пройдя тернистый путь от ученика и подмастерья до хозяина предприятия, Павел Акимович понимал, что для изготовления художественного изделия недостаточно только оригинального профессионально сделанного рисунка. Необходимо также умение мастера воплотить этот рисунок в материале. Поэтому особое внимание фабрикант уделял художественной подготовке и обучению своих мастеров и учеников, справедливо полагая, что именно это поставит его предприятие на прочную и хорошую основу.

В связи с этим, стараясь сочетать пользу для своего дела с христианской благотворительностью, столь свойственной лучшим представителям русского купечества до большевистского переворота, в ноябре 1867 г. в Набилковском доме призрения сирот, находившемся под покровительством «Московского попечительного о бедных комитета

Императорского Человеколюбивого общества», П. А. Овчинниковым были организованы «классы технического рисования, скульптуры и чеканного искусства в применении к металлическому делопроизводству». Важность этого события не только для фабриканта и Набилковского дома, но и для Москвы в целом наглядно демонстрирует состав приглашенных лиц. Газета «Московские ведомости» сообщает, что при открытии «Овчинниковских классов» присутствовали: московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, комендант П. П. Корнилов, городской голова А. А. Щербатов, обер-полицмейстер Н. У. Арапов, председатель Мануфактурного совета Ф. Ф. Рязанов, старшина купеческого сословия В. М. Бостанджогло и др. За устройство этих классов Павел Акимович был награжден золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на ленте ордена Св. Владимира. При этом особо подчеркивалось, что фабрикант не только дал деньги на открытие учебного заведения и на его содержание, но также принимал непосредственное участие в его деятельности.

Несколькими годами позже Овчинников одним из первых среди владельцев фабрик золотых и серебряных изделий открыл при своей фабрике художественную школу, где способная молодежь обучалась рисованию, лепке, скульптуре и даже грамоте и счету. Столь крупной (130 учеников при 300 мастерах) не мог похвастаться ни один из конкурентов П. А. Овчинникова. В отличие от других подобных школ, ему и здесь удалось создать уникальные для своего времени условия обучения. Для школы специально было построено двухэтажное здание, на верхнем этаже которого были расположены спальни (ученики находились на полном пансионе), а на нижнем — кухня, столовая, скульптурная, классы, больница и комната для прислуги. Во время обучения ученики были освобождены от каких-либо «домашних работ», следя лишь за чистотой и опрятностью своей одежды. Не могли пользоваться их услугами и подмастерья. Все черные работы были поручены особым вольнонаемным рабочим. Это выгодно отличало заведение П. А. Овчинникова от ряда ему подобных. При этом он не забывал и о своей выгоде, заключающейся в том, что, как он пишет в своей книге, «ученик всегда может выработать больше той платы, которую бы получал чернорабочий, а поэтому оказывается, что ученик, не исполняя домашней работы и работая по ремеслу, принесет больше пользы хозяину». Вместе с тем «человеческое отношение к ученику», по мнению П. А. Овчинникова, «должно было привести мальчика к сознанию, что на него смотрят не как на ломовую силу, и что хозяин обставляет его всеми возможными заботами, которые так или иначе послужат ему краеугольным камнем

на жизненном поприще». Вполне понятно, что подобные меры не могли не найти отклика со стороны мастеров, работавших на предприятии П. А. Овчинникова. Добросовестное отношение к труду, сказавшееся на качестве изделий фирмы, полное отсутствие забастовок даже в самые тяжелые времена наглядно свидетельствуют о том уважении, которым пользовался фабрикант среди своих рабочих.

В 1865 г. после выставки ювелирных изделий в Петербурге в залах Общества поощрения художеств газета «Голос» отмечала: «Такого вкуса и такой тонкости, такой тщательной отделки нам не удавалось видеть ни на одном из русских произведений из серебра; да они сделают честь и любой иностранной фирме». Фирма П. А. Овчинникова все последующие годы являлась непререкаемым участником всероссийских и международных выставок, его искусство постоянно отмечали высокими наградами.

Авторитет фирмы уверенно рос. В 1868 г. на Кузнецком мосту, в Москве, по соседству с магазином Фаберже был открыт первый магазин, в котором любой желающий мог купить изделие фирмы Овчинникова — от дорогих серебряных и эмалевых столовых наборов и украшений до сравнительно дешевых солонок или чайных ложечек. В 1874 г. в газете «Голос» была помещена статья о выставке произведений П. А. Овчинникова в залах Академии художеств. В статье отмечались самобытность и своеобразие его искусства, а также говорилось об его успехах на отечественных и зарубежных выставках, например на Венской всемирной он был предметом всеобщего внимания и приобрел европейскую известность. В 1876 г. газета «Новое время» в связи с выставкой произведений фабрики, отправленных на Филадельфийскую выставку, вновь напечатала восторженные отзывы об его работах: «После московских Садикова, Рубкина и Орлова, зарекомендовавших Москву своими серебряными изделиями, г. Овчинников явился впервые как заметный производитель, опередивший давно уже своих предшественников... имя его стало известным... (в 1865 году) ... и с тех пор он чаще и чаще встречается в печати. На Парижской всемирной выставке (1867) первенство среди русских мастеров осталось за Овчинниковым, на Петербургской мануфактурной выставке (1870) тоже, также на Московской политехнической (1872), а также на Венской всемирной (1873), и таким путем уже 9 лет нет равных Овчинникову».

В 1873 г. было открыто отделение фабрики в Петербурге, а спустя год на Большой Морской улице в доме № 35 П. А. Овчинниковым был открыт второй магазин. Изделия фабрики П. А. Овчинникова пользовались постоянным спросом в России. Путешественники, посещая

Рис. 1. Подсвечник на птичьих ножках
из письменного прибора
И. А. Гончарова

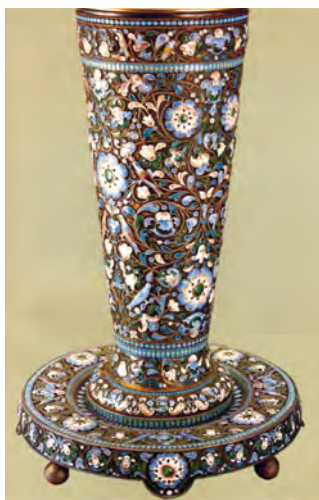

Рис. 2. Стопа на подставке
серебряная, с позолотой и эмалью.

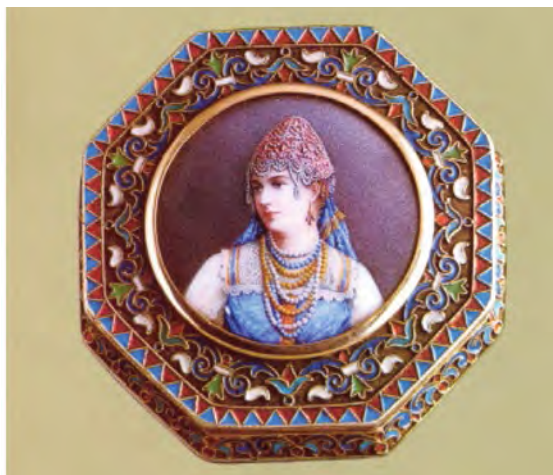

Рис. 3. Коробочка серебряная, золоченая восьмигранная с эмалью.
Изделия фабрики П.А.Овчинникова

Экспонаты Государственного исторического музея.

(Из книги: Русские эмали XI–XIX вв. [Текст]:

Из собраний Гос. музеев Моск. Кремля, Гос. ист. музея, Гос. Эрмитажа:
[Альбом] / Фотогр. Э. Стейнерт. – Москва: Искусство, 1974).

Петербург и Москву, считали своим долгом приобрести какое-либо изделие фирмы; экспонаты, представленные на зарубежных выставках, также обычно раскупались после закрытия выставки. Магазины П. А. Овчинникова в Москве и в Петербурге стали местом едва ли не обязательного посещения большинства официальных делегаций, прибывающих в столицы. Связано это было не только с известностью фабриканта в зарубежных странах, но и с ассортиментом его изделий. Как уже было сказано выше, именно фирма П. А. Овчинникова наиболее полно и последовательно разрабатывала свои произведения в традиционном русском стиле.

О международной известности Павла Акимовича Овчинникова свидетельствуют его зарубежные награды. В 1874 г. он был награжден австрийским орденом Железной короны, в 1878 г. — французским орденом Почетного Легиона, в 1881 г. — черногорским крестом Св. Даниила, в 1883 г. — бельгийским серебряным крестом, в 1873 г. он стал придворным поставщиком короля Италии Виктора Иммануила, а в 1888 г. — Датского королевского двора.

П. А. Овчинников стремился активно участвовать в общественной жизни и в городском самоуправлении. Свою деятельность в этом направлении он начал с должности городского ценовщика в управе Благочиния, которую он занимал в течение двух лет. Состоял он также агентом 2-го Сущевского отделения попечительства о бедных в Москве, членом-благотворителем «Московского попечительного о бедных комитета», выборным Московской купеческой управы. На протяжении 12 лет, с 1877 до конца своей жизни, он избирался гласным Московской городской думы, активно работая в разных ее комиссиях. Овчинников был действительным и «весьма полезным» членом «Общества поощрения художеств». Принимал он «живое участие» и в деятельности «Комиссии народных чтений», пожертвовав в 1874 г. вещи на сумму около шести тысяч рублей для украшения новой народной аудитории и внося ежегодно по 300 рублей для премии за лучшее народное чтение. Только в 1868 г. им было предоставлено 136 предметов-призов лотереи «Общества для поощрения трудолюбия» и 280 вещей для лотереи Никольской общины сестер милосердия. За свою деятельность Павел Акимович был награжден пятью российскими орденами, включая орден Св. Владимира 3-й степени, удостоен звания мануфактур-советника и, как уже было сказано выше, потомственного Почетного Гражданина города Москвы, которое передается его потомкам по мужской линии.

Рис. 4. Чайник серебряный, позолоченный, с эмалевым лаком и накладным орнаментом

Рис. 5. Складень трехстворчатый серебряный, позолоченный с эмалью. Изделия фабрики П.А.Овчинникова. Последняя четверть XIX века.
(Из книги: Русские эмали XI–XIX вв. [Текст]:
Из собраний Гос. музеев Моск. Кремля, Гос. ист. музея, Гос. Эрмитажа:
[Альбом] / Фотогр. Э. Стейнерт. – Москва: Искусство, 1974)

Рис. 6. Памятный крест на могиле П.А.Овчинникова на Калитниковском кладбище

Павел Акимович Овчинников скончался 7 апреля 1888 г. Благодарные ему рабочие возложили на могилу-памятник фабриканта на Калитниковском кладбище серебряный венок с надписью: «Беспримерному хозяину от мастеров его фабрики». К сожалению, этот венок исчез в первые же дни советской власти. В 2010 г. по инициативе упомянутой выше Г. В. Ананьиной была произведена реставрация памятника. В этой работе, помимо Национального коллекционного центра художественных изделий, приняли участие ювелирная компания «Эстет» и скульптурная мастерская Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Проект восстановления памятного надгробия поддержало Правительство Москвы под личным патронатом председателя Московской городской Думы В. М. Платонова, а также Министерство культуры РФ, Гохран России, Московский Патриархат, Торгово-промышленная палата РФ и ГУП «Ритуал».

Всем этим людям и организациям я приношу свою искреннюю благодарность. Сейчас огромный черный мраморный надгробный крест с главой Спасителя из белого мрамора, позолоченными буквами имени знаменитого ювелира и его портретом стоит там во всей красе, и каждый человек, интересующийся историей отечественного искусства, может полюбоваться им и положить цветы к его подножию. А десять лет тому назад имя П. А. Овчинникова было присвоено московскому Политехническому колледжу № 13, где готовят мастеров для ювелирной промышленности. Девизом этого колледжа стало: «Продолжая Великие Традиции...». В Москве одна из улиц названа в честь моего прапрадеда — Овчинниковская набережная реки Яузы, в районе которой много лет тому назад размещалась ювелирная мастерская, а потом — фабрика Овчинниковых.

Мой прадед Михаил Павлович Овчинников

После смерти Павла Акимовича руководить фирмой стал его старший сын Михаил. Он был достойным преемником своего знаменитого отца, и вплоть до его смерти в 1913 г. фирма Овчинниковых работала вполне успешно. О Михаиле Павловиче написано не так много, как о его родителе, но все же кое-какие сведения я смог почерпнуть из рукописной книги Владимира Александровича Попова, несколько лет жившего в семье Овчинниковых в качестве воспитателя детей Михаила Павловича. Эта книга [1] была написана в 1924 г. и досталась мне в наследство от моего отца. Ее автор описывает период с 1903 по 1920 г. В начале XX в. Михаил Павлович и его супруга Вера Александровна с сыновьями — старшим Алешей (моим дедом) и младшим Мишей и дочерьми Марией, Верой и маленькой Таней проживали в собственном доме в районе Таганки на Гончарной улице. Сохранилось описание этого дома и его комнат, сделанное В. А. Поповым, которое относится

*Рис. 7 Михаил Павлович
и Вера Александровна
Овчинниковы (1911 год)*

к 1903 г., когда он со своим приятелем, тоже студентом Московского университета, впервые познакомился с Овчинниковыми. «Двухэтажный дом с большими окнами верхнего этажа, в которые глядели лапчатые листья пальм, стоял за чугунной узорчатой решеткой с такими же воротами, от которых шла по песчаному двору асфальтовая дорожка к ступенькам высокого крыльца с зеркальными дверями, закрывающимися на ночь деревянными, а на день широко распахнутыми по обеим сторонам крыльца. Перед домом, по улице, был палисадник с крупной сиренью... Мы позвонили. Дверь нам открыл солидный, еще молодой, слуга в белых перчатках — Осип Алексеевич. Вошли и сразу охватил меня покой и старинный уют дома. Сняли верхнее платье в маленькой передней с большим зеркалом и поднялись по чугунной, широкой, но крутой лестнице во второй этаж. Нас провели в белый квадратный зал, где единственным темным пятном был большой Бехштейновский рояль, да скромно притаилась в углу орехового дерева, лакированная фисгармония. Хороши были старинные ореховые двери прекрасной столярной работы с бронзовыми ручками в форме груш с листьями. Все остальное в комнате было цвета “крэм” (здесь и далее орфография сохранена, как в оригинале — А. О.). Прямые шелковые задергивающиеся занавесы такого же цвета висели на больших зеркальных окнах. В углу стояла развесистая пальма — кэнтия. Никогда раньше я не видел и никогда, наверное, не увижу такого холеного тропического растения в комнате... Мы... ждали в этом зале, пока хозяева кончат обедать. Столовая — большая комната с пятью окнами в ряд, была далеко, даже не в доме, а во флигеле, примыкавшем к дому. В зале было тихо. Только изредка поблизости слышался детский разговор. И, наконец, в зал вбежала маленькая девица лет трех в беленьком платьице. За ней катила, как шар, полная и еще бодрая старушка няня в белом чепце и в очках. Девица что-то бойко лепетала и нисколько не смутилась присутствием посторонних. Она чисто и ясно выговаривала все слова. Это была младшая сестра Алеши — Таня, впоследствии моя ученица. Тогда она была забавным, умным не по летам, хорошеньким ребенком, болтливой любимицей всех, а особенно отца. Она сразу подружилась со мной и стала рассказывать мне, что скоро все уедут на дачу, и раньше всех уедет она с бабушкой... Обедать в это время кончили и в зале появились Вера Александровна с Михаилом Павловичем, старшая их дочь Марья Михайловна и Анна Павловна, сестра главы семьи — тетка Анна, как звали ее все. Алеши с ними не было. Вера Александровна тогда была еще относительно молодой женщиной, однако с большой проседью в волосах. Поражала седина на голове Михаила Павловича,

Рис. 8. Наталья Романовна Живаго и Алексей Михайлович Овчинников за год до свадьбы (1910 год)

Рис. 9. Они же через три года после свадьбы (1914 год)

лицо которого без бороды с небольшими усами невольно останавливало на себе внимание тонкими красивыми чертами. У него был характерный острый нос. Голова была относительно небольшой и казалась еще меньше от широких плеч и высокой груди. В молодости он, по всей вероятности, был очень интересен, особенно в военной форме. Нас пригласили перейти в кабинет Михаила Павловича — в просторную, несколько меньшую, чем зал, комнату с двумя большими окнами, выходившими во двор. Дом стоял на горе, именуемой москвичами “вшивой горкой”, и из окон открывался чудный вид на Замоскворечье: широкий-широкий горизонт... Далеко за городом синели еле различные холмы, покрытые лесом... Как полюбил я эту большую светлую комнату потом, когда больше трех лет прожил я в этом доме. Весной в окна ее, три из пяти которых были обращены на юг, теплое солнышко светило сквозь задернутые занавеси, и пахло в ней легким ароматом белых, красных, синих, лиловых, розовых гиацинтов, стоявших на подоконниках. Эти прекрасные цветы выращивали мы с Алешей и его младшим братом Мишей к каждой весне в ящиках с песком, которые в течение зимы стояли в сводчатых подвалах под домом...».

Второй раз Владимир Александрович встретился с Михаилом Павловичем, когда поехал на дачу, которую Овчинниковы снимали на лето. Он вспоминает: «26 мая 1903 года... я сел на поезд Курской железной дороги, чтобы ехать на станцию Бутово, а оттуда в Воскресенское, имение, где жили на даче Овчинниковы. Воскресенское принадлежало Белкиным, а на Валентине Сергеевне Белкиной был женат дядя Коля, меньшей брат Михаила Павловича... На станции мы вышли из поезда вместе с Михаилом Павловичем и сели на линейку (длинный многоместный конный экипаж с продольной перегородкой, в котором пассажиры сидели по обе стороны перегородки, боком к направлению движения. — А. О.), которая повезла нас довольно скучной дорогой, пыльной в сушь и невыразимо грязной после дождя. Я мало говорил в пути с Михаилом Павловичем: кроме нас на линейке ехали другие дачники из Воскресенского, и Михаил Павлович больше разговаривал с ними. Он был очень стесняющимся с малознакомыми людьми человеком. Наконец, мы въехали в имение. Насколько была скучна и неинтересна дорога, настолько хорошо было Воскресенское, старинное имение с красивой церковью и большим домом, в котором, правда, старыми остались только стены, а внутренность переделывалась и приспособлялась к потребностям новых владельцев несколько раз после постройки дома. Овчинниковы жили в одном из флигелей, который был приспособлен под дачу из какой-нибудь барской службы.

Рис. 10. Имение Живаго «Новое»
в Клинском уезде Московской губернии

Рис. 11. Наталья Романовна с Адрианом
на верхнем балконе дома в «Новом» (1916 год)

Флигель был темноват из-за маленьких окон; сами жили на втором этаже, а низ был занят многочисленной прислугой и кухней.

Было семь часов вечера и нас позвали обедать на длинную веранду. Стол был большой и на главном месте сидела Вера Александровна. Прислуживал Осип Алексеевич в белом чесучовом пиджаке с белым галстуком и в белых перчатках. За столом говорили по-французски или по-немецки по очереди каждый день — один день на одном языке, другой день — на другом. Так требовала Вера Александровна от всех своих детей для практики в иностранных языках». После обеда, который показался В. А. Попову очень вкусным, «пили чай, и меня удивляло обилие сладостей, которые подавались к столу, кроме обычного варенья двух сортов: одно темное, другое светлое. Сладости всегда привозил в большом фургоне особый возчик, который торговал ими по всем дачам в окрестности. Вера Александровна, а в особенности бабушка, накупили массу сладостей, причем у каждого были свои излюбленные... Этот возчик, Александр Александрович Сладкий, как мы его прозвали, приезжал два раза в неделю, и каждый раз у него покупали горы сладостей, потому что истребляли их во множестве за чаем и во время прогулок»...

Михаил Павлович приезжал на дачу дважды — в середине недели и в субботу. «Он всегда привозил из города массу карамели, которой он оделял деревенских ребятишек, когда во время прогулок мы проходили через деревню. Ребятишки знали его и всегда бежали следом, крича: “...барин, барин, дай конфетку...”», до тех пор, пока не истощались запасы его карманов...».

Летом стояли длинные светлые вечера, и Владимир Александрович со старшими детьми часто отправлялся к реке, «где у мельничной запруды стояла на замке собственная лодка — большая, с распашными веслами. Каждым веслом должен был грести один человек, и от такой гребли лодка, длинная и узкая, могла иметь очень хороший ход. Мы быстро ехали по полноводной реке, извивавшейся между красивых крутых берегов... Мне нравились эти вечерние поездки вчетвером, без взрослых. Солнце заходило, но долго еще алел закат; долго еще было светло и в воздухе пахло водой, травой, цветами с лугов и лесов, сбегавших к реке... От воды поднимался дымок тумана и с ним приходила вечерняя свежесть».

В воскресенье днем к молодежи присоединялись взрослые, и «мы катались по реке всей компанией. Михаил Павлович сидел на руле и был строг к гребцам, внимательно следя за тем, чтобы весла погружались в воду одновременно. Он, как и во всех делах, любил порядок. Вера Александровна волновалась и с тревогой в голосе спрашивала:

“А здесь глубоко?” Вечером по воскресеньям все расходились рано: и Михаил Павлович, и дядя Коля в понедельник с ранним утренним поездом отправлялись в Москву. А наш день с утра снова начинался со строго установленного расписания и все опять шло обычным чередом... Лето кончалось... Вечера становились длиннее и свежее. После пятнадцатого августа (по старому стилю) начинались занятия у Алеши. Стали поговаривать о переезде в Москву. Вера Александровна предложила мне остаться у них на всю зиму. Я с радостью согласился, так как привык ко всем в семье...».

Михаил Павлович очень любил музыку, особенно народную. Владимир Александрович по этому поводу пишет в своих воспоминаниях: «Раз в неделю собирались у нас балалаечники. Михаил Павлович организовал из своих родных прекрасный оркестр, человек в пятнадцать-двадцать, и относился к этой игре на балалайках более чем серьезно: сам писал ноты, перекладывая для балалаек очень трудные оркестровые вещи, вроде “Шахерезады” Римского-Корсакова, и требуя от оркестрантов самого внимательного отношения к делу... По особому в доме проходили большие праздники: Рождество, Новый год и Пасха. В сочельник в доме было как-то особенно торжественно... Все блестело больше, чем всегда. В бабушкиной гостиной служили всенощную. А перед вечерним чаем зажигалась большая елка в моем любимом белом зале. Присутствовала только своя семья, и каждый получал от Веры Александровны коробку эйнемовских (после революции — кондитерская фабрика «Красный октябрь». — А. О.) конфет. В зале пахло хвоей, воском тающих свечей и нежным запахом оранжевых цветов из больших корзин, которые Михаил Павлович дарил Вере Александровне. В доме было тихо-тихо, и мы сидели у горевшего трепетными огоньками дерева. Когда догорали последние свечи, мы шли вниз, в столовую, пить свой обычный вечерний чай и в одиннадцать часов, как всегда, расходились по своим комнатам... На утро начинался праздник. Завтрака в этот день не готовили. Но зато накрывался в бабушкиной гостиной большой стол со всевозможными закусками, с винами, с постоянно кипящим самоваром. С двенадцати часов до пяти, не переставая, приезжали визитеры-мужчины поздравить бабушку и Веру Александровну с праздником. Пока хватало сил, бабушка принимала гостей вместе с Верой Александровной, а потом уходила в свою спальню... По традиции вся семья в первый день Рождества и Пасхи всегда обедала у матери Михаила Павловича — Марфы Ивановны, жившей с семьей своего другого сына Александра Павловича в особняке на фабрике Овчинниковых около Таганки».

Михаил Павлович был суровым человеком и не любил баловать своих детей... Он считал, что молодой человек должен сам зарабатывать деньги на свои удовольствия и поэтому сильно ограничивал наличные, выдаваемые им старшим сыновьям... Единственно, кого Михаил Павлович выделял среди своих детей, была маленькая Таня — не по годам умный и развитой ребенок. Об этом пишет В. А. Попов: «Михаил Павлович, внешне суровый ко всем своим детям, с Таней был необыкновенно ласков и подолгу сидел около ее кровати, когда вечером она ложилась спать. Они разговаривали, тайком шалили, пока Вера Александровна не настаивала, чтобы он ушел из детской».

Эти короткие выдержки из воспоминаний Попова показывают нам Михаила Павловича как внешне сурового и замкнутого человека, но внутренне доброго и ласкового. Об этом свидетельствует его отношение к младшей дочке, угощение деревенских детей конфетами, уважительное отношение к матери — вдове Павла Акимовича Овчинникова и к своей жене Вере Александровне. Михаил Павлович во всем любил порядок — дома и на фабрике. «Ювелирное дело Овчинниковых», которым он руководил после смерти отца, процветало. Фабрика работала в прежнем режиме, и там, по словам моей двоюродной бабушки Татьяны Михайловны (бывшей «маленькой Тани» Овчинниковой, которую я застал еще живой и до глубокой старости отличавшейся живостью ума и прекрасной памятью), сохранялись те же порядки, что были заведены при основателе фирмы Павле Акимовиче. Михаил Павлович с гордостью относился к своим званиям Потомственного Почетного гражданина Москвы и поставщика двора Его Императорского Величества. Татьяна Михайловна в письме моему отцу от 19 декабря 1991 г. написала, что, когда отменили крепостное право, т. е. в 1861 г., Михаилу Павловичу Овчинникову было пять лет (из этого письма я узнал, что он родился в 1855 или в 1856 г.) и его уже стали обучать ювелирному делу. Другим ее интересным воспоминанием был почетнейший заказ фирме Овчинниковых к февралю 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых. Михаилу Павловичу поручили изготовить из чеканного серебра и драгоценных камней «шапку Мономаха». Это было очень трудное дело, так как необходимо было выполнить из серебра опушку знаменитого головного убора под цвет и структуру меха соболя. Этот заказ был выполнен мастерами фабрики Овчинниковых в срок и так искусно, что отличить серебряную опушку от настоящего меха можно было только на ощупь. Михаил Павлович в благодарность от Императора Николая II получил золотые часы с камнями. После его смерти следы этих часов затерялись. По данным Г. Г. Смородино-

вой, Михаил Павлович был одним из учредителей и действительным членом Совета Императорского Строгановского художественно-промышленного училища, в котором с его помощью были устроены эмальерная и ювелирная мастерские. М. П. Овчинников оказывал финансовую поддержку Всероссийскому конкурсу рисунков по художественной промышленности, продолжая при своей фабрике работу школы ремесленников по золотому и серебряному делу.

Михаил Павлович Овчинников скончался в конце 1913 г. в возрасте 58 лет от крупозной пневмонии и был похоронен на кладбище Покровского монастыря в Москве. Фабрика Овчинниковых перешла в руки среднего брата Овчинниковых — Александра Павловича и просуществовала до 1916 г., когда была закрыта в связи с обстоятельствами Первой мировой войны. Судьба изделий фабрики, сохранившихся к этому времени, мне неизвестна, но я знаю, что в нашей стране около 50 предметов фабрики Овчинникова хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге, а также в Историческом музее в Москве и в музеях Московского Кремля. Некоторое количество вещей с клеймом фабрики П. Овчинникова можно увидеть в Музее декоративно-прикладного искусства. Для особо интересующихся хочу сообщить, что в семье моего отца и в моей семье не осталось ни одного изделия Овчинниковских фабрик, а в последнее воспоминание об их былой славе — столовая ложка из окончатой эмали, подаренная матерью моего отца моей матери в день ее свадьбы — была украдена вместе с другими вещами, не имеющими отношения к «делу Овчинниковых», в начале 80-х годов при ограблении нашей квартиры во время «буйства и неистовства» первых лет перестройки. Мне как единственному оставшемуся в живых наследнику Овчинниковых досталось лишь звание Потомственного Почетного гражданина города Москвы, звания, которое мои предки носили почти 150 лет.

Несколько лет тому назад я съездил в Покровский Монастырь на Таганке в надежде узнать что-либо о захоронении моего прадеда Михаила Павловича Овчинникова, но был глубоко разочарован. Соборы монастыря я нашел в прекрасном виде, окруженными толпой женщин разного возраста, стоявшими в очереди к иконе и мощам св. Матроны Московской. Но бывшего ранее огромного кладбища, одного из самых больших и богатых монастырских кладбищ в Москве, я не обнаружил. Из книги «История Покровского монастыря и монастырского кладбища» [9] я с прискорбием узнал, что в первые годы советской власти Покровский монастырь, как и все другие московские обители, был национализирован... Вскоре (в 1919 г.) монастырское кладбище, как

и ряд других, было закрыто для захоронений. В середине 20-х годов в монастыре разместили Дом рабочих и служащих Бухаринского трамвайного парка. Все постройки бывшей обители были превращены в плотно заселенные жилые дома, а окружающая их территория — в место обычной хозяйственной деятельности и «отдыха» жителей...

В 1927 г. была развернута кампания по «ликвидации безнадзорных могил» на кладбищах Покровского и Алексеевского монастырей. Параллельно было дано распоряжение о снятии решеток со всех без исключения могил. Фактически эти меры были началом полного уничтожения кладбища, так как «безнадзорными» по существу можно было объявить большинство захоронений старше конца XIX в., а без металлических решеток сооружения некрополя теряли значительную часть своей художественной выразительности, и даже многие из оставшихся могил могли быть позже снесены как «уродующие» облик территории. Однако вскоре от такой тактики «постепенного» уничтожения некрополя решили отказаться. В том же 1927 г. Рогожско-Симоновский и Сокольнический райсоветы обратились в Моссовет за разрешением полностью ликвидировать надгробия Покровского, Андрониева и ряда других монастырей — для организации мест отдыха трудящихся и парков. На месте кладбища, фактически на человеческих костях, во второй половине 1930-х годов были построены стадион, летний театр, детские площадки с качелями, каруселями и т. д.

Последние сведения об обследовании некрополя Покровского монастыря относятся к 1929 г. К этому времени разрушение памятников кладбища уже приобрело массовый характер, о чем красноречиво говорится в акте кладбищенской Комиссии от 19 апреля 1929 г.: «Вообще все кладбище представляет из себя хаотический вид поваленных и разбитых надгробий, изломанных и тут же брошенных решеток и других металлических частей». На фотографиях, сделанных в 1931 г., в том месте, где ранее располагался высший разряд кладбища с множественными художественно выполненными склепами и надгробиями, уже не видно ни одного надгробья, зато заметны многочисленные разрытия. На месте, где стоял фамильный склеп Морозовых, выполненный по проекту А. М. Васнецова, отчетливо видна гряда кирпича.

Здания храмов в течение советского периода приспособлялись для нужд разных организаций. Надгробные памятники, находившиеся в них, были также уничтожены. После распада СССР, в 1995 г., восточная половина монастыря с храмами и другими историческими зданиями была возвращена Русской православной церкви и началась реставрация храмов. Как выяснилось в ходе недавних ремонтно-

реставрационных работ в Покровской церкви, многие надгробия закапывались тут же. Под центральной частью храма были обнаружены многочисленные фрагменты некрополя: части надгробий, гробов, останки самих погребенных. При расчистках перед входом в церковь были найдены белокаменные надгробия XVIII в.. Аналогичные находки были сделаны и при ремонте Воскресенского собора. Возможно, где-нибудь под футбольным полем или под детской каруселью «покоятся» и останки моего прадеда, Почетного гражданина города Москвы, владельца всемирно известной ювелирной фирмы Михаила Павловича Овчинникова.

Мой дед Алексей Михайлович Овчинников

Все сведения о своем дед я смог почерпнуть только из неоднократно цитируемой мною рукописи В. А. Попова [1]. Из нее я смог узнать, что мой дед Алексей Михайлович родился 16 июня 1888 г. и в описываемое Поповым время ему было около 15 лет. «Он сразу понравился мне, — пишет автор рукописи — это был плотный мальчик, краснощекий, с круглой, коротко остриженной головой и в курточке с ремнем, — форма, какую носили тогда ученики средних учебных заведений. На румянном лице резко выделялись правильной дугой темно-каштановые брови; лицом он был похож тогда больше на мать, чем на отца...». Алеша учился в Практической Академии и мечтал поступить в Императорское высшее техническое училище, для чего в течение нескольких лет занимался с репетитором, в основном математическими науками. Он неплохо рисовал, и его родители хотели, чтобы он учился рисованию, надеясь, что он продолжит ювелирное дело Овчинниковых. Для этого к нему приезжал учитель рисования Завьялов. У Алексея был музыкальный слух и уже в детстве он играл в семейном оркестре балалаечников, который организовал его отец, а позже стал брать уроки игры на виолончели. В более старшем возрасте он самостоятельно выучился игре на двухрядной гармонии и с легкостью подбирал на этом инструменте популярные в то время мелодии русских песен. Но больше всего в жизни его интересовали охота и различные моторы. В юности он обожал многокилометровые прогулки с ружьем по лесу, постоянно возился с охотничьими принадлежностями для снаряжения патронов и часами обсуждал со своим дядей Колей, тоже страстным охотником, достоинства и недостатки различных ружей и охотничьих собак. Эта страсть сохранилась у него и во взрослом возрасте. После окончания школы в 1906 г. он по собственному желанию поступил в Императорское высшее техническое училище (в последующем — Московское высшее техническое училище имени Баумана).

В этот период Алексей «заболел» автомобилями, которых к тому времени становилось все больше и которые быстро совершенствовались. Как пишет В. А. Попов, «Для него автомобиль был живым организмом. Каждая деталь его механизма, непонятная даже культурному человеку нашего времени, непосвященному в тайны механизма, была ему близко знакома, и он знал все причины, от которых мотор может перестать работать». Конечно, он мечтал о собственном автомобиле, но Михаил Павлович, как я уже писал, не хотел баловать сына и требовал, чтобы он сам зарабатывал деньги. Постепенно Алексей скопил деньги на мотоцикл. Он часами возился с ним: чистил, изучал, регулировал. Доведя машину до идеального состояния, он продал ее и купил себе новую, более совершенную. Так повторялось несколько раз, и в 1914 г. у него была уже прекрасная сильная машина «Индиан» с коляской, в которой он мог возить пассажира. Как пишет В. А. Попов, «ему доставляло большое удовольствие ехать на мотоцикле, работающем четко и без перебоя, куда-нибудь за город, везя с собой в колясочке лицо, приятное ему в этой прогулке». Одновременно с мотоциклами Алексей увлекся и моторными лодками, на которых принимал участие в соревнованиях. Сохранились фотография Алексея с приятелем на моторной лодке, сделанная на Москве-реке в районе Воробьевых гор, и множество фото на мотоциклах разных моделей.

Когда началась Первая мировая война, Алексей был призван в армию в качестве «кондуктора» (нечто вроде военного инженера). Первые месяцы войны он вынужден был провести на службе в канцелярии военно-технического ведомства. Он тяготился этой службой. Его быстрая живая натура и кипучая энергия требовали выхода, и Алексей быстро нашел этот выход: он поступил на курсы военных летчиков. Авиация в те годы, стимулируемая потребностями войны, развивалась семимильными шагами. Появились самолеты-амфибии, и осенью 1915 г. Алексей уехал в Петербург, где стал курсантом морского военного училища и начал осваивать полеты на гидропланах. В начале войны во время разведывательного полета над морем его самолет потерпел аварию, но, к счастью, летчик был спасен оказавшимся рядом русским миноносцем. В 1917 г. летное отделение училища было переведено в Баку, и в июле того же года Алексей получил офицерский чин и был оставлен в училище инструктором. Последняя его фотография была прислана им домой летом 1917 г. из Баку: красивый загорелый молодой офицер в белом морском кителе на фоне так называемой «летающей этажерки», как называли имевшиеся в те годы на вооружении русской армии самолеты с крыльями в два этажа.

После октябрьского переворота Алексей чудом добрался до Москвы и зарегистрировался как военный летчик. Он был направлен в качестве инженера на авиационный завод в Брянске, где проработал чуть меньше года. В начале 1920 г. он был арестован и под охраной перевезен в Петроград, где помещен в тюрьму. Его последняя записка сестре Тане из тюрьмы была датирована февралем 1920 г.: «Близится весна. Голодаю, слабею, надеюсь к Пасхе быть дома...». Получив письмо и выхлопотав разрешение, Татьяна выехала в Петроград и, придя в тюрьму, узнала, что Алексей Михайлович Овчинников умер от тифа и истощения 6 марта 1920 г. и был похоронен в общей могиле. Ему было то время 32 года.

Теперь давайте вернемся на пятнадцать лет назад, в счастливые дни 1904 года. Семья Овчинниковых, как я писал выше, снимала в это лето флигель в имении Белкиных «Воскресенское», недалеко от ст. Бутово Курской железной дороги. Дом был окружен парком, который сбегал с двух сторон к большому пруду, через который от одного берега к другому был перекинут мост. На лето переезжали большим кагалом — кроме Веры Александровны и Михаила Павловича Овчинниковых с пятью детьми, бабушка Пелагея Кузьминична (мать Веры Александровны), сестра Михаила Павловича, «тетка Анна» с сыновьями Жоржем и Шурой, которые будучи на 4–5 лет моложе Алексея, относились к нему с большим уважением. Привозили с собой слуг — Осипа Алексеевича, прислуживавшего за столом, за которым в выходные дни собиралось до 15–20 человек; кухарку; горничную Веры Александровны; бойкую еще старушку-няню маленькой Тани; гувернантку Веры и Миши, фрейлен Гемминг, ходившую в туго накрахмаленных платьях, в шляпке и перчатках; камердинера Ефрема, человека средних лет с большими усами, большого любителя выпить. Занятия чередовались с прогулками, в которых вместе с детьми и их воспитателями принимали участие Вера Александровна и Михаил Павлович, приезжавший из города на субботу и воскресенье. Ходили за грибами, плавали на лодках по реке, а иногда нагружали телегу провизией, посудой, самоварами и отправлялись за 5–6 верст в соседнее Астафьево (современное написание Остафьево) — старинное имение графов Шереметевых, в котором размещался музей художественной старины, картинная галерея и где бывал А. С. Пушкин, навещавший своих друзей Вяземских, прежних владельцев имения. Нередко приезжали гости. Чаще других — Александр Константинович Трапезников, ухаживавший за старшей дочерью Овчинниковых — Марией, с которой он обвенчался в 1905 г. Однажды на несколько дней приехала целая компания молодых Живаго: Татьяна

Романовна — барышня лет 18, ее брат Вася — ровесник Алеши и сестра Наташа, серьезная тихая девочка со сдержанными манерами, которой в то время было 12 лет. Их отец Роман Васильевич Живаго был богатым домовладельцем, наследником своего отца Василия Ивановича Живаго, владельца крупного магазина военного имущества и офицерского обмундирования на Тверской. Роман Васильевич окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, увлекался музыкой и собирал редкие музыкальные инструменты, а с его супругой Таисией Ивановной была близко знакома Вера Александровна Овчинникова. Возможно, это была первая встреча моего деда Алексея Михайловича со своей будущей женой, моей бабушкой Натальей Романовной Живаго, встреча, с которой началась их дружба, которая затем переросла в любовь. Наташа была очень одаренным человеком — она прекрасно рисовала, обучаясь живописи у известного художника К. Ф. Юона, и ее картины, главным образом великолепные акварели, до сих пор украшают стены нашей квартиры.

В 1906 г. Алеша закончил последний, 7-й класс Практической Академии и осенью стал студентом Императорского высшего технического училища. По словам В. А. Попова, он сильно вырос, похудел, сменил детскую прическу «бобриком» на длинные волосы «на пробор», смазывая их бриолином. Он начал учиться играть на виолончели и благодаря своему прекрасному слуху добился успехов. Вместе с Живаго он стал часто бывать в консерватории, а после концертов провожал Наташу и Васю до их особняка на Никитском бульваре, нередко засиживаясь у них допоздна. В доме Живаго всегда было много молодежи, по праздникам устраивались маскарады с танцами и угощением, и Алеша был неизменным их участником. Иногда по вечерам собирались за чайным столом и начинали сообща сочинять стихи, причем в этой игре нередко принимал участие и дядя Саша (Александр Васильевич Живаго, брат Романа Васильевича, врач и знаменитый путешественник и египтолог, чья коллекция египетских древностей находится в настоящее время в отделе личных коллекций при Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), большой любитель молодежи.

В марте 1907 г. Наташе Живаго исполнилось 16 лет. В день ее совершеннолетия Алеша подарил ей букет прекрасных роз, купленный в одном из лучших цветочных магазинов. Однако, будучи очень стеснительным, он попросил своего бывшего воспитателя В. А. Попова, ставшего его близким другом, чтобы цветы были преподнесены Наталье от них обоих. Что и было сделано.

27 апреля 1911 г. состоялась свадьба Алексея и Натальи. Жениху было в это время 23 года, невесте — 20. Наталья Романовна стала очаровательной изящной молодой женщиной и вместе с высоким крупным Алексеем, сохранившим детскую застенчивую улыбку, они смотрелись очень красивой парой. Венчались в церкви Козьмы и Дамиана на Таганке. Было многолюдно: вся многочисленная родня Овчинниковых и Живаго, их друзья и знакомые. В. А. Попов вспоминает интересный момент, когда Алексей и Наталья должны были встать на атласный коврик перед аналоем. Присутствующих всегда интересует, кто первым ступит на него, так как, по распространенному мнению, первый вступивший на коврик будет «верховодить» в семейной жизни. Алексей первым подошел к коврику, дождался, когда Наталья наступит на атлас и лишь потом опустил на него свою ногу. После венчания в доме у Овчинниковых был устроен «открытый буфет» и гости рассеялись по всему дому... Далее снова передаю слово В. А. Попову: «Молодые тем временем переоделись, и через некоторое время мы все отправились провожать их на Николаевский вокзал. Они уезжали в Финляндию: Алеша ни за что не хотел делать обычного в таких случаях путешествия за границу». Вспомним, что Финляндия в те годы была частью Российской империи.

В июне 1912 г. у Алексея и Натальи родилась дочка Наташа, Туся, а через три года, в ноябре 1915 г., когда Алексей уже был курсантом морского авиационного училища, родился мой отец, которого называли Адрианом, Адиком. Алексей Михайлович обожал свою дочку, с которой проводил много времени, катал ее на мотоцикле, и она уже в трехлетнем возрасте была просто влюблена в своего отца. Его отъезд в Петроград был для нее настоящей трагедией. Сына же своего Алексей видел очень мало, возвращаясь в Москву лишь во время коротких отпусков. Так, по свидетельству В. А. Попова, зимой 1916 г. Алексей Михайлович приезжал в «Новое», подмосковное имение Романа Васильевича Живаго, где жила в то время Наталья Романовна с детьми. Он был одет в морскую форму, которая, по словам Попова, очень ему шла. «Я помню, — пишет Попов, — меня удивила серьга в одном ухе у него: это был какой-то талисман морских летчиков. В этом талисмане-серьге так ясно отражалась молодая Алешина душа: он верил и не верил в этот “талисман” и в то же время его потешало удивление других при виде этой серьги в его ухе...». Длительное пребывание Алексея вдали от его семьи отдалило его от Натальи Романовны. После возвращения его в Москву в конце 1917 г. и до отъезда его в Брянск супруги жили врозь. Осталась короткая записка Натальи Романовны: «Помню, как

в сентябре 19-го года Алеша приходил ко мне...». О чем говорили они, осталось неизвестным.

После смерти Алексея Михайловича Наталья Романовна в 1928 г. вышла замуж за друга их юности Дмитрия Ярошевского и в 1931 г. родила сына Илью, сводного брата моего отца. Она умерла в 1939 г. от, как тогда говорили, «грудной жабы». Меня показывали ей, когда она приезжала к Сперанским на дачу в 1938 г., но в моей памяти она не осталась. Туся Овчинникова, которой в ту пору было около 16 лет, со свойственным юности радикализмом не захотела примириться с новым замужеством своей матери, считая это предательством по отношению к памяти горячо любимого ею отца. К этому времени ее тетка, старшая сестра Натальи Романовны Татьяна вместе с их овдовевшей матерью Таисией Ивановной Живаго уже много лет жили в Неаполе, где муж Татьяны, ихтиолог Рейнхард Дорн был директором знаменитой зоологической станции и морского аквариума. И Туся уехала в Италию к бабушке и тете. Всю жизнь она провела за границей, училась живописи, выходила замуж, разводилась... Последние тридцать лет она проработала редактором на радиостанции «Свобода» в Мюнхене и впервые посетила Россию и увидела своих московских родственников в возрасте 79 лет в начале «перестройки» в 1991 г. Спустя три года она скончалась.

Мой отец Адриан Алексеевич Овчинников

Теперь я хочу рассказать о моем отце Адриане Алексеевиче Овчинникове, ярком и талантливым человеке, которого я очень любил, но с которым у нас были довольно сложные взаимоотношения. Все детство и юность Адриана прошли в доме на Никитском бульваре, который раньше принадлежал Роману Васильевичу Живаго, отцу супруги моего деда, Натальи. Дом этот в первые годы советской власти, естественно, отобрали, оставив многочисленной семье Живаго две небольшие комнаты в левом флигеле дома. Летние месяцы Наталья Романовна с детьми проводили на даче в Дарьино в пяти верстах от станции Жаворонки Белорусской железной дороги, где семья снимала небольшой дом. Добираться до Дарьино в те годы было довольно трудно: от станции нужно было идти пешком, и Адриан из разных деталей собрал себе велосипед с низким гоночным рулем. Этот руль, как он рассказывал мне, он купил в Торгсине («Торговля с иностранцами»). Так назывались магазины, где продукты и товары продавали за валюту или меняли на драгоценности. На этом велосипеде, которым он очень гордился, отец ездил в Дарьино и нередко из самой Москвы. Дарьино в те далекие годы было малоизвестной деревней, окруженной глухими

Рис. 12. Адику 1 год и 8 месяцев
(1917 год)

Рис. 13. Адику 12 лет
(1927год)

Рис. 14. Адику 17 лет (1932 год)

лесами, где было много дичи, и Адриан весной ходил там на тягу, принося иногда по несколько вальдшнепов. По удивительному стечению обстоятельств вблизи от их дома была дача знаменитого архитектора И. В. Жолтовского, в мастерской которого Адриан впоследствии проработал много лет.

Адриан дружил со своими двоюродными братьями Александром и Никитой и их сестрой Таней, детьми Василия Романовича Живаго, своего дяди. В этой компании он познакомился с моей матерью Натальей или, как ее называли, Налей, дочерью известного детского доктора Георгия Несторовича Сперанского, чье имя носит крупнейшая московская больница и главный детский центр страны, Российский институт педиатрии. Летом 1935 г. Адриан и Наля Сперанская поехали вдвоем на Черноморское побережье Кавказа в поселок Махинджаури вблизи Батуми. Там 14 июля 1935 г. они расписались в местном загсе.

Еще будучи школьником старших классов, Адриан увлекся спортом и прежде всего горными лыжами. В конце двадцатых годов в Москве оказались несколько австрийцев, работавших здесь по приглашению советского правительства. Они привезли с собой горные лыжи, окантованные металлом, и лихо катались на них с Воробьевых гор. Адриан, глядя на них, сам окантовал простые деревянные лыжи металлическими пластинками, закрепив их заклепками, и стал регулярно ходить на «Воробьевку». Я помню его рассказы о том, как много снега выпадало в те годы в Москве и как он на лыжах ходил с Никитского бульвара до Лужников, где не было ничего, кроме огородов, и, перейдя по льду Москву-реку, поднимался на Воробьевы горы. В начале 30-х годов он стал заниматься в горнолыжной секции Центрального дома Красной Армии (ЦДКА) и вскоре стал одним из сильнейших горнолыжников нашей страны и одним из первых получил звание «Мастера спорта» по горным лыжам. В книге воспоминаний многократного чемпиона страны и известного тренера Дмитрия Ефимовича Ростовцева «Зеркало скорости» [10] среди корифеев горнолыжного спорта много хороших слов посвящено и Адриану Овчинникову. По словам другого чемпиона Советского Союза по горным лыжам, уже послевоенного времени, Владимира Преображенского, которого мальчишкой встретил отец на подмосковной Шуколовке (деревне недалеко от станции Турист Савеловской ж. д.) и который всегда считал моего отца своим первым тренером, на спуске Адриана всегда отличали «склонность к риску и бесстрашие».

В 1934 г. отец, который с детства имел большие способности к рисованию, поощряемые и развиваемые его матерью-художницей,

Рис. 15. Адриан – студент МАРХИ (1934 год)

Рис. 16. Команда архитектурного института по лыжной эстафете

Рис. 17. Адриан Овчинников на трассе слалома
(Кировск, 1939 год)

Рис. 18. В 1939 году Адриан получил звание
Мастера Спорта по горным лыжам.
Этот значок был сделан по его проекту в 1950 году

поступил в Московский архитектурный институт. Там он продолжал заниматься в горнолыжной секции, которую тренировал Вадим Гишпенрейтер, чемпион страны по слалому, ставший впоследствии известнейшим фотохудожником. Кроме горных лыж Адриан, будучи очень сильным и атлетически развитым человеком, занимался беговыми лыжами, прыжками с трамплина и двоеборьем, легкой атлетикой и плаванием, велосипедом и теннисом, неоднократно выступая за архитектурный институт на студенческих спартакиадах. Он был чемпионом института по семи видам спорта. Его способности к рисованию и упорные занятия позволили ему весной 1940 г. с отличием окончить архитектурный институт, однако поработать по специальности ему практически не удалось: началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Еще в институте отец записался в парашютную секцию Осоавиахима и сделал свои первые прыжки с самолета, получив значок спортсмена-парашютиста. Однако в последнюю предвоенную весну во время лыжных соревнований в Кировске он сломал ногу и поэтому при мобилизации летом 1941 г. попал не в десантные войска, куда направляли всех парашютистов, а получил назначение в авиационное подразделение в подмосковном поселке Кубинка. Там и сейчас находится знаменитый аэродром, с которого взлетают известные на весь мир группы высшего пилотажа «Русские витязи» и «Стрижи». В Кубинке молодому архитектору, «военинженеру» Овчинникову сначала было поручено строительство армейского Дома культуры, а в 1942 г. он был переведен в полк дальней бомбардировочной авиации, базировавшийся в Ярославле. Там он был назначен начальником маскировочной службы полка и получил звание лейтенанта. В Ярославле отец прослужил до весны 1944 г., когда заболел фиброзно-кавернозным туберкулезом легких и был комиссован из армии. Спас отцу жизнь стрептомицин, который тогда только-только появился и мой дед академик Сперанский смог достать ему это дефицитное в то время лекарство. В первые послевоенные годы самочувствие отца было относительно неплохим. Он много работал, поступил в аспирантуру и начал подготавливать кандидатскую диссертацию по малоэтажному домостроению. Участвовать в соревнованиях Адриан уже не мог, но от спорта не отошел. В 1946 г. он был главным судьей на чемпионате Москвы по слалому. Он ставил трассы, бесцельно спускаясь вниз и поднимаясь вверх с охапкой флажков, забыв о собственном здоровье. В 1949 г. Адриан начал работать над эскизом значка «Мастер спорта СССР». Он отказался от всяких традиционных атрибутов спортивных эмблем и сделал

значок прямоугольной формы, очень лаконичный и запоминающийся. 3 апреля 1950 г. образец значка был утвержден в Комитете по делам физкультуры и спорта и начался его серийный выпуск на Московской художественной эмальерно-филигранной фабрике. Несколькоими годами позже он разработал проекты значков «Заслуженный мастер спорта» (1956), «Спортсмен-подводник» и «Первенство СССР по подводному плаванию» (1958). Но тоска по лыжам осталась. Большим счастьем для отца были туристические горнолыжные поездки за границу. В пятидесятые годы пределом мечтаний любителей горных лыж были групповые поездки в Польшу и Чехословакию. Отец побывал там и вернулся с сияющими глазами, полный впечатлений. В феврале 1961 г. отец побывал и в Австрии в составе спортивно-туристической группы, организованной Спорткомитетом и Домом архитектора. В эту группу, помимо архитекторов, были включены несколько известных горнолыжников, перешедших на тренерскую работу. Туристы провели в Австрии две недели, посетив ряд самых знаменитых горнолыжных центров этой страны: Инсбрук, Китцбюэль, Сант-Антон, Арльберг и др. Оттуда отец привез кинофильм и с восхищением рассказывал нам о трассах, подъемниках и отелях, в которых они останавливались. После этих поездок и изучения по журналам международного опыта горнолыжного строительства он совместно с Ю. М. Анисимовым, М. Я. Пламмом и А. П. Галли написал и подготовил к изданию книгу «Сооружения для лыжного спорта», выпущенную издательством «Физкультура и спорт» в 1972 г. В ней были описаны многие варианты горных спортивных баз и центров, подъемников и горнолыжных трасс и разработаны современные принципы проектировки и строительства горнолыжных центров.

В самом конце сороковых годов отец с помощью моего деда Сперанского купил на складе в Подмосковье разборный щитовой финский дом, который был собран под его руководством на участке дачи Сперанских на станции Турист Савеловской железной дороги. Адриан собственными руками сделал в этом доме очень красивый камин с великолепной тягой. Этот камин и сейчас является украшением нашего дома и его «душой». У отца были отличные руки и очень хороший вкус, и все, что он делал, строил и ремонтировал, было добротно и красиво.

На горках, окружающих нашу дачу в Туристе, отец вновь встал на лыжи. Однако силы его были уже не те, что в молодости, и однажды ранней весной 1959 г., захотев прыгнуть с небольшого бугра, он неудачно упал на спину и получил перелом позвоночника. Он был вынужден провести почти четыре месяца в Центральном институте

Рис. 19. Наля и Адриан на лыжной прогулке
(Турист, 1950 год)

Рис. 20. Последний снег. На лыжах в Муханках
(Турист, 1956 год)

травматологии и ортопедии (ЦИТО), сначала на вытяжении, а потом лежа на спине на жестком щите. За время пребывания в ЦИТО Адриан закончил свою диссертацию, которую защитил вскоре после выписки из института будучи еще в корсете. Тема его диссертации «Малоэтажное и индивидуальное домостроительство» в значительной степени опередило свое время. Не считая собственного небольшого домика, отец спроектировал и построил всего 2–3 загородных дома для своих знакомых. Бум индивидуального строительства в нашей стране начался в самом конце его жизни, когда у него уже не было сил для того, чтобы претворить свои знания в жизнь. Зато Адриан много сотрудничал с журналом «Техника — молодежи». В ряде номеров 1957–1960 гг. он опубликовал серию статей по индивидуальному домостроительству: «Строим дом», «Жилище должно радовать», «Где мы будем жить в недалеком будущем», «Просто и красиво», «Продолжаем разговор о доме», «Конкурс идей» и др.

В начале 50-х годов отцу удалось поступить на работу в школу-мастерскую известного зодчего академика И. В. Жолтовского. Иван Владиславович очень ценил Адриана и считал его отличным архитектором и талантливым художником. В мастерской Жолтовского отец познакомился и подружился с известными в последующем архитекторами Юрием Шевердяевым, Петром Скоканом, Всеволодом Воскресенским, Юрием Лебедевым и другими, сыгравшими важную роль в его жизни и ставшими близкими друзьями нашей семьи. После смерти И. В. Жолтовского в 1959 г. отец, продолжая работать в его мастерской, стал преподавать в Московском высшем художественно-промышленном училище, так называемой «Строгановке». Здесь интересно вспомнить о том, что, как я уже писал выше, дед моего отца ювелир Михаил Павлович Овчинников был одним из учредителей и членом Совета Императорского Строгановского художественно-промышленного училища. Так что в этом видна очевидная связь поколений.

Временами самочувствие отца было неплохим. В такие периоды он был энергичным, активным, жизнедеятельным. Несколько раз мы ходили с ним в интереснейшие байдарочные походы по рекам Волге и Пре, озерам Карелии. Это были запоминающиеся поездки и они достойны отдельных описаний. К сожалению, болезнь, полученная в военные годы, отца так и не отпустила: после многократных «поддуваний» воздуха для лечебного пневмоторакса (так в те годы лечили кавернозный туберкулез легких) в плевральной полости образовались мощные спайки и длительно поджатое легкое не смогло расправиться. В плевральных полостях постоянно накапливался экссудат, и Адриан

был вынужден много времени проводить в разных туберкулезных больницах и в санатории в Крыму. К концу пятидесятых годов стало ясно, что без операции не обойтись: левое легкое нужно освобождать от сращений и покрывающего его фиброзного «панциря». Эту операцию сделал знаменитый фтизиохirurg академик Лев Константинович Богуш, заведующий хирургическим отделом в Центральном туберкулезном институте (ЦТИ) на станции Яуза на окраине Москвы. Операция отца, к счастью, прошла довольно удачно. Адриан снова уехал в крымский санаторий ИКТ (Институт климатотерапии имени И. М. Сеченова), где стал чувствовать себя лучше, окреп, и легкое почти полностью расправилось. После выздоровления он полностью перешел на кафедру проектирования мебели в Строгановское училище, где вскоре получил диплом профессора и проработал там более 30 лет, до выхода на пенсию в 1996 г.

Далее я вынужден приступить к самой трудной для меня теме, избежать которой невозможно. Адриан был очень интересным и видным мужчиной, прекрасно, со вкусом одевался, умел говорить комплименты и быть любезным. Он всегда пользовался большим успехом у женщин. Длительные периоды жизни отца в крымских санаториях, вдали от семьи, сильно осложнили его отношения с моей матерью. Думаю, что она тоже не во всем была права, но об этом я не хочу писать. Еще до операции мать узнала, что, будучи в санатории на Рижском взморье, отец познакомился с женщиной, с которой он продолжал встречаться в Москве. Этот роман тянулся долго и мучительно для моей матери, так как некоторые ее «подруги» спешили поделиться с ней всеми новостями из личной жизни отца. После операции, когда здоровье отца улучшилось, его романы вновь продолжились. Видя, как страдает мать, я со свойственным юности радикализмом решил серьезно поговорить с отцом. К сожалению, я не смог найти правильный тон разговора и резко сказал отцу, что так продолжаться не может и что он должен выбирать — оставаться с нами или уходить. Были еще какие-то неприятные слова с моей стороны, но я их точно не запомнил. Разговор происходил вечером, а рано утром следующего дня отец разбудил меня, поцеловал и со слезами сказал «Прощай, малыш, я ухожу»... Теперь, прожив свою жизнь, я понимаю, что сделал колоссальную ошибку, вмешавшись в жизнь своих родителей, на что я не имел никакого права. Мне думается, что отец не собирался уходить из семьи. Он любил мою мать и меня и, может быть, со временем все бы наладилось, успокоилось. Может быть, наберись мы побольше терпения, моя мать не осталась бы одинокой на всю вторую половину своей жизни. Гово-

рят, что сорок пять лет — самый сложный возраст у мужчин, когда многие попадают в непростые семейные коллизии. Я знаю это и по собственному опыту.

Адриан переехал к Валерии Павловне Колосовской, врачу-фтизиатру из ЦТИ, о которой я лично до этого даже не слышал. Это событие произошло весной 1962 г., и с тех пор я навсегда потерял отца. То есть он жил здесь же, в Москве, но прежней близости уже не было. Мне было очень трудно видеть отца в новой жизни, с новой женой, хотя я отдаю должное Лере, которая очень много сделала для отца, поддерживая его здоровье и выдерживая его образ жизни и характер, который с возрастом становился все труднее и труднее. Во второй половине жизни отец часто болел: пневмонии, бронхиты, простуды надолго выбивали его из привычного жизненного уклада. Так, летом 1966 г. во время поездки на пароходе в Астрахань он заболел тяжелой пневмонией и вынужден был провести почти десять дней в гостиничном номере, задыхаясь в лихорадке и в полубреду. Лера с трудом выходила его. После каждой пневмонии состояние его легких ухудшалось, присоединился тяжелый астмоидный бронхит с частыми обострениями, сопровождавшимися мучительным кашлем и удушьем. Врачи признали его инвалидом первой группы. Тем не менее душой он оставался молодым и интересы его жизни также были интересами молодого человека — лыжи, путешествия, автомобиль, моторные лодки... Лера, не без оснований опасаясь за здоровье Адриана, относилась к этому сугубо отрицательно, называя отца «неистовым». Со временем он был вынужден резко ограничить круг своих любимых занятий. Это приводило к конфликтам с Лерой и с самим собой. Он отдал мне сначала свои лыжи, потом лодочный мотор и прицеп для лодки, когда понял, что больше не сможет ими пользоваться. Для него это были очень непростые решения...

Оставалась живопись. В последние годы он много писал, перешел от привычной ему акварели на темпера, его картины стали очень сочными, яркими, красочными. Он устраивал выставку в Доме архитектора, и несколько его картин было продано за границу. Самым последним делом отца стало восстановление церкви в Дарьине, проект которой он начал делать в середине 90-х годов. Строительство церкви по его проекту началось еще при жизни отца, но сильно затянулось, и в готовом виде он ее увидеть не успел. Сейчас этот красивый и ухоженный храм, заново построенный на старом месте, украшает подъезд к Дарьину. Служитель церкви знает имя моего отца и его роль в восстановлении храма.

Отец скончался 8 июня 1999 г. от повторного инсульта на моих руках в неврологическом отделении больницы, в которой я работал. По настоянию Леры он был похоронен на сельском кладбище в Дарьи-не рядом с могилой его сводного брата Ильи Ярошевского, умершего на 12 лет раньше. Лера пережила отца ровно на один год и ушла вслед за ним в тот же день 2000 г.

Я понимаю, что на нескольких страницах я не смог и наполовину обрисовать образ такого многогранного и незаурядного человека, каким был Адриан Овчинников — спортсмен и профессор, художник и строитель, путешественник и пациент. Трагедия его жизни заключалась в том, что природа одарила его очень многим: художественным талантом, острым восприятием красоты, физическим совершенством, способностями к спорту и ремеслам. Он многого хотел, многое любил, многим интересовался. Но ужасная война и тяжелая болезнь рано выбили его из активной жизни. Теперь, с вершины своего возраста, я хорошо понимаю, как он, будучи еще молодым и кочуя из больницы в больницу, завидовал мне, мальчишке, в моих поездках на лыжные сборы и соревнования на Кавказ, в Алма-Ату и в Кировск, в места, которые он хорошо знал и любил и где прошла его юность. Мне же он тогда казался очень взрослым, почти что пожилым человеком. А ему в 1957 г. было всего 43...

Адриан своего отца практически и не знал. Я тем более никогда не видел своего деда. Поэтому мне кажутся удивительными те генетически переданные сыну свойства характера и интересы Алексея Михайловича, часть из которых унаследовал от деда и отца и я. Об увлечениях и характере моего деда я имею возможность судить по уже многократно упомянутым мною воспоминаниям его воспитателя и друга Владимира Александровича Попова. Отца своего я отлично помню, хотя прожили мы с ним вместе не столь уж и долго. Ну а о собственных характерологических особенностях мне помогает судить моя супруга Лариса, человек сугубо трезвого и объективного ума. Начну с общих увлечений. Их не столь уж много, но они прошли через всю короткую жизнь моего деда, молодость отца, также укороченную роковыми военными обстоятельствами, и мою юность. В первую очередь это увлечение охотой. Начиная с 15-летнего возраста и до начала Первой мировой войны, по словам В. А. Попова, охота и все, что с ней связано — ружья, снаряжение, собаки, было основным интересом Алексея Овчинникова старшего. На эту тему он мог говорить бесконечно. Вполне естественно, что и писатели, воспевающие охоту и дикую природу, были его любимыми. На их фоне у него был самый любимый писатель

Джек Лондон. «Этот суровый писатель с нежной душой, писавший о том, что жизнь есть борьба; что только тот побеждает в этой борьбе, кто закалит свою душу и тело для победы в ней и будет стремиться к свободе духа и тела от условностей жизни — этот певец борьбы за жизнь именно потому стал любимым писателем Алеши, что... сам Алеша был таким, каковы у Джека Лондона были все его герои — борцы за жизнь, суровые внешне, ласковые и нежные в тайниках своей души, честные, прямые и настойчивые в путях своих к цели, намеченной ими...». Так объясняет В. А. Попов литературные склонности своего воспитанника.

Охота и, конечно, Джек Лондон с его романтикой суровой жизни, сильными духом и телом героями были длительным увлечением Адриана, несомненно попавшего под влияние друзей Алексея Михайловича, помнивших и любивших его. Ну а мне эта же страсть была передана отцом, подарившим мне первое ружье-«духовушку» к моему десятилетию и научившему меня стрелять в цель, а пятью годами позже — настоящий дробовик 32-го калибра, так называемую «берданку». Ну а что касается Джека Лондона, то мне досталось в наследство полное собрание его сочинений — приложение к журналу «Всемирный следопыт» 1930 г., настоящее сокровище для мальчика, бредившего охотой и приключениями.

Другой наследственной страстью были автомобили и моторные лодки. Об этой стороне увлечений моего деда Овчинникова я уже упоминал выше. Для нас же с моим отцом этот интерес всегда был неослабным. Благодаря моему другому деду — Сперанскому, имевшему собственную «Эмку» еще до войны, отец научился управлять автомобилем уже в молодом возрасте и потом, вернувшись с фронта, передал это увлечение и мне, семилетнему мальчишке, которого он сажал к себе на колени и давал порулить автомобилем по проселочной дороге. Автомобили остались нашей страстью до старости. Мы также увлекались моторными лодками, хотя последние в нашей семье были весьма примитивными — с подвесным мотором «Москва» или «Вихрь». Однако мы с отцом всю жизнь мечтали построить настоящий моторный катер. Отец в течение многих лет, уже проживая отдельно от нас, регулярно покупал все номера журнала «Катера и яхты» в двух экземплярах и отсылал один из них мне. Поэтому теоретически мы были отлично подкованы в водномоторном спорте, хотя до настоящего катера дело так и не дошло.

Что касается общих черт характера, дело обстоит сложнее. Начну с воспоминаний Владимира Александровича Попова: «Когда в моей памяти встает облик Алеши, я вижу его таким, каким помню его в последние годы, когда он стал законченным в своем духовном развитии. Из

всех свойств его внутреннего “я” в нем больше всего поражала необыкновенная его воля. Она не выражалась в бурной энергии, но ковалась в упорной работе над самим собой, в труде, который вел его к намеченной цели. Препятствия на этом пути не пугали его: он разрушал их медленным, постепенным трудом... Другой чертой его было отсутствие в его мышлении и поступках пошлости, обыденности, — всего того, что обезличивает человека и сливает его с безликой толпой. Алеша был всегда выше толпы. Он не любил ходячих слов, суждений, мнений. Многим он, быть может, казался неприятен тем, что всегда сохранял свое собственное лицо. Он никогда не придавал большого значения материальным средствам, и они не были для него, как для многих других, самоцелью; он смотрел на них как на большую или меньшую возможность удовлетворить свои потребности, в первую голову те, которые были менее всего пошлы. Никогда он не любил “бросать пыль в глаза” и показывать, что его собственное материальное благосостояние стоит выше кого-нибудь другого. Во внешней обстановке своей жизни он не любил роскоши и его идеалом во внешности был на первом месте “комфорт”, а потом уже красота. Он мог и умел удовлетворяться самым малым. Эта скромность была одной из сторон силы его духа и не позволяла ему навязывать никому свое мнение. Он имел это “свое мнение”... он мог бороться за него и боролся, когда знал, что не может переменить его... Те, кто, как он, умели уважать чужое мнение и другую волю, уважали его и шли к нему, делаясь его друзьями... Алеша был борцом за жизнь, и мне кажется, что он победил бы ее, если бы случаю не угодно было так жестоко кончить эту борьбу в самом начале ее...».

Мой отец был, конечно, другим человеком, более эмоциональным, более «артистичным». Здесь, возможно, сказались наследственные черты характера его матери-художницы. Но способность к повседневному труду, твердость воли, с которой он шел к намеченной цели, индивидуализм и наличие собственного мнения по основным жизненным вопросам — этого у отца отнять невозможно. О себе судить трудно, но способность, когда нужно, «приклеиться к стулу», по выражению моей супруги, выполнить необходимую работу и хоть немного приблизиться к намеченной цели — эти свойства моего характера, как мне кажется, являются генетически обусловленными.

В 2015 г., через сто лет после рождения моего отца, благодаря инициативе и огромной помощи профессора МАРХИ А. М. Кожевникова в Архитектурном институте была устроена юбилейная выставка проектов и картин Адриана Овчинникова и выпущен красочно изданный каталог его произведений «Адриан Овчинников. Из классики

Рис. 21. А. Овчинников. Закат на море. Крым

Рис. 22. А. Овчинников. Скала Парус в Крыму

Рис. 23. А. Овчинников. Разрушенный собор в Калининской области

Рис. 24. А. Овчинников. Руины церкви. Новый Иерусалим

в модернизм» [11]. Участвуя в подготовке этой выставки, я впервые увидел множество очень интересных архитектурных проектов моего отца и убедился в том, каким авторитетом пользовался он в стенах Архитектурного института и Строгановского училища. К сожалению, этот каталог в настоящее время представляет собой настоящую библиографическую редкость.

Краткая справка об авторе (пятое поколение Овчинниковых)

Алексей Адрианович Овчинников родился 7 декабря 1937 г. в Москве. После окончания школы в 1955 г. поступил в 1-й Московский медицинский институт имени И. М. Сеченова. Еще в первом классе школы под влиянием своего отца, одного из сильнейших горнолыжников нашей страны, начал заниматься горными лыжами в секции Спортивного клуба Советской армии (ЦСКА). В институте продолжил заниматься этим видом спорта, получил первый спортивный разряд, участвовал в городских и всесоюзных соревнованиях. Но в 1960 г., будучи студентом пятого курса института, во время спуска с горы налетел на дерево и получил тяжелейшую травму правой ноги — открытый перелом костей голени. Нogu удалось спасти, но в течение целого года он вынужден был ходить на костылях. О профессиональном спорте пришлось забыть. В 1962 г. по окончании института получил диплом врача и поступил в клиническую ординатуру, а потом в аспирантуру на кафедре детской хирургии Центрального института усовершенствования врачей (ЦОЛИУ), располагавшейся на базе детской городской клинической больницы имени Русакова (теперь Московской Владимирской детской больницы). Под руководством профессора С. Я. Долецкого написал и защитил кандидатскую диссертацию. В 1964 г. после конфликта с руководителем кафедры был вынужден уйти из Института усовершенствования врачей и поступил на должность старшего научного сотрудника в научную группу профессора Г. И. Лукомского, заведующего кафедрой факультетской хирургии 1-го МОЛМИ имени И. М. Сеченова, располагавшейся на базе городской клинической больницы № 61. Там стал заниматься эндоскопией, в 1981 г. защитил докторскую диссертацию по бронхофиброскопии и вскоре перешел на должность профессора кафедры, стал куратором эндоскопического отделения. За время работы в ЦОЛИУ и в 1-м МОЛМИ опубликовал более 200 статей, был соавтором шести монографий, посвященных различным отделам хирургии и эндоскопии, был избран в правление Российской Ассоциации эндоскопической хирургии, стал членом Американского колледжа торакальных врачей и нескольких международных обществ пульмонологии и эндоскопии. Неоднократно ездил

в научные командировки в США, Германию, Францию, Японию и другие страны, где выступал с докладами на научных конференциях и конгрессах. В 2009 г. перешел на должность заведующего эндоскопическим отделением Европейского медицинского центра (ЕМС), где проработал до 2019 г. В последнее десятилетие жизни увлекся мемуарной беллетристикой, написал и выпустил в свет книги «Главный детский доктор» (2009), «Правдивые рассказы про людей и животных, больных и не очень» (2010), «За любовь нужно бороться» (2012), «Горы, лыжи и любовь» (2013), «Ушли, чтобы остаться» (2013), «Байдарка — любовь моя» (2014), «Дачи и дачники» (2014), «Три профессора и другие рассказы о врачах» (2016). Был соавтором книг Е. В. Лаврентьевой «Бабушка», «Как хорошо было жить на даче», «Дедушка». В настоящее время на пенсии.

Список литературы

1. *Попов В. А.* Книга о папе. — Рукопись, 1924 г.
2. *Юдин М. О.* Первый в ряду своих собратьев. К 180-летию со дня рождения П. А. Овчинникова // Поиск. — 2011. — Вып. № 1 (30). — С. 74–82.
3. *Юдин М. О.* Золото-серебрянная фирма Овчинникова. Русский стиль и национальные традиции в изделиях предприятия: автореф. дис. — М.: Институт искусствознания РФ, 2016.
4. *Смородинова Г. Г.* Произведения фирмы Овчинникова в собрании Исторического музея. — М.: Исторический музей, 2016. — 384 с.; ил. — (Золотой фонд Исторического музея).
5. *Овчинников А. А.* Ушли, чтобы остаться... — М.: Этерна, 2013. — 320 с.; ил.
6. Указатель 5-й Московской выставки русских мануфактурных произведений 1865 года. — М., 1865.
7. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 года в Нижнем Новгороде. — М., 1896.
8. *Овчинников П. А.* Некоторые данные по вопросу об устройстве быта рабочих и учеников в ремесленных заведениях. — М., 1881.
9. *Смирнов С. А.* Некрополь. История Покровского монастыря и монастырского кладбища. — М.: Издание Покровского Ставропигиального монастыря, 2006.
10. *Ростовцев Д. Е.* Зеркало скорости. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 191 с., ил. — (Спорт и личность).
11. *Кожевников А. М.* (авт.-сост.). Адриан Овчинников. Из классики в модернизм. К 100-летию мастера. — М.: МАРХИ — МГХПА им. С. Г. Строганова, 2015. — 55 с.; ил.

**Живое наследие памяти.
История России
на примере семьи Олферьевых и их близких**

Живое наследие памяти. К сожалению, наступает возраст, когда понимаешь, что сам становишься живым свидетелем истории, для многих очень давней истории. Когда жизнь человека складывается не так, как мечталось, люди начинают ностальгировать о прошлом, идеализируя давно забытое. Весьма печально, что сегодня у огромной части нашего народа совершенно искажены представления как о далеком, так и о недавнем прошлом нашей страны. И не могу не вспомнить слова Ключевского о том, что история никого не учит, она лишь надзирает, но жестоко наказывает тех, кто не выучил ее уроков.

Мне повезло родиться в хорошее время и в очень хорошей семье. Война отшумела, всем хотелось скорее перестать оплакивать потери и начать жить хорошо. Наверное, поэтому-то страна так быстро встала на ноги. Конечно, можно вспоминать, как писали на наших детских ладошках номер чернильным карандашом, чтобы получить пару

Рис. 1. Семья Олферьевых в 1945 году (архив семьи)

килограммов муки к празднику, или как перелицовывали и перешивали старые костюмы от отца к сыну. И как я завидовал другу Сережке, когда его отец сделал ему самокат из двух подшипников и пары досок. И вода в кране только холодная, и телефон в доме только у Веры Петровны Грессер-Комиссаровой, хотя мы жили в двух шагах от Кремля.

Но почему-то вспоминается запах пирогов в канун Первомая и куличей на Пасху, когда каждая соседка старалась перещегоолять другую. И горку из снега, которую сооружали всем двором, и заботу о цветах в палисадниках. Повезло, что нашу группу детей, которую вела воспитательница на прощание с «отцом всех народов», не пропустил патруль — спасибо тому милиционеру, живы остались.

У нас дома была книга «История России в картинах» (*Золотов В. А. История России в картинах. Составитель Дементьев Н. А., Вып. 1–8. СПб., 1863–1871*), в которой мы с приятелем рассматривали чудесные иллюстрации XIX века и с трудом читали текст с ятями, фитой и т. д. А на стенах были портреты прабабок и пращуров, а время показывали часы, которые один из пращуров, Я. А. Потемкин, привез из покоренного Парижа. И всегда дома много родных и друзей родителей. Заходили на огонек запросто, без «цирлих-манирлих». Жили все близко и прижимались друг к другу — так было легче не только переживать все бедствия, но и сообща радоваться успехам.

В 1956 г. мама повезла меня в Ленинград познакомиться с нашей северной жемчужиной, да и родне представить. И для начала — Военная галерея Зимнего дворца. «Запоминай, где висит портрет твоего пращура Потемкина, а вон там — близкая родня, братья Панчулидзевы, Бахметев, Давыдов». Несмотря на 20-градусный мороз, пешком по граду Петра. Горсткий мост через Фонтанку и Горсткийская улица (ныне Ефимова). Театры и дома, построенные тремя поколениями архитекторов Кавосов. Каждый день обед или вечерний чай у кого-нибудь из ленинградской родни. Запоминай, кто тебе троюродные, кто тебе в свойстве. Молчи о том, что дядя живет в Марокко, что мамина кухня в Америке, хотя после 1954 г. стало безопаснее, однако анкеты с графой «служил ли в Белой армии» еще долго сохранялись. К слову сказать, чтобы въехать в США, до сих пор надо ответить на вопрос «состоял ли в нацистской партии». А в 1951 из-за своей детской шалости я чуть было не отправил своих родителей лет на 10 в далекие края. Но Господь уберег.

Интересы и окружение семьи предопределили наши с братом судьбы и интерес к истории своей семьи, скорее клана. Брат, как

папа и многие родные, стал строителем, а я, к радости мамы, окончил медицинский институт. Хотя первоначально стремился в физики-ядерщики, что тогда было модно, или заниматься космической техникой, как многие родственники. Но поступил на совершенно новый и малопонятный факультет, созданный академиком Париным для нужд космической медицины и биологии. И первая курсовая работа была о механике полета насекомых. Несколько лет искал пресловутые «биополя». Потом уже занялся изучением структуры молекул с постепенным переходом от теорий к практической кардиологии. Сын пошел по моим стопам, окончил тот же факультет и пока занимается молекулярной биологией или, как модно говорить, нанотехнологиями. А дочь стала архитектором, окончив Академию живописи, ваяния и зодчества И. С. Глазунова.

Начиная с 60-х гг. мы регулярно ездили на Бородинское поле, сначала с родителями, потом со своими детьми. Активно же заниматься разбором семейных архивов начал в «старости», после того как отошел от активной научной работы.

Наш папа, **Михаил Александрович**, был последним среди **Олфьевых**, кто успел получить грамоту, подтверждающую его дворянское происхождение, и внесен был в 6-ю часть Дворянской родословной книги по Пензенской губернии¹. Папа очень жалел, что его мама сожгла все документы и выбросила все вещи, компрометирующие семью. И хотя волна репрессий прокатилась по семье, но большинство остались живы. Как был рад папа в 90-х годах, когда ему одному из первых вручили грамоту (№ 9), подтверждающую его благородное происхождение. А России папа действительно всю жизнь благо приносил. Его военная карьера закончилась в 1917 г., когда Симбирский кадетский корпус был закрыт. К счастью, ему удалось окончить Ульяновский строительный техникум и в 1927 г. отправиться на стройки Турксиба и Южсиба. Трудно найти в нашей стране железную дорогу, в строительстве которой папа бы не принял участие. Господь хранил его и во время войны, весну и лето 1941 отец провел на больничной койке в Средней Азии, а когда с трудом встал на ноги — была уже зима, и уже нужны были специалисты — восстанавливать и строить фронтные дороги. Свой первый мост папа построил около Нового Иерусалима через Истру, а кониной с подмосковных полей сражений спасал от голода свою семью и близких. Строил он прифронтовые военные дороги к осажденному Ленинграду и к Сталинграду, в Белоруссии и на

¹ РГИА. Ф. 1343, оп. 51, д. 649, л. 35, об.

Украине. После войны папа был награжден знаком «Почетный железнодорожник». Но только осенью 1954 г. он сумел поступить в вуз, а раньше происхождение не позволяло.

Мама, **Наталья Сергеевна**, урожденная **Горсткина**, происходила из семьи родовитого дворянства с древними корнями в России и в Грузии². В 9 лет ей пришлось познать всю трагедию начавшейся «диктатуры пролетариата» — носить передачи в тюрьму, оплакивать родных, замученных в застенках Пензенской ЧК, убирать квартиру после бесконечных обысков, менять вещи на пропитание. Ее отец воевал на Юге России и позднее оказался в Африке, дедушка, тетя и брат — в тюрьме. Мама мечтала стать врачом, но происхождение позволило ей стать только чертежником, но высокого класса. Мастерству владеть рейсфедером мы с братом обязаны маме. А еще — протягивать руку помощи тому, кто в ней нуждается. И уметь все делать самим и лучше других, коль уж у тебя такие предки. **Noblesse oblige!** Но о роде Горстких и Панчулидзевых позднее.

Род Олферьевых был внесен в 6-ю часть родословной книги российского дворянства Пензенской губернии, но род во времена царствования Рюриковичей скорее относился к «худородным». Олферьевы являются ветвью рода Нащокиных, о происхождении которых известно, что к великому князю Александру Михайловичу Тверскому (1301–1339 гг., великий князь 1325–1329 гг.) прибыл на службу из «Наталийской» земли некто **Дукс** по прозвищу **Величка** (не исключено и его славянское происхождение), в крещении названный **Дмитрий**, с отрядом латников. В некоторых более поздних источниках он упоминается как Дмитрий Красной (Красивый), видимо, по аналогии

Рис. 2. Герб Олферьевых, утвержден в 2019 Е.И.В. Вел. Кн. Марией Владимировной (архив семьи)

² *Беляков А. А.* Дворяне Горсткины. Старая Басманная. М., 2018. 298 с.

с известным Рюриковичем. Не исключено, что это прозвище, скорее всего, является позднейшим желанием отождествлять его с исторически достоверным князем. Дукс — скорее всего русифицированное латинское *Dux, Doux* (вождь, лидер, в Средние века — Герцог или Дож, в XX веке — Дуче). В преданиях говорится, что в **1327 г. его сын Дмитрий**, тверской боярин, во время восстания тверичан против ханского баскака (посла) Чол-Хана (Шевкала) получил рану на щеке от удара татарской сабли. После чего и получил прозвище Нащока. Как и Тверской князь, Дмитрий Нащока бежал в Новгород, а потом в Псков. Позднее, после смерти отца и, вероятно, после гибели князя Александра Тверского в Орде, в период противостояния Московии с Новгородом, он переезжает в Москву на службу к великому князю **Симеону Ивановичу Гордому** (1317–1353 гг., великий князь 1341–1353 гг.), т. е. в начале 40-х гг. По другой версии, менее вероятной, он сразу бежал в Москву и поступил на службу к Великому Князю **Ивану I Даниловичу Калите** (1288–1341 гг., князь московский с 1325 г., великий князь 1328–1341 гг.)³. О том, что Нащокины довольно долго находились в Псковской и Новгородской землях, свидетельствуют множественные их имения в этих краях в XVI–XVII вв. По жалованной грамоте 1550 г. детям боярским из Вотьской Пятины Покровского Озерецкого погоста (район Копорья) Семену, Дмитрию и Алексею Федоровичам Нащокиным выделено по 100 четвертей в Московском уезде. Многие Нащокины селились и в Торопецком уезде. Знаменитый русский дипломат-западник времен царя Алексея Михайловича, «дедушка» русского флота и создатель «триколора», **Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин** родом из-под Опочки. От Нащокиных пошли Безнины, Олферьевы, Ордин-Нащокины, Олферьевы-Нащокины. Олферий Филиппович Нащокин был воеводой князя Верейского в Белоозере в 1480 г.⁴

О роде Олферьевых, видимо, следует говорить со времен Ивана Васильевича Грозного, когда возвысился **Роман Васильевич Олферьев** — внук Олферия Филипповича. Он пошел в гору после удачной

³ *Соловьев С. М.* Сочинения. М. Мысль, 1988. Т. 3. С. 233–234; Бороздин К. М. Опыт исторического родословия Нащокиных. СПб., 1841. 55 с; Кузьмин А. В. На пути в Москву. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 1. С. 305–313.

⁴ Юбилейный сборник Императорского Санкт-Петербургского Археологического Института с 1613 по 1913 год. СПб., 1913; РГАДА. Ф. 181, № 85/111, л. 185–187.

дипломатической миссии в Польшу в 1558 г. Роман Олферьев участвовал во многих военных походах воеводой. Как и его двоюродный брат Михаил Безнин, Олферьев был определен в опричнину. В 1572 г. он стал думным дворянином, печатником и вторым судьей на Казенном дворе. В 1582 г. Роман Васильевич сыграл ведущую роль в заключении мира с Польшей, в 1584–85 гг. был воеводой в Ладогe и занимался строительством города. При царе Иване IV он был опорой трона и сподвижником Годунова. Имел он вотчину в Верейском уезде и земли в Московском (сельцо Юркино да Дурнево (ныне Петрово-Дальнее) и др.). Одну из своих дочерей он выдал замуж за племянника царицы. Но после смерти грозного царя его начали отдалять от верховной власти. В 1589 г. Роман Васильевич проиграл местнический спор с князем Засекиным и вынужден был поехать под его начальством на Переволоку ставить город (Царицын, ныне Волгоград), где и умер в 1590 г. Надо отметить, что родовитое русское боярство всегда ревниво относилось к «худородным выскочкам», которые по способностям занимали высокое положение в государстве. Спустя полвека таким же нападкам подвергался А. Л. Ордин-Нащокин со стороны князей Хованских и других именитых бояр. К счастью, сохранились записи о местнических спорах Олферьевых, что позволяет уверенно судить о его деяниях в эту эпоху⁵.

Известен в истории России и его сын **Семен Романович**, участвовавший в борьбе с войсками Болотникова, но прославившийся своими успехами в постройке ряда крепостей во времена Бориса Годунова и составлению в 1605 г. жития, службы и описания чудес Св. Кн. Романа Угличского. Дочь **Мария Романовна** была замужем за воеводой и реальным создателем города Уфы, **Михаилом Александровичем Нагим** (–1618). По предположению А. В. Кузьмина Нагие, Собакины и Нащокины имели одного общего предка в Твери⁶. Другая дочь, Наталия, была замужем за князем **Иваном Бахтеяровым-Ростовским**.

В 90-х гг. XVI в. Борис Годунов променивает часть своей вотчины в районе реки Малая Истра **Семену и Василию Романовичам Олферьевым** (полтрети села Юркино), где и поныне сохранилась

⁵ *Бороздин К. М.* Опыт исторического родословия Нащокиных. СПб., 1841. 55 с.; *Лихачев Н. П.* Местнические дела 1563–1605 гг. СПб., 1894. С. 3–51; *Алферьев Е. Е.* Местнические дела рода Алферьевых XV–XVII в. Машинопись. Джорданвилль, 1949; *Корзинкин А. Л.* Проблемы истории, философии и культуры // *История России.* 2014. № 4. С. 134–141.

⁶ *Кузьмин А. В.* На пути в Москву. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 1. С. 305–313.

церковь с погостом того времени. После Смутного времени остались дети Василия, в том числе и малолетний **Иван Васильевич Олферьев** (?–1654), воевода и окольный, с 1653 г. муромский наместник. Вполне возможно, что немалую роль в его судьбе сыграл глава российской дипломатии А. Л. Ордин-Нащокин, потому что Олферьев в 1654 г. вместе с боярином Василием Васильевичем Бутурлиным и посольским дьяком **Илларионом Дмитриевичем Лопухиным** приводил к присяге запорожцев вместе с Хмельницким. Тем самым Илларионом Лопухиным, который возглавил Посольский приказ после Афанасия Лаврентьевича и прах которого покоится в стенах Андроникова монастыря. В 1654 г. Иван Васильевич был направлен в Могилев, для подавления бунта казачества, но вскоре заболел и умер⁷.

Родные и двоюродные братья Ивана Васильевича служили по Атемару (ныне село недалеко от Саранска в Мордовии) в рейтарах и за заслуги в делах против ватаг Стеньки Разина и казаков-разбойников награждались наделами в тех краях. Их потомки остались жить в Тамбовской и Пензенской губерниях, в Мордовских краях⁸. Надо сказать, что в XVII и в XVIII вв. на окраинах Русского государства понятие о законах было весьма своеобразным, часто правыми оказывались наиболее сильные и богатые, а власть была слаба. Олферьевы не составляли исключения, а их похождения и самоуправство хорошо описано Г. П. Петерсоном⁹. Неудивительно, что и Пугачевщина бушевала на дальних окраинах России. Досталось от бунтарей и Олферьевым и их вотчинам, которые были в Шекшеевском уезде, близ Саранска. Три сына Шекшеевского уездного предводителя дворянства Василия Алексеевича Олферьева, родившиеся в 80-х гг. XVIII в.¹⁰, участвовали в кампаниях против Наполеона.

Иван Васильевич Олферьев (1780–1852). В детстве был записан в лейб-гвардии Измайловский полк капитанармусом (старший унтер-офицер по хозяйственной службе), а начал службу при Сенате в 1797 г. Перед Отечественной войной 1812 г. был в чине надворного советника в Саранске. В войне с французами служил штабс-ротмистром в 3-м эскадроне Конного (впоследствии казачьего) Пензенского

⁷ Соловьев В. М. Сочинения. М., Мысль, 1990, т. 10, гл. 4, с. 596–658.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 229, ед. хр. 32, л. 1–57; ед. хр. 33; Десятни Пензенского края / под ред. А. П. Барсукова. СПб., 1897. С. 11–12, 133–155, 370–371.

⁹ Петерсон Г. П. Странички старины. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1993. 284 с.

¹⁰ РГИА. Ф. 1343, оп. 51, д. 425, л. 28.

(ополчения) полка. Участвовал в кампаниях 1813 и 1814 гг. «в походах противу неприятеля: при блокаде Дрездена, крепости Магдебург и города Гамбурга». В приказах по полку от августа 1814 значится: «*уволен в старшие адъютанты генерал-майора Федора Гавриловича Назимова*», начальника 15-й пехотной дивизии. «*На обратном пути наших войск Олферьев исполнял должность коменданта корпусной квартиры*». За кампанию 1813–1814 гг. награжден орденами Св. Анны 3 ст. и Св. Владимира 3 ст.

Рис. 3. Иван Васильевич Олферьев
(архив семьи)

После возвращения в Пензу продолжил статскую службу. Он один из первых в Пензенской губернии освоил винокурение и был управляющим винокуренными заводами, чиновником особых поручений при губернаторе, а затем Пензенским гражданским вице-губернатором (при губернаторе **Александре Алексеевиче Панчулидзе**), действительный статский советник. Кавалер орденов Св. Владимира 2 и 3 ст., Св. Анны 2 и 3 ст., Св. Станислава 2 ст. Имел родовые имения в селах Лопатино и в селе Спасское, Олферьевка тож (ныне Советское) Саранского уезда (бывшего Шекшеевского уезда, а ныне Лямбирского района). Женат на княжне **Марии Александровне Еникеевой** (р. 1777)¹¹.

Михаил Васильевич Олферьев (1783–1846?). Как и брат, был записан в лейб-гвардии Измайловский полк каптенармусом в 1786 г., в офицерах с 1799 г., позднее вышел в отставку штабс-ротмистром и в 1812 г. был коллежским асессором. Как и старший брат, поступил в Пензенское ополчение и был штабс-ротмистром 2-го эскадрона Конного Пензенского (ополчения) полка во время кампании 1813–1814 гг. Был при взятии г. Вилздурфа, Вурцена и в генеральном сражении у **Лейпцига**, где «*храбро ударил на неприятельскую кавалерию*,

¹¹ *Петерсон Г. П.* Странички старины. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1993. 284 с.; РГВИА. Ф. 395, оп. 240, д. 43, д. 66; РГИА. Ф. 1343, оп. 51, д. 434, скан. 128; Северная Пчела. 1852. № 248.

Рис. 4. Павел Васильевич Олферьев, генерал от кавалерии (архив семьи Олферьевых в США, Vienna, VA, USA)

опрокинул и сбил с места», за что был награжден орденом Св. Анны 3 ст. В приказах по полку от августа 1814 значится: «уволен в русскую Россию для излечения ран». По семейным преданиям и в ряде источников считается, что получил 12 сабельных ран и «не оправившись от ран скончался». Но он в 1831 г. был восприемником при крещении своей племянницы Ольги Павловны. По сообщению пензенского историка А. В. Тюстина, Михаил Васильевич умер после 1846 г.¹²

Вся жизнь младшего из братьев, Павла Васильевича, была связана с военным поприщем.

Павел Васильевич Олферьев (1788–1864). В службу вступил кадетом 4 июня 1800 г. в 1-й Кадетский корпус, по окончании которого 19.01.1805 г. был

выпущен корнетом в Павлоградский гусарский полк, которым с 1803 по 1806 гг. командовал **Семен Давыдович Панчулидзе 2-й**, один из храбрейших командиров «Суворовской школы», чей прах покоится на кладбище Андроникова монастыря. Шефом полка был генерал-майор Ефим Игнатьевич Чаплиц.

Павлоградские гусары участвовали во всех кампаниях начала XIX в. Восемнадцатилетний корнет Олферьев принял участие в походе в Австрию и сражался с французами 16.11.1805 г. при Шенграбене, когда 7-тысячный арьергард русской армии под командованием князя Петра Ивановича Багратиона в течение многих часов удерживал 40-тысячный авангард французов под командованием маршала Иохима Мюрата. «Павлоградский полк за беспримерную храбрость был награжден Георгиевскими штандартами с памятной надписью». А 20 ноября корнет Олферьев был в решающем сражении

¹² Петерсон Г. П. Странички старины. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1993. 284 с.; РГИА. Ф. 1343, оп. 51, д. 425, л. 28; РГИА. Ф. 19, оп. 111, д. 242.

при Аустерлице, где гусары-павлоградцы вновь отличились своей храбростью¹³.

В 1806–1807 гг. он участвовал в большинстве сражений Прусской кампании: при Янкове (22.01.1807) — первом крупном и неожиданном для Наполеона столкновении с русско-прусскими войсками, при Прейсиш-Эйлау (26–27 января) — одном из самых крупнейших и кровопролитных сражений эпохи наполеоновских войн, при Гуттштадте (23–28 мая), когда из-за несогласованности действий генералитета не удалось разгромить войска маршала Нея, и 29.05.1807 г. под Гейльсбергом, в котором русские войска отразили попытки Наполеона сбить их с позиции.

С 1809 г. Павел Олферьев был назначен адъютантом шефа полка генерал-майора Ефима Игнатьевича Чаплица, который занимал должности командующего 7-й, 4-й и 8-й кавалерийских дивизий и его адъютант мог быть при нем. К началу Отечественной войны 1812 г. Павел Васильевич был поручиком.

Писатель С. Н. Голубов в своей повести «Багратион» наделил великого полководца верным адъютантом Алексеем Олферьевым, чего на самом деле не было. Вероятно, С. Н. Голубов «назначил» в адъютанты к Багратиону Олферьева, зная про его карьеру адъютанта и боевые заслуги¹⁴.

В начале 1812 г. эскадроны Павлоградского гусарского полка были в составе 14-й бригады 4-й кавалерийской дивизии корпуса С. М. Каменского 3-й Резервной Обсервационной армии А. П. Тормасова (с 18.09.1812 г. после объединения с Дунайской армией — 3-я Западная армия). В начале июля армия А. П. Тормасова предприняла резкое контрнаступление на австрийские и саксонские войска, заняв Брест, Пинск, Кобрин, а затем и Пружаны. 15 июля в **Кобрине** русские войска наголо разбили саксонцев под командованием генерала Кленгеля, потери которых превысили 2000 человек, тогда как среди русских погибло лишь 77. В этот день в лихой кавалерийской атаке отличился и поручик П. В. Олферьев, за что был награжден своим **первым орденом Св. Анны 4-й ст.**

Это было первое удачное контрнаступление русской армии в кампании 1812 года, особо отмеченное императором Александром I.

¹³ РГВИА. Ф. 489, оп. 1, д. 2312; Подмазо А. А. Павлоградский гусарский полк. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 539–540.

¹⁴ *Голубов С. Н.* Багратион. М.: ОГИЗ, 1943. 292 с.

Союзникам Наполеона пришлось повернуть фронт к 3-й армии. 31 июля под Городечно армия А. П. Тормасова целый день удерживала объединенные австро-саксонские войска, в этом деле особо отличились гусары, в том числе П. В. Олферьев. **«За отличие в деле под Городечной и деревней Винево Олферьев 17 декабря получил чин штабс-ротмистра».**

Генерал Е. И. Чаплиц, командуя пехотным корпусом 3-й армии, 19 октября под Слонимом разбил 3-й Литовский шеваљежер-пикинерский полк императорской гвардии генерала Яна Конопки, взял его в плен и навел ужас на всю Литву. **«В деле при Слониме Олферьев заслужил высочайшую благодарность».** 27 ноября Олферьев был в составе небольшого авангарда, сдерживавшего натиск войск маршалов Нея и Удино, переправлявшихся через Березину. **«За отличие в сражении при Березине он был произведен в ротмистры».**

В октябре 1813 г., состоя в отдельном летучем (партизанском) отряде, П. В. Олферьев отличился в боях под Магдебургом и Кёнерне, **«за что был произведен в майоры».** Как и братья, Павел Олферьев участвовал в генеральном сражении под Лейпцигом и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

2 ноября эскадроны Павлоградских гусар были переданы в подчинение генерал-майора Александра Христофоровича Бенкендорфа в корпус Ф. Ф. Винцингероде для *«наблюдения берегов Иссыя»* и участвовали в знаменитой «Голландской аванюре». С 14 ноября по 12 декабря малочисленный русский отряд освободил от французов значительную часть страны, «посадил на трон» Вильгельма Оранского, занял и сумел удержать стратегически важную приграничную крепость Бреда. Русский отряд принес Нидерландам независимость, войдя в Амстердам, но и отстоял ее на стенах и у крепостных ворот Бреды. «Амстердам и Бреда» — такая надпись была выбита на «золотой шпаге», врученной позже А. Х. Бенкендорфу первым королем Нидерландов. **Храбрость майора Олферьева при защите Бреды отмечена в приказе.**

В кампании 1814 года, находясь в составе армии фельдмаршала Г. Л. Блюхера, Павел Олферьев принимал участие в делах под Краоном и Лаоном. 26 марта корпус Винцингероде принял под Сент-Дизье удар Наполеона. За этот бой 8 января 1815 г. П. В. Олферьев был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса (№ 2986). **«За отличную храбрость и мужество, оказанные в сражении с французскими войсками под городом Сен-Дизье 12-го марта 1814 года».** Прусский король в 1814 году пожаловал П. В. Олферьеву орден *Pour le Mérite*.

25 апреля 1814 г. по Высочайшему приказу Олферьев переведен майором в лейб-гвардии конно-егерский полк, а 19 мая 1815 года за отличие в сражении 8 и 9 декабря 1813 г. при обороне крепости Бреды произведен в подполковники. Оставшись в армии, он был в 1818 г. произведен в полковники и назначен командиром Оренбургского уланского полка. 12 октября 1821 г. был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. В августе 1826 г. Павел Васильевич был назначен командиром Владимирского уланского полка и награжден орденом Св. Владимира 3-й ст., а в декабре он был произведен в генерал-майоры и с 1 января 1827 г. стал командиром лейб-гвардии уланского полка.

В 1828 г. П. В. Олферьев с полком выступил в Валахию и Болгарию на театр Русско-турецкой войны. Переправившись через Дунай, гвардейские части были направлены к турецкой крепости Варне. В сентябре Олферьев отличился в боях около реки Камчик, где были остановлены турецкие войска, спешившие на помощь к осажденной Варне, за что и был награжден *золотой саблей, алмазами украшенной, с надписью «За храбрость»*. 5 июня 1829 г. «за особенные труды, деятельность и усердие по службе под местечком Тульчином» (Тульча на Дунае) награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. и годовым жалованьем ассигнациями¹⁵.

В декабре 1830 г. Олферьев со своими уланами выступил в восставшую Польшу. В составе авангарда генерал-адъютанта К. И. Бистрома, он успешно прикрывал отступление гвардии под натиском войск Скржинецкого до рубежа России, за что был награжден орденом Св. Анны 1-й ст. При наступлении русской армии проявил личное мужество в генеральном сражении под Остроленкой 26 мая 1831 г. и был награжден орденом **Св. Георгия 3-го класса (№ 435)**. Затем он возглавил преследование польских мятежников, взял город Августов и штурмовал Варшавские укрепления, за что и был награжден Императорской короной к ордену Св. Анны 1 ст. и знаком отличия за военное достоинство *Virtuti Vilitari* 2-й ст.

Можно представить, какие чувства я испытывал в 12-летнем возрасте, впервые попав в Георгиевский зал Кремля и найдя нашу фамилию среди героев России.

В 1835 г. П. В. Олферьев был произведен в генерал-лейтенанты и занимал должность начальника запасных кавалерийских войск. В 1839 г. награжден орденом Св. Владимира 2-й ст., в 1845 г. получил

¹⁵ Лукьянович Н. А. Описание турецкой войны 1828–1829 гг. СПб., 1845–1847. Т. 2, гл. XVIII. С. 55–90.

Рис. 5. Софья Васильевна Олферьева (архив семьи Олферьевых в США, Vienna, VA, USA)

орден Белого орла и в 1850 г. — орден Св. Александра Невского. В 1851 г. он был произведен в **генералы от кавалерии**. Во время Крымской войны Павел Васильевич возглавлял ополчение Черниговской губернии, где имел большие имения. При новом Императоре Александре II он был зачислен в запасные войска и скончался 26 ноября 1864 г.¹⁶

Его дом в Киеве сохранился (бул. Шевченко 12, ныне Музей им. Тараса Шевченко). Женат он был на Софье Васильевне Обуховой и имел от нее 11 детей. Сыновья: Михаил, Виктор, Сергей, Василий; дочери: Мария (Галахова), Екатерина (Маслова), София (Браамс), Ольга (Критская), Варвара (Гудим-Левкович), Анна (Половцова), Александра (Фролова).

В когда-то богатом селе Лопатино, близ Саранска, до 70-х гг. XX в. еще сохранялся добротный дом Олферьевых. Роман Борисович Гуль в своем романе «Конь Рыжий» пишет о том, что какой-то ротмистр Олферьев промотал свое имение Лопатино, что не соответствует действительности. Последним хозяином поместья (342 десятины) был внук героя Отечественной войны и Польской кампании, **Василий Васильевич** (21.07.1874–05.09.1944). Часть земли арендовала вдова пензенского торговца оружием Гельпея¹⁷.

¹⁶ РГВИА. Ф. 395, оп. 27, д. 829; оп. 89, д. 787; оп. 171, д. 479; Список генералам по старшинству. Военная типография. СПб., 1856. С. 65; Олейников Д. И. Бенкендорф. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2014; Александровский К. В. Очерки истории Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1896. С. 23–28; Любченков Ю. Н. Гей, уланы! Георгиевские кавалеры. М.: Патриот, 1993. Т. 1, ч. 2. С. 511–514.

¹⁷ Гуль Р. Б. Конь рыжий. Вече, 2007. 352 с.; РГВИА. Ф. 400, оп. 17, № 15621.

После окончания Николаевского кавалерийского училища Василий Олферьев служил в 6-м лейб-гвардии драгунском полку, после чего был назначен адъютантом генерала О. К. Гриппенберга, командующего Виленского военного округа, с 1902 г. — войсками Туркестанского военного округа. За помощь в ликвидации землетрясения 1903 г. в Андижане награжден **Золотой Звездой Эмира Бухарского, Знаком Красного Креста и орденом Св. Станислава 3 ст.** С октября 1904 г. Олферьев последовал за своим начальником, возглавившим командование 2-й Маньчжурской армией. За труды и боевые отличия в Русско-японской войне награжден **орденом Св. Анны 3 ст. и Св. Анны 3 ст. с мечами.** В дальнейшем на дипломатической службе. Он был

Рис. 6. Василий Васильевич Олферьев (архив семьи Олферьевых в США, Vienna, VA, USA)

последним русским консулом в Кенигсберге и в Бургасе. В 1915 секретарь Галицийского генерал-губернатора Г. А. Бобринского. Женат на **Анне Федоровне Керенской** (1879–11.1946), родной сестре Премьер-министра Временного Правительства России в 1917 г. Эмигрировал после 1920 г. в Латвию, жил в Югославии, затем переехал в Германию, где и умер. Похоронен в Бад-Киссингене¹⁸.

У них было двое детей Мария и Павел, которые жили с матерью в Югославии, а затем перебрались в США. **Павел Васильевич** (р. 15.05.1915 в Петрограде — ум. 06.04.1983, США) окончил

¹⁸ Гриппенберг О-Ф. К. Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915. Т. 8. С. 496–497; Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов / М-во иностранных дел Российской Федерации; редкол.: С. В. Лавров (пред.) и др. Тула: Аквариус, 2014. С. 393–397; ЦГА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2551. Л. 238; Котюкова Т. В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. 392 с.

Рис. 7. Анна Федоровна Олферьева с детьми
(архив семьи Олферьевых в США, Vienna, VA, USA)

1-й Кадетский корпус в Белой Церкви и Югославскую Военную Академию, служил в артиллерии Югославской армии, был в итальянском плену. В США работал чертежником, был редактором и переводчиком в издательстве Rausen, редактировал русское издание воспоминаний С. И. Аллилуевой. **Один из основателей и первый президент общества кадетов, первый редактор журнала «Кадетская переключка»**, был старостой православной церкви в Бруклине. Женат на Зинаиде Анатольевне Росселевич (13.02.1928–12.05.2005), в первом браке Гончаровой. Их дочь **Анна Павловна** живет и работает в США¹⁹. У Марии Павловны детей не было²⁰.

С этим семейством я сумел встретиться после того, как рухнул «общенародный» режим, и мне удалось познакомиться с Алексеем Борисовичем Йорданом, кузеном и соратником П. В. Олферьева.

Но вернемся к моему прямому пращурю Ивану Васильевичу и его потомству. У него было пятеро детей. Старший сын **Александр Иванович**, р. 25.02.1808 — ум. 1854. Родился в селе Леплейки (не сохранилось) Инсарского уезда, принадлежащее ранее его деду кн. А. И. Еникееву.

¹⁹ Козякин Н. В. Кадетская переключка. 1983. № 33.

²⁰ Наумов С. Рычков Игорь Викторович. URL: hrono.ru/biograf/bio_r/rychkov_iv.html; Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1989. № 47.

Рис. 8. Анна Олферьева на коленях у двоюродного деда, А. Ф. Керенского, в Нью-Йорке (архив семьи Олферьевых в США, Vienna, VA, USA)

Рис. 9. Александр Иванович Олферьев (архив семьи)

Поручик корпуса военных инженеров. После выхода в отставку работал на Бахметевском стеклянном заводе в с. Пестровка, в 70 км от Уды. Проектировал и строил дома и церкви в Пензе. Имел имение (3,5 тыс. дес.) в селе Лаврентьево Темниковского уезда Тамбовской губернии, в котором им был построен стеклянный (наподобие Бахметевского) и винокуренный заводы, и большой участок соснового леса. Женат на **Глафире Александровне Литвиновой** (–1847), с братом которой учился в корпусе. Село Уда-Введенское было куплено ее отцом в приданое у помещика Нестерова. Вторым браком (1848) был женат на Федосье Степановне Пановой (из «простых» горожанок). Убит в селе Лаврентьево беглым ткачем. Похоронен вместе с первой женой на кладбище Санаксарского монастыря. В начале XXI в. в селе Лаврентьево сохранились лишь остатки прудов, родник и перестроенный в школу винокуренный завод²¹.

²¹ РГВИА. Ф. 395, оп. 240, д. 43, д. 66; *Гюстин А. В.* Пензенское дворянство. Исторический очерк. Пенза, 2001. С. 3–34; Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщений Александра I за сто лет, 1810–1910.

Рис. 10. Федор Сергеевич Олферьев
(архив семьи Татьяны Камерон
в США, Т. Cameron, Great Falls,
Montana, USA)

Его брат **Николай Иванович** (р. 26.06.1820 в селе Леплейки — ум. в Санкт-Петербурге после 19.10.1898 г.). С 1845 г. поступил на гражданскую службу. В 1860–63 гг., будучи обер-секретарем Святейшего Синода, он принимал решения по ликвидации бунта в Казанской духовной академии и «Дивеевской смуты». Позднее служил в Министерстве государственных имуществ, тайный советник с 1880 г. Последняя его должность — директор Петербургского человеколюбивого общества. Женат с 1847 г. на Елизавете Александровне (–02.1880). Он и его дети похоронены на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге²².

Его внук **Федор Сергеевич Олферьев (1885–1971)** окончил Пажеский корпус в 1905 г.

и вступил в лейб-гвардии конно-гренадерский полк. В начале 1914 г. окончил Николаевскую военную академию и был направлен в Штаб Варшавского военного округа. Во время Великой войны, как офицер Генерального Штаба, был прикомандирован к штабу 1-го Туркестанского армейского корпуса. За отличие в боевых действиях был награжден Георгиевским оружием. С конца 1915 г. капитан Олферьев на штабной работе во 2-й Армии, где в основном занимался вопросами авиации. По распоряжению генерал-инспектора, адмирала Великого князя Александра Михайловича, он был переведен в управление авиации при Верховном Главнокомандующем. После отречения Императора Федор Сергеевич как «неблагонадежный элемент» был отправлен в штаб 8-й Армии (командующий генерал Л. К. Корнилов), где контролировал действия авиационной разведки. Летом 1917 г.

²² РГВИА. Ф. 395, оп. 240, д. 43, д. 66; Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи. М.: РФСОиН, 2016. С. 473–492; Романов Н. М. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 307.

подполковник Олферьев участвовал в работе Московского авиационного совещания, что спасло его от ареста после провала «Корниловского мятежа». Большевистский переворот и убийство генерала Духонина вынудили его бежать под чужим именем из Могилева в Киев, куда перевез семью и где пережил страшные дни январского красного террора. В начале февраля он смог пробраться в Новочеркасск, где вел переговоры с руководством добровольческой армии, а затем снова вернулся в Киев. Во время гетманщины вступил в ряды Русской Добровольческой дружины генерала Л. Н. Кирпичева и участвовал в обороне города от петлюровских банд. Выбраться из Киева в занятую французами Одессу ему помог германский комендант Альвенслебен. В Одессе под руководством генерала А. Н. Гришина (Алмазова) Федор Сергеевич осуществлял связь руководства ВСЮР с командованием оккупационных сил Антанты для организации совместного отпора большевикам. Однако позиция союзников и лично генералов Ансельма и Фрейденберга привела к занятию Одессы большевиками. Олферьеву с семьей удалось перебраться в Румынию, а далее предстоял долгий путь через всю Азию до Японии в надежде на возвращение на родину. Но судьба решила иначе, и они перебрались в Калифорнию, где его жена Мария Владимировна, урожденная Гревенс преподавала языки, а он работал в нефтяной компании. Его сын погиб во время Мировой войны на Тихом океане. Одна из его внучек, Татьяна Камерон, осуществила перевод и издание воспоминаний деда²³.

Их сестра **Елизавета Ивановна** (р. 29.7.1817–?) была замужем за ротмистром Семеном Яковлевичем Нестелей, дядя которого капитан **Лев Кириллович** героически погиб при **Шевардино**. Их дочь Вера Семеновна Нестелей была замужем за уездным врачом, хирургом Петром Федоровичем **Филатовым** (1853–1919), брат которого **Нил Федорович** (4.4.1847–26.1.1902) был **основателем педиатрии в России** и детской (Филатовской) больницы в Москве. Памятник ему стоит на Девичьем поле в Москве, а похоронен он на Ваганьковском кладбище. Все Филатовы были в большой дружбе с Олферьевыми и часто бывали в Уде²⁴.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 639, оп. 1, д. 2, кадр. 286; Пажи — рыцари России / сост. А. Б. Григорьев, О. А. Хазин. М.: Мысль, 2004; Olferieff F. S. Russia in War and Revolution. Ed. Gary M. Humburg, translated by Tanya A. Cameron. Hoover Institute Press, Stanford, 2020. 614 p.

²⁴ *Целорунго Д. Г.* Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. М.: Калита, 2002. С. 290; Молчанов В. Н. Н. Ф. Филатов. К столетию со дня рождения. М., 1947.

Рис. 11. Рисунок Петра Филатова.
Церковь Введения во Храм в селе Уда. (архив семьи)

Да и после революции семьи поддерживали дружеские отношения. Владимир Петрович Филатов — известный русский и советский врач-офтальмолог (академик медицины), жил и работал в Одессе. Его сестра Елизавета Петровна была замужем за академиком Георгием Нестеровичем Сперанским — одним из выдающихся врачей-педиатров XX века, лечившего и вашего покорного слугу.

После гибели Александра Ивановича его старшему сыну **Александру** было 18 лет. При поддержке дяди Николая Ивановича он получил образование в Петербурге. Однако хорошее имение Олферьевых в селе Лаврентьево с заводами сумел отобрать опекун, помещик Никифоров, и он вернулся в Уду. Некоторое время служил на Бахметевском стеклянном заводе. По молодости лет связался с веселой компанией, вел разгульную жизнь, из-за чего братья и сестры потребовали раздела оставшегося материнского имения. После раздела наследства он переехал в Санкт-Петербург, где в 70-х гг. был мировым судьей, а затем служил в Департаменте таможенных сборов. Женат на Александре Петровне Дылевской, которая после окончания Николаевского сиротского института в 1855 году преподавала в нем французский язык и словесность²⁵.

²⁵ Тимофеев В. П. Пятидесятилетие Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института. Исторический очерк. СПб., 1887. Приложения. С. 8; ЦГИА СПб. Ф. 520, оп. 1, д. 2199 (1871–1877); «Весь Петербург» на 1894 / ред. Н. И. Игнатова. С. 171.

Рис. 12. Александр Александрович
Олферьев с женой Анной
Николаевной, урожденной фон
Левендаль (архив семьи)

Рис. 13. Георгий Олферьев
(архив семьи)

Какой-то рок висел над его потомством. Его сын **Александр Александрович** (р. 02.05.1873 в С. Петербурге — убит 13.09.1906 в Чарджуе), восприемницей которого была Цесаревна Мария Федоровна, окончил в 1896 Императорское училище правоведения. Начал службу коллежским ассессором в Сенате, в начале XX в. был назначен секретарем прокурора Ташкентского окружного суда, а затем мировым судьей в г. Верный (Алма-Ата). В 1903 г. переведен в Коканд, где на него было совершено покушение 23 июля 1906 г. После чего он был переведен в г. Новый Чарджуй. 13 сентября 1906 г. по возвращении с женой от всеобщей он был смертельно ранен революционером-террористом выстрелом в спину. Его первая жена скончалась при родах в 1900 г., оставив ему дочь. Вторым браком он был женат на Анне Николаевне баронессе фон **Левендаль** (р. 1875–?), которая, овдовев, переехала в Россию и работала начальницей Кирилловской женской гимназии, однако довольно быстро после революции ей было отказано в должности. 25 января 1905 г. у них родился сын **Георгий Александрович**. Он получил среднее техническое образование. Стал главным механиком бумажного комбината поселка Правдинск Балахнинского р-на

Рис. 14. Петр Александрович
Олферьев (архив семьи)

Нижегородской обл. Осужден НКВД по ст. 58–6, 58–9, 58–11. **И 25 января 1938, в день своего 33-летия, был расстрелян.** Женат он был на дочери священника села Георгиевское Тотемского района Архангельской области — Ангелине Николаевне (р. 1910). Как жена «врага народа», она была осуждена в 1938.05.29 Особым совещанием по ст. 58–12 к 3 годам ссылки в Казахстан, куда и отправилась с двумя сыновьями. Однако выжили. Младший сын Станислав осуществил свою мечту и стал одним из лучших капитанов в Волжском пароходстве. Старший, Геннадий, остался жить во Фрунзе, ныне Бишкек. Его сыновья и внуки оставались в этой стране. В начале XXI в. мне

удалось восстановить связь с **Михаилом Геннадьевичем Олферьевым** и частью его семьи, ныне живущими в России²⁶.

Непростая судьба была у самых младших детей Александра Ивановича, Николая (1850 г. р.) и Глафиры (1851 г. р.). Рано осиротев, они отданы были в сиротские институты. Николай, учась с 1858 года в Гатчинском Николаевском институте, дружил с Михаилом Чигориным (шахматистом), а после окончания университета служил в учреждениях Минфина, в 1882–85 гг. преподавал математику в Патриотическом институте, д.с.с.²⁷. Глафира после окончания Санкт-Петербургского института в 1870 г. занималась воспитанием детей в семьях, а с 1886 г.

²⁶ Рогге Вадим. Н.Л. Пашенный. Императорское училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты. Списки выпускников 1840–1815. 57-й выпуск; Книга русской скорби. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Кн. VI. С. 480–482; ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 678. С. 374–375; Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 3-е. М.: Звенья, 2004; ЦГИА СПб. Ф. 1343, оп. 51, д. 649 л. 16 об.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 758, оп. 18, д. 2253; Список бывших воспитанников Гатчинского сиротского института. СПб., 1893. С. 13; ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, 19623; ЦГИА СПб. Ф. 6, оп. 1, д. 410.

преподавала в Сиротском институте. Позднее вышла замуж за инспектора этого института, д.с.с. В. П. Тимофеева²⁸.

Мой прадед **Петр Александрович**, р. 1837 и ум. 7.03.1911 в селе Уда Саранского уезда Пензенской губернии, воспитывался в Пензенском Дворянском институте, затем учился в Казанском университете. Из-за финансовых трудностей был вынужден оставить учение и, по совету и рекомендации брата деда генерала от кавалерии **П. В. Олферьева**, поступил в 1855 г. вольноопределяющимся в действующую на Кавказе армию, был назначен в Гренадерский стрелковый батальон. Участвовал в «делах против горцев». Вышел в 1862 г. в отставку поручиком.

Служил мировым посредником, мировым судьей, а затем, вплоть до 1905 г., земским начальником 3-го участка Саранского уезда. Статский советник. Кавалер орденов Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст. и Креста за службу на Кавказе²⁹.

После выхода в отставку он женился на вдове помещика **Александра Васильевича Королькова (1820–1860)**, **Надежде Михайловне (1834–1920)**, урожденной **Метальниковой**. Супруги воспитали 9 детей, четверо из которых было от ее первого брака (**Наталья, Александр, Михаил, Василий Корольковы**) и пятеро Олферьевых. Этот брак помог прадеду выйти из трудного экономического положения, а Надежде Михайловне найти верную опору в жизни. Живя в родовом

Рис. 15. Надежда Михайловна Олферьева (архив семьи)

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 10, оп. 1, д. 396 и 3416; Тимофеев В. П. Пятидесятилетие Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института. Исторический очерк. СПб., 1887. Приложения. С. 8; «Весь Петербург» за 1899 год. С. 523.

²⁹ *Тюстин А. В.* Пензенское дворянство. Исторический очерк. Пенза, 2001. С. 3–34; ЦГИА СПб. Ф. 343, оп. 51, д. 649, л. 252 об., и л. 370; Дело № 345 Пензенского отделения Общества Взаимного поземельного кредита от 12.07.1878.

имении в селе Уда-Введенское, он создал первым в уезде винокуренный завод, восстановил прудовое хозяйство (три пруда которого славились своей рыбой, особенно сазаном), построил школу, собрал прекрасную библиотеку. Эта библиотека уцелела и после революции 1917 г. и еще в начале 60-х гг. XX столетия составляла основу библиотеки Удинской школы, бережно сохраняясь ее директором и учителем Иваном Васильевичем Пискуновым. К сожалению, в конце столетия и школа, и библиотека были уничтожены. По инициативе П. А. Олферьева в 1888 г. в Саранске была открыта Народная бесплатная библиотека имени Общества ревнителей русской истории и просвещения, членом которого он являлся. Похоронен был в селе Уда, возле церкви. В начале XXI в. от имения осталась только кирпичная баня, развалины церкви да заросший сад (парк). Могилы были уничтожены в 30-е годы большевистскими варварами. В 2013 г. на месте дома Олферьевых современный нувориш возводил коттедж.

Рис. 16. Остатки церкви в Уде (архив семьи)

Рис. 17. Семья Александра Петровича Олферьева (архив семьи)

Мой дед **Александр Петрович**, р. 6.11.1867 в селе Уда — ум. 1.10.1951 в Москве. В семье его звали **Петрович**, чтобы отличать от единоутробного брата Саши. Он получил военное образование в 1-м Павловском училище и служил в 3-й и 2-й гренадерских артиллерийских бригадах, дислоцировавшихся около Москвы и под Ростовом Великим. Ему довелось присутствовать на коронации Императора Николая II. Штабс-капитан, подполковник артиллерии в отставке с 1903 года, с правом ношения формы. Никогда не принимал участия в боевых действиях. После женитьбы в 1903 г. на **Маргарите Альбертовне Кавос** (р. 12.05.1880 — ум. 30.10.1962)³⁰ вышел в отставку и служил земским начальником в селе Ильинское-Хованское Ростовского уезда, где по его инициативе была построена земская больница, которая уже отметила свое столетие. С 1905 по 1917 гг. он был земским начальником под Саранском, сменив на этом посту своего отца П. А. Олферьева. Дед успешно справлялся с бунтовщиками во время революции 1905–1907 гг., понимая, что главная задача властей — изолировать пришлых провокаторов.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19, оп.126, д. 25, л. 269 (1).

Рис. 18. Дом в Уде (архив семьи)

Рис. 19. Семья Олферьевых в последний раз в Уде (архив семьи)

До осени 1917 г. он жил в родовом имении села Уда-Введенское, затем переехал в Саранск, потом в Симбирск, где купил дом, который сохраняется и в настоящее время, так как стоит по соседству с домом, в котором жили Ульяны. Впоследствии он переехал в Москву. При советской власти неоднократно подвергался арестам (в 1919, 1924, 1927, 1931 гг.), приговаривался к расстрелу, сидел в тюрьмах (тюрьма в Симбирске сохранилась), в 1930–32 гг. был на поселении в Казахстане (как раскулаченный!!!). Служил в различных организациях, освоив множество профессий: торговал лесом и заготавливал хлеб

для Москвы, строил совхозы, был сторожем и кассиром в банях. И никогда не унывал. Обладая хорошим голосом, выступал в концертах, в том числе и тюремных. Обо всей своей трудной жизни он написал подробные воспоминания, которые в 2015 г. были опубликованы в 5-м томе Антологии Пензенского края³¹.

А имение сожгли на Престольный праздник 21 ноября (старого стиля) 1917 г., а позднее был разрушен и Храм.

Немного хочу рассказать о наших греко-итальянских корнях. О талантливых предках и родственниках Маргариты Альбертовны Кавос.

Семейство Кавос — вероятно, греческого происхождения с острова Корфу, бежавшие в Венецию от турков. Джованни Кавос был каноником в соборе Святого Марка, а его сын Альберт был балетным танцовщиком и директором известного театра Ла Фениче. **Катарина Альбертович** (р. 1776 в Венеции, ум. 28.04.1840 в Санкт-Петербурге), с юных лет выделялся своими музыкальными способностями, а его учителем был композитор Ф. Бианки. Завоевание Венеции революционной Францией и последующая за этим оккупация Австрией подтолкнули молодого композитора принять в 1798 г. приглашение работать в России. Композитор, директор оркестров Императорских театров, педагог, Катарина Альбертович в России стал автором музыки к операм, балетам и водевилям и существенно содействовал становлению национального музыкального театра, используя либретто русских литераторов и народные сюжеты. Катарина Кавос долгие годы руководил русской оперной труппой и одновременно преподавал музыку и пение в Театральном училище, Смольном и Екатерининском

Рис. 20. Катарина Альбертович Кавос (архив семьи)

³¹ *Олферьев А. П. Мои Воспоминания. Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. М.: Новые решения, 2015. Т. 5. С. 77–170.*

институтах. 19 октября 1815 г. впервые была поставлена его двухактная опера «Иван Сусанин», имевшая большой успех благодаря как патриотическому сюжету, так и мелодичной музыке. Однако когда в 1836 году появилась опера «Жизнь за Царя» М. И. Глинки, Кавос великодушно признал ее превосходство и способствовал постановке на сцене. Однако она не вытеснила из репертуара произведения самого Кавоса. Его оперы «Илья-богатырь», «Казак-стихотворец», «Любовная почта» ставились до середины XIX века, им был поставлен балет «Кавказский пленник» на пушкинский сюжет. В 1815 г., по случаю возвращения из Парижа русских войск, им были созданы оратория и марш, которые ежегодно, до самой революции 1917 г., исполнялись на празднике военных инвалидов. Его женой была известная певица **Камилла Бальони (1773–1832)**, дочь итальянского певца Франческо Бальони. У них было трое детей: дочь и двое сыновей³².

Его старший сын **Альберт Катаринович**, р. 1801(?), ум. в 1863 в Санкт-Петербурге. Окончил математический факультет Падуанского университета. Выдающийся архитектор, художник, коллекционер (его дом на Большом Канале в Венеции был подобен музее), теоретик театральной архитектуры и строительства, ученый акустик и педагог. Автор реконструкции театров в Санкт-Петербурге и в Москве. Создатель Каменоостровского и Михайловского (Малого оперного) театров в Северной Пальмире, автор многочисленных архитектурных проектов (главный архитектор почтового ведомства), осуществленных как в России, так и в Европе. От двух жен у него было 7 детей, все крещенные в православии. Его дочь Камилла вышла замуж за выдающегося архитектора Николая Леонтьевича Бенуа, творчество потомства которых известно всему миру (Альберта и Александра Бенуа, Зинаиды Серебряковой и нескольких поколений Лансере и Серебряковых)³³.

Мой пращур **Джованни (Иван) Катаринович**, р. 1806–1861, посвятил себя музыке, вначале помогал отцу, потом был капельмейстером и хормейстером Императорских театров, а затем старшим режиссером итальянской труппы, преподавал пение и музыку в Екатерининском институте (училище) благородных девиц. У Джованни

³² *Дехтерева-Кавос С. Ц.* Катерино Альбертович Кавос, композитор 19 века. Очерк. «Русская старина». СПб., 1895. Т. XXVI, книга 4. С. 97–112; Пружанский А. М. Отечественные певцы 1750–1917. Словарь. Т. 2. М., 2000. 400 с.

³³ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т. 1. Кн. 1, ч. 1. С. 11–192.

Кавоса и его жены балерины **Елизаветы Федоровны (урожденной Эраш, 1820–1893)** родилось четверо детей: Екатерина (род. 1843), Камилл (1843–1900), Альберт (1847–1898) и Стефан (1850–1906). Камилл и Стефан были офицерами итальянской армии и прекрасными фехтовальщиками. Альберт Иванович был женат на **Софье Георгиевне фон Эссен аф Целли**, которая и стала матерью **Маргариты**, вышедшей замуж за А. П. Олферьева³⁴.

К сожалению, в России не осталось ни одного носителя фамилии Кавос. Потомки сына Альберта Катариновича, Цезаря, живут во Франции.

Родные братья моего деда **Николай и Сергей** были близнецами (1875 г. р.). **Николай Петрович**, р. 1875–1968. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета он служил в Министерстве финансов, затем в Саранской уездной, в Пензенской и в Пермской губернских землеустроительных комиссиях, активный участник проведения столыпинских реформ. В Перми организовал издание журнала «Пермский вестник землеустройства», в котором публиковал свои статьи и очерки брата Сергея. После революции ему пришлось приспособливаться к новой жизни, в эпоху нэпа работал в торговле и служил в организациях Наркомзема. В 1931 г. он был направлен в Казахстан для организации программы совхозного строительства и выявления целинных и залежных земель в Акмолинской области. Им были опубликованы очерки по исследованию Сары-Суйской долины. Он первым составил карты полезных ископаемых этого региона, которые в дальнейшем были переданы академику

Рис. 21. Николай Петрович Олферьев (архив семьи)

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 347, оп. 1, д. 30, л. 55; Дузи К. Дневник художника. СПб.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2015. С. 143; ЦГИА СПб. Ф. 373, оп. 1, д. 35, л. 12; URL: <https://www.adelsvapen.com/genialogi/VonEssenafZellie> nr 723.

Рис. 22. Вице-консул Сергей Петрович Олферьев с конвоем
(архив семьи)

Ферсману. За это исследование он был избран членом Всесоюзного Географического общества. Николай Петрович был известен как библиофил. Публиковался в литературных сборниках, сохранились его «Воспоминания о Нормандии» (Лит. сборник С. Петербургского ун-та в помощь раненым бурам, 1900 г.). Оставил воспоминания о жизни. Был женат на **Екатерине Федоровне Обуховой** (р. 23.10.1880 — ум. 1.6.1953). Вторая жена Надежда Петровна Корбина (р. 1897–1977). В Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки сохраняются его воспоминания и архив³⁵.

Сергей Петрович, р. 1875 — ум. 15.01.1942. После окончания в 1896 г. вместе с братом Пензенской классической гимназии учился в Лазаревском институте восточных языков и на юрфаке Московского университета. Затем был направлен в Академию восточных языков МИДа, которую окончил в 1903 г. Посвятил свою жизнь дипломатической карьере, которая оборвалась в 1918, так как не считал возможным изменять присяге. Сергей Петрович служил в русских посольствах

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 33273; ОР РГБ. Ф. 509 (Олферьевы), к. 3, д. 19 и д. 12.

в Константинополе и в Тегеране, затем был вице-консулом в турецком Курдистане, в Ване, а затем в Маку (в Персии) при Макинском шахе. В Ване, а затем в Маку он открыл русские школы для армянских и мусульманских (курдских) детей. Активно противостоял экспансии английской дипломатии на Востоке. Кроме дипломатической работы, Сергей Петрович много времени и сил уделял литературной деятельности, публикуя под псевдонимом С. Вегин исторические и этнографические очерки, занимался и переводами средневековой арабской поэзии. В 1917 г., уезжая в Петроград за новыми инструкциями, оставил в Персии свой архив и библиотеку. К сожалению, все его труды пропали после большевистской национализации. Оставшись не у дел после октябрьского переворота, он в 1924 г. переехал в Москву и работал в Текстильном тресте. В 1929 его сослали в Архангельск, где он занимался литературной работой и вскоре опубликовал книгу «В верховьях Тигра» с предисловием Луначарского. Его освобождению способствовал А. М. Горький, предложивший ему публиковаться в журнале «Наши достижения». По совету академика И. А. Орбели переехал в Ленинград, где служил научным сотрудником-референтом во Всесоюзном институте экспериментальной медицины. С 1937 он стал библиотекарем восточного отдела Научной библиотеки ЛГУ. С января 1941 начал работать библиотекарем в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, где готовил к изданию «Исторические и иконографические материалы о взятии Измаила». Сергей Петрович был знаток многих восточных и европейских языков, прекрасно знал арабскую поэзию, занимался переводами стихов на русский язык, известен своими переводами Ширази Хафиза («Роза и соловей»), опубликовал статью «Из области древнеарабской лирической поэзии». Член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии³⁶.

Женат на **Татьяне Александровне Киреевой** (15.05.1886–1948), которая перед войной была арестована. Скончался от голода в блокадном Ленинграде зимой 1942, «15 января 1942 исключен из списков сотрудников библиотеки ввиду смерти», место захоронения неизвестно. В отделе рукописей РГБ и в РПБ имени Салтыкова-Щедрина сохраняются его воспоминания и архив³⁷.

³⁶ Пермский вестник землеустройства. 1912. № 18. С. 24–26, 32, 36. URL: arch.permculture.ru/handle/permculture/; Олферьев С. П. В верховьях Тигра / сост. А. Б. Зайцев; Архив РАН, ИНИОН РАН, ИВ РАН. М., 2017. 398 с.; Вегин С. Ломоносов. Историческая пьеса. Архангельск: Севкрайгиз, 1935. 116 с.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 509 (Олферьевы), к. 3, д. 19 и д. 12; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 3, д. 677; Архив РНБ. Ф. 10/1. Приказы и расп. 1941–42.

Рис. 23. Метальников Сергей Иванович (архив семьи)

в 1797 г. Тихвинскую церковь в Саранске (снесена в 1930 г.). Другой ее дед, Иван Васильевич Кравков, был полицмейстером (городовым) Саранска. Основное имение Метальниковых — в селе Репьевка. Большую известность приобрели племянники Надежды Михайловны: близнецы **Сергей Иванович** (1870–1946) и **Николай Иванович** (1870–1938) Метальниковы. Оба брата получили прекрасное биологическое образование, но Сергей Иванович стал выдающимся зоологом и иммунологом с мировым именем, а Николай Иванович — агрономом и одним из лидеров партии КД-тов и депутатом 1-й Государственной Думы. Сергей Иванович руководил лабораторией Лесгафта в Петербурге и отделом иммунологии Института Пастера в Париже. Его работы по биологической защите растений, иммунной системе насекомых и растений, о философских проблемах бессмертия заслужили всемирное признание, и сегодня одна из самых престижных наград в области иммунологии — **«Медаль имени С. Метальникова»**. После ареста и длительных допросов в гестапо Сергей Иванович попал в клинику для душевнобольных, где и умер. Его потомки живут на юге Франции, а одна из его внучек, **Barbara Gounod**, была известной балериной³⁸.

³⁸ Ульянкина Т. И. Сергей Иванович Метальников // Цитокины и воспаление. 2010. Т. 9, № 4. С. 54–60; Metalnikov S. La lute contre la mort. Gallimard. Paris, 1937. 240 p.; Первая Государственная Дума. Алфавитный список... М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1906. С. 53–54.

В России живут потомки **Дмитрия Ивановича**. Семья Металльниковых в XX в. жила в большом доме на Пантелеймоновской (Пестеля) улице в Петербурге, а летом в крымском имении «Артек», которые принадлежали отчиму братьев, владельцу пороховых заводов, генералу Виннеру. Внук Дмитрия Ивановича, **Александр Петрович (1931–2013)**, чудом выжил в блокадную зиму 1941–42 гг., когда он остался один среди умерших родных. Его приемными родителями стали супруги Штекер (Георгий Андреевич Штекер — племянник К. С. Алексеева-Станиславского). Александр Петрович был ученым океанологом, заместителем председателя Гос. Комитета по метеорологии СССР, представлял нашу страну в комиссии ООН в Женеве, заслуженным метеорологом РФ.

В первом браке у Надежды Михайловны родились три сына и дочь, **Наталья Александровна Королькова (1854–1922)**, которая вышла замуж за внука Саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева, **Владимира Алексеевича Панчулидзева (1848–1890)**. У них было трое детей: сын Алексей, который рано умер, и дочери **Наталья (1874–1976)** и **Надежда (1878–1949)**. Второй раз Наталья Александровна вышла замуж за действительного статского советника, доктора медицины **Павла Валентиновича Иванова**, который в 1-м браке был женат на Наталии Сергеевне, вдове Мунт. Наталья Александровна аккуратно записывала события жизни в дневник, частично сохранившийся и опубликованный³⁹.

Наталья Владимировна Панчулидзева первым браком была за Андреем Андреевичем Оппель, но рассталась с мужем и в 1912 г. вышла замуж за Николая Александровича Арапова — кавалергарда, расстрелянного во время красного террора в сентябре 1918 г., устроенного в Пензе большевичкой, садисткой Евгенией Бош.

³⁹ *Иванова Н. А.* Дневник 1914 г. Антология / сост. И. С. Шишкин. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. М.: Новые решения, 2014. Т. 3. С. 217–252; Дневник 1905–1906 гг. // Антология. 2015. Т. 4. С. 135–161; *Иванова Н. А.* Дневник 1905–1906 гг. Антология / сост. И. С. Шишкин. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. М.: Новые решения, 2015. Т. 4. С. 135–161; *Иванова Н. А.* Черный год России. Дневник 1917 г. Благовест; Самара: Лампада, 2016. № 2 (206). С. 1–31; № 3 (207). С. 10–38; *Иванова Н. А.* Вдали от передовой. Дневник 1914 г. Благовест, Самара: Лампада, 2016. № 8 (212). С. 1–33; *Иванова Н. А.* Вверх по Волге-матушке. Дневник 1909 г. Благовест, Самара: Лампада, 2017. № 2 (218). С. 1–20; Соловки в 1913 году. Благовест, Самара: Лампада, 2017. № 3 (219). С. 1–14.

Рис. 24. Братья Корольковы и Лидия Николаевна Королькова, урожденная Обухова (архив семьи)

Рис. 25. Н. А. Иванова с мужем и семьями дочерей (архив семьи)

Надежда Владимировна Панчулидзева вышла замуж за флотского офицера **Сергея Павловича Горсткина (1877–1930)**, который участвовал в Русско-японской войне. После вышел в отставку и был предводителем дворянства в Ардатове, был в чине капитана II ранга. В своем имени супруги построили винокуренный завод «Надеждинский», который проработал до 2008 г. В 1917 его арестовали, но жена сумела добиться его освобождения. В 1918 г. пленный чех сумел предупредить деда о новом аресте, и дед бежал на юг, где сражались в добровольческой армии его брат Николай и другие родственники. Эвакуировались братья Горсткины из Крыма, продолжали быть активными противниками большевистского режима. Похоронен дед в Рабате. У Надежды Владимировны и Сергея Павловича было двое детей: старший сын Павел (1900–1969) и моя мама Наталия (1909–1966). Павел учился в Александровском лицее, после революции устроился матросом и поступил в Политехнический институт в Петербурге. Но в 1921 был арестован и полгода провел в Пензенской тюрьме «в хорошей компании», как он записал в дневнике. В 1922 г. сумел перебраться в Финляндию, потом учился во Франции, стал метеорологом и гидротехником. До конца жизни работал в Марокко. В конце 1965 г. ему разрешили навестить свою сестру, которая была безнадежно больна. Более 40 лет они не видели друг друга и встретились, чтобы расстаться навечно. Через три месяца мамы не стало. После смерти маминого брата остались его записки и дневники, которые мне любезно передала Прасковья Петровна де Мазьер, урожденная графиня Шереметева, которые были опубликованы⁴⁰.

Я недаром сделал экскурс к Метальниковым и Корольковым, ведь Надежда Михайловна Олферьева мне приходится прабабушкой по отцу и прапрабабушкой по маме. Нетрудно посчитать, что я прихожусь сам себе дядя и племянник.

Горсткины

Я весьма признателен Андрею Александровичу Белякову, собравшему воедино многочисленные исторические факты о нашей семье и написавшего книгу «Дворяне Горсткины», которая была опу-

⁴⁰ *Горсткин П. С.* Тюремный дневник. Благовест, Самара // Лампада. 2019. № 3 (243). С. 1–37; № 4 (244). С. 12–28; № 5 (245). С. 5–23; Горсткин П. С. Занесло тебя снегом Россия. Дневники 1923–1924 гг. Благовест, Самара // Лампада. 2020. № 3 (255). С. 1–24; № 4 (256). С. 12–37; № 5 (257). С. 9–31; № 6 (258). С. 38–46; № 7 (259). С. 27–36; № 8 (260). С. 28–40.

бликована издательством «Старая Басманная» в 2018 г.⁴¹ Поэтому я не указываю иных источников информации о Горстких, кроме этой книги.

Родословная Горстких восходит к XIV веку, к сыну нижегородского тысяцкого Федора Михайловича, которого звали **Остафий Горстка**. Сын его, воевода **Семен Горстка**, был убит в 1437 г. в битве с татарами под Белевым. **Григорий Семенович** погиб в 1450 г. под Галичем и похоронен в Ярославле, о чем повествует Ермолинская летопись. О потомках последнего сохранились записи в синодике Иосифо-Волоцкого монастыря. В XVII в. Горсткины владели землями под Галичем и Вологдой, в Юрьеве и Вязьме. Горсткинские наделы в Тульской и Пензенской губерниях (недалеко от Чембара) появляются только в XVIII в., после того как поручик Конной гвардии **Борис Иванович Горсткин** женился на **Прасковье Раевской** и получил в приданое Бологово в Туле. В Богородицком уезде на Красивой мече есть село Горстдино, бывшее Борисовка, в которой жил отставной поручик **Николай Петрович Горсткин (1768–1821)**.

Его двоюродные братья Борис Александрович (1776–1850) и Гавриил Александрович (1780 — после 1848) участвовали в кампаниях против наполеоновской Франции. Борис был сотенным начальником в Тульском ополчении, а Гавриил в 1800 г. вступил в лейб-гвардии Измайловский полк и в 1805 батальонным адъютантом полковника Талызина 2-го участвовал в Аустерлицком сражении, после которого был произведен в поручики. Участвовал в кампании 1807 г. и был при Фридланде, после чего уволен по здоровью со службы штабс-капитаном и назначен городничим в Чухлому, а затем в Кинешму, с 1815 г. был управляющим удельной конторой в Костроме, а в 1840 получил чин действительного статского советника и служил в Государственном контроле.

Николай Петрович имел четырех сыновей и двух дочерей. Старший, **Петр**, в 1806 г. из пажей Императорского двора был переведен в Ямбургский драгунский полк, а в 1811 поручик Горсткин был переведен в Ахтырский гусарский полк, где полковником был Д. В. Давыдов. В ноябре 1812 г. под Ляховым штабс-ротмистр Петр Горсткин, участвуя в атаке Ахтырцев против отряда старой гвардии проявил отчаянную храбрость и был награжден орденом Св. Георгия 4 кл. В тот день был разбит корпус генерала Ожеро, который был взят в плен вместе с двумя тысячами солдат и офицеров.

⁴¹ *Беляков А. А.* Дворяне Горсткины. Старая Басманная. М., 2018. 298 с.

Павел Николаевич Горсткий (1793–1853) учился в 1-м Кадетском корпусе и в декабре 1812 г. выпущен прапорщиком в 4-й егерский полк, командиром которого был полковник А. И. Федоров, а шефом — генерал-лейтенант К. Ф. Багговут. Павел Горсткий был во многих сражениях начиная с занятия крепости Леон: под Фильсбургом, при Бриене, Мерихе и Шаноме. Но 15 февраля 1814 г. во время сражения при Бар-Сюр-Об был ранен и взят в плен. Но недолго он был в плену, через месяц Наполеон капитулировал. Павел Николаевич по окончании войны служил в лейб-гвардии Павловском полку, вышел в отставку майором и был удачливым предпринимателем. В Петербурге около Сенной площади он имел доходные дома, до сих пор сохранилось название моста через Фонтанку «Горсткий мост». Женат он был на вдове Варваре Николаевне Девятовой, урожденной Лихаревой, чей брат был осужден по делу декабристов.

Мой пращур **Иван Николаевич (1798–1876)** воспитывался в Московском университетском пансионе. В службу вступил юнкером, в 4-й резервный батальон лейб-гвардии егерского полка (20.07.1814), а в 1821 г. был уволен «за болезнью» и поступил на службу в канцелярию московского губернатора, став в 1825 г. советником московского губернского правления с чином титулярного советника.

В 1818 году Горсткий был в числе руководителей отделения «Союза Благоденствия» в лейб-гвардии егерском полку. Член тайной организации «Практический союз» (1821 г.) и московской управы «Северного общества» (1825 г.), но деятельность его там была совершенно незаметна. Женившись, он полностью ушел в семейные заботы, где политике было мало места. И. Н. Горсткий писал: «Нет на свете человека благополучнее меня! Счастливейшее супружество, благословенное семейство, устройство и благосостояние их, вот теперешние заботы мои, вот средства, вот цель жизни моей».

Рис. 26. Иван Николаевич Горсткий
(архив семьи)

Рис. 27. Елизавета Григорьевна Горсткина (Ломоносова)
(архив семьи)

Он был арестован 19 января 1826 года в Москве и перевезен в Петропавловскую крепость («присылаемого Горсткина содержать по усмотрению хорошо»). По окончании расследования было «Высочайше повелено (15.06.1826), продержав еще 4 месяца в крепости, отправить на службу в Вятку, где состоять ему под бдительным надзором».

Прибыв в Вятку в конце 1826 г., он был определен на службу в канцелярию губернатора, где общался с сосланными поляками, благодаря которым научился «беспрюгрышно» играть в карты. В 1827 г. ему было разрешено безвыездно жить в имении при селе

Голодяевке (в советское время село Междуречье) Чембарского уезда Пензенской губернии, а затем в Пензе (с 03.11.1828 г.), а с 1848 г. он занял должность чиновника по особым поручениям при пензенском губернаторе. Иван Николаевич был любитель и знаток театра, организовал в Пензе театр, на сцене которого играли многие известные актеры. Его библиотека являлась уникальным собранием литературы по истории театра. После смерти Николая I он часто проживал в Москве, в доме на Тверском бульваре. Иван Николаевич активно участвовал в подготовке крестьянской реформы, был членом и депутатом Пензенского губернского комитета по крестьянским делам с 1860 г., и членом Пензенского губернского присутствия по выборам дворянства в 1861 г., надворным советником.

С 1822 г. он был женат на **Елизавете Григорьевне** (1803–1863) — дочери генерал-майора, «неустрасимо храброго воина» **Григория Гавриловича Ломоносова** (1764–1810). В Итальянском походе 1799 г. А. В. Суворова полковник Г. Г. Ломоносов был командиром сводного гренадерского батальона и в бою 4 августа при Нови получил сильную контузию, после чего передал командование Константину Павловичу, а сам вынужден был подать в отставку. Ломоносовы имели поместья в Смоленской и Московской губерниях, в том числе и Михалево, что рядом с Купавной. Елизавета Григорьевна купила у Наталии Тучковой

Рис. 28. Семья Павла Ивановича Горсткина (архив семьи)

(Огаревой) имение недалеко от Алатыря, в котором построила сыроварню. Это имение унаследовал сын Павел Иванович.

Ее брат **Сергей Григорьевич Ломоносов** — лицеист первого выпуска, учился с А. С. Пушкиным, имел прозвище «крот», впоследствии действительный тайный советник, посланник в Гааге. Другой ее брат, ротмистр Александр Григорьевич (–1854), был сослуживцем и приятелем М. Ю. Лермонтова, который изобразил двух братьев на картине «Бивуак лейб-гвардии гусарского полка под Красным Селом». Старший брат Николай Григорьевич был приятелем А. С. Пушкина, который посвятил ему и Елизавете стихотворения:

И ты, любезный друг, оставил
Надёжну пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной тишины.
Дай Бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды.
Дай Бог под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С любовью, дружбой неразлучно.

Рис. 29. Потемкин Алексей Яковлевич (архив семьи)

Ломоносовы жили на Английской набережной, 56, а после смерти мужа его вдова продала в Эрмитаж коллекцию картин известных итальянских художников, а дом приобрел полковник Я. А. Потемкин.

У Ивана Николаевича Горстклина было четверо сыновей и две дочери. Один из его сыновей, Лев Иванович, унаследовал от отца любовь к театру и продолжал отцовское дело в Пензе.

Павел Иванович Горсткин (1835–1896) после окончания Пажеского корпуса вышел в лейб-гвардии Павлоградский гусарский полк, в 1857–1859 гг. воевал

на Кавказе в составе Переяславского драгунского полка, в 1860 г. был назначен адъютантом Варшавского генерал-губернатора, а в 1865 г. вышел в отставку подполковником. Был предводителем дворянства в Ардатовском уезде и д.ст. советником. Жил с семьей в селе Оброчном, где занимался коневодством. Женат он был на **Ольге Алексеевне Потемкиной (1845–27.02.1917)** и было у них 7 детей, кроме того, у него был сын, рожденный от польки Юзефины Вывюрской, **Михаил Павлович Горсткин-Вывюрский (Michał Paweł Gorstkin-Wywiórski) (1861–1926)** — известный польский художник.

Ольга Алексеевна была дочерью **Алексея Яковлевича Потемкина** и **Варвары Петровны Нарышкиной**. В описании родословия Нарышкиных князя П. В. Долгорукова, а затем и у всех последующих авторов, вплоть до автора «Рядом с Петром Великим»⁴², ошибочно написано, что Варвара Нарышкина была замужем за Александром Потемкиным, тогда как он был женат на Варваре Александровне Толстой.

Ольга Алексеевна была рачительной хозяйкой, а имение в Оброчном считалось образцовым хозяйством, где был конный завод, поля, засеянные красным клевером, и высокопродуктивное молочное

⁴² *Нарышкин А. К.* В родстве с Петром Великим. М.: Центрполиграф, 2005. С. 628.

Рис. 30. Потемкина Варвара Петровна, урожденная Нарышкина (архив семьи)

Рис. 31. Горсткин Александр Павлович (Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917. М. РОССПЭН, 2008)

стадо. За успехи в сельском хозяйстве неоднократно отмечались на всероссийских и международных выставках.

Она приходилась внучкой герою Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, генералу-адъютанту и генералу-лейтенанту **Якову Алексеевичу Потемкину**. О подвигах и истории жизни этого генерала, кавалера многих орденов, включая ордена Св. Георгия 4 и 3 класса, довольно хорошо известно из литературы. Меньше известно о его женах: Варваре Ивановне Сафоновой (1786–1810), Варваре Дмитриевне Бахметевой (1799–1825) и Ольге Федоровне Брискорн (1811–1852). Варвара Ивановна скончалась после родов в 1810 г., не выжила и родившаяся дочь. Их надгробие сохранилось на кладбище Александро-Невской Лавры. По случаю бракосочетания Якова Алексеевича с **Варварой Дмитриевной Бахметевой** в 1818 г. Александр I с Императрицей поздравили молодых в их доме на Английской набережной. Варвара Дмитриевна скончалась после неудачных родов, а «смерть молодой, прекрасной Потёмкиной обратила на себя внимание целого города» (А. Я. Булгаков). **Варвара Дмитриевна Бахметева**, вторая жена и мать детей генерал-лейтенанта **Якова Алексеевича Потемкина**, была племянницей братьям-героям **Бахметевым**. Варвару Дмитриевну назвали в честь сестры ее матери, княжны Варвары

Ивановны Белосельской (1768–1825), которая была замужем за бригадиром Александром Александровичем **Нарышкиным**. Внучка его Варвара Петровна Нарышкина (1821–?) была замужем за младшим сыном Варвары Дмитриевны, Алексеем Яковлевичем **Потемкиным** (1822–1849), после смерти которого вышла замуж за домашнего учителя Ивана Ивановича Ротэ. Яков Алексеевич в 1827 г. женился на шестнадцатилетней дочери своих соседей Брискорн, живших на Галерной улице. После успешной Русско-турецкой войны Яков Алексеевич недолго был в столице. В связи с польским восстанием его назначили военным генерал-губернатором Волынской и Подольской губерний. Ольга Федоровна осенью 1830 г. родила дочь, но девочка вскоре умерла. В январе 1831 г. в Житомире скоропостижно скончался Яков Алексеевич⁴³, оставив молодой вдове Ольге Федоровне, урожденной Брискорн, воспитание дочери и двоих сыновей, рожденных от В. Д. Бахметевой. Ольга Федоровна в 1837 г. на месте захоронения мужа построила на Вильском кладбище Житомира церковь во имя Св. Апостола Иакова. Ольга Федоровна в 1834 г. вышла замуж за генерала Е. Ф. Мейндорфа.

Мой дед **Сергей Павлович Горсткий** был на девять лет младше старшего из сыновей Павла Ивановича. **Александр Павлович Горсткий** (1866–1922) после службы в гвардии с 1890 г. работал на различных земских должностях и вместе с мамой активно занимался ведением хозяйства в Оброчном, развивая скотоводство и производство сыров. В 1912 г. был избран в IV Государственную Думу, где занимал крайне правые позиции совместно с П. Н. Балашовым. Однако, узнав о событиях в Петрограде, послал приветственную телеграмму М. В. Родзянко. Участвовал в деятельности «Великой единой России» Н. Е. Маркова, в попытках организации монархического съезда и создания антибольшевистской Северо-западной армии. Воевал в ВСЮР и в РА и эвакуировался из Крыма вместе с братьями, похоронив погибшего при защите Крыма сына Павла. В Париже он оставался активным

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 111, д. 92; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб.: типография Э. Веймара, 1855. Ч. 2. С. 168–171; Анисимов Е. Генерал Багратион. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 278–280; Бессонов В. А. Тарутинское сражение. М.: Книга, 2008. 115 с.; Олферьев А. М. Я. А. Потемкин в арьергардных боях от Можайска до Крымского / сб. материалов Междунар. науч. конф. 2012. Можайск, 2013. С. 446–452; Глинка В. В., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л.: Искусство. 1981. С. 150–152; Биография Я. А. Потемкина. Рукопись (составлена по заказу вдовы). 1831.

Рис. 32. Книга Скрябиной
(архив семьи)

Рис. 33. Горсткин Николай Павлович
(архив семьи)

членом антибольшевистских монархических организаций. Женат он был на **Надежде Александровне Познанской** (1867–1942), которая вместе с дочерью и младшим сыном остались в России, не предполагая, что расстанутся с ушедшими на борьбу мужьями НАВСЕГДА. Младший из сыновей, **Георгий Александрович** (1896–1933), летом 1917 г. получил чин прапорщика, но призван был уже в Красную Армию. После Гражданской войны работал юристом, был женат, но в 1933 г. был расстрелян.

У него остался сын **Владимир Георгиевич Горсткин** (1928–2014), которому выпала нелегкая судьба, но природные способности и тяга к знаниям позволили ему стать одним из ведущих специалистов в области специального машиностроения. Его старший сын **Виталий** получил юридическое образование и первый среди Горстких достиг звания генерал-майора.

Дочь Александра Павловича, **Елена Александровна** (1906–1996) после окончания школы в Лукоянове переехала вместе с мамой в Симбирск к сестре своего отца Надежде Павловне Корольковой. Вскоре вышла замуж за сослуживца своего брата, Константина Дмитриевича Скрябина, с которым переехала жить в Ленинград. В 1941 г. Константин Дмитриевич ушел на фронт, оставив в городе жену с двумя детьми и тещу. В феврале 1942 г. их вывезли по «Дороге жизни» из блокад-

ного города. Надежда Александровна скончалась в Череповце, а ее дочь с детьми отправилась дальше в эвакуацию в г. Пятигорск. Вскоре Пятигорск был оккупирован германскими войсками, и чтобы выжить, Елена Александровна была вынуждена работать. Понимая, что ее может ожидать при советской власти, она ушла вместе с отступающими немецкими войсками и оказалась в трудовом лагере на Рейне. После окончания войны она с детьми оказалась в зоне оккупации союзников, а позднее перебралась в США, где стала преподавать русский язык в университете Айовы. Ее старший сын Александр стал известным ученым в области молекулярной биологии и фармакологии. Младший, Юрий, погиб во время землетрясения в Скопле.

В 1991 г. мне удалось установить связь с Еленой Александровной Скрыбиной, найти ее племянника Владимира Георгиевича Горсткина и воссоединить семейные связи, разорванные трагедиями XX века.

Самый младший из братьев **Николай Павлович Горсткин** (1881–1939) после окончания Пажеского корпуса служил в Гвардейской конной артиллерии. Во время Русско-японской войны воевал в составе 1-й Кубанской казачьей батареи. Был награжден Анненским оружием «За храбрость» и орденами. После окончания войны служил адъютантом великого князя Михаила Николаевича, после кончины которого вышел в запас и служил по земству. В 1914 г. вновь в армии, сражался под Варшавой, а в конце года был прикомандирован к 2-му Дагестанскому Конному полку Кавказской туземной дивизии. Был неоднократно ранен, имел награды. После распада армии вернулся в свое имение, но вскоре вынужден был уехать и поступил в добровольческую армию, где сражался вместе с братьями и племянником. Эвакуировался из Крыма, а в Париже вместе с братьями вел активную антибольшевистскую работу, возглавляемую Половцовым.

Пластовы — семья художников

Об Аркадии Пластове можно было бы сказать словами из чеховского «Архиерея»: «весь род его, быть может, со времен принятия христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой». Его предки — священники, иконописцы, церковные архитекторы, псаломщики — предания и архивы сохранили далеко не все имена.

В начале XIX в. Пластовы жили где-то недалеко от Арзамаса, многие из них были духовного звания. Первое достоверно известное имя — Гаврила Степанович Пластов (1801 — ок. 1843). Известно, что отец его тоже был священником. Гаврила Пластов учился в Казанской духовной академии (но не закончил), затем обучался в Арзамасской школе живописи, основанной в 1802 г. художником А. В. Ступиным. Большое внимание в школе уделялось иконописи.

Множество храмов Поволжья были расписаны выпускниками Арзамасской школы. Среди них был и Гаврила Пластов. В одной из редакций автобиографии А. А. Пластов упоминает о нем: «Дед Григорий был учеником своего отца — Гаврилы Пластова, выпускника Арзамасской Ступинской школы. Живописных работ прадеда я не видел. От него у нас сохранились лишь рисунки тушью — копии с каких-то академических оригиналов»¹.

Сын Гаврилы Степановича — Григорий Гаврилович (1831–1887) — иконописец, архитектор, строитель храма в Прислонихе. Григорий Гаврилович вероятно родился и провел детство в Алатыре (где служил его отец), окончил Алатырское духовное училище, служил во многих храмах (дольше всего — в Никольской церкви села Тетюши Ардатовского уезда Симбирской губернии и в Богоявленской церкви села Прислонихи). Видимо, он не получил систематического художественного образования (учился у своего отца), но достиг значительных высот как иконописец и церковный архитектор. Аркадий Александрович вспоминал в автобиографии, что до пожара 1931 «в бумагах, остав-

¹ *Пластов А. А.* Автобиография. Цитируется по: Пластова Т. Аркадий Пластов // Аркадий Пластов. М.: Новый Эрмитаж-один, 2006. С. 7.

шихся у отца, я находил много архитектурных проектов с надписями: “Церковь в селе таком-то, сочинял и чертил Григорий Пластов”. Церковь в нашем селе была построена по его чертежам, и живопись в ней была исполнена им вместе с отцом». Известно, что по проекту Григория Пластова был построен храм и в соседнем селе Жеребятниково (оба в годы советской власти частично разрушены, «приведены в гражданское состояние»). Восстановленная церковь в Прислонихе при всей простоте поражает соразмерностью и ясностью пропорций, вписанностью в ландшафт и целостностью архитектурного решения.

В храме было два престола — главный в честь Богоявления Господня и второй в честь Казанской иконы Божией Матери. Стены были обтянуты холстами с росписями на библейские сюжеты (утрачены в тридцатые годы). Григорий Гаврилович Пластов вместе с сыном Александром (отцом А. А. Пластова) и художником Грошевым расписали церковь. На юного Аркадия Пластова эти росписи произвели сильное впечатление, которое он сохранил на всю жизнь: «Особенно поразили потемневшие евангелисты и Бог Саваоф в куполе, писанные дедом и верхняя часть иконостаса... Живопись иконостаса я помню отлично, она вся в памяти. Дед был любителем густых, насыщенных до предела тонов. Он любил сопоставлять глубокие зеленовато-синие тона с кроваво-красными, перебивая их лимонно-изумрудными, фиолетовыми, оранжевыми; фоны были золотыми, почва под ногами — сиена жженная или тусклая розовато-серая. Все головы писались какой-то огненной сиеной, тени — зеленой землей. Носы, завитки волос, губы, глазницы, пальцы — все прочерчивалось огнистым суриком, и когда бывало за вечерней солнце добиралось до иконостаса, невозможно было оторвать глаз от этого великолепия»².

Сохранилось несколько икон его работы: «Архангел Гавриил» — фрагмент «Благовещения», «Вход Господень в Иерусалим», «Бог Саваоф» и «Михаил Архангел», а также фрагменты настенной живописи («Крещение»). Рис. 1–6

Николай Аркадьевич Пластов (сын А. А. Пластова) так оценивал эти работы: «Письмо “Гавриила” тяжеловато и скованно... Зато добротнo прописанный, густого темного колера — прозрачные умбры, сиены — “Бог Саваоф” — внушительн и необычен по композиции и, видимо, повторяет один из серьезных академических образцов храмовой живописи первой четверти XIX века, тональное решение выдержано, рисунок определен и строг. Крылатый “Михаил Архангел” —

² Пластов А. А. Автобиография... Указ. соч. С. 7–8.

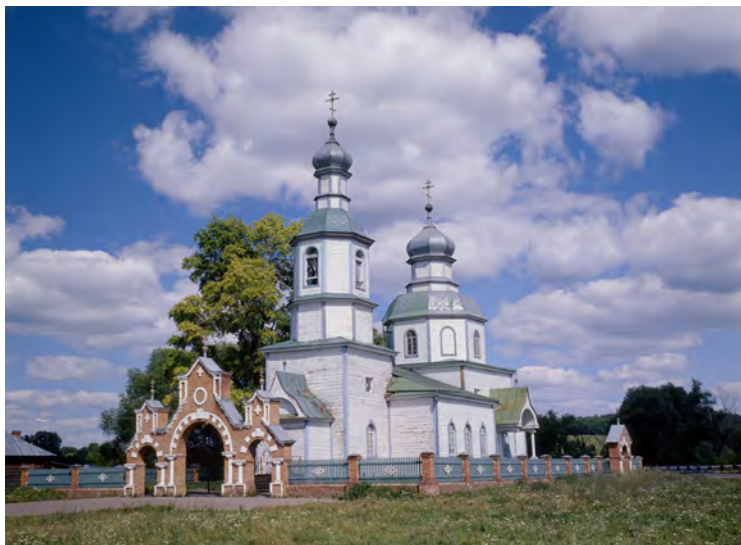

Рис. 1. Г. Г. Пластов. Храм Богоявления в Прислонихе. 1884 г.
Восстановлен в 1994 г.

Рис. 2. Г. Г. Пластов. Бог Саваоф.
1880-е гг.

Рис. 3. Г. Г. Пластов. Архангел
Гавриил. 1880-е гг.

Рис. 4. Г. Г. Плавов. Вход Господень в Иерусалим. 1880-е гг.

Рис. 5. Г. Г. Плавов. Архангел Михаил. 1880-е гг.

Рис. 6. Г. Г. Плавов. Вид реки Иордана. 19 января 1883 г.

несомненно, лучшая из этих трех работ Григория Пластова. Архангел величав и значителен. Под потемневшей за столетие олифой смуглая плавкая живопись изображает архистратига небесного воинства с огненным мечом и развернутым свитком. Темные доспехи римского воина играют на изгибах тонкой золотой штриховкой, золотое узорочье окаймляет одежду, рдяный плащ, колеблемый нездешними стихиями, развивается по накладному золоту фона. Это — единственное движение в грозной замкнутости фигуры, стоящей на охряных клубках облаков. Сам гневный лик, тонкого рисунка руки, изящные следки легких стоп — все говорит о том, что мастер обладал немалой выучкой и понимал премудрости современного ему иконописного дела»³.

Сын Григория Гавриловича — Александр Пластов (1862–1908) был человек грамотный и «большой любитель чтения». В качестве подмастерья помогал отцу расписывать храмы, а после его смерти стал «исправлять должность псаломщика» в прислонишенской церкви. Александр Григорьевич был женат на дочери сельского лекаря немецкого происхождения Ивана Васильевича Леймана — Ольге Ивановне. В их семье 31 (18 ст. с.) января 1893 г. родился шестой ребенок, крещеный Аркадием.

«Село лежало на Большом Московском тракте, и сколько себя помню, вечно по дороге мимо нашего дома тянулись бесконечные обозы, мчались пары и тройки с бубенцами, с ямщиками-песенниками. Кони были сытые, плотные, всех мастей, гривастые в нарядной сбруе с медным набором, с кистями, телеги и сани со всякими точеными и резными баясынами, дуги расписные, как у Сурикова в “Боярыне Морозовой”...»⁴.

В его судьбе словно сплелись две стези его рода — священство и искусство. Родители мечтали видеть сына священником. Десяти лет Аркадий был отдан в Симбирское духовное училище, а затем поступает в семинарию. Но летом 1908 г. случилось то, что определило всю его будущую жизнь.

«В 1908 году, — писал А. А. Пластов в автобиографии, — к нам в село приехали иконописцы подновить и дополнить то, чем дед с отцом когда-то разукрасили нашу церквушку. Общество поручило отцу руководство и надсмотр над работами. Когда стали устанавливать леса, тереть краски, варить олифу, я ходил как во сне — до того было

³ Пластов Н. А. Прислониша. Из прошлого // Памятники Отечества. 1998. № 42 (7–8). Ч. II. С. 164.

⁴ Пластов А. А. Автобиография. Указ. соч. С. 11.

все пронзительно увлекательно. Но вот с отцом полезли под купол к веселым кудрявым богوماзам. Запах олифы, баночки с красками, саженные пророки, архангелы с радужными крыльями обступили меня кругом. Контур были в палец толщиной, обычной прилизанности икон не было и в помине. Живопись была мазистой, резкой. Как зачарованный, я во все глаза смотрел, как среди розовых облаков зарождается какой-нибудь красавец в хламиде цвета огня и потрясающий неведомый восторг, какой-то сладостный ужас спазмами сжимал мое сердце. Тут же я взял с отца слово, что он мне купит вот таких же порошков, я так же натру себе этих красивых — синих, огненных красок и буду живописцем и никем больше...»⁵.

После четвертого курса духовной семинарии Аркадий, получив благословение ректора послужить народу художником, раз у него нет призвания быть священником, едет в Москву.

А. Пластов учился у И. И. Машкова, Ф. Ф. Федоровского, Л. О. Пастернака, А. М. Васнецова, А. С. Степанова, С. М. Волнухина, был студентом двух лучших художественных учебных заведений Москвы — Строгановки и МУЖВиЗ. Он считал своими учителями В. Серова, Н. Ге, И. Репина, В. Сурикова, изучал, копируя Г. Гольбейна, Д. Веласкеса, Рембрандта, Ф. Хальса, мастеров Возрождения, импрессионистов. Это было время выбора пути, формирования своего художественного мировоззрения, время ученичества в самом высоком смысле этого слова. «...Не помню уже, кто идеалом рисунка ставил академические рисунки с гипсов Александра Иванова. Признаться, в большое недоумение приводил меня этот пример. Хорошо, конечно, но ведь этот художественный язык уже умер, все кругом другое, бесконечно дороже и понятнее. Другими словами, я не мог понять, каким образом можно кипящее блестящее разнообразие окружающего уложить в прокрустово ложе давно отмерших схем. Это тем более казалось странным, что такое блистательное созвездие могучей кучки — Серова, Васнецова, Ге, Репина, Сурикова, Нестерова и других давным-давно шагнуло бесконечно дальше вперед... “Мир искусства”, западное искусство у С. И. Щукина, куда паломничали по воскресеньям, “Бубновый валет”, всякие “исты”, Румянцевский музей и Третьяковская галерея смешались в причудливом карнавале перед моим растерянным взором. Все зазывали к себе, как охотнорядцы в свою лавку, на все надо было оглянуться, понять, оценить, познать, услышать самого себя»⁶.

⁵ Пластов А. А. Автобиография. Указ. соч. С. 8.

⁶ Пластов А. А. Автобиография. Указ. соч. С. 14.

Аркадий Пластов закончил в училище три класса — головной, фигурный и натурный. Дальнейшей учебе (он мечтал поступить в Петербургскую Академию художеств) помешала революция.

Пережив с русским крестьянством самые драматические годы революции, гражданской войны, раскулачивания, «работая изо дня в день крестьянином», полагая, «что это самый лучший случай... наглядеться на крестьянскую жизнь досыта, узнать ее до последней мелочи, чтобы потом, уже без всяких усилий и заминок воспроизводить ее», Пластов создает композиции из сельской жизни 1920-х годов, помня о крестьянских полотнах Брейгеля, Милле, Ван Гога... Все богатство мировой живописной культуры было освоено им и воплощено, чтобы сохранить в искусстве дорогой ему с детства мир русской жизни. Этот мир связан прежде всего с Прислонихой, с любимыми образами, которые в зрелые годы соединились для него и с живописными открытиями Левитана, Сурикова, Нестерова, Врубеля.

В 20-е годы, нагнадевшись ужасов гражданской войны, Пластов задумывает полотно о пугачевском восстании. Картины «русского бунта, бессмысленного и беспощадного» воплощались в эскизы и композиции на протяжении всей его жизни. Именно для этой работы он пишет в 1930–1950-е годы серию своих знаменитых портретов прислонишенских мужиков. Иллюстрируя в 50-е годы пушкинскую «Капитанскую дочку», художник не перестает думать о собственном пугачевском замысле.

«Все неисчислимые подробности про пугачевский бунт полны остроты и глубокого интереса для меня даже при беглом и стремительном просмотре. Я все думаю, что, перебрав все, что гений Пушкина счел нужным просмотреть, прежде чем начать историю пугачевского бунта, я уразумею больше и ярче то, что мне хочется сыскать в этой грозной и смутной эпопее»⁷.

В первой половине 30-х годов Пластов-живописец впервые представляет свои работы в Москве. В этот период его прежде всего заботят вопросы творческие.

«Я сейчас с особой силой ощущаю в себе брожение вот этой дикой стихийной силы, потребность как-то физически это выразить. Ну, неистовой техникой, сюжетом, где плоть человеческая была бы показана со всем своим угаром, в предельной напряженности и правде. Мне мерещатся формы и краски, насыщенные страстью и яростью,

⁷ *Пластов А. А.* Письмо Пластовой Н. А. 25.02.1950. Архив семьи Пластовых.

чтобы рядом со всей слащавой благопристойностью они ревели и вопили бы истошными голосами»⁸.

Известная картина «Праздник урожая» (1937 г.) была написана по договору к выставке «Индустрия социализма». Не согласившись на предложенную при заключении договора тему «Трактор заело», художник предложил свою — «Праздник урожая» (правда, в договоре и других документах она стала называться «Колхозники празднуют хороший урожай»).

Для этой картины было сделано более 200 этюдов. Она задумывалась давно как групповой портрет русского крестьянства в изобилии типов, ракурсов, локальных композиционных и цветовых решений. Критика упрекала Пластова за отсутствие в картине композиционного центра. «Признаться, это в задачу мою не входило. На таких вот пирах сам черт не поймет, где самое главное и важное и что надо смотреть прежде всего. Шум, толчея, гам, песни. Я не пытался отдельные составные части композиции принести в жертву какому-нибудь отдельному моменту. Мне, напротив, хотелось, чтобы все путалось между собой до неразберихи и было забавно даже при длительном рассмотрении...»⁹. Тема праздника урожая, благодарения — древняя, восходящая к античности, к греческим Дионисиям. Сельские праздники — один из любимейших сюжетов мирового искусства («Сельская свадьба» П. Рубенса, «Крестьянский танец» П. Брейгеля Старшего, картины Я. Стена).

Художественная правда картины, как это ни странно, далека от реализма: натюрморты изобилия и всеобщее ликование никак не соответствуют полуголодной жизни тогдашней деревни, пережившей раскулачивание и наступление колхозного строя. Это жизнеутверждающее торжество живописной правды истинного бытия над уничтожающей ее реальностью.

«Злопахательству критикующих изображенное на картине “богатство” что противопоставишь? Дворян всегда дворян, что с нее спрашивать. Пока народ безмолвствует — таким “ребятам” ход. Пусть себе потешаются. Но ведь всем известно, что не то правда, что существует или не существует с натуралистическим правдоподобием, но что может существовать по логике своего внутреннего бытия в определенных условиях, и я ни в одной вещи не только не пренебрегал этой

⁸ *Пластов А. А.* Письмо Пластовой Н. А. 24.11.1935. Архив семьи Пластовых.

⁹ *Пластов А. А.* Автобиография. Указ. соч. С. 14.

непререкаемой истиной, но и, напротив, только об этом и думал, останавливаясь только на той или иной идее»¹⁰.

Иные смыслы воплощены в картине «Купание коней» (1938 г.). Очевидна ее связь с неоклассическими традициями, с многочисленными композициями на мифологические темы, осуществленными художником в это время и являющимися неотъемлемым контекстом всей его творческой биографии.

Подготовительный материал к этому полотну распадается как бы на две большие группы: натурные, импрессионистические этюды и эскизы, сделанные во время командировки в одну из частей кавказской дивизии РККА (Армавир) и композиции в античной, неоклассической стилистике. Результатом работы стали два варианта — живописный эскиз (фактически законченная, импрессионистически решенная работа) и полная античных реминисценций, с глубокой, зеленоватой, явно морской водой картина Русского музея.

Эскизы «Купания коней», создававшиеся одновременно с разработкой «античных» сюжетов, были выполнены в тех же материалах, на той же бумаге, теми же пластическими приемами, в цветах архаики — глины и терракоты. Композицию «Купание коней» приходится рассматривать как один из вариантов мифологических эскизов (в одном ряду со стадами на водопое, купальщицами в «циклопических» композициях). Тема обнаженных фигур у воды была рождена восторгом перед архаикой и лишь затем дополнилась натурным материалом. Это непобедимые, бессмертные, вечно молодые Герои (в прямом, «античном» смысле слова), весело властвующие над Миром и Судьбой.

Великую Отечественную войну художник воспринял так, как еще с древнейших времен русские люди встречали нашествие неприятеля — как великую народную беду, как общее дело. Все замыслы мирного времени оставлены. «Шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жестокости, что трудно было даже толком осмыслить и понять даже при большом усилии мысли и сердца и что неотвратимо надвигалось на всю эту тихую, прекрасную безгрешную жизнь, ни в чем не повинную жизнь, чтобы все это безвозвратно с лица земли смести без тени милосердия вычеркнуть из жизни навек. Надо было сопротивляться, не помышляя ни о чем другом, надо было кричать во весь голос...

Надо было облик этого чудовища показать во всем его вопиющем беспощадной мести обличье. Под влиянием примерно таких мыслей

¹⁰ *Пластов А. А.* Письмо В. И. Костину 20.03.1956. Архив семьи Пластовых.

и чувств, общих тогда всем нам, русским, стали у меня зарождаться один за другим эскизы на данную тему...»¹¹.

Так рождался, быть может, самый трагический образ в искусстве XX века — невинно убиенный пастушок в его «апофеозе войны» — «Фашист пролетел» (1942). Поэтика картины проникнута воспоминанием о другом великом произведении русского искусства — «Видении отроку Варфоломею» М. В. Нестерова. Рис. 7–10

Великий перелом Сталинграда ознаменовался неожиданным поворотом в творчестве художника. Именно тогда Пластов впервые изображает в станковой картине обнаженное женское тело, словно желая пластически выразить эту надежду на мир, на жизнь, на любовь. В 1943–44 годах он работает над «Трактористками» и «Субботой». Тогда же появились первые эскизы будущей «Весны».

Смысл победных картин «Сенокос» и «Жатва» (которые художник и писал и экспонировал как диптих) гораздо глубже однозначно оптимистического толкования. Тема смерти, священной жертвы присутствует в поэтике обеих картин. Традиционный для мирового искусства сюжет «Жатвы» художник соотносит с историческими реалиями жизни страны. Авторское название «Жатвы» (по свидетельству сына художника Н. А. Пластова) — «Жатва. Год 1943». «Жатва. 1943 год» — то есть «Жатва» самого кровавого, самого трудного года войны, жатва смерти, прямо соотносящаяся со «Жнецом» Ван Гога (одного из самых любимых художников Пластова). Тема смерти присутствует и в праздничном сверкающем «Сенокосе». «Я когда писал эту картину, все думал: ну, теперь радуйся, брат, каждому листочку радуйся — смерть кончилась, началась жизнь»¹².

В 1946–1949 гг. у художника в работе несколько больших, этапных для творчества работ: «Первый снег» (1946), «Деревенский март» (1947–1948), изруганный критикой за импрессионизм «Колхозный ток» (1948–1949), «Базар» (1946–1947), «Гумно» (1947), «У мельницы» (1947), грандиозная «Ярмарка» (1947), продолжающая тему «сельского праздника», определенную еще в «Празднике урожая», и др. Этот период в творчестве мастера, который можно считать мощным творческим подъемом, совпал со временем жесткой реакции конца 1940-х — начала 1950-х гг., резкими нападками на художников на страницах журналов и газет, обвинениями в формализме и в определенном смысле был противостоянием ему.

¹¹ Цит. по: *Пластова Т.* Аркадий Пластов. С. 15.

¹² *Пластов А. А.* Автобиография. Указ. соч. С. 17.

Рис. 7. А. А. Пластов. Фашист пролетел. 1942 г., х., м., 138 × 185.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 8. А. А. Пластов. Пасхальный натюрморт.
1920-е гг., х., м., 51 × 63

Рис. 9. А. А. Пластов.
Портрет внука. (У окна).
Первая половина 1960-х гг.,
х., м., 105 × 59

Рис. 10. А. А. Пластов. Первый снег.
1946 г., х., м., 146 × 113.
Тверская областная
картинная галерея

В начале 1950-х меняется живописная стилистика А. Пластова. В его работах начинает преобладать созерцательность, поэтика «бессобытийного жанра» («Ужин трактористов» (1951), «Родник» (1952), «Юность» (1953–1954), «Весна» (1954)), что предвляло период, называемый оттепелью.

Этот ряд работ венчается картиной «Лето» (1959–1960), колористическая структура которой, свобода композиции, основанная на «трезвучиях» и «аккордах»¹³ больших пятен, осмысленное и семантически наполненное значимыми деталями пространство дальнего плана, динамика формы заставляют вспомнить работы великих венецианцев — Тициана, Тинторетто, Веронезе.

На протяжении всей своей творческой жизни Аркадий Пластов обращался как читатель и как художник к великому наследию русской литературы XIX века. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой были для него не просто любимыми писателями, но

¹³ Волков Н. Н. Цвет в живописи. М.: Шевчук, 2014. С. 109.

духовными учителями, собеседниками. «Я через Чехова пытаюсь закрепить на бумаге без всякого вольного или невольного приспособленчества, открыто, по душам, как говорится, по совести, не лукавя, все то, что я видел, знал и любил с детства и вижу, знаю и люблю до сего времени. Для меня Чехов обаятелен и неисчерпаем, как сама жизнь, и я не в силах был противиться потребности воочию показать по мере сил своих ту абсолютную правду жизни, ту необыкновенную святую силу искренности, с какой Чехов искал эту правду всю жизнь и в чем он так сходен с Пушкиным и Толстым»¹⁴.

«Почвенность» соседствовала в творческом сознании Пластова с ощущением себя и своего творчества в контексте европейской культуры.

Поездки в Италию, Францию, Египет в 50–60-е годы позволили уже немолодому мастеру наяву прикоснуться к тому миру, которым он жил и грезил всю свою жизнь, постигнуть «неисчерпаемость и величие стихий».

«Что за город, где жил Данте, Брунеллески, Микеланджело, что в церквях можно было увидеть Мазаччо, фрески Джотто, что тут отливал свои бронзы Донателло, Петрарка слагал сонеты, что по этим площадям ходил мифический Леонардо, что Макиавелли сочинял здесь свой знаменитый трактат». «Из капеллы Медичи во Флоренции ты выходишь уже не тем человеком, каким ты сюда вошел: ты стал годен на лучшее и так до конца твоих дней. Это как бы исполинские хребты гор, вершины которых уходят в недосыгаемую высь, и стоя около них, как-то странно думать, что об этом можно составить какое-то суждение на языке человеческого»¹⁵.

В 1950–60-е годы традиционный уклад русской жизни, служивший художнику источником тем и сюжетов, безвозвратно меняется, уходят из жизни его любимые герои. В это время он интенсивно (даже находясь в Прислонихе среди любимой природы) работает над античными сюжетами: «Дедал и Икар», «Леда и лебедь», «Похищение Европы», «Суд Париса». Мифологический сюжет — неиссякаемый источник мирового искусства — привлекает художника возможностью воплотить пластические темы, вдохновлявшие Леонардо, Микеланджело, Тициана, Рубенса, Веласкеса, Пикассо. И теперь он решает их уже не как графические композиции или архитектурно-скульптурные

¹⁴ *Пластов А. А.* Письмо Соколовой Н. И. Цит. по: Пластова Т. Аркадий Пластов. С. 18.

¹⁵ Цит. по: Пластова Т. Аркадий Пластов. 2006. С. 20.

проекты, но как живописные картины. Один из излюбленных сюжетов мастера — миф о Дедале и Икаре. Кажется, что миф о Дедале и Икаре имел для Пластова автобиографический смысл...

Его сын Николай Аркадьевич Пластов был учеником, другом, бесценным свидетелем жизни отца. Сыну адресованы самые сокровенные письма, он наблюдал рождение многих пластовских картин, зачастую становился их героем. Это он лежит, раскинувшись на краю поля зеленой ржи в картине «Юность», он вместе с любимейшим героем Пластова — М. И. Кондратьевым изображен в «Смерти дерева», в картинах «Ярмарка», «Дети». Аркадий Пластов написал множество портретов сына, начиная с детских («Коля с кошкой») и юношеских, заканчивая вдохновенным образом Художника у мольберта, полного надежды и веры в свое предназначение. «У тебя в работах — мысль и творчество — у них — что, как говорится, Бог послал», — писал художник сыну.

Отец был для Николая Пластова первым и главным учителем на всю жизнь. Копирование и работа с натуры — традиционная основа европейского художественного образования, осмысленность живописных задач, усвоение системы цветов и тоновых отношений, собственный пример неустанной работы и беспощадной требовательности к себе, наконец, — вот главные уроки отца, сформировавшие его как художника.

«Пиши акварели как можно легче и цветнее, согласованнее в цвете. Для этого посмотри Веласкеса, Серова или Репина, Сурикова. В их работах ты, присмотревшись, увидишь изумительную гармонию, изысканнейшее соединение тонов. Избегай пестроты лоскутного одеяла»¹⁶ (20.12.1944).

В даровании Николая Пластова не было отцовской неистовости и дерзости (этот путь был уже пройден, явив миру ослепительный результат), но была абсолютная грамотность, безукоризненный художественный вкус, артистизм, начитанность и насмотренность. Вся история мирового искусства была в его зрительном арсенале, когда он смотрел на природу. Как и отец, он видел пластику и живописный смысл в каждом проявлении жизни, он видел мир **только как художник** (мог сказать, например, о якобы красивом человеке, что «он плохо нарисован»). Прекрасный рисовальщик, в домашнем и дружеском обиходе он был поразительно острым карикатуристом.

¹⁶ *Пластов А. А.* Письмо Пластову Н. Н. 20.12.1944. Архив семьи Пластовых.

Как живописец Н. А. Пластов безусловно принадлежал к той плеяде «московской школы живописи» (Э. Браговский, А. Папикян, А. и С. Тутуновы, Н. Федосов, В. Телин, И. Шевандронова, И. Сорокин, В. Чулович, А. Макаров, Е. Леонова), которая наряду с живописцами сурового стиля определяла лицо отечественного искусства 1960–1980-х годов. Его ранние работы, выполненные в реалистической традиции, сменились в зрелые годы осозанным уходом от подробностей натуры в сторону усиления цветового воздействия, стремлением к утрированной, максимально выразительной по рисунку форме. Густые насыщенные цвета, звучность в соединении близких по тону красок, глубокие прозрачные тона, создающие словно живую, дышащую поверхность, движения кисти, ясно выражающие авторскую волю, несомненно, знаменовали свободу и утверждение собственного живописного лица. Непререкаемый, порой деспотичный (прежде всего в вопросах искусства) авторитет отца не мешал ему ощущать себя человеком и художником иного поколения, более счастливого и свободного...

Вместе с П. Д. Кориным, Л. М. Леоновым, И. С. Глазуновым, Б. А. Рыбаковым, Г. В. Свиридовым Н. А. Пластов стоял у истоков Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был членом Президиума общества. Стараниями русской творческой и научной интеллигенции были спасены, восстановлены и научно отреставрированы десятки исторических зданий и храмов, среди которых Казанский собор на Красной площади, Собор Новоиерусалимского монастыря.

В Прислонихе его подвижническим трудом был восстановлен и открыт храм Богоявления Господня, построенный прадедом Г. Г. Пластовым.

Н. А. Пластов многое сделал для сохранения и систематизации творческого наследия отца, им были организованы две грандиозные выставки в Центральных выставочных залах Москвы (1976) и Санкт-Петербурга (1978). Рис. 11–13

Художница Елена Холодилина (жена Н. А. Пластова), после замужества поселившаяся в Прислонихе, сразу же попала под мощное влияние А. А. Пластова. И это влияние было плодотворным. «Когда я ближе познакомилась с живописью Пластова, то была поражена той ясности, силе, тому торжеству цвета, которое есть правда Божьего мира... Пластов в начале письма старался использовать протирки прозрачными красками, эти протирки иногда сохранялись в тенях. Сиены, умбры, земля... С самого начала письма он старался не замутнять смеси, цвета белилами. “Палитра Делакруа”... Какие краски как звучат? Какие

Рис. 11. Н. А. Пластов. Колокольчики. Начало 1960-х гг.,
х., м., 110 × 65

Рис. 12. Н. А. Пластов. Вечер в июне. 1980 г., х., м., 125 × 210

Рис. 13. Н. А. Пластов. Портрет Тани Ивановой. 1980 г.,
х., м., 90 × 75

смеси вызывают звучание других? Система дополнительных цветов. Эти проблемы всю жизнь меня очень интересовали. В своих работах я старалась об этих понятиях помнить...»¹⁷. Рис. 14–16

Главным жанром художницы стал пейзаж. И здесь она, безусловно, достигла высот профессионализма. Умение видеть цельность состояния природы, безошибочно угадывать структуру неба, делать эстетически ценным и значимым каждый мазок, воплощать тонкую семантику пейзажа — все это сделало Холодилину еще в 70–80-е годы очень интересным художником. Несмотря на несомненное влияние на творчество художницы личности А. Пластова, стилистически пейзажи Е. Холодилиной все же ближе творчеству таких художников, как С. Ю. Жуковский, Л. В. Туржанский, П. И. Петровичев. В ее работах выделенность мазка и его решающая самоценность, намеренная однозначность прочтения цвета составляют одну из важных задач для автора.

¹⁷ Холодилина Е. Н. Воспоминания (рукопись). Архив семьи Пластовых.

Рис. 14. Е. Н. Холодилина. Вечер. 1972 г., х., м., 108 × 131

Рис. 15. Е. Н. Холодилина. После дождя. 1964–93 гг.,
х., м., 85 × 109

Рис. 16. Е. Н. Холодилина. Время, когда бродят ежи. 1973 г.,
к., м., 50 × 80

Особый интерес представляют натюрморты художницы. Композиции с цветами ириса, созданные в разные годы, составляют уникальные циклы. Написанные будто с врубелевской палитры эти изысканные символы Серебряного века живут своей таинственной жизнью. Они полны внутренней гармонии, каждый цветок представляет собой маленький натюрморт из цветных артистично положенных мазков.

Единственный внук А. А. Пластова — Николай Николаевич Пластов вырос в Прислонихе с бабушкой Натальей Алексеевной и няней Катей, более шестидесяти лет прожившей в семье. Аркадий Александрович наслаждался каждой минутой жизни этого ребенка, бесконечно рисовал его, баловал, вырезал ему игрушки из дерева, рассказывал сочиненные им самим сказки, спасал от строгости родителей, учил рисовать. Облик маленького Коли запечатлен в гениальных пластовских портретах, таких как «Портрет внука (У окна)», «Внук рисует», картине «Кружечка молока». Как и его родители, Николай Пластов окончил художественный институт имени В. И. Сурикова, мастерскую Д. К. Мочальского, затем стажировался в Академии художеств у замечательных мастеров — А. М. Грицаця, А. П. и С. П. Ткачевых.

Конечно, большое влияние на творческое становление Н. Пластова оказала живопись деда и отца. В детстве дедушка ставил ему натюрморты, «учил словом, не поправлял кистью», жесткий и строгий учитель, он старался привить внуку главное — любовь к живописи,

Рис. 17. Н. Н. Пластов. Сад. 1995 г., х., м., 120 × 150

наслаждение искусством. Отец и дед были чрезвычайно требовательными к себе художниками, никогда не шедшими на компромисс в вопросах творчества. Все это передалось, а точнее было воспитано в нем с юных лет. Ответственность за честь фамилии и достоинство — его главные качества как художника и человека.

В дальнейшем любимыми жанрами Николая Пластова становятся чистый пейзаж, портрет. Его более поздние работы отличает цельность, отточенность и конструктивность формальных решений. Ему близки живописные открытия импрессионистов, стремление писать мотив ради тона и цвета, а не ради сюжета, отношение к картине, к поверхности холста как к самодостаточной художественной ценности. В поздних портретах («Автопортрет», «Портрет сына») очевидно осмысление самых разных живописных традиций в их свободных соединениях. Рис. 17–20

Н. Н. Пластов — бережный хранитель художественного наследия семьи и лучший знаток творчества А. Пластова. За последние годы им или при его участии организовано несколько десятков выставок работ Аркадия Александровича в музеях и выставочных залах Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, выпущены несколько альбомов репродукций.

Рис. 18. Н. Н. Платов. В полях. 2003 г., х., м., 80 × 115

Рис. 19. Н. Н. Платов. Весна. Парк барина Шилова.
2003 г., х., м., 90 × 120

Рис. 20. Н. Н. Пластов. Автопортрет с палитрой.
2011 г., х., м., 82 × 62

Н. Н. Пластов — сопредседатель жюри по присуждению Международной премии имени А. А. Пластова, основатель Фонда поддержки творческой молодежи имени А. А. Пластова.

Почти двухсотлетняя история семьи Пластовых неразрывно связана с историей страны, и каждый из ее представителей в меру сил и возможностей своих служил и служит России верой и правдой.

Купечество в г. Александрове

Купеческое сословие в России занимало видное место в формировании облика городов, не только столичных, но и провинциальных.

После Октябрьской революции 1917 года в России купечество было объявлено вне закона, все движимое и недвижимое имущество было национализировано. Фабрики, заводы продолжали работать еще десятилетия, но уже с новыми названиями, а самих купцов начали изображать эксплуататорами, толстосумами и т. д.

В Александровской слободе, затем в городе Александрове Владимирской губернии (статус города был пожалован императрицей Екатериной II в 1778 г.) купеческое сословие занимало видное место и формировалось постепенно. В начале XVIII века основную часть «тяглого» (платящего подати и выполнявшего различные повинности) населения Александровской слободы составляли *посадские люди* (занимающиеся ремеслом и торговлей). Какую-то часть населения Слободы составляли *служилые люди* — приказчики, подьячие, служащие Конного завода, а также *духовенство и церковный причт*¹.

В 1721 г. принимается Устав главного магистрата. По нему посадские люди были отнесены к категории «регулярных людей». Они были разделены на две купеческие гильдии, куда включалось понятие «купец первой гильдии». Разделение производилось согласно капиталу и роду деятельности.

В 1722 г. вышел указ Петра I об обязательной регистрации всех документов, относящихся к сделкам, договорам, завещаниям и т. д. в специальных крепостных конторах. В небольших городах и слободах эту обязанность исполнял, как правило, служащий приказной избы. В Александровской слободе таким служащим был Иван Куприянов².

Сенат России в 1760 г. публикует Указ, запрещающий заниматься торговлей российскими и иностранными товарами всякому, кроме купцов. В 1785 г. выходит «Жалованная грамота городам», подписанная Екатериной II, в которой была дана четкая граница между гильдиями. Именно этот документ предоставил купеческому сословию

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 1. д. 7653.

² РГАДА, ф. 615, оп. 1. д. 100.

монопольное право на ведение торговли. Были установлены, как и прежде, три гильдии, входящие в них купцы могли заниматься следующей деятельностью и иметь имущество: купцам первой гильдии можно было владеть морскими судами, иметь собственное производство (фабрики, заводы), а также право вести заграничную торговлю, обладать паспортной льготой. Они освобождались от воинской повинности и от телесных наказаний. Купцы второй гильдии могли иметь речные суда. Они также могли владеть заводами и фабриками. К ним не применялись телесные наказания, была отменена рекрутская повинность. Состоящие в третьей гильдии могли владеть лавками, трактирами и постоянными дворами.

В 1782 г., согласно «Ревизским сказкам купцов и мещан г. Александрова»³, купеческих семей числилось уже 74.

Обывательская книга⁴ за 1785 г. знакомит нас с занятиями и промыслами, которыми занимались жители города Александрова.

Афанасий Максимович Красавин и сын Максим Афанасьевич имели дома в Стрелецкой слободке, «у обоих кожевенные заводы». Что из себя представляли «заводы», видно из рапортов Александровской городской ратуши⁵ 1802 г: «...у купцов: Максима Афанасьева сына Красавина на кожевнном заводе в обращении 1000 руб., кожи скупает в Александрове и, выделяемые, возит в Москву... сверх оногo, с его, Красавина, завода производится работа александровских купцов Никиты Петрова сына Хахалина и Ивана Михайлова сына Любимовского, у коих выделяваются черные и красные кожи, и для продажи отправляются в Москву, и Санкт-Петербург, на оном же заводе рабочих людей 10 человек.

Сергея Петрова сына Пузова на кожевнном заводе... кожи мелочные скупает в Александрове, выделяваемые на заводе черные кожи для продажи отвозит в Москву и другие города рабочих людей у него находится 4 человека.

Мещанина Матвея Петрова сына Пузова на кожевнном заводе... кожи мелочные скупает в Александрове... выделяемые на заводе черные кожи для продажи отвозит в Москву, работу производит своим рукоделием».

Кроме перечисленных «заводов», на солодовенном заводе купца Михаила Матвеевича Каленова работало 4 человека; на солодовенном

³ ГАВО, Ф. р-301, оп. 3, д. 3.

⁴ ГАВО, Ф. 399, оп.2, д. 1, 2.

⁵ ГАВО, Ф. 40, оп.1, д. 1934.

заводе купцов Василия Алексеевича и Льва Васильевича Ерофеевых «рабочих людей 6 человек».

На воскодорном заводе купца Ивана Андреяновича Назарова, на котором производится воск для продажи в Москве и в Александрове, рабочих людей числится 10 человек.

На клейном заводе Егора Степанова рабочих людей числится 4 человека.

Так зарождалась промышленность в городе Александрове. Конечно же, все работы выполнялись вручную.

В 1834 г. купеческих фамилий числится 60⁶. В какой-то мере на это мог повлиять пожар 1818 года. Из рапорта Александровского городничего майора Гагина: «... до случившегося в городе Александрове пожара состояло всех домов 376, в том числе купеческих и мещанских 287, чиновнических 12, приказнослужительских 7, солдатских 2, священноцерковнослужительских 13, монастырских служителей 10, конюшенных служителей 45. Из означенных 376 домов сгорело купеческих и мещанских 114, приказнослужительских 3, конюшенных служителей 29, итого 146 домов». После упомянутого пожара город начал перестраиваться, часть купцов переходила в мещане, и наоборот.

Пришло время заменять малопроизводительный и тяжелейший ручной труд, первыми это начали делать купцы Зубовы и Барановы. Зубовы скупали землю и строения в Стрелецкой слободке на берегу реки Серой. В деле 1836 г. об отводе земли купцу Зубову для постройки фабричных заведений⁷ купец 2-й гильдии Иван Дмитриевич Зубов сообщает, что полотняной фабрике, построенной его отцом купцом Дмитрием Яковлевичем Зубовым, уже тридцать лет. Он просит прибавить еще земли, лежащей от существующего строения вверх по течению реки Серой.

В 1838 г. городская дума постановила, что земли в количестве 1630 квадратных сажен, предназначенные для заводов, позади кузниц на берегу реки Серой, отдаются купцу Степану Зубову для расширения фабрик.

Брат Степана, Михаил Иванович Зубов заключает брак с Авдотьей Федоровной Барановой. Ее отец Федор Николаевич Баранов занимался ручным крашением пряжи и тканей, сын которого Иван Федорович положил начало фабричному крашению тканей в городе Александрове.

⁶ ГАВО, Ф. 301, оп. 5, д. 417.

⁷ ГАВО, Ф. 40, оп. 1, д. 9249.

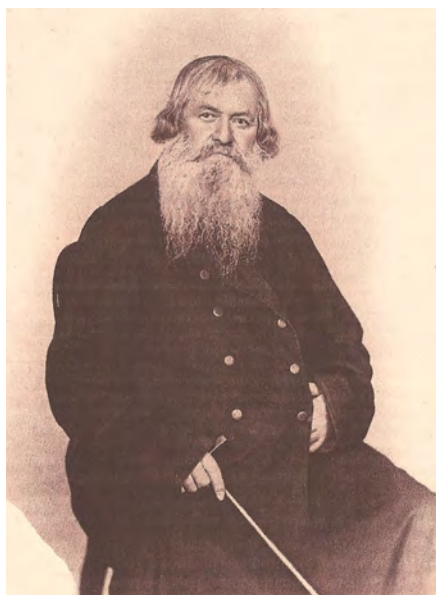

Рис. 1. Купец Степан Иванович Зубов. Архив Александровского художественно-краеведческого музея

Рис. 2. Потомственный почетный гражданин, коммерции советник, купец Асаф Иванович Баранов. Архив Александровского художественно-краеведческого музея

После ранней смерти Михаила Ивановича Зубова совместные дела с Барановыми пришлось вести брату Степану Ивановичу.

В 1834 и 1839 гг. купцу 2-й гильдии Федору Николаевичу Баранову в потомственное оброчное владение было выделено 4 десятины выгонной земли, находящейся за городом для устройства красильного и белильного химического заведения и прочих фабричных зданий. В 1843 г. его сын Иван Федорович просит разрешения выделить еще 2 десятины земли для расширения фабрики.⁸

В середине XIX в. в городе насчитывается уже 87 купеческих семей.

В 1900 г. на ткацкой фабрике Сергея Николаевича Баранова в г. Александрове имелось 450 самоткацких и 39 ручных станков, работало 720 человек рабочих. На Троицко-Александровской мануфактуре

⁸ ГАВО. Ф. 40, оп. 1, д. 11257.

Барановых при сельце Карабанове имелось: 1 паровая машина в 1400 сил, 80 паровых машин в 500 сил, 23 котла, 1258 ткацких станков, 11 машин печатных, работало 4670 человек рабочих. На фабрике Асафа Баранова при сельце Струнине имелось 20 паровых машин в 1500 сил, 20 котлов, 46000 прядильных веретен, 1205 ткацких станков, 9 печатных машин, работало 4600 человек рабочих⁹.

Асаф (Иоасаф) Иванович Баранов (1834–1906) являлся, пожалуй, одним из самых колоритных представителей рода Барановых. Его деятельность в области фабричной промышленности началась с семнадцати лет. После имущественного раздела 1863 г. ему досталась на паях с братом Александром Ивановичем фабрика в сельце

Карабаново. С этого времени начинается быстрое развитие Троицко-Александровской мануфактуры. В 1874 году было учреждено предприятие под названием «Товарищество на паях мануфактур Барановых». Асаф Иванович стал одним из директоров правления. Испросив разрешения у Владимирского губернского управления, в 1874 году на свои личные средства он приступил к строительству красильно-набивного заведения близ д. Струнино Александровского уезда. Строительство фабрики велось быстрыми темпами, и уже в мае 1875 г. Соколовская мануфактура стала выпускать первую продукцию. Новая фабрика была оснащена высокотехнологичным оборудованием, и процесс окрашивания тканей (что составляло основную специфику предприятия) вышел из области экспериментов на промышленную основу.

Ткани с ярлыком Товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова пользовались огромным спросом и неоднократно отмечались наградами на ярмарках и выставках. Потомственный

Рис. 3. Купец Андрей Андреевич Перушин. Архив Александровского художественно-краеведческого музея

⁹ Памятная книжка Владимирской губернии, 1900 г.

Почетный гражданин Асаф Иванович был действительным членом губернского статистического комитета, гласным от Александровского уезда. Непосредственно в Александрове он входил в состав уездного земского собрания и городской думы, был городским головой. Его заботами в 1892 г. в Струнине была построена школа на 120 мест (в ней в две смены обучались 250 детей), а в 1895 г. — больница. В фабричном поселке работала аптека и была еще богадельня для увечных пенсионеров. В 1903 г. было построено здание театра, где осуществлялись постановки самодеятельных спектаклей. В Александровском уезде на деньги А. И. Баранова были построены более 10 школ. В 1890-х гг. Асаф Иванович состоял в религиозно-просветительском обществе «Братство св. Благоверного Великого Князя Александра Невского», был его действительным членом.

Вплоть до конца XIX в. железнодорожная платформа, появившаяся близ станции Александров, недалеко от фабричных корпусов Соколовской мануфактуры, называлась Бараново (современное название Струнино).

Сергей Николаевич Баранов унаследовал дело отца, Николая Ивановича Баранова, и фабрику в Александрове. Но он оставил красивое производство и начал вырабатывать шерстяные ткани. Кроме того, он занимался общественной работой: принимал участие в заседаниях Александровского уездного земского собрания, избирался на должность почетного мирового судьи. Сергей Николаевич был потомственным Почетным гражданином, попечителем женской гимназии, Почетным мировым судьей. В 1903 г. являлся одним из соучредителей публичной библиотеки имени Н. В. Гоголя.

С. Н. Баранов «прославился» тем, что в 1905 г. инициировал массовые стачечные выступления рабочих своей и струнинской фабрик. Полиция в г. Александрове была разоружена, помощник исправника арестован, исправник исчез в неизвестном направлении. Лишь решительные действия полковника Шадрина, командира квартировавшего в городе саперного батальона, смогли предотвратить массовые беспорядки.

Долго не могли понять, что подвигло фабриканта на столь необычные действия. Только недавно был найден дневник участника тех событий, где свидетельствуется о неблагоприятном финансовом положении фабрики, управление которой перешло к кредиторам. Вероятно, С. Н. Баранов планировал разрешить проблемы столь своеобразным способом.

В 1850 г., кроме знакомых нам фамилий Барановых, во второй гильдии появляется Андрей Андреевич Первушин.

Фамилия Первушиных известна с XVII в. В писцовой книге Александровской Слободы 1677 г. читаем: «...за рекой Серой по обе стороны посадские дворы: ... двор Федька Андреев сын Первушин, печет калачи...».

Андрей Андреевич Первушин перешел в купеческое сословие в 1822 г. из мещан. После страшнейшего пожара 1818 г. в городе началось активное строительство. Поэтому многие купцы, в том числе и А. А. Первушин, торгуют, как сейчас бы назвали, строительными материалами. В 1846 г. вместе с сыновьями Иваном и Григорием он переведен во вторую гильдию, а с 1851 г. — купец 1-й гильдии, с 1854 г. — Потомственный почетный гражданин.

В Оценочной книге г. Александра на 1851 г.¹⁰ на Подгорной улице: «2-й гильдии купца Андрея Андреева Первушина на каменном жилье деревянный дом по линии с воротами. У него же, Первушина, против одного другой дом двухэтажный на каменном фундаменте по линии с воротами. У него же, Первушина, позади первого дома солодовенное заведение. У него же, Первушина, каменная лавка с таковым же подвалом. У него же, Первушина, деревянная лавка на берегу р. Серой».

В 1851 г. А. А. Первушин строит за свой счет в г. Александрове дом для инвалидной команды возле здания бывшего Конного завода. «Дом этот каменный, одноэтажный, имеющий в длину 10, в ширину 4 сажени, крытый тёсом, в нем комнат 3, печей 2, окон 12, дверей 2, пол деревянный, внутри оштукатурен... устроены кухня и погреб деревянные, и колодезь».

Рис. 4. Коммерции советник Иван Андреевич Первушин.

Фото из личного архива
В. Н. Ревякина

¹⁰ ГАВО. Ф. 399, оп. 1, д. 594.

В конце 1850-х годов находим следующие сведения: «Пивоваренное и водочное заведение... купца первой гильдии Первушина... находится на полуострове реки Серой и занимает пространство земли 860 кв. сажен, место отдано с 1858 года»¹¹.

Деятельность купца Андрея Андреевича Первушина не ограничивается Александровым. В 1849 г. в городе Костроме он приобретает одно из красивейших зданий, известное как «дом Борщова». После пожара в 1847 г. здание сильно пострадало, и прежние владельцы считали, что восстановление обойдется слишком дорого. А. А. Первушин дом капитально отремонтировал и открыл в нем лучшую в Костроме гостиницу под названием «Лондон». В 1862 г. гостиница перешла во владение сыну Ивану Андреевичу, который к тому времени содержал винный откуп в Ростове Великом. В 1871 г. костромичи собрали деньги и выкупили у Первушина гостиницу, где открылся окружной суд¹².

Дело Андрея Андреевича продолжили его сыновья Иван и Григорий.

Купец 1-й гильдии Иван Андреевич Первушин выиграл в карты местечко Лучки у князя Александра Борисовича Голицына, владельца соседнего большого села Сима. Купец построил здесь завод, который выпускал спирт, патоку, глюкозу. Одновременно выстроены хранилища, конюшни, больница, школа, казармы для рабочих, заводская контора. Выстроил и для себя дом с парком и фонтаном. Здание завода сохранилось до сих пор.

В Вологде пивоваренный завод купца 1-й гильдии Ивана Андреевича Первушина начал действовать в 1864 г. В конце 1880-х годов завод перестраивают наследники И. А. Первушина. Комплекс зданий на тот момент включал в себя солодоварню, два каменных дома, каменную пристройку, каменную солодорастильню и солодосушильню, каменный каретник с конюшней и деревянные кладовые.

И в Переславле-Залесском Иван Андреевич Первушин имел винный склад и пивной завод, о чем говорят многочисленные этикетки в экспозиции Переславского музея-заповедника.

Открыл производство вина Иван Андреевич и в Крыму. Он приобрел здесь имение, ранее принадлежавшее князю Александру Михайловичу Потемкину, после его смерти — вдове Татьяне Борисовне Потемкиной; после кончины последней имение Артек досталось родственнику, несовершеннолетнему князю А. Б. Голицыну, попечи-

¹¹ ГАВО. Ф. 399, оп. 2, д. 104.

¹² ГАКО. Ф. 497, оп. 2, д. 4827, л. 50.

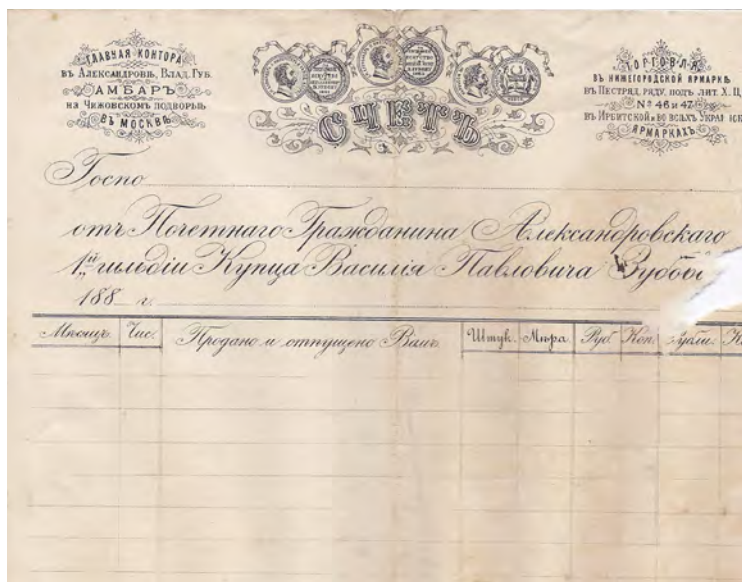

Рис. 5. Счет от почетного гражданина Александровского 1-й гильдии купца В. П. Зубова. Фото из личного архива В. Н. Ревякина

телями которого в 1875 г. оно было продано купцу Ивану Андреевичу Первушину, основавшему здесь торговый дом «И. А. Первушин и сыновья».

Новый хозяин наладил промышленное производство высоко-сортных сухих и десертных вин. Качество этих вин было настолько высоко, что принесло Первушину звание поставщика вин Двора Его Императорского Величества. Позже Первушин прикупил имение графини Строгановой.

Деятельность Ивана Андреевича принесла ему титул коммерции советника.

С 1890 г. и до национализации в 1920 г. имением владела вдова купца Первушина Екатерина Александровна. К этому времени оно составляло 127 десятин, из которых 39 было занято под виноградники. Вина получали в среднем до 30 000 ведер в год.

При национализации имения в актах, составленных в декабре 1920 г., упомянуто, что на его территории находятся большие залежи высококачественного гранита. А экспертом Сербуленко было отмечено великолепное качество вин, хранившихся в винном подвале Первушиных в количестве 16 тыс. 843 ведер урожая 1915, 1916, 1917 годов.

А жилой поселок, который находится в районе конечной остановки автобуса № 2 в Артеке, долгое время неофициально назывался Первушино¹³.

Не забывал Иван Андреевич заниматься благотворительностью и в родном ему городе Александрове. В 1877 г. Земское собрание вынесло следующее решение: «Относительно желания коммерции советника, Александровского 1-й гильдии купца Ивана Андреевича Первушина принять в земской больнице содержание 25 человек больных и раненых воинов. *Постановлено*: Предложение принять с благодарностью, о чем поручить управе от имени земского собрания сообщить Ивану Андреевичу Первушину и затем своевременно сделать надлежащее по сему предмету распоряжение»¹⁴.

В 1881 г. в «Именной ведомости о купцах 1-й гильдии за 1882 г.» числится: «Первушина Екатерина Александровна, вдова коммерции советника, объявленный капитал 15000 руб, поступления в казну 699.75 руб.»¹⁵.

В 1891 г. за сыновьями Ивана Андреевича Первушина, потомственными почетными гражданами Николаем Ивановичем, Александром Ивановичем, Дмитрием Ивановичем значится 5 домов (оценено в 5150 руб.), 4 лавки (5050 руб.), 2 каменных склада (3180 руб.), деревянное здание (1200 руб.), полученные по праву наследования от отца в 1881 г.¹⁶

В 1908 г. городской голова А. В. Растворов обратился к братьям Первушиным: «Милостивые государи Николай Иванович, Александр Иванович, Алексей Иванович, Василий Иванович, Дмитрий Иванович! Организационный комитет школы, прежде чем обратиться за пособием к кому-либо, поручил мне обратиться к вам с покорнейшей просьбой от всего городского населения: дело вашей благотворительности на пользу просвещения в родном вашем городе, хотя бы уступкой в пользу города принадлежащих вашей фамилии ныне пустующих двух домов и каменного склада, которые могли быть использованы городом на нужды открываемой школы»¹⁷. Городская торговая школа была открыта в 1913 г. в доме,

¹³ Брагина Т. Путешествие по дворянским именам Крыма. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/index.html>.

¹⁴ Журнал земских собраний. Владимир, 1877.

¹⁵ ГАВО. Ф. 389, оп. 1, д. 147, л. 10, 11.

¹⁶ Владимирские губернские ведомости, 1891 г., № 14.

¹⁷ ГАВО. Ф. 389, оп. 1, д. 244, л. 130.

который великодушно предоставлен в дар городу Александрову братьями Первушиными¹⁸.

В 1885 г. наследники коммерции советника Ивана Андреевича Первушина, а именно — вдова Екатерина Александровна и дети, обратились к управляющему ставропигиальным Донским монастырем с просьбой заключить договор о построении в упомянутом монастыре храм во имя св. Иоанна Златоуста с усыпальницей Ивану Андреевичу и его роду¹⁹. В декабре 1886 г. речь уже идет о постройке нижнего храма во имя св. великомученицы Екатерины, который и должен быть усыпальницей²⁰.

Этот двухъярусный храм существует до сих пор у северных ворот Донского монастыря.

Немало страниц с делами купечества нам предстоит изучить, но это того стоит.

¹⁸ Там же, л. 130.

¹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 421, оп. 1, д. 6621, л. 2.

²⁰ Там же, л. 26.

Симские Голицыны. Опыт исторической ретроспективы

За период с начала XVIII в., когда село Сима Юрьевского уезда Владимирской губернии с окрестными землями были подарены Петром I Михаилу Михайловичу Голицыну, отличившемуся в Северной войне, здесь до революции 1917 г. проживали и обустроивали семейную усадьбу шесть поколений этой известной в царской России семьи. В конце XIX в. в Симе родилось и седьмое поколение Голицыных: у князя Александра Борисовича и княгини Софьи Александровны было семеро детей, которые часто бывали в Симе, где делали свои первые шаги как по жизни, так и на профессиональном поприще. Например, старший из детей — Борис Александрович — занял должность предводителя Юрьевского уездного дворянства (как и ранее его отец), а в 1912 г. был избран от Владимирской губернии депутатом IV Государственной думы. Но события 1917 г. и последующих лет привнесли в семью Голицыных множество трагических событий. Симская усадьба перестала им принадлежать, а сами представители седьмого поколения со своей матерью вынуждены были резко изменить их жизнь. Глава семейства до всех этих ужасов не дожил: он умер не то в 1916, не то в 1920 г., данные источников разнятся. Например, тот же Борис Александрович был вынужден эмигрировать и умер на чужбине — во Франции, его брат Дмитрий также умер во Франции, сестра Екатерина — в Аргентине, братья-близнецы Михаил и Андрей были расстреляны большевиками. Первый — в 1918 г. в Киеве, второй — в 1922 г. во Владивостоке. Александр репрессирован в 1937 г. и также расстрелян. Не менее трагична судьба еще одной дочери семьи Голицыных — княжны Татьяна Александровны. Но разговор о ее судьбе у нас еще впереди.

Но то век XX, принесший с собой колоссальные перемены в жизнь России и ее обитателей. За два столетия проживания в Симе Голицыных здесь произошло много знаковых событий, в усадьбе побывали выдающиеся деятели российской культуры и искусства. А началось все с того, что некогда дворцовое село Сима, или Симы, что раскинулось на берегу небольшой речушки под названием Симка, которая и дала

населенному пункту название, в 1708 г. было пожаловано царем Петром I генерал-фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну за победу над генералом Левенгауптом под Лесным в присутствии самого государя [1].

Если рассказывать об истории Симы и князьях Голицыных, живших здесь, подробно, то повествование займет очень много времени, хотя полноценной исторической книги о Симе пока еще не написано. Видимо, этот проект ждет своих авторов. Поэтому мы в настоящей публикации ограничимся лишь некоторыми страницами истории усадьбы и отдельными биографиями ее владельцев. Жили и творили они в разные эпохи, но оставили заметный и неизгладимый след как в жизни небольшого села, затерянного на просторах Владимиро-Суздальского Ополя, так и в судьбе огромной России.

...Так, в начале XIX в. помещицья усадьба в Симе принадлежала князю генерал-лейтенанту Борису Андреевичу Голицыну. Он был сыном генерал-майора князя Андрея Михайловича и княгини Елизаветы Борисовны Голицыных. В русской истории князь прославился тем, что был руководителем Владимирского ополчения в Отечественную войну 1812 года. Вместе с Московским, Тверским, Ярославским и другими Владимирское ополчение должно было охранять Москву и прилегающую к ней территорию. Рис. 1

Имя Б. А. Голицына также тесно связано с выдающимся полководцем России, подлинным героем Отечественной войны 1812 г. Петром Ивановичем Багратионом, учеником и сподвижником Суворова и Кутузова. Жена Б. А. Голицына Анна Александровна была урожденной княжной грузинской. Она приходилась дальней родственницей Багратиону. «Багратион родился в 1765 году в г. Кизляре в семье полковника в отставке. Семнадцати лет, имея намерение поступить в армию, он приехал в Петербург к графу Потёмкину. Этой встрече способствовал

Рис. 1. Портрет Бориса Андреевича Голицына. Неизвестный художник. Холст, масло. XIX век. Юрьев-Польский историко-архитектурный и художественный музей

владелец села Симы Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии Борис Андреевич Голицын» [2]. В Симе П. И. Багратион был дважды. Здесь же, находясь на отдыхе, он получил извещение из Петербурга о назначении его главнокомандующим Второй Западной армией. Это было время, когда России угрожала смертельная опасность со стороны более чем полумиллионной армии Наполеона. Во время Бородинского сражения 1812 г. Багратион был тяжело ранен и увезен в Москву. Но опасность из-за вторжения французов в Москву и угрозы попасть им в плен «побудила всех нас в течение шести дней торопиться с ездою до села Симы» [3], — так писал о последних днях жизни Багратиона лечивший его доктор Яков Говоров.

Сергей Голубов в книге «Багратион» пишет: «До Сим оставалось верст 10–12, а дорога все еще более неровной и корнистой. Она пробиралась дремучим бором. Глубокая тишина прерывалась только голосами птиц. Под самыми Симами деревья начали редеть. Сумерки застилали окрестность. Когда карета остановилась у подъезда, было уже темно. Обитатели дома Голицына одновременно узнали о великом несчастье. Огромная толпа людей окружила карету. Багратиона внесли в комнату, большую и полутемную. Тишина ее нарушалась торопливыми непонятными словами, беззвучными, как речь мертвого, — бредом Багратиона.

Князю Петру чудилось, будто кто-то слепой шел поодаль, спотыкаясь и руками ощупывая дорогу. “Ага, — догадывался князь Петр. — Это идет жизнь! Это судьба моя смотрит на меня!”. Но около него стояла добрая старушка мать. Он знал, что у нее много детей, что обо всех она должна позаботиться и что вот и для него отыскалось у нее время. Добрая, добрая старушка! “Кто же она?” — и он догадывался с тихим удовольствием: “Ба! Да ведь это же моя смерть!”» [4].

Владимирский писатель Владимир Солоухин в книге «Владимирские проселки» написал: «Прах полковника покоится теперь на Бородинском поле, но луч Багратионовской славы капризно упал на безвестное, глухое село, затерянное в глубине Владимирского Ополя, и оставил его для многих поколений, отняв его у безвестности» [5].

«7-го сентября, — пишет Я. Говоров, — ...под вечер мы приехали в село Симы, и князь положен был в покойной комнате... 11 сентября в 1-м часу пополудни Багратион скончался...». 17 сентября при многочисленном стечении народа из соседних городов, сел и деревень в село Симу было совершено со всеми почестями погребение. Тело великого полководца было положено в церкви в каменном склепе. Могила князя П. И. Багратиона была обнесена железной решеткой, при ней находилась бронзовая вызолоченная доска со следующей надписью:

«Князь Петр Иванович Багратион, находясь у друга своего князя Бориса Андреевича Голицына, Владимирской губернии, Юрьевского уезда, в селе Симе, получил высочайшее повеление быть главнокомандующим 2-й Западной армией; из Симы отправился к оной и, будучи ранен в деле при Бородино, прибыл опять в Симу и скончался сентября 11 дня».

За этой надписью следуют стихи графа Хвостова и потом эпитафия:

Кн. П. И. Багратиону истинная дружба.
Прохожий! В Симе зри того Героя прах,
Который гром метал на Альпа высотах.
Бог — рати — он, слуга отечества и трона,
Здесь кончил жизнь свою, разя Наполеона [6].

«В 1839 году по воле Государя Императора Николая Павловича прах Багратиона перенесен был на Бородинское поле ко времени торжественного открытия памятника во славу павших воинов на этом поле» [7].

При этой церемонии «были участвовавшие в Бородинской битве сыновья покойного генерал-лейтенанта Б. А. Голицына: ...князь Андрей, владелец села Симы, князь Александр, князь Николай, состоявший при особе покойного и сопровождавший раненого Героя с поля Бородинского» [8].

Жители села Сима помнят и чтут память славного полководца, героя Бородинского сражения Петра Ивановича Багратиона. На месте его захоронения стоит обелиск. В Юрьев-Польском историко-архитектурном и художественном музее есть экспозиция, посвященная Отечественной войне 1812 года. В музее стоит карета, на которой в Симу привезли Багратиона. Здесь же представлены интерьеры, мебель, живопись, посуда и многое другое из симской усадьбы Голицыных. Рис. 2–3

Пожалуй, присутствие Петра Багратиона в Симе и его первоначальное захоронение в симском храме являются самыми яркими страницами истории села. Об этом уже довольно много написано и рассказано, изучено и снято. Но есть еще и то, о чем мы знаем мало либо самым поверхностным образом.

Одним из образованнейших людей своего времени был Николай Борисович Голицын (1794–1866), сын руководителя Владимирского ополчения в годы Отечественной войны и сопровождавший раненого Багратиона с Бородинского поля. Военный историк, богослов, пере-

Рис. 2. Карета, в которой раненого П. И. Багратиона привезли в Симу. Юрьев-Польский историко-архитектурный и художественный музей

Рис. 3. Интерьеры симской усадьбы Голицыных. Юрьев-Польский историко-архитектурный и художественный музей

водчик, он был также и прекрасным музыкантом. Самостоятельную жизнь начал рано. Еще семнадцатилетним юношей в 1812 г. направился во Вторую Западную армию, которой командовал Петр Иванович Багратион, дальний родственник Голицыных. В качестве ординарца полководца молодой Голицын принял участие в деле при Бородино, где получил сильнейшую контузию. Николай Голицын награжден орденом Святой Анны четвертой степени и Святого Владимира четвертой степени с бантом. За взятие Парижа награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

Но то все военные заслуги князя. Также Николай Борисович принадлежал к числу немногих лиц, которые сделали себе имя на поприще литературы, в своей массе военной. С одинаковой легкостью владея русским и французским языками, он мастерски рассказывал о былых подвигах русской армии, переводил на французский стихи Николая Языкова, Ивана Козлова, графини Ростопчиной. Известны переводы Николая Голицына двух произведений А. С. Пушкина: «Бахчисарайский фонтан» и «Клеветникам России». За последний поэт был очень признателен Николаю Борисовичу, о чем писал ему в одном из писем: «Тысячу раз благодарю Вас, милый князь, за Ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, но ни один не стоит Вашего. Отчего Вы не перевели этой пьесы в свое время, — я бы послал ее во Францию, чтобы шелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов.

Вы обещаете перевод в стихах моего “Бахчисарайского фонтана”. Уверен, что он Вам удастся, как все, что выходит из-под Вашего пера, хотя тот род литературы, которому Вы предаетесь, — самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо при сжатости нашего языка никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как Вы». Письмо это датировано ноябрем 1836 г.

Александр Сергеевич поддерживал связь с князем Голицыным до своей смерти [9].

С 1837 г. Николай Борисович опубликовал ряд исторических статей и мемуаров, из которых наиболее интересны «Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 гг.».

Критически относясь к крепостничеству, в 1845 г. он написал комедию «Губернская ревизия», в которой показал произвол провинциального чиновничества. Комедия была запрещена к печати «за сатирическое изображение реально существующих лиц» и напечатана

автором лишь в 1858 и 1859 гг. в Вольной русской типографии в Лейпциге.

Публиковал он также богословские работы. Так, в 1858 г. в Париже была издана его книга «О возможном соединении Российской церкви с Западною», из-за которой он попал в опалу.

Его перу принадлежит (по неполным данным) около 35 литературных сочинений, более 10 переводов, около 30 статей на военные темы и около 20 статей о музыке и музыкантах, 10 научных богословских трудов.

Николай Борисович Голицын состоялся и как неплохой музыкант. Он в совершенстве освоил игру на виолончели и фортепиано, сочинял собственные произведения, а также переписывался с ведущими музыкантами того времени, в числе которых Людвиг ван Бетховен. В 1822 г. Голицын отправил композитору письмо, в котором содержалась просьба написать для него небольшой квартет за назначенную сумму.

Бетховену не понравился тон Голицына. Он считал, что слуге Музы, возможно, и подобает писать произведения на заказ, однако ограничивать его в сроках — истинная дерзость. В такой напряженной обстановке состоялось их знакомство. Получив ответ, Голицын продолжает писать композитору и восхищаться его талантом. Бетховен понимает, что в лице Голицына обретает не только преданного поклонника, но и человека, способного распространить в России его славу.

Бетховен предлагает Голицыну подписку на партитуру «Торжественной мессы», плохо воспринятой публикой в Вене. Князь с радостью принимает предложение композитора. С аналогичными предложениями Бетховен обращался ко многим известным и просвещенным личностям Европы, вот только откликнулись на них единицы. В числе людей, решивших помочь Бетховену, оказались лишь Николай Голицын и император Александр I.

Голицын приступает к активной популяризации произведения Бетховена. Премьера «Торжественной мессы» состоялась 6 апреля 1824 г. в Петербурге. Светская публика высоко оценила произведение композитора, и его имя начало набирать стремительную популярность в России.

И вот спустя два года после «дерзостного» предложения Голицына Бетховен все же посвящает ему первый из обещанных квартетов, увертюру и опус 124. Николай Борисович в восторге благодарил композитора. А во всей Европе за Голицыным закрепилось имя «русский друг Бетховена».

Как вспоминали современники, Николай Борисович Голицын часто исполнял произведения Бетховена [10].

После смерти Бориса Андреевича Голицына в 1822 г. Симу унаследовал Александр Борисович Голицын (1792–1865), один из старших братьев Николая Борисовича. Александр, начав карьеру во времена «дней Александровских прекрасного начала» в Государственной коллегии иностранных дел, с 1808 г. служил в лейб-гвардии конном полку, в том самом, которым прежде командовал его отец. В Отечественную войну 1812 г. отличился в сражениях под Витебском и Смоленском. В Бородинском сражении гвардии корнет Голицын находился в качестве ординарца при фельдмаршале М. И. Кутузове. За Бородино князь получил орден Святого Владимира четвертой степени с бантом. В 1814 г. князь Александр Борисович закончил войну с французами в Париже в чине поручика будучи уже кавалером трех боевых орденов и, как брат Николай, обладателем золотой шпаги с надписью «За храбрость», наградой за легендарный бой при Фер-Шампенуазе. Далее он был саратовским губернатором. После дважды избирался владимирским губернским предводителем дворянства. В 1839 г., как мы уже говорили выше, он участвовал в торжественном перенесении праха Багратиона из Симы на Бородинское поле.

Что касается его литературных пристрастий, то в молодости князь Александр был дружен со многими литераторами, включая поэта Петра Вяземского и поэта-партизана Дениса Давыдова, кстати, сподвижника того же П. И. Багратиона. Также он входил в литературное общество «Арзамас», членом которого, как известно, был сам А. С. Пушкин, а еще известные российские поэты и писатели В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, Д. А. Кавелин, князь П. А. Вяземский, политические и общественные деятели С. С. Уваров, Д. В. Дашков и др. В почетных членах находились Н. М. Карамзин, князь Г. И. Гагарин... Общество было дружеским, но закрытым, объединяло сторонников нового «карамзинского» направления в русской литературе, представители которого боролись с архаическими литературными вкусами. Защитники последних состояли в обществе «Беседы любителей русского слова». Заседания «Арзамаса» проходили в виде веселых дружеских встреч, члены кружка имели шуточные прозвища, заимствованные из баллад Жуковского. На заседаниях арзамасцы читали эпиграммы, шуточные протоколы и критически разбирали собственные сочинения. Символом общества стал гусь арзамасской породы, которого подавали к столу. «Арзамас» просуществовал с 1815 по 1818 гг. [11].

17 апреля 1885 г. в Симе в семье последних владельцев усадьбы родилась дочь Татьяна [12]. Родители ее не были эксплуататорами-помещиками, они были людьми милосердными, в особенности мать. Софья Александровна на свои деньги организовала школу для крестьянских детей. Если у крестьянина умирала корова, то она дарила ему другую, из своего стада. Мать для Татьяны стала живым примером милосердия. Большую часть времени они проводили в Москве, где Софья Александровна вела большую благотворительную деятельность. Однажды она познакомилась с великой княгиней Елизаветой Федоровной, родной сестрой императрицы Александры Федоровны (жены Николая II), которая была замужем за великим князем Сергеем Александровичем (родным дядей императора Николая II). Великая княгиня основала «Общество попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях Москвы», была высочайшей покровительницей общества, а руководителем и председателем его являлась княгиня Софья Александровна Голицына [13].

В газете «Московские ведомости» от 17 февраля 1911 г., например, читаем, что княгиня Софья Голицына в этой должности «систематически устраивала лекции». Так, 16 февраля 1911 г. в Епархиальном доме состоялась лекция доктора медицины, профессора Московского университета, ученого, невропатолога Александра Александровича Корнилова (1855–1926) на тему «Влияние алкоголя на детский организм». Затем состоялся концерт в пользу приюта для призреваемых детей Хитрова рынка — злочного места Москвы, где в здешних притонах постоянно собирались тысячи безработных и преступников, в том числе и малолетних. «Лекция с концертом окончились в 12 часов ночи» [14].

Княжна Татьяна Александровна получила блестящее образование, окончив Елисаветинский институт благородных девиц в Петербурге с шифром (знак отличия в виде резного вензеля императрицы, вручавшийся лучшим из институток) «Фрейлина Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны». При Императорском дворе она близко познакомилась с великой княгиней Елизаветой Федоровной и позже переехала в Москву. Со временем Татьяна по примеру великой княгини и своей матери стала также принимать участие в благотворительной деятельности [15].

В годы Русско-японской войны (1904–1905) великая княгиня Елизавета Федоровна организовала особый комитет помощи воинам, в который вошли крупнейшие представители московского купечества:

К. В. Рукавишников, Н. И. Гучков, В. А. Бахрушин и др. При этом комитете в залах Большого Кремлевского дворца был создан склад, целью которого являлось хранение пожертвований в пользу воинов. Княжна Татьяна трудилась на этом складе. В Георгиевском зале находился отдел кройки и шитья, а во Владимирском размещался отдел готовой продукции. Женщины шили белье, теплую одежду и прочие нужные воинам вещи. На собранные пожертвования были полностью экипированы два полка Московского военного округа — Моршанский и Зарайский. Сюда также поступали пожертвования — как деньги, так и подарки — для армии со всей Москвы и из провинции. Из этой мастерской отправлялись в колоссальном количестве тюки с продуктами питания, обмундированием, медикаментами, с подарками для солдат.

В марте 1904 г. доктор А. А. Корнилов через печать обратился к московскому обществу с воззванием о помощи больным и раненым воинам. Он составил проект организации широкой сети частной благотворительной помощи эвакуированным с Дальнего Востока. На этот призыв откликнулись с большим энтузиазмом. Получила развитие новая форма помощи пострадавшим воинам — посемейный приют, т. е. частные лазареты. Одним из первых был открыт лазарет Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Для координации этой благотворительной деятельности была создана специальная исполнительная комиссия при возглавляемом великой княгиней Елисаветой Феодоровной Особом комитете. А княжна Татьяна Александровна Голицына стала ближайшей помощницей великой княгини.

В 1907 г. Елизавета Федоровна пригласила княжну Татьяну Александровну стать сестрой милосердия в основанную ею Марфо-Мариинскую обитель. Эта обитель милосердия имела цель трудом сестер и иными возможными способами помогать в духе православной Христовой церкви больным и бедным, оказывать помощь и утешение страждущим, находящимся в горе и скорби. Княжна Татьяна Александровна Голицына поступила в Марфо-Мариинскую обитель милосердия одной из первых.

Официально функционировать Марфо-Мариинская обитель начала 10 февраля 1909 г. Когда ее открывали, здесь было всего шесть сестер, в числе которых и княжна Татьяна Голицына. За год число сестер возросло до 30. Желających сюда поступить было много. В сестры принимались вдовы (но не разведенные женщины) и девушки православного вероисповедания не моложе 21 года и не старше

40, желающие посвятить свою жизнь служению Богу и ближним. По замыслу Елизаветы Федоровны, жившие в обители сестры приносили обеты целомудрия, нестяжания и послушания, однако, в отличие от монахинь, по истечении времени могли создать семью и быть свободными от прежних обязательств.

9 апреля 1910 г. в крестовые сестры были посвящены первые 17 обительниц Марфо-Мариинской обители, в том числе великая княгиня Елисавета Федоровна и княжна Татьяна Александровна Голицына. На следующий день, 10 апреля, великая княгиня Елисавета Федоровна была возведена в сан настоятельницы.

Татьяна Александровна как крестовая сестра носила белый апостольник монашеского покроя и серое шерстяное покрывало, а на шею — кипарисовый крест на белой ленте с изображением Нерукотворного Спаса и Покрова Божией Матери и надписью: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим и всею крепостию твоею; возлюбиши ближнего своего, как сам себе». В воскресные и праздничные дни она носила, как и положено, белое платье, а в будни — серое бумажное платье покроя ряски, спереди зашитое наглухо и с застежкой сбоку, на рукавах — белые манжеты.

Послушанием крестовой сестры Татьяны Александровны было заведование амбулаторией. Обитель оказывала самую разную помощь многим нуждающимся. Обительская больница и амбулатория считались по тем временам образцовыми. В больнице работали и в амбулатории вели прием лучшие врачи Москвы, среди которых Ф. И. Березкин, А. А. Корнилов, А. Н. Мясоедов, А. И. Никитин, Ф. А. Рейн. Приходящие сюда больные получали бесплатную помощь в амбулатории, а в аптеке бедным безвозмездно выдавались лекарства. Наряду с медицинской помощью обитель оказывала и другие виды благотворительности: устройство на работу, присмотр за детьми, уход за больными на дому, материальную помощь в виде раздачи денег, одежды, продуктов и т. д. Сестры милосердия вместе с великой княгиней посещали тюрьмы и московские трущобы [16].

На одной из фотографий 1912 г., где Татьяна Голицына стоит рядом с племянником, на ней одеты белый апостольник и скуфья — элемент женского монашеского облачения. Вполне вероятно, что она, как и многие сестры обители, приняла монашеский постриг. Однако документальных подтверждений этому не найдено. Тем не менее замуж княжна Татьяна так и не вышла, храня себя в целомудрии и полностью посвятив свою жизнь служению Богу и людям.

Княжна Татьяна не отличалась от природы крепким здоровьем. На фотографиях можно часто видеть ее с палочкой. Вот одна из записей в ее дневнике: «С весны 1913 года у меня стали делаться очень неприятные головные боли, которые в середине лета значительно усилились. Не столько самая боль беспокоила меня, сколько тяжелое дурное состояние головы во время этих приступов. У меня делался страшный шум в голове, точно какое-то кипение и вся задняя часть головы от темя к затылку как будто наполнялась чем-то тяжелым и оттягивала мне голову назад, так что мне приходилось в это время сидеть или лежать с головой, закинутой назад. Во время этих приступов мне трудно было думать, читать или заниматься чем бы то ни было, и случалось даже, что на меня находило такое затмение, что в разговоре я употребляла не те слова, которые мне было нужно. Эта болезнь повергла меня в сильную грусть, я боялась, что по возвращению осенью в обитель не буду в состоянии работать.

В начале июля обратилась к доктору Корнилову, который мне сказал, что это вследствие моей глухоты происходит какая-то неправильность кровообращения в головных сосудах, и назначил мне лечение, которое я стала аккуратно выполнять. Действительно, эти лекарства помогли мне, но только в то время, когда я находилась в полном покое и бездействии, а малейшее движение, какая-нибудь маленькая прогулка или забота о чем-нибудь опять вызывали такое же ужасное состояние головы. В начале моего заболевания я вспоминала, что как-то читала о том, что у гробницы святителя Гермогена особенно часто получали облегчение люди, страдающие головными болями, но как-то мимолетно пронеслась эта мысль у меня в голове, и я больше не вспоминала об этом.

2 августа я была в Москве и, возвращаясь из города в обитель, проезжала Кремлем. Когда я поравнялась с Успенским собором, во мне как будто что-то дрогнуло, и я решила непременно зайти в Успенский собор, чтобы приложиться к мощам святителя Гермогена. Накануне у меня был очень сильный приступ головной боли, а в этот день я ощущала какой-то туман и дурноту в голове. Я остановила извозчика у ограды и пошла по направлению к собору. На соборной площади все было заставлено лесами и кирпичами по случаю ремонта. Навстречу мне шла старушка и сказала: «Не ходите, матушка, не пускают», но я, не слушая, пошла дальше. Вторая встречная мне говорила то же и, наконец, подойдя к собору, я действительно увидела закрытые двери и кучку людей, ожидавших около них. Я тоже встала у дверей, мне не хотелось уходить, какая-то тайная надежда была у меня в душе, что

нас впустят в собор. И действительно так случилось. Сторож через стекло увидел меня, а так как, вероятно, сторожам было велено впускать в собор сестер Марфо-Мариинской обители во всякое время, то он сейчас же отворил дверь и впустил меня и еще несколько человек. Какое-то странное чувство охватило меня, когда я очутилась в соборе у раки святителя Гермогена. Я встала на колени и заплакала. Я немного молилась, но помню только, что сказала в душе: “Святитель отче Гермогене, помоги мне, сделай так, чтобы у меня голова не болела, чтобы я могла работать, ведь ты можешь это сделать, ты уже раз помог мне (на святой неделе я получила облегчение тоже от головной боли, какая у меня сделалась при сильном насморке, это было еще до прославления святителя. — кн. Т. А.)”. Я приложила и приложила голову к святой раке, потом взяла рукой немного масла из лампы, которая горела на самой раке, и этим маслом потерла себе лоб. Теплота от святого масла проникла как будто в самую глубь головы, и тут мне сделалось так хорошо и легко на душе. Я так была рада, что Господь удостоил меня приложиться к мощам святителя. Я приложила еще к мощам святителя Филиппа и радостная поехала домой. В тот вечер у меня голова не болела, но я не обратила на это особого внимания. Вчера я поехала из Москвы в Симу и, несмотря на путешествие в вагоне, которое всегда приводило мою голову в ужасное состояние, в этот день я долго читала в богадельне и много ходила, но голова совершенно не болела. Давно моя голова не была так свежа, как эти два дня. Никакого шума и никакой тяжести в голове я не чувствовала. Неужели это опять великая милость святителя ко мне грешной? Вчера я еще не смела верить этому, но сегодня, когда я опять весь день не чувствовала ни малейшей боли в голове, я уже не могу не верить. Со страхом я вторю и благодарю Господа, сотворившего со мною, недостойной, такое чудо по молитвам своего Великого Святителя.

Сестра Татiana.

4 августа 1913 года. Сима» [17].

Княжна Татьяна, как и другие сестры обители, бывала в Зосимовой пустыни у старца Алексия. После одной из поездок туда в своем дневнике она оставила такие воспоминания: «29, 30, 31 июня и 1 июля 1915 года. Много раз я была в Зосимовой пустыни, и всегда мне там было хорошо, но никогда еще я не переживала там столько хороших и святых минут, как в эту поездку. Я до глубины души была поражена и тронута той любовью и заботливостью, которую они все, начиная с самого отца Германа, проявили к нам. Что-то родное и чисто отеческое чувствовалось в их отношении и так это все просто и искренно дела-

лось. Отец Алексей был особенно добр в этот раз, хотя в первую ночь, когда он только что вышел, он был строгий и говорил сурово. Когда он устанет, то делается добрый, а сначала он всегда строгий бывает.

Во время обедни в воскресенье мы, кажется, все испытывали что-то особенное. Пели мы очень хорошо и стройно, потому что были сосредоточены и внимательны. Да и нельзя было быть иначе, когда вспомнишь, что служит отец Герман, а тут рядом отец Алексей за своей ширмочкой слушает, так все мысли на место stanут. Когда мы... пришли к отцу Герману, он вышел к нам в черной вязаной шапочке и в полумантии. Когда я увидела его, мне сейчас же он представился каким-нибудь отшельником из пустыни Египта, о которых пишут в Отечниках. Во всей его осанке чувствуется строгость и удивительное спокойствие. Очень трогательные отношения отца Германа и отца Алексея друг к другу. Видно, что отец Герман очень любит отца Алексея, всячески заботится о нем, а отец Алексей прямо преклоняется перед отцом Германом. Когда я сказала о. Иннокентию, что о. Алексей просто так в разговоре упомянул, что хорошо было бы, если бы отслужили обедню в понедельник у всех святых, и о. Иннокентий передал это отцу Игумену, то тот сейчас же велел, чтобы была там обедня и чтобы мы пели. Когда мы вышли из церкви после обедни в понедельник, я невольно обернулась, чтобы посмотреть на окна Батюшкиной кельи и мысленно еще раз попросить у него благословение. И вдруг я увидела, что кто-то двигается в окне, и когда всмотрелась, то узнала, что это стоит сам отец Алексей и благословляет нас. Мы все стали ему кланяться, и он долго-долго вслед благословлял нас, пока мы не завернули к воротам. Отец Иннокентий даже удивился, когда мы ему рассказали. Днем, когда мы пели в церкви преп. Сергия, тоже было удивительное настроение. Отец Алексей стоял впереди в епитрахили и мантии, опустив голову, и очень бледный (он был уставший), а за ним стояли монахи, завернувшись в свои мантии, и почти вся братия монастыря. Страшно было петь в такой обстановке, но все-таки мы спели благополучно, и о. Алексей остался доволен. Он после пения очень хорошо говорил нам и благословлял каждую из нас иконочкой Смоленской Божией Матери.

Я первый раз так долго была в Зосимовой пустыни. Обычно, когда приезжаешь в субботу днем, то бываешь занята только исповедью и приготовлением к причастию и потому не замечаешь особенно, что делается вокруг. А в этот раз мы пробыли четыре дня, так что я могла немножко понаблюдать за ходом их внешней жизни. Особенная черта Зосимовских монахов — это то, что каждый из них ни на минуту не забывает, что он монах. Это очень выражается в их внеш-

нем поведении. Они так спокойно и чинно себя держат, и это совсем не напоказ делается, а видно, что уже прямо вошло им в плоть и кровь. Своим примером они много приносят пользы другим, вот нам, например, было очень полезно посмотреть, как они тихо и мирно расходились из трапезной, затем как младшие кланяются старшим и вообще как все кланяются друг другу. Как они ходят по церкви, опустивши глаза, и не зевают по сторонам. Много можно найти поучительных примеров в их жизни. Дай Бог, чтобы отец Герман и отец Алексей подольше прожили и еще тверже укрепили дух этой святой обители. Немного таких монастырей на Руси, но, может быть, только благодаря им и все монастыри держатся. Такие монастыри, как Зосимова пустынь, служат как бы подпорками монашеству, ослабевающему в теперешние времена неверия и малодушия» [18].

Родители Татьяны нередко бывали в Марфо-Мариинской обители и оказывали ей всяческую помощь, а княгиня Софья Александровна частенько сопровождала великую княгиню Елизавету Федоровну в поездках по Москве.

В годы расцвета обители (1914–1917) в ней трудилось более 150 сестер милосердия. Настоятелем церквей и духовником обители был замечательный пастырь протоиерей Митрофан Сребрянский (впоследствии архимандрит Сергей, причисленный к лику святых в 2000 г.). С 1922 г. в обители священником служил Иоанн Игошкин (также в 2000 г. причислен к лику святых) [19].

В 1917 г. к власти пришли большевики. Имение Голицыных в Симе было национализировано. Софья Александровна осталась без средств к существованию, она стала снимать квартиру в Москве по адресу: ул. Кропоткина, Мало-Левшинский переулок, д. 3, кв. 39. Но симские крестьяне не забывали свою милосердную помещицу, регулярно присылая ей продукты питания.

В 1918 г. была арестована и приняла мученическую смерть в уральском городе Алапаевске основательница Марфо-Мариинской обители великая княгиня Елисавета Феодоровна. Но обитель продолжала функционировать до 1926 г. По-прежнему в память о Елисавете Феодоровне москвичи приходили сюда помолиться. Много сил было приложено, чтобы сохранить обитель. Но в 1926 г. всех сестер во главе со второй настоятельницей В. С. Гордеевой приговорили к административной ссылке в разные концы страны, а обитель закрыли [20].

Сестру милосердия княжну Татьяну Голицыну сначала было решено выслать в Киргизский край, но по состоянию здоровья отправили в Тверь. Вместе с ней тверскую ссылку разделили и многие другие

сестры. Приехав в этот город, сестры сняли частные квартиры, устроились на работу. Татьяна Голицына и еще несколько сестер с медицинским образованием работали медсестрами в хирургическом отделении городской больницы у знаменитого хирурга В. В. Успенского. Василия Васильевича многие упрекали в том, что он взял к себе ссыльных сестер милосердия, но он был очень доволен их работой и всегда говорил: «Возьмите у меня 10 сестер, а оставьте только обительских». Обительская регент Агафья Михайловна Юденко руководила хором Вознесенского собора. Татьяна Александровна, как и другие высланные сестры, в выходные дни пела в хоре. Проживала она на улице Циммевальдской в доме № 34. В Твери они близко познакомились со многими местными священниками [21]. В 1925 г. в село Владычня Лихославльского района Тверской губернии из Москвы переехал их горячо любимый духовник отец Митрофан Сребрянский, с которым сестры постоянно поддерживали тайные отношения. В 1928 г. правящим архиереем тверской епархии был назначен архиепископ Фаддей Успенский (причислен к лику святых в 1997 г.). Его кафедра располагалась в Вознесенском соборе, где пели обительские сестры. Между владыкой и ними установилась тесная духовная дружба, его они любили и почитали как великого подвижника и молитвенника. Архиепископ Фаддей для духовенства и верующих людей был образцом православного архиерея и христианина... В 1928 г. в ссылку в Тверь приехал бывший настоятель храма Воскресения в Кадашах протоиерей Илья Громогласов, и владыка Фаддей назначил его настоятелем храма в честь иконы Божией Матери Неопалимая Купина за Волгой. Эта церковь оставалась в Твери одной из последних, которую не закрыли, здесь часто служил владыка Фаддей, сюда любили приходить сестры, ведь отец Илья им был хорошо знаком по Москве, так как служил недалеко от Марфо-Мариинской обители.

8 июня 1928 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ срок наказания для сестер по амнистии был сокращен на четверть. По отбытии наказания все они лишились права проживания в Москве и Московской области сроком на три года. Однако 31 августа 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ отменило это постановление.

Гонения на церковь не прекращались. Верующие протестовали и всячески противились закрытию храмов. ОГПУ в ответ арестовывало духовенство и мирян. В конце 1928 г. тверские власти постановили закрыть Вознесенский собор, предполагая приспособить его под столовую. Для видимости они собрали три с половиной тысячи подписей рабочих в пользу закрытия. В начале 1929 г. на тайном сходе тверские

священники обсудили вопрос, как отстоять Вознесенский собор, который был центральным храмом города и воспринимался верующими как общегородская святыня. Было решено приходами собрать подписи против его закрытия. В короткий срок было собрано десять тысяч подписей, и храм удалось от закрытия спасти. Активное участие в сборе подписей принимали сосланные сестры во главе с Татьяной Голицыной.

Сестры принимали активное участие в церковной жизни Твери. Они любили ходить молиться в Вознесенский собор, Троицкую, Борисоглебскую, Неопалимовскую церкви, часто исповедались и причащались Святых Христовых Тайн, тайно помогали в сборе средств и продуктов питания ссыльному духовенству. В 1928 г. власти приказали доктору Успенскому уволить всех административно высланных сестер из его больницы. Княжна Татьяна Голицына, чтобы выжить, стала принимать заказы на изготовление икон. Она их сама писала, беря за работу от 2 до 5 рублей. Верующие, знавшие сестер, помогали им чем могли. Татьяна по-прежнему часть зарабатываемых ею денег выделяла на помощь ссыльному духовенству [22].

Часть из Москвы к дочери приезжала ее мать княгиня Софья Александровна.

29 мая 1931 г. Татьяну Голицыну вместе с несколькими сестрами арестовали. У княжны при обыске были изъяты адреса братьев и родственников, проживавших за границей, и изготовленные ею иконки для продажи и раздачи знакомым. Арестованные находились в тверском домзаке (доме заключенных). Их обвиняли в том, что, будучи враждебно настроены к советской власти, они входили в группу церковников, которые вели антисоветскую деятельность [23].

1 июня Татьяну Александровну Голицыну вывезли на допрос. Из его текста узнаем следующее: «Постановлением Совещания при Коллегии ОГПУ от 8 июня 1928 года мне воспрещено проживание в г. Москве и губернии сроком на три года. Работала в обители медсестрой, также в течение двух лет работала кастеляншей при клинике ЦЕКУБУ [Центральная комиссия по улучшению быта ученых. — *Прим. С. Х.*] в здании нашей обители. Переписку вела с моей матерью, проживающей в г. Москве по ул. Кропоткина, Мало-Левшинский пер., д. 3, кв. 39, имя ее Голицына Софья Александровна. Она в свою очередь имеет переписку с сыновьями и родственниками, находящимися за границей. Помимо этого, мать навещает меня изредка в Твери. В Твери я встречаюсь с административно высланными из нашей обители А. А. Баулиной, М. В. Воиновой, Н. Е. Семёновой, К. М. Савиновой, Е. Д. Шмаковой, А. Г. Сенаторовой, Т. С. Семёновой, Самчук,

Л. И. Макаровой, Царьковой, А. М. Юденко и другими. Кто-нибудь из них также заходил ко мне на квартиру. Мы встречались, поскольку имеем много общего в прежней своей жизни в обители, делились воспоминаниями о прежней своей хорошей жизни в обители. Я считаю настоящую жизнь наказанием Божиим, но я, со своей стороны, считаю, что нужно терпеть, надеясь на лучшие перемены. Я считаю бывшего патриарха Тихона главою Церкви и вполне была согласна с его действиями по отношению к советской власти, а его преемником считаю митрополита Сергия. Я и по настоящее время интересуюсь церковной жизнью, читаю газеты... Церкви я посещаю Троицкую, Борисоглебскую и Вознесенскую, в последней я пою изредка на клиросе вместе с А. М. Юденко, А. А. Баулиной, Т. С. Семенной, М. В. Ивановой, Макаровой, все из нашей обители, там же поют и другие монашки, фамилии их не знаю. Моим духовником является священник отец Иоанн Титов. При встречах с административно высланными ведется беседа об жизненных вопросах самого разнообразного характера, но о своей оборванной жизни в данный момент я ни с кем не делюсь, переживая эти невзгоды сама в себе. Другим же я помогаю словами утешения. Личные адреса моих братьев-князей и родственников, обнаруженные у меня при обыске, находящихся в данное время в эмиграции, написаны мною в 1929 году или 1930 году со слов моей матери, которая приезжала ко мне в Тверь, но я их жизнью за границей не интересовалась. Адреса родственников, живущих за границей, я храню на случай извещения о возможной смерти матери. Я лично за границей была в 1912 году для прохождения лечения. Имеющиеся у меня нарисованные иконки изготовлены мною, я их раздавала знакомым. Некоторые изготовлены также по просьбе одной монашки по имени Ксения, где она проживает, не знаю. Еще одна иконка мною изготовлена по просьбе одного господина, его личности я не знаю и фамилии тоже не знаю, видела его по церквям. Для заказа иконы он пришел ко мне домой и попросил изготовить образ святой Лидии. Через несколько дней он пришел снова ко мне домой, иконку, наклеенную на доску, я ему разрисовала в красках и продала за 5 рублей. Монашкам и другим знакомым я изготавливала иконки бесплатно, так как люди самые бедные. Изготавливала я иконы большого и малого размера и частью продавала за деньги, за большую брала 5 рублей, за небольшого размера 2 рубля. До ухода в обитель жила в семье отца-князя Голицына Александра Борисовича, большей частью в Москве и частью в имении села Сима Владимирской губернии Юрьевского уезда. Мой отец был предводителем губернского дворянства и занимался хозяйством

имения. Недовольство советской властью я никому не высказывала, но бывали случаи, что об этих недовольствах я говорила в беседе, жалуясь на свое положение в данное время, в сравнении с прошлым, когда имела богатство... Виновницей моей жизни является революция. При высказывании недовольства и видя мои страдания, люди в беседе мне сочувствовали, помогая мне деньгами, продовольствием. Приносили на дом кто-либо из сестер нашей обители и из мирян. Также были случаи дачи мне продуктов и денег в церкви, но кто помогал, припомнить не могу. Например, приезжала из Москвы Алексеева Зиновия Степановна, работает швейцаром ЦЕКУБУ, привезла мне сахару 500 граммов, чаю, сухарей и т. д. Также помогают домохозяйева, монашки, прихожанки Борисоглебской церкви. Советскую власть я признаю, поскольку она существует, но я являюсь противницей всяких насилий, и меня поражают те акты, творимые теперь над людьми и надо мной. Больше показать ничего не имею. Показание мне прочитано вслух, записано с моих слов верно.

Подпись: Т. Голицына.

Допросил уполномоченный: Успенский» [24].

На следующий допрос Татьяна Голицына была вызвана через два месяца. На нем были заданы те же вопросы и от княжны получены те же ответы.

На допрос вызывались все ссыльные сестры. Они всегда и всем говорили, что их судят лишь за то, что они из Марфо-Мариинской обители милосердия.

6 августа 1931 г. им было предъявлено обвинительное заключение.

20 августа тройка при ПП ОГПУ [полномочное представительство Объединенного государственного политического управления — *прим. С. Х.*] Московской области постановила: Голицыну Татьяну Александровну из-под стражи освободить, лишить права проживания в Московской, Ленинградской и Западных областях, СКК [Северо-Кавказский край — *прим. С. Х.*], Дагестане, УССР [Украинская Советская Социалистическая Республика — *прим. С. Х.*], БВО [Белорусский военный округ — *прим. С. Х.*], Узбекской ССР и АССР [Автономная Советская Социалистическая Республика — *прим. С. Х.*], Таджикской ССР и гор. Ашхабаде, Кирки и их округах, в гор. Красноводске, Чите, Омском районе, во всех центральных округах, областях, краев[ых], автономных республиках и погранокругах сроком на три года, считая срок с 28 мая 1931 года [25].

Татьяна Александровна Голицына выехала на жительство в город Муром тогдашней Горьковской области, сняла квартиру и устроилась

рабочей в артель «Папье-маше» [26]. В этом древнем городе было много церквей и монастырей, здесь почивали мощи святых благоверных князя Петра и княгини Февронии. В городе еще оставались открытые церкви, их посещение было для Татьяны Александровны единственным утешением в жизни.

Ссылка, тюремное заключение и снова ссылка сильно подорвали и так слабое здоровье Татьяны Голицыной. В 1933 г. врачебно-экспертная комиссия установила диагноз: психоз вследствие истощения, органическое заболевание центральной нервной системы. Она была признана инвалидом.

В 1933 г. мать Татьяны Софья Александровна после признания дочери инвалидом написала в ОГПУ заявление о пересмотре постановления тройки, но 16 декабря 1933 г. получила отказ.

Психическая болезнь княжны прогрессировала, ей требовалось срочное лечение. В 1934 г. Софья Александровна снова обращается с заявлением в ОГПУ: «Убедительно прошу изменить это решение ввиду того, что моя дочь Татьяна Александровна Голицына находится в тяжелом состоянии по случаю того, что она признана психически больной, ее нельзя оставлять одну. Поскольку она больна, хозяева квартиры, где она живет, отказываются держать на квартире, а на другую не берут, так как весь город знает, что она сумасшедшая, видя, как она целыми днями бегает по улицам в рассеянном виде и мать бегает за ней. Она нуждается в лечении, которого в Муроме нет совершенно. Я живу в Москве, имею маленькую площадь. Мне 75 лет, уезжать в другой город я не могу по моим склонным годам. Убедительно прошу, чтобы ей сократить оставшийся срок и направить в одно из лечебных заведений Москвы, Канадчикова или другие, где я могу ее навещать и следить за ней, и жить в Москве, где я имею родных и друзей, которые помогут в нужде нам обеим. Справка ВТЭК прилагается» [27].

22 марта 1934 г. на заседании тройки ПП ОГПУ Московской области было заслушано дело № 12110 Голицыной Татьяны Александровны, осужденной постановлением тройки ПП ОГПУ Московской области от 20 августа 1931 г. по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР к лишению права проживания в 14 п. п. на три года и постановили: Голицыной Татьяне Александровне оставшийся срок наказания считать условным.

Татьяне Александровне в Москве жить не разрешили [28], и она выехала из Мурома в Липецк, где на ул. Зегеля в доме 25 проживал ее брат князь Александр Александрович, единственный представитель седьмого поколения симских Голицыных, кроме Татьяны, оставшийся в Советской России. Князь Александр Александрович

получил блестящее военное образование. Он был участником Первой мировой войны. Однако новая власть не простила ему ни титула, ни чина полковника императорской гвардии, ни слишком знаменитой фамилии. После революции князь Александр Александрович проживал в грузинском городе Потти, арестовывался в 1918 и 1932 гг. ЧК и ОГПУ, но освобождался без предъявления обвинений. В 1933 г. его в очередной раз арестовали и выслали в Липецк. Здесь он устроился на работу в горздравотдел инженером-строителем. В это время он уже был вдовцом и один воспитывал двоих детей: сына Николая (1918 г. р.) и дочь Елену (1921 г. р.). Конечно, брат постарался найти для любимой сестры хорошего врача, но болезнь Татьяны Александровны прогрессировала, и 8 октября 1935 г. она в возрасте 50 лет скончалась [29].

8 августа 1937 г. князя Александра Александровича вновь арестовали. Его обвинили в том, что он является участником контрреволюционной группы бывшего офицерства, который систематически вел антисоветскую агитацию, клеветал на советскую власть и советскую печать, пропагандировал фашизм, высказывал террористические намерения против колхозников и распространял пораженческие настроения. 29 сентября 1937 г. тройка УНКВД по Воронежской области приговорила князя Александра Александровича Голицына к расстрелу. 10 октября 1937 г. сержант госбезопасности Фабриков привел приговор в исполнение [30].

28 декабря 1989 г. Т. А. Голицына по уголовному делу 1931 года была реабилитирована [31]. В июле 1996 г. материалы архивного дела на сестер милосердия Марфо-Мариинской обители милосердия были рассмотрены в Генеральной прокуратуре Российской Федерации. В материалах дела не установлены какие-либо факты антисоветской деятельности членов общины, и, следовательно, они были репрессированы по религиозным, политическим мотивам. Поэтому все сестры милосердия, проходившие по уголовному делу 1926 г., также были реабилитированы [32].

Мать Татьяны Голицыной княгиня Софья Александровна пережила дочь на 6 лет и умерла 4 сентября 1941 г. Ей было 82 года. Проститься с ней пришла вся старая Москва. Похоронена она на Введенском кладбище столицы...

1. История села Сима. М.: Просветитель, 1999. С. 5–6.
2. Календарь памятных дат по Владимирской области на 1962 год. Владимир, 1962. С. 28.
3. История села Сима. М.: Просветитель, 1999. С. 9.

4. Голубов С. Багратион. М.: Современник, 1993. С. 184.
5. Солоухин В. Владимирские проселки. М.: Художественная литература, 1983. С. 193.
6. История села Сима. М.: Просветитель, 1999. С. 11–13.
7. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3. Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир, 1896. С. 492–493.
8. Владимирские губернские ведомости. 1839 г. № 28.
9. Хламов С. «...Из-под Вашего пера». Владимир: Калейдоскоп, 2019. С. 11–12.
10. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5265133/post389274262/>
11. Хламов С. «...Из-под Вашего пера». Владимир: Калейдоскоп, 2019. С. 12–13.
12. Куликова Л. В. Угодник Божий Гавриил, архимандрит Мелекесский. М., 2011. С. 502.
13. Там же. С. 505.
14. Московские ведомости. 1911 г., 17 февраля.
15. Власов П. В. Обитель милосердия. М.: Московский рабочий, 1991. С. 289–290.
16. Там же. С. 291.
17. Куликова Л. В. Угодник Божий Гавриил, архимандрит Мелекесский. М., 2011. С. 506–508.
18. Там же. С. 508–509.
19. Там же. С. 509.
20. Там же.
21. Там же. С. 509–510.
22. УФСБ по Тверской области. Д. 25165-С. Л. 45-47 об.
23. Куликова Л. В. Угодник Божий Гавриил, архимандрит Мелекесский. М., 2011. С. 511.
24. УФСБ по Тверской области. Д. 25165-С. Л. 45-47 об.
25. Там же. Л. 86.
26. Куликова Л. В. Угодник Божий Гавриил, архимандрит Мелекесский. М., 2011. С. 513.
27. УФСБ по Тверской области. Д. 25165-С. Л. 93-95.
28. Там же. Л. 96.
29. Куликова Л. В. Угодник Божий Гавриил, архимандрит Мелекесский. М., 2011. С. 514.
30. ОГУ Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-2210. Оп. 1. Д. 18916. Л. 49–60, 263, 268.
31. УФСБ по Тверской области. Д. 25165-С. Л. 140–141.
32. ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 461–474.

Краткий генеалогический и биографический очерк о Чавчавадзе

Княжеский род Чавчавадзе упоминается в грузинских летописях с древних времен. Сравнительно недавно в энциклопедии Русской православной церкви на страницах, посвященных грузинской церкви, появилась информация о некоем католикосе по фамилии Чавчавадзе, возглавлявшем грузинскую церковь в XI веке. Поскольку до прихода советской власти (разрешавшей в течение короткого периода всем желающим менять свои фамилии на любые другие) у нас никогда не существовало никаких однофамильцев и все Чавчавадзе между собой всегда были родственниками, эту информацию можно считать документально подтвержденным свидетельством того, что и этот католикос был нашим предком.

Родословная семьи Чавчавадзе с подробной поименной информацией по всем ветвям восстановлена вплоть до XV столетия. Родовое генеалогическое древо зафиксировано во многих исторических изданиях как в Грузии, так и в России. В Грузии и поныне многие исследователи продолжают открывать новые сведения о прошлых носителях нашей фамилии.

Малая родина Чавчавадзе находится в Кахетии (Восточная Грузия), а их родовое гнездо — в имении Кварели, имеющем ныне статус города и районного центра. Во второй половине XVII в. род кахетинских князей Чавчавадзе разделился на две ветви, когда одной из них было пожаловано имение в Цинандали. Так образовался второй родовой очаг, расположенный примерно в 30 километрах от Кварели. С этого времени появляются цинандальские и кварельские Чавчавадзе, происходящие, однако, от одного корня и поэтому состоящие между собой в родстве.

Эту генеалогическую ситуацию хорошо иллюстрирует один любопытный пример. У меня был четвероюродный брат, известный в Грузии Михаил Чавчавадзе — художник, прославившийся своими работами в театральной сфере. Все были уверены, что мы близкая родня, поскольку носили одну фамилию. Однако принадлежали мы к разным ветвям Чавчавадзе — я к кварельской, а он к цинандальской.

И четвероюродными братьями мы были по материнской линии, а если бы высчитывали свое родство по общей Чавчавадзеvской линии, то ушли бы в какую-нибудь 12-ю его степень и оказались бы друг к другу, как говорится, «пятой водой на киселе».

Традиционно практически все мужчины, носители нашей фамилии, получали военное образование, и военное дело было для них всегда первым и главным — многие становились известными военачальниками и знаменитыми генералами. Но это не мешало им проявлять себя и на других поприщах. Среди них вырастали и дипломаты, и поэты, и писатели, и общественные деятели. Но все они изначально были все-таки людьми ратными.

Из этого правила случались, однако, редкие исключения. Одно из них связано с выдающимся представителем нашего рода Ильей Чавчавадзе (1837–1907), канонизированным в 1980-х гг. грузинской церковью в лике праведных. Современники Ильи называли его отцом нации, ее вождем и совестью. Всей своей многогранной деятельностью великого просветителя, крупного поэта, писателя, публициста и общественного деятеля он отстаивал насущные интересы грузин и защищал их самобытную культуру.

Грузинскими делами в его время заправлял институт так называемого «Наместника на Кавказе». В этом аппарате работали русские чиновники. Некоторые из них старались «тихой сапой» проводить политику неразумной унификации и русификации. Например, давались распоряжения забеливать в местных церквях фрески известкой, потому что в восприятии русского человека храм должен был быть чистым и светлым, а тут вдруг какие-то древние плохо сохранившиеся фрески. В результате известка вконец разъедала эти фрески.

Не обходилось и без курьезных случаев. Сваны, говорившие на собственном грузинском диалекте и сохранявшие в своем православии немало пережитков языческой древности, веками тщетно добивались от разных католиков перевода богослужебных текстов на сванское наречие, поскольку древнегрузинский церковный язык плохо ими понимался. Когда Грузия перешла под протекторат России, они стали о том же просить уже русские власти. Результат оказался для них ошеломляющим: им предложили проводить службы... на церковнославянском языке!

Бывали случаи, когда делались попытки необоснованно преобразовывать отдельные грузинские школы в русские. Одно дело, когда открывалась русская школа в местах компактного проживания русского населения, но когда подобные шаги предпринимались только для

того, чтобы грузинские дети учились на русском языке, это вызывало естественное возмущение.

Илья Чавчавадзе стоял на страже интересов своего народа и, храня верноподданнические чувства к русской монархической власти, всячески отстаивал самобытность грузин и защищал их язык, культуру и традиции. Он находил понимание и содействие в Петербурге, куда специально ездил и где всегда добивался нужных результатов, жалуясь на не в меру ретивых русификаторов, уверенных в том, что они делают «русское» дело, в то время как занимались они не только «антигрузинским», но и явно «антирусским».

Тут, однако, мне представляется важным заметить, что в последнее время число подобных попыток насильственной русификации сильно преувеличивается теми людьми, которые хотят оттенить негативную роль России в судьбах Грузии. В своей ангажированности они нередко раздувают из мухи слона и тем самым искажают правду.

В 1907 г. этого борца за сохранение своеобразия грузинской жизни убили революционеры. Они хорошо знали, насколько велик был авторитет Ильи в грузинском обществе, и отлично понимали, что без одобрения Ильей проводимого ими политического курса все их усилия будут заведомо обречены на неудачу. Но, ознакомившись с их программами, целями и задачами, этот глубоко верующий и традиционно мыслящий человек категорически отказал им в какой-либо поддержке. Тогда они решили просто устранить его со своего пути.

Это грязное дело было поручено одному из самых отвязавленных бандитов, который подкараулил Илью на пути в имение Сагурамо и убил его на глазах несчастной супруги. Позднее этот негодяй вступил в ряды грузинских большевиков и в советское время сделал успешную партийную карьеру.

А Илью хоронила вся Грузия. Его погребли в Тбилиси на святой горе Мтацминда, где находился монастырь святого Давида с могилами А. С. Грибоедова и его супруги Нины Чавчавадзе. Над прахом Ильи в пантеоне выдающихся грузинских деятелей воздвигли огромный обелиск со скорбящей фигурой Матери-Грузии, склонившей голову у могилы своего верного сына.

А ирония судьбы заключается в том, что убийце Ильи, скончавшемуся спустя приблизительно 30 лет и ставшему к тому времени видным большевистским функционером, могилу вырыли в том же пантеоне в каких-то 10 метрах от места упокоения Ильи. Вот и показывают ныне туристам тбилисские экскурсоводы расположенные по соседству могилы палача и его жертвы!

Сам Илья, последовательно боровшийся с местными русификаторами из числа чиновников наместника на Кавказе, никогда не подвергал сомнению судьбоносность объединения Грузии с Россией и наверняка гордился тем, что в процессе этого объединения немалую роль сыграли представители его рода. А именно — князь Гарсеван Чавчавадзе (1757–1811), последний посол грузинского царя Ираклия II при русском дворе.

Грузия с давних времен стучалась в «московские ворота», чтобы получить помощь и покровительство могущественного северного соседа перед лицом беспощадных опустошительных набегов персов и турок. Однако по разным причинам дело не продвигалось.

Ситуация изменилась во второй половине XVIII в., когда на русском престоле восседала Екатерина II. Императрица начала делать первые шаги навстречу стремлениям грузин к вхождению в состав Российской империи. Знаком особого расположения к Грузии было воспринято ее желание стать крестной матерью сына грузинского посла Гарсевана Чавчавадзе — Александра, появившегося на свет в 1786 г. в Санкт-Петербурге. Впоследствии, во время Наполеоновской кампании, этому крестнику Екатерины Великой предстояло стать генералом русской армии, а еще позже, в 1828 г., — тестем Александра Сергеевича Грибоедова.

Гарсеван Чавчавадзе в статусе посла проводил раунды российско-грузинских переговоров и принимал активнейшее участие в разработке того юридического документа, который определял базовые принципы вхождения Грузии под протекторат России и вошел в историю под названием Георгиевского трактата. С грузинской стороны этот исторический документ подписал Гарсеван Чавчавадзе, а с российской — генерал Павел Потёмкин, родственник Григория.

К сожалению, сейчас многими националистически настроенными грузинами переход их родины под покровительство России воспринимается как акт предательства. Но эти люди лукавят, когда делают вид, будто не знают, что в тот период вопрос стоял напрямую о физическом выживании грузинского населения. Потому что к XVIII в. сложилась катастрофическая ситуация, о чем достоверно свидетельствуют демографические показатели. И хотя трактат был подписан в 1783 г., некоторое время он оставался лишь мертвой буквой: на практике Россия не сразу ввела свои войска в Грузию. Что позволило через 12 лет персидскому Ага-Магомет-хану осуществить опустошительный набег на Грузию, вырезав в ней едва ли не половину населения. И не введи сюда Россия в 1801 г. свои регулярные полки, ничто не помешало бы

тому же хану или любому иному завоевателю вновь напасть на Грузию, что реально могло завершиться окончательным истреблением нации!

Однако вернемся к моим предкам. Сын Гарсевана Чавчавадзе Александр (1786–1846) был отважным воином и стяжал себе немалую славу: он участвовал в кампании 1812 г., сражался на Бородинском поле и дослужился до генеральского чина. Ратные подвиги и боевые заслуги не помешали ему стать поразительно тонким романтиком и незаурядным поэтом. В Грузии его считают основоположником грузинского романтизма: он переводил на родной язык сочинения Байрона и особенно творения русских поэтов, поскольку блестяще говорил по-русски.

С огромной радостью и воодушевлением он благословил свою дочь на брак, когда А. С. Грибоедов пришел просить ее руки. Кто мог тогда знать, какой трагедией обернется эта ставшая такой короткой история великой любви?! Когда А. С. Грибоедова убили, бедная Нина была беременна, и из-за пережитого потрясения и страшных переживаний она лишилась ребенка — случился выкидыш. Конечно, она его обожала... Оба они — муж и жена — покоятся ныне на горе св. Давида, чуть ниже Пантеона, рядом с монастырским храмом. На могиле Грибоедова трогательная надпись, начертанная от лица скорбящей Нины: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?..»

Старшая сестра Нины — Екатерина — вышла замуж за владельца Мингрелии — удельного грузинского княжества, которое на тот момент еще не вошло под покровительство России. Картли-Кахетия по Георгиевскому трактату завязали крепкие узы с Российской империей, а Мингрелия присоединилась к ней позже. Таким образом, дочери Александра Чавчавадзе Екатерине довелось какое-то время побыть владетельной княгиней Дадиани и оставить после себя большое потомство.

Как уже говорилось, военачальников в роду Чавчавадзе насчитывалось немало. Ратные их подвиги и служебная карьера широко известны благодаря многочисленным публикациям как в исторической, так и в художественной литературе. Но параллельно существовала и семейная хроника, в которой эти яркие персонажи представляли живыми людьми с присущими им индивидуальными чертами, проявлявшимися в самых необычных и порой курьезных обстоятельствах.

Из этой семейной хроники мне вспоминаются несколько эпизодов из жизни генерала от кавалерии Захария Гульбатовича Чавчавадзе (1825–1905), героя Кавказской, Крымской и Русско-турецкой войн, кавалера множества престижнейших боевых наград.

Однажды ранним утром после хорошего кутежа вздумалось ему пойти поохотиться. Он взял с собой любимого денщика — русского Ивана — и отправился в путь. Когда они вышли из дома, солнце еще не взошло; они долго лазили по горам, чтобы хоть что-нибудь пристрелить, но им не везло — «ни пуха, ни пера» нигде не просматривалось. Наконец, Захарий Гульбатович притомился, а тут еще и солнышко начало припекать. Улегся он на травке под кустиком, устремил глаза в небо и задремал. Вдруг открывает глаза и видит: над ним в синем небе широкими кругами парит орел. Захарий Гульбатович, изобразив на лице тревогу, кликнул денщика: «Иван, скорей стреляй, турецкий орел летит!». «Ваше сиятельство, а почто знаете, что орел турецкий?», удивился денщик. Тут-то генерал и изволил с похмелья пошутить: «Ишак! Ты что, не знаешь, что русский орел всегда двуглавый?!».

Две другие истории отображают неподдельность его верноподданнических монархических чувств.

На одном пиру в Высочайшем присутствии Захарий Гульбатович произнес в честь Государя торжественный тост, держа в руках трехлитровый рог, до краев наполненный вином. Князь в ту пору был уже в летах, и все думали, что он пригубит немного из рога, а потом пустит его по кругу, как это делалось по застольным традициям. Но, завершив свою речь, он, на удивление всей публики и особенно русской ее части, одним махом залпом осушил рог до последней капли!

Будучи по характеру человеком требовательным, князь терпеть не мог расхлябанности и непунктуальности и жестко расправлялся с теми, кто позволял себе подобного рода вольности.

Как-то раз семья собралась к обеду в столовой. Княгиня Анна с ужасом заметила, что любимый сын Александр опаздывает. Вот уже прочитана предобеденная молитва, все расселись по своим местам, а Александра все нет. Подали закуски. Семья в гробовом молчании нервно приступает к закускам, то и дело поглядывая на князя, глаза которого постепенно от гнева становились пурпурными. Наконец прислуга разносит суп. И в это время открывается дверь, в которую входит Александр, кадет Тифлисского кадетского корпуса. Он чеканным шагом проходит к своему месту рядом с отцом, поворачивается к иконам и затягивает во весь голос:

— Бо-о-же, Ца-а-ря храни...

Все ожидали страшной расправы. Но князь встал со своего места по стойке «смирно» и тихо, чтобы не нарушать пения, произнес в сторону сидящей жены:

— Аннэта, встань!

Хитрый Александр, затягивая время, пел гимн со всеми словами и повторяя припевы.

Закончив пение и осенив себя крестным знаменем, он сел на свое место и приступил к трапезе.

Обед продолжился и благополучно завершился без малейшего скандала. Только под конец, уходя в свой кабинет, князь буркнул сыну.

— Зайди потом ко мне в кабинет для разговора.

Но это был уже вполне умиротворенный князь...

А однажды во время многолюдной трапезы какой-то сослуживец решил произнести в его честь здравицу. Но волновался при этом до такой степени, что часто сбивался и говорил нескладно. И завершая тост, вдруг ляпнул:

— Захарий, ты — дуб!

И опять сбился на длинную паузу. Присутствовавшие оцепенели и с ужасом наблюдали за тем, как лицо князя багровеет, а глаза наливаются кровью.

— ... а мы все только твои листья!.. — поспешно продолжил неудачник, избавив себя от крупных неприятностей этой завершающей спасительной фразой.

Вот таким своеобразным человеком запомнился потомкам этот боевой генерал, который был, конечно же, выдающейся личностью, удостоенной множества самых престижных боевых наград, в том числе и нечасто выдаваемого ордена св. Георгия 3-й степени.

В семье сохранилась трогательная надпись на венке, возложенном в день похорон на могилу Захария Гульбатовича офицерами родного ему Дагестанского полка: «Витязю Кавказской войны, доблестному Дагестанцу, князю З. Г. Чавчавадзе, научившему полк стоять крепко до последней минуты жизни на страже Престола и Отечества».

В моем архиве с недавних пор хранится небольшая гравюра неизвестного французского художника под названием «Ночная атака на горцев князя Захария Чавчавадзе», изображающая Захария Гульбатовича, несущимся на коне с поднятой саблей сквозь лесные дебри. Вручил ее мне мой добрый друг Александр Алексеевич Авдеев. В бытность свою российским послом во Франции этот выдающийся дипломат, отличающийся, помимо прочих достоинств, безукоризненным владением французского языка, любил бродить по парижским набережным букинистов, в книжных развалах которых с большим удивлением для себя обнаружил эту гравюру. И тут же приобрел ее для меня в качестве бесценного подарка.

Брата моего прадеда Михаила Зурабовича (1839–1877), генерала, князя Николая Зурабовича Чавчавадзе (1830–1897) в семье называли «диди Нико», чтобы отличать от другого Нико Чавчавадзе — его племянника и моего деда Николая Михайловича (1867–1920), тоже ставшего генералом и георгиевским кавалером. Последнего, в свою очередь, величали «патара Нико» — по-грузински «диди» значит «большой», т. е. старший, а «патара» — «маленький», т. е. младший.

Диди Нико и впрямь был «диди» — великий человек и большой генерал. Последним его назначением после ряда блистательных подвигов во многих военных кампаниях стала должность генерал-губернатора Дагестана. Как и подобает боевому офицеру, умер он на своем посту. Беззаветно любившие своего генерал-губернатора дагестанцы поклялись, что перенесут его гроб через Кавказский хребет до самого родового имения в Кварели, ни разу не опустив его на землю. Благородный замысел казался едва ли осуществимым: предстояли десятки километров по горным кручам и ущельям с тяжелым гробом на плечах, а затем длинный путь через всю Алазанскую долину! Но к чести мужественных дагестанцев надо сказать, что свое слово они сдержали. Они внесли-таки гроб в Кварельскую церковь после многочасового изнурительного перехода! И, что особенно ценно — для них, мусульман, никакого значения не имел тот факт, что свой героический поступок они посвящали не единоверцу, а православно-му христианину!

О Кварельской церкви, тесно связанной с историей нашей семьи, стоит упомянуть отдельно. До диди Нико в Кварели никогда не было своей церкви. А ближайший храм — знаменитый огромный собор Алаверды — располагался в 13 километрах. Чтобы избавить своих крестьян от необходимости постоянно преодолевать это расстояние, диди Нико построил для них храм в честь пророка Ильи в самом Кварели, неподалеку от княжеской усадьбы. И оказался первым, кто был в нем упокоен в 1897 г.

Позднее, в 1920 г., там погребли моего деда Николая Михайловича (патара Нико), генерала Тверского драгунского полка и георгиевского кавалера, скончавшегося от неизлечимых ран, полученных на турецком фронте Первой мировой войны.

Следующим внутри Кварельского храма в 1965 г. был похоронен мой отец Михаил Николаевич. Его погребение в этом храме положило конец 40-летнему использованию церковного здания в качестве зернохранилища. Именно в таком виде мы обнаружили этот храм, когда приехали из Франции в 1947 г. С момента похорон отца эта церковь

обрела, во-первых, крест на своем куполе, а во-вторых, статус учреждения культуры, в котором устраивались в основном художественные выставки.

Мой отец родился в 1898 г. в Кварели, закончил Тифлисский кадетский корпус, продолжил свое военное образование в Пажеском корпусе в Петербурге, а после его окончания в 1916 г. был зачислен в гвардейский конно-гренадерский полк. Провоевав несколько месяцев в этом полку, был командирован в Тифлис, откуда на фронт уже не вернулся из-за революционных событий и выхода знаменитого Приказа № 1. В 1921 г., после вхождения Красной Армии в Грузию и установления в ней советской власти, он эмигрировал в Турцию, откуда перебрался во Францию. В 1947 г. репатриировался с семьей в СССР, где был репрессирован и осужден на 25 лет лагерей. Освободился в 1956 г., а через несколько лет был реабилитирован. Жил в Чимкенте, Алма-Ате, Вологде. В 1963 г. переехал в Тбилиси, где и скончался спустя два года.

В 1988 г. в Кварельском храме была погребена моя мать Мария Львовна Чавчавадзе, урожденная Казем-Бек. Она родилась в 1910 г. в Калуге, где в это время служил ее отец Лев Александрович Казем-Бек. В 1920 г. вместе с родителями уехала в эмиграцию во Францию, где жила до 1947 г., когда с семьей вернулась в Советский Союз, где была сослана с детьми в Южный Казахстан. После реабилитации и проживания в Казахстане и России поселилась в Тбилиси, где до самой кончины в 1988 г. преподавала французский язык в Тбилисском институте иностранных языков.

В 1989 г. в Кварельской церкви похоронили моего двоюродного племянника Зураба Николаевича Чавчавадзе 1953 г. р., химика по образованию, вступившего в годы перестройки на стезю политической борьбы в Грузии, активно противостоя линии будущего президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдия. Погиб в автомобильной катастрофе, подстроенной, по мнению соратников Зураба, его идейным противником Гамсахурдия.

И, наконец, последнее захоронение в Кварельском храме принадлежит моему двоюродному брату Николаю Зурабовичу Чавчавадзе, скончавшемуся в 1997 г. Он родился в 1923 г. в семье старшего брата моего отца Зураба Николаевича, который не решился на эмиграцию и погиб в ГУЛАГе в 1930-х годах.

Николай Зурабович был незаурядным философом, доктором философских наук, директором Института философии и академиком Академии наук Грузии. С 1941 по 1945 гг. отважно воевал на фрон-

тах Великой Отечественной войны, был неоднократно тяжело ранен. Награжден рядом боевых наград, в том числе орденом Красной Звезды, и закончил войну в звании старшего лейтенанта.

Преподавал философию в ряде тбилисских вузов, смело говоря студентам, что марксистско-ленинская философия — это нонсенс, поскольку таковой просто не существует, а философия вообще — это поиск Бога.

Был единственным философом в Советском Союзе, кто ратовал за право исследовать философскую проблему ценностей, не вмещающуюся в рамки марксистской философии. Вопреки мощному идеологическому давлению на него ему удалось, однако, провести несколько официальных научных конференций по этой «запретной» философской теме.

Рис. 1. Праздник цветов в Сен-Бриаке, начало 30-х годов XX в.
За экипажем слева направо: Великий князь Владимир Кириллович,
Михаил Николаевич Чавчавадзе, Великая княжна Кира Кирилловна,
Мария Львовна Чавчавадзе

Рис. 2. Зураб Чавчавадзе (в центре) с родной сестрой Дарьей, братом и сестрой по матери – Александром и Ольгой Некрасовыми. Атлантическое побережье Франции, 1946 г.

Рис. 3. Встреча З. М. Чавчавадзе (в центре) в аэропорту Орли (Париж). Слева – сестра по отцу Ирина (по мужу Обуано), справа – жена брата З. М. Чавчавадзе по отцу – Нелли, урожденная Хомерики

Купеческий след в судьбе философа

В судьбе изгнанного в 1922 г. из советской России философа права Ивана Александровича Ильина было несколько встреч с представителями промышленно-торговых кругов, которые отразились на его творческой жизни¹.

1. И. С. Шмелёв. С 1922 г. семья Ильиных жила в Берлине, где профессор Ильин преподавал в Русском научном институте. Наряду с преподавательской деятельностью философ в немалой степени занимался вопросами русской истории и культуры, чтобы найти ответы на животрепещущие вопросы бытия России — истоков краха Российской нации-цивилизации, сущности происходящих в стране процессов, определения возможных путей возрождения фундаментальных основ России в будущем.

Первоначально, чтобы вынести на общественное обозрение свои мысли об исторических и насущных русских проблемах, Ильин сотрудничал с Петром Бернгардовичем Струве, который редактировал некоторые зарубежные издания. В тех же изданиях Струве публиковался и писатель Иван Сергеевич Шмелёв. Ильин сразу обратил внимание на художественное творчество Шмелёва, описывающего в своих произведениях как трагические судьбы русских людей в годы революционной смуты, так и картины дореволюционной Москвы, в основном купеческого Замоскворечья. В начале 1927 г. философ инициирует переписку со Шмелёвым, в творчестве которого увидел глубоко русское явление. Иван Александрович отправляет ему письмо: «Из самой сердечной и духовной глубины шлю Вам благодарность за чудесный рассказ “Свет разума”. Это самое необходимое, это самое живое, это незабываемое! Истинное искусство всегда философично, всегда метафизично и

¹ Еще до изгнания из советской России весной 1918 г. в издательстве известного промышленника из купеческого сословия Г. А. Лемана-Абрикосова печатается фундаментальный труд Ивана Александровича Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», на основе которой он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора государственных наук. Издан двухтомник был на деньги Димитрия Евгениевича Жуковского.

религиозно — горит, и жжет, и очищает душу. Я не один раз перечитал Ваш рассказ; и душа плакала слезами умиления; а воля крепла. “Сухая слезинка, выплаканная во тьме беззвучной”... Это не слова, а осиянные, пророческие глаголы. Да утешит и да соблюдет Вас Господь! Так хотелось бы иметь *все* Ваши творения. Мы не встречались с Вами, но я давно духовно люблю Вас и горжусь Вами. Жена моя Наталия Николаевна шлет Вам привет. С новым годом! Ваш И. А. Ильин. 1927.I.19. Berlin — Wilmersdorf Südwestkorso 18 Parterre» [3, с. 13].

И. С. Шмелёв мгновенно откликается: «Дорогой Иван Александрович! Большим, истинно светлым чувством отозвалось в моей душе письмо Ваше. Всегда хорошо на душе, когда получаешь отклик, подтверждение, что не впустую твоя работа, что словом пробуждается доброе... Но когда слышишь привет и похвалу от человека, которого считаешь, которому глубоко веришь, которым восхищаешься и гордишься... — у меня нет слов сказать все, что я вижу и чувствую в Вас! — тогда крепнет и утишается душа. Не раз, не раз порывался я написать Вам, приветствовать Вас за стойкость, за блеск дарованья Вашего, за мужество в борьбе, за великую честность перед Россией, за высокую и одухотворенную человечность — русскость! За ту горькую и такую нужную нам всем *правду*, которую Вы ищете, находите и поясняете всем. Вы один из первых — нужнейших родине, нет, Вы — исключительнейшее, сколько я могу чувствовать, явление, светлейшее — в страшном и подчас великом разное, царящем в эмиграции — и повсюду. Я вас так (!) чувствую! Вы не страшитесь вскрывать гнойники интеллигентщины (все еще!) русско-интернациональной, хронической болезни, одурь-дурман и — ложь! И много зато у Вас врагов. Но, — знаете Вы и сами, — и друзей, невидных сейчас пока, много! И будет все больше. Да, Вы такой — единственный у нас. И что важно — с таким блеском, с таким искусством живого и яркого слова, с такой широтой и духовной глубиной знаний! Для меня несомненно, что Вам выпала — и по праву! — доля высокая — представлять за Россию, за духовные ее ценности, — наследие от лучших из тех, кто эти ценности обрели в ней, развивали, очищали, вносили в жизнь мира. Воистину, за эти ценности должно душу свою отдать. И защищать их, — Божье дело, — Крестом — Мечом! Понятен мне весь фальшивый вой-воплъ, поднятый слева, и вся эта эквилибристика, с опорой на Закон Христов! — вплоть до Бердяева! Понятно все, — страх за содеянное понятен, и “круговая порука” в шулерстве. Непонятно лишь буквоедство и софистика гг. философов. Не могут понять, что и “всему применение бывает”! И если для меня самая математическая истина, примененная к живому, к вечно

формирующемуся духу, губит его, я обязан эту формальную истину отвергнуть. Ибо — не в лаборатории я и не у доски, а при живом! И — живу, и сам, мучаясь и принося жертвы, ищу истину. Великая свобода дана нам, великая *carte blanche* — глубина безмерная: “Суббота — для человека!” И всякий меч, да, Крестом осиянный, направленный против Зла — сам — Крест! Правда — в людях, не книжная. К людям Христос пришел и не книжное принес, а — жизнь, именно — Свет Разума. Так я чувствую. Иначе — рабы умствований и... похоти! Этого иным нужно. И — пугают, и путают умы. И давно запутались. И — про себя-то — говорят: немножко еще попутаем, а там “оттянем”. От-тя-нуть — иным хочется. Ибо — страх. Ибо — чувствуют. Тошна до ужаса — неизбываемая человечья подлость. Нехристиане, никакие христиане, когда полезно, за Христа хватаются, дьявольски во Христа облачаются! Чего — дальше?! Одно ясно: “собаки лают, значит едем!” ... Вы ревнуете о России и ее Правде. И если бы *народ* наш всего знал Вас, он сказал бы: благослови, Господь! Я не мыслитель, не политик. Я — русский человек и русский писатель. И я стараюсь прислушиваться к правде русской, т. е. к необманиваемому, к совестному голосу духа народного, которым творится жизнь. Я принял от народа, сколько мог, — и что понял — стараюсь воссоздать чувствами. И в этом деле столько созвучного нахожу в творчестве-деле Вашем! И Ваше письмо поэтому для меня великая радость! Будьте здоровы, бодры, крепки, несокрушимы! Славьте Россию, громите палачей ее, не сдавайте “Крепости”! Учите интеллигентщину, образуйте из молодых — подлинно русских людей, — настоящую русскую здоровую интеллигенцию — духовных водителей и работников для России» [3, с. 13–15].

Так началась и не прекращалась всю жизнь переписка двух великих русских талантов, все свое творчество посвятивших будущему возрождению Великой России, духовному очищению мира. Осенью 1927 г. состоялась и первая очная встреча философа и писателя. С самого начала «два Ивана, российских сына» [4, с. 42] увидели друг в друге единомышленников и их дружба продлилась многие годы, она отражена в их большой переписке, изданной ныне в трех томах.

Ильин методично распространял информацию о Шмелёве, пропагандировал его талант в среде русской эмиграции. Со стороны Шмелёва отметим весьма важное «внушение» Ильину, которое не раз отражено в его письмах к другу. Иван Сергеевич Шмелёв постоянно требовал от Ильина: «Дайте — о “русской культуре”, не Милюкову же затыкать брешь, — другого труда нет у нас, увьи!» [4, с. 103]. Лишь его считал Шмелёв способным дать развернутую картину русской культу-

ры: «Вы, Вы — единственный, кто *может* и *должен* дать нам подлинное творение (о, сколь важно!) — создать “Историю русской культуры” — *истинную*, а не подогнанную под “планчик”, как у Милюкова². *Нет у нас* такого творения. Вот лежу и все думаю о сем. Вот — Ваше призвание. Опыт всего прожитого-пережитого (чего не было у Милюкова), огненно-святой дар гениального духа Вашего (чего и в помине нет у Милюкова), художественное мастерство Слова, Ваша энциклопедичность, Ваша “хватка” — дадут творение несравненное, которое явится универсальным для ряда поколений — и русских, и человеческих. Вы и философ, и государственный, и историк, и художник, и Богослов русский. В этом труде — Вы *весь* скажетесь и все можете с полнотой и высотой сказать. *Итоги* подвести и пути-вехи поставить. Ибо Вам не на реках и прудах плавать, не в “отрывках” проявляться (лекции), а океанствовать: создать “Науку о России”. Таковой нет. Она — должна быть» [3, с. 208]. «Да сбудутся самые светлые думы Ваши! Решительно говорю: Вы *должны* создать целую — и боевую — книгу о Святой Руси», — убеждает И. С. Шмелёв своего друга, уверяя, что это будет «поэма о подлинной России» [4, с. 68; 3, с. 308].

Но Иван Ильин, так много написавший в зарубежье трудов об истоках и сущности революционной трагедии в России, откликнулся на увещания Ивана Шмелёва только после новой личной драмы — бегства из гитлеровской Германии в 1938 г., после многолетних преследований гестапо и запретов на трудовую деятельность. Обосновавшись в Швейцарии, ученый начинает углубленное изучение работ и источников по русской истории и культуре. Свои усилия мыслитель по-прежнему связывает с поисками путей выхода России из тупика современных проблем. В 1940–1941 гг. он ведет заочные чтения «О грядущей России», которые, благодаря Э. де Рибанпьер, размножаются на ротаторе в Женеве. Так было напечатано 9 выпусков чтений по 4–10 с. каждый: «Вера в Россию», «О свободе», «В поисках справедливости», «Основная задача», «О сильной власти», «О русском национализме», «Утверждение личного начала», «О русской идее», «Идея предметного воспитания». С началом гитлеровского нашествия на Советский Союз Ильин пытается читать для русских и швейцарцев курсы лекций по русской истории и культуре, но вскоре отказывается по причине, ука-

² Труд П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» был впервые издан в 1896–1903 гг. в Петербурге, дополнен в эмиграции. В нем отчетливо проявлен социологический подход ученого к изучению национальной истории и культуры.

занной в письме давнему другу: «Во время войны всем было не до того, посещение стало неаккуратное, мужской элемент то и дело отзывался в армию, женщины — на трудовую повинность. Тогда я решил, что если я запишу эти мои лекции, то они послужат потом России больше и лучше, чем эти неаккуратные занятия» [6, с. 113, 115–116]. Так обстоятельства заставляют Ивана Ильина написать свой уникальный труд, на который его всегда вдохновлял Иван Шмелёв — «Сущность и своеобразие русской культуры». Первые три части труда были изданы в 1942 г. в Цюрихе на немецком языке (*Jvan Iljin, professor. Wessen und Eigenart der russischen Kultur. Drei Betraclitungen*), затем дополнены еще тремя частями:

I. «Душа»;

II. «Вера»;

III. «Ход исторического развития»;

IV. «Главные национальные проблемы России»;

V. «История становления государства»;

VI. «Творческая идея России».

На сегодняшний день это единственный труд по истории русской культуры, описывающий не только ее внешние проявления (социологический и политический подход в описании), но и раскрывающий ее внутренний смысл, особенности национального духа и инстинкта (ученый применил аксиологический и актологический подходы при создании научного труда). Многолетняя настойчивость Шмелёва победила...

Наряду с фундаментальным трудом «Сущность и своеобразие русской культуры» в 1940-е годы у Ильина появляется немало отдельных работ по русской истории и культуре — по отдельным историческим эпохам и эпизодам, начиная от эпохи Киевской Руси до современной ему России: «Киев — древнейшая русская столица», «Древнерусское искусство (зодчество и фрески)», «Мировые причины русской революции», «Мученичество Церкви в России», «Христианство и большевизм», «Наступление на Восточную Христианскую Церковь», «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)», «Творческая идея нашего будущего», «Основы государственного устройства» и др. Немало интересного и полезного о строительстве русской культуры можно почерпнуть в работах мыслителя, посвященных анализу творчества русских деятелей культуры, государства и общества.

2. Н. Громов. Как уже было сказано, Ильин много публиковался в прессе русского зарубежья с самого начала эмиграции. Но в 1926 г. у него происходят разногласия с издателями «Возрождения» по причине вытеснения из газеты Струве. Приостанавливая свое участие в газете после ухода Струве, Иван Александрович уговаривает Шмелёва остаться там в числе авторов: «Если бы я писал в Возрождении художественное, то я, может быть, и не сделал бы себе из этого рокового обстоятельства. Но я 1) пишу там политику; 2) живу в стране, которая требует особого такта газетного, который Петр Бернгардович мне обеспечивал, а нагло бестактный Семёнов *не* обеспечивает; 3) я шел в Возрождение со Струве и, несмотря на то, что далеко не считаю его *ни* идеальным, *ни* достаточно внимательным ко мне редактором — поддерживаю его до конца» [3, с. 52–54].

Именно в это время потери основной «трибуны» для изложения своих взглядов к Ильину обращается с деловым предложением бежавший из СССР купец-предприниматель. Философ сразу же связывается со своим ближайшим единомышленником П. Б. Струве: «Недавно ко мне явился хороший русский патриот, недавно выехавший оттуда и сохранивший здесь свое состояние, человек очень почтенный и привлекательный. Он читал разные мои вещи и явился с определенным предложением. После всестороннего обсуждения он предложил мне издавать ежемесячный идеологический журнал, который он намерен соответственно обеспечить. Предложение это я принял. Он хочет, чтобы я писался редактором-издателем и вел журнал лично и ответственно» [2, с. 195].

Этим русским патриотом оказался выехавший из советской России купец Н. Громов. Испытавший на себе за десять лет жизни при советской власти всю тяжесть социальных потрясений, он при первой возможности покидает страну и оказывается в Германии. Ознакомившись с публикациями И. А. Ильина, он причисляет себя к его единомышленникам и решает встретиться с ним. При встрече происходит взаимопонимание и имеющий средства Громов предлагает Ивану Александровичу финансовую помощь в издании русского патриотического журнала. Получив такой неожиданный подарок судьбы, мыслитель сразу же включается в работу по подготовке журнала, получившего наименование «Русского колокола» с подзаголовком: «Журнал волевой идеи». (В будущем изданию окажут финансовую помощь также чешский президент Карел Петрович Крамарж и выдающийся русский композитор Сергей Васильевич Рахманинов.)

Ильин делится радостью со Шмелёвым: «Милый и дорогой Иван Сергеевич! Наконец я могу позволить себе сообщить Вам основную сущность того “дела”, на которое я Вам намекал и о котором нам следует поговорить лично. Некоторое время тому назад один знакомый привел ко мне русского национально мыслящего человека, недавно приехавшего оттуда и имеющего очень солидное прошлое и очень солидные связи. Туда он больше не собирается, а желает работать здесь. После всесторонних и длительных обсуждений выяснилось, что мы с ним в большом и полном единомыслии и единоволении; что он имеет деньги на издание идеологического журнала и желает эти деньги предоставить в мое полное распоряжение а *fond perdu* [“безвозвратно” (французское)]; и что мы друг другу вполне доверяем. Ныне программа журнала мною выработана, деньги уже внесены, переговоры с типографиями уже налажены; и вот что решено.

1. Я есмь редактор-издатель.

2. Журнал будет выходить в Берлине, с 1 сентября, ежемесячно (?) размером в 5 листов, ценою в 1 ½ марки, 9 франц. франков.

3. Он будет составляться на основе единой идеи и единомыслия, без разнобоя, полемики etc.

4. Это должен быть журнал волевой идеи, такой, чтобы ее хватило в России и на 50, и на 100 лет.

5. Каждая строка будет оплачиваться и прилично оплачиваться — 16 долларов за лист в 35 000 букв; деньги выложены на стол прямо на несколько номеров вперед.

6. Предполагается настойчивый, волевой аппарат распространения, повсеместный; и далее — отправка на внутренний рынок.

Я не могу скрыть от Вас, что от одной идеи о Вашем участии в этом журнале у меня делается радостно на душе. Одно только — по уставу мы не будем печатать художественную прозу, или “беллетристику”: не хватит места. Но мои надежды на Шмелёва публициста, пророка и сатирика (сказки!). Ему будет одно из самых первых мест и притом самое почетное место в журнале. Я не мыслю журнала без Вас. Откликнитесь! Загоритесь! Дайте мне Ваше вещее, глубинное, огненное слово! Хотите призыв к русскому народу — давайте призыв (как Вы мне писали в одном из писем...)! Хотите “горькую сказку” — давайте сказку! Хотите обличение наподобие “доктора” из Солнца Мертвых — давайте, давайте! все будет приниматься с радостью и помещаться с гордостью... Мы не будем заирать слишком направо; мы будем свободны от левизны. Я не *наглашу* туда ни колеблющихся, ни усталых, ни исписавшихся. Я буду искать “сенек” по “шапке”. Я мечтаю о густом,

почвенном, свежем, дерзающем и трезвенном, ответственном слове» [3, с. 31–32]. Шмелёв откликнулся и дал материал уже для первого номера «Колокола». Ильин непрестанно зазывает друга: «Зову Вас в Колокол, *все*, что напишете — хорошо! А мы для Колокола создаем свой распространительный аппарат, в коем *идейность и материальный интерес* должны соединиться, *найти* волю и *пробудить* волю. Трудно! Но постараемся. Тогда увидим... Второй номер зреет. Вам отведено почетное место. Я с ним (с номером) говорил; он мне ответил: “Пиши Ивану Сергеевичу, что ляжу на пол и завою, если не пришлет”. Я даже напугался» [3, с. 61]. При формировании пятого номера он пишет Шмелёву: «Я мечтал бы дать на почетном месте *Вашу* вещь. Что именно? Позвольте об этом выразиться. Или о *русской женщине*: бабушка, мать, няня, сестра, невеста, жена, дочь; и *вообще* — о ее русскости, и о ее русской *женственности*, и о ее *характере*, о ее *невучести*, о ее духовно-хребтовой силе, о ее *вкусе*, о ее *почвенности* — как заблагорассудится. Главное только — чтобы русские люди ощутили с остротой и глубиной, какой *дивный клад* мы имеем в нашей женщине и ее бытии. Чтобы русская женщина почувствовала свое *призвание* призванным и свои заслуги закрепленными. Ведь ей предстоит *обновить* Россию новыми людьми и новыми характерами» [3, с. 92–93].

С 1927 по 1929 гг. вышло 9 книжек «Русского колокола». Среди авторов — предстоятель Русской православной церкви за рубежом митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Анастасий (Грибановский), великий князь Николай Николаевич, генералы А. М. Драгомиров, А. П. Кутепов, Н. Ф. Эрн, атаман кубанского казачества А. П. Филимонов, С. С. Ольденбург, Л. И. Львов, А. И. Бунге, Ю. И. Лодыженский. На выходившие журналы положительные отзывы публиковались в газетах «Новое время» (Сербия), «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство» (Франция), «Русское слово» (Харбин, Китай). Ильин готов был еще и еще отдавать свои силы изданию журнала волевой идеи, но зависть и интриги партийной эмигрантщины остановили эти планы, разрушив союз с Громовым.

3. Барейссы. В годы Второй мировой войны Ильиным было написано немало газетных статей и литературно-философских эссе. На исходе войны русский мыслитель встречается с ознакомившейся с его трудами семьей австрийских аристократов Барейссов, промышленявших шерстяной торговлей. Они стали помощниками Ивана Александровича по защите духовных основ цивилизации, истинного лика России. Барейссы субсидируют научную и издательскую деятельность

мыслителя, благодаря чему он мог серьезно заняться своими научными трудами. Ситуация весьма характерная для русской действительности последнего века, когда не российские, а именно иностранные благотворители обращают внимание на ценность русских культурных достижений и глубину социальных исследований, обеспечивая русских ученых возможностью заниматься научной деятельностью.

Ильин по-прежнему уверен: «Русский народ учится *самостоянию*. И научится! Мукою. Да. И я с ним 30 лет в муке. А почему не в *физической*? Потому что — в *духовной*! Эту духовную надо превратить в *его* науку. Ибо я емь *орган* русского народа, его *пульс*, его *слово*, его *воплъ*, его *драка*, раздаватель от его лица “русс-лановых” пощечин. Но главное: *его* национальный философ» [5, с. 255]. У мыслителя по-прежнему «циркулярный философоз», его ум в непрестанной работе: «Варится в 10 котлах; который начнет “уходить” — с того крышка снимается, что готово — записывается — крышка закрывается — записанное откладывается — ибо другой котел “уходит” — надо за него браться.

В таком порядке прожил я жизнь и теперь, будучи уже “Феклунькиным отцом”, стою перед начатыми, подготовленными, сильно подвинутыми или полуготовыми трудами:

1. Учение о сущности правосознания (закончено в 1919 году, надо отредактировать).

2. Философия религии (лежит в виде большого курса лекций, на два тома, отдельные главы разработаны детально).

3. О духовном характере (для России!) (курс) (том).

4. Об очевидности (вороха набросков и материалов).

5. О равенстве и справедливости.

6. О методе философии (для будущих русских философов).

7. О Монархии и республике (недописанная книга).

8. Курс: введение в философию (для начинающих).

9. Вороха созревших “эссеев”: в том числе учение о компромиссе

о частной собственности

проблема орфографии

Князь Мышкин и Ставрогин

О причинах русской революции

Кризис социализма и т. д.

10. Если бы Бог дал — доработать мой курс “Философия досократиков” (от Фалеса до Сократа *inclusivement*)» [4, с. 534].

В последние годы жизни мыслитель направляет свои творческие силы на разработку важнейших для него тем:

- «о методе философии» («Об очевидности» «для будущих русских философов», должных созерцать Совершенство и Истины),
- «философия религии»,
- Россия (в списке «философов» — «О причинах русской революции», «Кризис социализма», «О Монархии и республике», «О духовном характере» — для России).

В эти годы Ильин продолжает написание литературно-философских эссе, некогда начатых сборником «Путь духовного обновления». Именно тогда делается авторский немецкий перевод научной монографии по философии Гегеля — Pjin I., «Die Philosophie Hegels als kontemplative Gotteslehre» (Bern, 1946). Одновременно Ильиным начинают издаваться его бюллетени для единомышленников, известные ныне как сборник «Наши задачи».

4. В. П. Рябушинский. В 1949 г., после тридцати лет труда, мыслитель удовлетворенно сообщает Шмелёву: «Окончил “Аксиомы религиозного опыта”, 26 глав, около 700 печатных страниц. Рвусь дальше» [5, с. 397–398]. Однако издать книгу было весьма не просто, что и описывает Иван Александрович другу: «Печатание моих произведений — есть дело очень трудное и очень сложное. Почему? Тому следуют пункты:

1) В церковных издательствах (Мюнхен, Джорданвилль) сидят сами писатели и нуждаются в книгах полемических (напр., книги Михаила Польского, Кирилла Зайцева и т. п.). Один Нафанаил чреват потоком...

2) К Гукасову я с самого начала вовсе не хотел обращаться, зная хорошо (1) его самого, (2) ту пощечину, которую он получил в наших Задачах (№ 50 “Искажение русской истории” опровержение гнусной статьи Нольде, помещённой Тхоржевским и Гукасовым в Возрождении № 1; Гукасов при встрече с издателем наших Задач — вызывающе спросил: “Вы что, ссориться с нами хотите?!” — чем и расписался в получении оной пощечины).

3) Такого же унижения я жду и от УМСА. На сей раз меня уговаривают: Владыка Анастасий, И. С. Шмелёв и Вл. П. Рябушинский» [5, с. 420].

Книга была издана лишь благодаря помощи представителя некогда богатейшего купеческого рода Владимира Рябушинского, но уже не имевшего того состояния, что было у его предков в дореволюционной России: в изгнании он зарабатывал своими антикварными познаниями. Но, тем не менее уже почти слепой старик прочитал

рукопись Ильина и собрал все возможные средства для напечатания книги объемного религиозно-философского труда. Великий труд русской мысли был издан не богатым меценатом, но подвижником благочестия.

В предисловии к труду автор пишет: «Я долго вынашивал эту книгу, годами и десятилетиями, предпочитая не торопиться с ее опубликованием, но снова и снова удостовериться в верности найденных и формулируемых основ религиозного опыта, и прежде всего — желая проверить и перепроверить свой собственный религиозный акт и его содержания, ибо философия обязывает больше, чем какая-нибудь другая наука, очищать и проверять орган своего предметного восприятия и строго взыскивать с себя за высказываемые слова и излагаемые описания. И ныне, когда я закончил эту книгу, отнюдь не исчерпав предмета (ибо кто же и когда исчерпает его?), я расстаюсь с ней в уверенности, что с моими описаниями и формулами не согласятся только люди иного религиозного акта, которым остаётся только пожелать, чтобы они поняли основание нашего расхождения» [1, с. 297].

Размышляя о причинах, заставивших взяться за этот труд, мыслитель отмечает, что почти каждый из теологов «считает свой собственный религиозный акт — естественным и истинным, единственно возможным, “священным” и не нуждающимся ни в каком совершенствовании или обновлении и что... Ему остается только учить других тому, что он намыслил; прочие же, несогласные с ним теологи — находятся в “печальном заблуждении” или в “невежестве и ереси”... Отсюда взаимное непонимание, и даже вражда». «Из этого “смещения языков” не выведут их никакие догматические споры, никакая богословская “спекуляция”, “диалектика” и “конструкция”. Ибо прежде всего необходимо договориться о религиозном акте, о его строении и о его аксиомах. Именно этому я и посвятил своё исследование, — выяснению аксиоматических основ религиозного опыта и религиозного акта» [1, с. 298–299]. «Я посвятил мое исследование той стороне религии, которая большинством верующих, и особенно большинством теологов, оставляется без внимания, и притом потому, что она “подразумевается” ими, как имеющаяся у них, как несомненно-достоверная и не подлежащая обсуждению. Именно потому она не рассматривается ими, не проверяется, не выговаривается и не культивируется. Каждый из них считает с самого начала, что он “умеет веровать”, и что то, что ему передано в детстве и подтверждено его пастырем и академией — есть сущая истина. Религиозный акт осуществляется (или не осуществляется) подавляющим большинством людей в том виде, как он у них сложился “сам”.

И потому он не проверяется, и не удостоверяется, и не совершенствуется, хотя на самом деле именно он составляет сущую живую основу веры и религиозности, а потому и предрешает содержание самой веры. Но именно вследствие этой наивной уверенности и этого замалчивания — религиозный акт “выдыхается” и “вырождается”. Оставленный без внимания, как якобы несомненно-достоверный и неоспоримый, он ведет людей к самомнению и религиозной гордыне, уташает в них общеобязательные для всякого верующего смирение и трезвение и приводит людей различных религий и исповеданий — к взаимному непониманию, к вражде и даже презрению» [1, с. 297–29.]

Как пишет сам Ильин, «в этом исследовании я *не* пытаюсь раскрыть религиозный акт Православия во всём его богатстве и своеобразии: я ограничиваюсь формулированием аксиом религиозной веры, наиболее совершенно осуществляемых именно в Православной вере. Я не ставил себе задачей дать догматическую апологию, изложить учение о каждом таинстве в отдельности, проследить “Лето Господне” в двенадцятих празднествах, описать молитвенное богатство Православной Церкви, обосновать почитание Богоматери и святых, показать своеобразие обряда, богатство храмового зодчества, сокровища иконописи, зовы и ликование звонов, мудрость канонов и творческую силу старчества. Все это действительно входит в акт православной религиозности. Но я не мог объять все это дивное обилие. Для этого мне нужна была бы ещё одна жизнь, а не только та, которая ныне клонится к закату. Я исследовал только аксиоматические основы религиозного акта; а все указанное сделают другие, чтобы показать неосведомлённым иноземцам и иноверцам подлинный лик восточного Православия. И ни по одному вопросу, затронутому в моем исследовании, у меня нет чувства, что я высказал все то, что я испытываю и созерцаю в Предмете. Напротив, у меня всегда оставалось и остается чувство, что я только начал, что глубина и сложность Предмета неисчерпаемы и что они требуют и от меня, и от других еще великих очистительных и познавательных усилий» [1, с. 299–300].

Двухтомник «Аксиомы религиозного опыта» с пространными комментариями автора стал последним изданным при жизни Ивана Александровича Ильина трудом. Обширность и глубина исследования — достойный завершающий «камень» в строительстве жизни и творчества философа.

Список литературы

1. *Ильин И. А.* Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Том II. [Т. 18. Кн. II]. М., 2002.
2. *Ильин И. А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы. 1903–1938. [Т. 11]. М., 1999.
3. *Ильин И. А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов. 1927–1934. [Т. 13. Кн. I]. М., 2000.
4. *Ильин И. А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов. 1935–1946. [Т. 13. Кн. II]. М., 2000.
5. *Ильин И. А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов. 1947–1950. [Т. 13. Кн. III]. М., 2000.
6. *Ильин И. А.* Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). [Т. 12]. М., 1999.

Сведения об авторах

Абрикосов Дмитрий Петрович, публицист, представитель династии Абрикосовых.

Александрова Наталия Владимировна, внучка Екатерины Сергеевны Давыдовой, урожденной Лопухиной.

Алявдин Виссарион Игоревич, председатель Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г., Общества потомков участников Первой мировой войны, президент Национального фонда «Возрождение русской усадьбы».

Андреева-Пригорина Екатерина Николаевна, Ассоциация искусствоведов России.

Баклашова (Малютина) Элина Эдуардовна, автор фильмов о российском и московском замоскворецком купечестве.

Бибиков Валерий Владимирович, генеалог, президент и председатель Правления Союза возрождения родословных традиций.

Зайцев Геннадий Арнольдович, член Союза возрождения родословных традиций, краевед.

Вейде-Вялова Елена Борисовна, член Русского генеалогического общества (Санкт-Петербург), Историко-Родословного общества в Москве, член Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г. и Общества потомков участников Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Доможирова Елена Леонидовна, представитель рода Доможировых, член Историко-родословного общества в Москве.

Евдокимов Александр Юрьевич, доктор технических наук, кандидат культурологии, профессор, потомок старинного дворянского рода Жуковых Черниговской губернии.

Ждан Дмитрий Борисович, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Ковровская государственная технологическая академия имени В. А. Дегтярева».

Зыбин Василий Вячеславович, потомок династии суконных фабрикантов Каштановых, общественный деятель.

Коноплев Владимир Андреевич, ведущий архивист Государственного архива Вологодской области.

Коншин Александр Дмитриевич, потомок серпуховских текстильных промышленников Коншиных.

- Макаров Андрей Игоревич**, ведущий редактор, издательство «Пашков дом» Российской государственной библиотеки.
- Никитина Ольга Александровна**, кандидат филологических наук, журналист, педагог дополнительного образования муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования Дом детского творчества, член совета Кашинско-Калязинского землячества, член Совета Общества изучения Кашинского края.
- Овчинников Алексей Адрианович**, праправнук выдающегося ювелира П. А. Овчинникова, профессор, доктор медицинских наук.
- Олферьев Алексей Михайлович**, заместитель председателя Общества потомков участников Отечественной войны 1812 г., Общества потомков участников Первой мировой войны 1914–1918 гг., представитель старинного дворянского рода Олферьевых.
- Пластова Татьяна Юрьевна**, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук МГАХИ имени В. И. Сурикова.
- Ревякин Владимир Никитович**, зав. научно-исследовательским отделом Александровского художественно-краеведческого музея Владимирской области.
- Романова Дарья Яковлевна**, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, автор и куратор проекта «Живое наследие памяти».
- Хламов Сергей Юрьевич**, историк, краевед, писатель.
- Чавчавадзе Зураб Михайлович**, представитель древнего княжеского рода Чавчавадзе, попечитель гимназии святителя Василия Великого, общественный деятель.
- Шарипов Александр Михайлович**, кандидат исторических наук, член Союза писателей России.

Научное издание

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ ПАМЯТИ

Коллективная монография

Том 2

Дизайн обложки *М. Ю. Маяков*

Корректурa *Т. В. Соболева*

Компьютерная верстка *М. Е. Заболотникова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru